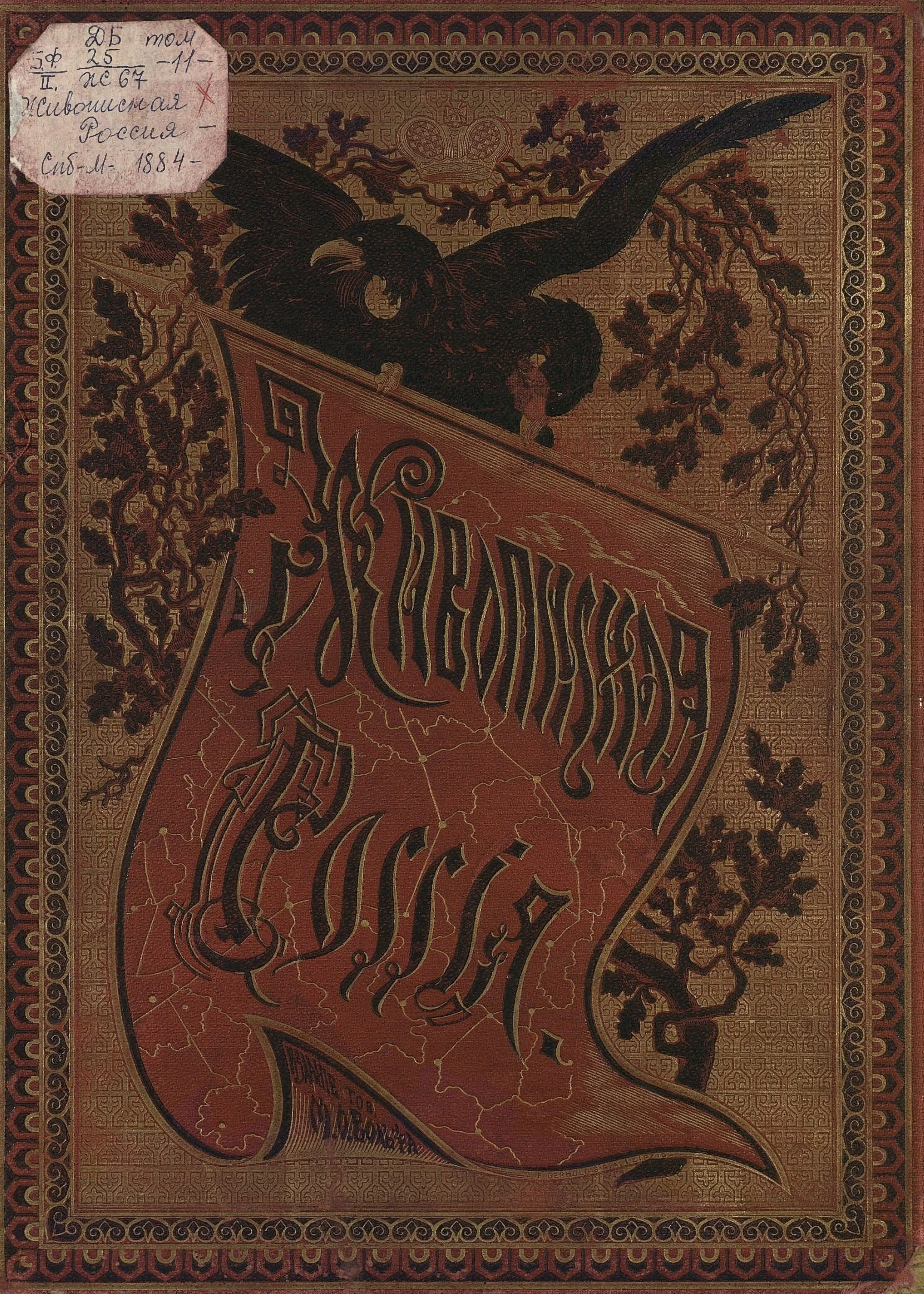

Живописная
Россія.
Изданіе тов. М. О. Вольфа

Библ.
московск.
педагогич.
собранія.
кл:
инв: 4213
шк:
полка: 11
место: 24
№ 3952

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.

ТОМЪ XI.

ЖИВОПИСНАЯ
РОССІЯ
ВАРШАВСКАЯ ПОЛИТИПАЖНАЯ
A. MALINOWSKI

ЖИВОПИСНАЯ РОССІЯ.

ОТЕЧЕСТВО НАШЕ

ВЪ ЕГО

ЗЕМЕЛЬНОМЪ, ИСТОРИЧЕСКОМЪ, ПЛЕМЕННОМЪ, ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ И БЫТОВОМЪ ЗНАЧЕНІИ,

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ

П. П. СЕМЕНОВА,

ВИЦЕ-ПРЕДСѢДАТЕЛЯ ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

ТОМЪ ОДИННАДЦАТЫЙ.

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.

Съ 212 рисунками въ текстѣ и 13 отдѣльными картинами, рѣзанными на деревѣ.

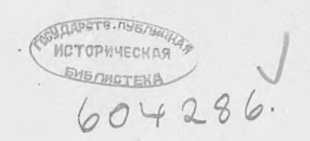
ИЗДАНІЕ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, *Гостиный дворъ, №№ 17 и 18.*

МОСКВА, *Петровка, д. Михалкова, № 5.*

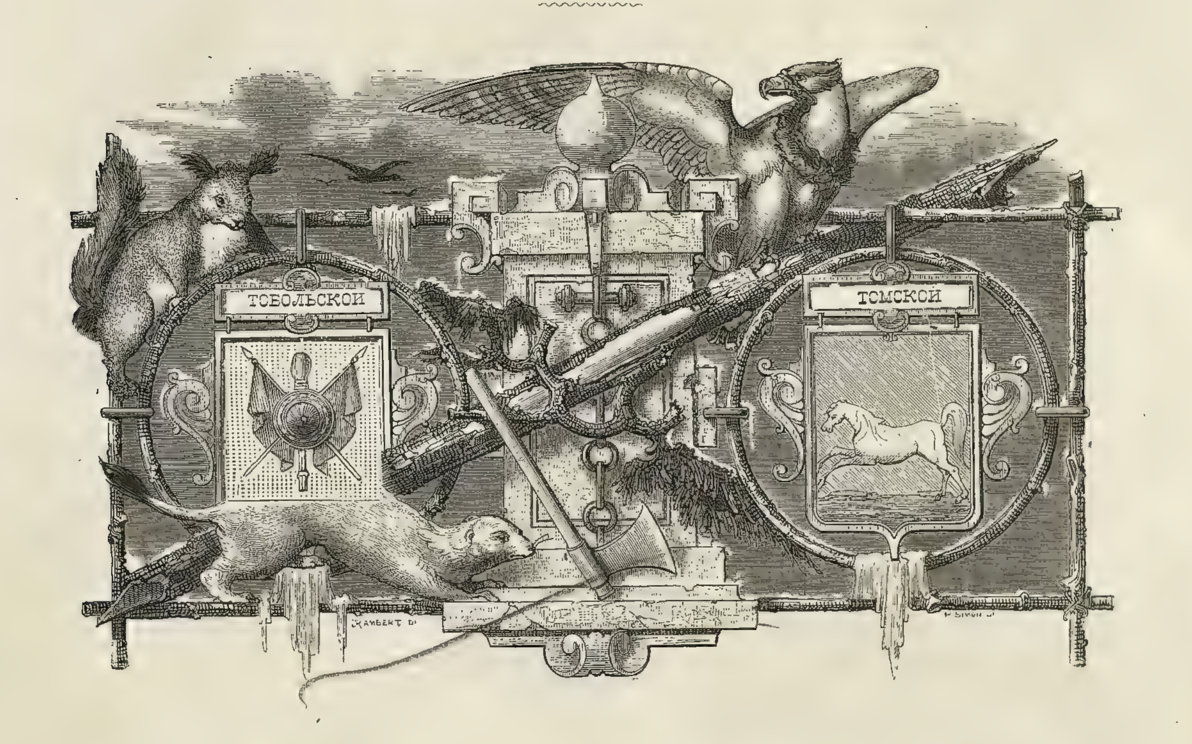
1884.

Дозволено цензурою. Спб., 5 іюля 1883 г.

Печать типографіи Товарищества М. О. Вольфъ, въ Спб., Вас. Остр., 16 л., д. № 5.
Шрифты Словолитни его же.

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.

ГУБЕРНІИ: ТОБОЛЬСКАЯ, ТОМСКАЯ, И ОБЛАСТЬ СЕМИПАЛАТИНСКАЯ.

ОЧЕРКЪ I.

ДРЕВНІЕ АБОРИГЕНЫ СИБИРИ.

Древніе обитатели Сибири.— Свидѣтельство Китайцевъ о давнихъ обитателяхъ Сибири.— Раскопка могилъ.— Могилы бронзоваго и древняго желѣзнаго періодовъ.— Свидѣтельство могилъ о культурѣ древнихъ обитателей Сибири.— Передвиженіе народовъ въ Сибири въ давнее время.

Дѣла давно минувшихъ дней,
Преданья старины глубокой!...

А. ПУШКИНЪ.

Вѣетъ надъ могилой,
Вѣетъ буйный вѣтеръ,
Катитъ черезъ ниву,
Мимо той могилы;
Сухую былинку —
Перекати-поле;
Будитъ буйный вѣтеръ,
Будитъ — не пробудитъ
Дикую пустыню —
Тихій сонъ могилы....

КОЛЬЦОВЪ.

Въ 1578 году Ермакъ, атаманъ донскихъ казаковъ, безпокоившихъ своими разбоями прибрежныхъ жителей Волги, избѣгая встрѣчи съ войскомъ, посланнымъ царемъ Иваномъ Васильевичемъ для водворенія спокойствія, направился со своею шайкою (отъ 6,000 до 7,000 человѣкъ) въ «Пермію». Появленіе такого буйнаго народа сильно встревожило Максима Строганова, богатаго землевладѣльца и промышленника на Камѣ и Чусовой. Онъ всячески старался сбыть опасныхъ гостей, принятыхъ имъ изъ боязни очень ласково, какъ можно скорѣе. Онъ обратилъ вниманіе Ермака на далекій востокъ, гдѣ недавно образовалось татарское царство — Сибирь, которое, вслѣдствіе своихъ постоянныхъ нападеній на Пермскій край, было также очень непріятнымъ сосѣдствомъ для него. Ермакъ, съ одной стороны прельщенный богатствомъ описанной ему страны, съ другой — довольный тѣмъ, что нашелъ подходящее занятіе своимъ буйнымъ полчищамъ, порѣшилъ предпринять походъ за Уралъ, и, въ 1579 году, во главѣ 5000 человѣкъ войска, состоявшаго исключительно изъ казаковъ, двинулся на востокъ. Недостатокъ въ провіантѣ и другія неблагопріятныя обстоятельства заставили его перезимовать въ Перміи, такъ что онъ могъ отправиться только въ слѣдующемъ году съ 1,636-ю казаками, что не составляетъ и половины его прежняго войска. Спустившись по Тагилю и Турѣ, онъ достигъ, наконецъ, въ 1581 году, Тобола, хотя ему постоянно преграждали путь непріятельскіе отряды. Не смотря на опасности, мѣшавшія его движенію впередъ, и постоянную убыль войска, онъ все-таки подвигался впередъ. Наконецъ, послѣ рѣшительной битвы, въ которой онъ, съ отрядомъ

казаковъ въ 500 человѣкъ, обратилъ въ бѣгство войско Кучумъ-хана, осадилъ крѣпость Искеръ, столицу ханства, находившуюся недалеко отъ нынѣшняго Тобольска, на правомъ берегу Иртыша. Нельзя не гордиться именемъ героя, который, съ столь незначительными силами, совершилъ такое великое дѣло. Безъ надежды на чужую помощь, Ермакъ отправился со своею отчаянною шайкою для завоеванія сравнительно могущественнаго царства—Сибири. Никакая неудача не могла заставить его пасть духомъ; храбро вступалъ онъ съ врагомъ въ битву за битвой, пока не побѣдилъ его окончательно.

Сдѣлавшись изъ атамана разбойничьей шайки повелителемъ огромной территоріи, Ермакъ съумѣлъ привязать къ себѣ своихъ подданныхъ и удержать буйныхъ казаковъ отъ всякихъ насилій. Достигнувъ высокой степени могущества, онъ продолжалъ считать себя подданнымъ московскаго царя, — и отдалъ завоеванную имъ страну Россіи, прося для себя лишь прощенія прежнихъ преступленій.

Крѣпость Ермака.

Завоеванія Ермака хотя и не имѣли сначала большаго значенія, сдѣлались впослѣдствіи причиною движенія Русскихъ на востокъ. Они обратили вниманіе русскихъ государей на далекій востокъ и повлекли за собою цѣлый рядъ новыхъ завоеваній, которыя продолжаются до новѣйшаго времени. Ни геройская смерть Ермака (1584 г.), ни неблагопріятныя обстоятельства, послѣдовавшія тотчасъ за его смертью, не могли удержать постепеннаго движенія Россіи въ Азію. Отряды казаковъ далѣе и далѣе подвигались на востокъ и, достигнувъ, въ 1652 году, береговъ Великаго океана, подчинили, впродолженіи 70 лѣтъ, русскому царю обширную сѣверную низменность Азіи. Казаки перенесли на сѣверъ Азіи европейскую культуру и, въ то же время, открыли Европѣ новую, дотолѣ неизвѣстную, богатую страну, которую населяли самые разнообразные народы, не тронутые свѣтомъ европейской культуры.

Остановимся, прежде всего, на географическомъ распредѣленіи народовъ этой страны въ началѣ XVI столѣтія.

Ермакъ, перешедши черезъ Уралъ, наткнулся, какъ сказано, на большое татарское царство — Сибирь. Территорія этой страны была довольно обширна. Она простиралась къ сѣверу по Иртышу, далеко за устье Тобола, и ей были подчинены сѣверныя племена Остяковъ; на западъ она простиралась почти до Урала по Тоболу и его притокамъ; южная часть ея доходила до Ишима, а восточная до Оми и почти до лѣваго берега Оби. Жителями царства Сибири были большею частію тюркскія племена, еще не принявшія ислама: по Иртышу обитали, главнымъ образомъ, Туралы, Аялы, Курдаки, на востокѣ — довольно многочисленное племя Барабинцевъ. Царство Сибирь (такъ называли его сами Татары) было основано, за нѣсколько десятковъ лѣтъ до появленія тамъ Ермака (по свидѣтельству Абулгази, около 1557 года), вторгнувшимся съ юга Кучумъ-ханомъ, который, по всей вѣроятности, двигался съ Казакъ-Киргизами на сѣверъ, находясь въ нѣкоторой зависимости отъ бухарскаго эмира. Достовѣрно извѣстно лишь слѣдующее. Кучумъ-ханъ, сынъ Муртазы, управлялъ Сибирью уже въ 1572 году, такъ какъ въ этомъ году онъ отправилъ пословъ къ Абдулла-Багадуръ-Хану, эмиру

бухарскому, и просилъ его послать ему учителей для распространенія ислама. Абдулла послалъ ему Ярымъ-Сейда и Шербети-Шейха изъ Ургенча, которые были торжественно встрѣчены Кучумъ-ханомъ на лѣвомъ берегу Иртыша и отвезены въ столицу Искеръ. Ярымъ-Сейдъ и Шербети-Шейхъ пробыли въ Искерѣ 2 года; послѣдній возвратился въ 1573 году, послѣ смерти Ярымъ-Сейда, въ Ургенчъ. Въ 1574 году Кучумъ-ханъ просилъ вторично учителей изъ Бухары. По его желанію, Абдулла-ханъ послалъ Динъ-Али-Ходжу, племянника Ярымъ-Сейда, и Шербети-Шейха въ Искеръ; они отправились въ сопровожденіи старшаго брата Кучумъ-хана, Ахмеда-Гирея, котораго Абдулла-ханъ, по ихъ желанію, послалъ какъ защитника, ибо путь туда, какъ они говорили, былъ опасенъ. Когда они пришли въ Искеръ, Ахмедъ-Гирей завладѣлъ правленіемъ Сибири (причина этого не извѣстна), но былъ въ 1578 году убитъ своимъ тестемъ, государемъ Казакъ-Киргизовъ, Шигай-ханомъ, послѣ чего Кучумъ-ханъ вторично завладѣлъ правленіемъ. Какъ слабо было стремленіе къ политическому единству у этихъ татарскихъ племенъ, доказываетъ быстрое распаденіе царства Сибири, которое уже въ 1598 году было совершенно подчинено Россіи.

Знамя Ермака.

Покоривъ Барабинцевъ, Русскіе встрѣтили новыя тюркскія племена, которыя находились въ зависимости отъ расположеннаго къ югу Калмыцкаго государства Алтынъ-хана. Исторія этой страны насъ не касается, такъ какъ большинство ея подданныхъ жило внѣ Сибири, т. е. по верховьямъ Иртыша, на Тарбагатаѣ, около источниковъ Енисея и въ западно-монгольской степи. Главное мѣстопребываніе Алтынъ-хана, государя-кочевника, было у рѣки Кемчика. Слабая связь, существовавшая между собственно Калмыками и ихъ подданными тюркскаго племени, доказываетъ, что это государство не задолго покорило себѣ земли между верховьями Иртыша и Енисеемъ. Эти тюркскія племена слѣдующія: Телеуты, Уранхайцы, Телессы, Тубинцы, Белтиры, Сагайцы, собственно Киргизы (Буруты) и Саянцы.

Это единственныя значительныя государства, которыя Русскіе нашли въ Сибири, всѣ же остальные народы, какъ-то: Самоѣды, Остяки, Тунгузы, Буряты и Монголы, состояли изъ отдѣльныхъ мелкихъ племенъ, которыя не находились ни въ какой политической связи. Значитъ, о самостоятельной культурѣ всѣхъ этихъ туземцевъ Сибири въ началѣ XVII столѣтія и говорить нечего, такъ какъ всѣ эти народы находились на очень низкой степени развитія и вели жалкую кочевую жизнь, занимаясь охотой и ловлей рыбы. Если мы теперь разсмотримъ геогра-

фическое распредѣленіе всѣхъ названныхъ народовъ, то получится такая картина. На южномъ краѣ большаго Алтайскаго горнаго хребта — цѣлый рядъ народовъ монгольскаго племени. По верховьямъ Иртыша, на Тарбагатаѣ и къ югу отъ источниковъ Енисея, жили западные Монголы (Калмыки). За ними слѣдовали къ востоку восточные Монголы, которые, главнымъ образомъ, находились въ Монгольской степи; нѣкоторыя же племена ихъ, какъ, напримѣръ, Буряты, подвинулись сѣвернѣе Байкала, до верховьевъ Лены. Параллельно съ этимъ рядомъ монгольскихъ народовъ тянулся рядъ тюркскихъ племенъ отъ Иртыша до устья рѣки Лены. По среднему теченію Иртыша жили Аялы, Туралы и Курдаки; дальше на востокъ, въ Барабинской степи, до Оби — Барабинцы, между Обью и Томью, къ сѣверу отъ собственно Алтая — Телеуты; на Алтаѣ — Уранхайцы и Телессы. По верховьямъ Енисея жили Сагайцы, Белтиры, Киргизы и Саянцы; дальше на востокъ, по Бирузѣ — Карагассы, и по теченію Лены — очень близкій Тюркамъ народъ — Якуты. Послѣдніе примыкали непосредственно къ Карагассамъ, но отдѣлялись отъ нихъ рядомъ тунгузскихъ племенъ. Между Томью и Енисеемъ, къ сѣверу отъ названныхъ тюркскихъ племенъ, жили народы, которые по языку отличались отъ всѣхъ извѣстныхъ намъ народовъ Азіи. Клапротъ называетъ ихъ Енисейцами. Это такъ называемые Енисейскіе Остяки — на лѣвомъ берегу средняго теченія Енисея, и Котты и Ассаны — на правомъ берегу Енисея, къ югу отъ устья Тунгузки, и Арины, между Томью и Енисеемъ. Крайній сѣверъ Западной Сибири занимали самоѣдскія племена, которыя населяли, начиная отъ Бѣлаго моря до восточной части устья Енисея и къ югу до устья Томи, тундры и лѣса сѣвера.

Монголы, Самоѣды, Енисейцы и Тунгузы стояли, во время русскихъ завоеваній, на такой степени развитія, что мы не получили отъ нихъ никакихъ преданій о доисторическомъ времени. Но все-таки огромное разнообразіе въ населеніи Сибири заставляетъ предполагать, что Сибирь была мѣстомъ продолжительной дѣятельности различныхъ народовъ. Кромѣ того, найденные въ разныхъ мѣстахъ Сибири остатки древности доказываютъ, что племена, теперь кочующія и занимающіяся охотою и рыбною ловлею, получая нужныя имъ металлы и ткани отъ сосѣдей, имѣли нѣкогда самостоятельную культуру, но, съ теченіемъ времени, утратили познанія въ этомъ отношеніи. Сѣверъ Сибири покрытъ тундрами и лѣсами, которые изъ-за свойственнаго имъ климата не могли никогда быть мѣстомъ жительства народа вообще, а тѣмъ менѣе народа, имѣющаго собственную культуру. На западѣ же, между Ураломъ и Алтаемъ, простираются обширнѣйшія степи, которыя также могли быть мѣстомъ жительства только суровыхъ кочевниковъ; культура же въ этихъ мѣстахъ не могла развиться ни у одного изъ названныхъ народовъ.

Остается еще сѣверная часть обширной горной цѣпи, простирающейся отъ верховьевъ Иртыша до Амура. Отъ этой горной цѣпи идетъ къ сѣверу нѣсколько отроговъ, покрытыхъ лѣсами и болотами, и потому она также могла служить удобнымъ мѣстомъ для плотнаго заселенія. На большомъ протяженіи громаднаго Алтайскаго хребта было только четыре района, представлявшіе удобныя условія для жизни сколько-нибудь развитаго народа, какъ-то: 1) сѣверо-западный край собственно Алтая, отъ Бухтармы до Томи; 2) долины и степи верховьевъ Енисея, Абакана и Чулыма, у Бѣлаго и Чернаго Юса; 3) бассейнъ Байкала, и 4) бассейнъ Амура. Два послѣдніе бассейна находятся большею своею частью къ югу отъ Алтайскаго хребта; поэтому мы обратимъ исключительное вниманіе на первые два района, имѣющіе въ изобиліи все необходимое для жизни культурнаго народа. Большія долины окружены горными цѣпями, смягчающими суровый ихъ климатъ. Долины большею частью плодородны и чрезвычайно удобны для земледѣлія и скотоводства. Протекающія по нимъ рѣки изобилуютъ рыбою, а окружающія ихъ горы богаты всякими металлами, въ томъ числѣ — золотомъ и серебромъ; кромѣ того, онѣ покрыты лѣсами, въ которыхъ находится очень много всякаго рода пушнаго звѣря и дичи и имѣются въ излишествѣ удобнѣйшія пастбища. Одного лишь недоставало жителямъ этой мѣстности, — что̀ составляетъ главное условіе прочной культуры, — удобныхъ

способовъ сообщенія съ другими, болѣе или менѣе образованными, народами. Горы и пустыни отдѣляютъ эту часть Сибири отъ юга; безконечныя степи простираются между ней и Европой; а рѣки Обь и Енисей ведутъ черезъ неплодородныя, необитаемыя тундры въ мало доступный для судоходства Ледовитый океанъ. Этимъ обстоятельствомъ объясняется, главнымъ образомъ, ранняя гибель начавшагося самостоятельнаго развитія ея жителей.

По свидѣтельству исторіи, на восточно-азіатскомъ плоскогорьѣ, какъ и въ Европѣ, было постоянное движеніе народовъ отъ востока къ западу. При вторженіи новыхъ народовъ, туземцы вытѣснялись изъ плодородныхъ мѣстностей. То же явленіе повторилось и въ Сибири. Географическое и этнографическое распредѣленіе сибирскихъ племенъ показываетъ намъ весьма ясно, какъ народы, одинъ за другимъ, вытѣснялись съ юга на сѣверъ вторгнувшимися племенами, пока, наконецъ, достигнувъ необитаемыхъ тундръ сѣвера, не погибали самымъ жалкимъ образомъ, не будучи въ состояніи перенести суроваго климата.

Китайскіе историки сообщаютъ о подобныхъ народныхъ движеніяхъ, направлявшихся отъ восточно-азіатскаго плоскогорья по южному склону Алтайскаго хребта, т. е. отъ востока къ западу. Первымъ изъ нихъ было движеніе ордъ Хунну, сдѣлавшихся въ III вѣкѣ до Рождества Христова могущественными. За ними слѣдуетъ, въ IV вѣкѣ послѣ Рождества Христова, народъ Жунжанъ, затѣмъ Тукю, Хойхоі и, наконецъ, Хагасъ, — всѣ безъ сомнѣнія тюркскаго происхожденія. Такъ какъ эти народы, по указаніямъ китайскихъ источниковъ, частью направились въ Сибирь, то я и остановлюсь нѣсколько на тѣхъ источникахъ, которые могутъ разъяснить до нѣкоторой степени прежнее положеніе жителей Сибири. Въ сѣверной исторіи (Бэй-Шы) говорится, что въ 492 году Уйгурскій царь Афуджило покинулъ съ 100,000 своего народа Селенгу, направился на западъ и основалъ на верховьяхъ Иртыша новое самостоятельное государство. Далѣе та же исторія сообщаетъ, что Или-Ханъ-Тумынъ, царь восточныхъ Тукю, напалъ съ сѣвера (т. е. собственно Алтая) на передвигавшихся къ Иртышу Телессовъ (Уйгуровъ) и подчинилъ себѣ Аймакъ, состоявшій изъ 50,000 кибитокъ. Подъ вліяніемъ этого успѣха, онъ послалъ къ Анахуану, главѣ народа Жунжанъ, предложеніе брачнаго союза съ его домомъ. Анахуанъ, разгнѣванный такою дерзостью, отвѣчалъ: «Какъ осмѣливаешься ты, мой *плавильщикъ* (т. е. занимающійся обработкой металловъ), дѣлать мнѣ такое дерзкое предложеніе?» Тумынъ велѣлъ убить посла, передавшаго такой отвѣтъ. Впослѣдствіи онъ породнился, посредствомъ брачнаго союза, съ китайской династіей Вей, а въ 552 году послалъ войско противъ Жунжанъ и одержалъ надъ ними полную побѣду.

Въ исторіи династіи Тханъ говорится о продолжительныхъ войнахъ народа Хагасъ (собственно Киргизовъ) съ Уйгурами. Изъ этой исторіи извѣстно, что государство Хагасъ было чрезвычайно могущественно и имѣло до 80,000 строеваго войска, что оно простиралось отъ верховьевъ Иртыша до верховьевъ Енисея и занимало собственно Алтай. Ихъ повелитель назывался Ажо; чиновники раздѣлялись на 6 разрядовъ: министры (7), главноначальствующіе (3), управители (10), дѣлоправители (15), предводители и дагани. Ажо жилъ у Черныхъ горъ. Домъ Ажо состоялъ изъ палатки, обтянутой войлоками, и назывался Мидичжы; чиновники жили въ маленькихъ палаткахъ. Ажо зимою носилъ соболью шапку, а лѣтомъ — шляпу съ золотымъ ободочкомъ, съ коническимъ верхомъ и загнутымъ низомъ, прочіе же носили бѣлыя валяныя шляпы. Всѣ очень любили привязывать къ поясу точило. Бѣдные люди носили овчинное платье и ходили безъ шляпъ, а богатые носили собольи и рысьи шубы. Платья женщинъ шились изъ шерстяныхъ и шелковыхъ тканей, которыя получались изъ Китая. Хагасы занимались земледѣліемъ и скотоводствомъ, сѣяли просо, ячмень, пшеницу и гималайскій ячмень. Муку они мололи ручными мельницами. Хлѣбъ сѣяли въ 3-мъ и убирали хлѣба въ 9-мъ мѣсяцѣ. Вино они квасили изъ каши. Ихъ лошади были плотны и рослы; дикія лошади очень цѣнились. Они держали также верблюдовъ, коровъ и овецъ. Богатые люди владѣли стадами въ нѣсколько тысячъ головъ. Главную пищу Хагасовъ составляло мясо и кобылье молоко. Изъ музы-

кальныхъ инструментовъ они имѣли: флейту, бубенъ и еще два неизвѣстные инструмента. Они очень любили смотрѣть на представленія съ обучеными львами и верблюдами, а также на волтижированіе на лошадяхъ и балансированіе на веревкѣ. Жертву духамъ Хагасы приносили на полѣ, для жертвоприношеній не было назначено опредѣленнаго времени. Своихъ шамановъ они называли «ганъ». При бракахъ калымъ платился лошадьми и овцами. Богатые давали по 100 и по 1000 головъ. При похоронахъ Хагасы обвертывали тѣло покойника въ три ряда и плакали, потомъ — сожигали его тѣло; собранную же золу и кости, спустя годъ, погребали. Послѣ этого, они, въ извѣстныя времена, производили плачъ (т. е. совершали поминки). Зимою они жили въ избахъ, покрытыхъ древесною корою. Хагасы были рослы, съ рыжими волосами, румянымъ лицомъ и голубыми глазами. Мужчинъ было менѣе, нежели женщинъ. Мужчины носили кольца въ ушахъ, были горды и стойки и татуировали себѣ руки; женщины же, по выходѣ замужъ, татуировали себѣ шею. Оба пола жили нераздѣльно, почему у нихъ и было много распутства. Хагасы тотъ же самый народъ, который позднѣйшіе китайскіе писатели называютъ Киликиси (Киргизы). У нихъ нѣкоторыя слова, какъ, напримѣръ, названіе мѣсяцевъ (ай), шамановъ (камъ) и министровъ (бей), безъ сомнѣнія, доказываютъ, что они принадлежали къ тюркскому племени.

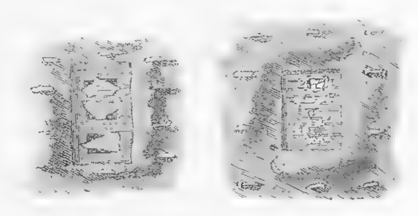

Могилы.

Надо полагать, что русскіе завоеватели, еще въ XVII вѣкѣ, встрѣтили много Киргизовъ въ долинѣ Енисея и Телессовъ на восточномъ краѣ Алтая; что всѣ племена южной Сибири, говорящія тюркскимъ языкомъ, частью потомки этихъ Тюрковъ, переселившихся въ первые вѣка нашего лѣтосчисленія на Алтай, частью иноземцы, отатарившіеся посредствомъ вліянія тюркскихъ народовъ. Что тюркскія племена въ Сибири не сохранились въ первоначальной чистотѣ своихъ племенныхъ признаковъ, доказываютъ намъ указанія китайскихъ историковъ, которые говорятъ, что Хагасы имѣли рыжіе волосы и голубые глаза, а изъ этого должно заключить, что Тюрки наружностью рѣзко отличались отъ сосѣдей монгольскаго происхожденія. Казакъ-Киргизы, собственно Киргизы и Алтайскіе Тюрки имѣютъ вполнѣ монгольскій типъ; Барабинцы и Иртышскіе Тюрки похожи на Самоѣдовъ и Остяковъ, тогда какъ между Татарами восточной Россіи встрѣчается много блондиновъ. Владычество тюркскихъ племенъ въ Сибири, которое, по всей вѣроятности, особенно процвѣтало отъ начала IV и до VIII столѣтія, постепенно ослабѣвало, вслѣдствіе внутренней борьбы, какъ это можно заключить по свидѣтельствамъ Китайцевъ, и было, наконецъ, низвергнуто вторгнувшимися съ востока народами монгольскаго происхожденія, стремившимися, въ XIII вѣкѣ, подъ предводительствомъ Чингизъ-хана, на западъ. Русскіе переселенцы, въ XVII вѣкѣ, застали еще цѣлый рядъ разсѣянныхъ тюркскихъ племенъ Алтая у источниковъ Енисея, подъ господствомъ Калмыковъ и ихъ государя.

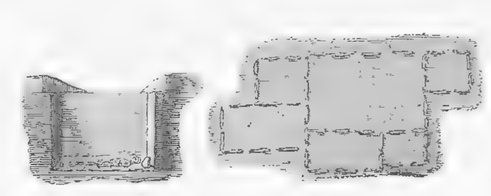
Итакъ, историческія данныя Китайцевъ свидѣтельствуютъ намъ, въ какое именно время тюркскія и монгольскія волны попали въ сѣверную Азію. Вслѣдствіе географическаго расположенія туземцевъ на сѣверѣ Сибири мы должны предположить, что до этого времени двѣ названныя народныя волны такимъ же образомъ вторгнулись съ юга на Алтай. Это — племена Енисейцевъ и Угро-Самоѣдовъ. Такъ какъ послѣдніе принадлежатъ по языку къ семейству Урало-Алтайскихъ народовъ, то Угро-Самоѣды въ прежнія времена жили, безъ сомнѣнія, близко отъ Тюрко-Монголовъ, и не безъ основанія можно полагать, что они принадлежали къ тому племени, которое до тюркскихъ племенъ удалилось съ древняго мѣстожительства Урало-Алтайцевъ. Изъ этого слѣдуетъ, что Енисейцы, совершенно отличающіеся по языку отъ Урало-Алтайскихъ племенъ, собственно самые древніе жители Сибири. Это доказываетъ и малочисленность Енисейцевъ, которые скоро совершенно исчезнутъ. Русскіе завоеватели за-

стали ихъ еще на довольно большомъ пространствѣ въ горахъ, покрытыхъ лѣсами. Теперь Арины и Ассаны совершенно исчезли и только оставили слѣды своего прежняго существованія въ названіяхъ притоковъ Томи и Чулыма. Коттовъ я встрѣтилъ только троихъ у Канска, а Енисейцевъ и Остяковъ существуетъ теперь не болѣе 1000 человѣкъ по Сыму и Курейкѣ. Какой степени культуры достигли эти древнѣйшіе жители Сибири, нельзя рѣшить, такъ какъ они нигдѣ не оставили ея слѣдовъ. За Енисейцами, можетъ быть, во времена народа Хунну, т. е. до начала нашего лѣтосчисленія, послѣдовали племена Угро-Самоѣдскія. Что Самоѣды дѣйствительно перешли черезъ Алтайскій хребетъ, доказываютъ намъ Камассинцы, живущіе на правомъ берегу Енисея, Койбалы, которые только въ началѣ прошлаго столѣтія переселились съ Саянскихъ горъ въ покинутую Киргизами Абаканскую степь, и, наконецъ, нѣкоторыя племена Саянцевъ, которыя всѣ, безъ сомнѣнія, самоѣдскаго происхожденія. Навѣрно эти самоѣдскія племена были вытѣснены во время движенія Тюрковъ въ Тайгу, гдѣ они и остались до сихъ поръ. Мы должны полагать, что Угро-Самоѣды, во время переселенія въ эти мѣстности, уже имѣли нѣкоторое образованіе, такъ какъ я нигдѣ въ предѣлахъ Алтая не нашелъ ясныхъ слѣдовъ періода, въ который жители не знали бы употребленія металловъ; но южная Сибирь представляетъ изобиліе древностей, которыя, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ бронзовому періоду.

Могилы.

Словомъ, я не безъ основанія полагаю, что именно Угро-Самоѣды оставили намъ всѣ найденныя въ Сибири древности, относящіяся къ бронзовому періоду. Я попытаюсь по этимъ древностямъ сдѣлать выводы о степени культуры этого народа. По берегамъ Енисея, въ Минусинскомъ округѣ, въ степяхъ Абаканской и Юсской, на собственно Алтаѣ, по рѣкамъ Башкаусу, Урусулу, Катуньѣ, Чуѣ, въ Уймонской степи, по Бухтармѣ, по верховьямъ Иртыша и въ сѣверномъ Тарбагатаѣ — мы встрѣчаемъ болѣе или менѣе обширныя кладбища, которыя, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ бронзовому періоду, т. е. тому времени, когда народъ еще не зналъ употребленія желѣза. Я предполагаю, что этотъ народъ — Угро-Самоѣды. Могилы этого народа расположены тѣсными группами на неплодоносныхъ, точнѣе — на береговыхъ степяхъ, лишенныхъ воды. Почти безпрерывными рядами онѣ сопровождаютъ берега вышеупомянутыхъ рѣкъ въ значительномъ количествѣ, заставляющемъ полагать, что народъ, которому принадлежали онѣ, былъ чрезвычайно многочисленъ и жилъ долгое время въ этихъ мѣстностяхъ. По своему наружному виду эти могилы различны; это происходитъ, вѣроятно, отъ того, что погребенные въ нихъ принадлежали къ различнымъ классамъ, и самая форма могилъ, въ теченіе многихъ столѣтій, измѣнилась.

Поверхность могилы и разрѣзъ ея.

Я встрѣтилъ могилы, имѣющія слѣдующія формы:

1) квадратныя могилы, окаймленныя каменными плитами. Длина стороны квадрата равняется большею частью 4 саженямъ, а высота плитъ $1^1/_2$ сажени. Эти квадратныя могилы совершенно плоски и не имѣютъ ни малѣйшаго бугра. Очень много ихъ находится при устьѣ рѣки Аскыса.

2) Высокіе курганы, вышиною отъ 1 до $1^1/_2$ сажени и въ діаметрѣ отъ 10 до 25 саженъ. На курганѣ обозначенъ прямоугольникъ стоячими плитами. Эти плиты, достигающія въ вышину часто сажени, стоятъ всѣ по направленію отъ востока къ западу и прямоугольникъ находится своими короткими сторонами въ этомъ же направленіи. На длинныхъ сторонахъ прямоугольника

находятся отъ 12 до 18 большихъ камней, изъ которыхъ особенно велики стоящіе по угламъ. Эти курганы съ каменными плитами встрѣчаются болѣе всего въ Абаканской и Юсской степяхъ.

3) Могилы, ограниченныя прямоугольникомъ, состоящимъ изъ 10 камней. Эти 10 камней такъ расположены, что каждая изъ короткихъ сторонъ прямоугольника состоитъ изъ 3-хъ, а каждая изъ длинныхъ — изъ 4 камней; притомъ всѣ эти каменныя плиты поставлены по направленію сторонъ прямоугольника. Эти могилы частью совершенно плоски, частью же ихъ прямоугольники, составленные изъ камней, находятся на круглыхъ буграхъ вышиною отъ 1 до 2 аршинъ. Большая часть такихъ могилъ находится въ бассейнѣ Енисея.

4) Четыреугольныя, плоскія могилы, окруженныя только рядомъ лежащихъ въ землѣ камней. Онѣ расположены группами такъ, что отъ 10 до 20 ихъ составляютъ цѣлую клѣтку. Эти могилы встрѣчаются часто по Енисею, но поодиночкѣ — и на Алтаѣ, и на Тарбагатаѣ.

5) Круглыя, плоскія, а иногда нѣсколько выпуклыя могилы, отъ 2 до 12 саженъ въ діаметрѣ, ограниченныя кругомъ врытыхъ въ землю камней. Такихъ могилъ я встрѣтилъ только 3 у рѣки Абакана, между тѣмъ какъ онѣ на Алтаѣ и на Тарбагатаѣ составляютъ главную массу могилъ бронзоваго періода. Онѣ попадаются кромѣ того въ Джунгарской степи далеко на югъ. У нѣкоторыхъ могилъ третьяго рода находятся къ востоку отъ 2-хъ среднихъ камней одной длинной стороны еще 2 камня, которые такимъ образомъ образуютъ рядомъ съ большимъ прямоугольникомъ могилы небольшой квадратъ.

У нѣкоторыхъ большихъ могилъ 1-ой, 2-ой и 5-ой группъ расположены на различномъ разстояніи (отъ 10 до 50 шаговъ) къ востоку большіе, стоячіе камни. Раскопки около всѣхъ этихъ камней, сдѣланныя какъ мною, такъ и другими, не привели ни къ какому результату: вездѣ почва оказывалась не тронутою. Поэтому я полагаю, что эти камни, которые жители называютъ маяками, обозначаютъ мѣста жертвоприношеній. Многіе изъ кургановъ, которые часто встрѣчаются въ большомъ видѣ между среднимъ теченіемъ Оби и Ураломъ, и которые снаружи кажутся только круглыми буграми, принадлежатъ навѣрно къ бронзовому вѣку. Такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ нѣтъ камней, то они ничѣмъ не отличаются отъ могилъ послѣдующихъ вѣковъ. Большинство кургановъ, раскопанныхъ по Оми, принадлежитъ къ желѣзному вѣку, только въ одномъ я нашелъ мѣдный ножъ; но этотъ курганъ былъ раньше изрытъ, такъ что нельзя было сдѣлать никакихъ заключеній о его устройствѣ. Казалось бы, что при такомъ множествѣ могилъ, легко узнаваемыхъ вслѣдствіе поставленныхъ вокругъ нихъ камней, не трудно получить понятіе о внутреннемъ устройствѣ ихъ, но, къ сожалѣнію, это не такъ легко. Часто встрѣчающееся въ этихъ курганахъ золото привлекло жителей Сибири къ разрытію послѣднихъ. Какъ много жители Западной Сибири занимались въ началѣ прошлаго столѣтія розыскиваніемъ кладовъ, доказываетъ намъ дневникъ Мессершмидта. Онъ пишетъ въ немъ (отъ 25-го марта 1721-го года), между прочимъ, слѣдующее: «Довольно много заработываютъ себѣ жители (Ишимцы) тѣмъ, что дѣлаютъ раскопки въ пустынѣ; они отправляются, когда начинаетъ таять снѣгъ, на долгое время въ степи, собравшись изъ всѣхъ окрестныхъ деревень, числомъ отъ 200 до 300 человѣкъ, и раздѣляются въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ думаютъ найти что-либо, на отдѣльныя группы». Такимъ образомъ, теперь почти всѣ могилы изрыты и разрушены, такъ что рѣдко удается найти неповрежденную: въ 30 курганахъ, которые я раскапывалъ по Абакану, я нашелъ только одинъ нетронутый скелетъ.

Многочисленныя раскрытія уже раньше изрытыхъ могилъ все-таки дали мнѣ возможность представить себѣ довольно ясную картину внутренняго устройства этихъ могилъ. Ямы имѣютъ глубину до 3 аршинъ и, большею частью, находятся подъ срединою бугра или прямоугольника, составленнаго камнями. На могилахъ, окруженныхъ 10 камнями, средніе камни длинныхъ сторонъ обозначаютъ границы ширины могильной ямы. Но встрѣчаются также могилы со многими находящимися рядомъ ямами. Трупы лежатъ параллельно короткимъ сторонамъ

прямоугольника. Въ круглыхъ могилахъ также большею частью только одна яма, притомъ въ серединѣ ихъ. Трупы лежатъ также въ направленіи отъ востока къ западу. Дно могильныхъ ямъ или притоптано, или покрыто маленькими каменными плитками, на которыхъ лежитъ трупъ, обращенный головою на востокъ. У найденнаго мною около Юса скелета, голова лежала немного на боку, руки съ обращеннымъ вверхъ большимъ пальцемъ прилегали къ тѣлу. Къ сѣверу отъ головы, приблизительно на 4 вершка, находился глиняный сосудъ съ округленнымъ дномъ. Трупы, лежащіе на днѣ ямы, покрыты деревянными досками или каменными плитами. Въ нѣкоторыхъ могилахъ около Енисея и во всѣхъ на Тарбагатаѣ, которыя мнѣ приходилось разрывать, яма состояла изъ ящика, составленнаго изъ каменныхъ плитъ, глубиною въ аршинъ, дно котораго состояло изъ притоптанной земли. На этихъ ящикахъ было положено нѣсколько большихъ камней, сверхъ которыхъ находилась земляная насыпь. Въ большихъ курганахъ лежало нѣсколько положенныхъ рядомъ скелетовъ. Но не должно полагать, что эти общія могилы служили для убитыхъ въ сраженіи. Громадная яма кургана у рѣки Юса содержала кости 22 скелетовъ, между которыми находилось много дѣтскихъ череповъ; найденныя въ этомъ курганѣ металлическія вещи доказываютъ, что въ нихъ погребены только женщины. Во всѣхъ могилахъ, только-что мною описанныхъ, были только слѣды предметовъ, литыхъ изъ мѣди и бронзы, вѣроятно потому, что народамъ, которые оставили намъ эти могилы, желѣзо было совершенно незнакомо. Формы выкопанныхъ изъ кургановъ мѣдныхъ вещей дали намъ поводъ предполагать, что многія найденныя на пашняхъ и на берегахъ рѣкъ древности принадлежали также тѣмъ народамъ, которые оставили послѣ себя эти могилы, такъ что найденныя до сихъ поръ древности этого періода въ состояніи представить довольно ясную картину степени образованія народовъ бронзоваго вѣка. Эти мѣдные предметы состоятъ изъ всякаго рода орудій и принадлежностей обыденной жизни. Найдено слѣдующее оружіе: кинжалы, стрѣлы, острія копій; инструменты: ножи, серпы, долота, топоры, иглы, шилы и буравчики; приборы для лошадей: пряжки, стремена, удила; украшенія: сережки, пряжки, пуговицы, браслеты, зеркала, изображенія животныхъ; кромѣ того найдено очень много котловъ. Предметы украшенія, лежавшіе въ могилахъ богатыхъ и знатныхъ людей, сдѣланы изъ чистаго золота. Я самъ нашелъ дѣтскую сережку изъ золотой проволоки въ могилѣ бронзоваго періода. Въ Императорскомъ эрмитажѣ находятся нѣкоторыя золотыя украшенія, которыя, безъ сомнѣнія, принадлежатъ къ этому именно періоду Сибири. Витсенъ также даетъ рисунки золотыхъ украшеній этого времени.

Такъ какъ Алтай вообще отличается богатствомъ золота и мѣди, то мы можемъ, не безъ основанія, полагать, что Угро-Самоѣды производили всѣ эти предметы на мѣстѣ и притомъ изъ металловъ, найденныхъ ими самими; это подтверждается еще тѣмъ, что на всемъ Алтаѣ находится безчисленное множество чудскихъ копей, которыя большею частью остались послѣ Угро-Самоѣдовъ, ибо найденные въ такихъ копяхъ каменные молоты и клины доказываютъ, что рудокопы не знали еще желѣза. Разработывая копи, рудокопы этого народа слѣдовали за направленіемъ металлоносныхъ штоковъ, которые поднимаются изъ глубины къ поверхности земли. Всѣ штоки наверху шире чѣмъ внизу; недостатокъ въ инструментахъ заставлялъ работать большею частью на поверхности земли. Глубина штоковъ нигдѣ не превышаетъ 7 саженъ. Хотя Угро-Самоѣды и умѣли подкрѣплять свои копи (во многихъ изъ нихъ находились деревянныя крѣпи въ потолкахъ камеръ), но они все-таки, какъ кажется, не были опытны въ искусствѣ установленія крѣпей, такъ какъ нерѣдко ихъ штоки проваливались и работники погибали, что доказываютъ намъ встрѣчающіеся въ копяхъ скелеты и найденныя около нихъ сумки съ рудою. Громадное количество чудскихъ копей свидѣтельствуетъ о значительномъ распространеніи горнаго дѣла, такъ что Угро-Самоѣды добывали не только необходимые для своего употребленія металлы, но и вели ими обширную торговлю. Горные работники, повидимому, очень почитались у этого народа, такъ какъ найдена мѣдная статуйка

такого работника и многочисленныя кайлы, служившія вѣроятно украшеніемъ. Для расплавленія мѣдной и золотой руды Угро-Самоѣды имѣли въ разныхъ мѣстахъ Алтая и Саянскихъ горъ плавильныя печи. Слѣды такихъ печей приходилось встрѣчать очень много, особенно при устьѣ рѣки Шулбы, впадающей въ Иртышъ.

Удивительная твердость нѣкоторыхъ мѣдныхъ ножей и кинжаловъ доказываетъ хорошее знаніе составленія лигатуръ. Большинство литыхъ предметовъ шлифовалось. Только такимъ образомъ и можно объяснить довольно изящную работу нѣкоторыхъ инструментовъ. Литье большею частью гладко и чисто, что свидѣтельствуетъ о значительномъ искусствѣ. Между многими сотнями металлическихъ вещей, которыя были въ моихъ рукахъ, только двѣ были неправильно отлиты, такъ что оставшіеся послѣ литья недостатки были поправлены расплавленною красною мѣдью. Къ этимъ вещамъ принадлежитъ котелъ, вѣсомъ въ 75 фунтовъ. Если нѣкоторые предметы не такъ чисто отдѣланы, какъ другіе, то изъ этого еще не слѣдуетъ, что они принадлежатъ къ болѣе древнему періоду, такъ какъ я, въ одной и той же могилѣ, нашелъ ножъ очень грубой работы и другой — тонкой работы. Украшенія разныхъ предметовъ показываютъ часто много вкуса. Они или прямолинейны, или кругообразны, или же выведены изогнутыми линіями и представляютъ подражаніе формамъ различныхъ частей тѣла животныхъ. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя украшенія своею формою напоминаютъ змѣй, головы птицъ и другихъ животныхъ. Нерѣдко цѣлыя животныя, или же отдѣльныя части ихъ тѣла настолько типичны, что не составляетъ никакого труда узнать ихъ значеніе. Животныя постоянно изображены натурально, и мнѣ никогда не приходилось видѣть неестественныя, исковерканныя изображенія ихъ.

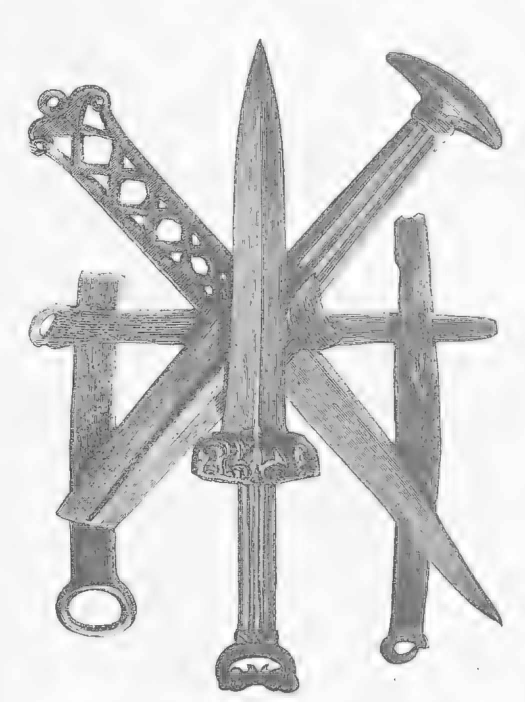

Идолы.

Разсмотримъ теперь различные металлическіе предметы въ отдѣльности. Самый богатый выборъ представляютъ намъ инструменты для рѣзанья и орудія различной формы, изъ которыхъ особенно въ большомъ количествѣ сохранились кинжалы и ножи. Наиболѣе типичныя формы ихъ читатель видитъ на рисункѣ. Нѣкоторые ножи, повидимому, употреблялись ремесленниками, при работахъ изъ дерева, для строганія; для выдалбливанія же дерева употреблялись долота. Мѣдные наконечники копій и стрѣлъ я находилъ сравнительно очень рѣдко, вѣроятно потому, что они прикрѣплялись только къ оружію, которое богатые люди носили какъ украшеніе, между тѣмъ какъ обыкновенно употреблялись костяные наконечники, которые я находилъ во всякой могилѣ, по нѣсколько экземпляровъ, даже вмѣстѣ съ мѣдными. Мѣдные оконечники стрѣлъ и копій не велики, имѣютъ обыкновенно форму овальнаго листа съ острымъ концомъ, но встрѣчаются и такіе, которые имѣютъ форму трехъ-или четырехгранника. Послѣ этого оружія, чаще всего находятъ кирки изъ разныхъ лигатуръ мѣди, различной величины и формы. Многія изъ нихъ сдѣланы такъ чисто и изящно, что, вѣроятно, служили только украшеніемъ, но есть и такія, которыя очевидно употреблялись какъ оружіе, вмѣсто топоровъ и т. д. Я нашелъ на берегу Кіи двѣ большія кирки, которыя навѣрно служили кайлами для разбиванія золотоносныхъ пластовъ. Большинство этихъ кирокъ, безъ сомнѣнія, прикрѣплялось къ короткому концу изогнутой ручки. Изъ острыхъ инструментовъ я составилъ довольно значительную коллекцію шилъ. Изъ нихъ нѣкоторыя до того малы и тонки, что, вѣроятно, служили иглами для шитья матерій. Иголъ же съ ушками я никогда не находилъ и не замѣчалъ ихъ слѣдовъ.

Очень твердое четырехгранное шило съ большимъ кольцомъ, въ которое всовывалась деревянная палочка, вѣроятно, замѣняло буравъ, такъ какъ дѣлать изъ мѣди буравы винтовымъ ходомъ невозможно. Часто встрѣчаются молотки, которые, вѣроятно, употреблялись для выдалбливанія изображеній на скалахъ. Уборы для лошадей вообще встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Я могу указать только на части двухъ удилъ и на кусокъ красной мѣди, найденный мною у Абакана, который я считаю частью стремени.

Кромѣ этого оружія и инструментовъ, я находилъ еще въ предѣлахъ Алтая мѣдные котлы, имѣющіе вездѣ одинаковую форму. Они представляютъ гладкій полушаръ, на краю котораго находятся разнаго рода украшенія и очень часто двѣ большія ручки. Иногда, хотя и очень рѣдко, эти ручки укрѣплены по сторонамъ котла. Замѣчательно у этихъ котловъ то, что они стоятъ на ножкѣ, имѣющей форму пустаго усѣченнаго конуса и отлитой вмѣстѣ съ котломъ. Эта ножка, по всей вѣроятности, замѣняла изобрѣтенный только впослѣдствіи таганъ и показываетъ, что огонь разводился вокругъ котла. Нѣкоторые котлы весьма велики. Такъ, напримѣръ, котелъ, который я нашелъ въ Чуйской волости, на берегу Енисея, имѣлъ вѣсу 75 фун. Металлическія украшенія бронзоваго вѣка очень разнообразны.

Образцы древняго мѣднаго оружія въ Сибири.

Первое мѣсто между ними занимаютъ: золотыя и мѣдныя сережки съ сердоликомъ и металлическими нанизками; браслеты въ видѣ колецъ или плоскіе; булавки съ головками изящной работы, пряжки для поясовъ, украшенія для кушаковъ и ремней (съ рельефно сдѣланными животными: каменными козлами, оленями, козами) и пуговицы для платья, большею частью въ видѣ пустыхъ сегментовъ шара. Кромѣ того встрѣчаются еще слѣдующія украшенія: круглыя мѣдныя пластинки, имѣющія на одной сторонѣ ручку, а другая сторона ихъ гладко отшлифована. Пластинки поменьше, — имѣющія въ діаметрѣ отъ 1-го до 2-хъ вершковъ, — я считаю украшеніями платья; пластинки же побольше, отъ 3-хъ до 5 вершковъ въ діаметрѣ, вѣроятно служили зеркалами. Задняя сторона нѣкоторыхъ зеркалъ снабжена различными украшеніями. Для чего служили довольно большія металлическія пластинки съ прикрѣпленными къ нимъ животными, оленями и каменными козлами, я не могу объяснить. На берегу Юса, въ указанной выше могилѣ, наполненной многочисленными скелетами женщинъ, я нашелъ изящно сдѣланную подставку для маленькаго сосуда съ круглымъ дномъ (можетъ быть для лампы). Она похожа на котлы, верхняя часть ея украшена каменными козлами. Къ этимъ украшеніямъ относится также статуетка рудокопа и мѣдная пластинка съ изображеніемъ охотника и двухъ собакъ.

Кромѣ металлическихъ вещей, во всѣхъ могилахъ можно найти слѣды глиняныхъ сосудовъ, которые, всѣ безъ исключенія, даже въ могилахъ богатыхъ людей, сдѣланы изъ крупной плохо-обожженной глины и, большею частью, неправильной формы. Многіе изъ этихъ горшковъ имѣютъ форму еще и понынѣ употребляемыхъ въ Сибири крынокъ. Другіе же горшки имѣютъ коническую форму. Горшки эти совершенно гладки и только на верхнемъ краю имѣютъ украшенія, сдѣланныя, вѣроятно, до обжиганія горшковъ, когда глина была еще мягка.

Всѣ глиняные сосуды, вообще, которые я видѣлъ, доказываютъ, что работы изъ глины Угро-Самоѣдовъ не отличаются той изящностью, которая насъ удивляетъ при разсмотрѣніи металлическихъ вещей. Но это еще нельзя объяснить неумѣніемъ, ибо Угро-Самоѣды дѣлали превосходныя формы для литья разныхъ вещей изъ металловъ.

Угро-Самоѣды, кажется, даже знали искусство тканья. Я, по крайней мѣрѣ, нашелъ маленькій кусокъ матеріи въ глазной впадинѣ одного черепа, въ могилѣ, на берегу Юса. Тканье этой матеріи было довольно грубо, притомъ нельзя было узнать, изъ чего она сдѣлана; но только видно было, что она сработана не на станѣ, а на кольяхъ.

На нѣкоторыхъ могилахъ Угро-Самоѣдовъ находятся на большихъ камняхъ изображенія, которыя, кажется, выдолблены посредствомъ ударовъ острымъ инструментомъ. Весьма вѣроятно, что прежде эти изображенія были гораздо многочисленнѣе, но многія изъ нихъ, со временемъ, разрушились. Всѣ изображенія выведены вездѣ одинаковымъ образомъ и сходны съ большимъ числомъ изображеній, которыя я встрѣчалъ на скалахъ по берегамъ Енисея и въ Юсской степи. Они даютъ намъ возможность дѣлать выводы о жизни Угро-Самоѣдовъ. Они представляютъ очень грубыя изображенія людей, животныхъ, деревьевъ, луны и солнца. Кромѣ того между ними встрѣчаются непонятные знаки (тамга). Люди, большею частью, представлены пѣшими; изображенія же всадниковъ попадаются чрезвычайно рѣдко.

Значенія этихъ изображеній трудно объяснить.

Другіе слѣды культуры этого народа показываютъ большіе камни, которые, вѣроятно, ставились въ честь мертвыхъ. Одна статуя, найденная Мессершмидтомъ на Бѣломъ Юсѣ, имѣетъ характеръ такъ называемыхъ каменныхъ бабъ, которыми изобилуютъ малорусскія степи. Она держитъ въ правой рукѣ урну. Принадлежитъ ли эта статуя Угро-Самоѣдамъ,— я не могу сказать; но многія другія статуи безспорно принадлежатъ этому народу, такъ какъ онѣ поставлены у могилъ. Назову слѣдующія статуи: 1) Куртуякъ Тасъ (старушечій камень), какъ называютъ эту статую жители при устьѣ рѣки Аскысъ въ Абаканской степи. Лицо этой статуи прекрасно сдѣлано, черты лица чрезвычайно выразительны, хотя и утратили отъ времени нѣкоторую ясность. Жители и теперь еще почитаютъ эту статую. 2) Кысъ Тасъ (дѣвичій камень). Она состоитъ изъ камня, вышиною въ $1^1/_2$ аршина, на плоской сторонѣ котораго сдѣлано рельефное изображеніе лица дѣвицы. Этотъ камень находится теперь на одной могилѣ на берегу Юса. 3) Въ 12 верстахъ къ сѣверу отъ устья Аскыса находится сдѣланный изъ гранита баранъ, тѣло котораго до сихъ поръ еще очень хорошо сохранилось, голова же сильно повреждена.

Разсмотрѣнныя нами до сихъ поръ древности принадлежатъ, по всей вѣроятности, одному и тому же народу, который на всемъ Алтаѣ, и далѣе къ сѣверу, оставилъ могилы бронзоваго періода и который я считаю прежними жителями Угро-Самоѣдскаго племени. Эти древности даютъ намъ возможность получить нѣкоторое понятіе о степени культуры этого народа. О познаніяхъ Угро-Самоѣдовъ въ горномъ дѣлѣ, литьѣ металловъ и другихъ искусствахъ я подробно уже говорилъ. Теперь разсмотрю другія занятія ихъ. Не думаю, чтобы Угро-Самоѣдовъ можно было считать кочевымъ народомъ. Это отвергаютъ ихъ занятіе горнымъ дѣломъ и многія изображенія на камняхъ пѣшихъ людей, наконецъ, и малочисленность лошадиныхъ приборовъ, находящихся между древностями этого народа.

Многочисленные слѣды древнихъ каналовъ для орошенія полей, которые я встрѣчалъ во многихъ мѣстахъ, напримѣръ, на лѣвомъ берегу Абакана, показываютъ, что древніе Угро-Самоѣды усердно занимались земледѣліемъ. Это подтверждаютъ найденные почти вездѣ мѣдные серпы. Кромѣ того, Угро-Самоѣды занимались очень много охотою; это доказываютъ не только многочисленныя изображенія на камняхъ охотничьихъ сценъ, но и орнаменты ихъ, которые большею частью состоятъ изъ изображеній звѣрей. Они охотились, вѣроятно, пѣшкомъ, вооруженные лукомъ, стрѣлами и копьями, на медвѣдей, оленей и каменныхъ козловъ, жившихъ въ

большомъ количествѣ на горахъ. Они употребляли для охоты и собакъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуетъ названное выше изображеніе охотника и многіе орнаменты. Менѣе всего мы знаемъ, въ какой степени у Угро-Самоѣдовъ было развито скотоводство и какихъ домашнихъ животныхъ они имѣли. Что имъ была извѣстна лошадь, это доказываютъ орнаменты и изображенія на камняхъ. Кромѣ того, они навѣрно имѣли всѣ принадлежности, необходимыя для верховой ѣзды. Безъ сомнѣнія, у нихъ были овцы и козы, что видно изъ изображеній этихъ животныхъ на орнаментахъ. Однако, нельзя сказать былъ ли имъ извѣстенъ рогатый скотъ, ибо мы не находимъ нигдѣ слѣдовъ орнамента, на которомъ былъ бы хоть намекъ на рогатый домашній скотъ. Правда, встрѣчаются на камняхъ изображенія всадниковъ на рогатомъ животномъ; но, на мой взглядъ, этихъ животныхъ можно считать скорѣе за оленей, чѣмъ за быковъ.

Еще менѣе даютъ понятія раскопки о жилищѣ Угро-Самоѣдовъ и одеждѣ. Люди нигдѣ не изображены въ одеждѣ. Охотникъ на мѣдной пластинкѣ кажется почти совершенно голымъ. Прекрасная статуетка рудокопа имѣетъ только фартухъ вокругъ бедръ, между тѣмъ какъ верхняя часть тѣла, руки и ноги изображены голыми. Этотъ рудокопъ, какъ и охотникъ, имѣетъ на головѣ остроконечную шапку, снабженную сзади кускомъ кожи, который покрываетъ затылокъ. О жилищѣ Угро-Самоѣдовъ мы можемъ вывести только отрицательное заключеніе. Они жили, во всякомъ случаѣ, не въ каменныхъ строеніяхъ, такъ какъ нигдѣ не оказывается ихъ слѣдовъ. Можетъ быть, жилища ихъ составляли легкія юрты изъ коры, которыя и теперь еще строятъ себѣ Черневые Татары и Шорцы. Ознакомились ли Угро-Самоѣды впослѣдствіи, путемъ торговли, съ другими металлами, напримѣръ съ желѣзомъ, — неизвѣстно. Я не находилъ въ могилахъ бронзоваго вѣка никакихъ слѣдовъ желѣзныхъ предметовъ. На Алтаѣ и въ Енисейской степи, на пашняхъ и по берегамъ рѣкъ, находятъ часто кинжалы и ножи, которые, хотя и сдѣланы изъ желѣза, но такъ сходны съ формами бронзоваго вѣка, что даютъ поводъ принять ихъ за древности Угро-Самоѣдовъ. Я держался этого мнѣнія до тѣхъ поръ, пока мнѣ не удалось найти желѣзные предметы такого же рода въ могилахъ, принадлежащихъ, безъ сомнѣнія, другому періоду. Эти могилы относятся къ желѣзному вѣку и, по моему мнѣнію, принадлежатъ вторгнувшимся въ V вѣкѣ по Р. Х. въ южную Сибирь тюркскимъ племенамъ, Тукю, Хагасъ и Уйгуровъ. Надо полагать, что Тюрки научились горному дѣлу и литью металловъ у Угро-Самоѣдовъ, которые, вѣроятно, въ первое время, послѣ появленія Тюрковъ, были ими покорены и принуждены служить побѣдителямъ своимъ искусствомъ. На такія отношенія указываетъ отвѣтъ хана народа Жунжанъ Или-Тумынъ-хану, котораго онъ назвалъ «плавильщикомъ». Въ могилахъ желѣзнаго періода остались богатыя древности, представляющія намъ довольно ясную картину степени развитія этого народа.

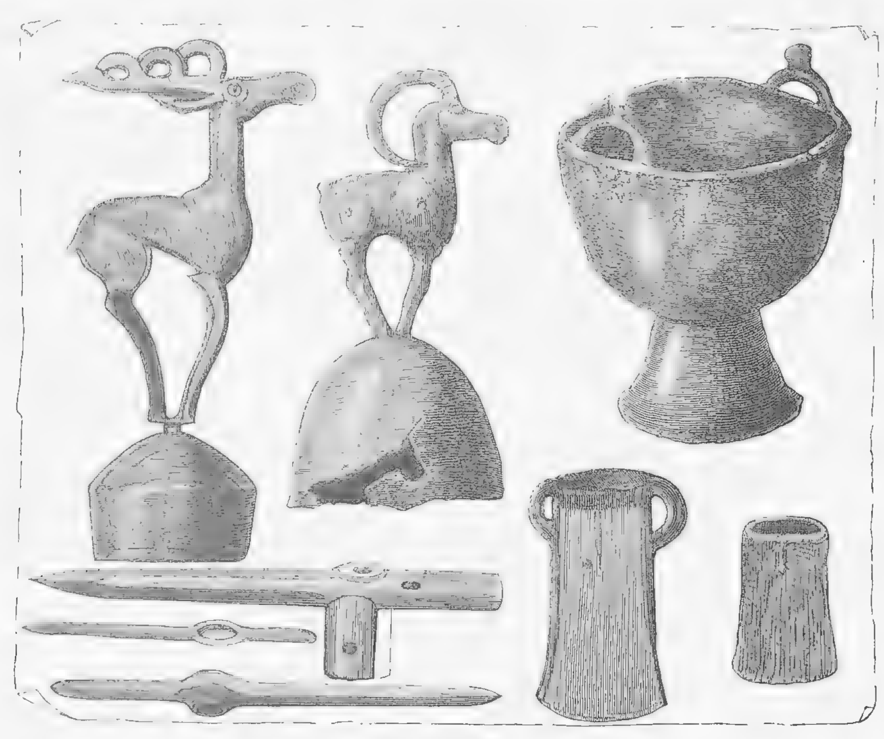
Могилы тюркскихъ племенъ принадлежатъ двумъ довольно рѣзко другъ отъ друга отдѣленнымъ періодамъ: 1) древнему періоду, памятники котораго встрѣчаются особенно часто на южномъ Алтаѣ: въ Уймонской степи, на Бухтармѣ, по Иртышу и на Тарбагатаѣ; 2) новому періоду, отъ котораго остались многочисленныя кладбища на берегахъ Енисея и въ Абаканской степи. Теперешніе жители Абаканской степи называютъ ихъ киргизскими могилами.

Могилы древняго желѣзнаго періода на южномъ Алтаѣ.

Во всѣхъ указанныхъ мѣстахъ на южномъ Алтаѣ находятся поля, усѣянныя многочисленными могилами, рѣзко отличающимися по наружности отъ могилъ бронзоваго вѣка. Могилы этого періода представляютъ довольно высокіе бугры, составленные изъ маленькихъ камней. Большія могилы до половины своей высоты обросли травою; верхняя же часть могильныхъ бугровъ, напротивъ, состоитъ исключительно изъ голыхъ мелкихъ камней. Эти могилы гораздо меньше разграблены, чѣмъ могилы бронзоваго вѣка, по всей вѣроятности потому, что искатели

сокровищъ (бугровщики) знали, что въ нихъ гораздо меньше золота, чѣмъ въ бронзовыхъ могилахъ. Чтобы дать понятіе объ устройствѣ этихъ могилъ, я опишу раскопки нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Недалеко отъ деревни Котанды, расположенной на лѣвомъ берегу верхняго теченія рѣки Котанды (въ Уймонской степи), находятся 4 большихъ кладбища. Первое изъ нихъ расположено на лѣвомъ берегу рѣки и состоитъ изъ 30 — 40 небольшихъ кургановъ, отъ $1\frac{1}{2}$ до 5 саженъ въ діаметрѣ и вышиною не больше аршина. Второе кладбище находится на большой равнинѣ между верхнею и нижнею Котандой, приблизительно въ двухъ верстахъ отъ деревни; на немъ возвышается одинъ громадный курганъ вышиною въ сажень и въ діаметрѣ до 14 саженъ. Этотъ курганъ сложенъ изъ большихъ камней; но раньше былъ разрытъ. Вокругъ этой большой могилы находится до 20 маленькихъ могилъ, которыя имѣютъ ту же внѣшность, какъ и могилы перваго кладбища. Третье кладбище простирается по правому берегу верх-

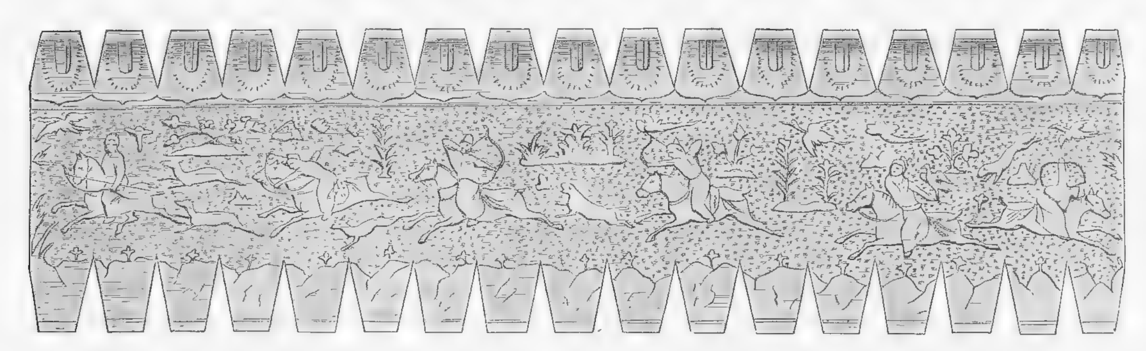

Бронзовыя вещи.

няго теченія Котанды и состоитъ, какъ и первое, изъ множества маленькихъ могилъ. Изъ такихъ же могилъ состоитъ и четвертое кладбище, расположенное по правому берегу Котанды, недалеко отъ ея устья, по направленію къ западу. Я раскопалъ всѣ курганы первыхъ двухъ кладбищъ. Маленькія могилы имѣли почти вездѣ одно и то же устройство. Въ срединѣ каждой могилы находилась яма длиною въ сажень, шириною въ $1\frac{1}{2}$ аршина, имѣвшая направленіе отъ востока къ западу. Подъ камнями слѣдуютъ кости одной, а иногда и многихъ лошадей, обращенныхъ головами къ западу. Скелеты лошадей находятся на крѣпко утрамбованной землѣ. Вершковъ на 6 или на 8 ниже мѣста, на которомъ лежали скелеты лошадей, могильная яма расширялась по направленію къ сѣверу, гдѣ и была вырыта на аршинъ глубже, чѣмъ въ южной части. Здѣсь, въ сѣверной половинѣ могилы, мы встрѣчали обыкновенно опять камни; а пониже ихъ спинной хребетъ овецъ. Немного глубже мы находили скелетъ человѣка, лежавшій на спинѣ, обращенный головою на западъ, съ руками прилегающими къ тѣлу. Какъ около

скелетовъ лошадей, такъ и около скелета человѣка лежали серебряные, мѣдные и желѣзные предметы. Въ нѣкоторыхъ могилахъ, немного выше скелета человѣка, находился узелокъ съ платьемъ, какъ показывали оставшіеся слѣды. Скелеты мужчинъ были въ длину отъ 2 арш. 5 вершковъ, до 2 аршинъ 7 вершковъ; скелеты женщинъ отъ 2 аршинъ 2 вершковъ, до 2 аршинъ 4 вершковъ. Раскопки этихъ могилъ были не особенно затруднительны, послѣ того какъ мы получили нѣкоторое понятіе объ ихъ устройствѣ; но гораздо труднѣе было раскопать большую могилу.

Тутъ я велѣлъ сначала снимать камни, находившіеся на могилѣ (11 саженъ въ длину, 7 саженъ въ ширину), до тѣхъ поръ, пока не показалась могильная яма, длиною въ 2½ сажени, шириною въ 2 сажени. Эта яма была наполнена землею съ камнями и не представляла аршина на 1½ подъ уровнемъ земли никакихъ перемѣнъ. Какъ въ насыпи, такъ и въ мо-

Древнія украшенія.

гильной ямѣ между камнями находились сломанныя кости людей и лошадей, бисеръ и нѣсколько удилъ; однако они были разбросаны, почему я и полагаю, что эта могила уже раньше была разрыта. Аршина на 1½ подъ уровнемъ земли яма оказалась замерзшей (хотя мы раскапывали могилу въ концѣ іюня), такъ что не было возможности продолжать работу. Поэтому я велѣлъ устроить большой костеръ изъ бревенъ и огнемъ нагрѣть землю. Вслѣдствіе этого, явилась возможность постепенно углубляться въ землю и достичь, наконецъ, глубины 7½ аршинъ. Тутъ оказался выстроенный изъ дерева (лиственицы) склепъ слѣдующаго устройства: восточная и западная стороны его состояли изъ положенныхъ другъ на друга бревенъ небольшой толщины, длиною въ аршинъ; сѣверная и южная стороны состояли изъ двухсаженныхъ бревенъ, ограничивавшихъ всю длину могилы. Только сѣверная часть склепа была покрыта досками, съ южной же части его онѣ, очевидно, были сорваны бугровщиками. Аршина на 1½ ниже крыши склепа, находилось нѣсколько очень большихъ камней, а подъ ними куски бересты и слѣды листоваго золота. На ½ аршина глубже, вся яма была наполнена чистымъ льдомъ; въ срединѣ могилы находились 2 бревна, вершковъ десять въ діаметрѣ, укрѣпленныя между поперечными бревнами сѣверной и южной сторонъ и составлявшія какъ бы границы собственно могилы. На одномъ изъ этихъ бревенъ лежалъ во льду мѣховой плащъ прекрасной работы, который я не могъ спасти иначе, какъ вырубивъ часть поперечнаго бревна. Подъ этими поперечными бревнами яма была наполнена слоемъ бересты толщиною почти въ 1 аршинъ, на которомъ лежалъ узелокъ съ платьемъ во льду. Подъ берестою находились 2 доски, имѣвшія по 4 ножки, вышиною вершка въ 3. На этихъ доскахъ, имѣвшихъ на себѣ мѣдные обручи отъ двухъ до трехъ вершковъ въ ширину, лежали на спинѣ 2 человѣческихъ скелета, обращенные головами на востокъ. Особенно богаты большими могилами этой эпохи берега верхняго теченія рѣки Бухтармы. Здѣсь я раскопалъ 4 большихъ могилы и нашелъ во всѣхъ одно и то же устройство. Отъ 4 до 16 лошадей было погребено, приблизи-

тельно, на аршинъ выше людей, и то мѣсто, гдѣ находятся скелеты, большею частію обозначено рядами бревенъ или досокъ.

Могилы новой эпохи по Абакану.

На горахъ, ограничивающихъ Абаканскую и Енисейскую степи, обыкновенно на нижнихъ террасахъ, находятся обширныя кладбища, состоящія изъ маленькихъ, составленныхъ изъ камней кургановъ. Эти курганы не имѣютъ въ діаметрѣ больше $1\frac{1}{2}$ сажени и лежатъ тѣсными кучами, заключающими отъ 60 до 80 могилъ. Не трудно замѣтить, что курганы расположены большею частію парами, постоянно одинъ изъ этихъ кургановъ имѣетъ кругообразную форму, а другой овальную. Я встрѣчалъ такія могилы только у средняго теченія Абакана, но тамошніе жители называютъ ихъ киргизскими и утверждаютъ, что ихъ очень много на всѣхъ прибрежныхъ горахъ. Вслѣдствіе того, что эти могилы очень малы, что въ нихъ мало драгоцѣнныхъ металловъ и онѣ находятся далеко отъ рѣки, жители этой мѣстности мало заботились объ нихъ, такъ что только часть ихъ показываетъ слѣды прежнихъ раскопокъ. Старикъ Кайбалъ разсказывалъ мнѣ, со словъ своего отца, что это — могилы Киргизовъ, которые, живя еще въ Абаканской долинѣ, хоронили тутъ павшихъ въ сраженіи. Раскопки большаго количества этихъ могилъ доказали мнѣ, что въ нихъ находятся скелеты мужчинъ, женщинъ и дѣтей; всѣ трупы погребены въ величайшемъ порядкѣ, чего не можетъ быть въ могилахъ, въ которыхъ зарыты павшіе въ сраженіи. Я раскапывалъ много такихъ киргизскихъ могилъ въ 7-ми верстахъ отъ устья рѣки Аскыса.

Положеніе этого кладбища было слѣдующее: между первыми террасами ограничивающихъ низменность горъ находились на высотѣ, приблизительно, 100 футовъ надъ степью и на разстояніи 50 шаговъ другъ отъ друга, двѣ кучи кургановъ; западная изъ этихъ кучъ состояла изъ 80, а восточная не болѣе какъ изъ 30-ти кургановъ. Я принялся сначала за раскопку кургановъ западной кучи и раскопалъ половину ихъ; они не показывали ни малѣйшихъ слѣдовъ разграбленія ихъ бугровщиками. При раскопкахъ оказалось, что пара бугровъ постоянно составляла одну могилу. Скелеты зарыты всегда не глубже одного аршина. Небольшая глубина могилъ объясняется большою твердостію почвы, такъ что ее необходимо было рубить топорами и кайлами. Всѣ скелеты лежали на спинѣ, головою къ западу. Она была наклонена въ сторону, руки прилегали къ тѣлу и большіе пальцы были обращены вверхъ. Нигдѣ у этихъ скелетовъ не было слѣдовъ платья или другихъ вещей. Второй, т. е. кругообразный курганъ, принадлежащій той же могилѣ, напротивъ, никогда не заключаетъ въ себѣ скелета, но въ немъ находится оружіе и разные другіе предметы, которые клались въ могилу вмѣстѣ съ умершимъ. Здѣсь находится глиняный сосудъ, вышиною около $\frac{1}{4}$ аршина, съ узкой шейкой, покрытый плоскимъ камнемъ. Эти вазы, которыя я находилъ постоянно пустыми, заключали въ себѣ вѣроятно напитокъ, налитый для покойника. Затѣмъ слѣдуетъ слой частію сожженныхъ, частію не поврежденныхъ костей животныхъ, главнымъ образомъ овецъ, рѣдко лошадей и рогатаго скота. Между этими костями находятся часто желѣзные топоры, кирки, острія стрѣлъ, стремена, удила, лежащіе безъ всякаго порядка. Въ другихъ курганахъ, при отсутствіи желѣзныхъ принадлежностей, мнѣ удалось найти слѣдующія украшенія: 1) золотую сережку, 2) 2 серебряныя сережки, 3) нѣсколько тоненькихъ серебряныхъ пластинокъ. Различіе предметовъ, находящихся въ разныхъ курганахъ, приводитъ къ заключенію, что Киргизы хоронили мужчинъ и женщинъ на отдѣльныхъ кладбищахъ; въ могилы мужчинъ они клали только желѣзные предметы и большія вазы съ водкою; въ могилы же женщинъ — украшенія и небольшіе горшки съ пищею.

Если сравнить между собою устройство могилъ древняго и новаго желѣзнаго періода, то не трудно убѣдиться, не смотря на большое различіе въ этихъ могилахъ, въ сходствѣ глав-

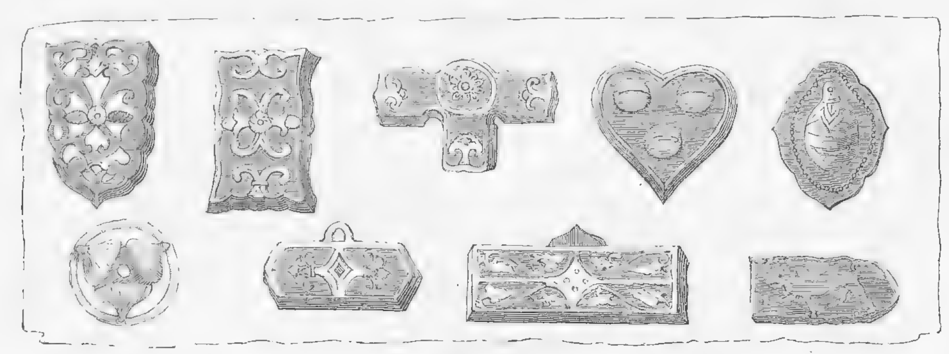
нѣйшихъ характеристическихъ свойствъ ихъ. Въ древнѣйшихъ могилахъ, какъ, напримѣръ, въ большой могилѣ на берегу Катанды, скелеты отдѣлены отъ платья и украшеній толстымъ слоемъ бересты. Въ маленькихъ могилахъ скелеты лошадей и людей лежатъ, хотя и въ различныхъ мѣстахъ, но все-таки въ одной могилѣ, между тѣмъ какъ могилы новаго періода заключаютъ скелеты людей и вещи въ двухъ различныхъ курганахъ. Удивительно, что извѣстія Китайцевъ о погребальныхъ церемоніяхъ народа Хагасъ нисколько не соотвѣтствуютъ устройству могилъ древнѣйшаго и новаго желѣзнаго вѣка, такъ какъ нигдѣ въ Сибири не находимъ могилъ, наполненныхъ сожженными человѣческими костями. Можетъ быть китайскіе писатели и ошиблись. Вообще, извѣстія ихъ чрезвычайно темны. Такъ, напримѣръ, по свидѣтельству китайскихъ писателей, «при погребеніи, покойникъ обертывался въ 3 ряда и сжигался, а собранныя кости зарывались черезъ годъ въ землю». Что это означаетъ? — По моему мнѣнію, похороны совершались слѣдующимъ образомъ. Спачала покойника хоронили безъ его вещей; причемъ, быть можетъ, сжигались жертвенныя животныя въ честь духовъ. На это указываютъ отчасти сожженныя кости овецъ, которыя находились около трупа. Затѣмъ, по прошествіи одного года, устраивался пиръ и жертвоприношеніе, при чемъ зарывали въ землю вещи умершаго и тогда только совершенно забрасывали могилу. Наконецъ, при позднѣйшихъ поминкахъ, возводили на могилѣ бугры.

Мы имѣемъ столь богатыя коллекціи древностей желѣзнаго вѣка въ Сибири, что можемъ получить довольно ясное представленіе о развитіи народа, оставившаго ихъ. Разсмотрѣвъ металлическія издѣлія древнихъ тюркскихъ племенъ, мы видимъ, что они съ древнѣйшихъ временъ знали мѣдь и желѣзо, а изъ благородныхъ металловъ — золото и серебро, и эти металлы добывались и обработывались ими самими. Относительно мѣди и золота не можетъ быть даже сомнѣнья, такъ какъ они добывались на Алтаѣ уже въ бронзовый періодъ. На добываніе же желѣза указываютъ находящіяся во многихъ мѣстахъ Алтая и бассейнѣ Енисея плавильныя печи, гдѣ лежатъ большія груды желѣзнаго шлаку. Такъ, напримѣръ, я нашелъ на берегахъ Абакана въ трехъ мѣстахъ высокіе валы желѣзнаго шлаку и такіе же по берегамъ Кія. Добывалось ли серебро на самомъ Алтаѣ, я не могу утверждать; оно, можетъ быть, въ древнѣйшее время получалось путемъ внѣшней торговли. Но мнѣ кажется, что этотъ металлъ обработывался также и самими Тюрками, что можно заключить по формѣ издѣлій древнѣйшаго времени. Желѣзо получило съ самаго начала большое значеніе и совершенно вытѣснило мѣдь при изготовленіи оружія, инструментовъ и всѣхъ другихъ вещей, требующихъ значительной твердости. Какъ было уже указано выше, оружіе и инструменты древнѣйшаго періода имѣютъ форму прежнихъ мѣдныхъ. Желѣзные инструменты древняго періода пострадали большею частію отъ долгаго лежанія въ землѣ, такъ что не видно, до какой степени было развито искусство ковки. За то древности киргизскихъ могилъ новаго періода сохранились очень хорошо. Большинство этихъ предметовъ чрезвычайно изящно сдѣлано. Твердость стальныхъ ножей превосходитъ даже славящуюся своею твердостію сталь ножей Калмыковъ. Употребленіе стали было до того распространено, что большинство оконечниковъ стрѣлъ сдѣлано почти изъ чистой стали. О составѣ желѣза древнихъ киргизскихъ орудій я не могу ничего опредѣленнаго сказать; крестьяне мнѣ говорили, будто-бы они не могутъ ни на что употреблять желѣзо найденныхъ предметовъ, такъ какъ оно, хотя и кажется очень твердымъ, но при переработкѣ въ кузницѣ, совершенно разсыпается и не годится даже для изготовленія гвоздей.

Изъ желѣзныхъ древностей этого періода найдены слѣдующія: 1) Принадлежности верховой ѣзды: удила, пластинка для украшенія нагрудника и подхвостника, украшенія сѣдла и стремена. Эти предметы попадаются почти во всѣхъ могилахъ и представляютъ большой выборъ самыхъ разнообразныхъ формъ. 2) Инструменты: заступы, кирки, долота, маленькія лопаты, буравы, топоры и инструменты для паянья. Эти предметы встрѣчаются въ могилахъ поодиночкѣ и притомъ очень рѣдко. 3) Оружіе: ножи (въ большей части могилъ), кинжалы (рѣдко), око-

нечники стрѣлъ (почти во всѣхъ могилахъ, притомъ самыхъ разнообразныхъ формъ), оконечники копій (рѣже) и мечи (очень часто). 4) Панцыри (чрезвычайно рѣдко). 5) Огнива. 6) Земледѣльческія орудія: серпы и сохи. 7) Украшенія: пряжки и украшенія для кушаковъ. Кромѣ этихъ желѣзныхъ вещей, встрѣчаются еще котлы изъ чугуна. Въ Енисейской долинѣ я нашелъ: нѣсколько пряжекъ, украшенія сѣделъ, насѣченныя золотомъ, и стремя, насѣченное серебромъ. Эти предметы принадлежатъ, безъ сомнѣнія, новому періоду желѣзнаго вѣка.

Между тѣмъ какъ изъ дешеваго и твердаго желѣза дѣлали инструменты и оружіе, мѣдь употреблялась только для изготовленія украшеній. Изъ послѣднихъ встрѣчаются чаще всего пряжки, украшенія ремней и приборовъ лошадей, украшенія кушаковъ, серьги, кольца, бисеръ, бубенчики, браслеты, ожерелья и маленькія статуйки. Эти вещи литы большею частію изъ красной мѣди и очень рѣдко изъ ея лигатуръ. Литье этихъ, нерѣдко весьма изящныхъ, предметовъ,

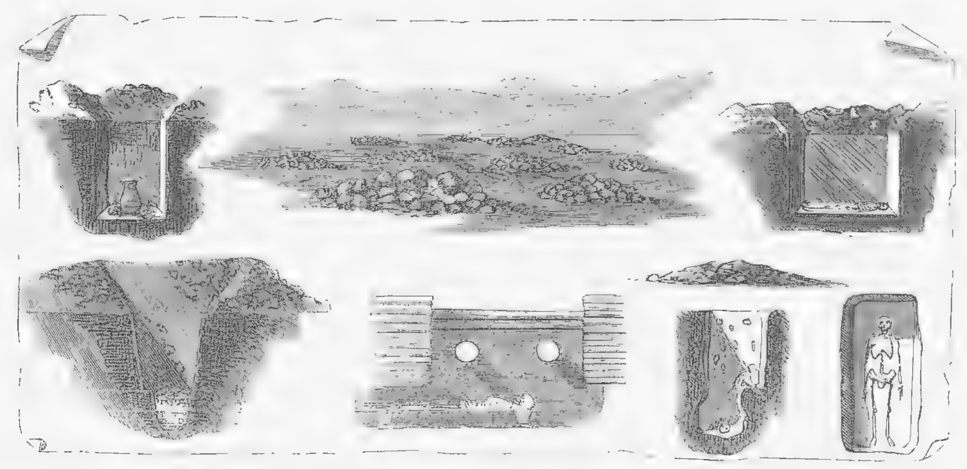

Древнія украшенія.

очень отчетливо и чисто; богатые же орнаменты нѣкоторыхъ изъ нихъ показываютъ вкусъ и умѣнье. Кромѣ мѣди, для изготовленія украшеній употреблялся какой-то бѣловатый, твердый металлъ, названіе котораго мнѣ неизвѣстно. Я находилъ сдѣланныя изъ этого металла вещи, главнымъ образомъ, по берегамъ Енисея. Въ Императорскомъ Эрмитажѣ находится богатая коллекція такихъ древностей съ Алтая. Зеркала, встрѣчающіяся вездѣ въ большомъ количествѣ, литы изъ разнообразныхъ лигатуръ. Задняя сторона ихъ украшена богатыми изображеніями. Такъ, напримѣръ, нѣкоторыя зеркала съ ручками представляли цѣлыя картины въ китайскомъ вкусѣ. Мессершмидтъ представляетъ рисунокъ найденнаго на берегу Абакана большаго, по его словамъ, стальнаго зеркала съ прекрасными украшеніями.

Изъ благородныхъ металловъ въ могилахъ различныхъ эпохъ желѣзнаго вѣка встрѣчаются золото и серебро. Древнѣйшія могилы желѣзнаго вѣка указываютъ на оригинальный способъ употребленія золота: изъ него дѣлались тоненькія пластинки, которыми обкладывались разныя вещи. Такимъ тонкимъ слоемъ золота были обложены ручки ножей и кинжаловъ, найденныхъ мною на берегахъ Катанды и Бухтармы. На платьѣ, найденномъ въ большой могилѣ на Катандѣ, были деревянныя пуговицы, обложенныя такими золотыми пластинками, которыя, кромѣ того, были также прикрѣплены къ ремнямъ, нашитымъ на платьѣ. Въ могилахъ на Бухтармѣ находились украшенные золотыми пластинками ремни отъ приборовъ для лошадей и пришитыя къ берестѣ, вырѣзанныя изъ золотыхъ пластинокъ, украшенія, имѣющія форму людей, животныхъ (тигровъ, лошадей) и деревьевъ. Эти орнаменты, вѣроятно, прикрѣплялись къ попонамъ. Массивныхъ золотыхъ вещей я не находилъ въ курганахъ древняго періода этого вѣка. Въ позднѣйшія времена, золото изящно обработывалось, что доказываетъ найденная мною въ позднѣйшей киргизской могилѣ на берегу Абакана сережка, а также нѣкоторые рисунки вещей, найденныхъ Витсеномъ. Но, работались ли эти вещи въ самой Сибири, или привозились туда съ юга, трудно положительно сказать. Серебро, незнакомое народамъ бронзоваго

вѣка, встрѣчается въ могилахъ всѣхъ эпохъ желѣзнаго вѣка. Хотя я и не могу доказать, что этотъ металлъ добывался изъ серебряной руды на мѣстѣ, но тѣмъ не менѣе считаю это вполнѣ вѣроятнымъ, такъ какъ народъ, умѣвшій добывать и обработывать всѣ остальные металлы, безъ труда могъ открыть богатые серебряные рудники на западномъ Алтаѣ и долженъ былъ съумѣть пользоваться ими. Серебро употреблялось, какъ и мѣдь, для приготовленія орнаментовъ. Такъ, напримѣръ, я нашелъ на берегу Бухтармы украшенія ремней лошадиной упряжи, притомъ въ могилахъ древнѣйшаго періода, пряжки и кольца изъ массивнаго серебра и серьги изъ сплетенной въ видѣ спирали гнутой серебряной проволоки. Съ древнѣйшихъ временъ также дѣлались изящные сосуды изъ серебра. Въ небольшой могилѣ, на берегу Катанды, я нашелъ маленькій серебряный сосудъ съ ручкой и, кромѣ того, еще 3 серебряные сосуда въ могилахъ около Салаира, которые теперь хранятся въ Барнаульскомъ музеѣ. Находясь у Абакана, я слы-

Раскопки большаго Катандинскаго кургана.

шалъ, что, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, было найдено на берегу этой рѣки 12 большихъ серебряныхъ кувшиновъ; но гдѣ они находятся, я, къ сожалѣнію, не могъ узнать. Особеннаго вниманія заслуживаютъ два серебряные сосуда прекрасной работы, копіи которыхъ находятся между рисунками Мессершмидта. Одинъ изъ нихъ восьмиугольный и снабженъ прекрасно сдѣланной ручкой, на верхнемъ краю которой изображены два лица съ бородами. Другой сосудъ отличается вырѣзаннымъ на его поверхности изображеніемъ охотничьей сцены, выполненной чрезвычайно чисто и отчетливо.

Кромѣ указанныхъ металлическихъ предметовъ, въ большинствѣ могилъ древняго періода желѣзнаго вѣка встрѣчается много предметовъ, сдѣланныхъ изъ кости и дерева, какъ, напримѣръ, оконечники стрѣлъ, пряжки отъ кушаковъ, пластинки, статуетки. На пластинкахъ вырѣзаны большею частію изображенія животныхъ, рѣзко отличающіяся отъ изображеній животныхъ бронзоваго вѣка. Здѣсь животныя представлены въ весьма уродливыхъ видахъ, и изображенія эти, по всей вѣроятности, имѣютъ миѳологическое значеніе. Въ большой могилѣ, на берегу Катанды, я нашелъ деревянную чашу, съ изображеніемъ животнаго, голова котораго имѣетъ сверхъестественную форму: тѣло очень длинно, а хвостъ оканчивается головою птицы. Въ этой же могилѣ я нашелъ деревянную пластинку съ изображеніемъ животнаго, имѣющаго сходство съ оленемъ, голова котораго очевидно оканчивается птичьимъ клювомъ и имѣетъ три рога съ головами птицъ; передъ этимъ животнымъ стоитъ медвѣдь, едва достигающій половины его высоты. Между нѣкоторыми, сдѣланными изъ дерева статуйками, находившимися тамъ же и представлявшими въ естественномъ видѣ лошадей въ различныхъ положеніяхъ, было

животное, по тѣлу похожее на лошадь, но съ птичьей головой. Другія вырѣзанныя на деревянныхъ и костяныхъ пластинкахъ сверхъестественныя и уродливыя головы животныхъ находятся въ Императорскомъ Эрмитажѣ. Онѣ найдены на берегахъ Катуньи, Алея и Чарыша. Мнѣ кажется, что нельзя сомнѣваться въ томъ, что всѣ эти предметы представляютъ идоловъ. На это указываетъ, между прочимъ, и то, что найденныя на берегу Катанды статуйки и пластинки съ изображеніями были прикрѣплены къ широкой, украшенной золотомъ, шелковой лентѣ и, завернутыя въ платье, лежали надъ головою скелета. У Алтайскихъ Калмыковъ и теперь еще существуетъ обычай завертывать идоловъ въ полотно и кошму.

Во всѣхъ могилахъ народовъ желѣзнаго вѣка встрѣчаются глиняные сосуды, но они рѣзко отличаются отъ тѣхъ, которые были находимы въ могилахъ бронзоваго вѣка. На южномъ Алтаѣ и на берегахъ Бухтармы попадались въ могилахъ древнѣйшаго періода сосуды изъ обожженной глины, которые, по отдѣлкѣ, много превосходятъ описанные выше глиняные сосуды мѣднаго вѣка. Они сдѣланы изъ хорошо очищенной глины, тонко отдѣланы, снабжены разными украшеніями и очень хорошо обожжены. Еще большій успѣхъ техники изготовленія глиняныхъ сосудовъ показываютъ намъ урны киргизскихъ могилъ новаго періода, расположенныхъ по Абакану. Онѣ имѣютъ большею частію прекрасныя формы, сдѣланы изъ мелкой, темносѣрой глины очень чисто и обожжены до того хорошо, что, если ударять по нимъ твердою вещью, онѣ издаютъ чистый металлическій звукъ. Для обжиганія глиняныхъ сосудовъ, тюркскія племена новаго періода вѣроятно имѣли лучшіе снаряды, чѣмъ Тюрки древнѣйшаго періода, такъ какъ сосуды первыхъ насквозь обожжены равномѣрно, хотя толщина ихъ стѣнокъ часто превышаетъ $^1/_4$ вершка, между тѣмъ какъ сосуды древняго періода, хотя и вдвое тоньше послѣднихъ,—недостаточно обожжены. Муравленыхъ глиняныхъ сосудовъ я нигдѣ не находилъ въ могилахъ желѣзнаго вѣка Алтая, но встрѣчалъ бисеръ изъ стекла и глины, покрытый искусственной поливою. Поэтому я думаю, что эти народы не умѣли покрывать лазурью глиняныхъ предметовъ, но получали подобныя вещи съ юга.

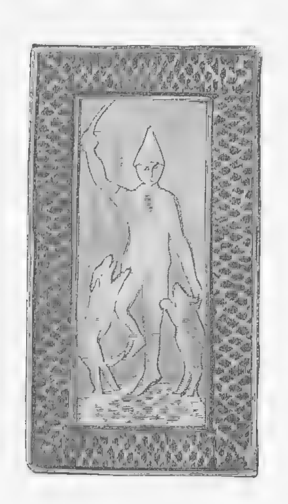
Описанныя древности представляютъ намъ довольно яркую картину образа жизни тюркскихъ народовъ Алтайскаго желѣзнаго вѣка; эти древности подтверждаютъ и даже дополняютъ извѣстія Китайцевъ о жизни народа Хагасъ. Громадное количество разнообразнаго оружія (мечей, копій, кинжаловъ, стрѣлъ и др.), найденное въ могилахъ всѣхъ эпохъ желѣзнаго вѣка, доказываетъ, что тюркскія племена занимались не только мирными дѣлами, но и вели войны со своими сосѣдями, что, какъ извѣстно, подтверждается также и китайскими историками относительно народовъ: Тукю, Жунжанъ, Хойхой и Хагасъ. У народа Хагасъ, по словамъ китайскихъ историковъ, было 80,000 войска, находившагося подъ начальствомъ трехъ полководцевъ. Вооруженный копьемъ, мечомъ и лукомъ, съ колчаномъ, наполненнымъ стрѣлами, мужчина отправлялся въ сраженіе на конѣ. Бѣдные, по словамъ китайскихъ писателей, носили деревянные наколѣнники и наручники, а на плечахъ — круглыя желѣзныя пластинки, которыя предохраняли ихъ отъ непріятельскихъ стрѣлъ. Болѣе знатные люди употребляли, по всей вѣроятности, и панцыри. Мнѣ, дѣйствительно, удалось найти въ древней могилѣ, на берегу Бухтармы, куски панцыря, составленнаго изъ продолговатыхъ желѣзныхъ пластинокъ, связанныхъ между собою ремнями. Найденные въ разныхъ мѣстахъ Алтая кольчатые панцыри, вѣроятно, привозились уже въ позднѣйшія времена изъ другихъ странъ, такъ какъ они имѣютъ сходство съ употребляемыми въ южной Азіи кольчатыми панцырями какъ по формѣ, такъ и по работѣ. Не только на войнѣ, но и въ мирное время, — если только можно говорить о «мирномъ времени» у такого воинственнаго народа, — названное оружіе должно было составлять украшеніе мужчинъ, и его клали даже въ могилу. Мечи древнихъ Тюрковъ, длиною отъ аршина до 18 вершковъ, имѣли всегда одно лезвіе и немного изогнутую форму. Копье состояло изъ рукоятки (длиною въ сажень), къ которой было прикрѣплено ланцетообразное остріе, длиною отъ

5 до 6 вершковъ. Кинжалъ въ древній періодъ желѣзнаго вѣка вполнѣ походилъ на кинжалъ бронзоваго вѣка, т. е. онъ имѣлъ два лезвія.

Мечи, кинжалы и копья я находилъ только въ могилахъ древняго періода желѣзнаго вѣка, но не встрѣчалъ ихъ никогда въ могилахъ новой эпохи, по берегамъ Абакана. Это обстоятельство указываетъ на то, что послѣднія могилы относятся къ такому времени, когда тюркскія племена этихъ мѣстъ уже принадлежали къ многочисленному и могущественному народу, который снаряжалъ войска для большихъ походовъ. Отъ стрѣлъ сохранились конечно только оконечники, которые въ желѣзномъ вѣкѣ дѣлались преимущественно изъ желѣза. Это же оружіе употреблялось и на охотѣ, которая, безъ сомнѣнія, составляла главное занятіе тюркскихъ народовъ съ древнѣйшихъ временъ. На это указываютъ и китайскія хроники, въ которыхъ говорится, что Хагасъ платили подать собольими и бѣличьими мѣхами, что мужчины носили собольи и лисьи шубы. Нѣкоторые оконечники стрѣлъ до того малы, что ихъ могли употреблять для охоты развѣ только на маленькихъ звѣрьковъ; форма же другихъ оконечниковъ доказываетъ, что они употреблялись для охоты на птицъ. Кромѣ того многія изображенія на камняхъ, принадлежащія этому періоду, и рисунокъ на серебряной вазѣ, найденной Мессершмидтомъ, представляютъ разныя охотничьи сцены. Изъ изображеній на камняхъ я опишу только одно, видѣнное мною на камнѣ, недалеко отъ рѣки Юса. Тутъ рядомъ съ изображеніями бронзоваго вѣка, раньше мною описанными, находится еще много другихъ изображеній, отличающихся своею картинностію отъ первыхъ и сдѣланныхъ, безъ сомнѣнія, посредствомъ желѣзныхъ инструментовъ. По своему характеру эти изображенія до того схожи съ изображеніями на серебряной вазѣ, что ихъ можно приписать народамъ позднѣйшаго желѣзнаго вѣка. Изображеніе, встрѣченное мною недалеко отъ Юса, представляетъ, какъ и изображеніе на вазѣ, охотниковъ, вооруженныхъ луками и стрѣлами, преслѣдующихъ оленей, козулей, лосей, лисъ. Одинъ охотникъ, съ натянутымъ лукомъ, преслѣдуетъ звѣря и пускаетъ въ него смертоносную стрѣлу, другой уже догналъ звѣря и пускаетъ въ него стрѣлу, обративъ лукъ внизъ; третій охотникъ, оперпись на шею лошади, пускаетъ свою стрѣлу вверхъ, въ летящую надъ нимъ птицу. На вазѣ изображенъ охотникъ, съ беркутомъ на рукѣ, преслѣдующій улетающую птицу. Кромѣ этого мы видимъ на этихъ изображеніяхъ охоту на сильныхъ звѣрей, какъ-то: тигровъ, медвѣдей, волковъ и рысей. Но охота на этихъ звѣрей совершенно иная. Тутъ рѣшаются стрѣлять съ коня только тогда, если могучій врагъ преслѣдуетъ обращеннаго въ бѣгство охотника. Послѣдній, не видя другаго спасенія, оборачивается во время бѣгства и пускаетъ въ преслѣдующаго звѣря стрѣлу. Если же самъ охотникъ нападаетъ на звѣря, — онъ слѣзаетъ съ коня и, приблизившись къ звѣрю на разстояніе выстрѣла, встаетъ на правое колѣно, на лѣвое опирается локтемъ руки, въ которой держитъ лукъ, натягиваетъ тетиву, до обращеннаго назадъ праваго плеча, и такимъ образомъ пускаетъ вѣрную стрѣлу въ сильнаго врага.

Слѣдуетъ обратить особенное вниманіе на то, что во всѣхъ могилахъ желѣзнаго вѣка находятся скелеты лошадей. Я нашелъ, напримѣръ, въ большой могилѣ на берегу Бухтармы 16 полныхъ лошадиныхъ скелетовъ, группами по 4 другъ возлѣ друга. Въ другой могилѣ встрѣтилъ восемь лежащихъ рядомъ скелетовъ; даже въ маленькихъ могилахъ встрѣчаются отъ двухъ до трехъ лошадиныхъ скелетовъ. Это, какъ и изображенія на камняхъ, представляющія только всадниковъ, и извѣстія Китайцевъ, доказываютъ, что Тюрки съ древнѣйшаго времени были всадниками. Это и неудивительно, такъ какъ вездѣ, гдѣ они въ историческихъ извѣстіяхъ выступаютъ на сцену, они являются наѣздниками, и большая часть ихъ до сихъ поръ еще вполнѣ заслуживаетъ это названіе. Поэтому, очень натурально, что древности, оставшіяся отъ тюркскихъ народовъ, состоятъ большею частію изъ принадлежностей верховой ѣзды. Какъ видно изъ дошедшихъ до насъ древностей, Тюрки знали сѣдла, снабженныя стременами. Я нашелъ желѣзныя стремена въ очень древней могилѣ на берегу Бухтармы, а въ большой могилѣ на Катандѣ находились, между деревянными статуйками, изображенія лошадей съ сѣдлами

на спинѣ, обложенными золотомъ. Копыта этихъ деревянныхъ лошадокъ покрыты также золотыми пластинками. Я не могу утвердительно сказать, указываетъ ли это на то, что, въ древнѣйшія времена, люди знатные и достаточные украшали такимъ образомъ своихъ лошадей. Во всякомъ случаѣ, лошадей старались всячески украшать, что доказываютъ, найденныя въ могилахъ по Бухтармѣ, на шеяхъ лошадей цѣпи изъ зубовъ кабана и деревянныя украшенія, обложенныя золотомъ, которыя, по всей вѣроятности, прикрѣплялись къ гривѣ лошади. Подковывались ли лошади въ древнія времена — неизвѣстно; но это дѣлалось позже, какъ доказываютъ найденные въ Абаканскихъ могилахъ плоскіе куски желѣза съ дырками, имѣющіе форму полукруга; они похожи на употребляемыя и теперь еще въ Китаѣ подковы. Что касается принадлежностей верховой ѣзды, то узда состояла изъ желѣзныхъ удилъ съ поперечными палочками, или большими кольцами съ обѣихъ сторонъ. Эти палочки имѣютъ очень разнообразную форму и часто сдѣланы со вкусомъ, въ особенности найденныя въ могилахъ новаго періода по Абакану. Къ кольцамъ удилъ прикрѣплялись боковые ремни, а къ этимъ послѣднимъ — поперечные. Всѣ ремни у богатыхъ въ древнѣйшее время снабжались золотыми или серебряными пластинками, а въ послѣдующія времена мѣдными и, наконецъ, желѣзными, съ насѣченными золотомъ и серебромъ украшеніями. Къ поперечному ремню, находившемуся на лбу лошади, часто придѣлывалась круглая, богато разукрашенная пластинка. Сѣдла имѣли впереди деревянную луку, какъ это еще и теперь дѣлается у Китайцевъ; на передней части ихъ были металлическія украшенія, которыхъ я нашелъ нѣсколько. Сзади къ сѣдлу были прикрѣплены два ремня, соединенные съ подхвостникомъ посредствомъ кольца. Такъ какъ въ большихъ могилахъ по Бухтармѣ между скелетами лошадей я находилъ нашитыя на бересту золотыя украшенія, то и предполагаю, что подъ сѣдла клались попоны или шабраки съ богатыми украшеніями. Стремена большею частію очень тонки; нижняя же часть ихъ довольно широка. Въ могилахъ новаго періода по Абакану встрѣчаются такія стремена въ разнообразныхъ формахъ, съ различными украшеніями. Такъ, напримѣръ, я нашелъ тамъ стремя, насѣченное серебромъ.

Охотникъ съ двумя собаками.

Главнымъ занятіемъ древнихъ Тюрковъ, какъ кажется, было скотоводство, которое и заставляло ихъ вести кочевую жизнь. Изображенія на камняхъ, на берегу Юса и Енисея, доказываютъ, что они, кромѣ лошадей, держали еще верблюдовъ, рогатый скотъ, овецъ и козъ. Китайскіе историки говорятъ, что народъ Хагасъ имѣлъ этихъ же животныхъ, притомъ болѣе овецъ и козъ, чѣмъ верблюдовъ и рогатаго скота. Съ большими стадами, которыя, по словамъ Китайцевъ, у Хагасъ состояли часто изъ нѣсколькихъ тысячъ головъ, они втеченіи года мѣняли нѣсколько разъ свое мѣстопребываніе. При такихъ переселеніяхъ, какъ показываетъ изображеніе на камнѣ, на берегу Юса, они употребляли и двухколесныя телеги, съ остроконечнымъ верхомъ, въ которыя запрягались верблюды. Кочевой образъ жизни древнихъ Тюрковъ, до нѣкоторой степени, подтверждается Китайцами, которые говорятъ, что Хагасъ жили зимою въ избахъ, покрытыхъ корою, а лѣтомъ — въ палаткахъ. То же самое мы видимъ и теперь у Киргизовъ внутренней орды на берегу Иртыша. Они строятъ себѣ на зиму деревянныя жилища, между тѣмъ какъ лѣтомъ перекочевываютъ съ мѣста на мѣсто со своими юртами.

Кромѣ скотоводства, древніе Тюрки занимались еще земледѣліемъ, которымъ и теперь продолжаютъ заниматься всѣ кочевые народы тюркскаго племени. Устраивая пашни около своихъ зимнихъ жилищъ, они заставляли своихъ рабовъ и слугъ обработывать ихъ, между тѣмъ какъ сами со стадами перекочевывали съ пастбища на пастбище. Что это дѣйствительно дѣлалось у Тюрковъ съ древнѣйшихъ временъ такимъ именно образомъ, доказывается тѣмъ, что Узбеки, давно

уже не ведущіе кочевой жизни, еще и теперь называютъ свои деревни кышлакъ (зимовникъ). Болѣе подробныя извѣстія о земледѣліи Хагасъ даютъ намъ Китайцы. По ихъ словамъ, Хагасъ сѣяли просо, ячмень, пшеницу и гималайскій ячмень. Посѣвъ совершался въ третьемъ мѣсяцѣ года, а жатва въ девятомъ. Изъ извѣстій Китайцевъ видно, что земледѣліе не было особенно распространено; на это, по крайней мѣрѣ, указываютъ слова: «они питаются мясомъ и кобыльимъ молокомъ, только Ажо употребляетъ хлѣбную пищу». Занятіе древнихъ Тюрковъ земледѣліемъ подтверждается также найденными въ большомъ количествѣ на Алтаѣ и по Абакану желѣзными серпами, плугомъ, имѣющимъ сходство съ употребляемыми еще и теперь въ Средней Азіи плугами, маленькими круглыми жерновами, представляющими остатки отъ ручныхъ мельницъ, и плоскими шероховатыми камнями, между которыми растирались зерна. Объ употребленіи ручныхъ мельницъ у Хагасъ также упоминается въ извѣстіяхъ Китайцевъ. Кѣмъ именно были проведены каналы для орошенія полей, древними ли Тюрками, или Угро-Самоѣдами,—невозможно рѣшить.

Древній сосудъ съ украшеніями.

По свидѣтельству Китайцевъ, Хагасъ занимались еще рыболовствомъ. Между древностями Енисейской степи я нашелъ желѣзный инструментъ съ крюкомъ, который я считаю острогою.

Извѣстія Китайцевъ объ одеждѣ Хагасъ частію подтверждаются моею находкой. Какъ сказано выше, мнѣ удалось найти одежду въ могилахъ по Катандѣ, благодаря тому, что она находилась во льду. Это — округленная мѣховая одежда, съ рукавами, до того узкими, что ее должно считать плащемъ. Подкладка его изъ собольяго мѣха, частію отлично сохранившаяся, верхъ же составленъ изъ горностаевыхъ мѣховъ, сшитыхъ со вкусомъ изъ прямыхъ и кругообразныхъ полосокъ зеленаго и краснаго цвѣтовъ. Къ зеленымъ, округленнымъ полоскамъ пришиты деревянныя пуговицы, обложенныя золотомъ, а находящіяся между этими полосками другія, образующія тупой уголъ, окаймлены тоненькими ремешками, къ которымъ пришиты четырехугольные золотые листочки. Вокругъ воротника и передней полы нашита полоса шириною отъ 4 до 5 вершковъ, состоящая изъ 14 рядовъ деревянныхъ пуговицъ, обложенныхъ золотыми пластинками. Такія же полосы, состоящія изъ 8 рядовъ такихъ же пуговицъ, нашиты на нижній край платья и на концы рукавовъ, на плечахъ же находится полоса изъ 5 рядовъ пуговицъ.

Второй родъ одежды — принадлежность очень страннаго фасона, напоминающая фракъ. Переднюю часть ея составляетъ достигающая до пояса куртка, безъ воротника, которая у бедеръ сзади удлиняется въ полосу, шириною въ одинъ футъ, доходящую до пятокъ. Подкладка этой одежды сдѣлана изъ собольяго мѣха, а верхъ изъ темной шелковой матеріи. Она кругомъ обшита кожаною полоскою, къ которой прикрѣплены золотыя пластинки. Такая же полоска нашита на спинѣ и на груди около плечъ. На швы рукавовъ и спины нашиты также очень узкія полоски кожи.

Нагрудникъ, имѣющій форму трапеціи, окаймленный кожаною тесьмою; подкладка его точно также изъ собольяго мѣха, а верхъ изъ шелковой матеріи. Тесемки его привязывались къ шеѣ и поясу. Края этого нагрудника были обшиты золотыми пластинками.

Китайцы говорятъ, что женщины носили платья изъ шелковой и шерстяной матеріи. Всѣ описанные виды одежды найдены въ одномъ мѣстѣ. Судя по тому, что нагрудникъ представляетъ принадлежность мужской одежды, надо полагать, что всѣ три вида одежды составляютъ принадлежность мужскаго костюма. Справедливость извѣстія Китайцевъ о томъ, что бѣдные люди у Хагасъ носили овчинныя шубы, доказываютъ намъ остатки такой шубы въ маленькой

могилѣ на берегу Катанды; но, къ сожалѣнію, нельзя было по остаткамъ шубы опредѣлить ея форму, такъ какъ она совершенно сгнила и осталось лишь нѣсколько невредимыхъ кусковъ мѣха, между которыми находилось нѣсколько хорошо сохранившихся кусковъ отъ штановъ. Эти штаны были сдѣланы изъ ткани ручной работы, какъ и теперь еще Киргизы дѣлаютъ ее изъ верблюжьей шерсти. Хорошо сохранившійся нижній край штанины очень узокъ, на одной сторонѣ разрѣзанъ и обшитъ тесьмою, оканчивающеюся бантикомъ; притомъ нижній край мелко стеганъ. Это доказываетъ, что штаны засовывались въ сапоги. Тесемка, которою была обшита штанина, какъ видно на другомъ, хорошо сохранившемся кускѣ, была плетеная. Въ другой могилѣ я нашелъ войлочный сапогъ со стеганой, не очень толстой, войлочной подошвой. Верхній край голенища, въ $1^1/_2$ или 2 четверти, загнутъ. Кромѣ этой одежды, въ двухъ женскихъ могилахъ около шеи скелетовъ находились слѣды узенькихъ воротниковъ изъ довольно тонкой матеріи, къ которымъ были пришиты маленькіе кусочки мѣди, по формѣ своей напоминающіе золотыя пластинки, которыя я встрѣчалъ на одеждѣ въ большой могилѣ. Китайцы передаютъ, что Хагасъ носили остроконечныя войлочныя шляпы. Я не находилъ ни въ одной могилѣ желѣзнаго вѣка слѣдовъ шляпы, но изображенія на камняхъ, на берегу Юса, кажется, подтверждаютъ извѣстія Китайцевъ, ибо одинъ изъ всадниковъ очевидно имѣлъ на головѣ остроконечную шляпу. Кромѣ того, я нашелъ въ одной могилѣ, на берегу Бухтармы, вырѣзанную изъ золотой пластинки фигуру человѣка, имѣющаго на головѣ острую шляпу, длина которой равняется длинѣ половины его тѣла. Изъ всадниковъ, изображенныхъ на серебряной вазѣ, найденной Мессершмидтомъ, трое, очевидно, имѣютъ на головѣ острыя шляпы, хотя послѣднія и не такъ длинны, какъ первая.

Что касается политической жизни древнихъ тюркскихъ племенъ, ихъ нравовъ и государственнаго устройства, то по древностямъ невозможно сдѣлать никакихъ заключеній объ этомъ; поэтому мы должны ограничиться извѣстіями Китайцевъ о народѣ Хагасъ. Внутренняя исторія этихъ народовъ всегда останется неизвѣстною, потому что Китайцы передаютъ только объ ихъ походахъ на югъ и о посольствахъ, которыя они посылали въ Китай. По всей вѣроятности, большая часть жившихъ на Алтаѣ тюркскихъ племенъ удалилась уже въ VIII или IX столѣтіяхъ на югъ, а оставшіяся племена, ослабленныя междоусобными войнами, болѣе и болѣе теряли и ту незначительную степень культуры, которой они успѣли достигнуть, пока, наконецъ, живщіе на южномъ Алтаѣ Тюрки не были покорены въ XIII вѣкѣ вторгнувшимися съ востока монгольскими ордами. Если я назвалъ мѣстомъ жительства Угро-Самоѣдовъ бронзоваго вѣка и Тюрковъ желѣзнаго вѣка собственно Алтай и степи верхняго теченія Енисея, то только потому, что тутъ былъ центръ культуры этого древняго народа, и оставшіяся здѣсь могилы, какъ по наружному, такъ и по внутреннему своему устройству, показываютъ ясные слѣды слѣдовавшихъ другъ за другомъ народовъ. Но я этимъ вовсе не хочу сказать, что эти народы не занимали еще большаго пространства въ сѣверной Азіи. Множество земляныхъ кургановъ, находящихся въ степяхъ между Обью и Ураломъ, ясно доказываютъ, что часть вышеназванныхъ народовъ постепенно передвигалась на сѣверо-западъ. Это подтверждается родствомъ языка у многихъ тюркскихъ племенъ съ восточными тюркскими племенами, живущими въ Барабинской степи и по нижнему теченію Иртыша, и съ Угро-Самоѣдами, живущими по нижнему теченію Оби.

Никакъ нельзя опредѣлить, оставили ли въ этихъ мѣстахъ Угро-Самоѣды только могилы бронзоваго вѣка, или также и могилы желѣзнаго вѣка. Я старался рѣшить этотъ вопросъ посредствомъ раскапыванія могилъ по среднему теченію Оби, въ Барабинской и Кулундинской степяхъ; но, къ сожалѣнію, не пришелъ къ окончательному результату. Большая часть могилъ съ насыпью, хоть немного выдающихся своею величиною, была уже раньше разрыта, такъ что, при вторичныхъ раскопкахъ, нельзя было сдѣлать никакихъ заключеній объ ихъ прежнемъ устройствѣ. Немногія маленькія могилы, встрѣченныя мною нетронутыми, состояли только

изъ могильной ямы, въ которой лежали скелеты, обращенные головою на востокъ. Около нихъ находились разныя оружія: ножи, топоры, кирки, мечи и наконечники копій. Иногда попадались и мѣдныя украшенія; но большая часть вещей до того пострадала, находясь въ глинѣ, что не было никакой возможности замѣтить на нихъ какія-либо изображенія. Многіе изъ найденныхъ предметовъ были очень испорчены, вслѣдствіе чего я иногда не могъ различить даже ихъ формы. Устройство этихъ могилъ напоминало мнѣ устройство могилъ алтайскаго бронзоваго вѣка, но найденные въ нихъ предметы имѣютъ характеръ мѣстнаго желѣзнаго вѣка.

Для примѣра я приведу здѣсь извлеченіе изъ моего дневника при раскапываніи большой могилы въ Кулундинской степи.

10-го мая 1862-го года я встрѣтилъ два кургана въ 5-ти верстахъ отъ Боровскаго форпоста. Одинъ изъ нихъ отличался тѣмъ, что на немъ находилась четыреугольная, обтесанная, гранитная плита, далеко извѣстная въ окрестностяхъ подъ именемъ «Сынъ-Таса», такъ какъ въ этой мѣстности нигдѣ болѣе нѣтъ камней. За нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, эта могила была уже разрыта, и вслѣдствіе этого я въ ней встрѣтилъ только удила и сломанныя кости. Вторая могила была вышиною въ сажень, а въ діаметрѣ имѣла до 16 аршинъ, и нигдѣ не показывала слѣдовъ прежняго разрытія. Достигнувъ поверхности земли, мы встрѣтили четырехугольную могильную яму длиною въ $3^1/_2$ аршина, а шириною въ 3 аршина. Когда мы проникли въ нее на сажень, намъ попался слой древеснаго угля, который покрывалъ дно могильной ямы. Глубже этихъ углей мы нашли слой досокъ, въ $1^1/_2$ аршина толщиною, которыя, какъ было видно изъ положенія волоконъ дерева, состояли изъ 2-хъ на-крестъ положенныхъ слоевъ. Подъ этимъ слоемъ дерева лежали два человѣческихъ скелета и скелетъ лошади. Оба человѣческихъ скелета лежали на спинѣ; руки ихъ прилегали къ тѣлу, большіе пальцы были обращены вверхъ, ноги вытянуты. Длина одного скелета равна двумъ аршинамъ 5-ти вершкамъ; длина другаго скелета составляетъ два аршина $6^1/_2$ вершковъ. Около этихъ скелетовъ находились слѣдующіе предметы: Около перваго скелета лежалъ желѣзный мечъ съ однимъ лезвіемъ, длиною въ аршинъ. На рукояткѣ были слѣды отъ дерева и кожи; кромѣ того, она, безъ сомнѣнія, была украшена желѣзной шишечкой. Мечъ лежалъ у лѣваго бедра скелета. Мѣдная пряжка длиною въ 1 вершокъ, язычекъ которой сдѣланъ изъ желѣза и раздвоенъ. Это, безъ сомнѣнія, пряжка отъ ремня меча. Два мѣдныя кольца, находившіяся на пальцѣ лѣвой руки. Продолговатый кусокъ желѣза съ ручкой (кинжалъ или ножъ), который лежалъ у лѣвой руки. Два желѣзныя стремени, находившіяся по обѣимъ сторонамъ скелета. Остатки деревяннаго колчана съ желѣзными обручами и кольцами, въ которомъ находились 4 стрѣлы; желѣзные оконечники ихъ лежали у лѣваго плеча. Около втораго скелета, надъ головой, лежалъ желѣзный конецъ копья безъ всякихъ слѣдовъ дерева, и съ боку скелета мечъ, подобный тому, какъ у перваго скелета. У скелета лошади находились два круглыхъ желѣзныхъ стремени, желѣзныя удила и кусочки желѣза, лежавшіе около головы лошади.

Хотя большая часть древностей, найденныхъ въ этихъ могилахъ, и имѣетъ сходство съ вещами, найденными въ могилахъ желѣзнаго вѣка на Алтаѣ, но по нимъ все-таки нельзя вывести никакихъ заключеній о родствѣ народовъ, которые оставили ихъ, съ Тюрками, такъ какъ жители западно-сибирскихъ степей, по всей вѣроятности, получали большую часть металлическихъ вещей съ Алтая. Точно также мы не можемъ дѣлать предположеній о древности этихъ могилъ. Но, во всякомъ случаѣ, онѣ устроены ранѣе XIV столѣтія, такъ какъ я не находилъ нигдѣ предметовъ съ арабскими надписями, или магометанскихъ монетъ, которыя, безъ сомнѣнія, проникли бы къ народу, живущему такъ близко.

Угро-самоѣдскія и тюркскія племена, когда у нихъ исчезла культура и когда они распались на незначительныя племена, перестали устраивать для умершихъ большія могилы и переняли способы погребенія отъ магометанъ, буддистовъ и др. Кажется, только въ одномъ уголкѣ

Сибири старый обычай погребенія сохранился дольше, а именно до начала XVII вѣка. Я встрѣтилъ въ мѣстахъ (теперь обросшихъ лѣсомъ) сѣверной части Томской губерніи, между рѣками Кіей и Чулымомъ, поля, покрытыя курганами, устройство которыхъ имѣетъ сходство съ устройствомъ прежнихъ могилъ. Въ одной изъ этихъ могилъ я нашелъ русскую монету царя Михаила Ѳедоровича. Эта монета, понятно, доказываетъ, что могилы этого кладбища не древнѣе XVII вѣка.

Къ сѣверу отъ города Маріинска, по верховьямъ Кіи и по берегамъ рѣчекъ, текущихъ между Кіей и Чулымомъ, находятся курганы, расположенные тѣсными кучами. Во многихъ мѣстахъ они показываютъ слѣды прежняго разрытія, особенно вблизи русскихъ селеній. Могилы, по дорогѣ къ рѣкѣ Чердату, показались мнѣ нетронутыми, почему я только здѣсь и сталъ дѣлать раскопки. Около Улукуля, въ 60 верстахъ отъ Маріинска и по берегамъ рѣки Чердата,

Остатки древности — изъ большаго Катандскаго бугра.

онѣ имѣли одно и то же устройство. На высокихъ берегахъ рѣкъ и на высокомъ краѣ лѣсистыхъ косогоровъ находятся ряды кургановъ, содержащіе отъ 10 до 40 могилъ и имѣющіе въ длину отъ 100 до 200 шаговъ. Бугры могилъ въ вышину имѣютъ отъ 1 до $1^1/_2$ аршина, а въ діаметрѣ отъ 3 до 6-ти аршинъ. Они имѣютъ кругообразную форму и образуютъ почти сегментъ шара. Нѣкоторые курганы находятся до того близко другъ отъ друга, что соприкасаются своими краями. Раскопки большаго количества такихъ могилъ привели къ слѣдующему результату. Трупы лежали на хорошо притоптанной землѣ, обращенные головою на востокъ; руки ихъ прилегали къ самому тѣлу и были частію завернуты въ бересту. У головы или ногъ скелета стояли желѣзные или мѣдные котлы, или, что гораздо рѣже, глиняные сосуды. На трупъ были положены двухъ-или трехвершковыя доски, а на послѣднія насыпался бугоръ. Въ нѣкоторыхъ могилахъ по рѣкѣ Чердату было похоронено по нѣсколько покойниковъ. Въ одной могилѣ находились два трупа, положенныхъ другъ на друга и раздѣленныхъ только тонкимъ слоемъ бересты. Нижній трупъ былъ обращенъ головою на востокъ, верхній — головою на западъ. Судя по найденнымъ около нихъ вещамъ, можно заключить, что нижній былъ скелетомъ мужчины, а верхній женщины. Въ другой могилѣ было найдено три скелета; нижній былъ обращенъ головою къ востоку, а изъ верхнихъ, отдѣленныхъ отъ перваго слоемъ земли отъ 4 до 5-ти вершковъ, одинъ обращенъ головою къ сѣверу, другой къ юго-западу.

Степень культуры народа, оставившаго эти могилы, была та же, на которой и теперь еще находится большинство инородцевъ южной Сибири. Какъ доказываютъ предметы, найденные около скелетовъ, народъ этотъ умѣлъ разрабатывать желѣзо и мѣдь, такъ какъ нѣкоторые ножи, оконечники стрѣлъ и котлы, безъ сомнѣнія, собственной работы. Добывать металлы они не умѣли, а покупали ихъ у русскихъ купцовъ. Многія желѣзныя вещи (нѣсколько топоровъ и ножницы) и многія украшенія (кольца и бисеръ), безъ сомнѣнія, были куплены у Русскихъ. Какъ доказываютъ сдѣланные изъ кости и желѣза оконечники стрѣлъ и желѣзный конецъ копья, они занимались и охотою, которая и теперь еще составляетъ главное занятіе жителей этой мѣстности. Они имѣли лошадей для верховой ѣзды, что видно изъ найденныхъ удилъ и стремянъ. Имѣли ли они еще другой какой скотъ,—неизвѣстно. Земледѣліемъ они занимались мало, такъ какъ изъ земледѣльческихъ орудій найдены только кирки, которыя служили, вѣроятно, для перекапыванія пашни, какъ это дѣлаютъ и теперь еще Тубинцы на восточномъ Алтаѣ. Маленькіе желѣзные крюки служили, по всей вѣроятности, для вырыванія корня кандыка, луковицъ дикихъ лилій и корня піона, и теперь еще составляющихъ любимую пищу туземцевъ. Нѣкоторые изъ найденныхъ желѣзныхъ инструментовъ служили, вѣроятно, для выдалбливанія деревянныхъ чашъ; одну такую чашку я нашелъ въ одной могилѣ. Дѣлали ли они найденные сосуды сами — неизвѣстно; но находящіеся около скелетовъ котлы, во всякомъ случаѣ, доказываютъ, что глиняные сосуды у нихъ употреблялись очень мало. Въ одной могилѣ находился чешуйчатый панцырь и на немъ кусокъ красной шерстяной матеріи, до того грубой, что ее можно считать за ткань ихъ собственной работы. Найденный кусокъ шелковой матеріи, безъ сомнѣнія, купленъ у русскихъ купцовъ. Объ одеждѣ этого народа, по найденнымъ остаткамъ, можно вывести нѣкоторыя заключенія. Какъ женщины, такъ и мужчины, безъ сомнѣнія, носили шапки изъ мѣха косули. Главной ихъ одеждой были шубы изъ мѣховъ пушныхъ звѣрей, которыхъ они убивали на охотѣ. Сапоги у нихъ дѣлались изъ кожи; на подошвы и подъ пятки клалась береста. Женщины носили серьги и, кромѣ того, кольца на шеѣ, сдѣланныя изъ желѣза, къ которымъ былъ придѣланъ бисеръ рядами. Съ лѣвой стороны, у бедра, женщины носили крючки, украшенные бисеромъ; къ нимъ прикрѣплялся рабочій мѣшочекъ съ наперсткомъ и ножницами. Мужчины и женщины носили украшенныя камнями кольца на пальцахъ обѣихъ рукъ.

Такъ какъ Русскіе при своемъ вторженіи въ Сибирь встрѣтили еще Остякъ-Самоѣдовъ (между Томью и Енисеемъ) и такъ какъ описанныя могилы своимъ устройствомъ болѣе всего напоминаютъ могилы Угро-Самоѣдовъ бронзоваго вѣка, — я предполагаю, что это — могилы оставшагося здѣсь одного изъ племенъ Угро-Самоѣдовъ. Если мое предположеніе вѣрно, то степи по Абакану и сосѣдніе лѣса по берегамъ Кіи представляютъ послѣдніе слѣды типовъ могилъ двухъ самыхъ значительныхъ культурныхъ народовъ Западной Сибири, и именно: вторгнувшихся Угро-Самоѣдовъ (по рѣкѣ Кіи) и вытѣснившихъ послѣднихъ изъ ихъ прежняго мѣстожительства тюркскихъ народовъ (по Абакану.)

Вотъ, въ общихъ чертахъ, сущность того, что̀ намъ извѣстно объ аборигенахъ Сибири въ отдаленнѣйшемъ прошломъ.

Остатки орошенія, обработка металловъ и т. д. доказываютъ, что древнѣйшіе обитатели Сибири и особенно нѣкоторыя отдѣльныя племена, способны были къ воспріятію культуры, хотя, съ другой стороны, они далеко отстали, въ этомъ отношеніи, отъ сосѣднихъ съ ними азіатскихъ народовъ.

Въ ту отдаленную историческую эпоху, къ которой относится нашъ обзоръ, въ Сибири замѣчается крайняя неустойчивость населенія, — какое-то броженіе, передвиженіе населенія. Не успѣетъ обосноваться и достигнуть нѣкоторой степени культуры одно племя, — на смѣну ему является другое, болѣе сильное физически, и, едвали не въ большинствѣ случаевъ, если не стираетъ съ лица земли добытые упорнымъ трудомъ слѣды культуры, то, во всякомъ случаѣ, ослабляетъ культурное развитіе.

Народы, населявшіе Сибирь въ эту историческую эпоху, стояли особнякомъ другъ отъ друга. Лишь у нѣкоторыхъ изъ древнѣйшихъ обитателей Сибири можно предположить первые зародыши понятія о государственности. Вообще же говоря, они стояли другъ къ другу во враждебномъ отношеніи; они не объединялись, не сплочивались между собою хотя бы только изъ чувства самосохраненія, — чтобы отражать набѣги.

Безспорно, что государственная жизнь въ Сибири установилась лишь со времени подчиненія ея Россіи. Съ этой точки зрѣнія, фактъ подчиненія Сибири Россіи представляетъ для нея огромный шагъ впередъ.

Прошло уже 300 лѣтъ со времени подчиненія Сибири Россіи. Періодъ — огромный, и въ теченіе его Сибирь могла бы оказать бóльшіе культурные успѣхи, чѣмъ тѣ, какіе она оказала въ минувшее трехсотлѣтіе. Но если сравнить то, чѣмъ была Сибирь до покоренія Россіи и чтó она представляетъ теперь, — получается огромная разница.

В. В. Радловъ.

КАРТА
ТОМСКОЙ
ГУБЕРНІИ
МАСШТАБЪ
ТОМСКЪ
МАРІИНСКЪ
АЧИНСКЪ
КУЗНЕЦКЪ
БІЙСКЪ
БАРНАУЛЪ
КАИНСКЪ
НАРЫМЪ
СЕМИПОЛАТИНСКЪ
УСТЬ-КАМЕНОГОРСКЪ
ПАВЛОДАРЪ

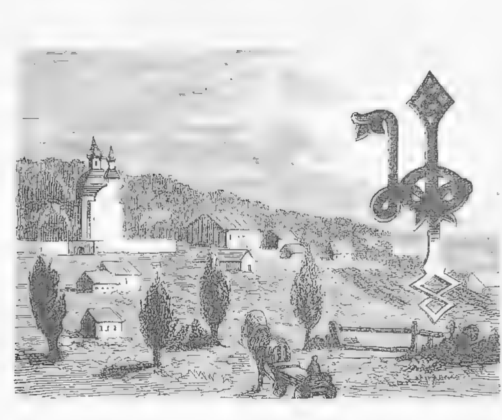
ОЧЕРКЪ II.

ЗАВОЕВАНІЕ И КОЛОНИЗАЦІЯ СИБИРИ.

Роль простаго класса при открытіи, изслѣдованіи и колонизаціи Сибири. — Соболій промыселъ, какъ главный рычагъ при изслѣдованіи Сибири. — Отличіе первоначальнаго строя въ управленіи Сибирью отъ послѣдующаго. — Два эпизода изъ управленія Сибирью. — Значеніе Сперанскаго для Сибири.

...Рядъ картинъ
Забытой Богомъ стороны:
Суровый господинъ
И жалкій труженикъ — мужикъ
Съ понурой головой...
Какъ первый властвовать привыкъ!
Какъ рабствуетъ второй!

Н. НЕКРАСОВЪ.

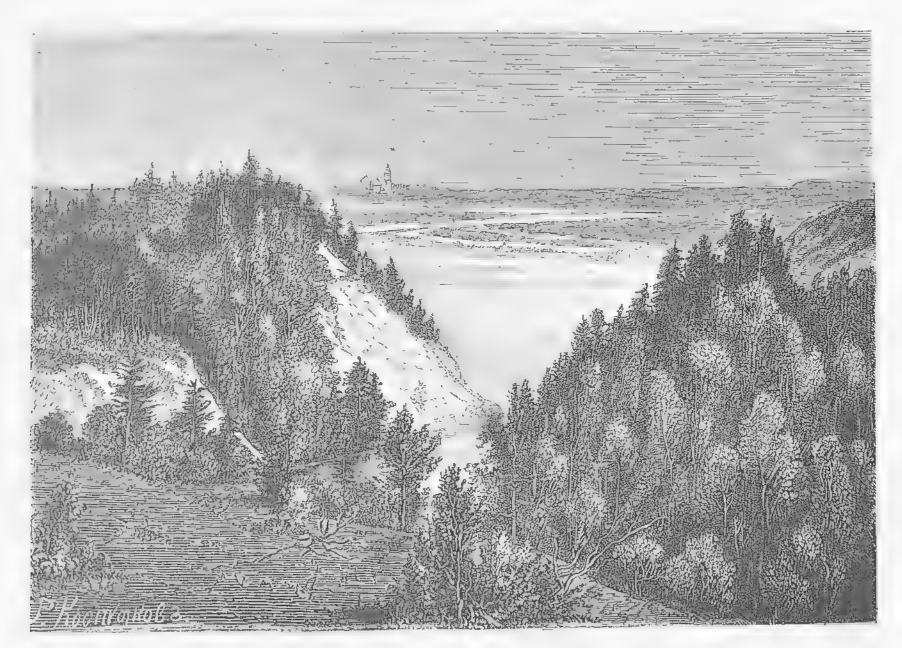

Человѣчество обязано цивилизаціею двумъ центрамъ, лежащимъ на двухъ противоположныхъ концахъ материка Стараго Свѣта. Европейская цивилизація зародилась на берегахъ Средиземнаго моря, китайская — на восточной окраинѣ материка. Эти два міра, европейскій и китайскій, жили отдѣльной жизнью, едва зная о существованіи другъ друга, но не совсѣмъ безъ сношеній между собою. Произведенія этихъ отдаленныхъ странъ, а можетъ быть и идеи, передавались съ одного конца материка на другой. Въ промежуткѣ между двумя мірами лежалъ путь международныхъ сношеній, и это общеніе Востока съ Западомъ вызывало вдоль пути бо̀льшіе или меньшіе успѣхи осѣдлости и культуры, несмотря на то, что самый путь проходилъ по мѣстамъ пустыннымъ, гдѣ плодородные участки встрѣчаются урывками и разъединены безводными пространствами. Сибирь, болѣе удобная, чѣмъ эти пустыни, для осѣдлости и культуры, лежала въ сторонѣ отъ этого международнаго пути, и потому, до позднѣйшихъ вѣковъ, не получила никакого значенія въ исторіи развитія человѣчества.

Обоимъ цивилизованнымъ мірамъ Стараго Свѣта она оставалась даже почти вовсе неизвѣстною, потому что предѣлы этой страны были обставлены такими затруднительными условіями, что проникновеніе въ страну представляло серьезныя препятствія.

На сѣверѣ устья ея большихъ, подобныхъ морскимъ рукавамъ, рѣкъ заслонены льдами Сѣвернаго океана, по которому только въ послѣднее время проложенъ путь. На востокѣ она примыкаетъ къ туманному, бурному и мало посѣщаемому Охотскому и Берингову морямъ.

Отъ цивилизованнаго юга Азіи она отрѣзана степями. На западѣ запиралъ входъ въ нее лѣсистый Уралъ. При такихъ условіяхъ, сношенія съ сосѣдними странами не могли развиться, цивилизація не проникала сюда ни съ запада, ни съ востока, и свѣдѣнія объ этой обширной странѣ были самыя сбивчивыя, сказочныя. Отъ отца исторіи —Геродота, почти до знаменитаго имперскаго посла Герберштейна, вмѣсто достовѣрныхъ сообщеній о Сибири, передавались только басни. Или разсказывали, что на крайнемъ сѣверо-востокѣ живутъ одноглазые люди и грифы, стерегущіе золото; или передавали, что тамъ люди заключены за горами, имѣющими только одно отверстіе, чрезъ которое они выходятъ разъ въ годъ для торговли; или, наконецъ, увѣряли, что они на зиму погружаются въ спячку, какъ животныя, примерзая къ земной поверхности посредствомъ жидкости, которая вытекаетъ изъ ихъ носа. Сказочность извѣстій свидѣтельствуетъ, что во все время, пока складывалось Русское государ-

Видъ оврага.

ство, сношенія съ Сибирью были очень затруднительны и рѣдки, вслѣдствіе непроходимости лѣсистаго Урала. Перевалъ черезъ этотъ хребетъ, по которому теперь перекинутъ рельсовый путь, въ отдаленныя времена былъ настоящимъ международнымъ барьеромъ. Еще въ прошломъ столѣтіи ѣхавшій чрезъ Уралъ въ Березовъ, для наблюденій, астрономъ Делиль заявлялъ, что всякій, кто претерпитъ путь черезъ Уралъ, станетъ удивляться, что есть люди, не рѣшающіеся принять Уралъ за границу между Европой и Азіей.

Въ XVI столѣтіи попытка образовать въ Сибири государство была сдѣлана Туркестанцами. Путь изъ Туркестана въ Сибирь лежалъ черезъ степь, обитаемую Киргизами, народомъ, занимавшимся скотоводствомъ и набѣгами на сосѣдей. Это было хищническое, подвижное населеніе, не знавшее надъ собой никакой власти. Сюда убѣгали недовольные изъ сосѣднихъ туркестанскихъ осѣдлыхъ государствъ, какъ простые люди, такъ и принцы, и нерѣдко какой-нибудь способный авантюристъ сплочивалъ вокругъ себя значительную шайку удальцовъ, съ которою и дѣлалъ набѣги на осѣдлыя мѣстности, сначала для грабежа, а потомъ и для завоеваній, — набѣги, кончавшіеся иногда основаніемъ новой и сильной династіи. Вѣроятно, такими-то удальцами и были основаны первые зародыши татарской, собственно туркестанской колонизаціи въ Сибири.

Спачала возникло нѣсколько отдѣльныхъ княжествъ. Одно изъ нихъ, самое древнее, было Тюменьское; другой князь жилъ въ Ялуторовскѣ, третій въ Искерѣ. Вдоль рѣкъ была заложена прочная колонизація изъ татарскихъ поселеній. Въ поселеніяхъ, бывшихъ резиденціями князей, были устроены крѣпости или городки, въ которыхъ жили дружины, обязанныя собирать князю дань съ окрестныхъ бродячихъ племенъ. Эти колонисты положили начало земледѣлію и ремесламъ. Изъ Туркестана являлись сюда хлѣбопашцы, кожевники и другіе мастера, а также купцы и проповѣдники ислама; муллы принесли сюда грамоту и книгу. Отдѣльные князья, конечно, не жили между собою мирно; время отъ времени, появлялись между ними личности, стремившіяся объединить край подъ своею личною властью.

Первое объединеніе удалось совершить князю Едигеру. Тотчасъ же это новое царство сдѣлалось извѣстно на западной сторонѣ Урала. До тѣхъ поръ, пока Едигеръ не образовалъ изъ

Кучумово городище въ нынѣшнемъ его видѣ.

всѣхъ мелкихъ татарскихъ поселеній цѣлаго Сибирскаго царства, Зауралье не привлекало къ себѣ взоровъ ни государственныхъ людей Россіи, ни простыхъ промышленниковъ. Мелкіе народцы Сибири жили въ своей глуши, не давая о себѣ знать. При Едигерѣ же столкновенія между пограничными жителями повели къ сношеніямъ между Москвой и Сибирью,— и въ 1555 году явились въ столицу Московскаго государства первые сибирскіе послы. Можетъ быть тѣ дары, которые были привезены въ Москву, указали на богатство Сибирскаго края пушниной, и тогда же явилась мысль завладѣть краемъ. Участь Зауральскаго края въ умахъ московскихъ государственныхъ людей была рѣшена; московскій царь сталъ сноситься, путемъ посольства, съ Сибирью. Едигеръ призналъ себя данникомъ, и ежегодно присылалъ по тысячѣ соболей. Но эта дань была внезапно прекращена. Степной наѣздникъ Кучумъ, съ толпою татарской орды, напалъ на Едигера и завоевалъ его царство. Разумѣется, московскіе воеводы заставили бы и Кучума признать московскую власть, но ихъ предупредила банда вольницы, подъ предводительствомъ Ермака. Одна изъ сибирскихъ лѣтописей иниціативу завоеванія приписываетъ именитому гражданину Строганову; народная же пѣсня — самому Ермаку.

Пѣсня намекаетъ, что волжскую вольницу стѣснили со всѣхъ сторонъ и не давали ей простора разгуляться, и вотъ собрались казаки на астраханской пристани «во единый кругъ думати думушку со крѣпка ума, съ полна разума.» — «Куда бѣжать и спасаться?» спрашиваетъ Ермакъ:

«А на Волгѣ жить?—ворами слыть,..
На Яикъ идти?—переходъ великъ.

Во Казань идти?—грозенъ царь стоитъ.
Во Москву идти?—быть перехватанными,
По разнымъ городамъ разсаженными,
И по темнымъ тюрьмамъ разосланными...»

Надумалъ Ермакъ идти въ Усолье, къ Строгановымъ, взять у нихъ запасу хлѣбнаго и ружейнаго и напасть на Сибирь. Лѣтопись разсказываетъ, что Ермакъ прибылъ въ земли Строгановыхъ осенью 1579 года. Строгановы были богатые крестьяне, разжившіеся на добываніи соли изъ варницъ. Они скупали у инородцевъ большія земли, завели городки, держали въ нихъ гарнизоны и пушки. Максимъ Строгановъ, тогдашній глава этой фамиліи, былъ напуганъ появившейся шайкой Ермака на Уралѣ, но долженъ былъ смириться и исполнить все, что̀ отъ него потребовалъ рѣшительный атаманъ; онъ снабдилъ дружину Ермака свинцомъ, порохомъ, сухарями, крупой, далъ ему пушки и вожаковъ изъ Зырянъ. Въ первое лѣто Ермакъ забѣжалъ на суднѣ изъ Чусовой не въ ту рѣчку, въ которую слѣдовало, и потому ему пришлось тутъ зимовать. Только въ 1580 году, Ермакъ явился на сибирскомъ склонѣ Уральскаго хребта; онъ поднялся въ лодкахъ по Чусовой и Серебряной и спустился въ Туру.

Первые туземцы встрѣтились ему въ юртахъ княжца Епанчи, гдѣ нынѣ городъ Туринскъ. Тутъ было дано первое сраженіе. Раздались казачьи выстрѣлы; татарское населеніе, не видавшее прежде огнестрѣльнаго оружія, разбѣжалось. Отсюда Ермакъ спустился въ лодкахъ, внизъ по рѣкѣ, до Тобола и Тоболомъ до впаденія его въ Иртышъ. Здѣсь былъ татарскій городъ Сибирь или Искеръ, т. е. небольшое селеніе, окруженное землянымъ валомъ и рвомъ; оно служило резиденціею сибирскаго царя Кучума. Ермакъ предварительно напалъ на небольшой городокъ Атикинъ, который лежалъ вблизи отъ Сибири. Татары были разбиты и бѣжали. Эта битва рѣшила участь татарскаго владычества въ странѣ. Татары не рѣшились болѣе противустоять казакамъ и бросили городъ Сибирь. На другой день казаки были удивлены тишиной, царствовавшей за городскимъ валомъ,—«и нигдѣ никакого гласа». Казаки долго не смѣли войдти въ городъ, боясь засады. Кучумъ укрылся въ южныхъ степяхъ Сибири, и изъ осѣдлаго царя обратился въ кочевника. Ермакъ сталъ обладателемъ края. Онъ ударилъ челомъ московскому государю.

Пѣсня говоритъ, что онъ явился въ Москву и предварительно подкупилъ московскихъ бояръ собольими шубами, чтобъ доложили о немъ царю. Царь принялъ подарокъ и простилъ Ермаку и его товарищамъ убійство персидскаго посла. Тотчасъ было послано въ Сибирь царское войско подъ начальствомъ воеводы Болховскаго. Оно заняло городъ Сибирь, но, вслѣдствіе утомительныхъ переходовъ, недостатка въ съѣстныхъ припасахъ и нераспорядительности воеводы, въ войскѣ начался моръ отъ голода и самъ воевода умеръ. Ермакъ вновь сталъ главнымъ правителемъ края, но не надолго. Въ это время онъ услышалъ, что вдоль Иртыша идетъ въ Сибирь бухарскій караванъ. Ермакъ пошелъ къ нему на встрѣчу, но на пути былъ окруженъ Татарами и погибъ въ этой свалкѣ.

Это случилось въ 1584 г. Пѣсня говоритъ, что съ нимъ было всего только двѣ коломенки; Ермакъ хотѣлъ перескочить съ одной коломенки на другую, чтобъ помочь своимъ товарищамъ. Онъ ступилъ на конецъ переходки; въ это время другой конецъ доски поднялся и опустился на его «буйну голову» — и онъ упалъ въ воду.

Казаки бѣжали изъ Сибири. Всѣ завоеванные города были снова заняты татарскими князьями, и въ Искерѣ явился князь Сейдякъ. Въ Москвѣ еще ничего не знали объ этомъ и послали въ Сибирь новыя войска для продолженія и укрѣпленія завоеванія. Поэтому казаки не успѣли еще дойти до Урала, какъ встрѣтили идущаго въ Сибирь воеводу Мансурова съ войсками и пушками. Мансуровъ не остановился въ Сибири, проплылъ внизъ по Иртышу, до впаденія его въ Обь, и тутъ основалъ городокъ Самарово, въ странѣ пустынной, занятой невоинственными Остяками. Только слѣдующіе воеводы стали строить города въ болѣе важныхъ мѣстахъ, занятыхъ Татарами.

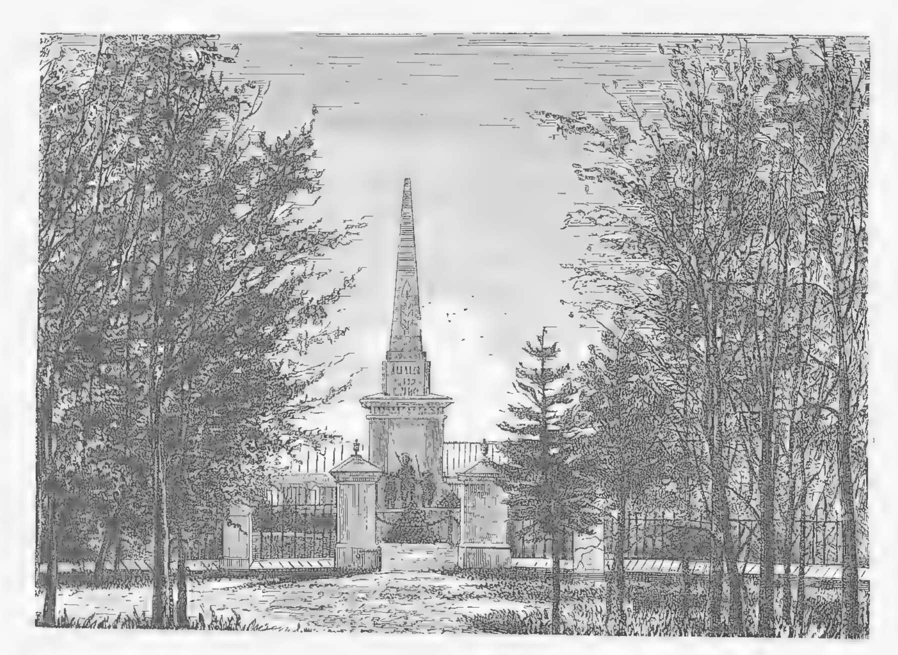
Втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ, Русскіе не были единственными хозяевами въ краѣ. Рядомъ съ ними жили татарскіе князья и собирали ясакъ на себя. Татарскія крѣпости перемежались съ русскими. Воевода Чулковъ въ 1587 г. основалъ городъ Тобольскъ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Сибири, слѣды которой сохраняются и до сихъ поръ около Тобольска. Взять татарскій городъ силой, какъ это сдѣлалъ Ермакъ, воевода не рѣшился. Однажды, разсказываетъ лѣтопись, татарскій князь Сейдякъ, съ двумя другими князьями: Салтаномъ и Карачей, и со свитой въ 400 человѣкъ, выѣхалъ изъ татарскаго города на ястребиную охоту и подъѣхалъ подъ стѣны русскаго города. Воевода Чулковъ пригласилъ ихъ въ свой городъ. Когда Татары хотѣли войти съ оружіемъ въ рукахъ,— воевода остановилъ ихъ словами, что «такъ въ гости не ходятъ». Князья оставили оружіе и съ немногочисленной свитой вошли въ русскій городъ. Гостей привели въ домъ къ воеводѣ, гдѣ были уже готовы столы.

Начался длинный разговоръ о «мирномъ поставленіи», т. е. о миролюбивомъ раздѣленіи власти надъ Сибирью и о заключеніи вѣчнаго мира. Князь Сейдякъ сидѣлъ задумавшись и ничего не ѣлъ; тяжелыя мысли и подозрѣнія приходили ему въ голову. Воевода Данило Чулковъ замѣтилъ его смущеніе и сказалъ ему: «Княже Сейдякъ! Что зло мыслиши на православныхъ христіанъ, ни питія, ни брашна вкуси». Сейдякъ отвѣчалъ: «Азъ не мыслю на васъ никакого зла». Тогда московскій воевода взялъ чашу съ виномъ и сказалъ: «Княже Сейдякъ, аще не мыслиши зла ты и царевичъ Салтанъ и Карача на насъ, православныхъ христіанъ, и вы выпіете чашу сіе за здравіе». Взялъ Сейдякъ чашу, началъ пить — и поперхнулся. Стали пить послѣ него царевичи Салтанъ и Карача — и тоже поперхнулись, — Богъ бо обличающе ихъ. Видѣвше же сіе, воевода и воинстіи людіе, яко зло мыслиша на нихъ князь Сейдякъ и прочіе, хотятъ ихъ смерти—и помахавъ рукою воевода Данило Чулковъ, воинстіи же людіе начаша побивати поганыхъ». Сейдякъ съ лучшими людьми былъ схваченъ и отправленъ въ Москву. Это произошло въ 1588 году. Съ этого времени власть московскаго воеводы утвердилась въ Сибири.

До открытія Сибири, Волга была каналомъ, черезъ который выходили изъ государства такъ называемые опасные элементы. Сюда бѣжалъ и неплательщикъ податей, и преступникъ; сюда же уходилъ энергическій человѣкъ, который искалъ широкой дѣятельности; сюда бѣжали не только крѣпостные крестьяне, бродяги и гулящіе люди, но и личности изъ простаго народа, выдающіяся умомъ и характеромъ, которымъ не было должнаго хода въ жизни. Когда Ермакъ вывелъ часть волжской вольницы за Уральскій хребетъ, все, что́ прежде бѣжало на Волгу, бросилось въ Сибирь. Вмѣсто грабежа торговыхъ каравановъ на Волгѣ, эмиграція на новой почвѣ принялась завоевывать бродячія племена и облагать ихъ ясакомъ изъ соболей въ пользу московскаго государя, причемъ, конечно, значительная доля перепадала самимъ завоевателямъ. Но чтобы отнять соболя у инородца, надо имѣть перевѣсъ въ силѣ, надо обладать храбростью и другими условіями. Поэтому часть эмиграціи обратилась непосредственно къ промыслу за соболями. Слухи о несмѣтномъ количествѣ соболей въ Сибири, разсказы, быть можетъ, преувеличенные, о томъ, что инородцы за желѣзный котелъ даютъ столько собольихъ шкуръ, сколько въ котелъ вмѣстится, вызвали усиленную эмиграцію не только изъ крѣпостной Москвы, но и изъ свободнаго населенія древней Новгородской области. Жители нынѣшнихъ Олонецкой, Вологодской и Архангельской губерній, издавна знакомые съ звѣриными промыслами, пустились въ Сибирь добывать дорогаго звѣря. Всѣ эти эмигранты, начиная съ военной дружины Ермака, шли въ Сибирь или на лодкахъ, или пѣшкомъ. Поэтому и первый разливъ эмиграціи по новой странѣ совершился по лѣсной полосѣ, путемъ рѣчныхъ сообщеній. Въ южныя степи эмиграція не шла, потому что у нея не было лошадей, чтобы дѣлать набѣги на живущихъ въ степяхъ кочевниковъ; да притомъ у кочевниковъ ничего не было, кромѣ скота, а эмигрантамъ нужны были дорогія собольи шкуры,— и эмиграція забиралась далеко на сѣверъ, ближе къ Ледовитому океану. Въ виду этого, въ

XVII и началѣ XVIII столѣтія, сѣверъ Сибири былъ гораздо оживленнѣе, чѣмъ теперь. Сѣверные города Сибири основаны раньше южныхъ. Особенно славился въ старой Сибири городъ Мангазея (пѣсни придаютъ ему эпитетъ «богатѣя»), лежавшій чуть не у береговъ Ледовитаго океана и теперь вовсе не существующій. Географія сѣверной Сибири, и даже Таймырскаго полуострова была извѣстна Русскимъ XVII столѣтія лучше, чѣмъ въ позднѣйшее время. Но когда соболь и другіе дорогіе звѣри были истреблены на сѣверѣ, народонаселеніе начало подниматься вверхъ по рѣкамъ и основывать южные города.

Распространеніе русской власти въ краѣ шло такимъ порядкомъ. Укрѣпившись на Тоболѣ и его притокахъ, Русскіе стали распространять свои владѣнія въ Сибири внизъ по Иртышу и Оби. Въ 1593 году, былъ основанъ городъ Березовъ на нижнемъ теченіи

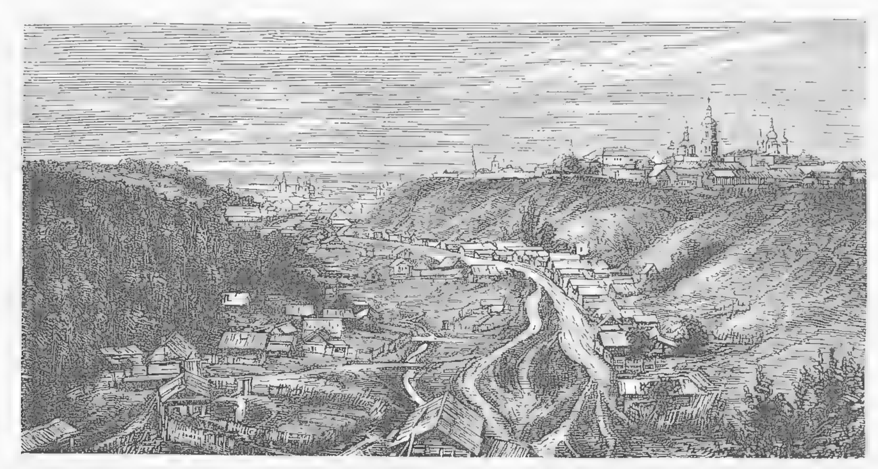
Памятникъ Ермаку въ Тобольскѣ.

Оби. Въ томъ же году Русскіе поднялись по Оби вверхъ отъ устья Иртыша и основали другой городъ, Сургутъ. Черезъ годъ, въ 1594 г., отрядъ изъ полутора тысячъ военныхъ людей поднялся по Иртышу выше устья Тобола и основалъ городъ Тару. У Тары военныя предпріятія вверхъ по Иртышу прекратились и начались вновь въ этомъ направленіи только послѣ того уже, какъ вся Сибирь, вплоть до Тихаго океана, была открыта, и были завоеваны Камчатка и Амуръ. Омская крѣпость, лежащая всего въ 400 верстахъ къ югу отъ Тары, основана была только въ 1817 г., слѣдовательно, черезъ 224 года послѣ основанія Тары.

Единственное завоеваніе, сдѣланное при помощи Тары, заключается въ землѣ барабинскихъ Татаръ. Напротивъ, партіи изъ сѣверныхъ городовъ заходили гораздо дальше на востокъ. Березовцы въ 1600 году основали городъ, почти у самаго Ледовитаго моря, на рѣкѣ Тазѣ, и назвали его Мангазеею; сургутскіе казаки пошли вверхъ по Оби и основали, на ея притокѣ, рѣкѣ Кети, Кетскій острогъ; поднявшись еще выше по Оби, встрѣтили рѣку Томь, и на ней, въ 60 верстахъ выше устья, былъ основанъ въ 1604 году городъ Томскъ; четырнадцать лѣтъ позже, т. е. въ 1618 году, былъ основанъ городъ Кузнецкъ на той же рѣкѣ Томи, но выше Томска.

Тутъ завоеватели Сибири впервые дошли до южно-сибирскихъ горъ, которыя отдѣляютъ ее отъ Монголіи. Основаніемъ Кузнецка закончилось занятіе обширной системы рѣки Оби; треть Сибири была занята; далѣе на востокъ оставались еще двѣ такія же большія рѣчныя системы: Енисейская, къ занятію которой, тотчасъ же послѣ завоеванія Обской системы, и было приступлено, и Ленская, лежащая восточнѣе Енисейской.

Занятіе Енисейской системы началось съ крайняго сѣвера. Въ одинъ годъ съ тѣмъ, какъ въ Обской системѣ былъ основанъ городъ Томскъ, мангазейскіе казаки, или промышленные люди, завели на Енисеѣ зимовье, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Туруханскъ. Къ 1607 году Самоѣды и Остяки, жившіе на Енисеѣ и рѣкѣ Пясидѣ, были обложены ясакомъ; а въ 1610 году Русскіе, спускаясь внизъ по Енисею на судахъ, достигли до его устья, т. е. вышли въ Ледовитое море. Среднія части Енисейской системы были открыты кетскими казаками, которые,

Тобольскъ.

облагая Остяковъ вверхъ по Кети, въ 1608 году дошли до Енисея въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ стоитъ городъ Енисейскъ, и оттуда поднялись до окрестностей нынѣшняго Красноярска. Около Енисейска они нашли Остяковъ, которыхъ за то, что они знали кузнечное дѣло, прозвали кузнецами. Вскорѣ послѣ обложенія ясакомъ, Остяки кузнецкой волости подверглись нападенію Тунгусовъ, пришедшихъ съ рѣки Тунгуски. Русскіе, находившіеся въ волости за сборомъ ясака, были также побиты. Это была первая встрѣча Русскихъ съ новымъ племенемъ — Тунгусами. Непріязненныя дѣйствія послѣднихъ противъ обложенныхъ ясакомъ Остяковъ вызвали построеніе, около 1620 года, города Енисейска, на берегу рѣки Енисея. Послѣ этого, въ теченіе двухъ лѣтъ, были приведены въ покорность какъ Тунгусы, жившіе по рѣкѣ Тунгускѣ, такъ и Татары, обитавшіе вверхъ по Енисею, и обложены ясакомъ. Въ 1622 году было получено первое извѣстіе еще о новомъ народѣ — Бурятахъ.

Именно Енисейцы услышали, что на рѣку Канъ, впадающую въ Енисей справа, пришли Буряты въ числѣ 3000 человѣкъ. Это извѣстіе заставило Русскихъ подумать о болѣе прочномъ положеніи на верхнемъ Енисеѣ, противъ Кана. Съ этою цѣлью, въ 1623 году, былъ заложенъ на Енисеѣ, въ земляхъ, принадлежащихъ Татарамъ-Аринамъ, при устьѣ Качи, въ 300 вер. выше Енисейска, новый городъ, — Красноярскъ. Сфера дѣйствій Красноярцевъ обращена была преимущественно на югъ, гдѣ они встрѣтили кочевое татарское племя Киргизовъ, съ которымъ уже ранѣе вели упорную борьбу томскіе казаки. На востокѣ Красноярцы ограничились только изслѣдованіемъ долинъ рѣкъ Кака и Маны, въ которыхъ они нашли звѣроловныя самоѣдо-остяцкія племена: Камашей, Котовцевъ, Мозоровъ и Тубинцевъ.

Открытія въ восточномъ направленіи были развиты съ болѣе существенными послѣдствіями изъ средняго и нижняго Енисея. Одна изъ енисейскихъ партій, отправленная вверхъ по Тунгускѣ или Ангарѣ, подъ начальствомъ Перфирьева, дошла до устья Ишима; другая, подъ начальствомъ сотника Бекетова, поднялась еще выше; она перебралась черезъ опасные пороги, дошла до рѣки Оки, и обложила ясакомъ живущихъ тутъ Тунгусовъ. Рѣка Ишимъ, впадающая въ Ангару выше Оки, открывала Русскимъ путь въ новую, болѣе восточную область, въ систему большой рѣки Лены. Въ 1628 году десятникъ Бугоръ съ десятью казаками поднялся по Ишиму вверхъ, переволочился въ долину рѣки Куты и по ней спустился въ рѣку Лену, по которой проплылъ до устья рѣки Чаи. Высокое качество соболей, вывезенныхъ этой партіей въ Енисейскъ, было заманчиво для Енисейцевъ. Они, въ томъ же году, отправили другую партію на Лену, подъ начальствомъ атамана Галкина; а въ 1632 году послали прославившагося уже ловкостью и умѣньемъ вести подобныя предпріятія Бекетова съ наказомъ построить городъ Якутскъ въ земляхъ занимаемыхъ Якутами. Эти партіи, спускаясь по Ленѣ, нашли уже здѣсь русскихъ промышленныхъ людей изъ города Мангазеи, которые, черезъ Туруханскъ, достигли до Лены и до земли Якутовъ десятью годами раньше Енисейцевъ. Черезъ пять лѣтъ послѣ основанія Якутска, именно, въ 1637 году, казаки подъ начальствомъ десятника Бузы, спускаясь по Ленѣ, впервые дошли до ея устья, и вышли въ Ледовитое море; отсюда они входили въ рѣки Оленскъ и Яну, чтобъ обложить ясакомъ живущихъ на нихъ Тунгусовъ и Якутовъ. Года черезъ два, въ 1639 году, слѣдовательно, спустя шестьдесятъ лѣтъ послѣ взятія Сибири Ермакомъ, партія томскихъ казаковъ, пришедшихъ въ Якутскъ съ атаманомъ Копыловымъ, розыскивая новыя земли и облагая инородцевъ ясакомъ, поднявшись вверхъ по Алдану и Маѣ, впервые увидѣли волны Тихаго океана. Они вышли на берегъ тамъ, гдѣ въ океанъ впадаетъ небольшая рѣчка Улья.

Еще оставались не занятыми въ Сибири: Прибайкальская страна, Забайкалье, Амуръ и крайній сѣверовостокъ, съ Камчаткою. Къ сѣвернымъ берегамъ Байкала Русскіе подошли, постепенно расширяя свою власть вверхъ по рѣкѣ Ангарѣ. Въ 1654 году, на Ангарѣ былъ построенъ Балаганскій острогъ, гдѣ нынѣ городъ Балаганскъ, 200 верстъ ниже Иркутска; а въ 1661 году былъ построенъ и Иркутскъ, въ 60 верстахъ отъ береговъ Байкала. На южный берегъ Байкала Русскіе явились, обойдя озеро съ востока. Первый острогъ въ Забайкальѣ — Баргузинскій, былъ основанъ въ 1648 году, т. е. за 13 лѣтъ ранѣе Иркутска и за 6 лѣтъ ранѣе Балаганска. Отсюда русская волна постепенно разлилась по Забайкалью на западъ и югъ, до Кяхты и Нерчинска. Партіи, ходившія по южнымъ притокамъ Лены, т. е. по Олекмѣ и Алдану, узнали о существованіи большой рѣки Амура, протекающей за хребтомъ съ южной стороны. Первый отважился перевалить черезъ хребетъ Поярковъ, въ 1643 году. Онъ спустился по рѣкѣ Зеѣ, проплылъ вдоль рѣки Амура до ея устья, вышелъ въ море, и, пробираясь на сѣверъ возлѣ берега, дошелъ до рѣки Ульи, откуда перешелъ на Алданъ по той самой дорогѣ, по которой томскіе казаки первые открыли Тихій океанъ. Послѣ 1648 г., промышленникъ Хабаровъ, набравъ на Ленѣ дружину изъ охотниковъ, явился на Амурѣ, поднявшись по Олекмѣ и Тугиру. Онъ вышелъ на Амуръ далеко выше устья Зеи, и отсюда спустился по Амуру до устья Сунгари и старой дорогой воротился назадъ съ огромной добычей. Таковъ былъ въ общихъ чертахъ географическій ходъ завоеванія Сибири.

Завоеваніе это было болѣе дѣломъ мужиковъ, чѣмъ воеводъ. Дѣло, обыкновенно, происходило такимъ образомъ. Прежде, чѣмъ появится въ новой странѣ казачья партія, посланная изъ ближайшаго острога или города, въ ней появляются соболе-промышленники и заводятъ въ ней зимовья или звѣроловныя избушки. Наловивъ соболей собственными ловушками, или набравъ ихъ у мѣстныхъ жителей подъ предлогомъ сбора въ ясакъ, они приносили добычу въ городъ или острогъ, чтобы сбыть товаръ московскимъ купцамъ. Извѣстіе о новой, богатой соболями странѣ доходило до воеводы или до атамана, завѣдывавшаго острогомъ, и онъ

посылалъ во вновь открытую страну казачью партію. Такимъ именно образомъ, задолго до появленія казачьихъ партій, были открыты Енисей и Лена. Когда казачьи отряды явились въ этихъ мѣстахъ, они нашли уже Мангазейцевъ, которые позаводили здѣсь свои зимовья и ловили соболей. Подъ конецъ завоевательнаго періода Сибири, походы, для открыванія новыхъ земель, обратились въ очень выгодный промыселъ. Стали формироваться изъ частныхъ лицъ, изъ простыхъ звѣропромышленниковъ небольшія партіи, съ цѣлью открытія земель, покоренія ихъ подъ государеву руку и обложенія ясакомъ. Такія партіи, набравъ соболей съ инородцевъ, меньшую часть отдавали казнѣ, а большую часть,—какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ сибирскіе лѣтописцы, — удерживали въ свою пользу. Въ концѣ концевъ, партіи эти стали становиться многолюдными; простые звѣропромышленники начали являться въ качествѣ завоевателей обширныхъ странъ. Хабаровъ, простой звѣропромышленникъ съ рѣки Лены, занимавшійся варкою соли на Киренгѣ, собралъ дружину изъ полуторыхъ сотъ добровольцевъ и съ нею погромилъ почти весь Амурскій край. Казачьи поисковыя партіи также, надо полагать, формировались не столько по почину воеводъ, сколько по собственной охотѣ казаковъ. Казаки основывали артель, приступали къ воеводѣ съ просьбами снабдить ихъ порохомъ, свинцомъ и припасами, и отправлялись въ походъ, въ надеждѣ вынести значительное число соболей и на свой пай. Казачьи завоевательныя партіи были по большей части немноголюдны: въ 20 и даже 10 человѣкъ.

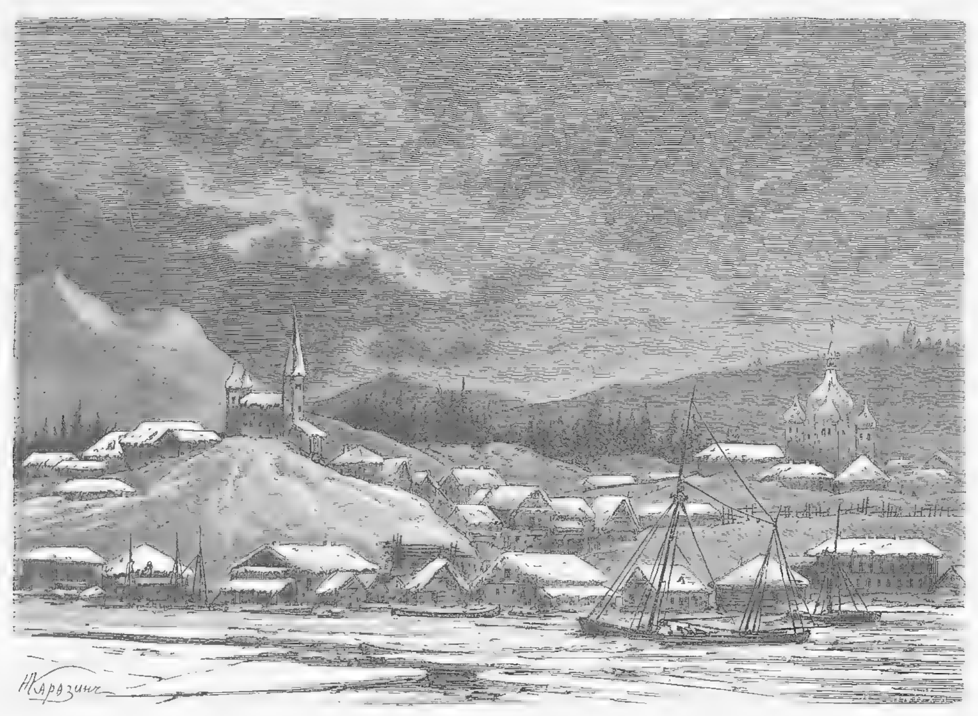
Итакъ, главная роль въ занятіи и колонизаціи Сибири принадлежитъ простому народу. Крестьянство выдѣлило изъ своей среды всѣхъ главнѣйшихъ руководителей дѣла. Изъ его же среды вышли: первый завоеватель Сибири — Ермакъ, завоеватель Амура —Хабаровъ, завоеватель Камчатки — Атласовъ, казакъ Дежневъ, обогнувшій Чукотскій носъ; простые промышленники открыли мамонтову кость. Это были люди отважные, хорошіе организаторы, самой природой созданные для управленія толпой, находчивые въ затруднительномъ положеніи, умѣвшіе, въ случаѣ нужды, обернуться малыми средствами и изобрѣтательные.

Первыя партіи русскихъ переселенцевъ въ Сибирь принесли съ собой на новую почву первичныя формы общественной организаціи: казаки — военный кругъ; соболе-промышленники — артель, землепашцы — общину. Рядомъ съ этими формами самоуправленія въ Сибири устраивалось и воеводское управленіе. Его вынужденъ былъ призвать Ермакъ; онъ сознавалъ, что безъ присылки новыхъ людей и «огненнаго боя», словомъ — безъ поддержки Московскаго государства, ему, со своей малочисленной казачьей артелью, не удержать Сибири. Въ Сибири одновременно развивались двѣ колонизаціи: вольнонародная, шедшая впереди, и правительственная, руководимая воеводами.

Въ первое время сибирской исторіи, казачьи общины сохраняли свое самоуправленіе. Особенно онѣ были независимы вдали отъ воеводскихъ городовъ, на сибирскихъ окраинахъ, гдѣ онѣ содержали гарнизоны остроговъ, заброшенныхъ среди враждебныхъ племенъ. Если онѣ сами, безъ воеводскаго почина, отправлялись на поиски новыхъ данниковъ, то все управленіе вновь занятымъ краемъ находилось въ ихъ рукахъ. Первые сибирскіе города были ничто иное, какъ осѣдлыя казачьи дружины или артели, управлявшіяся «кругомъ». Эти осѣдлыя казачьи артели подѣлили между собою ясачную Сибирь, и каждая изъ нихъ имѣла свой районъ для сбора ясака. Иногда выходили споры, кому сбирать ясакъ съ того или иного племени, и тогда одинъ казачій городъ ходилъ на другой войной. Старшимъ въ ряду сибирскихъ городовъ считался Тобольскъ, который настаивалъ, что онъ одинъ имѣетъ право принимать иноземныхъ пословъ. Въ позднѣйшее время свобода и иниціатива этихъ артелей и общинъ сократились; но еще въ XVIII столѣтіи многія дѣла, даже уголовныя, отдаленныя казачьи общины рѣшали сами. Въ случаѣ открытія заговора, гарнизонъ отдаленнаго острога собиралъ сходъ, присуждалъ преступниковъ къ смертной казни и исполнялъ ее, давая потомъ только знать въ ближайшую воеводскую канцелярію. Такъ, напримѣръ, поступили жители городка Охотска съ мятежными Коряками, въ концѣ прошлаго столѣтія. Это самоуправленіе и самосуды, однако,

постепенно исчезали передъ распространявшейся воеводской властью. Но изрѣдка вспыхивали попытки возстановить сибирскую старину. Такъ остались разсказы о низложеніи воеводъ въ Иркутскѣ и Тарѣ. Слѣды этой борьбы сохранились въ сибирскихъ архивахъ въ небольшомъ числѣ; но, въ дѣйствительности, ихъ было больше. Къ прошлому столѣтію самоуправленіе въ сибирскихъ городахъ окончательно пало. Остатки самоуправленія уцѣлѣли лишь въ деревняхъ, заброшенныхъ въ тайгахъ, вдали отъ большаго тракта.

Не только первые завоеватели, пришедшіе съ Ермакомъ,—казаки и сбродъ волжской вольницы, — но и позднѣйшіе эмигранты, болѣе мирные звѣропромышленники, были люди или нерасположенные къ занятію земледѣліемъ, или никогда имъ не занимавшіеся. Эти партіи запасались провизіей, складывали ее на сани, или такъ называвшіяся чупицы, которыя нужно было тащить на себѣ, и уходили на востокъ однѣ за другими. Зачатки мѣстнаго земледѣлія

Березовъ.

они нашли только тамъ, гдѣ были заложены поселенія татарской колонизацией. Разумѣется, эти зачатки были ничтожны и не могли удовлетворять прибывавшія однѣ за другими звѣроловныя артели. Кромѣ хлѣба, эти послѣднія нуждались еще въ «огненномъ боѣ». Оба эти обстоятельства ставили звѣроловныя артели въ зависимость отъ отдаленной метрополіи. Такъ какъ соболиный промыселъ тотчасъ же былъ оцѣненъ Москвой по достоинству, то Московское государство приняло на себя заботу о снабженіи промышленниковъ провизіей и снарядами. Вообще же, это увлеченіе соболинымъ промысломъ было для государства выгодно. Вся добыча звѣровщиковъ была обращена въ государственную казну. Соболь, какъ впослѣдствіи золото, былъ признанъ государственной регаліей; велѣно было, чтобъ весь соболь, уловленный въ Сибири, сдавался въ казну. Часть соболей поступала въ нее, какъ ясакъ; но и тѣ соболи, которые поступали отъ инородцевъ въ продажу или были изловлены русскими промышленниками и потомъ были куплены скупщиками, не могли миновать казны. Скупщики, подъ строгимъ наказаніемъ, обязаны были привезти ихъ въ Москву и сдать въ Сибирскій приказъ, изъ котораго

имъ выдавали по оцѣнкѣ деньги, какъ теперь выдаютъ ихъ золото-промышленнику, когда онъ ссыпетъ добытое имъ золото въ плавильную печь въ Барнаулѣ или Иркутскѣ. Въ своихъ наказахъ или инструкціяхъ сибирскимъ воеводамъ, московское правительство настаивало—всѣми мѣрами стараться, «чтобъ во всей Сибири соболи были въ одной его Великаго Государя казнѣ». Въ Китай былъ дозволенъ вывозъ только худыхъ мѣховъ; бухарскимъ купцамъ было вовсе запрещено вывозить мѣха въ Туркестанъ; самимъ воеводамъ было строго настрого запрещено носить собольи шубы и собольи шапки. Какъ невыдѣланныя шкуры, такъ и сшитые мѣха воеводы должны были выбрать изъ края и отправить въ Москву. Для этого имъ изъ Москвы присылали товаръ, который они должны были выдавать Остякамъ, Якутамъ и Тунгусамъ подъ добычу; имъ было разрѣшено также торговать отъ казны водкой по улусамъ, чтобъ вымѣнивать на нее пушнину.

Типы изъ Березова.

Стараясь обратить всю добычу отъ собольяго промысла въ пользу казны, правительство должно было исполнить двѣ задачи: обезпечить продовольствіе промышленныхъ партій и побороть контрабанду. Чтобъ русскіе купцы не провозили соболей тайно, были учреждены таможенныя заставы въ городахъ по большому московскому тракту. Но, кромѣ русскихъ купцовъ, контрабандой въ Сибири занимались бухарскіе купцы. Послѣдніе состояли частью изъ потомковъ тѣхъ Туркестанцевъ, которые поселились въ Сибири до Ермака, частью изъ выходцевъ, явившихся въ Сибирь уже послѣ завоеванія ея Русскими. Они имѣли въ Сибири земли и были единственными землевладѣльцами въ ней. Еще до появленія Русскихъ, они уже вели оживленную торговлю съ сибирскими инородцами, — брали у нихъ соболей, а имъ давали бумажныя ткани. Русскіе купцы, въ обмѣнъ на соболей, стали предлагать сибирскимъ жителямъ русскій холстъ и крашенину; но русская матерія была и хуже и дороже, такъ что конкуренція съ Бухарцами была трудна. Кромѣ того, что товаръ Бухарца былъ выгоднѣе для инородца, Бухарецъ бралъ перевѣсъ надъ Русскимъ и давностью своихъ сношеній съ Сибирью; Бухарцы имѣли въ инородческихъ стойбищахъ женъ и семейства, входили въ родственныя связи съ мѣстными князьками; наконецъ, они были болѣе образованны, чѣмъ русскіе пришельцы. Въ XVII столѣтіи они были единственными людьми въ Сибири, въ рукахъ которыхъ была книга. Въ XVIII столѣтіи иностранцы, попавшіе въ Сибирь, нашли у нихъ рѣдкія рукописи. Такъ, напримѣръ. плѣнный шведъ Страленбергъ у одного изъ тобольскихъ Бухарцевъ открылъ туркестанскую лѣтопись, написанную хивинскимъ принцемъ Абульгази, подъ названіемъ «Родословная о Татарахъ». Русскимъ нужно было выдержать въ Сибири конкуренцію съ ловкими въ торговомъ отношеніи Туркестанцами, славящимися древностью своей культуры, восходящей за христіанскую эру. Борьба эта продолжалась въ теченіе XVII и XVIII столѣтій и отчасти даже и въ XIX вѣкѣ. Отатареніе инородцевъ продолжало совершаться и при русскомъ владычествѣ; обращеніе язычниковъ въ исламъ шло рядомъ съ обращеніемъ въ христіанство, и нѣкоторыя племена, какъ, напримѣръ, Барабинскіе Татары, только въ половинѣ прошлаго столѣтія перешли изъ шаманства въ магометанство, — и тщетно раздавались голоса тобольскихъ архіереевъ о принятіи мѣръ противъ мусульманской проповѣди. Не менѣе была трудна

борьба съ Бухарцами и въ торговомъ отношеніи. Бухарцы въ XVII столѣтіи держали въ рукахъ всю внутреннюю торговлю въ Сибири; въ XVIII столѣтіи въ ихъ рукахъ осталась только азіатская торговля; но и вытѣсненные изъ внутренняго рынка, Бухарцы представлялись серьезными соперниками устюжскимъ купцамъ, державшимъ въ своихъ рукахъ торговлю Сибири съ Европейской Россіей. Сибирскіе жители, какъ инородцы, такъ и Русскіе, любили азіатскія ткани болѣе, чѣмъ русскія. Въ прошломъ столѣтіи вся Сибирь, по словамъ извѣстнаго Радищева, одѣвалась въ бѣлье изъ азіатской бязи, а въ праздники надѣвала шелковыя рубахи изъ китайской фанзы. Крестьянки по воскресеньямъ ходили въ платьяхъ и чепцахъ изъ китайской шелковой матеріи — голи; священническія ризы также шились изъ китайской голи; вся корреспонденція въ Сибири писалась китайской тушью; ею писалъ въ Москву челобитную иркутскій купецъ, ею же писались всѣ бумаги въ полковыхъ канцеляріяхъ на Иртышѣ.

И устюжскому купцу, и московскому правительству не могло нравиться это заполоненіе сибирскаго рынка азіатскими товарами и первенство Бухарцевъ. Правительству оно тѣмъ менѣе могло нравиться, что Бухарецъ за свои ткани требовалъ у инородца мѣховъ. Вопреки указамъ правительства, въ Сибири велась обширная контрабандная торговля мѣхами. Мѣстной администраціи трудно было услѣдить за ней, потому что все населеніе было заинтересовано существованіемъ контрабанды. Населенію хотѣлось носить шелковыя, а не холщевыя рубашки, и потому всѣ, — и Русскіе, и инородцы, и купцы, и казаки, — занимались тайной продажей мѣховъ Бухарцамъ. Чтобы положить конецъ контрабандѣ и вывозу соболей въ Туркестанъ, правительство совсѣмъ запретило въѣздъ Бухарцамъ въ Сибирь. Такою мѣрою, въ началѣ XIX столѣтія, правительству удалось дать перевѣсъ русскому купцу надъ Бухарцемъ и водворить въ Сибири русскій фабрикатъ. Уже въ концѣ прошлаго столѣтія стала замѣтна эта перемѣна. Не только ввозъ азіатскихъ бумажныхъ товаровъ въ Сибирь уменьшился, но начался вывозъ русскихъ бумажныхъ тканей въ Китай и Туркестанъ. А въ первой половинѣ XIX столѣтія вывозъ этого товара взялъ перевѣсъ надъ ввозомъ.

Другая забота правительства по отношенію къ Сибири заключалась въ спабженіи ея продовольствіемъ. Эти заботы продолжаются чрезъ все XVIII столѣтіе, а частію и въ нынѣшнемъ столѣтіи. Звѣропромышленники, увлекаясь легкостью наживы отъ собольяго промысла, не желали браться за соху. Правительство стало заводить въ Сибири деревни, устраивать дороги, учреждать почтовые ямы, вербовать въ Россіи хлѣбопашцевъ и селить ихъ вдоль сибирскихъ дорогъ. Каждый переселенецъ, по царскому указу, долженъ былъ взять съ собой положенное количество скота и домашней птицы, а также земледѣльческія орудія и сѣмена. Возъ переселенца походилъ на маленькій Ноевъ ковчегъ. Иногда правительство вербовало въ Россіи лошадей и отправляло въ Сибирь для раздачи переселенцамъ. Но этихъ мѣръ было недостаточно. Правительство заводило казенныя пашни въ Сибири, обязывало крестьянъ обработывать ихъ, заставляло ихъ же строить дощаники и сплавлять на нихъ хлѣбъ въ безхлѣбныя мѣста.

Заведеніе пашень, скотоводства, осѣдлыхъ поселеній, требовало умноженія женщинъ въ Сибири, а въ новую страну шло преимущественно мужское населеніе. Отъ недостатка женщинъ, въ первое время Сибирь не отличалась нравственностью. За неимѣніемъ русскихъ женщинъ, Русскіе заводили женъ изъ инородокъ и, по обычаю Бухарцевъ, заводили ихъ по нѣскольку, такъ что московскій митрополитъ Филаретъ долженъ былъ проповѣдывать противъ сибирскаго многоженства. Жены - инородки добывались или покупкой, или захватомъ. Многочисленные бунты инородцевъ, которые вызывались несправедливыми поборами и притѣсненіями сборщиковъ ясака, давали поводъ къ многочисленнымъ военнымъ походамъ въ инородческія стойбища, причемъ мнимыхъ ослушниковъ избивали, а женъ и дѣтей забирали въ плѣнъ и затѣмъ продавали ихъ въ сибирскихъ городахъ въ рабство. Голодъ отъ безхлѣбицы и неулова звѣря заставлялъ часто и самихъ инородцевъ продавать своихъ дѣтей въ рабство. Кочевое племя

Киргизовъ, занимавшее южныя степи Сибири, дѣлая набѣги на сосѣднихъ съ ними Калмыковъ, всегда возвращалось съ плѣнными и плѣнницами и также иногда сбывало ихъ въ сибирскихъ пограничныхъ городахъ.

Царскимъ указомъ 1754 года было ограничено право винокуренія однимъ сословіемъ дворянъ; купцамъ курить вино было запрещено. Но такъ какъ въ Сибири дворянства не было, то этотъ законъ сначала не распространялся на Сибирь. Неожиданно въ Иркутскъ, спустя года два, является нѣкто Евреиновъ, довѣренный генералъ-прокурора Глѣбова, и требуетъ сдачи винокуренныхъ заводовъ, или по-сибирски «каштаковъ», во владѣніе Глѣбову, которому они бы будто отданы казной въ аренду. Купцы не повѣрили; самъ иркутскій вице-губернаторъ Вульфъ принялъ это за ошибку. Но это не была ошибка. Генералъ-прокуроръ Глѣбовъ дѣйствительно снялъ въ аренду кабаки и каштаки въ Сибири, чтобы заняться прибыльною торговлею виномъ.

Станція въ Сибири.

Въ слѣдующемъ, послѣ пріѣзда Евреинова, году въ Иркутскъ является присланный сенатомъ, по ходатайству Глѣбова, слѣдователь Крыловъ. Прежде, чѣмъ начать слѣдствіе, Крыловъ укрѣпляется въ своей квартирѣ; онъ устраиваетъ у себя гауптвахту, окружаетъ себя солдатами, стѣны своей спальной комнаты обвѣшиваетъ разнымъ оружіемъ, спать ложится не иначе, какъ съ заряженнымъ пистолетомъ подъ подушкой. Все показывало, что Крыловъ замышляетъ противъ городскаго общества что-то недоброе, способное вызвать народную месть, и заблаговременно укрѣпляется въ своей квартирѣ.

Пока эта домашняя крѣпость не была готова, Крыловъ, появляясь въ обществѣ, былъ очень ласковъ и привѣтливъ; но потомъ внезапно измѣнился и началъ съ того, что весь магистратъ заковалъ въ кандалы и посадилъ въ тюрьму. Началось вымогательство съ купцовъ денегъ; подъ пытками и плетями ихъ заставляли признаться въ злоупотребленіяхъ по городскому управленію и въ противозаконной торговлѣ виномъ. Не только члены магистрата, но и множество другихъ лицъ изъ городскаго общества было припутано къ этому дѣлу посредствомъ ложныхъ доносовъ. Сдѣлать это въ Сибири всегда было легко. Стоило только человѣку, облеченному властью, показать наклонность выслушивать доносы, какъ услужливыхъ людей всегда оказывалось въ количествѣ, превосходящемъ запросъ начальства. Особенно недобрую память о себѣ оставилъ одинъ изъ иркутскихъ купцовъ — Елезовъ. Онъ съ самаго начала подслужился къ Крылову и потомъ указывалъ ему, съ кого и какую сумму можно получить посредствомъ застѣнка и пытокъ. Устойчивѣе другихъ оказался купецъ Бичевинъ. Это былъ богатый человѣкъ, который велъ торговлю на Тихомъ океанѣ и тѣмъ нажилъ большое состояніе. Едвали онъ, если судить по характеру его торговыхъ занятій, былъ причастенъ къ злоупотребленіямъ иркутскаго магистрата по виноторговлѣ; но богатство его было приманкой для Крылова, и потому онъ былъ привлеченъ къ дѣлу и подвергнутъ пыткамъ. Его подняли на дыбы или виску: т. е. къ его ногамъ былъ привязанъ обрубокъ дерева или сырая колода въ родѣ той, на которой наши мясники рубятъ говядину, вѣсомъ отъ 5 до 12 пудовъ. Мученика поднимали по блоку кверху за веревки, привязанныя къ кистямъ рукъ, и быстро опускали, не да-

вая бревну удариться о землю; потомъ, съ вывернутыми суставами въ рукахъ и ногахъ, несчастный висѣлъ въ продолженіе времени, опредѣленнаго мучителемъ, повременамъ получая по тѣлу удары плетью. Подвѣшенный на вискѣ, Бичевинъ крѣпился и отказывался признать за собою вину. Не снявъ его съ виски, Крыловъ уѣхалъ къ купцу Глазунову на закуску. Тамъ онъ пробылъ три часа. Бичевинъ все это время провисѣлъ на дыбахъ. Когда Крыловъ вернулся, Бичевинъ почувствовалъ приближеніе смерти и далъ согласіе подписаться въ 15,000 рублей. Его сняли съ дыбы и отвезли домой. И здѣсь Крыловъ не оставилъ его въ покоѣ. Онъ пріѣхалъ къ нему въ домъ и передъ смертью еще вымучилъ такую же сумму. Подобнымъ звѣрскимъ образомъ было вымучено съ иркутскихъ купцовъ и мѣщанъ около 150,000 рублей. Кромѣ того, Крыловъ, подъ предлогомъ вознагражденія казны за убытки, конфисковалъ купеческія имущества. Особенно же отбиралъ драгоцѣнныя вещи, которыя частью прямо, безъ околичностей, присвоивалъ себѣ, частью продавалъ съ аукціона, при чемъ самъ былъ и оцѣнщикомъ, и продавцомъ, и покупателемъ. При такомъ порядкѣ, разумѣется, все цѣнное и лучшее переходило въ сундуки самого слѣдователя совсѣмъ за безцѣнокъ. Эти вымогательства и грабежъ частныхъ имуществъ сопровождались оскорбительнымъ обращеніемъ Крылова съ иркутскими жителями. Въ засѣданіе Крыловъ являлся всегда пьяный, и неистовствовалъ; билъ купцовъ по лицу кулаками и тростью, вышибалъ имъ зубы, таскалъ за бороды. Пользуясь своей властью, Крыловъ посылалъ за дочерями купцовъ своихъ гренадеровъ и безчестилъ ихъ. Когда же отцы жаловались вице-губернатору Вульфу,—тотъ только разводилъ руками и говорилъ, что Крыловъ присланъ сенатомъ и ему не подчиненъ. Ни возрастъ, ни недостатокъ красоты не гарантировали иркутскихъ женщинъ отъ насилій Крылова. Онъ хваталъ десятилѣтнихъ дѣвочекъ. Старухи также не были избавлены отъ его преслѣдованій. Одинъ изъ сибирскихъ бытописателей разсказываетъ, какъ Крыловъ вынуждалъ любовь купчихи Мясниковой. Ее хватали гренадеры, приводили къ Крылову, били, заковывали въ кандалы, запирали; но женщина геройски переносила побои и отказывалась отъ его ласкъ. Наконецъ, Крыловъ призвалъ мужа этой женщины, далъ ему въ руки палку и заставлялъ бить свою жену—и мужъ билъ, уговаривая собственную жену нарушить бракъ...

Островъ Нанги.

Сибирское купечество вело себя въ этой исторіи невѣроятно трусливо. Никто не рѣшался пожаловаться и разоблачить предъ высшимъ начальствомъ насилія бѣшенаго человѣка, которому случайно попала въ руки власть надъ краемъ, вслѣдствіе корыстолюбія такого важнаго государственнаго чиновника, какъ генералъ-прокуроръ Глѣбовъ. Въ Иркутскѣ былъ богатый купецъ Алексѣй Сибиряковъ, слывшій законникомъ въ городѣ. Онъ любилъ изучать законы, собиралъ указы и инструкціи по управленію Сибирскимъ краемъ, такъ какъ свода законовъ тогда еще несуществовало, и составилъ полное собраніе этихъ государственныхъ актовъ. Вмѣсто того, чтобы, вооружась знаніемъ, выступить на защиту своего города,

Сибиряковъ бѣжалъ и гдѣ-то спрятался въ глухой деревнѣ или просто въ лѣсу, проживая въ звѣропромышленной избушкѣ. Крыловъ испугался, подумавъ, что Сибиряковъ укатилъ въ Петербургъ съ доносомъ, и послалъ нарочнаго вдогонку, чтобъ воротить бѣглеца. Нарочный доѣхалъ до Верхотурья, и возвратился ни съ чѣмъ. Бѣглецъ бросилъ въ городѣ свою жену съ семействомъ и брата. Тотчасъ же Крыловъ заковалъ ихъ въ кандалы и потребовалъ указанія, куда скрылся Сибиряковъ. Но, не смотря на плети, ни жена, ни братъ бѣглеца ничего не могли сказать, потому что Сибиряковъ бѣжалъ украдкою даже отъ своихъ домашнихъ. Въ довершеніе надругательствъ надъ иркутскимъ обществомъ, Крыловъ предложилъ иркутскимъ купцамъ отправить депутацію въ Петербургъ, съ цѣлью просить у Глѣбова милостиваго снисхожденія къ обвиненнымъ купцамъ, въ числѣ которыхъ было много и мнимо-виновныхъ,— и депутатомъ, по желанію Крылова, былъ избранъ его любимецъ и извѣтчикъ Елезовъ.

Два года Крыловъ безчинствовалъ такимъ образомъ въ краѣ. Представитель власти, вице-губернаторъ Вульфъ, молчалъ и не имѣлъ мужества не только собственной властью остановить его, но даже и донести о безчинствахъ. Архіерей Софроній также притаился и старался сдѣлать свое существованіе незамѣтнымъ для Крылова, который началъ вмѣшиваться во всѣ части управленія. Однажды, подгулявъ въ одномъ собраніи, Крыловъ, въ пьяномъ видѣ, хотѣлъ пощеголять передъ Вульфомъ своимъ могуществомъ и сталъ распекать его за упущенія по службѣ. Хотя Вульфъ возражалъ ему робко, стараясь опровергнуть обвиненіе, но Крыловъ, подъ вліяніемъ опьяненія, разгорячился, приказалъ отобрать у Вульфа шпагу, объявилъ его арестованнымъ и отставленнымъ отъ должности и самъ вступилъ въ управленіе краемъ. Только тогда, испугавшись за свою свободу, а, можетъ быть, и жизнь, Вульфъ рѣшился извѣстить свое начальство о событіяхъ въ Иркутскѣ. Втихомолку онъ и архіерей Софроній обдумали это дѣло. Архіерей написалъ доносъ, а Вульфъ съ секретнымъ нарочнымъ отправилъ его въ Тобольскъ. Изъ Тобольска послѣдовало приказаніе арестовать Крылова. Вульфъ однако не рѣшился сдѣлать это открыто; онъ предпринялъ это дѣло съ большими предосторожностями. Ночью команда изъ двадцати отборныхъ казаковъ подступила къ квартирѣ слѣдователя, захватила сначала ружья, стоявшія въ сошкахъ передъ гауптвахтой, потомъ смѣнила караулъ. Затѣмъ, казачій урядникъ Подкорытовъ, славившійся своей удалью, вошелъ съ нѣсколькими товарищами въ комнату буйнаго администратора. Крыловъ, увидѣвъ его, схватилъ со стѣны ружье и хотѣлъ защищаться, но Подкорытовъ предупредилъ его и одолѣлъ. На Крылова надѣли кандалы и отправили въ тюрьму, а затѣмъ, по распоряженію высшаго начальства, въ Петербургъ, гдѣ онъ долженъ былъ предстать предъ судомъ. Императрица Елисавета, узнавъ объ этомъ дѣлѣ, приказала, чтобъ съ «симъ злодѣемъ не смотря ни на какія персоны поступлено было». Сенатъ, игнорируя всѣ злодѣянія Крылова, вмѣнилъ ему въ вину только арестованіе Вульфа и оскорбленіе государственнаго герба, который Крыловъ имѣлъ неосторожность прибить къ воротамъ своей квартиры вмѣстѣ съ дощечкой, на которой было выставлено его собственное имя, и лишилъ его чиновъ. «Черезъ сто лѣтъ даже,—говоритъ одинъ сибирскій бытописатель,—трудно судить хладнокровно объ этомъ отвратительномъ событіи, особенно намъ, Сибирякамъ, предки которыхъ умерли или разорились подъ кнутомъ Крылова; но чѣмъ долженъ былъ казаться этотъ палачъ для тѣхъ, кто испыталъ его пытки и насильства?...»

Сибирская люлька.

Безпорядки въ Сибири росли; извѣстія о нихъ чаще стали доходить до верховной власти. Чтобы помочь дѣлу, увеличили полномочія главнаго начальника края. Такимъ обширнымъ полномочіемъ былъ облеченъ генералъ-губернаторъ Селифонтовъ, кончившій опалою,—увольненіемъ отъ службы съ запрещеніемъ въѣзда въ столицы. Затѣмъ генералъ-губернаторомъ въ Сибири является Пестель. Это былъ болѣзненно-подозрительный человѣкъ. При самомъ назначеніи на этотъ высокій постъ, Пестель трепетной рукой написалъ, между прочимъ, Государю: «Боюсь, Государь, этого мѣста. Сколько моихъ предшественниковъ было сломлено сибирской ябедой! Не надѣюсь и я благополучно оставить эту должность; лучше отмѣните Вашу волю, — сибирскіе доносчики меня погубятъ». Государь не согласился отмѣнить свой приказъ, и Пестель долженъ былъ отправиться въ Сибирь. По вступленіи въ должность, онъ заявилъ, что пріѣхалъ сокрушить ябеду. Впрочемъ, онъ непосредственно не управлялъ Сибирью: онъ передалъ дѣла управленія въ руки своихъ ближайшихъ родственниковъ и фаворитовъ, а самъ уѣхалъ въ Петербургъ и больше не возвращался. Одиннадцать лѣтъ управлялъ онъ Сибирью, живя въ Петербургѣ, переиначивалъ Высочайшія повелѣнія, обходилъ ихъ и подмѣнялъ сенатскими распоряженіями. Съ одной стороны, онъ обманывалъ правительство ложными представленіями; съ другой — обманывалъ мѣстное населеніе запугиваніями, что въ Петербургѣ отъ него отвернулось высшее начальство и презираетъ его за ябедничество.

Истокъ рѣки Енисея.

Наконецъ, противникамъ Пестеля удалось убѣдить Государя произвести ревизію Сибири. Разсказываютъ, что, однажды, Императоръ Александръ I смотрѣлъ изъ окна Зимняго Дворца и замѣтилъ на шпицѣ Петро-Павловскаго собора что-то черное. Онъ подозвалъ, славившагося своимъ остроуміемъ, графа Ростопчина и спросилъ, не разсмотритъ ли онъ, что́ это такое. Ростопчинъ отвѣчалъ: «Надо позвать Пестеля. Онъ отсюда видитъ, что дѣлается въ Сибири». А въ Сибири, дѣйствительно, творилось нѣчто ужасное. Государь послалъ въ Сибирь Сперанскаго. При одномъ слухѣ объ этомъ, сибирская администрація обезумѣла отъ страха. Одинъ изъ *самодурныхъ* деспотическихъ воротилъ Сибири впалъ въ дикое сумасшествіе, отъ котораго вскорѣ и умеръ; другой разомъ осунулся и состарѣлся; третій повѣсился передъ самымъ началомъ слѣдствія Сперанскаго.

Явился Сперанскій въ Сибирь. Его управленіе было собственно только «административное путешествіе» по Сибири. Черезъ два года онъ оставилъ край и вернулся въ Петербургъ. Настрадавшаяся Сибирь встрѣтила его, какъ посланника Божія. «Бысть человѣтъ посланъ свыше!»—писалъ его современникъ, образованный сибирякъ, Словцовъ. И самъ Сперанскій понималъ, что его пріѣздъ въ Сибирь — эпоха для сибирской исторіи. Онъ называлъ себя вторымъ Ермакомъ, за то, что онъ открылъ общественно-живущую Сибирь, или какъ онъ выражался: «открылъ Сибирь въ ея политическихъ отношеніяхъ».

Одинъ изъ сибирскихъ писателей, г. Вагинъ, разсказываетъ такой анекдотъ. Въ какомъ-то

глухомъ городкѣ въ Забайкальѣ ждали Сперанскаго. Чиновники были въ сборѣ, а генералъ-губернаторъ не ѣдетъ. Компанія соскучилась, усѣлась за карты, подвыпила, потомъ и заснула. Генералъ-губернаторъ пріѣхалъ ночью и разбудилъ это общество словами: «Се женихъ грядетъ въ полунощи!» Результаты ревизіи были таковы: генералъ-губернаторъ, два губернатора и шесть сотъ чиновниковъ подлежали суду за злоупотребленія; сумма расхищенныхъ денегъ простиралась до *трехъ милліоновъ* рублей! Представляя свой отчетъ о ревизіи, Сперанскій ходатайствовалъ предъ Государемъ ограничиться наказаніемъ только наиболѣе крупныхъ виновниковъ. Къ этому побуждала, во-первыхъ, необходимость, такъ какъ, изгнать шестьсотъ чиновниковъ изъ службы—значило оставить Сибирь безъ чиновниковъ; во-вторыхъ, въ злоупотребленіяхъ сибирскихъ чиновниковъ не столько были виноваты люди, сколько самая система управленія. Пострадали только двѣсти человѣкъ; изъ нихъ только сорокъ человѣкъ постигла болѣе суровая кара.

Обнаруживъ злоупотребленія чиновничества и покаравъ важнѣйшихъ виновниковъ, Сперанскій измѣнилъ самую систему управленія Сибири, даровавъ ей извѣстное особое «Сибирское Уложеніе». Къ каждому сибирскому губернатору и генералъ-губернатору приставленъ совѣтъ, состоящій изъ чиновниковъ, назначаемыхъ министерствами. Ввести въ эти совѣты выборныхъ отъ мѣстнаго общества—помѣшала Сперанскому Аракчеевская партія. Практика послѣдующихъ лѣтъ доказала, что это новое «Уложеніе» весьма мало способствовало уменьшенію административнаго произвола въ Сибири.

Благодѣтельныя послѣдствія пребыванія Сперанскаго въ Сибири заключаются скорѣе въ томъ обаятельномъ впечатлѣніи, которое онъ произвелъ на мѣстное населеніе своей личностью. «Въ вельможѣ, — говоритъ Вагинъ, — Сибиряки въ первый разъ увидѣли человѣка». Вмѣсто прежнихъ правителей, въ Иркутскъ явился человѣкъ простой, доступный, привѣтливый, высоко образованный, съ широкимъ государственнымъ взглядомъ, — словомъ, человѣкъ, какого Сибирь никогда раньше не видала. Сперанскій держалъ себя въ обществѣ чрезвычайно просто. Онъ входилъ въ пріятельскія отношенія съ старожилами; выказывалъ любовь и покровительство къ наукамъ. Правитель обширнаго края, реформаторъ его, заваленный дѣлами по ревизіи, забрасываемый тысячами прошеній, составляющій разомъ нѣсколько проектовъ по управленію отдѣльными частями, — онъ, въ то же время, съ живѣйшимъ интересомъ слѣдитъ за текущею русскою литературою, изучаетъ нѣмецкую литературу, учится англійскому языку и самъ преподаетъ латинскій языкъ одному молодому студенту. Пребываніе Сперанскаго въ Сибири — свѣтлый эпизодъ въ исторіи этой страны, сплошная, такъ сказать, картина торжества правды надъ произволомъ. Кара, постигшая виновниковъ злоупотребленій и, главное, личное вліяніе Сперанскаго, — сдѣлали на нѣкоторое время невозможными безпорядки въ прежнихъ размѣрахъ. Потомъ, развитіе просвѣщенія въ метрополіи, откуда являлись управители края, измѣненіе взглядовъ на управленіе вообще и управленіе окраинами въ частности, смягченіе нравовъ правителей — сдѣлали, наконецъ, совершенно невозможнымъ повтореніе въ Сибири крыловщины и пестелевщины. Особое «Сибирское Уложеніе» имѣло цѣлью ослабить безпорядки управленія, происходившіе отъ отдаленности края, ограниченіемъ власти начальниковъ края посредствомъ совѣтовъ; думали, что это ограниченіе сдѣлаетъ сибирскіе порядки похожими на русскіе. Однако этого равенства «Сибирское Уложеніе» не доставило. Сибирскіе порядки все-таки постоянно хуже тѣхъ, которые существуютъ въ Европейской Россіи. Правда, они лучше тѣхъ, которые были до Сперанскаго, но и люди въ Сибири не тѣ уже. Сибирь, вступившая уже въ четвертое столѣтіе своего существованія подъ владычествомъ Россіи, ждетъ новой, болѣе коренной реформы въ управленіи.

По поводу трехсотлѣтняго юбилея Сибири, съ высоты трона раздалось Державное слово, дающее право надѣяться, что, въ недалекомъ, вѣроятно, будущемъ, тѣ реформы, которыми пользуется Европейская Россія, будутъ распространены и на Сибирь. О безотлагательной важности

и необходимости этого заявлено, наконецъ, сибирскою администрацією, и къ этому заявленію высшая правительственная власть отнеслась съ особеннымъ вниманіемъ и заботливостію.

Дѣйствительно, приведеніе Сибири въ одно цѣлое съ Европейскою Россіею установленіемъ единства въ системѣ управленія обѣими этими русскими территоріями — это первое, что необходимо для того, чтобы сдѣлать Сибирь не только окончательно русскою страною, но и органическою частью государственнаго нашего организма—въ сознаніи какъ европейско-русскаго, такъ и сибирскаго населенія. Затѣмъ, необходимо окончательно закрѣпить связь Сибири съ Европейскою Россіею желѣзнодорожнымъ путемъ, пролегающимъ черезъ всю Сибирскую территорію. Тогда, само собою, совершенно естественно, установится должный приливъ населенія изъ Европейской Россіи въ Сибирь и обиліе естественныхъ богатствъ сибирскихъ получитъ соотвѣтствующій сбытъ на русскомъ и западно-европейскомъ рынкахъ. Только при этомъ условіи и можетъ явиться для Сибири возможность оправдать свою старинную репутацію «*золотаго дна*».

Г. Н. Потанинъ.

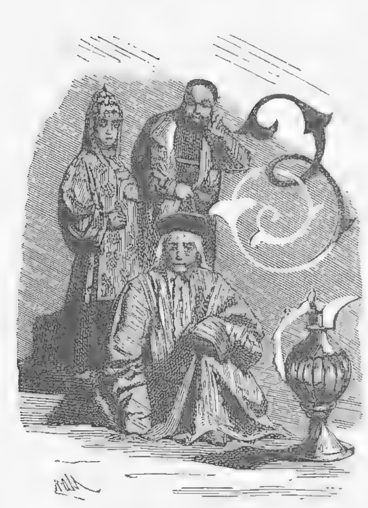
ОЧЕРКЪ III.

ЗАПАДНО-СИБИРСКАЯ НИЗМЕННОСТЬ.

Обско-Иртышская низменность.—Физическій ея характеръ.—Обь и Иртышъ.—Сельское хозяйство и промыслы жителей.—Тобольскъ и Тюмень.—Большой Сибирскій трактъ.—Пароходство по рѣкѣ Оби и ея притокамъ.

Горсточку Русскихъ сослали
Въ страшную глушь, за расколъ,
Волю да землю имъ дали;
Годъ незамѣтно прошелъ —
Ѣдутъ туда комисары,
Глядь,—ужь деревня стоитъ,
Риги, сараи, амбары!
Въ кузницѣ молотъ стучитъ,
Мельницу выстроятъ скоро,
Ужь запаслись мужики
Звѣремъ изъ темнаго бора,
Рыбой изъ вольной рѣки.
Вновь черезъ годъ побывали,—
Новое чудо нашли:
Жители хлѣбъ собирали
Съ прежде безплодной земли.

Н. Некрасовъ.

Типы тобольскихъ Татаръ.

Замѣчательно плодотворны открытіями XV и XVI вѣка. Европейскій міръ весьма сильно подвинулся за это время впередъ. «Все въ это время способствовало къ тому, чтобы наполнить умъ картинами внезапно расширившихся міровыхъ пространствъ и сознаніемъ возвысившихся силъ человѣка». Такъ говоритъ Гумбольтъ во второй части своего «Космоса», въ заключеніи общаго обзора великихъ географическихъ открытій конца XV вѣка, подготовившихъ новое настроеніе духа въ странахъ, принимавшихъ участіе въ далекихъ морскихъ путешествіяхъ. Если Сибирь, съ ея суровымъ климатомъ, съ громаднымъ разстояніемъ, съ мрачными, суровыми лѣсами, съ ея гигантскими рѣками, степными и лѣсными пустынями, — не можетъ поразить воображеніе своею безконечною роскошью красокъ, то, съ другой стороны, при изученіи ея, можетъ привлечь вниманіе очаровательною картиною жизни природы, пожалуй, даже болѣе понятной уму сѣвернаго жителя, чѣмъ разнообразіе чуждыхъ ему полуденныхъ красотъ.

Перваливъ за Уралъ и миновавъ пограничный столбъ, отдѣляющій Европейскую Россію отъ Сибири, путешественникъ медленно спускается въ Обско-Иртышскую низменность, которая составляетъ небольшую часть и продолженіе огромной Арало-Каспійской низменности, составлявшей когда-то морское дно. Низменность рѣки Оби, образованная, подобно долинѣ Миссисипи, тремя отлогими, обширными скатами, по обилію водъ и величинѣ занимаемаго ею пространства, можетъ стать на ряду съ самыми обширными рѣчными системами Стараго и Новаго Свѣта. Все пространство Западной Сибири, занимающей почти весь бассейнъ Оби и ея наибольшаго притока—Иртыша, по климату и физическимъ свойствамъ, дѣлится на три полосы.

Первая, сѣверная, простирающаяся отъ береговъ Ледовитаго океана до параллели Тобольска, представляетъ полосу тундръ, оттаивающихъ лишь на небольшую часть года; вторая — средне-земледѣльческая полоса, значительная часть которой покрыта болотами и поросла непроходимыми лѣсами; третья, южная полоса — чисто-степная, почти безлѣсная, усѣяна на сѣверѣ только небольшими березовыми рощами.

Мы коснемся здѣсь только той части земледѣльческой полосы, которая занимаетъ среднюю часть Тобольской губерніи и сѣверный округъ Томской, прорѣзанную нижнимъ теченіемъ рѣки Иртыша и среднимъ теченіемъ рѣки Оби. Западная часть этой равнины покрыта небольшими возвышенностями, идущими отъ Уральскаго хребта и не достигающими русла Иртыша. Въ составъ земледѣльческой полосы Тобольской губерніи входятъ, изъ 9 округовъ губерніи, только 4 округа: Тюменьскій, Ялуторовскій, Тобольскій и Тарскій. Пространство, занимаемое ими, равняется 221,676 квадратнымъ верстамъ, или 4,524 квадратнымъ милямъ, что составляетъ 23% площади всей губерніи. Протяженіе этой полосы съ востока на западъ (до горы Нипчуръ, въ Уральскомъ хребтѣ) имѣетъ приблизительно 1,100 верстъ. Площадь же сѣвернаго Нарымскаго округа Томской губерніи составляетъ 195,437 квадратныхъ верстъ, или 4,074 квадратныхъ миль.

Рѣка Обь только среднею своею частію протекаетъ въ землепахатной полосѣ равнины. Медленно катитъ свои воды величественная рѣка среди береговъ, покрытыхъ на всемъ протяженіи, отъ послѣднихъ отраслей Салаирскаго кряжа до области тундръ, непроходимыми дремучими лѣсами. Общій видъ ея теченія, по выходѣ изъ предгорій Алтая до сліянія съ Иртышемъ, можетъ быть сравненъ съ дугою громаднаго круга, центръ котораго лежитъ по лѣвую сторону ея наибольшаго притока Иртыша, а радіусъ составляетъ до 600 верстъ. Ширина рѣки доходитъ до 850 саженъ, а глубина повсюду такова, что, во время самой низкой воды, рѣчные пароходы безъ всякихъ затрудненій могутъ совершать рейсы. Громадный изгибъ средняго теченія обусловливается невысокою возвышенностью, сплошь покрытою непроходимыми лѣсами и болотами, лежащею между Обью и нижнимъ теченіемъ Иртыша. Болота и лѣса этой возвышенности питаютъ безчисленные притоки Оби и Иртыша; наибольшій изъ нихъ, Васьюганъ, представляетъ стокъ огромной системы связанныхъ между собою полу-болотъ, полу-озеръ, лежащихъ въ живописнѣйшей, но трудно доступной мѣстности Западной Сибири. Разбиваясь на многочисленные протоки, Обь, въ сѣверной части Нарымскаго округа, достигаетъ мѣстами ширины до пяти и болѣе верстъ. Широкая, болотистая долина рѣки, раздѣленная на множество островковъ, богата озерами и лугами, затопляемыми весенними водами.

Изъ инородческихъ названій Оби заслуживаетъ вниманія названіе, данное ей Самоѣдами — Куай и Ауай, такъ что великая рѣка равнины, какъ и Нилъ у Египтянъ, считается бѣдными дикарями могучимъ божествомъ. Изъ многочисленныхъ правыхъ притоковъ Оби, замѣчателенъ Вахъ, рѣчная область котораго изобилуетъ строевымъ лѣсомъ и пушнымъ звѣремъ. Среди болотистыхъ и лѣсистыхъ береговъ его, часто попадаются луговыя мѣста. Въ лѣсахъ водится бѣлка, которая, по величинѣ и пушности своей, цѣнится выше другихъ и извѣстна въ торговлѣ подъ именемъ «ваховской бѣлки».

Въ озерахъ сѣверныхъ болотистыхъ тундръ беретъ начало другой, хотя незначительный, но обильный водою правый притокъ Оби, Ляминъ или Ляминъ-Соръ. Весною всѣ три вѣтви этой рѣки, разливаясь по обширнымъ пространствамъ ровныхъ и открытыхъ береговъ, обращаютъ верховья въ сплошное громадное озеро, идущее далеко въ глубь тундръ. Эти громадные разливы послужили поводомъ къ разсказу, что Ляминъ-Соръ есть обширный водный бассейнъ въ 800 верстъ, сообщающійся на сѣверѣ съ Обскою губою.

Отъ устья рѣки Чумыша Обь сильно расширяется и течетъ между низкими, болотистыми и чрезвычайно лѣсистыми берегами до устья рѣки Иртыша; мѣстами берега достигаютъ одной сажени высоты, и кое-гдѣ виднѣются холмы. Ниже устья Иртыша, Обь распадается на нѣсколько рукавовъ, соединенныхъ протоками, обнимая ими огромные острова. Обширные острова

рѣки низки, поросли кустарниками и необитаемы. Вообще, въ этой части своего теченія, Обь орошаетъ страну, покрытую обширными сѣнокосными лугами, съ высокимъ сосновымъ и лиственнымъ лѣсомъ. Правый берегъ обширнаго «поймa» (т. е. долины Оби) возвышенъ, и въ прибрежныхъ буграхъ есть обнаженія глинъ, содержащихъ въ себѣ окаменѣлыя раковины.

Иртышъ (въ переводѣ съ татарскаго — землерой), получивъ начало въ предѣлахъ Китайской имперіи и пройдя по Семипалатинской области, вступаетъ въ предѣлы Тобольской губерніи у г. Омска, пересѣкаетъ съ юга къ сѣверу середину Омскаго округа. На всемъ теченіи Иртыша (въ предѣлахъ Тобольской губерніи 1149 верстъ) нѣтъ ни бродовъ, ни мелей, которые могли бы препятствовать судоходству. Ширина его отъ 150 до 279 саженъ, а глубина отъ 4 саженъ (въ Омскомъ округѣ) до 8 (въ Тобольскомъ и при впаденіи въ Обь). Русло рѣки извилисто, часто отступаетъ отъ главнаго теченія, образуя новое; на старомъ же руслѣ образуются протоки, озерки и болота. Между извилинами особенно замѣчательна такъ называемая «Вагайская лука»; здѣсь погибъ Ермакъ, въ ночь съ 5-го на 6-ое августа, въ 1584 году; мѣсто это до сихъ поръ сохранилось въ памяти жителей подъ именемъ Ермаковой заводи. Обрывистый правый берегъ Иртыша, мѣстами поднимающійся выше 250 футовъ, состоитъ изъ пластовъ глины, содержащихъ въ себѣ раковины въ такомъ значительномъ количествѣ, что мѣстами прибрежные жители жгутъ изъ нихъ известь. Въ наносныхъ берегахъ нерѣдко попадаются кости мамонта. Въ нижнемъ теченіи берега покрыты плѣсенью и тиною, т. е. водорослями. Въ концѣ прошлаго столѣтія, поселенецъ Выродовъ сдѣлалъ изъ плѣсени оберточную бумагу. Лѣвый берегъ Иртыша, вообще, плоскій и возвышается надъ правымъ только ниже города Тары и на всемъ протяженіи рѣки богатъ луговыми долинами, представляющими отличныя мѣста для сѣнокоса. До Тары Иртышъ орошаетъ степное пространство, и только правая сторона его мѣстами покрыта березовыми рощами; а отъ этого города, вплоть до самаго устья, онъ течетъ уже среди непроходимыхъ лѣсовъ и болотъ.

Изъ притоковъ Иртыша самые значительные — Ишимъ и Тоболъ впадаютъ въ него съ правой стороны. Ишимъ входитъ уже значительною рѣкою въ предѣлы Тобольской губерніи изъ Акмолинской области, нѣсколько ниже города Петропавловска. Воды рѣки отличаются зеленовато-мутнымъ цвѣтомъ и медленно текутъ по песчано-иловатому дну, между обрывистыми берегами. Долина Ишима, особенно въ томъ мѣстѣ, гдѣ ее пересѣкаетъ почтовый трактъ, идущій изъ Омска, очень живописна. Въ ясный лѣтній день, долина, шириною верстъ въ 10, съ крутаго и высокаго праваго берега видима, какъ на ладони, на значительномъ протяженіи, одѣтая въ голубовато-прозрачную дымку, покрытая зеленѣющими посѣвами и высокими травами заливныхъ луговъ, пестрѣющая деревнями, надъ которыми высятся колокольни сельскихъ церквей. Тамъ и сямъ, вдоль рѣки, вьющейся замысловатыми зигзагами, разбросаны ивовыя и тальниковыя рощи; вдали сверкаютъ озерки и болотца, густо поросшія камышами и высокою травою.

Тоболъ, наибольшій притокъ Иртыша, со своими многочисленными притоками, орошаетъ юго-западную часть губерніи. Прежнее устье его было почти прямо противъ нагорной части города Тобольска. Въ этомъ мѣстѣ вода изъ Тобола, напирая на Иртышъ, отбрасывала воды послѣдняго, и онѣ, ударяя въ гору, подмывали ее и чрезвычайно быстро разрушали. Деревянныя укрѣпленія, дѣлавшіяся въ предупрежденіе разрушенія, не сдерживали воды; наконецъ, по приказанію сибирскаго губернатора, князя Гагарина, въ 1716 г. плѣнными шведскими солдатами, находившимися въ то время въ Тобольскѣ, былъ прорытъ каналъ изъ рѣки Тобола въ Иртышъ, на три версты выше города. Дно Тобола большею частію песчано и суглинисто; глубина достигаетъ до 2 саженъ; ширина въ началѣ теченія отъ 20 до 60 саженъ, а ближе къ Тобольску до 110 саженей. Лѣвый берегъ возвышенъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ съ высокими ярами изъ бѣлаго песку съ глиною, а правый — отлогій, луговой. Рѣка мѣстами перемѣняетъ русло, отходитъ отъ лѣваго берега въ правую сторону. Весенніе разливы весьма значительны.

Судоходство на всемъ протяженіи рѣки можетъ производиться только весною, но отъ устья рѣки Туры и до Тобольска оно не встрѣчаетъ препятствій въ теченіе всего навигаціоннаго времени.

Обь и Иртышъ и ихъ многочисленные притоки, кромѣ частностей указанныхъ выше, имѣютъ слѣдующія общія характеристическія черты, обусловливаемыя, главнымъ образомъ, плоскою, значительно углубленною равниною, которую они прорѣзываютъ. Всѣ рѣки средней части бассейна Оби медленно текутъ по русламъ, необыкновенно глубокимъ въ сравненіи съ теченіемъ и глубиною притоковъ Оби въ нижнихъ округахъ Томской губерніи и быстрымъ теченіемъ ся при впаденіи въ губу; по берегамъ большихъ рѣкъ образуются многочисленные протоки, заливы и огромныя озера, называемыя старицами, изъ которыхъ многія не имѣютъ теченія, хотя сообщаются съ главными руслами. На пространствѣ между Обью и Иртышемъ

Тюмень.

находятся повсюду огромныя водохранилища озеръ и болотъ. Необыкновенная сырость почвы вызываетъ весьма густую растительность лѣсовъ и травъ, такъ что лѣса въ этой котловинѣ буквально непроходимы и хотя сильно истребляются, но черезъ нѣсколько лѣтъ опять выростаютъ. Травы же по берегамъ рѣкъ такъ густы, что скрываютъ человѣка, и онъ не можетъ пройти по нимъ хотя бы незначительное разстояніе, и даже верховой лошади трудно пробраться по травѣ. Болотисто-лѣсистое пространство Тобольской губерніи, кромѣ земель, лежащихъ къ сѣверу (приблизительно отъ 59° широты), вообще говоря, удобно для хлѣбопашества и рыболовства; звѣроловство составляетъ на немъ лишь второстепенный промыселъ. Если провести болѣе точную границу, отдѣляющую эту полосу отъ сѣверной, питающей однихъ звѣролововъ и рыболововъ, то въ землепахатную полосу войдутъ: весь Тюменьскій округъ, за исключеніемъ сѣверо-западнаго его угла, юго-западная часть Туринскаго, южная часть Тобольскаго округа, заключенная между рѣками Тоболомъ и Иртышемъ, наконецъ, южная половина Тарскаго, т. е. часть, лежащая по лѣвую сторону рѣки Тары и Иртыша. На югъ полоса эта ограничивается округами, принадлежащими къ степной полосѣ.

Сплошныя массы громадныхъ лѣсовъ покрываютъ все землепахатное пространство; только вблизи городовъ и большихъ дорогъ, гдѣ лѣсъ истребленъ уже, приходится ѣздить за нимъ верстъ за сорокъ. Вся южная часть Тарскаго округа, на пространствѣ болѣе 12-ти тысячъ

квадратныхъ верстъ, болотистый треугольникъ между рѣками Тоболомъ и Иртышемъ, на протяженіи до 60 тысячъ квадратныхъ верстъ, вся площадь между Турою и Тавдою и почти весь обширный Нарымскій округъ Томской губерніи — покрыты густыми лѣсами, большею частію состоящими изъ хвойныхъ и лиственныхъ породъ всѣхъ родовъ, а ближе къ Уралу преобладаютъ кедръ и лиственница.

Водораздѣлъ между притоками средняго теченія Оби и нижняго теченія Иртыша образуется мало-изслѣдованною до настоящаго времени возвышенностью, поднимающеюся выше нагорнаго берега Иртыша и тянущеюся вплоть до Оби. Непрерывный хвойный лѣтъ (урманъ) наполняетъ собою все пространство между берегами этихъ рѣкъ. Остается свободною отъ лѣса полоса, шириною мѣстами верстъ въ 50, которая тянется отъ истоковъ рѣчки Тартаса, притока рѣки Оми, до рѣки Демьяна, притока Иртыша, т. е. на протяженіи 600 верстъ. Вся эта обнаженная отъ лѣса полоса представляетъ громадную тундру, и извѣстна подъ именемъ Васюганскихъ озеръ. Это огромное пространство, окаймленное густымъ, непроходимымъ лѣсомъ, покрыто множествомъ глубокихъ озеръ, связанныхъ между собою подпочвенными каналами. Правильнѣе говоря, это одно сплошное озеро, на которое какъ бы накинутъ дырявый плащъ, сотканный весь изъ растеній. Тундра покрыта высокими кочками (томаръ), состоящими изъ бурьяна и поросшими березовой сланкою или какшарой, клюквой, брусникой, голубицей и малиной. Часто въ кочкахъ попадаются рога и кости исчезнувшихъ животныхъ. Развѣтвленная на нѣсколько рукавовъ параллельно многочисленнымъ, питаемымъ ею, притокамъ Оби и Иртыша, вся тундра, во время половодья, покрывается водою и представляетъ сплошное море, такъ что на легкихъ лодкахъ можно перебраться съ притоковъ Оби въ притоки Иртыша и обратно. Берега всей этой массы водъ состоятъ изъ зыбкихъ кочковатыхъ болотъ съ мелкимъ лѣсомъ, едва проходимымъ пѣшкомъ, да и то при помощи дранокъ, подстилаемыхъ подъ ноги. Тамъ и сямъ, по разнымъ направленіямъ, тундра перерѣзана сухими перешейками и высокими холмами, густо поросшими лѣсомъ, кустарникомъ и травою. Среди топкой, колеблющейся подъ ногами почвы, встрѣчаются оазисы зыбучаго песку, иногда верстъ на 8 въ длину покрытыя исключительно сосновымъ лѣсомъ. Холмистые острова Васюгана съ причудливо очерченными линіями взбѣгающихъ на нихъ порослей молодаго лѣса, группы исполинскихъ кедровъ и лиственницъ, вѣнчающихъ вершины холмовъ, кругомъ тихія, спокойныя воды, то прозрачныя какъ кристаллъ, то подернутыя яркою зеленью растительности, оригинальное освѣщеніе мѣстности, тѣни, падающія съ холма на холмъ и доходящія до середины противоположной покатости, необъятная ширь теряющихся на горизонтѣ водъ, отдаленныя синія линіи вѣковыхъ лѣсовъ — все это сливается въ чудную безпредѣльную картину какихъ-то волшебныхъ садовъ. Особенно красивы мѣстности близъ верховьевъ рѣкъ, гдѣ съ высокихъ пунктовъ открываются во всѣ стороны разнообразные очаровательные ландшафты.

Обь и ея притоки.

Люди и олени безопасно проходятъ по зыбунамъ тундры, но тяжелый лось проваливается

и дикимъ ревомъ оглашаетъ безмолвіе, обыкновенно царящее въ пустынѣ. Медвѣдь же, охотникъ до малины, которой здѣсь множество, употребляетъ любопытный способъ перехода черезъ тундру: онъ таскаетъ съ собою чурбанъ и предварительно утрамбовываетъ имъ почву. Кромѣ драницъ и шестовъ, люди употребляютъ для перехода по тундрѣ ходули примитивнаго устройства, т. е. обрѣзокъ крѣпкаго древеснаго ствола, съ сучкомъ на концѣ.

Сплошные лѣса Тобольской губерніи (урманы), кромѣ громадныхъ соснъ, кедровъ и лиственницъ, наполнены и другими родами деревьевъ, изъ которыхъ преобладающія относятся къ краснолѣсью, какъ то: ель, пихта и липа, и изъ бѣлыхъ породъ деревьевъ — осина, ольха, береза и другія. Дубъ, кленъ и орѣшникъ здѣсь совсѣмъ не встрѣчаются. Опушка лѣса обыкновенно заростаетъ «рямомъ» (родъ мелкой сосны), который по мѣрѣ удаленія отъ тундры сравнивается съ лѣсомъ. Около рѣчекъ появляются кустарники боярышника, таволги и шиповника; можевельникъ попадается рѣдко. На березѣ бываетъ наростъ, называемый «*чага*», настой котораго Остяки пьютъ вмѣсто чая. Береза употребляется обыкновенно на дрова и мелкія домашнія подѣлки; она вмѣстѣ съ осиной и ольхой растетъ рощами, занимающими пространство отъ одной до нѣсколькихъ десятковъ и даже сотенъ квадратныхъ верстъ; но эти породы деревьевъ встрѣчаются часто и въ смѣшеніи съ другими породами деревъ. Въ первобытныхъ вѣковыхъ лѣсахъ между лѣсными гигантами густо расположены остальныя породы деревьевъ всевозможныхъ возрастовъ, такъ что вѣтви и сучья ихъ рвутъ платье и бьютъ въ лицо, когда пробираешься между ними. Вообще, мѣстность въ урманахъ поразительна: мѣстами пожары и бури, а также старость и смерть, повалили и расщепали огромнѣйшія деревья. Они лежатъ обгорѣлыми и изломанными среди молодыхъ поколѣній лѣсовъ и служатъ жилищемъ гадовъ, насѣкомыхъ и нѣкоторыхъ породъ птицъ. Рытвины и овраги встрѣчаются до 50 саженъ глубины и такой же ширины, по бокамъ и по дну покрыты лѣсомъ и кустарникомъ и на днѣ ихъ журчатъ ручьи.

Урманы въ сѣверныхъ округахъ не представляютъ большаго затрудненія для прохода и даже для проѣзда верстъ на 30 и 80 отъ жилищъ, такъ какъ крестьяне и инородцы, пускаясь на звѣроловство, протоптали тропинки съ «затесями», т. е. насѣчками на деревьяхъ. Но по правому берегу Иртыша, отъ устья рѣки Тары, и по обѣимъ сторонамъ Оби къ рѣкѣ Ваху, лѣсная пустыня почти совершенно непроходима. Здѣсь встрѣчаются огромныя пространства, которыхъ еще не касался ни огонь, ни топоръ, гдѣ не бывала нога не только Русскаго, но даже Самоѣда и Остяка. Проникнуть въ глубь лѣсовъ мѣшаетъ необыкновенная ихъ густота, которая доходитъ до того, что и вѣтеръ не проникаетъ внутрь этой трущобы. Воздухъ лѣтомъ спертъ и удушливъ; къ вечеру знойнаго лѣтняго дня весь лѣсъ закутывается непроницаемымъ туманомъ, сырымъ и холоднымъ. Днемъ, среди лѣса бываетъ такъ же темно, какъ и ночью. Даже опытный звѣроловъ не можетъ поручиться, что онъ не заблудится среди лѣса. Погибнуть безъ вѣсти считается дѣломъ возможнымъ даже для людей, съ дѣтства привыкшихъ къ этимъ трущобамъ. Многочисленныя глубокія рѣки и рѣчки служатъ единственными путями, какъ лѣтомъ, такъ и зимою, чтобъ проникнуть въ непроницаемыя, таинственныя дебри. По нимъ-то промышленники, осенью на лодкахъ, зимою на лыжахъ, проходятъ внутрь урмановъ. Но и они отходятъ отъ этихъ естественныхъ дорогъ въ глубь лѣса не болѣе, какъ на нѣсколько десятковъ верстъ и преимущественно только тамъ, гдѣ лѣсъ рѣже; далѣе же мрачныя недоступныя трущобы остаются невѣдомыми, такъ какъ срубать деревья и пробираться между ними нѣтъ никакой возможности. Такимъ образомъ громадныя пустыни сибирскихъ лѣсовъ, особенно въ этой части Обско-Иртышской низменности, какъ своею величиною, такъ и непроходимостью, совсѣмъ не похожи на лѣса въ Европейской Россіи, напримѣръ, въ Пермской, Вятской, Вологодской и Архангельской губерніяхъ. Тамъ населеніе гуще, и жители по всѣмъ направленіямъ лѣса проложили дорожки и тропинки, — искрестили лѣсъ во всѣ стороны и изучили мѣстность на столько, чтобы при всѣхъ принятыхъ предосторожностяхъ не заблудиться въ лѣсахъ. Напротивъ, въ сибирскихъ лѣсахъ, даже нѣкоторые звѣроловы-инородцы поги-

T. XI. Лѣсной пожаръ

баютъ безъ вѣсти. Какъ ни сильнымъ кажется на первый взглядъ истребленіе звѣря въ Сибири, особенно пушнаго, по обще-распространенное мнѣніе, будто бы онъ уменьшился, должно считать ошибочнымъ. Вся разница лишь въ томъ, что прежде звѣрь легко добывался даже вблизи заселенныхъ мѣстъ; теперь же отбѣжалъ въ глубь непроходимыхъ лѣсовъ. Поэтому добыча звѣря уменьшилась и цѣна на пушной товаръ возросла. Въ глуби вѣковыхъ дебрей, вдали отъ постоянныхъ жилищъ русскаго населенія и зимнихъ и лѣтнихъ кочевьевъ дикарей, звѣрь плодится и живетъ нетронутымъ. Дикіе звѣри водятся въ огромномъ количествѣ даже въ лѣсахъ, доступныхъ человѣку.

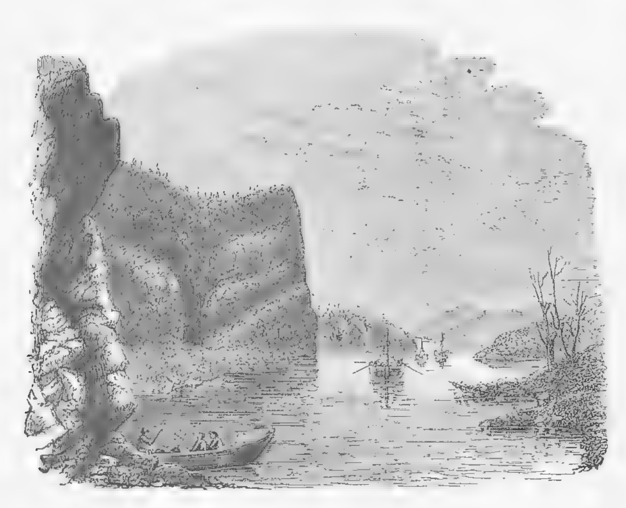
Громадная, многоводная Обь прорѣзываетъ лѣсную пустыню почти отъ самаго выхода ея изъ послѣдней отрасли Алтайскихъ горъ — Салагирскаго кряжа. Медленно, едва замѣтно, катитъ она мутныя свои воды среди дремучихъ лѣсовъ и болотъ Нарымскаго округа Томской губерніи и въ сѣверныхъ округахъ Тобольской, гдѣ лѣсъ мало-по-малу рѣдѣетъ и начинается безжизненная тундра, и затѣмъ круче и круче спускается къ Студеному морю. Здѣсь теченіе становится быстрѣе и напоминаетъ теченіе Оби въ предгоріяхъ Алтая. Тамъ-же въ горахъ, за три тысячи восемьсотъ верстъ отъ устья, гдѣ лежатъ верховья, тамъ падаютъ и пѣнятся водопады, мчатся быстрые горные потоки, обтачивая и обламывая скалы, ломая лѣса. Тамъ попадаются и чистыя хрустальныя озера, въ которыхъ отражаются и далекое небо, и вѣчныя горы, и мрачныя ущелья, въ которыхъ, сдавленная гранитными громадами, реветъ и бѣшено клубится рѣка. Но вотъ проходитъ она и блестящія снѣгами вершины горъ, и богатую, зеленѣющую равнину, и подножья; наконецъ, вступаетъ въ безбрежное море однообразныхъ лѣсовъ. Здѣсь-то, среди громаднаго водянаго раздолья рѣки, нерѣдко подымаются смерчи или водяные тифоны. Такъ, 8 іюня 1858 года, ниже Нарыма, поднялся съ Оби тифонъ въ двѣ сажени въ діаметрѣ, свѣтло-синяго цвѣта съ темными по бокамъ полосами. Вершина его была въ нависшихъ облакахъ, основаніе на поверхности рѣки, изъ которой вода съ ревомъ втягивалась по столбу къ облакамъ. Шелъ онъ съ сѣверо-запада къ востоку и потомъ съ громовымъ трескомъ лопнулъ.

Въ Западной Сибири бобръ и выдра встрѣчаются только на далекомъ сѣверѣ, въ Пелымскомъ краѣ. Соболь водился прежде во всѣхъ лѣсахъ съ юга до сѣвера низменности; теперь же онъ уходитъ все дальше и дальше на сѣверъ и востокъ, въ глубь непроходимыхъ урмановъ и тайги. Трудность выслѣживанія въ этихъ дремучихъ и перепутанныхъ тайгахъ дѣлаютъ уловъ его съ каждыхъ годомъ незначительнѣе. Медвѣдь, горностай, лисица, росомаха водятся повсюду; но чернобурая лисица — рѣдкость даже въ Пелымѣ и въ Березовѣ. Лучшею бѣлкою въ Западной Сибири считается алтайская, потомъ кетская, васьюганская, пелымская; но всѣ онѣ уступаютъ якутской бѣлкѣ, въ Восточной Сибири. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что бобръ, соболь, лисица, горностай, песецъ и бѣлка (т. е. лучшія породы лѣснаго звѣря), чѣмъ далѣе углубляешься въ Сибирь, тѣмъ цѣннѣе по отливу шерсти, пушности ея ости и цвѣту. Драгоцѣнная чернобурая лисица, за которую иногда на мѣстѣ платятъ огромныя цѣны (отъ 200 до 300 рублей за шкурку) и шерсть которой сыплетъ въ темнотѣ электрическія искры, добывается только на низовьяхъ Лены и въ Баргузинскомъ краѣ, за Байкаломъ. Наконецъ, волкъ, заяцъ и сурокъ водятся повсюду въ изобиліи; но сибирскій волкъ хуже русскаго. По болотамъ и урманамъ Западной Сибири бродятъ дикій олень и громадный лось.

Комаръ, паукъ и микроскопическая мошка (въ буквальномъ смыслѣ слова затемняющая воздухъ) кишатъ въ лѣсахъ и на болотистыхъ пространствахъ, составляя мученіе для людей и животныхъ. На всемъ пространствѣ отъ Тары да Ачинска въ Енисейской губерніи, безъ курева изъ навоза и безъ намордника или сѣтки въ видѣ колпака, закрывающаго все лицо и пропитаннаго дегтемъ, нѣтъ возможности быть на воздухѣ. Другой бичъ Западной Сибири, это — лѣсной червь. Онъ подтачиваетъ корни деревъ, дѣйствуя какъ саранча, нашествіемъ.

Цѣлыя лѣсныя полосы, т. е. огромныя дремучія тайги вдругъ, какъ бы по волѣ неба, изсыхаютъ на корнѣ, обнажаются и представляютъ образецъ смерти и могильной тишины. Звѣрь, птица, пресмыкающіяся, — все удаляется отсюда.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ урмановъ, на протяженіи 60 — 100 верстъ, встрѣчаются топкіе, сплошные «зыбуны», т. е. болота, сверху подернутыя обманчивымъ дерномъ, сквозь который проваливаются и люди, и животныя. Для проложенія дороги черезъ такія мѣстности необходимо устраивать гати, то есть наложить на нихъ громадное количество древесныхъ вѣтвей и сверху засыпать землею. Одинъ изъ такихъ зыбуновъ лежитъ по обѣимъ сторонамъ рѣки Тавды, и здѣсь, почти на протяженіи 80 верстъ, вся дорога, идущая изъ Туринска, вымощена гатью. Вѣковыя, громадныя, раскидистыя сосны, кедры и лиственицы растутъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Мѣстами, между сплошными стѣнами этой дремучей зелени, открываются незаросшіе промежутки, окаймленные деревьями. Поверхность этого промежутка представляетъ роскошный бархатный коверъ, испещренный разнообразнѣйшими цвѣтами. Кругомъ такая глушь, что даже при яркомъ освѣщеніи лѣтняго дня и ослѣпительныхъ лучахъ іюньскаго солнца не видно ничего; густая зелень не даетъ возможности что-либо разглядѣть въ таинственной чащѣ. Кругомъ воздухъ наполненъ здоровымъ ароматомъ бальзамическихъ хвойныхъ деревьевъ и особенно пихты. Но горе звѣропромышленнику или лѣсному звѣрю, который отважился бы ступить на обманчивый коверъ цвѣтовъ и восхитительной свѣжей зелени: его сейчасъ, какъ говорится, „всосетъ“, потому что подъ дерномъ лежитъ бездонное болото, необычайной глубины, и выкарабкаться изъ него нѣтъ возможности. Чѣмъ болѣе человѣкъ или звѣрь дѣлаетъ усилій освободиться, тѣмъ болѣе углубляется въ болото — и гибель его неизбѣжна. Но человѣкъ и звѣрь знаютъ свойства зыбуна и старательно обходятъ такія болота.

Барка на Иртышѣ.

Густота лѣсовъ бываетъ часто причиною обширнѣйшихъ лѣсныхъ пожаровъ. Такъ, напримѣръ, въ 1829 году, на берегахъ Оби, между Сургутомъ и Нарымомъ, выгорѣли всѣ урманы, верстъ въ 300. Но сила растительности такъ велика, что черезъ 30 лѣтъ, въ 1859 году, вся эта громадная пустыня сдѣлалась опять непроходимою дремучею тайгой, наполнилась дикимъ звѣремъ, птицею и дичью, устлала лѣса густыми коврами цвѣтовъ и зелени. Мѣстами лѣса выжигаютъ даже нарочно, подъ пашни; такія пространства извѣстны здѣсь подъ именемъ гарей. На почвѣ пепельнаго цвѣта и безъ признаковъ жизни торчатъ обгорѣлыя деревья и обожженные пеньки молодаго лѣса. Но глядишь — черезъ нѣсколько лѣтъ это опять зеленый урманъ со всѣми чудесами его внутренней жизни. Иногда причинами лѣсныхъ пожаровъ бываютъ удары молніи. При страшномъ трескѣ громоваго удара, молнія падаетъ стрѣлою на громадный кедръ, расщепляетъ его до основанія, зажигаетъ и охватываетъ дерево огненными языками, лижущими сучья. Валится пылающій кедръ, разметывая пламя полукругомъ, вѣтеръ разноситъ искры, и вдругъ запылаетъ вся опушка тайги. Ревъ, трескъ, громовые удары, блескъ молніи, густо застланное дымомъ небо, огненная стѣна пылающихъ гигантскихъ деревьевъ, море пламени и, вмѣстѣ съ тѣмъ, крикъ птицъ и звѣрей, шипѣнье и пискъ всякихъ гадовъ....

По мѣрѣ удаленія отъ запада на востокъ къ Уральскому хребту, чувствуется постепенное пониженіе средней годовой температуры. По ту сторону Урала, западные вѣтры становятся уже холодными континентальными вѣтрами. Они проникаютъ туда, переносясь черезъ обширныя пространства, покрытыя льдомъ и снѣгомъ. Холодъ Западной Сибири происходитъ, такимъ образомъ, отъ формы материка и движеній воздуха, но не отъ большаго возвышенія почвы, какъ полагали знаменитые путешественники прошлаго столѣтія. Такимъ образомъ, климатъ Тобольской губерніи, какъ и вообще большей части Западной Сибири, можетъ быть названъ чрезмѣрно-континентальнымъ; люди, обитающіе въ такой странѣ, кажется, приговорены, какъ говоритъ Дантъ въ своемъ «Чистилищѣ», «испытывать вѣчно муки холода и зноя». Тобольскъ имѣетъ такое же лѣто, какъ и Берлинъ, или какъ Шербургъ въ Нормандіи; но за этимъ лѣтомъ слѣдуетъ зима, во время которой самый холодный мѣсяцъ имѣетъ температуру отъ —18° до —20° по R. Въ лѣтніе мѣсяцы, въ продолженіе цѣлыхъ недѣль бываетъ 30° и 31° тепла. Во всей Тобольской губерніи самые холодные мѣсяцы январь и февраль, когда морозы достигаютъ въ Тобольскѣ до $37^1/_2°$, а въ Тарѣ, нѣсколько южнѣе Тобольска, даже до 39°. Сильные морозы стоятъ иногда по нѣскольку недѣль сряду; самые ранніе 20-ти-градусные морозы вездѣ наступаютъ въ послѣднихъ числахъ октября, а самые поздніе 20-ти градусные морозы бываютъ въ послѣднихъ числахъ марта. Лѣтніе жары, при наибольшей суточной температурѣ въ +20°, начинаются около половины мая, оканчиваются же въ половинѣ сентября.

Татарская дѣвочка въ Тобольской губерніи.

О продолжительности холоднаго и теплаго времени можно судить по времени вскрытія и замерзанія рѣкъ. Иртышъ вскрывается не ранѣе 19-го апрѣля и не позже 13-го мая, и замерзаетъ не ранѣе 22-го октября и не позже 25 ноября. Обь, сѣвернѣе Тобольска, вскрывается 5 іюня, а замерзаетъ 29 октября. Въ рѣкѣ Оби и ея притокахъ, а также озерахъ, каждогодно, по мѣстному выраженію, *«замираетъ вода»*. Явленіе это состоитъ въ томъ, что она становится малопрозрачна, невкусна, повременамъ какъ бы пузырится; простоявъ нѣсколько часовъ въ графинѣ, она оставляетъ на стѣнкахъ и особенно на днѣ осадокъ красной желѣзной окиси. Эта вода очень вредна для употребленія; отъ нея дѣлается жестокая боль въ горлѣ и животѣ, особенно у людей непривычныхъ. Рыба въ такой водѣ задыхается и потому собирается къ «живцамъ», т. е. ключамъ, впадающимъ въ рѣку. По словамъ Миддендорфа, причина застоя и гніенія воды — тихое теченіе рѣкъ, благопріятствующее разложенію сѣрнокислыхъ солей, пропитывающихъ почву. Такое злокачественное состояніе воды извѣстно въ Западной Сибири подъ именемъ «духа» или «замира». Преобладающіе вѣтры въ Тобольской губерніи — сѣверный и юго-западный. Сѣверный вѣтеръ часто дуетъ съ страшною силою, производя опустошенія на своемъ пути, но зимою онъ обыкновенно приноситъ съ собою лучшую погоду, чѣмъ южные вѣтры; лѣтомъ же сѣверо-восточные вѣтры приносятъ худую, дождливую погоду. Въ южной половинѣ губерніи вѣтры нерѣдко превращаются въ сильные бураны, во время которыхъ отлучившіеся отъ дома за сѣномъ, иногда даже просто за водою, заблуждаются и гибнутъ. Проѣзжіе, застигнутые бураномъ, нерѣдко теряютъ дорогу и блуждаютъ, или останавливаются на мѣстѣ.

Солнечныя и лунныя отраженія, свѣтлые круги около солнца и луны, сѣверное сіяніе, марево, отверстіе неба (chasma) и другія небесныя явленія, хотя и бываютъ видимы въ южныхъ округахъ губерніи, но во всемъ величіи обнаруживаются только гораздо сѣвернѣе Тоболь-

ска, у Березова и Обдорска. Впрочемъ, отверзтіе неба, называемое народомъ «открытіемъ неба», часто случается на всемъ протяженіи губерніи. Обыкновенно, предъ началомъ его, небо бываетъ пасмурно; вдругъ сводъ небесный или атмосферный воздухъ раздѣляется на-двое и въ разверзшееся огромное пространство падаютъ цѣлые снопы яркаго солнечнаго свѣта. Это происходитъ мгновенно, и черезъ нѣсколько секундъ все исчезаетъ. Иногда явленіе повторяется до трехъ — четырехъ разъ, слѣдуя черезъ минуту одно послѣ другаго.

Климатическія условія Тобольской губерніи, а также значительный избытокъ лѣсовъ, болотъ и количества воды — порождаютъ большую смертность, такъ что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ Ашлыкской волости Тобольскаго округа, умираетъ ежегодно столь же много, какъ въ Алжирѣ, гдѣ, какъ извѣстно, смертность доходитъ до сильнѣйшихъ размѣровъ. Вообще же, въ южной, болѣе населенной половинѣ губерніи, смертность такъ же велика, какъ въ Индіи; здѣсь она достигаетъ до 5,15%, тогда какъ въ средней части, по параллели Тобольска, 3,17%. Такимъ образомъ смертность постепенно возрастаетъ съ сѣвера на югъ и, какъ видно изъ статистическихъ данныхъ, съ замѣчательною правильностію увеличивается съ каждымъ градусомъ на $^1/_3$ %; съ запада же на востокъ постепенно уменьшается до 66° восточной долготы, а затѣмъ опять начинаетъ увеличиваться.

Первыми и древнѣйшими обитателями Обско-Иртышской низменности, въ предѣлахъ нынѣшней Тобольской губерніи и сѣверной части Томской, были племена финскія или чудскія: Самоѣды, Остяки и Вогулы, князья которыхъ имѣли города на югѣ по Иртышу и Тоболу, а также и на сѣверѣ внизъ по Оби. Въ XV и XVI вѣкахъ, изъ южныхъ плодоносныхъ степей, какъ послѣдняя волна великаго потока переселяющихся народовъ изъ сѣверо-западнаго Китая и степей Монголіи, появились племена тюркскія, извѣстныя подъ общимъ именемъ Татаръ. Племена эти распространили свою власть на всю южную часть Тобольской губерніи и оттѣснили къ сѣверу жившія здѣсь до того времени чудскія племена. Наконецъ, въ концѣ XVI вѣка появились Русскіе. По рѣкамъ Турѣ, Тоболу, Иртышу и Оби они врѣзались въ средину инородческаго населенія. Племена, жившія къ сѣверу отъ этой линіи, не исключая и Татаръ, остались на своихъ мѣстахъ, признавъ надъ собою власть московскаго государя; къ югу же большая часть Татаръ откочевала въ глубь степей. Съ водвореніемъ порядка въ степи, въ ней стали селиться русскіе земледѣльцы.

Таковъ, въ общихъ чертахъ, ходъ заселенія Тобольской губерніи. Инородцы, составляющіе нынѣ незначительный процентъ населенія, имѣли весьма слабое вліяніе на колонизацію края. Истинными колонизаторами являются Русскіе, которые, менѣе чѣмъ въ 300 лѣтъ, расселились по всему обширному краю и составляютъ нынѣ главную массу населенія. Еще задолго до завоеванія Сибири, она была посѣщаема Русскими. Не только воины Государя Великаго Новгорода и Москвы неоднократно заходили сюда, но сюда пріѣзжали и русскіе купцы, для торговли металлическими издѣліями. Хотя въ новгородскихъ лѣтописяхъ имѣются указанія на единичные случаи проживанія Русскихъ среди инородцевъ, но на основаніи этихъ отрывочныхъ историческихъ свидѣтельствъ нельзя утверждать, чтобы Русскіе имѣли въ то время постоянную осѣдлость въ Сибири.

По утвержденіи нашей власти, переселенцы стали стекаться въ Сибирь изъ всѣхъ концовъ Московскаго государства, но преимущественно изъ нынѣшнихъ губерній—Вологодской, Пермской, Вятской и Архангельской.

Переселенія въ Сибирь могутъ быть подраздѣлены на два главные вида: правительственныя и по частному почину. Къ правительственнымъ мѣрамъ заселенія Сибири принадлежали: высылка земледѣльцевъ, ямщиковъ и вообще дѣловыхъ нужныхъ людей, потомъ ссылка преступниковъ, поселенія казаковъ и другія мѣры. Конечно, при всѣхъ этихъ переселеніяхъ, мужское населеніе преобладало надъ женскимъ; поэтому, въ концѣ XVII вѣка, состоялось оригинальное распоряженіе о переселеніи въ Сибирь 350 дѣвицъ для женитьбы казаковъ.

Сибирь, по покореніи ея, явилась привольною страною для всѣхъ тѣхъ, которые, утомившись подневольною жизнію въ Московскомъ государствѣ, искали успокоенія въ привольныхъ и никѣмъ незанятыхъ пространствахъ Зауралья. Поэтому колонизація путемъ частной иниціативы шла значительно быстрѣе правительственной. Бѣглецы, обыкновенно, селились гдѣ-нибудь въ урманѣ, заводя *одины* и *заимки*, превращавшіеся впослѣдствіи въ деревни и села; бѣглые расчищали лѣсъ, заводили пашни и жили иногда по нѣсколько лѣтъ, не будучи извѣстны властямъ. Для воеводъ, открывавшихъ этихъ поселенцевъ, послѣдніе были весьма выгодны; облагая ихъ государственною податью, они очень часто и не доносили объ этомъ въ Москву. Разумѣется, заселялись, главнымъ образомъ, мѣстности наиболѣе удобныя. Во второй половинѣ XVIII столѣтія, Ялуторовскій и Курганскій округа были населеннѣйшіе, что произошло какъ вслѣдствіе плодородія почвы, такъ и оттого, что въ это время въ сосѣднихъ губерніяхъ, Оренбургской и Пермской, уже было значительное поселеніе земледѣльцевъ и достаточное число крѣпостей, которыя защищали мирныхъ жителей отъ набѣговъ кочевниковъ. Тюменскій округъ, болѣе удаленный отъ степи, слѣдовательно, представлявшій менѣе опасности отъ непріятеля, быстро заселился, благодаря проходившему изстари превосходному почтовому тракту изъ Россіи черезъ Тюмень на Тобольскъ, по которому также шли всѣ транспорты въ Москву изъ Сибири обратно. Общій ходъ колонизаціи края Русскими, которые застали здѣсь слабосильныя и малочисленныя инородческія племена, можетъ быть представленъ такимъ образомъ: сначала переселенцы утвердились на западѣ, потомъ, захватывая неширокую полосу земли, потянулись къ востоку, и, къ началу XVIII вѣка, когда развилась окончательно Иртышская линія укрѣпленій, вдругъ устремились на югъ.

Общее число жителей Тобольской губерніи въ 1879 году простиралось до 1.206,430 душъ обоего пола, что составляетъ 0,29 жит. на квадратную версту. Если же не брать въ соображеніе двухъ сѣверныхъ округовъ, Березовскаго и Сургутскаго, по суровости климата совершенно неспособныхъ къ земледѣлію, а потому и мало населенныхъ, то плотность населенія составляетъ 2,86 душъ обоего пола на квадратную версту. Главную массу народонаселенія составляютъ Русскіе, и преимущественно Великороссіяне, а изъ другихъ славянскихъ племенъ— Поляки. На другія національности, не-славянскаго происхожденія, приходится лишь незначительный процентъ, именно 7,6%. Въ сѣверной половинѣ губерніи, мало-способной къ осѣдлой жизни, преобладаютъ инородцы надъ Русскими; но чѣмъ болѣе къ югу, къ плодоноснымъ степямъ, тѣмъ болѣе уменьшается инородческое населеніе, а русское становится преобладающимъ.

По занятіямъ населенія, Тобольская губернія дѣлится на двѣ части: въ южной преобладаетъ земледѣліе, въ сѣверной — звѣриные и рыбные промыслы. Средніе округа (Тобольскій, Туринскій и отчасти Тарскій) представляютъ переходъ отъ земледѣлія къ промышленной дѣятельности. Этимъ обусловливается и степень благосостоянія жителей: въ южныхъ округахъ населеніе живетъ очень богато; здѣсь встрѣчаются крестьяне, имѣющіе по нѣсколько десятковъ десятинъ обработанной земли, табуны лошадей и значительныя стада рогатаго скота; чѣмъ далѣе на сѣверъ, тѣмъ бѣдность встрѣчается чаще и чаще.

Еще до прихода Ермака, хлѣбопашество было извѣстно въ долинѣ Иртыша и Тобола. По словамъ сибирскаго лѣтописца, когда Ермакъ пришелъ къ городу Тюмени, то онъ нашелъ живущихъ около него Татаръ богатыми хлѣбомъ и скотомъ, такъ что казаки не нуждались въ съѣстныхъ припасахъ. По завоеваніи Сибири, съ увеличеніемъ числа «служилыхъ людей», явился недостатокъ въ хлѣбѣ, и его привозили изъ За-уралья, съ Перьми Великой, изъ Устюга, Вологды и другихъ мѣстъ. Собранный хлѣбъ доставлялся въ Верхотурье, а отсюда развозился по городамъ Сибири. Правительство, еще со временъ Бориса Годунова, различными мѣрами старалось распространить хлѣбопашество между инородцами и привлечь сюда земледѣльцевъ изъ Россіи. Въ теченіе XVII столѣтія, русскіе поселенцы платили пошлины хлѣбомъ; этимъ же продуктомъ и Татары должны были уплачивать ясакъ. Хлѣбопашество

быстро распространилось въ Тобольской губерніи. Въ 1685 году уже послѣдовала царская грамата, которою Вятчане освобождались отъ сбора сибирскихъ хлѣбныхъ запасовъ, такъ какъ въ это время уже «хлѣбъ въ сибирскихъ городахъ пахали и хлѣба въ Сибири родилось много». Въ 1762 году сборъ хлѣбомъ прекращенъ и замѣненъ деньгами.

Такъ какъ въ сѣверныхъ округахъ губерніи хлѣбопашество не можетъ утвердиться, не столько, однако, отъ климатическихъ условій, сколько отъ неимѣнія къ тому удобныхъ земель, занятыхъ преимущественно болотами и лѣсами, то предѣломъ его распространенія, какъ главнаго промысла жителей, должно считать $57^1/_4{}^0$ сѣверной ширины. На этомъ пространствѣ хлѣба не только достаточно для собственнаго употребленія, но и остается значительное количество на продажу.

Большая часть населенія не надѣлена землею, но владѣетъ извѣстнымъ пространствомъ изстари и по захвату. Тамъ, гдѣ земли удобряются, введено обыкновенно трехпольное хозяйство. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ не упавоживаютъ полей, — воздѣлываютъ ихъ года два-три и болѣе сряду, а потомъ оставляютъ въ залежъ, пока земля не покроется травою, называемою «вѣтренницею» (Aconitum), которая считается признакомъ возможности новой запашки.

Загородная архіерейская церковь въ Тобольскѣ.

Преимущественный посѣвъ въ южной полосѣ Западной Сибири составляютъ яровые хлѣба и ячмень; озимые сѣются главнымъ образомъ въ сѣверныхъ округахъ. Обработка земли начинается около половины мая, а жатва производится съ половины августа. Орудіями для посѣва и уборки служатъ: соха, небольшой двухколесный плугъ, борона, серпъ и коса. По оффиціальнымъ мѣстнымъ даннымъ, въ Тобольской губерніи посѣяно и снято въ 1879 году слѣдующее количество хлѣбовъ:

	Четвертей. Посѣяно.	Снято.
Озимой пшеницы	3,382	4,954
Озимой ржи	257,496	1,042,971
Яровой пшеницы	284,661	1,032,971
Овса	695,297	2,192,140
Ячменя	58,875	181,035
Гречихи	10,706	24,017
Картофеля	154,415	616,428
Прочихъ яровыхъ хлѣбовъ	75,704	321,107
Всего. .	1,540,536	5,420,605

Средній урожай — самъ-3,53. Изъ свѣдѣній о посѣвахъ и урожаяхъ хлѣбовъ по округамъ и уѣздамъ Западной Сибири можно замѣтить, что въ Тобольской и Томской губерніяхъ, за вычетомъ на продовольствіе мѣстнаго населенія (кромѣ Березовскаго и Сургутскаго округовъ), остается еще 5.683,496 четвертей. Вычитая изъ этого количества на посѣвъ, среднимъ числомъ, по одной четверти на душу, получимъ остатокъ въ 3.513,146 четвертей, идущихъ на

винокуреніе, продовольствіе сѣверныхъ инородцевъ и степнаго населенія, гдѣ, вслѣдствіе почвенныхъ и климатическихъ условій, а также образа жизни кочевниковъ и казаковъ, хлѣбопашество не можетъ получить такого развитія, чтобы удовлетворить мѣстныя нужды.

Не смотря на плодородіе почвы, въ южной части бываютъ иногда неурожаи отъ засухи, раннихъ холодовъ, наводненій, нашествія мышей или появленія червей и кобылки (родъ саранчи), а также и отъ градобитій. У сибирскихъ старожиловъ живо еще воспоминаніе о страшномъ голодѣ 1796 года, когда, напримѣръ, въ Тюменьскомъ округѣ народъ питался бѣлою глиною и камышевою мукою. Въ 1857 году на южную часть губерніи были нашествіе мышей изъ степи; онѣ доходили даже до урмановъ. 1858 и 1859 годы были также весьма мало урожайны. Въ послѣдніе годы, вслѣдствіе частыхъ неурожаевъ и увеличенія числа винокуренныхъ заводовъ, хлѣбопашество едва удовлетворяетъ мѣстнымъ потребностямъ, и бываютъ годы, когда хлѣбъ ввозится изъ сосѣднихъ губерній, Пермской и Оренбургской, а также привозится водою изъ Томска. Въ Тюменьскомъ округѣ производятся большіе посѣвы льна и конопли. Нѣкоторыя деревни особенно славятся разведеніемъ конопли, которая здѣсь, по качеству почвы, родится хорошо и замѣчательна по своему длинному и крѣпкому волокну.

Губернаторскій домъ въ Тобольскѣ.

Въ мѣстахъ, удобныхъ для земледѣлія, но поросшихъ дремучими лѣсами, разумѣется, никто не думаетъ о нихъ сбереженіи, и лѣсъ истребляется въ громадномъ количествѣ. Главная побудительная причина къ истребленію лѣсовъ заключается въ недостаткѣ лѣтнихъ пастбищъ для скота и въ неудобствахъ близости лѣса къ пастбищамъ, вслѣдствіе чего миріады насѣкомыхъ истомляютъ и людей и животныхъ. Скотъ и особенно лошади, составляющія главную рабочую силу крестьянъ, въ это время худѣютъ, подвергаются многимъ болѣзнямъ и часто падаютъ.

Жители лѣсныхъ частей Сибири смотрятъ на дѣло такъ, что, пока они не истребятъ требуемаго количества лѣсовъ для свободнаго движенія между ними вѣтровъ, разгоняющихъ насѣкомыхъ, и для осушенія гнилыхъ болотъ, до тѣхъ поръ имъ не развести скотоводства въ должныхъ размѣрахъ.

Но, понимая важность и необходимость лѣсовъ, русскіе крестьяне и инородцы истребляютъ ихъ не безразсудно. Съ строгою систематичностью каждая волость, каждая деревня, оставивъ, какъ можно къ ближе селеніямъ, огромныя пространства строевыхъ и дровяныхъ лѣсовъ, простирающихся часто на нѣсколько десятковъ квадратныхъ верстъ, и не въ одномъ, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ, — пространства, достаточныя для удовлетворенія потребности многихъ поколѣній, — всѣ остальные лѣса обрекаютъ на истребленіе. Уничтоженіе лѣсовъ обыкновенно дѣлается сначала по берегамъ рѣкъ, озеръ и болотъ, продолжается, насколько стаетъ силъ, до возвышенныхъ мѣстъ, гдѣ обыкновенно дуетъ наибольшее количество вѣтровъ, и отсюда уже истребленіе производится по всевозможнымъ направленіямъ. При этомъ также имѣется въ виду, чтобы на обнаженныхъ пространствахъ были и пашни, и сѣнокосные луга, и пастбища; а чтобы удерживать на нихъ сырость и тѣнь, оставляются отдѣльныя клумбы или рощи. Вслѣдствіе этого, берега рѣкъ, озеръ и болотъ, которые часто потопляются разливами, черезъ годъ — два, становятся уже годными для пашень и пастбищъ. Покосы и пашни,

очищенные отъ лѣсовъ какимъ-либо семействомъ, переходятъ въ пользованіе его изъ рода въ родъ; случается, что эти очищенные клочки земли продаются сосѣдямъ.

Истребленіе лѣсовъ производится двумя способами: огнемъ и «черченіемъ» деревьевъ. Въ первомъ случаѣ, зажигаютъ нѣсколько срубленныхъ деревьевъ въ густой чащѣ лѣса, и отъ нихъ огонь быстро распространяется во всѣ стороны.

Способъ уничтоженія лѣсовъ посредствомъ «черченія» деревьевъ состоитъ въ томъ, что обтесываютъ и облупляютъ кору возможно ближе къ землѣ, отъ чего деревья на слѣдующую весну окончательно умираютъ. Глядя на страшное, повсемѣстное истребленіе лѣсовъ, можно подумать, что черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ они исчезнутъ съ лица земли; но растительная сила ихъ изумительна. Если бы пашни и покосы въ лѣсистыхъ округахъ оставить хоть на десятокъ лѣтъ нетронутыми, то они покрылись бы новымъ поколѣніемъ лѣсовъ, а черезъ двадцать лѣтъ ихъ снова пришлось бы истреблять съ прежними усиліями. Часто случается, что и покосы и пашни, оставленные незапаханными, на третій годъ уже покрываются густѣйшею травяною растительностью и молодымъ сплошнымъ поколѣніемъ лѣсовъ. Поэтому, для уничтоженія дикихъ толстоствольныхъ травъ, повсюду существуетъ обычай «пускать палъ» каждую весну на пашняхъ и покосахъ, т. е. зажигать оставшуюся прошлогоднюю сухую траву.

Русскій, и особенно сибирскій крестьянинъ, тамъ, гдѣ онъ хозяйничаетъ на волѣ и на своихъ поляхъ, ничего не дѣлаетъ безъ разсчета, безъ пользы для себя. Какъ родное дитя, бережетъ онъ и холитъ лѣсъ, отдѣленный для его обихода.

Если покажется въ немъ огонь, всѣ жители мгновенно бѣгутъ тушить пожаръ. Лѣса, состоящіе изъ такихъ породъ, какъ, напримѣръ, липа и кедръ, изъ которыхъ добываются различные предметы, необходимые въ домашнемъ быту или для продажи, крестьяне берегутъ всѣми средствами. Даже близлежащіе къ селамъ непроходимые урманы, какъ заповѣдные охотничьи лѣса, не только пощажены на всемъ своемъ протяженіи отъ какого-либо истребленія, но и заботливо охраняются отъ пожаровъ. Горе промышленнику или охотнику, оставившему незатушеннымъ огонь въ урманахъ: его ожидаетъ суровое наказаніе.

Взросшіе въ правахъ суровыхъ,
Сами творятъ они судъ!

Садоводства въ губерніи почти совсѣмъ не существуетъ, а огородничество распространено лишь для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляютъ пригородныя селенія, которыя находятъ выгодный сбытъ овощей въ городахъ. Къ преобладающимъ овощамъ принадлежатъ разныя породы огурцовъ, капуста, рѣдька, свекла, рѣпа, брюква, морковь и другія. При хорошей обработкѣ грядъ и старательномъ уходѣ, рѣпа выростаетъ въ 18 дюймовъ въ окружности, рѣдька въ стволѣ до 10, свекла до 5, морковь до 3 дюймовъ. Капуста на сѣверѣ родится плохо: листъ ея зеленъ и кочни не туги.

Табаководство, какъ промыселъ, не существуетъ; но нѣкоторые изъ жителей въ южной части Тюменьскаго округа засѣваютъ простымъ табакомъ (махоркою) небольшіе участки въ своихъ огородахъ; посѣвъ табаку введенъ однимъ украинцемъ въ городѣ Тюмени еще въ 1776 году.

Лѣсопромышленность сосредоточивается преимущественно въ Тюменьскомъ округѣ, отчасти въ Туринскомъ и въ южныхъ частяхъ округовъ Тобольскаго и Тарскаго. Вслѣдствіе громадности пространствъ, занимаемыхъ лѣсами, и отсутствія въ Сибири частныхъ владѣльцевъ земель и лѣсовъ (кромѣ ничтожныхъ клочковъ, принадлежащихъ дворянамъ и знатнымъ Татарамъ), лѣса на корню не имѣютъ никакой цѣны. Другая причина безцѣнности лѣсовъ — свободное пользованіе ими всѣми сословіями въ одинаковой степени. Не только сельскіе жители рубятъ лѣсъ, гдѣ имъ вздумается, но и многіе жители городовъ часто сами лично заготовляютъ строевой лѣсъ и дрова въ количествѣ, достаточномъ на круглый годъ. Купцы

и чиновники посылаютъ для этого въ лѣсъ своихъ работниковъ и производятъ перевозку въ домъ на своихъ лошадяхъ. Только изъ нѣкоторыхъ ближайшихъ къ городамъ волостей крестьяне привозятъ, а изъ дальнихъ мѣстъ сплавляютъ по теченію рѣкъ строевой лѣсъ и дрова для продажи на базарахъ. Въ виду этого, торговля и промышленность лѣснымъ матерьяломъ въ лѣсистыхъ округахъ развита весьма мало. За бревно, годное для постройки домовъ или судовъ, въ городахъ платятъ отъ 20 к. до 1 рубля; однополѣнная сажень березовыхъ дровъ, длиною не менѣе аршина, стоитъ отъ 40 до 70 копѣекъ. Въ южныхъ безлѣсныхъ округахъ чувствуется большой недостатокъ не только въ строевомъ, но и въ дровяномъ лѣсѣ; его вывозятъ мѣстами за нѣсколько десятковъ верстъ.

Раздѣленія лѣсовъ на участки, для отдѣльнаго пользованія между деревнями и волостями, не существуетъ, хотя волости и имѣютъ точно обозначенныя границы. Только въ послѣднее время крестьяне сами раздѣлили, по словесному соглашенію, нѣкоторые участки лѣсовъ, прилегающіе ближе къ деревнямъ. По этому раздѣленію, крестьяне каждой деревни должны пользоваться опредѣленными взаимнымъ соглашеніемъ лѣсными участками. Но это раздѣленіе, на самомъ дѣлѣ, не выполняется строго, и, по большей части, всѣ рубятъ лѣсъ, гдѣ кому вздумается.

Близъ большихъ городовъ, каковы Тобольскъ, Тюмень и другіе, крестьяне, не оставляя кореннаго своего занятія—земледѣлія и скотоводства, занимаются выдѣлкою деревянной посуды, мебели и экипажей для продажи въ городахъ и на многочисленныхъ ярмаркахъ и торжкахъ. Особенно промышленность эта развита около Тюмени, гдѣ цѣлыя ближайшія волости производятъ деревянныхъ издѣлій на сумму до ста тысячъ рублей въ годъ. Издѣлія эти развозятся не только по сосѣднимъ безлѣснымъ южнымъ округамъ губерніи, въ Оренбургскую и Пермскую губерніи, но проникаютъ въ Киргизскую степь и даже въ Восточную Сибирь. На ирбитскую ярмарку, которая служитъ однимъ изъ главныхъ пунктовъ сбыта деревянныхъ издѣлій, привозятся сундуки, ящики, боченки, кадушки, берестяные бураки — по мѣстному названію туясья. Товаръ этотъ покупается крестьянами, купцами и мѣщанами, пріѣзжающими не только изъ ближайшихъ губерній, но и съ отдаленнаго востока. Разная посуда покупается въ большомъ количествѣ для домашняго обихода заводскими людьми съ Урала, занятыми круглый годъ и потому не имѣющими времени для подобныхъ издѣлій.

Деготь, смолу и варъ доставляютъ всѣ волости лѣсистыхъ округовъ. Эти предметы употребляются для смазки колесъ, при постройкѣ судовъ, бараковъ и каюковъ, а также на многочисленныхъ тюменьскихъ кожевенныхъ заводахъ и въ мастерскихъ издѣлій изъ кожевенныхъ товаровъ.

Въ округахъ описываемой части губерніи одну изъ важнѣйшихъ отраслей лѣсопромышленности составляетъ приготовленіе издѣлій изъ луба, лыка и мочалы, получаемыхъ изъ липовой коры. Лубъ идетъ на приготовленіе обшивокъ саней и телегъ; изъ мочалы приготовляютъ разныхъ сортовъ рогожи и веревки. Издѣлія эти расходятся не только въ Западной, но и въ Восточной Сибири; сотнями тысячъ привозятся рогожи и коробья на ирбитскую ярмарку, и цѣлые обозы мочальныхъ веревокъ всевозможныхъ сортовъ. Этотъ родъ производства, продолжающагося не болѣе 4 мѣсяцевъ въ году, преимущественно осенью и зимою, даетъ до 16 рублей дохода на человѣка. Работы изъ луба и мочалы производятся болѣе стариками, женщинами и дѣтьми.

Сборъ кедровыхъ орѣховъ принадлежитъ къ числу важныхъ источниковъ промышленности. Всѣ урманы изобилуютъ кедрами; урожай кедровыхъ орѣховъ бываетъ не каждый годъ, но обыкновенно черезъ одинъ или два года; узнаютъ о немъ за годъ или за два, судя по «зароду». Кедровыя шишки поспѣваютъ, смотря по степени лѣтней температуры и широтѣ мѣста, къ концу августа и началу сентября. Старые кедры производятъ шишекъ ежегодно отъ 300 до 500 штукъ и болѣе; изъ 10—15 цѣльныхъ шишекъ получается до одного фунта орѣховъ.

Въ урожайные годы не малый вредъ приносятъ бѣлка и особая порода дятла — ронжа, которая, подобно саранчѣ, налетаетъ цѣлыми стаями и въ короткое время уничтожаютъ кедровыя шишки.

Ни винтовки, ни стрѣлы, ни иные способы истребленія не помогаютъ въ борьбѣ съ этою птицею: на мѣсто убитыхъ тысячъ прилетаютъ новые десятки тысячъ изъ сосѣднихъ урмановъ. Но, вообще, сравнительно съ громаднымъ пространствомъ, занимаемымъ кедровыми лѣсами, и обиліемъ въ нихъ кедровыхъ орѣховъ, крестьяне собираютъ незначительную часть орѣховъ. Время поспѣванія шишекъ обыкновенно совпадаетъ съ ненастной погодой, когда крестьяне, не управившись окончательно съ жатвою и озимыми посѣвами, не могутъ употребить много времени для сбора орѣховъ. Кедровыя шишки между тѣмъ не ждутъ: онѣ валятся на землю, истребляются червями, мелкими звѣрьками и птичками и нещадно пожираются ронжей.

Софійскій каѳедральный соборъ въ Тобольскѣ.

Недостаточность рынковъ для сбыта кедровыхъ орѣховъ сильно вліяетъ на малое количество ихъ сбора. Между тѣмъ, при условіи развитія удобныхъ путей сообщенія, кедровые орѣхи, особенно же приготовляемое изъ нихъ масло, нѣжное и пріятное на вкусъ, могли бы стать важнымъ предметомъ торговли. При нынѣшнихъ условіяхъ, старый кедръ, не боящійся ни засухъ, ни безпрерывныхъ дождей, можетъ дать доходу орѣхами, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, до одного рубля серебромъ. Добыча и сборъ кедровыхъ орѣховъ, особенно въ глубинѣ урмановъ, сопряжены съ немалыми трудами и опасностями. Одинъ или два промышленника лѣзутъ на дерево и ударами обухомъ топора потрясаютъ его; шишки валятся внизъ и здѣсь подбираются. Лѣзущій на дерево прикрѣпляетъ обыкновенно къ рукамъ, ногамъ и груди желѣзные когти, съ пятью иглами на каждомъ, которые привязываются съ помощью маленькихъ подушекъ. Но часто когти притупляются и захватываютъ обломокъ гнилой вѣтки, и тогда, потерявъ равновѣсіе, отважный промышленникъ замертво падаетъ на землю съ 30-ти саженной вышины.

На сѣверѣ часто, впрочемъ, прямо срубаютъ цѣлыя деревья, чтобы добыть кедровыя шишки. Приготовляемое изъ кедровыхъ орѣховъ масло, по нѣжности вкуса, превосходитъ прованское масло. Если бы былъ найденъ способъ для его перевозки и предохраненія отъ порчи на продолжительное время, масло это могло бы получить повсемѣстное распространеніе и сдѣлаться важною статьею торговли, такъ какъ оно гораздо дешевле праванскаго, даже при нынѣшнемъ первобытномъ и грубомъ способѣ обработки. Кедровое масло крестьяне жгутъ также въ лампадахъ предъ образами, при чемъ не получается той удушливой гари, какую даетъ деревянное масло. Но масло, какъ и кедровые орѣхи, имѣетъ важный недостатокъ: оно скоро горькнетъ и становится негоднымъ для употребленія въ пищу. Старые орѣхи, впрочемъ, могутъ идти на выдѣлку масла для красокъ, смазыванья машинъ, для освѣщенія и тому подобное.

Говоря о лѣсныхъ промыслахъ, нельзя умолчать о собираніи ягодъ разныхъ сортовъ, которыя такъ обильно растутъ среди лѣсовъ и мелкихъ болотъ, въ особенности ближе къ сѣверу. Хотя сборъ ягодъ не составляетъ виднаго промысла жителей, но доставляетъ имъ нѣкоторыя выгоды. Клюква, морошка, голубица, брусника собираются не только для собственнаго потребленія, какъ лакомство или лекарство (напримѣръ, брусника отъ цынги), но и для продажи.

Скотоводство въ Обско-Иртышкой низменности болѣе всего развито въ Тарскомъ округѣ Тобольской губерніи. Здѣсь разведеніе скота, наряду съ хлѣбопашествомъ, составляетъ глав-

ный источникъ существованія; населеніе не прилагаетъ много старанія къ уходу за скотомъ. Какъ сказано выше, для пастбищъ и покосовъ ежегодно освобождаются изъ-подъ лѣса огромныя пространства земли; сверхъ того, сѣно косится въ дубравахъ, заросшихъ кустарникомъ, и здѣсь же пасется скотъ значительную часть года. Обиліе скота отражается замѣтнымъ образомъ на благосостояніи крестьянъ. Здѣсь крестьянинъ богатъ, здоровъ и силенъ физически. Въ Тарскомъ уѣздѣ найдется не мало зажиточныхъ селъ, къ которымъ цѣликомъ приложимы слова поэта — «печальника горя народнаго», поставленныя эпиграфомъ къ этой статьѣ. Крестьяне въ этихъ селеніяхъ употребляютъ преимущественно мясную пищу, жгутъ сальныя свѣчи, носятъ сапоги, дѣлаютъ хорошую сбрую. Лучина же, лапти и веревочная сбруя почти нигдѣ не встрѣчаются, или встрѣчаются очень рѣдко.

Успѣшному разведенію скотоводства препятствуютъ частые падежи лошадей отъ сибирской язвы, рогатаго скота — отъ чумы. Въ болотисто-лѣсистой полосѣ эпизоотіи на скотѣ сдѣлались извѣстны съ давнихъ временъ. Въ началѣ XVII столѣтія (въ 1603 и 1605 годахъ), отъ мороваго повѣтрія погибли почти всѣ лошади въ Тюмени. По изслѣдованіямъ и наблюденіямъ мѣстныхъ ветеринаровъ, чума на рогатый скотъ заносится изъ Киргизской степи при прогонѣ закупаемаго тамъ скота и при провозѣ оттуда же сырыхъ кожъ.

Ивановскій женскій монастырь въ Тобольскѣ.

Порода скота — преимущественно простая русская, лишь отчасти смѣшанная съ калмыцкою и киргизскою. Въ южныхъ волостяхъ Тарскаго округа, имѣющаго отчасти степной характеръ, разводятся отличныя киргизскія лошади и рогатый скотъ. Но попытка завести овецъ киргизской породы съ жирными курдюками не привела ни къ чему. Богатые крестьяне имѣютъ для молодаго скота и табуновъ особыя скотныя заимки; онѣ строятся обыкновенно на берегу рѣкъ, небольшихъ рѣчекъ или вблизи колодцевъ. Такая заимка стоитъ, обыкновенно, особнякомъ въ степи, окруженная избами для жилища рабочихъ и огромными скотными дворами.

Бѣдные крестьяне, сверхъ рабочихъ лошадей, имѣютъ обыкновенно по одной, по двѣ матки. У большесемейныхъ богатыхъ крестьянъ имѣются табуны лошадей отъ 100 до 150 головъ, и такой табунъ составляетъ немаловажную статью догода. Рогатаго скота и овецъ киргизской и русской породы у богатыхъ крестьянъ бываетъ въ табунахъ отъ 200 до 300 головъ. Вообще, всѣ крестьяне, даже самые бѣдные, имѣютъ по нѣсколько головъ рогатаго скота, приплодъ отъ котораго, кромѣ ежедневной пищи во время мясоѣдовъ, доставляетъ хозяевамъ сало и кожи. Живой скотъ рѣдко продается; телятъ бьютъ только богатые крестьяне. Бѣднѣйшіе крестьяне, имѣя по двѣ, по три коровы, или по нѣсколько штукъ свиней и овецъ, продовольствуютъ себя приплодомъ отъ этихъ животныхъ.

Для ухода за скотомъ, богатые крестьяне нанимаютъ отъ 15 до 20 человѣкъ пастуховъ, а для телятъ и ягнятъ особыхъ работницъ. Лѣтомъ, когда больше свободнаго времени, на обязанности работниковъ и работницъ лежитъ заготовка сѣна на зиму. Время сильныхъ жаровъ есть также и время сильнаго овода. Чтобы предохранить скотъ отъ этого мучителя, табуны скота и косяки лошадей загоняются въ мѣста, открытыя отъ лѣсовъ, въ озера и рѣки. Но случается, что оводъ и тамъ настигаетъ свою жертву. Тогда измученный скотъ спасается въ скотные дворы, гдѣ во многихъ мѣстахъ раскладываютъ курево изъ огромныхъ кучъ навоза и гнилаго дерева, и скотъ предпочитаетъ лучше задыхаться отъ дыму, чѣмъ мучиться отъ овода. Во время овода и жаровъ, рабочія лошади и дойныя коровы, а при обиліи хлѣба

и весь скотъ, кормятъ овсомъ, смѣсью муки съ отрубями и бардою съ винокуренныхъ заводовъ, и только этимъ путемъ поддерживаются силы скота, который тогда принимаетъ пищу лишь по ночамъ, при куревахъ.

Зимній день на скотномъ дворѣ богатаго крестьянина состоитъ въ безпрерывныхъ трудахъ и надзорѣ. Рабочіе, вставая задолго до разсвѣта, расходятся по своимъ отдѣленіямъ, чистятъ дворы, даютъ скоту сѣно. На разсвѣтѣ скотъ гонится на водопой, что́ повторяется въ полдень и вечеромъ. Въ промежуткахъ между этими занятіями вывозится навозъ, внѣшнія стороны дворовъ забрасываются снѣгомъ, чтобы предохранить стѣны отъ вѣтра; ко дворамъ подвозится сѣно. Между тѣмъ женщины доятъ коровъ, поятъ телятъ, кормятъ свиней и ягнятъ и приготовляютъ скопы творога и масла. Для молодаго скота, ягнятъ, телятъ и жеребятъ, устроены особыя черныя избы, гдѣ ихъ держатъ въ сильные морозы, въ первое время послѣ появленія ихъ на свѣтъ. У бѣдныхъ и малосемейныхъ крестьянъ всѣ работы по уходу за скотомъ возлагаются исключительно на женщинъ и дѣвушекъ.

Для свиней и ихъ приплода устраиваются особыя помѣщенія изъ бревенъ. Ни мясо, ни сало свиное не идетъ въ продажу на городскомъ рынкѣ и имѣетъ весьма незначительный сбытъ на ярмаркахъ, и то по ничтожной цѣнѣ. Поэтому холодные и жареные поросята и различнымъ образомъ приготовленная свинина составляютъ почти ежедневную пищу крестьянъ.

Обь и Иртышъ и многочисленныя озера, сообщающіяся съ ними и лежащія отдѣльно, представляютъ приволье для рыболовства. Рыболовство существуетъ повсемѣстно въ Западно-сибирской низменности, не исключая даже и южной ея части. Гдѣ хлѣбопашество удобно, тамъ рыболовство становится уже не промысломъ, а производится между дѣломъ, только для удовлетворенія своихъ потребностей. Ледовитый океанъ снабжаетъ рыбою всѣ рѣки Западной Сибири. Лишь-только Обь вскроется, рыба выходитъ изъ Обской губы и проникаетъ даже въ Томскую губернію. Сначала идетъ сырпкъ, затѣмъ нельма, моксунъ и осетръ, наконецъ, щокуръ, пыжьянъ, сельдь и налимъ. Мутность водъ въ Оби и медленное ихъ теченіе считаются главною причиною, что нѣкоторые роды семги, подымающіеся изъ Ледовитаго моря для метанія икры въ другія впадающія въ море рѣки, никогда не появляются въ Оби. Такъ, напримѣръ, здѣсь нѣтъ ни омуля, ни бѣлой форели и другихъ. Напротивъ, осетры и стерляди, любящія иловатый грунтъ, водятся во множествѣ и достигаютъ большаго роста въ Оби, но зато они не такъ вкусны, какъ въ другихъ рѣкахъ.

Икру мечетъ рыба въ августѣ на каменистыхъ мѣстахъ и затѣмъ или возвращается къ низовьямъ Оби, или зимуетъ въ ней, но всѣ спѣшатъ оставить рѣку прежде, чѣмъ вода подо льдомъ начинаетъ гнить, что́ во многихъ притокахъ Оби случается уже въ ноябрѣ, въ главномъ же руслѣ, гдѣ масса воды велика, не ранѣе января. Множество рыбъ, преимущественно осетры, стерляди и нельма, спускаются въ Иртышъ изъ озера Зайсанъ, чрезъ которое онъ протекаетъ въ своихъ верховьяхъ. Вся эта рыба скопляется въ тихихъ водахъ Тарскаго округа, не будучи въ состояніи подняться снова въ верховья, гдѣ, стѣсненная гранитными громадами отвѣсныхъ скалъ Алтая, реветъ и бѣшено клубится рѣка. Васюганскія озера, о которыхъ Остяки говорятъ, что въ нихъ столько же рыбы, сколько звѣздъ на небѣ, служатъ для Иртыша огромнымъ источникомъ различныхъ породъ рыбъ. По берегамъ Иртыша, особенно на лѣвой сторонѣ, лежитъ множество озеръ, изъ которыхъ почти каждое выпускаетъ или принимаетъ въ себя рѣчки и ручьи. Эти маленькія озерки, глубиною отъ 2 до 8 аршинъ, съ глинистыми болотистыми берегами, окруженными мелкимъ лѣсомъ и кустарникомъ, изобилуютъ рыбою; черноземные берега ихъ годны для пашень, особенно же для льна.

Въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ, почти всѣ протекающія черезъ нихъ рѣки окружены болотами, простирающимися на нѣсколько десятковъ верстъ въ длину и ширину и наполненными безчисленными ручьями и ручейками, прорѣзывающими ихъ въ разныхъ направленіяхъ. Бо-

лота, лежащія вблизи рѣкъ, во время весеннихъ разливовъ заливаются. Рыба, стремясь въ глубокія и тихія мѣста, массами устремляется въ прибрежныя озера, называемыя мѣстными жителями «старицами»; перешейки между старицами и главнымъ русломъ рѣки, покрываясь водою во время разливовъ, представляютъ рыбѣ удобный путь. Но, какъ только вода начинаетъ сбывать, рыба старается обратно уйдти въ рѣку. Человѣкъ преграждаетъ ей путь: еще во время большой воды, длинныя жерди вбиваются во всѣ главные проливы, близко одна отъ другой, такъ что только мелкая рыба можетъ пройти между ними; на поверхности воды жерди связываются лыками и веревками, и къ нимъ привязываются длинные шесты. Иногда такое множество рыбы скопляется къ этимъ преградамъ, что жерди трещатъ и качаются; случается даже, что отъ сильнаго напора рыбы жерди, толщиною въ руку, ломаются, и тогда рыба свободно уходитъ въ рѣку. Ловля рыбы въ лѣтнюю пору производится въ Иртышѣ и при устьяхъ нѣкоторыхъ побочныхъ рѣкъ и рѣчекъ сѣтями, мордами, небольшими неводами на пескахъ и самоловами въ заводяхъ, притомъ исключительно инородцами и отчасти бѣдными русскими крестьянами волостей, ближайшихъ къ городу. Въ неводы и морды попадается всякая рыба; въ самоловы—одни осетры. Ловля неводами въ лѣтнее время не даетъ улова большой рыбы, такъ какъ не бываетъ въ это время года хода цѣнныхъ рыбъ.

Наступаетъ ноябрь. Рѣки и озера покрылись мелкимъ льдомъ. Богатые крестьяне съ своими работниками, артели бѣдняковъ и крестьянъ съ среднимъ достаткомъ — отправляются на рыболовство. Впрочемъ, бѣдные крестьяне сами для себя рѣдко участвуютъ въ товариществахъ для рыбной ловли: чаще они продаютъ свои паи богатымъ. Окрѣпшій ледъ пробивается на озерахъ въ промежуткахъ между шестами, вбитыми передъ наступленіемъ морозовъ. Въ образовавшіяся такимъ образомъ проруби спускаютъ неводъ и проводятъ его, пока онъ не погрузится въ воду во всю длину. Добытая рыба складывается на берегу въ огромныя кучи, гдѣ она и сортируется по родамъ. Затѣмъ рыбу развозятъ по домамъ и складываютъ въ амбары или завозни.

Въ 1857 году, посланный тюменьскимъ воеводою письменный казачій старшина положилъ основаніе Тобольску, сдѣлавшемуся, въ 1708 году, губернскимъ городомъ. Какъ бывшій нѣкогда «царствующимъ градомъ», столицею всей Сибири, онъ сохранилъ еще и до сихъ поръ слѣды своего былаго историческаго значенія. Еще до прихода Ермака, тамъ гдѣ нынѣ находится близъ Тобольска «Панинъ бугоръ», стоялъ татарскій городъ Бигдинъ-Тура, что значитъ «женинъ городъ», и, вѣроятно, служилъ мѣстопребываніемъ одной изъ женъ Кучума, хана Сибирской орды, занимавшей мѣста по Тоболу и въ южной части нынѣшней Тобольской губерніи. Надо полагать, что городъ этотъ былъ разрушенъ казаками и совершенно оставленъ. Подобно прочимъ укрѣпленнымъ мѣстамъ этого края, Тобольскъ первоначально представлялъ незначительный острогъ, который стоялъ при устьѣ одного изъ притоковъ Тобола. По неудобству избраннаго мѣста, страдавшаго отъ разливовъ Иртыша, острогъ былъ перенесенъ на крутой нагорный мысъ праваго берега Иртыша. Тобольскъ, не смотря на то, что былъ построенъ на непріятельской землѣ, ни разу не подвергался нападеніямъ враговъ, но зато неоднократно страдалъ отъ наводненій и пожаровъ, которые причиняли значительные убытки жителямъ. Такъ, въ пожаръ 1778 года, въ городѣ сгорѣло 9 церквей, монастырь съ семинаріей и 1,100 обывательскихъ домовъ; во время пожара 1757 года погибло 817 разныхъ строеній. Тобольскъ, какъ видно изъ этихъ данныхъ, былъ уже заселенъ въ это время, что зависѣло главнымъ образомъ отъ пріобрѣтеннаго имъ административнаго значенія. Первоначально онъ находился подъ вѣдѣніемъ тюменьскихъ воеводъ, но, со времени назначенія воеводою князя Мосальскаго, Тобольскъ сдѣлался самостоятельнымъ городомъ и главнымъ административнымъ центромъ Сибири. Въ 1696 году Тобольску присвоена печать Сибирскаго цар-

ства вмѣсто прежней канцелярской печати. Въ 1708 году Тобольскъ былъ названъ главнымъ городомъ Сибирской губерніи, въ которую входила не только Сибирь и нынѣшняя Пермская губернія, но и часть Вятской. Съ открытіемъ въ Тобольскѣ намѣстничества, во вновь устроенномъ намѣстническомъ домѣ была огромная зала, устланная дорогими коврами, въ которой находился тронъ Императрицы Екатерины II, а также портреты ея и всей царской фамиліи. До 1824 г. въ Тобольскѣ находилось Главное Управленіе Западной Сибири, перенесенное отсюда въ этомъ году въ Омскъ.

Тобольскъ расположенъ на правомъ берегу Иртыша, противъ устья рѣки Тобола. Мѣстность весьма неудобна въ гигіеническомъ отношеніи: большая часть города стоитъ на болотѣ, ежегодно заливаемомъ во время весенняго половодья Иртыша. Только верхній посадъ его, въ которомъ расположены всѣ губернскія учрежденія, соборы, архіерейскій домъ, тюрьма и проч., стоитъ на крутизнѣ, сообщающейся съ нижнимъ посадомъ очень затруднительными подъемами. Въ тихій лѣтній вечеръ, когда подплываешь къ Тобольску по Иртышу, городъ имѣетъ очень эфектный видъ съ своими 21 каменными церквами, кремлемъ, соборами, старинными архіерейскими палатами на крутизнѣ горы, обелискомъ Ермака, окруженнымъ садомъ, огромнымъ зданіемъ присутственныхъ мѣстъ и пристанью, на которой кипитъ работа. Торговля его, нѣкогда цвѣтущая, нынѣ совсѣмъ упала; значительныхъ капиталовъ нѣтъ; періодическіе пожары и наводненія не даютъ ему поправиться. Развѣ только съ развитіемъ морскаго пути чрезъ Ледовитый океанъ, Тобольскъ можетъ снова подняться, служа посредникомъ и складочнымъ мѣстомъ для торговли богатыхъ южныхъ округовъ губерніи и сдѣлавшись главнымъ городомъ «дикаго рая» громадной, необитаемой страны между Обью, Иртышемъ и Енисеемъ. Въ этой срединной части Сибири сосредоточены громадныя богатства. Нижній посадъ города отдѣляется отъ верхняго маленькою, текущею въ оврагѣ, рѣчкою. Улицы въ этой части города застроены маленькими деревянными домиками, отдѣленными другъ отъ друга деревянными же заборами. Около заборовъ лежатъ огромныя, продолговатыя кучи песку, часто вышиною превышающія ихъ, такъ что приходится подыматься и спускаться съ одного холма на другой, или мѣстами идти, какъ бы крадучись, въ узкомъ пространствѣ между заборомъ и пескомъ. Весной посреди улицъ текутъ мутные потоки, унося съ собою кучи навоза и всякой дряни. Самая большая часть нижняго посада разорилась во время наводненія 1859 года, и теперь эта часть города мало чѣмъ отличается отъ мелкихъ уѣздныхъ городковъ внутренней Россіи. Здѣсь много церквей, много каменныхъ домовъ, но мертвая тишина царитъ на улицахъ, и въ церковныхъ оградахъ растетъ крапива.

Колокольня при Софійскомъ соборѣ въ Тобольскѣ.

Въ гигіеническомъ отношеніи эта часть Тобольска, какъ и большинство городовъ Западной Сибири, очень дурно устроена. Сообразуются до нѣкоторой степени съ требованіями гигіены только при устройствѣ нѣкоторыхъ, но далеко не всѣхъ общественныхъ зданій. Частныя же жилыя помѣщенія строятся по вѣковымъ традиціямъ, унаслѣдованнымъ отъ прапрадѣдовъ. Загрязненіе и засореніе улицъ, вслѣдствіе обычая выравнивать ямы на улицахъ навозомъ или мусоромъ, сваливаніе всякаго сора и пыли неподалеку отъ города или въ самомъ городѣ, по берегамъ рѣкъ, — все это составляетъ отличительную черту большинства городовъ Западной Сибири. Вслѣдствіе этого, заразныя болѣзни, разъ появившись въ какомъ-либо городѣ, находятъ удобную почву для значительнаго распространенія среди городскаго населенія.

Нынѣ въ Тобольскѣ считается 21 каменная церковь, 2,549 домовъ и болѣе 18,400 жителей, незначительную часть которыхъ составляютъ Татары и Бухарцы.

Учебныя заведенія Тобольска—духовная семинарія, духовное уѣздное училище, классическая гимназія, уѣздное и приходское училища, училище военнаго вѣдомства, казачье училище и Маріинская женская школа съ дѣтскимъ пріютомъ. Фабрикъ и заводовъ 52. Губернская тобольская тюрьма считается одною изъ наилучше-устроенныхъ въ губерніи; при ней находится обширная больница съ сиропитательнымъ домомъ.

Верхній посадъ, благодаря многочисленнымъ затратамъ казны, устроенъ удобно и хорошо. Въ немъ находятся соборы Софійскій и Успенскій, воздвигнутые въ концѣ XVII вѣка митрополитомъ сибирскимъ Павломъ. Съ 1664 по 1768 годъ, тобольскіе архипастыри имѣли санъ митрополита, въ настоящее же время они состоятъ въ санѣ архіепископа (съ титуломъ — «Тобольскій и Сибирскій»). Въ Софійскомъ соборѣ, вообще богатомъ, замѣчателенъ кованый изъ серебра престолъ и икона святой Софіи, отличающаяся отъ всѣхъ другихъ иконъ тѣмъ, что при корнѣ древка, на которомъ изображена св. Софія, стоитъ царь Іоаннъ Грозный съ московскимъ митрополитомъ Діонисіемъ, а на вѣтвяхъ изображены 6 первыхъ сибирскихъ архіепископовъ. Успенскій соборъ можетъ стать на ряду съ красивѣйшими храмами Россіи. Иконостасъ его, устроенный вызванными изъ Кіева монахами, искусными рѣзчиками и иконописцами, подновленъ по тому-же письму греческаго стиля и мѣстами вызолоченъ.

Никольскій взвозъ въ Тобольскѣ.

Въ виду этихъ древнихъ соборовъ, подлѣ старинныхъ архіерейскихъ палатъ, находится оригинальный историческій памятникъ, «неумирающій и неизмѣняющійся» сибирскій ссыльный— «*Угличскій колоколъ*» съ отсѣченнымъ ухомъ. Его вина состояла въ томъ, что въ день преступленія, совершеннаго по приказанію Бориса Годунова, онъ призывалъ народъ къ отмщенію за невинно пролитую кровь. 15 мая 1591 года, когда былъ убитъ въ Угличѣ царевичъ Димитрій, сторожъ придворнаго Угличскаго собора Максимъ Кузнецовъ и вдовый священникъ Филатъ, по прозванію Огурецъ, бросились на колокольню и, запершись внутри, ударили въ колоколъ. Сбѣжавшіеся граждане убили ихъ. Страшныя кары постигли древній Угличъ; двѣсти именитѣйшихъ гражданъ сложили на плахѣ свои головы; изъ остальныхъ уцѣлѣвшіе отъ пытокъ сосланы въ Пелымъ, на сѣверъ Тобольской губерніи. Колоколъ, по народному преданію, былъ битъ кнутомъ, съ отсѣченіемъ уха, и сосланъ въ Тобольскъ, гдѣ былъ поставленъ сначала на Спасской колокольнѣ, и по приказанію архіепископа тобольскаго Варлаама по краямъ его была вырѣзана надпись: «Сей достопамятный колоколъ, въ который били въ набатъ при убіеніи царевича Димитрія, въ 1593 году изъ г. Углича отправленъ въ Сибирь, въ г. Тобольскъ, къ церкви Всемилостивѣйшаго Спаса, что на торгу, а потомъ на Софійской колокольнѣ былъ часобитнымъ».

Въ началѣ 1837 года, по приказанію архіепископа Аѳанасія, онъ былъ перенесенъ во дворъ архіерейскаго дома и повѣшенъ подъ деревяннымъ навѣсомъ. Теперь въ него не звонятъ; но когда онъ висѣлъ на Софійской колокольнѣ, то на немъ отбивали часы, а при пожарахъ били въ набатъ. Своею продолговатою, коническою формою колоколъ этотъ сильно

отличается отъ колоколовъ, отливаемыхъ въ настоящее время. Одинъ изъ сибирскихъ историковъ, называя «ссыльный колоколъ» неумолчнымъ, краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ о казни цѣлаго невиннаго города, нѣкогда возставшаго за право и правду, пускается въ длинныя разсужденія о той роли, которую вообще играли колокола въ сѣверной и сѣверо-западной Руси, начиная съ великихъ республикъ Новгорода и Пскова. Высказывая желаніе, чтобъ колоколъ былъ возвращенъ Угличу и поставленъ на площади этого «опальнаго города», историкъ дѣлаетъ замѣчаніе, что памятникъ этотъ будетъ вѣчно вызывать въ гражданахъ города воспоминаніе о давнопрошедшихъ временахъ единодушія гражданъ въ минуту, когда приходится постоять за правду, не щадя жизни и не боясь лютыхъ казней.

Богородицкая улица въ Тобольскѣ.

При сибирскомъ губернаторѣ князѣ Гагаринѣ, во времена Петра Великаго, былъ выстроенъ, ради украшенія города, каменный кремль, наподобіе московскаго кремля. Строителями его, какъ и вообще большинства русскихъ «національныхъ святынь», были, впрочемъ, иностранцы, плѣнные Шведы, разосланные по Сибири послѣ Полтавской побѣды. Изъ этого сооруженія уцѣлѣли только небольшая часть стѣны и арка надъ «Прянскимъ взвозомъ»; все остальное за ветхостью было разобрано еще въ концѣ минувшаго столѣтія. Арка, по народному названію «Шведскія ворота», служитъ теперь для помѣщенія губернскаго архива. Подъ арку идетъ въ крутую гору небольшая лѣстница, служащая для сообщенія нижняго посада съ верхнимъ. Въ верхнемъ посадѣ, на крутомъ обрывѣ горы, помѣщается громадное зданіе, нѣкогда роскошныя палаты блестящаго вельможи Екатерининскаго вѣка, Дениса Чичерина, считавшагося однимъ изъ лучшихъ правителей Сибири. Теперь же въ этомъ «Чичеринскомъ домѣ» помѣщаются губернскія присутственныя мѣста; изъ оконъ обширной залы, гдѣ собираются члены губернскаго совѣта, открывается превосходный видъ на городъ и рѣку.

Видъ тобольскаго кремля и площади у губернаторскаго дома.

Тобольская духовная семинарія вмѣстѣ уѣзднымъ духовнымъ училищемъ — одно изъ древнѣйшихъ учебныхъ заведеній Сибири. Іоаннъ Максимовичъ, митрополитъ сибирскій, современникъ Петра Великаго, воспитывавшійся въ Кіевской духовной академіи, — въ этомъ разсадникѣ духовнаго просвѣщенія Россіи въ XVI, XVII и XVIII вѣкахъ, — положилъ основаніе тобольской духовной семинаріи, которая называлась тогда славяно-русскою школою. Большинство ея

первоначальныхъ учителей было выписано изъ Кіева, изъ числа извѣстныхъ тогда ученыхъ монаховъ. Впослѣдствіи, когда въ школу было введено преподаваніе латинскаго языка, она была переименована въ латино-русскую школу, а съ 1770 года — въ духовную семинарію и перемѣщена изъ архіерейскаго дома въ Знаменскій монастырь, на берегу Иртыша. Въ ней получилъ свое первоначальное образованіе знаменитый историкъ Сибири, Петръ Андреевичъ Славцовъ. Изъ числа ея учениковъ заслуживаетъ упоминанія Мировичъ, тотъ мятежный подпоручикъ, которому принадлежала неудачная попытка освободить Іоанна Антоновича изъ Шлиссельбургской крѣпости и провозгласить его императоромъ (1764 г.).

Тобольская классическая гимназія открыта 23 ноября 1819 года, и болѣе полу-вѣка была единственной гимназіей Сибири. Съ 1840 года Тобольская гимназія отправляетъ лучшихъ своихъ учениковъ въ русскіе университеты, преимущественно Казанскій и Петербургскій, давая средства къ окончанію курса нѣкоторымъ недостаточнымъ студентамъ, за что послѣдніе должны отслужить опредѣленный срокъ родному краю. Одно время директоромъ этой гимназіи былъ извѣстный всей Россіи авторъ сказки «Конекъ-Горбунокъ», П. П. Ершовъ. При немъ она достигла высокой степени процвѣтанія и дала Россіи многихъ дѣятелей науки, въ числѣ которыхъ занимаетъ первое мѣсто знаменитый русскій химикъ Д. И. Менделѣевъ.

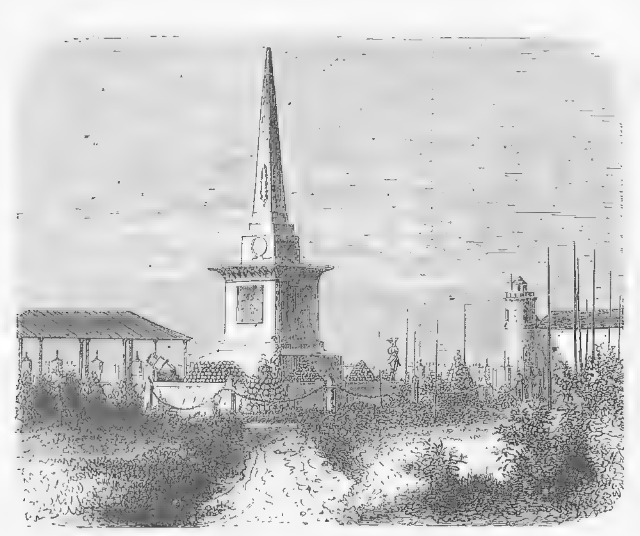

Тобольская гимназія.

Изъ другихъ учебныхъ заведеній Тобольска заслуживаетъ упоминанія Маріинская женская школа, мысль объ основаніи которой связана съ посѣщеніемъ Сибири покойнымъ Государемъ Императоромъ, Александромъ II, въ 1837 году. Жители Тобольска пожелали увѣковѣчить этотъ памятный для края день и по подпискѣ, въ которой, кромѣ жителей города, приняли участіе тюменьскіе богачи, собрали капиталъ для устройства женской школы, которая состоитъ нынѣ во II разрядѣ учебныхъ заведеній Императрицы Маріи. Кромѣ казенныхъ воспитанницъ, здѣсь допускаются и приходящія, число которыхъ теперь значительно превышаетъ число казенныхъ воспитанницъ. Дѣвушки, окончившія курсъ этой школы, расходятся по всей Сибири въ качествѣ учительницъ начальныхъ школъ и женскихъ прогимназій, или просто домашнихъ учительницъ, и повсюду снискали себѣ любовь и уваженіе.

На обширной нагорной площади, близъ соборовъ и присутственныхъ мѣстъ, расположено громадное зданіе губернской тюрьмы, выстроенной по мысли покойнаго Государя Императора, Александра II, который въ бытность свою въ Тобольскѣ, въ 1837 году, былъ пораженъ общимъ видомъ и состояніемъ тогдашней старой тюрьмы. Въ новой тюрьмѣ, во время скопленія партій ссыльныхъ, кромѣ подсудимыхъ и другихъ арестантовъ, содержится иногда до 2000 человѣкъ, при чемъ не чувствуется особой тѣсноты. Первый дворъ тюрьмы занятъ трехэтажнымъ корпусомъ итальянской архитектуры, въ которомъ помѣщается тюремный госпиталь, состоящій изъ 10 палатъ, съ помѣщеніемъ для кухонь и другихъ службъ, аптеки, фельдшеровъ и больничной прислуги. По обѣимъ сторонамъ госпиталя тянутся одноэтажные корпуса, изъ четырехъ огромныхъ палатъ каждый, въ которыхъ помѣщаются пересыльные. Къ этимъ корпусамъ, также съ обѣихъ сторонъ, примыкаютъ 16 камеръ для слѣдственныхъ арестантовъ; наконецъ, во внутреннемъ дворѣ возвышается двухэтажное громадное зданіе готической

архитектуры изъ 20 палатъ и 28 камеръ. Въ нихъ содержатся подсудимые и осужденные. Посреди этого знанія, въ верхнемъ этажѣ помѣщается тюремная церковь во имя св. Александра Невскаго съ хорами, поддерживаемыми іоническими колоннами. Тобольскъ до сихъ поръ носитъ память посѣщенія его покойнымъ Государемъ· Какъ въ Тобольскѣ, такъ и Тюмени сохраняются лодки, на которыхъ онъ переѣзжалъ рѣку.

Тобольскъ почтилъ память Ермака скромнымъ памятникомъ, воздвигнутымъ изъ сѣраго уральскаго мрамора и поставленнымъ на крутомъ выступѣ горы. Четырехсторонняя пирамида на пьедесталѣ, съ разными незатѣйливыми орнаментами, обнесена чугунною рѣшеткою и окружена садомъ, въ которомъ устроены цвѣтники и оранжерея. Ермаку и его сотоварищамъ, въ тобольскихъ соборахъ, по церковному установленію архіепископа Сибири Кипріана, заставшаго въ живыхъ многихъ изъ сподвижниковъ Ермака, провозглашается ежегодно, въ недѣлю православія, вѣчная память. Имена Ермака и казаковъ, убитыхъ при покореніи Сибири, занесены въ соборный синодикъ.

Садъ около памятника Ермака въ Тобольскѣ.

Закончимъ краткое описаніе древней столицы Сибири упоминаніемъ о святынѣ, чтимой народомъ, — о чудотворной иконѣ Абалакской Божіей Матери. Она написана въ 1637 году, по «видѣнію» жившей въ 25 верстахъ отъ Тобольска богобоязненной вдовы Маріи. «Узрѣла она», говоритъ преданіе: «стоящую на воздухѣ икону Знаменія Пресвятой Богородицы, съ изображеніемъ по сторонамъ святителя Николая Чудотворца и преподобной Маріи Египетской, и услышала исходящій изъ видѣнія гласъ: «Марія, объяви свое видѣніе народу и скажи, чтобы построили на Абалакскомъ погостѣ, по правую сторону ветхой Преображенской церкви, новую деревянную церковь, во имя Знаменія Пресвятой Богородицы». Утвержденная въ вѣрѣ неоднократно повторявшимися послѣ того видѣніями, она начала разсказывать о нихъ; слухи дошли до Нектарія, архіепископа тобольскаго, и, по его благословенію, усердіемъ жителей была воздвигнута деревянная церковь въ селѣ Абалакѣ. Въ то же время богатый крестьянинъ Павелъ Кока, много лѣтъ лежавшій въ разслабленіи, далъ обѣтъ написать икону Знаменія Пресвятой Богородицы; онъ заказалъ эту икону протодіакону Софійскаго собора Матвѣю, искусному иконописцу; спустя нѣкоторое время Кока исцѣлился.» Впослѣдствіи около деревянной церкви былъ устроенъ мужской монастырь.

Абалакъ, древній татарскій городъ, нынѣ русское селеніе, лежитъ въ живописной мѣстности; по обѣимъ сторонамъ его, въ лѣтнюю пору, открываются прекрасные пейзажи. Вдали виднѣются дремучіе, вѣковые лѣса, зеленѣющіе зыбуны, кристальныя рѣки и рѣчки, вьющіяся среди зеленыхъ луговъ. Ежегодно, начиная съ 1868 года, 8 іюня, въ день «Великаго Прокопія», какъ говоритъ народъ, приносятъ чудотворную икону изъ Абалакскаго монастыря въ Тобольскъ, при огромномъ стеченіи народа. Богомольцы стекаются сюда со всѣхъ концовъ Тобольской губерніи. Вся дорога изъ Абалака въ Тобольскъ, пролегающая по живописной долинѣ, среди столѣтнихъ березовыхъ рощъ и древнихъ земляныхъ насыпей, покрыта идущими и ѣдущими богомольцами. Костюмы городскихъ жителей перемѣшаны съ яркими цвѣтами одеждъ деревенскихъ обывателей въ азіатскомъ вкусѣ.

Въ двадцати верстахъ на юго-востокъ отъ нынѣшняго Тобольска лежитъ мѣстность, извѣстная подъ именемъ «Кучумова-городища», поросшая дикою травою и изрытая мѣстами глубокими ямами. Она окружена, съ одной стороны, глубокимъ буеракомъ и съ двухъ сторонъ — тройнымъ валомъ и рвомъ; съ западной стороны ее подмываетъ Иртышъ — и болѣе и болѣе хоронитъ въ волнахъ своихъ. Здѣсь, между густыми, зеленѣющими рощами и долинами Алаферской горы, стоялъ Искеръ, древняя столица татарской Сибири. Гордо глядѣлъ онъ своими высокими башнями и стройными минаретами въ сердитыя волны рѣки и былъ грозою полудикихъ сосѣднихъ народовъ, покоренныхъ ея воинственными ханами. Уныла теперь эта мѣстность, и только Татары, собираясь повременамъ для поминовенія предковъ, погибшихъ подъ мечами враговъ, своими воплями къ Аллаху нарушаютъ обычную тишину. Самая исторія Кучумова царства мало извѣстна; ее можно разсматривать только какъ одинъ изъ послѣднихъ остатковъ нѣкогда великой имперіи Чингисъ-хана.

Объ этихъ нѣкогда воинственныхъ Татарахъ, подобно тому, какъ объ аборигенахъ пустынной части Японіи или о горныхъ племенахъ Индіи, можно сказать, что они «правдивы, кротки и почтительны»; военное же устройство давно позабыто ими. Они честны во всѣхъ своихъ поступкахъ. Весьма характерная черта ихъ общественныхъ отношеній, что, когда сгоритъ домъ у кого-либо изъ нихъ, они всѣ вмѣстѣ строятъ новый домъ погорѣльцу. Но, къ сожалѣнію, богатые и зажиточные еще въ началѣ этого столѣтія, — нынѣ они крайне обѣднѣли. Причины этого коренятся, главнымъ образомъ, въ сложныхъ и крайне запутанныхъ поземельныхъ и административныхъ отношеніяхъ. Татарское населеніе Тобольской губерніи, разсѣянное среди русскихъ деревень, бѣднѣетъ и вырождается съ каждымъ годомъ, не будучи въ состояніи вести экономическую борьбу съ чуждымъ ему, болѣе сильнымъ пришлымъ племенемъ. Въ Бухарской волости, Тобольскаго округа, въ 1878 году, на 3,336 душъ было 668 избъ, 587 человѣкъ имѣло по одной скотинѣ и 1,035 человѣкъ вовсе не имѣли скота. Земледѣліемъ занимались только 370 домохозяевъ, имѣя отъ 2 до 5 десятинъ (что̀ въ Сибири равно нищенскому надѣлу), а 1344 домохозяева совсѣмъ не занимались хлѣбопашествомъ, а просто батрачествовали.

Царская лодка въ Тобольскѣ.

Масса недоимокъ, лежащая на татарскомъ населеніи Тобольской губерніи (къ 1875 г. — болѣе 480,200 р.), реально свидѣтельствуетъ о его крайней бѣдности. Усиленное взысканіе недоимокъ еще болѣе ухудшало ихъ бытъ, потому что при этомъ у Татаръ отбирались угодья и отдавались въ аренду крестьянамъ; деньги же отбирались въ казну. Случалось также, что земское начальство отдавало этихъ инородцевъ въ заработки и кабалу русскимъ рыбопромышленникамъ. Арендные документы и дѣла ясачной коммиссіи показываютъ, что бытъ Татаръ, окруженныхъ русскимъ населеніемъ, еще въ тридцатыхъ годахъ этого столѣтія представлялся вполнѣ неудовлетворительнымъ. Въ разное время Татары заложили русскимъ крестьянамъ многіе участки своихъ земель. До этого времени практиковался захватъ угодій крестьянами у инородцевъ; образованіе среди нихъ русскихъ заимковъ и даже деревень стѣснило Татаръ и привело, въ концѣ концовъ, къ черезполосицѣ. Поземельный вопросъ осѣдлыхъ инородцевъ, находящійся до сихъ поръ въ безпорядочномъ состояніи, въ прежнее время еще менѣе обращалъ на себя чье-либо вниманіе. Акты и крѣпостные документы инородцевъ не признавались и затерялись въ межевыхъ губернскихъ канцеляріяхъ. Ясачныя коммиссіи 1828 и 1832 годовъ осаждались жалобами инородцевъ. Вмѣсто разрѣшенія весьма важнаго экономическаго вопроса, Татары, по уставу 1822 года, были записаны въ высшій окладъ. Административное устройство

по предположеніямъ Сперанскаго, имѣвшаго въ виду дать нѣкоторыя гарантіи и права общественнаго самоуправленія, повели на сибирской почвѣ къ обратнымъ результатамъ. Инородцы признаны и записаны были въ осѣдлые, когда потеряли и заложили угодья; весьма рѣдкіе изъ нихъ занимались земледѣліемъ; многіе изъ инородцевъ, жившіе въ работникахъ у русскихъ крестьянъ, были переведены въ разрядъ осѣдлыхъ. Между тѣмъ окладъ былъ возвышенъ и на инородцевъ были наложены повинности — дорожныя, земскія и другія. Въ 1824 году, съ инородцевъ въ Тобольской губерніи эти повинности сверхъ того взимались за два года. Самый способъ взиманія податей и повинностей въ рукахъ стараго сибирскаго чиновничества былъ сопряженъ съ пагубными строгостями и большими злоупотребленіями. «Строгія мѣры, принимаемыя мѣстнымъ начальствомъ при взиманіи податей, — писали инородцы въ своемъ прошеніи, — довели цѣлыя волости до бѣдственнаго положенія».... Все это кончилось обѣднѣніемъ, лише-

Абалакскій монастырь.

ніемъ имущества и обращеніемъ зажиточныхъ Татаръ въ батраческій классъ у тобольскихъ рыбопромышленниковъ и крестьянъ. Сдавленное, приниженное Русскими, татарское населеніе остается упорно фанатическимъ, сохраняетъ обычаи отцовъ и не разстается съ вѣрою предковъ. Привитое при Кучумѣ магометанство (а среди барабинскихъ Татаръ — только въ прошломъ столѣтіи) болѣе и болѣе укрѣпляется, тогда какъ переходъ въ православіе встрѣчается весьма рѣдко. Удивительное явленіе представляетъ эта горсть вымирающаго народа, которая, не смотря на всевозможныя стѣсненія и бѣдствія, не слилась съ русскимъ населеніемъ и осталась независимою въ культурномъ и религіозномъ отношеніяхъ.

Тобольскъ — городъ прошлаго, значеніе котораго, по крайней мѣрѣ, въ смыслѣ административнаго и промышленнаго центра Западной Сибири, утрачено навсегда. Напротивъ, Тюмень — городъ настоящаго; выгодное географическое положеніе его на перепутьѣ между Россіей и Иркутскомъ, главнымъ торговымъ и административнымъ центромъ Восточной Сибири, а также промышленный духъ жителей, предвѣщаютъ ему блестящую будущность. Городъ построенъ на мѣстѣ древней татарской Великой Тюмени, какъ называютъ ее русскіе лѣтописцы. Еще въ XV вѣкѣ, задолго до основанія Искера, Тюмень существовала подъ именемъ Чанги-Тура и была центромъ владычества Татаръ во всемъ Пріуральѣ. Въ началѣ XVI вѣка, тюменьскій ханъ ходилъ войною на Пермь, но былъ разбитъ воеводою, княземъ Ковромъ. Въ той части нынѣшней Тюмени, которую называютъ «Царевымъ городищемъ», до настоящаго времени сохранились остатки вала и рва—слѣды татарскихъ укрѣпленій. Послѣ завоеванія Сибири Ермакомъ, началось заселеніе Тюмени. Первыми поселенцами были Пермяки, Сольвычегодцы, Устюжане. Съ 1596 года стали приходить въ Тюмень бухарскіе караваны; въ 1601 г. пришли сюда изъ Россіи ямщики и поселились въ нынѣшней Затюменьской части города. Тюмень долгое время сильно терпѣла отъ набѣговъ сосѣднихъ инородцевъ. Киргизы, Ногайцы, Татары, Калмыки, даже Остяки и Вогулы дѣлали въ тѣ времена безпрерывные набѣги на воз-

никавшіе сибирскіе города, но завоеватели — казаки, стрѣльцы и охочіе люди энергически отстаивали свои завоеванія и, подвигаясь глубже и глубже въ Сибирь по теченію рѣкъ, строили остроги и оставляли въ нихъ осадокъ русскаго племени.

Тюмень расположена по обѣимъ сторонамъ рѣки Туры. Жителей въ ней считается болѣе 13,600 душъ обоего пола. Когда въ ясный лѣтній день подъѣзжаешь къ городу со стороны Ялуторовска, сквозь волнистое марево, въ которое окутаны поля и перелѣски, внезапно сверкнутъ золотые кресты и главы и затѣмъ обрисуются силуэты каменныхъ церквей на дальней сторонѣ горизонта. Это — нагорная Тюмень, съ ея Троицкимъ монастыремъ, десятью каменными церквами и нѣсколькими высокими зданіями, казенными и частными.

Въ Тюменьскомъ монастырѣ находится могила и склепъ извѣстнаго проповѣдника христіанства среди сибирскихъ инородцевъ, Филоѳея Лещинскаго. Онъ обратилъ множество Остя-

Троицкій монастырь въ Тюмени.

ковъ и Вогуловъ въ христіанскую вѣру. Въ 1711 году онъ принялъ схиму въ Тюменьскомъ монастырѣ подъ именемъ Ѳеодора и здѣсь скончался.

Лѣвый берегъ Туры заселенъ, кромѣ нѣсколькихъ купеческихъ домовъ и фабрикъ, большею частію бѣднѣйшимъ классомъ жителей и почти постоянно затопляется во время весеннихъ половодій. Рѣка Тюменка раздѣляетъ нагорную часть города, лежащую на правой сторонѣ рѣки Туры, еще на двѣ части, изъ которыхъ одна, расположенная на лѣвомъ берегу рѣки Тюменки, называется жителями Затюменскою и, подобно Замоскворѣчью, заселена большею частію купцами и крупными промышленниками.

Большинство строеній деревянныя, но чисто и красиво устроены и отдѣлены садиками другъ отъ друга. Улицы узки, и это обстоятельство, вмѣстѣ съ преобладаніемъ деревянныхъ построекъ, служитъ причиною значительныхъ, часто повторяющихся пожаровъ. Мостовыхъ и тротуаровъ не существуетъ. Городъ же стоитъ на черноземной почвѣ, и потому въ весеннюю пору и послѣ дождей улицы чрезвычайно грязны. Въ дождливую погоду, во время движенія безконечныхъ обозовъ съ товарами, преимущественно чая, идущаго изъ Кяхты, жизнь на главныхъ улицахъ города становится невыносимою. Крики и ругань ямщиковъ, хлестанье

бича, понуканье выбившихся изъ силъ лошадей, лай и визгъ множества собакъ, — все это сливается вмѣстѣ, и только крѣпкіе нервы тюменьцевъ могутъ переносить весь этотъ шумъ, продолжающійся съ утра до поздняго вечера.

Торговое значеніе Тюмени обусловливается предпріимчивымъ духомъ ея жителей. Хлѣбопашество и скотоводство на мало-плодородныхъ земляхъ тюменьскаго округа, большею частію болотистаго и лѣсистаго, не могутъ вестись успѣшно. Населеніе съ давнихъ поръ обратилось къ другимъ занятіямъ. Крестьяне ткутъ грубыя сукна, полотна, холсты, ковры, кушаки, приготовляютъ также простую обувь, конскую сбрую и шьютъ изъ овчинъ теплую одежду, которая идетъ болѣе всего въ Тобольскъ и Омскъ для снабженія рекрутскихъ партій и арестантскихъ командъ. Въ самой же Тюмени кожевенное производство и приготовленіе издѣлій изъ кожъ занимаютъ первое мѣсто. Сверхъ того, жители Тюмени варятъ мыло, ткутъ ковры и занимаются извозомъ. Въ Тюмени шьется для золотыхъ промысловъ до 70,000 паръ бродней (особенный родъ сапоговъ съ высокими, мягкими, нечерneными голенищами). Производство это поставлено слѣдующимъ образомъ. Товаръ и дратву даютъ подрядчики — купцы. Сапожникъ можетъ сработать въ день три пары бродней и на парѣ получаетъ барыша отъ 2 до 15 копѣекъ. Въ производствѣ существуетъ полное раздѣленіе труда. Купецъ даетъ товаръ сапожнику; тотъ кроитъ и отдаетъ рабочимъ шить. Случается, что работаютъ въ мастерскихъ, но чаще работа отдается мастерамъ на домъ. Шитьемъ занимаются мужчины, женщины, даже дѣти. Въ отдаленныхъ и бѣдныхъ частяхъ города очень обыкновенная вещь увидѣть на улицѣ 10—12-тилѣтнихъ дѣвочекъ, занятыхъ тачаньемъ рукавицъ. Такая маленькая работница шьетъ нисколько не хуже взрослаго. Сапоги имъ не подъ-силу, особенно подшивка подошвы; но онѣ тачаютъ рукавицы и голенища, приготовляемыя изъ мягкой кожи. Такая дѣвочка сшиваетъ до 10 — 15 паръ и получаетъ собственно за первоначальную тачку по 1½ коп. за пару. Работа дѣвочки ограничивается стачиваніемъ главныхъ частей. Работаетъ она въ день часовъ 10—12. За сотню рукавицъ платятъ купцы 4 руб. сер., а за рукавицы попроще — 9 руб. ассигнаціями за сотню. Эти 9 руб. распредѣляются такъ: кройщикъ беретъ себѣ 6 коп. за выкройку, выправку и чеканку готовой рукавицы (чеканъ — тисненный рисунокъ), а 4 коп. ассигнаціями отдаются за шитье всей рукавицы. Купцы продаютъ такія рукавицы отъ 26 р. до 31 руб. 50 коп. за сотню и выручаютъ 5 — 7 и болѣе рублей съ сотни. Всѣхъ рукавицъ приготовляется до 300,000 паръ. Значитъ, купцы получаютъ громадный барышъ.

Могила Св. Филофея въ Тюмени.

Тюмень съ окрестными деревнями продаетъ ежегодно до 20,000 ковровъ. Петербургскіе жители могутъ видѣть эти ковры въ шорныхъ лавкахъ, у Казанскаго собора. Коверъ, продаваемый въ Петербургѣ за 7 рублей, стóитъ въ Тюмени 3 рубля. По рисунку и ткани эти ковры очень грубы, такъ что ихъ употребляютъ на попоны и для подстилки въ сани. Какъ производилось тканье сто лѣтъ тому назадъ, такъ оно производится и теперь; только размѣръ производства увеличился, благодаря увеличенію спроса. Тюменьскіе ковры двухъ сортовъ: одни—

половики, безобразнаго рисунка и самаго страннаго соединенія цвѣтовъ, ткутся совершенно прямой холщевой тканью; другіе — бархатные, приготовляются особеннымъ замѣчательнымъ способомъ. Заводится основа и затѣмъ нарѣзывается шерсть кусочками въ полвершка длиною. Этими кусочками и дѣлается бархатъ. Несмотря на крайне неэкономное употребленіе матеріала и на огромный трудъ, они продаются чрезвычайно дешево. Коверъ въ три аршина длины и два аршина ширины продается въ городѣ за 3 рубля. Коверъ ткется вдвоемъ въ $3^1/_2$ дня; такъ какъ чистый заработокъ, даваемый этимъ промысломъ, весьма незначителенъ, то существовать исключительно этимъ промысломъ нельзя; онъ можетъ быть подспорьемъ другимъ занятіямъ, или же въ состояніи дать средства для существованія только при огромномъ размѣрѣ производства, на фабричный ладъ.

Тюмень, съ самаго основанія своего, была торговымъ городомъ; съ учрежденіемъ въ ней въ 1846 году ярмарки, торговля и промышленность начали замѣтно возрастать, такъ что въ настоящее время ежегодный оборотъ простирается до 5 милліоновъ рублей. Начало заводской промышленности относится къ XVII вѣку, когда Бухарцы, водворившіеся въ Тюмени послѣ покоренія Сибири, принесли съ собою искусство выдѣлывать кожи. Эта отрасль промышленности значительно расширилась, такъ что теперь считается въ городѣ болѣе 70 кожевенныхъ заводовъ. Тюменьская юфть идетъ не только въ Киргизскую степь, но и въ западный Китай и Бухарію; шитый же кожевенный товаръ идетъ на золотые пріиски Восточной Сибири. Впрочемъ, юфть тюменьской выдѣлки, по неимѣнію на мѣстѣ дубовой коры, неможетъ равняться съ кунгурской и казанской юфтью. Торговые обороты тюменьской ярмарки, однакожь, не могутъ подняться особенно значительно, главнымъ образомъ, вслѣдствіе близости ирбитской ярмарки.

Жители Тюмени считаются красивѣйшимъ племенемъ въ цѣлой Сибири. Купечество Тюмени, какъ и другихъ городовъ Сибири, въ огромномъ большинствѣ—русскаго происхожденія; купцовъ изъ туземцевъ очень мало. Большая часть купцовъ вышли изъ крестьянъ, изстари забравшихся въ Сибирь. Въ Сибирь привлекали ихъ, разумѣется, выгоды торговли съ тамошними жителями, нуждавшимися во всѣхъ фабричныхъ издѣліяхъ. Если и теперь еще Сибиряку нужно привезти все изъ Россіи, начиная со спичекъ и кончая рубашками, то лѣтъ 100 тому назадъ здѣшній житель тѣмъ болѣе нуждался во всемъ. Смѣльчаки ходили въ Сибирь съ красными товарами, мѣняли ихъ на пушной товаръ, продавали на деньги и обыкновенно, совершивъ нѣсколько подобныхъ путешествій, возвращались домой «на старость». Другіе оставались въ Сибири, женились и устраивали постоянную мѣстную торговлю. Сибирское купечество сравнительно молодое — переживаетъ третье поколѣніе. Дѣды забрались сюда впервые, а теперь торгуютъ только внуки. Дѣды, выходившіе обыкновенно изъ крестьянъ, положили первое основаніе купеческому капиталу.

Для Сибири должно, наконецъ, наступить время фабричной, заводской и мануфактурной дѣятельности, и крупные свободные капиталы необходимо обратятся на это дѣло. Съ этихъ же поръ наступитъ, разумѣется, и наслѣдственность занятій: прочно устроенное заводское или мануфактурное предпріятіе не можетъ кончиться скоро. Непрочность сибирскихъ торговыхъ домовъ происходитъ именно отъ того броженія, которое неизбѣжно во всякомъ молодомъ, неустановившемся еще дѣлѣ. Тамъ столько новыхъ, нетронутыхъ дѣлъ и такая нужда въ свободныхъ капиталахъ, что стоитъ только скопиться какой-нибудь тысячѣ рублей, — для нея найдется тотчасъ-же новое помѣщеніе. При такой нуждѣ въ капиталахъ и при тѣхъ выгодахъ, какія они представляютъ, торговля и промышленность имѣютъ въ Сибири особенную заманчивость. Поэтому каждый ремесленникъ и мастеровой стремится заняться торговлей и попасть къ купцы. Подвижность, замѣчаемая въ торговомъ сословіи, при которой дѣти переходятъ или въ другія сословія, или начинаютъ заниматься не тѣмъ, чѣмъ занимались ихъ отцы, — замѣчается также и въ сословіи ремесленниковъ, съ тою разницею, что здѣсь уже сами роди-

тели хлопочутъ о судьбѣ дѣтей. Каждый почти ремесленникъ, и особенно вдова-мать, старается помѣстить своего сына въ мальчики въ лавку, чтобы вывести его потомъ въ приказчики, а при счастьѣ — и въ купцы.

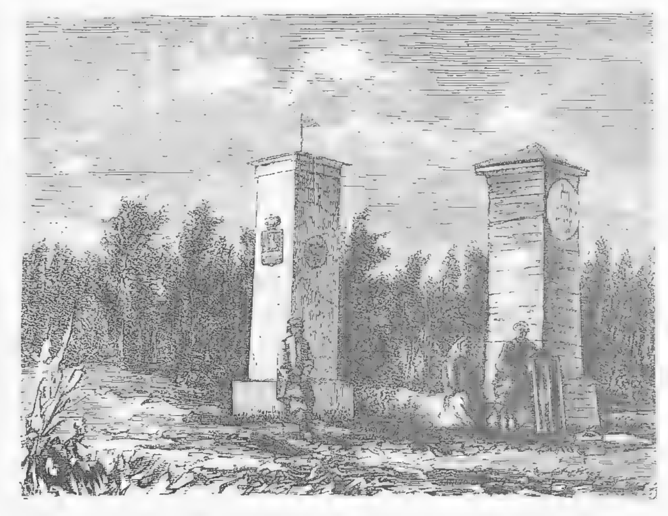
Тюмень исключительно городъ промышленный и торговый; въ немъ живутъ купцы самые значительные въ Сибири. Общественной же жизни, не смотря на 14-ти тысячное населеніе, въ городѣ нѣтъ. Причина простая: характеръ общественной жизни опредѣляется потребностями большинства; большинство же населенія Тюмени имѣетъ и потребности и средства самыя ограниченныя; оно не волнуется общественными вопросами, не ищетъ утонченныхъ развлеченій и удовлетворяется весьма немногимъ. Поэтому Тюмень, по характеру внутренней жизни, похожа на городъ азіатскій или турецкій, съ тою разницею, что турецкія кофейни замѣнены здѣсь русскими кабаками. Тюменьскіе богачи не имѣютъ, разумѣется, никакого вліянія на общій характеръ жизни города, потому что живутъ своимъ, замкнутымъ, небольшимъ кругомъ. Уровень потребностей большинства весьма ограниченъ. Учебныхъ заведеній въ Тюмени сравнительно мало: 2 приходкихъ училища, одно уѣздное, женская прогимназія и недавно (въ 1879 г.) основанное реальное училище.

Сообщеніе Москвы съ Сибирью въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вѣка производилось по двумъ дорогамъ, которыя обѣ сходились въ Верхотурьѣ, имѣвшемъ «царскую таможню», гдѣ со всѣхъ товаровъ, шедшихъ изъ Россіи въ Сибирь и изъ Сибири въ Россію, брали въ казну десятую часть въ видѣ пошлины. Одна изъ этихъ дорогъ шла отъ Москвы черезъ Переяславль-Залѣсскій, Ростовъ, Ярославль, черезъ Кай-Городъ и Соликамскъ до Верхотурья, и имѣла 2,388 верстъ; другая — отъ Москвы черезъ Владиміръ, Муромъ, Нижній Новгородъ на Хлыновъ (нынѣ Вятка), Кай-Городъ и Соликамскъ и имѣла до Тобольска 3,254 версты. Ранѣе же этого времени путь изъ Москвы до бассейна рѣки Оби проходилъ по разнымъ направленіямъ, которыя установились главнымъ образомъ по теченію большихъ рѣкъ. Значитъ, торговая дорога была въ то время преимущественно водная, слѣдовательно, удобная только въ опредѣленное время года. Въ концѣ XVI вѣка, положено основаніе Верхотурью. Но и дорога черезъ Верхотурье была не совсѣмъ удобна: мѣстами гориста, мѣстами весьма болотиста, такъ что лѣтомъ почти совсѣмъ нельзя было по ней ѣздить. Со времени основанія Ирбитской слободы путь изъ Москвы въ Сибирь еще болѣе сократился, когда купцы и ихъ транспорты начали ѣздить изъ Верхотурья черезъ Ирбитскую слободу. Въ то же время пріуральскія мѣста къ югу отъ Верхотурья все болѣе и болѣе заселялись Русскими, которые отыскали еще нѣсколько дорогъ въ Сибирь, гораздо болѣе прямыхъ и болѣе удобныхъ, чѣмъ верхотурская. Но правительство, преслѣдуя финансовыя цѣли, воспрещало проѣздъ по этимъ дорогамъ и требовало, чтобы всѣ ѣздили черезъ Верхотурье; только посланнымъ съ казенными порученіями дозволялось проѣзжать ближайшими дорогами. Но такъ какъ пошлина, которая собиралась въ Верхотурьѣ, была весьма велика (10% съ провозимыхъ товаровъ и денегъ), то купцы продолжали тайкомъ ѣздить запрещенными путями. Крестьяне, переселявшіеся самовольно, также старались избѣгать Верхотурской таможни.

Въ настоящее время почтовая дорога въ Западную Сибирь идетъ отъ Екатеринбурга до Тюмени, гдѣ она расходится на двѣ вѣтви: сѣверная направляется къ Тобольску, а южная — черезъ Ялуторовскъ, Ишимъ и Тюкалинскъ къ Омску. Близъ Екатеринбурга находится и географическая граница Сибири, которая не совпадаетъ съ административной ея границей. На перевалѣ Уральскаго хребта, въ 17 верстахъ отъ Билимбаевскаго завода, стоитъ мраморный столбъ; по одну сторону его написано «Европа», по другую «Азія». Это и есть настоящая географическая граница; административная же начинается триста верстъ далѣе, не доѣзжая семидесяти верстъ до Тюмени. На границѣ Россіи и Сибири дорога идетъ чрезъ большія села, съ массив-

ными постройками, съ разными рѣзными фигурами на ставняхъ, съ мощеными дворами, съ внутреннимъ убранствомъ, такимъ-же тяжелымъ и прочнымъ, какъ и наружность домовъ. Эти села потому и носятъ характеръ старины, потому въ нихъ видна и сила и порядокъ, что главную массу ихъ населенія составляютъ раскольники. И въ другихъ раскольничьихъ селеніяхъ Сибири, гдѣ бы они ни попадались, въ Восточной или Западной Сибири, видна та же порядочность, то же довольство во всемъ. Самая наружность жителей другаго рода, точно они составляютъ особое племя. Красивыя, полныя, бѣлолицыя, свѣжія женщины, въ цвѣтныхъ, опрятныхъ сарафанахъ, опрятные, почтеннаго вида старики, красивые парни; во всемъ порядочность, чистота и довольство. Но дальше по пути такія села встрѣчаются рѣже. Всѣ остальныя имѣютъ такой видъ, какъ будто-бы люди въ нихъ начали только-что селиться,—только еще строятся и обзаводятся...

Состояніе дорогъ въ Западной Сибири крайне неудовлетворительно. Мѣстами дорога представляетъ видъ какъ бы безконечно-длинной и узкой пашни, изрѣзанной продольными бороздами, глубиною въ 6 — 10 вершковъ. Мѣстами дорога тверда, какъ камень, такъ что приходится то подскакивать и биться теменемъ о верхъ тарантаса, то качаться изъ стороны въ сторону; мѣстами борозды залиты водой. Лошади, выбившись изъ силъ, останавливаются на самомъ скверномъ и трудномъ мѣстѣ дороги. Какъбы въ насмѣшку надъ измученнымъ путникомъ, по обѣимъ сторонамъ дороги насыпаны кучи щебня и песку, поросшія травой и предназначенныя для поправленія дороги.

Пограничный столбъ между Европой и Сибирью.

Передъ Тюменью, станціи за три, дорога идетъ среди непроходимыхъ болотъ. По сторонамъ дороги — болотная вода, да кочки, да безпорядочныя болотныя насажденія; дорога, проложенная по топкому мѣсту, выстлана поперекъ бревнами. Ѣзда по такой гати крайне мучительна. Трясетъ до того, что вся кровь бьетъ въ голову и дѣлается шумъ въ ушахъ; случается, что станцію, верстъ въ тридцать, приходится ѣхать часовъ 7 — 8, а то и болѣе, ежеминутно опасаясь, что экипажъ засядетъ въ грязи или хлопнется въ выбоину, лопнетъ передняя ось, — и придется остаться среди лѣснаго болота, вдали отъ всякаго селенія.

Не весь, впрочемъ, большой сибирскій торговый трактъ такъ дуренъ, какъ дорога отъ Екатеринбурга до Тюмени и отъ Тюмени къ Тобольску. Отъ Тобольска до Томска дорога уже значительно лучше, а въ Восточной Сибири, отъ Томска, начинается уже хорошее шоссе, какихъ мало въ Россіи. Почтовый трактъ въ Восточной Сибири устраивался постепенно; каждый годъ посыпался слой мелкой гальки и укатывался. Отъ этого дорога вышла совершенно гладкая и ровная, какъ полъ, такъ что въ состояніи привести проѣзжающаго въ восторгъ. Но въ настоящее время и этотъ прекрасный трактъ принимаетъ несчастный видъ, — дорога болѣе и болѣе разбивается. Ѣзда по сибирскимъ дорогамъ издавна славилась своею быстротою. Нерѣдко случается, что станцію верстъ въ 18 — 20 провозятъ въ теченіе одного часа. Сибирскія лошади, вообще, малосильны и особенная рьяность ихъ на бѣгу объясняется только рѣдкостью запряжки, т. е. ихъ дикостью. Тройка лошадей, приведенная изъ табуна, запрягается часто

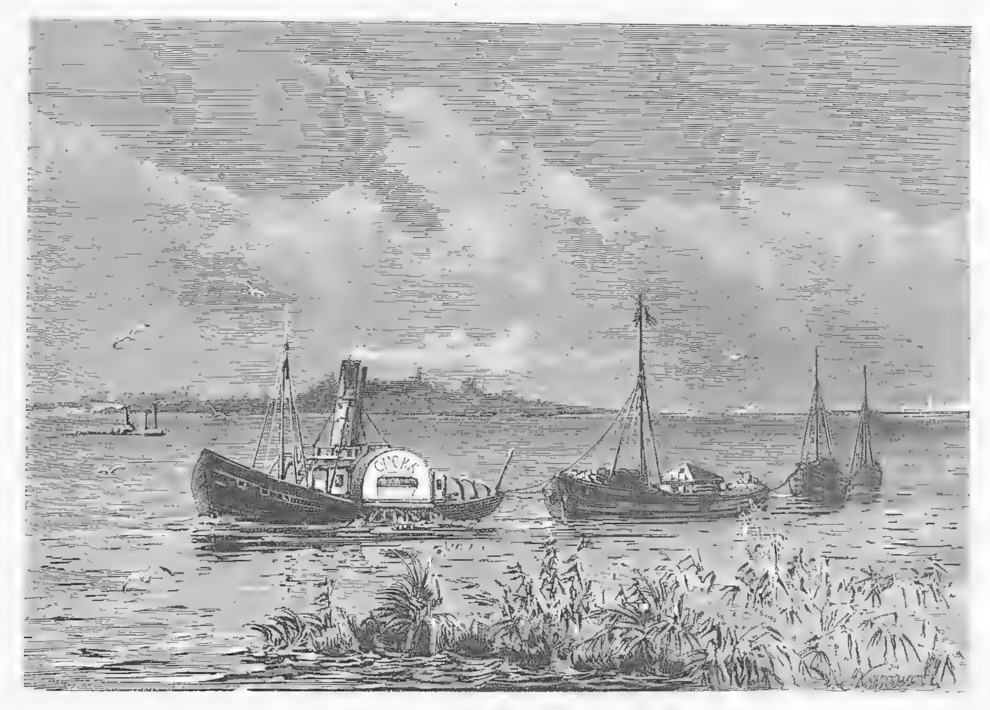
съ путами на ногахъ, и когда путешественникъ и ямщикъ усядутся по мѣстамъ, путы съ лошадей снимаются другими ямщиками, и съ гикомъ и свистомъ тройка несется, не останавливаясь, верстъ пять и болѣе. При сильномъ разгонѣ, когда не успѣютъ привести изъ табуна свѣжихъ лошадей, приходится проѣзжающему ѣхать иногда на лошадяхъ, недавно воротившихся; въ такомъ случаѣ лошади или станутъ на первомъ пригоркѣ, или везутъ станцію почти шагомъ. Въ Сибири, особенно въ степныхъ пространствахъ, не существуетъ вообще заботливаго ухода за скотомъ, а тѣмъ болѣе за лошадьми, которыя переносятъ больше и рѣже подвергаются болѣзнямъ, чѣмъ рогатый скотъ. Обиліе пастбищныхъ травъ позволяетъ держать огромное количество лошадей. Онѣ живутъ табунами въ степяхъ и лѣто и зиму, постоянно на подножномъ корму. Что дѣлается съ такимъ табуномъ, какія терпитъ онъ бѣды, сколько жеребятъ погибло отъ бури, непогодъ и лишеній разнаго рода, сколько погибнетъ лошадей отъ волковъ, — хозяинъ этого не знаетъ. Но зато лошадь, вытерпѣвшая и холодъ и голодъ и оставшаяся въ живыхъ, бываетъ способной переносить всякія лишенія. Разумѣется, такая лошадь не отличается особенными качествами. Она дика, притуплена нуждой и холодомъ, слабосильна въ перевозкѣ тяжестей, такъ что тройка не можетъ везти рысью и тридцати пудовъ; но зато легко пробѣжитъ станцію верстъ въ 40 и воротится назадъ не ѣвши.

Сибирь имѣетъ сходство съ Сѣверо-Американскими колоніями Англіи, Канадою и, такъ называемыми, землями Гудзоновой компаніи. Природа здѣсь, какъ и въ Сѣверо-Американскихъ владѣніяхъ Великобританіи, даетъ прекрасное средство сократить значительно громадныя пространства, не прибѣгая даже на первое время къ устройству черезъ Сибирь желѣзнодорожнаго пути. Многоводныя гигантскія рѣки Сибири представляютъ въ этомъ отношеніи большое удобство. Огромное пространство Сибири щедро надѣлено отъ природы судоходными рѣками, которыя расположены весьма счастливо по всей странѣ, представляя естественный водный путь, связывающій между собою всѣ мѣстности Сибири. Четыре системы: Обская, Енисейская, Ленская и Амурская раздѣлены между собою небольшими волоками, устраненіе которыхъ, проведеніемъ каналовъ или желѣзныхъ дорогъ, представило бы обширный паровой путь отъ Урала до береговъ Тихаго океана.

Въ настоящее время, не смотря на отсутствіе непрерывнаго воднаго пути и на разрозненность такихъ огромныхъ двухъ областей, какъ водныя системы Оби и Енисея, не смотря на всѣ неудобства, какія встрѣчаетъ развитіе пароходства въ Сибири, оно существуетъ на обоихъ бассейнахъ, а на первомъ находится даже въ удовлетворительномъ состояніи. Зарожденіе его происходило съ большими усиліями и развитіе его, хотя шло медленно, но постоянно подвигалось; съ изобрѣтеніемъ же пароходовъ значеніе водяныхъ путей еще болѣе увеличилось, и нѣтъ сомнѣнія, что рѣки Сибири постоянно будутъ служить главными артеріями ея торговаго движенія.

Малая населенность и незначительные обороты препятствовали въ первое время улучшенію судоходства, а ненадежная постройка судовъ, употреблявшихся въ Сибири, нимало не соотвѣтствовала условіямъ плаванія по широкимъ и открытымъ рѣкамъ. При отсутствіи бичевниковъ, товары приходилось тащить противъ теченія цѣлыя тысячи верстъ; волоки, на которыхъ приходилось разгружать суда, опасность, которой подвергались суда плохаго устройства, плавашія по быстрымъ, многоводнымъ рѣкамъ, — все это сдѣлало судоходство столь неудобнымъ, что, съ устройствомъ дорогъ, грузы начали отправляться сухимъ путемъ и судоходство пришло въ упадокъ. Уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія водяной путь былъ почти оставленъ; чай и другіе товары начали возить сухопутно, не смотря на высокую провозную плату, которая поднялась еще болѣе съ открытіемъ золотыхъ пріисковъ, а во время неурожаевъ доходила до баснословной цѣны. Даже по Обской системѣ, отъ Тюмени до Томска и обратно, доставка грузовъ водою производилась въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Только съ двадцатыхъ годовъ судоходство стало замѣтно развиваться, а въ тридцатыхъ годахъ приняло болѣе опредѣленный характеръ.

Съ появленіемъ пароходства, стало быстро уменьшаться число коноводныхъ машинъ и всѣхъ остальныхъ судовъ, плавающихъ подъ парусами и на бичевѣ; но зато значительно увеличилось число буксируемыхъ судовъ, какъ барки и баржи, и увеличилась ихъ вмѣстимость. Самое безобразное и неуклюжее изъ всѣхъ судовъ, разумѣется, коноводная машина, одинаковаго устройства съ тою, какая была прежде на Волгѣ до введенія пароходства. Она имѣетъ видъ плавающей деревни. Плоскодонное судно, срубленное изъ самыхъ толстыхъ брусьевъ и обшитое досками, имѣетъ двѣ палубы и снабжено разными клѣтушками и миніатюрными раскрашенными домиками. На машинѣ помѣщается отъ 80 до 200 лошадей и отъ 60 до 200 рабочихъ. Способъ плаванія на этомъ допотопномъ суднѣ заключается въ слѣдующемъ. На лодкѣ завозятъ и бросаютъ въ воду якорь, укрѣпленный на канатѣ въ 6 — 8 верстовъ въ

Судоходство по Иртышу.

окружности; другимъ свободнымъ концомъ канатъ навертывается лошадьми на вертикальный валъ, и такимъ образомъ судно, по мѣрѣ наматыванія каната, приближается къ закинутому якорю. Потомъ якорь вытаскивается, снова закидывается, канатъ наматывается на валъ и т. д. Коноводная машина дѣлаетъ въ сутки отъ 20 до 30 верстъ; она можетъ тащить до 20 подчалковъ, съ грузомъ въ 500,000 пудовъ.

Первый пароходъ въ Сибири былъ выведенъ въ озеро Байкалъ въ 1844 году и принадлежалъ почетному гражданину Мясникову. Ему дѣлалось много возраженій со стороны департамента мануфактуръ и внутренней торговли, а также и генералъ-губернатора Западной Сибири, который находилъ, что развитіе пароходства между Тюменью и Томскомъ будетъ имѣть «зловредныя послѣдствія», такъ какъ вмѣстѣ съ этимъ падетъ сухопутная перевозка товаровъ гужемъ, дающая жителямъ заработокъ болѣе полутора милліона рублей, поступающихъ въ государственную подать. Первое время пароходное дѣло по Оби не удавалось. Съ 1854 года постройка пароходовъ на Оби стала развиваться; многія частныя лица получили различныя привиллегіи на устройство пароходовъ по Оби и ея притокамъ. Кромѣ того, въ различное время подавались прошенія о

выдачѣ привиллегій на устройство пароходства по нѣкоторымъ сибирскимъ рѣкамъ, но почти всѣ эти прошенія были отстранены. Тѣ же привиллегіи, которыя были уже выданы, впослѣдствіи уничтожились сами собою, за неустройствомъ пароходства въ опредѣленный срокъ, и въ настоящее время на плаваніе по сибирскимъ рѣкамъ привиллегій никто болѣе не имѣетъ. Изъ притоковъ Иртыша по своему протяженію наиболѣе важны рѣки Тоболъ и Ишимъ, нѣкогда онѣ были не только сплавными, но и судоходными; еще лѣтъ 30 тому назадъ, по нимъ ходили барки съ хлѣбомъ на сѣверъ, а съ сѣвера гнали на югъ строевой лѣсъ и дрова. Въ настоящее время препятствуютъ плаванію построенныя на этихъ рѣкахъ мельницы, такъ что самые населенные, хлѣбородные и промышленные округа Тобольской губерніи не имѣютъ удобнаго сбыта своихъ произведеній и терпятъ нужду въ строевомъ лѣсѣ и дровахъ. Рѣка Ишимъ имѣетъ еще то значеніе, что вершины ея близко подходятъ къ вершинамъ рѣкъ, впадающихъ въ озеро Балкашъ, и такимъ образомъ представляется возможность устройства удобнаго пути между системою рѣки Оби, озеромъ Балкашъ и рѣкою Или.

При плаваніи отъ Тобольска по рѣкѣ Тоболу, самые большіе пароходы безпрепятственно совершаютъ рейсы до поздней осени. Затрудненія на пути отъ Тобольска до Тюмени встрѣчаются только по рѣкѣ Турѣ, вода въ которой спадаетъ иногда въ іюнѣ мѣсяцѣ, вслѣдствіе чего движеніе грузовъ и пассажировъ до Тюмени производится малыми пароходами и баржами, сидящими въ водѣ менѣе трехъ футовъ. По Оби, ниже впаденія Томи, судоходство производится безпрепятственно въ теченіе всего лѣта. Съ развитіемъ пароходства доставка грузовъ на другихъ судахъ почти совершенно прекратилась и число пароходовъ, плавающихъ по Оби, годъ отъ году увеличивается. Почти всѣ пароходы — русской постройки.

Количество грузовъ, перевозимыхъ ежегодно пароходами по Оби и ея притокамъ, превышаетъ два милліона пудовъ, и нѣтъ сомнѣнія, что пароходное дѣло на этомъ не остановится. Напротивъ, съ окончаніемъ уральской дороги, а также съ устройствомъ канала между притоками Оби и Енисея, оно приметъ такіе размѣры, опредѣлить которые теперь нѣтъ никакой возможности; а развитіе внутренняго пароходства, безъ сомнѣнія, отразится выгоднымъ образомъ на развитіи края и его населенія.

Н. М. Ядринцевъ.

ОЧЕРКЪ IV.

ХЛѢБОРОДНАЯ ПОЛОСА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.

Характеръ мѣстности. — Занятія жителей. — Ялуторовскъ, Курганъ и Ишимъ. — Ишимская ярмарка. — Составъ населенія. — Экономическій бытъ жителей южныхъ округовъ. — Этнографическія особенности.

Какъ тамъ воздѣланы нивы,
Какъ тамъ обильны стада!
Высокорослы, красивы
Жители, бодры всегда.
Видно, ведется копѣйка!
Бабу тамъ холитъ мужикъ.
Въ праздникъ на ней душегрѣйка,
Изъ соболей воротникъ.

Н. Некрасовъ.

степное раздолье представляетъ собою южная часть Тобольской губерніи. Въ составъ южной, хлѣбородной полосы этой губерніи входятъ три округа: Ялуторовскій, Ишимскій и Курганскій, расположенные въ юго-западной части Обско-Иртышской низменности, представляющіе весьма покатый склонъ, идущій отъ Уральскаго хребта къ ложбинѣ рѣки Иртыша. Лѣвые большіе притоки Иртыша, Тоболъ и Ишимъ, съ ихъ боковыми притоками, орошаютъ это пространство, занимающее 76,570 квадратныхъ миль. Сравнительно съ суровою природою сѣверной полосы Обско-Иртышской низменности, покрытой дремучими, непроходимыми лѣсами и болотами, къ сѣверу постепенно переходящими въ замерзшія, безжизненныя тундры, и южной, которая вся представляетъ однообразную, безконечную степь, уходящую въ глубь нашихъ среднеазіатскихъ владѣній, — описываемая степная полоса Тобольской губерніи выдается, какъ мирный уголокъ, со всѣми задатками для развитія земледѣльческой культуры. Мутный, зацвѣтшій, зеленоватый Ишимъ прорѣзываетъ мѣстность, которая по своему замѣчательному плодородію принадлежитъ къ самымъ богатымъ странамъ Сибири. Вся степная полоса, прорѣзанная рѣкою Иртышемъ въ восточной части, раздѣляется на двѣ части: западную, извѣстную подъ именемъ Ишимской степи, и восточную, носящую названіе Барабинской. Поверхность Ишимской степи волниста и пересѣчена множествомъ овраговъ; съ востока на западъ, по всему ея протяженію, тянутся цѣпи невысокихъ холмовъ, сѣверные скаты которыхъ весьма отлоги, а южные круто обрываются къ сторонѣ Киргизской степи. Сѣверная часть ея, орошаемая, кромѣ Ишима и его незначительныхъ при-

токовъ, множествомъ озеръ, какъ прѣсноводныхъ, такъ и соленыхъ, плодороднѣе южной, такъ какъ почва послѣдней содержитъ значительную примѣсь песку, а орошеніе ея гораздо меньше. Мѣстами, какъ, напримѣръ, на границѣ между Ишимскимъ и Ялуторовскимъ округами, слой чернозема доходитъ иногда до полъ-аршина. Въ рѣдкихъ мѣстахъ преобладаетъ глина, и только нѣкоторыя мѣста по берегамъ Тобола, гдѣ почва илистая и песчаная, мало удобны для хлѣбопашества. Въ сѣверо-западной части, къ сѣверу отъ рѣчки Исети, и въ сѣверо-восточной, по правую сторону рѣки Тобола, находятся обширныя болота, занимающія пространство въ первой до 1,350, а во второй — до 2,200 квадратныхъ верстъ. Въ западной части Курганскаго округа, лежащей по лѣвую сторону р. Тобола, почва черноземна и песчана, а отъ праваго берега рѣки Тобола и до лѣваго берега Иртыша, т. е. въ восточной половинѣ Курганскаго округа и въ Ишимскомъ округѣ, почва вообще черноземная, лежащая на глинѣ, но въ южной части становится болѣе песчаною и солонцеватою. Чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ солонцеватость становится ощутительнѣе; къ сѣверу соль обнаруживается на поверхности почвы только въ самыхъ низменныхъ болотистыхъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, около рѣки Вагая, гдѣ мѣста самыя сырыя; впрочемъ, и между этими сырыми мѣстами выдаются также весьма плодородныя пространства.

Что касается растительности этой полосы, то она представляетъ рѣзкую противоположность съ среднею частью Тобольской губерніи. Тамъ тянутся безконечные, однообразные лѣса, въ которыхъ если пойдетъ сосна или лиственница, то такъ и тянется на цѣлыя тысячи верстъ и взадъ, и впередъ, и въ сторону. Здѣсь же степная, открытая мѣстность, гдѣ лѣса встрѣчаются какъ рѣдкость; непроходимыхъ же урмановъ и совсѣмъ нѣтъ. На всемъ пространствѣ между рѣками Тоболомъ и Иртышемъ, къ югу отъ параллели Ялуторовска, преобладаетъ береза, образующая густыя рощи, которыя, далѣе къ югу, становятся рѣже. Сосна встрѣчается здѣсь только на песчаныхъ полосахъ, преимущественно по берегамъ Тобола. Тамъ, гдѣ грунтъ влаженъ, береза перемѣшана съ осиною, а въ низменной долинѣ Иртыша растетъ много ивы. Хотя въ южной части Ишимской степи лѣсъ замѣтно рѣдѣетъ, однако-же повсюду встрѣчается молодая поросль на мѣстѣ бывшихъ порубокъ или паловъ, чѣмъ степь эта отличается отъ Киргизской степи, гдѣ не только на такихъ мѣстахъ не выростаетъ новый лѣсъ, но даже и нетронутый сохнетъ и умираетъ.

Березовыя рощи составляютъ одно изъ лучшихъ украшеній этого края, вообще небогатаго живописными видами, не поражающаго ни величіемъ, ни могуществомъ природы. По общему своему виду, край этотъ можетъ быть поставленъ въ рядъ съ южными губерніями средней полосы Россіи, напримѣръ Курской, которыя также составляютъ переходъ отъ сѣверной лѣсистой полосы къ южной, гдѣ тянутся безпредѣльныя степи, но не такія безжизненныя какъ Киргизская. Южныя части средней Россіи, на всемъ своемъ протяженіи, вездѣ, гдѣ мѣстность обнажена отъ лѣса, покрыты зеленѣющими нивами или черными вспаханными полями; вездѣ при переѣздѣ отъ селенія къ селенію, — которыя здѣсь, конечно, расположены гораздо чаще другъ къ другу, чѣмъ въ Сибири, даже въ описываемой, наиболѣе населенной мѣстности ея, — путешественникъ встрѣчаетъ обработанныя поля. Здѣсь, конечно, плотность населенія не скоро еще достигнетъ такой степени, чтобъ вся страна обратилась въ сплошную воздѣланную ниву. Но нѣтъ сомнѣнія, что мѣстность эта, нынѣ мало-заселенная, имѣетъ всѣ задатки сдѣлаться современемъ богатой производительницей хлѣба, снабжающей своими продуктами какъ сосѣдній заводскій и промышленный Уралъ, такъ и холодный, лѣсистый сѣверъ и совершенно степную, мало пригодную для земледѣльческой культуры, Киргизскую степь. Теперь едва одна двадцатая часть всѣхъ удобныхъ для хлѣбопашества земель употребляется для обработки; остальное же пространство — открытая волнистая степь, покрытая травами, высокими и сочными, такъ что луга и травяныя степи этой полосы могутъ питать гораздо большее количество лошадей, овецъ и рогатаго скота, чѣмъ то, которое нынѣ составляетъ населеніе этихъ степей.

Луговыя пространства между Ишимомъ и Иртышемъ представляютъ заманчивые ландшафты, по крайней оригинальности сочетанія здѣсь разнообразной растительности. Если ѣхать кряду нѣсколько сутокъ по степи, въ умѣ неизгладимо запечатлѣваются куполообразные холмики, соединенные другъ съ другомъ маленькими, какъ бы кѣмъ-то аккуратно выточенными перехватами; куда ни оглянешься, вездѣ торчатъ эти холмики, длинными теряющимися на горизонтѣ параллельными рядами, бѣгущіе вдаль, туда, гдѣ шумный Ишимъ отдѣляетъ луговыя пространства крайняго запада Сибири отъ ея угрюмыхъ, сѣверныхъ лѣсовъ. Кажется, какъ будто эта мѣстность была нѣкогда берегомъ громаднаго моря, и эти холмики образовались прибоемъ исполинскихъ волнъ, послѣдовательно, въ теченіе вѣковъ, уходившихъ все далѣе и далѣе къ югу. Чѣмъ далѣе къ западу, тѣмъ правильность рядовъ холмиковъ постепенно уменьшается, сами они становятся нѣсколько выше, форма ихъ уже не та выточенная, куполообразная, какъ ближе къ лѣвому берегу Иртыша, а неправильная — то коническая, съ двумя, тремя острыми верхушками, то продолговатая, подобно маленькому хребту горъ; мѣстность становится, такъ сказать, косматѣе, взъерошеннѣе; но, въ общемъ, холмы также правильными рядами мчатся куда-то вдаль.

Тамъ, гдѣ пространство между параллельными грядами холмовъ расширяется, — раскинулись березовыя рощи, взбѣгающія иногда на вершину гребней или теряющіяся въ широкихъ и глубокихъ ложбинахъ. Кудреватыя зеленыя березы растутъ далеко другъ отъ друга, такъ что роща такихъ старыхъ березъ даетъ мало тѣни. Вездѣ, на всемъ пространствѣ между деревьями, пестрѣютъ ярко-желтые или желтовато-бѣлые, расположенные группами, однообразные цвѣты небогатой флоры той мѣстности. Опушка густо поросла мелкимъ молодымъ березнякомъ, который окаймляетъ своихъ старѣйшихъ собратовъ. Для множества породъ птицъ такія рощи, рѣдко разсыпанныя по степи, составляютъ единственно удобное мѣсто для жительства; поэтому пернатое населеніе рощъ и многочисленно, и разнообразно. Кромѣ множества галокъ, которыя обыкновенно избираютъ для своихъ общественныхъ поселеній одинъ какой-либо уголъ рощи, гдѣ цѣлыми десятками безобразныя гнѣзда ихъ облѣпляютъ деревья, — здѣсь встрѣчаются во множествѣ разныя породы ястребовъ (копчики, щеглики и др.), соколы, сороки, сорокопуты, иволги, дятлы, дрозды, а въ мелкихъ окрестныхъ рощицахъ — мелкія породы птицы — малиновки, жаворонки, мухоловки и др.

Большіе строевые лѣса, состоящіе изъ сосны, ели, пихты, березы, осины, тополя и липы, находятся въ сѣверо-восточной части Ялуторовскаго округа, въ смежности съ лѣсами Тобольскаго округа. По лѣвому берегу Тобола, почти до города Кургана, тянется обширный лѣсъ, состоящій изъ сосны и березы, но строевыхъ деревьевъ въ немъ весьма мало. Въ Ишимскомъ округѣ лѣса хвойныхъ породъ встрѣчаются только на болотистыхъ пространствахъ, въ сѣверной части округа; на всемъ же остальномъ пространствѣ Ишимской степи попадаются лѣса только лиственные. Береза и осина, годныя для строенія, встрѣчаются только въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, по причинѣ меньшаго населенія, онѣ не вырублены; но чѣмъ далѣе къ югу, тѣмъ березовыя рощи встрѣчаются рѣже и рѣже, такъ что въ южной части недостаетъ даже и дровянаго лѣса, въ виду меньшаго плодородія почвы и сухости воздуха.

По всей площади трехъ южныхъ округовъ Тобольской губерніи раскинуто множество озеръ (большихъ и среднихъ насчитывается до 931), которыя, по своему положенію, раздѣляются на проточныя и непроточныя, а по качеству находящейся въ нихъ воды — на прѣсныя, соленыя и горько-соленыя. Проточныя озера соединяются болѣе или менѣе длиннымъ притокомъ съ рѣкою, или же черезъ нихъ проходитъ рѣка; озера послѣдняго рода называются «туманъ» или «томанъ»; они представляютъ собою какъ бы расширеніе рѣчнаго русла и имѣютъ низменные и болотистые берега. Непроточныя озера лежатъ среди большихъ лѣсовъ, а также въ степи, и нѣкоторыя изъ нихъ принимаютъ въ себя небольшія рѣчки. Обращаетъ на себя вниманіе то обстоятельство, что многія изъ озеръ, часто безъ всякой видимой причины, или со-

вершенно высыхаютъ, или же уменьшаются значительно въ своемъ объемѣ, такъ что селенія, лежащія при озерахъ, иногда, за недостаткомъ воды или въ виду совершенной ея порчи, бываютъ вынуждены перебираться въ другія мѣста. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія озеро Щучье, на границѣ Ишимскаго округа съ Курганскимъ, имѣло до 70 верстъ въ окружности, но въ 50-хъ годахъ оно сдѣлалось на половину меньше. Въ Ишимскомъ округѣ, въ 40-хъ годахъ, считалось 364 высохшихъ озера; въ числѣ ихъ были озера, имѣвшія въ окружности отъ 4 до 20 и даже до 40 верстъ, глубиною до 8 аршинъ. Одно изъ такихъ озеръ — Теволжанское было такъ рыбно, что жители другихъ округовъ довольствовались изъ него рыбою. Днища многихъ озеръ поросли травою и превратились въ луга, съ которыхъ собиралось сѣно, а иныя воздѣлывались подъ посѣвъ хлѣба и льна. Съ 1854 года, высохшія озера стали опять наполняться водой и въ 1859 году сдѣлались опять настоящими озерами, обильными рыбою. Замѣчательно также, что водою наполнялись тѣ изъ озеръ, которыя не имѣли никакого сообщенія съ разливающимися рѣками. Явленіе это приписываютъ гигроскопизму земли, и оно было предсказано мѣстными старожилами, слышавшими отъ своихъ дѣдовъ и отцовъ о періодичности оскудѣнія водъ и пересыханія озеръ. По сказанію стариковъ, подобное пересыханіе было въ концѣ прошлаго столѣтія.

Сибирскій балаганъ.

Характеръ прѣсныхъ озеръ на всей площади округовъ болѣе или менѣе одинаковъ: пологіе, покрытые камышемъ, берега, вязкое и иловатое дно, поросшее разными водяными растеніями; вода мутная, желтоватая, какъ бы со слизью, особенно лѣтомъ, что́ происходитъ какъ отъ нечистоты дна, такъ и отъ застоя воды, нагрѣванія солнцемъ и помета водяныхъ птицъ, налетающихъ сюда стадами и устраивающихъ свои гнѣзда въ камышахъ. Но и самыя прѣсныя озера на югѣ содержатъ нѣкоторую примѣсь соли, горькой и поваренной. Соленыя и горькія озера расположены всегда на равнинѣ, не имѣющей покатостей ни въ какую сторону, и принадлежатъ, такимъ образомъ, къ числу озеръ непроточныхъ. Каждое изъ такихъ озеръ имѣетъ видъ блюда или тарелки, и чѣмъ менѣе вливается въ него извнѣ прѣсной воды, тѣмъ оно мельче и содержитъ болѣе солей. Соленыя, горькія и прѣсныя озера раскинуты повсюду безъ всякой системы; рядомъ съ прѣснымъ озеромъ лежитъ горькое, а въ нѣсколькихъ саженяхъ соленое. Иногда случается, что нѣсколько озеръ, разнородныхъ по качеству своей воды, соединены между собою протоками. На соленыхъ озерахъ хотя и бываетъ садка соли, однако-же она не добывается за отдаленностью отъ удобныхъ путей сообщенія, и Тобольская губернія почти вся снабжается солью съ Киряковскаго озера, лежащаго близъ рѣки Иртыша, въ Семипалатинской области; въ юго-западные же округа соль ввозится изъ киргизскихъ соленыхъ озеръ: Ургача и Эбелея. Въ началѣ 40-хъ годовъ, изъ Большаго и Малаго Медвѣжьихъ озеръ (въ Ишимскомъ округѣ) соли ежегодно добывалось до 30,000 пудовъ.

Степныя пространства Ишимскаго, Ялуторовскаго и Курганскаго округовъ, съ тучными травами, удобны какъ для хлѣбопашества, такъ и для скотоводства. Здѣсь съ успѣхомъ родится разнаго рода хлѣбъ; изъ хлѣбныхъ породъ засѣваются: рожь, пшеница, ячмень, овесъ, просо, горохъ, гречиха, ленъ, пенька, картофель. Поэтому главное занятіе жителей этого края составляетъ хлѣбопашество. За крестьянствомъ этой мѣстности, при существованіи въ его средѣ всѣхъ тѣхъ же неблагопріятныхъ условій, какъ и въ другихъ мѣстностяхъ, должно признать все-таки большую степень зажиточности. Это объясняется сравнительно различными условіями жизни сибирскаго, зауральскаго и россійскаго крестьянства. Въ Сибири земледѣльческое населеніе пользуется большимъ привольемъ, владѣетъ большими участками земли и

имѣетъ больше удобствъ въ пріобрѣтеніи матеріальныхъ средствъ къ жизни. Новая страна, запасы природы, дѣвственная почва, свободное пользованіе землей, свободный трудъ и отсутствіе крѣпостнаго права — много способствовали тому, что міроѣдство и кулачество, какъ оно грандіозно ни проявлялось, не могло изнурить крестьянство до послѣдней степени. Во время уборки хлѣба, около каждой пашни устраиваются балаганы — временныя помѣщенія, гдѣ земледѣльцы отдыхаютъ отъ трудовъ, за отдаленностью поля отъ деревни.

Нѣкоторые полагаютъ, что Сибири недоставало крупныхъ землевладѣльцевъ, какъ культурнаго класса, и думаютъ, что здѣсь необходима раздача земель; но не трудно понять, что подобнымъ путемъ крестьянство будетъ стѣснено въ пользованіи тѣми благами природы, въ которыхъ оно находило до сихъ поръ поддержку. Если значительная часть населенія не погибла подъ гнетомъ кабалы и не была совершенно истощена въ Сибири, то только благодаря тому, что населеніе имѣло возможность свободно располагать землей.

Кромѣ земледѣлія, какъ главнаго занятія жителей, здѣсь развита также и кустарная промышленность, хотя и въ меньшемъ размѣрѣ, чѣмъ въ сѣверныхъ округахъ Тобольской губерніи, гдѣ населеніе не имѣетъ возможности получить достаточно средствъ отъ земледѣлія, но находится въ сосѣдствѣ округовъ плодородныхъ, изобильныхъ животными, растительными и хлѣбными продуктами. Промыслы эти до послѣдняго времени занимаютъ не мало рукъ, служа важнымъ подспорьемъ крестьянскому хозяйству и удовлетворяя экономическимъ потребностямъ края. Отдаленность и отчужденность Сибири побуждала жителей удовлетворять необходимыя и насущныя ихъ потребности обработкой своихъ произведеній на мѣстѣ, поэтому многіе промыслы получили начало чрезвычайно рано въ Сибири и въ первое время вполнѣ замѣняли заводскую промышленность. Кромѣ этой причины, многіе промыслы возникали подъ вліяніемъ торговли и запросовъ рынка на различные мѣстные продукты, которые были въ изобиліи и могли не только удовлетворить внутреннія потребности, но и представлять выгодный промыселъ для сбыта. Такимъ образомъ кустарный промыселъ получилъ два назначенія: для удовлетворенія мѣстныхъ, внутреннихъ нуждъ населенія и для цѣлей торговой промышленности. Сообразно этому назначенію должны дѣлиться и разсматриваться существующіе кустарные промыслы. Къ первому отдѣлу въ этомъ случаѣ должны быть отнесены занятія крестьянъ выдѣлкою самыхъ простыхъ предметовъ, необходимыхъ для домашняго обихода, въ сельскомъ быту. Сюда относится производство посуды для своего обихода, тканье холста, выдѣлка сукна и сермяги, приготовленіе орудій хозяйства, — ободьевъ, полозьевъ, оглобель, колесъ, телегъ, осей, витье веревокъ изъ мочала и пеньки, плетеніе неводовъ и т. д. Занятія эти распространены во всемъ сельскомъ населеніи и составляютъ принадлежность большинства хозяйствъ. Они исходятъ отъ привычки и наклонности крестьянина обходиться собственными средствами, не прибѣгая къ помощи рынка и къ фабричнымъ продуктамъ, слишкомъ дорогимъ для него. Но различіе мѣстностей, недостатокъ матеріала въ одномъ мѣстѣ и изобиліе въ другомъ, дешевизна и навыкъ производить — породили обмѣнъ и въ этихъ произведеніяхъ.

Такимъ образомъ получаютъ распространеніе сукна, холсты, посуда, деревянныя подѣлки, крестьянскія орудія, ободья, телеги и т. д. Въ нѣкоторыхъ округахъ постепенно выдѣлились изъ этого цѣлые промыслы, но они существуютъ не столько для торговыхъ и промышленныхъ цѣлей, сколько продукты ихъ расходятся въ средѣ сосѣдняго крестьянства. Занятія эти занимаютъ видную часть народнаго хозяйства, имѣя въ виду удовлетвореніе ближайшихъ нуждъ населенія. Они имѣютъ громадное распространеніе, и обороты ихъ въ общей суммѣ превосходятъ всѣ другія производства. Такіе промыслы существуютъ вездѣ и во всей мѣстности, безъ различія. Несмотря на ихъ важное значеніе, они мало замѣчаются изслѣдователями, и на кустарное производство обращается вниманіе только тогда, когда оно получаетъ промышленное значеніе, переходя съ крестьянскаго на торговый, купеческій рынокъ. Нельзя сказать, чтобы

промыслы эти, не смотря на ихъ простоту, не подлежали бы извѣстному усовершенствованію. Напротивъ, выдѣлка холстовъ, крестьянскихъ суконъ, посуды и орудій хозяйства составляетъ особую заботу хозяевъ, и если она не совершенствуется до высшихъ техническихъ производствъ, то это означаетъ только, что крестьянству не достаетъ для этого матеріальныхъ средствъ и знаній. Обработка произведеній, идущихъ на собственное крестьянское потребленіе, а не на рынокъ, должна бы между тѣмъ возбудить особое вниманіе. Это, такъ сказать, огромная *мужичья* фабрика, существующая издавна и сама себя поддерживающая. Производство крестьянской дерюги, лаптя, бродня или сапога — для народной жизни имѣетъ свою исторію, несравненно болѣе важную, чѣмъ исторія иныхъ мануфактуръ. Все это заслуживаетъ тѣмъ большаго вниманія въ Сибири, гдѣ крестьянство долгое время, подобно Робинзону, удовлетворяло всѣ свои потребности исключительно собственными усиліями. Можно сказать, что народъ долго еще останется вѣрнымъ *своей фабрикѣ*, т. е. кустарному производству.

Другой видъ кустарной промышленности составляютъ производства, получившія высшее развитіе, организующіяся въ цѣлыя промышленныя предпріятія, которыми спеціально заняты цѣлыя семьи, деревни и волости. Подобныя производства отличаются проявленіемъ въ нихъ большаго навыка, знаній и извѣстной техники. Они служатъ не для одного внутренняго, но и для внѣшняго потребленія и подлежатъ спросу болѣе отдаленныхъ рынковъ. Промыслы эти приближаются къ заводской промышленности, составляя нѣчто среднее между ремесломъ и заводскою промышленностью. Изъ спеціальныхъ промысловъ, выдѣлившихся въ прочную кустарную промышленность, дающую значительный заработокъ мѣстному населенію, на первомъ планѣ стоитъ кожевенное производство и связанное съ нимъ шитье обуви, приготовленіе рукавицъ, сбруи и прочее. Начало этого промысла относится еще ко временамъ первоначальнаго заселенія Сибири Русскими, и, какъ говорятъ, онъ перенятъ отъ Бухарцевъ, жившихъ въ Тюмени. Рядомъ съ крупной заводской промышленностью, преимущественно въ Тюменьскомъ округѣ, существуетъ кустарное производство кожъ по деревнямъ — въ видѣ мелкихъ, такъ сказать, ремесленныхъ заводовъ. Въ Ялуторовскомъ округѣ существуетъ до 30 мелкихъ заведеній такого рода. Выдѣлка кожъ хотя и выдѣлилась въ довольно видную заводскую промышленность и даетъ нѣкоторый заработокъ кустарямъ, но развитіе этого промысла все еще ничтожно, сравнительно съ общею производительностію края. Вывозимыя кожи изъ Сибири питаютъ заводскую промышленность Вятской, Пермской и Казанской губерній; онѣ же поддерживаютъ и кустарный промыселъ этихъ губерній. Выдѣланныя кожи изъ Тобольской губерніи, изъ Тюменьскаго и южныхъ ея округовъ, идутъ въ Восточную Сибирь, Киргизскую степь и Китай.

Рядомъ съ кожевеннымъ промысломъ заслуживаетъ вниманія скорняжный промыселъ, создавшійся въ Сибири давно, благодаря изобилію мѣховъ и спросу на нихъ. Въ описываемыхъ округахъ онъ ограничивается, попреимуществу, только выдѣлкою овчинъ на тулупы для крестьянскаго населенія, чѣмъ славится въ особенности деревня Шатровская, Ялуторовскаго округа. Шитье тулуповъ производится изъ киргизскихъ и русскихъ барановъ. Выдѣлка овчинъ и тулуповъ, однако, далеко не получила въ Сибири такого развитія, какъ въ губерніяхъ Казанской и Вятской.

Изъ продуктовъ скотоводства возникли въ Сибири, въ видѣ кустарнаго промысла, выдѣлка шерсти, производство крестьянскаго сукна, вязанье изъ шерсти шарфовъ и поясовъ, а также выдѣлка ковровъ и проч. Крестьянское сукно выдѣлывается въ большомъ количествѣ во всѣхъ округахъ Тобольской губерніи изъ шерсти русскихъ овецъ; по качеству это сукно крайне грубо и извѣстно подъ именемъ сермяги. Потребленіе его, однако, огромно, — почти каждое крестьянское хозяйство производитъ его для собственной надобности. Сюда же относится тканье крестьянскихъ поясовъ, шарфовъ, варежекъ, рукавицъ и чулокъ. Производствомъ этимъ занимаются нѣкоторыя деревни Ялуторовскаго округа, какъ, напримѣръ, Исетская, Мо-

стовая и другія. Пояса ткутся на льняной основѣ; выдѣлка ихъ достигла уже извѣстнаго совершенства, и они доходятъ стоимостью до 4 рублей за сотню. Къ этому же отдѣлу промысловъ относится выдѣлка войлоковъ, кошемъ и нѣкоторыя другія. Выдѣлка лучшихъ кошемъ принадлежитъ Киргизамъ, но она бы могла получить большее развитіе въ виду потребности и пользы этого продукта. Кромѣ того, въ различныхъ мѣстностяхъ развивается сапожный промыселъ. Въ Курганскомъ округѣ, въ волостяхъ: Смоленской, Подусинской и Введенской, существуютъ деревни, гдѣ почти все населеніе занимается этимъ ремесломъ. Для выдѣлки сапогъ нѣкоторые держатъ рабочихъ. Въ деревнѣ Ряповой одинъ мастеръ съ рабочими выдѣлываетъ до 5,000 паръ сапогъ и за чистоту выдѣлки имѣетъ похвальный листъ съ тюменьской выставки мѣстныхъ производствъ.

По выдѣлкѣ растительныхъ продуктовъ въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи, какъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Западной Сибири, особенно выдѣляется тканье холстовъ, имѣющихъ примѣненіе во всѣхъ крестьянскихъ хозяйствахъ. Ялуторовскій округъ выдѣлываетъ простаго холста до милліона аршинъ, на 70,000 руб. (по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, но на самомъ дѣлѣ гораздо болѣе) и лучшаго сорта до 10,000 аршинъ. Лучшей выдѣлкой холстовъ извѣстны Ялуторовскій и Курганскій округа, гдѣ встрѣчаются холсты до 25 коп. аршинъ. Холсты изъ этихъ округовъ имѣютъ очень большой районъ распространенія; они сбываются въ Восточную Сибирь и, въ послѣднее время, въ Туркестанъ. Несмотря на нѣкоторыя достоинства, нельзя сказать, чтобъ они достигли совершенства и широкаго распространенія. Они не могутъ сравниться съ производствомъ холстовъ во Владимірской губерніи, гдѣ холстъ производится для вывоза въ Москву, Петербургъ, Малороссію, и съ производствомъ въ Вятской губерніи; та и другая губерніи, между прочимъ, снабжаютъ и Сибирь.

По выдѣлкѣ хлѣбныхъ продуктовъ замѣтно выдѣлилось въ Западной Сибири приготовленіе пряниковъ, доходящее до 200,000 пудовъ на заводахъ Курганскаго округа. Оно распространено въ Курганскомъ и Ялуторовскомъ округахъ. Въ Курганѣ существуетъ болѣе 30 пряничниковъ, пекущихъ отъ 500 до 2,000 пудовъ пряниковъ. Производство пряниковъ, считая по 2 рубля за пудъ, доходитъ въ этихъ округахъ до 400,000 рублей.

Не трудно замѣтить, что кустарный промыселъ въ Сибири распространенъ и поддерживается только въ низшихъ, самыхъ простыхъ произведеніяхъ, удовлетворяющихъ вкусу и потребностямъ крестьянства, но не проявляется въ высшихъ производствахъ, требующихъ болѣе искусства. Зажиточное мѣстное населеніе, съ развитіемъ потребностей, имѣетъ возможность довольствоваться не мѣстными произведеніями кустарной промышленности плохаго качества, а исключительно привозными, болѣе удовлетворяющими его. Очень легко можетъ быть, что при этихъ условіяхъ мѣстному кустарному промыслу, находящемуся въ застоѣ, предстоитъ паденіе. Нельзя не замѣтить при этомъ, что опаснымъ конкурентомъ сибирскаго кустарнаго промысла является не заводъ, но наплывъ кустарныхъ произведеній изъ Россіи. Между тѣмъ, при другихъ условіяхъ, кустарный промыселъ Сибири, въ разныхъ его отрасляхъ, могъ бы развиться въ огромной степени и, вслѣдствіе изобилія и дешевизны животныхъ, растительныхъ и ископаемыхъ сибирскихъ продуктовъ, могъ бы служить предметомъ обильнаго вывоза не только въ другія области, но и въ сопредѣльныя съ нами азіатскія страны.

Вслѣдствіе мѣстныхъ географическихъ условій, развитіе кустарныхъ промысловъ въ Сибири, въ связи съ развитіемъ вообще мѣстнаго производства, должно получить особенное значеніе и составить одну изъ видныхъ задачъ экономической жизни края. Отдаленность Сибири отъ европейскихъ и русскихъ мануфактурныхъ рынковъ вызываетъ высокій провозный тарифъ, что ложится тяжелымъ бременемъ на мѣстное населеніе и затрудняетъ пріобрѣтеніе многихъ произведеній первой необходимости. Города и вообще болѣе или менѣе зажиточный слой сибирскаго населенія въ состояніи еще, хотя и по дорогой цѣнѣ, пріобрѣтать привозные продукты; но большинство сельскаго населенія, вслѣдствіе возвышенныхъ цѣнъ за

провозъ, лишены этой возможности. Поэтому въ Сибири крестьянское населеніе обходится безъ многаго такого, что доступно домоводству и сельскому хозяйству въ Европейской Россіи. Это обстоятельство, естественно, должно бы побудить къ развитію мѣстныхъ производствъ. Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ въ Сибирь, — значительно удешевится провозъ произведеній; это должно дать сильнѣйшій толчекъ къ расширенію ремесленнаго, фабричнаго и заводскаго дѣла въ Сибири.

Сибирь, по отношенію къ сосѣднимъ дикарямъ и рынкамъ Азіи, должна когда-нибудь играть роль мануфактурнаго рынка. Если дороги заводскія и мануфактурныя произведенія для Сибири, то можно себѣ представить, какъ должна повышаться ихъ цѣна на средне-азіатскихъ, туркестанскихъ и монгольскихъ рынкахъ. Для того, чтобы снабжать эти рынки нашими произведеніями и сколько-нибудь конкурировать съ произведеніями иностранными, проникающими въ Азію, сдѣлать эти произведенія доступными по цѣнѣ для азіатцевъ и склонить ихъ къ пріобрѣтенію предметовъ русскаго производства, — это послѣднее должно быть подвинуто возможно ближе къ нашимъ азіатскимъ границамъ, и, въ этомъ отношеніи, Сибирь представляетъ наиболѣе благопріятный районъ. Если и теперь различныя подѣлки и произведенія, въ томъ числѣ и предметы кустарной промышленности, проникаютъ изъ Россіи въ Монголію, Китай и Туркестанъ, то можно себѣ представить, насколько усилится сбытъ ихъ при развитіи сибирской промышленности.

Если желать развитія мѣстной промышленности въ будущемъ, то несомнѣнно только въ такой формѣ ея, которая наиболѣе обезпечитъ мѣстное населеніе и останется въ рукахъ народа-производителя, а такою формою и является кустарная промышленность. Находясь нынѣ въ первобытной и простой формѣ, она должна получить въ будущемъ высшее и болѣе прочное развитіе, не измѣняя ни своего внутренняго содержанія, ни организаціи.

Скотоводство въ Ишимскомъ, Курганскомъ и Ялуторовскомъ округахъ Тобольской губерніи, какъ мѣстностяхъ преимущественно степныхъ, составляетъ, послѣ хлѣбопашества, важнѣйшую отрасль промышленности жителей, хотя, въ виду нераціональнаго веденія, требуетъ еще весьма многаго. Успѣшному развитію скотоводства въ южныхъ округахъ Тобольской губерніи, гдѣ только самые бѣдные крестьяне держатъ по одной лошади и коровѣ, богатые же имѣютъ иногда отъ 100 до 150 лошадей и 200 — 300 головъ рогатаго скота и овецъ, — много препятствуютъ ежегодные падежи, посѣщающіе всю южную часть губерніи. Особенно громадный вредъ причиняютъ падежи округамъ Ишимскому и Курганскому, въ которыхъ, въ теченіе 20 лѣтъ, не было ни одной волости безъ падежа скота. Лошади падаютъ отъ сибирской язвы, а рогатый скотъ отъ чумы. Въ годы, благополучные отъ падежей, крестьяне получаютъ значительные доходы отъ скотоводства; но когда чума и, особенно, сибирская язва поражаютъ домашній скотъ, тогда крестьянинъ не только не имѣетъ барышей, но напротивъ, въ большинствѣ случаевъ, теряетъ собранный многолѣтними трудами капиталъ. Скотскіе падежи разоряютъ нерѣдко домовитыхъ, зажиточныхъ крестьянъ, обращающихся въ батраковъ, промышляющихъ отхожими промыслами. Все деревенское населеніе, отъ мала до велика, начинаетъ ухаживать за скотомъ и не знаетъ ни сна, ни покоя; даже полевыя работы прекращаются.

Южные округа Тобольской губерніи, также какъ и Киргизская степь, составляютъ главные рынки для закупки скота, которая производится раннею весною вблизи города Петропавловска, на пространствѣ вокругъ него около 200 верстъ, куда сгоняется Киргизами и Русскими скотъ изъ разныхъ мѣстъ, гдѣ собираются всѣ русскіе промышленники. Вся эта мѣстность называется «базаромъ». Здѣсь собирается до 450,000 барановъ и до 100,000 головъ рогатаго скота. Изъ этого количества до 100,000 головъ рогатаго скота и небольшое количество барановъ прогоняется въ Пермскую и Оренбургскую губерніи, а весь прочій скотъ оставляется внутри губерніи, гдѣ уже откармливается и поступаетъ на мѣстныя скотобойни. Кромѣ того, убивается мѣстнаго, менѣе цѣннаго скота 100 головъ. Мелкій скотъ бьется въ концѣ сентября,

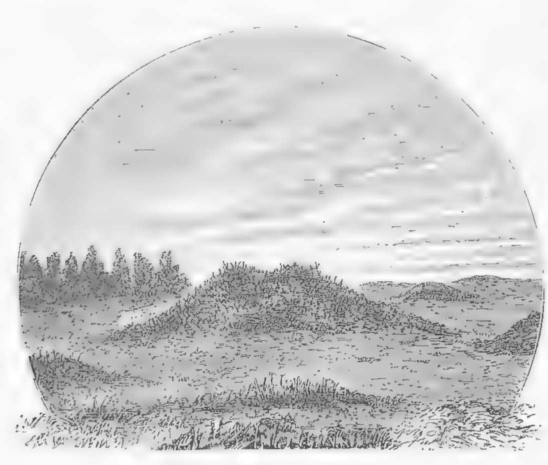
Жатва въ Сибири.

а крупный позднѣе. Убой скота производится вблизи салотопень и почти исключительно для одного сала. Главный сбытъ производится въ Ирбитѣ, на тамошней ярмаркѣ. Мясо распродается внутри губерніи и идетъ на уральскіе горные заводы, кожи частію обработываются на мѣстѣ, частію же отправляются въ Вятку, Кунгуръ, Ирбитъ и другія мѣста Европейской Россіи. Центрами торговли скотомъ и обработки животныхъ продуктовъ должно безспорно считать Тюмень, Курганъ, Ишимъ и отчасти Ялуторовскъ; на мѣстныхъ заводахъ выдѣлывается сала и кожъ на сумму до 2-хъ милліоновъ рублей.

До покоренія Сибири, торговля въ Тобольской губерніи производилась на югѣ Бухарцами, на сѣверѣ же преимущественно Новгородцами, проникавшими сюда черезъ Уральскій хребетъ. Бухарскіе караваны еще во время Кучума ходили въ столицу Сибирскаго ханства и по степямъ Исетской, Ишимской и Барабинской, закупая у кочующихъ Татаръ мягкую рухлядь и вымѣнивая имъ свою, получаемую отъ Остяковъ и Вогуловъ. По завоеваніи Сибири, торговцы изъ Бухары и Хивы стали привозить для обмѣна свои товары во вновь возникавшіе городки, остроги и слободы отъ Тюмени до Томска. Товары ихъ состояли преимущественно изъ шелковыхъ, шерстяныхъ и бумажныхъ матерій, разноцвѣтной парчи, сушеныхъ фруктовъ, мерлушекъ, войлоковъ, корсачьихъ, тигровыхъ и леопардовыхъ шкуръ, также пригоняли рогатый скотъ, овецъ и лошадей. Бухарскіе купцы нерѣдко на мѣстахъ удачной мѣны оставались навсегда и принимали русское подданство. Правительство для поощренія азіатскихъ купцовъ давало имъ разныя льготы. Въ половинѣ текущаго столѣтія Ташкентцамъ, Коканцамъ и вообще азіатскимъ выходцамъ дозволено приписываться къ городскимъ обществамъ Тобольской губерніи на одинаковыхъ правахъ и льготахъ съ иностранцами, поступающими въ подданство Россіи, т. е. по принятіи присяги, имъ дается льгота на 2 года относительно казенныхъ податей, личныхъ и денежныхъ городскихъ повинностей и на 3 года — отъ исправленія рекрутской повинности. Подобныя льготы привлекли въ Тобольскую губернію многія семейства Бухарцевъ, которыя живутъ преимущественно въ Тобольскѣ, Тюмени и ея округѣ. Примѣръ Бухарцевъ увлекъ многихъ казанскихъ Татаръ, изъ которыхъ бѣднѣйшіе, переселившись, поступали въ услуженіе къ богатымъ Бухарцамъ, часто изъ одного хлѣба, отъ чего и получили сохранившееся до настоящаго времени названіе «оброчныхъ чувальщиковъ». Вообще, должно замѣтить, что Татары по характеру своему болѣе склонны къ торговлѣ, чѣмъ къ какой-либо другой дѣятельности; главнымъ пунктомъ ихъ торговли считается городъ Петропавловскъ, Акмолинской области, но они имѣютъ также склады въ Тюмени, Тобольскѣ, Курганѣ и другихъ городахъ. Лѣтомъ нерѣдко они встрѣчаются по деревнямъ, гдѣ торгуютъ разнаго рода мелочью: спичками, духами, мыломъ, помадой, ваксой, ножичками, зеркальцами и прочимъ. Какъ Бухарцы, такъ и Татары занимаются выгодно мелочною продажею чая, закупаемаго на ярмаркахъ въ Ирбитѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Распродажа его обыкновенно ведется татарскими разносчиками, которые подмѣшиваютъ разныя травы, какъ, напримѣръ, лобазникъ, боданъ, кипрея и т. п.

Русскіе купцы вели торговлю въ предѣлахъ губерніи издавна, но сношенія ихъ ограничивались, какъ кажется, только съ инородцами сѣверной части, въ южной же они водворились не ранѣе покоренія Сибири. Для торговли Сибири съ Европейской Россіей были на рубежѣ ихъ учреждены таможни, въ которыхъ собиралась пошлина съ привозимыхъ товаровъ въ государеву казну; пошлиною этою были обложены не только ѣхавшіе въ Сибирь и изъ Сибири промышленники, но и всѣ служащіе въ Сибири и ихъ семейства. Осмотръ въ таможняхъ, изъ которыхъ главною для юга было Верхотурье, въ Пермской губерніи, для сѣвера же—Обдорскъ и Собское устье, производился весьма строгій, что видно изъ многихъ, относящихся къ этому времени, архивныхъ документовъ. Таможенному сбору подвергались всѣ товары, привозимые изъ Сибири и въ Сибирь; исключеніе дѣлалось только для хлѣба, ввозимаго изъ Россіи. Съ уничтоженіемъ внутреннихъ таможенъ, торговля сдѣлалась свободною, и тобольскіе торговцы во всемъ сравнены съ торговцами Европейской Россіи.

Города разсматриваемыхъ нами округовъ Тобольской губерніи, не будучи оживлены ни фабричною, ни ремесленною дѣятельностью, не отличаются обширною торговлею; каждый городъ какъ бы заключенъ самъ въ себѣ и связанъ съ окрестными жителями только потребностью въ жизненныхъ припасахъ. Окружные жители, даже и при достаточныхъ средствахъ, нерѣдко терпятъ нужду въ самыхъ необходимыхъ предметахъ, потому что мѣстные торговцы обыкновенно мало имѣютъ товаровъ и продаютъ ихъ весьма дорого. Дороговизна на привозные товары объясняется дурнымъ состояніемъ путей сообщенія, такъ какъ большая часть товаровъ двигается гужемъ. Эта разрозненность городовъ и неоживленность въ нихъ торговой дѣятельности послужили главнымъ образомъ къ образованію большаго числа сельскихъ ярмарокъ и торжковъ, въ которыхъ особенную нужду имѣютъ крестьяне для сбыта своихъ произведеній и для покупки потребнаго въ ихъ обиходѣ. Ярмарки и торжки особенно оживляются тотчасъ по окончаніи полевыхъ работъ, когда начинается убой скота и домашней птицы; на нихъ везутъ сало, кожи, мясо, масло коровье, холстъ и разныя сельскія произведенія. Многіе торговцы усердно посѣщаютъ торжки, и когда, такимъ образомъ, соберутся всѣ произведенія крестьянъ въ значительныя массы, тогда всѣ скупщики, особенно сала и масла, спѣшатъ на Никольскую ярмарку въ Ишимъ, гдѣ и заключаются торговыя операціи. Сюда уже являются оптовые торговцы изъ Ростова-на-Дону, Казани, Москвы и Екатеринбурга. Они, закупивши преимущественно сало, масло коровье и кожи, отправляютъ немедленно въ Россію или — прямо гужемъ до мѣста назначенія, или черезъ пристани рѣки Чусовой въ Пермской губерніи.

Видъ кургановъ въ степи.

Ялуторовскъ, Курганъ и Ишимъ имѣютъ важное торговое значеніе для всего окрестнаго населенія, лишь благодаря своимъ ежегоднымъ ярмаркамъ. Городъ Ялуторовскъ расположенъ на лѣвой сторонѣ Тобола, въ пяти верстахъ ниже устья Исети. Бывшій нѣкогда острогомъ, съ 1782 года, онъ былъ преобразованъ въ окружной городъ, и нынѣ въ немъ считается до 6,000 жителей. Въ немъ двѣ церкви, одинъ салотопенный и три мыловаренныхъ завода. Въ продолженіе года бываютъ нѣсколько разъ ярмарки, главными предметами торговли которыхъ служатъ: хлѣбъ, рыба, сало, кожи и скотъ; стеченіе народа простирается до 12 и даже 15 тысячъ человѣкъ. Въ его уѣздѣ много винокуренныхъ заводовъ, между прочимъ одинъ казенный, по дорогѣ въ Ишимъ.

Городъ Курганъ въ торговомъ отношеніи важенъ для сосѣдняго Петропавловскаго уѣзда Акмолинской области и для округовъ Ялуторовскаго и отчасти Ишимскаго. Изъ этихъ мѣстъ свозится сюда хлѣбъ для помола, и мука отправляется въ Пермскую губернію, Восточную и Западную Сибирь. Кромѣ того, въ Курганѣ находятся большіе склады мануфактурныхъ, колоніальныхъ и другихъ товаровъ. Въ его уѣздѣ находятся 9 кожевенныхъ заводовъ и три стекольныхъ. Самый городъ, расположенный на лѣвомъ берегу Тобола, построенъ вблизи древняго Кургано-Царева-Городища, и имѣетъ нынѣ до 6,000 жителей. Въ 7 верстахъ отъ него, при деревнѣ Курганской, находится земляная насыпь, извѣстная до настоящаго времени подъ именемъ Царева-Кургана. Она имѣетъ въ окружности до 80 саженъ, высотою до 4 саженъ, но прежде была значительно выше и имѣла коническую форму. Въ концѣ прошлаго столѣтія, какой-то комендантъ города приказалъ разрыть вершину кургана, а потомъ здѣсь образовалась глубокая яма, вѣроятно вырытая кладоискателями. Насыпь окружена длиннымъ рвомъ

и валомъ, со входомъ внутрь городка съ сѣверной стороны. Фантазія жителей связала съ этимъ курганомъ легенду о красавицѣ-дочери какого-то татарскаго хана, который, какъ говоритъ преданіе, пріобрѣлъ большую власть надъ сосѣдними народами и ханами, благодаря искуснымъ чарамъ своей дочери. Въ Курганскомъ округѣ, вообще, во многихъ мѣстахъ находится много различной величины насыпей и кургановъ, которые могутъ свидѣтельствовать о численности древнихъ обитателей округа до прихода сюда Русскихъ. Это обиліе кургановъ и городищъ развило между мѣстнымъ населеніемъ особый промыселъ — кладоискательство, столь сильно распространенное между Русскими и укоренившееся послѣ татарскаго погрома, когда всѣ богатства и драгоцѣнности ввѣрялись землѣ. Русскіе, еще задолго до водворенія своего въ Сибири, соединясь въ артели, отправлялись на мѣста, давно уже оставленныя древними народами, и, не смотря на испытываемыя бѣды или полонъ отъ кочевавшихъ тамъ степныхъ народовъ, не переставали уѣзжать въ степь, гдѣ, по наслышкѣ, узнавали о существованіи древнихъ могилъ съ кладами. Въ нихъ, между человѣческими костями, находились разныя металлическія украшенія и вещи: запястья, серьги, кольца, сѣдла окованныя серебромъ, конская сбруя, серебряные кувшины, чашки, а также уголья и горшки съ какою-то зеленою жидкостью. Эти принадлежности обыкновенно зарывались древними сибирскими народами въ могилу знатныхъ и богатыхъ людей.

Въ одномъ изъ такихъ городищъ, гдѣ, судя по множеству найденныхъ тамъ человѣческихъ костей, должно быть происходила битва, былъ снятъ верхній, толстый заросшій слой земли. Впереди, по всему краю холма, найдены были лежавшіе въ безпорядкѣ наконечники костяныхъ стрѣлъ, довольно искусной работы и разнообразной формы, и между ними нѣсколько желѣзныхъ; тутъ же находились костяные топоры, кое-гдѣ колечки отъ кольчугъ, костяныя стрѣлы, нѣсколько каменныхъ пуговицъ и одна — довольно крупнаго жемчуга. Въ центрѣ укрѣпленія остатки большихъ костровъ, окруженные слѣдами сытныхъ угощеній: костями лошадей, оленей, птицъ и рыбъ; тутъ же масса разбитой глиняной посуды — отъ ведерной вмѣстимости до величины наперстка и небольшое число костяныхъ ложекъ. Здѣсь же, близъ слѣдовъ огромнаго костра, разсыпаны желѣзныя сверлила съ костяными ручками, желѣзные ножи и грубо обдѣланныя, неоконченныя стрѣлы, свистки для приманки птицъ и другіе мелкіе предметы. Костяныя подѣлки, очень похожія на шахматы, заставляютъ предполагать о знакомствѣ съ этой игрою тогдашнихъ обывателей Сибири, такъ что потомки Тамерлана, останавливавшаго свои грозныя полчища для занятія шахматной игрой, также занимались этимъ пріятнымъ дѣломъ. Позади укрѣпленія были расположены невода, судя по оставшимся каменнымъ привѣскамъ къ нимъ. Здѣсь же находились маленькія глиняныя лошадки съ накладными сѣдлами, на которыя садился глиняный же ѣздокъ.

Городъ Ишимъ расположенъ въ лѣвомъ углу обширной луки, образуемой рѣкою Ишимомъ. Основаніе его относится къ 1670 году, когда была отстроена слобода подъ именемъ Коркиной, уже съ 1782 года обращенная въ городъ. Нынѣ въ немъ считается около 6,000 жителей. Въ городѣ есть салотопенныя и мыловаренныя заведенія. Расположенный въ срединѣ самой лучшей мѣстности Западной Сибири, въ отношеніи земледѣлія и скотоводства, Ишимъ служитъ главнымъ пунктомъ для торговли разными сортами хлѣба и всевозможными животными продуктами, которые свозятся сюда въ громадномъ количествѣ для доставки въ Екатеринбургъ, Ирбитъ и далѣе въ Европейскую Россію. Въ свою очередь, изъ внутреннихъ губерній Россіи привозится въ Ишимъ масса разныхъ произведеній, которыя расходятся въ степь и Томскую губернію. Обмѣнъ товаровъ происходитъ на зимне-никольской ярмаркѣ, на которой, въ теченіе двадцати-пяти дней, оборотъ по привозу и продажѣ превышаетъ восемь милліоновъ рублей, а торговцевъ и покупателей пріѣзжаетъ до восемнадцати тысячъ человѣкъ. На ишимской ярмаркѣ можно видѣть всѣ главные предметы сибирскаго торга: сырцовое сало изъ Киргизской степи, съ ишимскихъ, ялуторовскихъ и курганскихъ салотопень, съ 50,000 барановъ;

свиное сало. Свиньи въ Ишимѣ даже нарочно откармливаются хлѣбомъ; такъ, напримѣръ, въ 1860 году, въ Ишимѣ выкармливалось 7,200 свиней, на которыхъ пошло 144,000 пудовъ хлѣба. Далѣе, коровье масло: до 60,000 пудовъ его идетъ, черезъ Таганрогъ, въ Константинополь; кожи, щетина, пушнина, дикая птица, какъ и домашняя, также составляютъ предметъ сбыта; въ Ишимѣ по 200 штукъ гусей откармливается для сала; далѣе — рыба и скотъ. Все это вывозится, а въ замѣнъ этого получаются мануфактурныя издѣлія. Здѣсь мы видимъ уральское желѣзо, костромскіе и ярославскіе ситцы, нижнетагильскіе сундуки, чердынскія точила, шадринскіе пряники и деревянныя издѣлія изъ Тагиля, Нижняго и т. д. Турокъ получаетъ коровье масло изъ Сибири черезъ Ростовъ-на Дону; лондонская гостиная освѣщается стеариновой свѣчкой изъ сибирскаго сала; широкая пуховая шляпа, покупаемая Европейцемъ, приготовлена изъ шерсти сибирскаго зайца; сапоги, изготовляемые въ Лейпцигѣ, тоже изъ сибирскихъ кожъ. Нечего и говорить уже, что сибирскій мѣхъ и обвиваетъ станъ европейской красавицы, и служитъ подкладкою плаща китайскаго императора.

Несмотря на такое богатство и разнообразіе произведеній, Сибирь одѣвается и пропитывается, однако, всѣмъ прошедшимъ черезъ горнила россійскихъ фабрикъ. Въ Сибири едва начинается заводская промышленность; сибирскимъ же сырьемъ пробавляется вся заводская промышленность Казани, Екатеринбурга и другихъ сосѣднихъ мѣстностей. Стеариновый заводъ Крестовниковыхъ въ Казани покупаетъ до 170,000 пудовъ сибирскаго сала; екатеринбургскій заводъ Плѣшановыхъ — 35,000 пудовъ. Всего изъ Сибири сала вывозится до милліона пудовъ. Казань скупаетъ также на ирбитской ярмаркѣ и въ Семипалатинскѣ мѣха и выдѣлываетъ ихъ. Для этого въ Казани существуетъ одиннадцать скорняжныхъ заведеній. На восьми казанскихъ овчинныхъ заводахъ обработывается девятнадцать тысячъ овчинъ, привозимыхъ изъ Сибири. Льнопрядильная фабрика Алафузова получаетъ изъ Сибири тридцать тысячъ пудовъ кудели и льна. Масла коровьяго получаетъ Казань изъ Сибири до 25,000 пудовъ. Въ Вятской губерніи выдѣлывается до 250,000 яловыхъ кожъ на сумму 875,000 рублей; треть этого сырья закупается въ Сибири. Количество ввозимыхъ и вывозимыхъ товаровъ можетъ характеризоваться цифрами, напримѣръ, ирбитской ярмарки, существующей попреимуществу для Сибири. Сумма ея оборотовъ равняется отъ 40 до 50 милліонамъ. Мягкой рухляди здѣсь продается на 2,200,000 рублей, кожъ на 4,300,000 рублей, коровьяго сала на 900,000 р., щетины на 460,000 р.. Мануфактуръ же отпускается на одной ирбитской ярмаркѣ отъ 25 до 30 милліоновъ. Свойства сибирской производительности видны также и на нижегородской ярмаркѣ. Сюда идутъ слѣдующіе сибирскіе товары: сало, льняное сѣмя, щетина, волосъ, коровье масло, кедровые орѣхи, мѣха, рыба, пряники, овчины, чай, металлы и соль. Такимъ образомъ, сущность производительности Сибири и характеръ ея обмѣна состоятъ въ сбытѣ собственныхъ сырыхъ продуктовъ и пріобрѣтеніи всего до мельчайшихъ потребностей хозяйства, доставляемаго изъ Европейской Россіи. Мануфактура въ Сибири вся раскупается. Не смотря на обманы, на запрашиваніе въ торгѣ, ситцы крестьяне просто расхватываютъ; то же и съ желѣзомъ. Сибирь страшно любитъ мануфактуру. Сибирскій крестьянинъ ходитъ щеголевато и любитъ ситцы, сапоги и сукно.

Изъ всѣхъ мѣстностей Сибири, южные округа Тобольской губерніи наиболѣе отличаются чисто-славянскимъ элементомъ своего населенія. Въ общей массѣ населенія, составляющаго болѣе 608,000 душъ обоего пола, заключается около 601,000 Великоруссовъ и Малороссовъ, болѣе 4,500 Поляковъ и болѣе 2,400 Татаръ. Энергическое, привыкшее къ землепашеству, великорусское племя достигло значительной степени благосостоянія среди этихъ хлѣбородныхъ степей. Обиліе земли, ничѣмъ не стѣсняемое разселеніе по всему пространству хлѣбородныхъ полей, сочные луга въ мѣстностяхъ, заливаемыхъ разливами рѣкъ, или на низменныхъ пространствахъ, на днѣ высохшихъ озеръ, когда-то разсѣянныхъ во множествѣ по всему пространству юга Тобольской губерніи, — всѣ эти условія представляли громадныя удобства для прочнаго земледѣльческаго

быта. Высокій, бѣлокурый пахарь-крестьянинъ этой мѣстности стройною статностью своей фигуры напоминаетъ Малороссіянина; по энергіею и желѣзной волей, сильно развитыми привычками общественности, инстинктами къ общинной жизни, онъ ближе подходитъ къ Великороссу. Не нужно забывать, что поселеніе въ краѣ, по крайней мѣрѣ, Русскихъ, совершилось, сравнительно, въ весьма недавнее время. Нынѣ живущіе едва составляютъ третье, четвертое поколѣніе, взросшее на сибирской почвѣ. Когда впервые селились здѣсь предки теперешнихъ поселянъ, условія жизни хотя и требовали отъ нихъ огромнаго труда, на зато природа не подавляла ихъ ни суровостью грозныхъ своихъ силъ, ни могуществомъ и величіемъ проявленія этихъ силъ. Человѣкъ, хотя и работалъ долго и упорно, поднимая дѣвственныя поля, оберегая скотъ и отъ падежей, и отъ степныхъ мятелей и бурановъ, но трудъ его не пропадалъ даромъ. Человѣкъ не имѣлъ здѣсь *господина:* онъ былъ самъ себѣ господинъ. Эта возможность работать только для себя и на себя отразилась, конечно, въ значительной степени и на характерѣ жителей края: явилось чувство удовлетворенности, свѣтлѣе и яснѣе стало на душѣ человѣка. Довольство, въ которомъ онъ жилъ, наполняло сердце его любовью и желаніемъ другихъ поставить въ такія же условія, желаніемъ, правда, смутнымъ, неяснымъ для сознанія, но которое, тѣмъ не менѣе, принимало весьма отчетливыя формы во взаимныхъ отношеніяхъ поселянъ. Эта внутренняя удовлетворенность отразились и въ самой наружности жителей: и въ тонкой, полной добродушнаго юмора, насмѣшкѣ, и въ голубыхъ, полныхъ мысли, блестящихъ глазахъ.

Въ теченіе вѣковой жизни народа случаются бури, захватывающія глубже, чѣмъ верхнее теченіе жизни. Стономъ стоятъ вѣковыя деревья, вырываются съ корнемъ могучіе гиганты, гнутся цѣлыя рощи. Близъ береговъ Байкала попадаются березовыя рощи, въ которыхъ всѣ болѣе или менѣе высокія деревья погнулись къ сѣверу, да такъ и остались наклоненными. Сильные вѣтры при наступленіи зимы были причиною такого явленія. Проходятъ двѣ-три весны, — деревья растутъ и мало-по-малу выпрямляются; пройдетъ нѣсколько лѣтъ, — и случайно зашедшій путникъ не найдетъ и слѣдовъ бури. Тотъ же налетѣвшій вѣтерокъ уноситъ съ собою и сѣмена деревьевъ за цѣлыя сотни верстъ. Тамъ, падая на благопріятную почву, даютъ они начало новой рощѣ; спокойно растетъ молодое племя, не зная, какія бури породили его. Общественныя бури далеко разнесли Русь; усѣлась она широко, зная и помня только одно — свое единство.

Весь край, хотя сравнительно и обширный по своему пространству, представляетъ только маленькую ячейку огромнаго политическаго организма; но вопросъ въ томъ, какую роль играетъ эта клѣточка въ общихъ отправленіяхъ политическаго организма? Теперь больше, чѣмъ когда бы то ни было, этотъ вопросъ пріобрѣтаетъ политическое значеніе. Не можетъ же, въ самомъ дѣлѣ, Россія оставлять долѣе въ пренебреженіи, забытымъ и въ запустѣніи этотъ обильный край, когда въ Европейской Россіи такъ сильно даютъ чувствовать себя и малоземелье, и неурожаи.

Въ послѣднее десятилѣтіе, и особенно съ конца 70-хъ годовъ, переселенческое движеніе проявилось въ Европейской Россіи въ такихъ значительныхъ размѣрахъ, что правительство, наконецъ, нашло необходимымъ вмѣшаться въ это дѣло, чтобы направить и урегулировать должнымъ образомъ естественный отливъ населенія отъ центральной части государства къ окраинамъ. Съ этою цѣлью, правительствомъ организуется крестьянскій кредитъ (спеціальный крестьянскій банкъ), исключительная цѣль котораго — облегчить крестьянамъ способы переселенія и расширенія земельныхъ владѣній.

Сибирь искони вѣковъ служила убѣжищемъ всѣмъ тѣмъ, кому плохо жилось въ центральной Россіи, кто ощупью искалъ «лучшей» жизни. Описанный нами уголокъ Сибири представляетъ одно изъ наиболѣе удобныхъ мѣстъ для такого убѣжища, гдѣ русскіе скитальцы дѣйствительно нашли себѣ *лучшую* жизнь. Этотъ уголокъ Сибири, даже въ томъ незатѣйливомъ

видѣ, какъ онъ существуетъ теперь, можетъ дать пріютъ цѣлымъ десяткамъ и даже сотнямъ тысячъ переселенцевъ. Здѣсь весьма нерѣдко выдаются такіе обильные урожаи, что населеніе не въ состояніи бываетъ убрать всего уродившагося хлѣба и травъ. Значитъ, здѣсь съ избыткомъ хватитъ хлѣба, чтобы прокормить сотни тысячъ новыхъ поселенцевъ. Но если немножко поднять земледѣльческую культуру, урегулировать нѣсколько орошеніе, оградить населеніе отъ разорительныхъ скотскихъ падежей, поднять уровень сельскихъ промысловъ и производствъ, — здѣсь хватитъ мѣста цѣлымъ милліонамъ переселенцевъ для привольной, зажиточной жизни.

Насколько центральная Россія нуждается въ земельномъ (долгосрочномъ) кредитѣ, настолько же Сибирь испытываетъ затрудненія отъ недостатка промышленнаго (краткосрочнаго) кредита. Описанный нами край представляетъ одинъ изъ рельефнѣйшихъ примѣровъ того, какъ много теряетъ сельское населеніе отъ недостатка кредита. Будь у крестьянъ хлѣбородной полосы возможность извернуться копѣйкой, — они нашли бы сбытъ своимъ продуктамъ значительно шире того, какимъ изъ крайности довольствуются теперь.

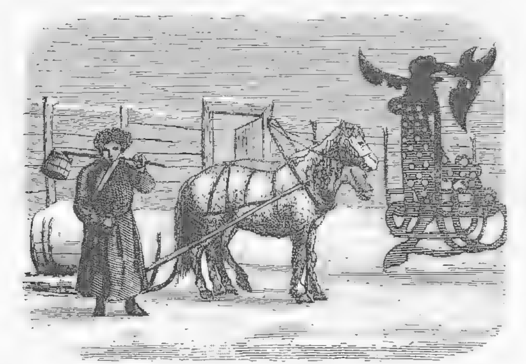
А. А. Павловъ.

ОЧЕРКЪ V.

БАРАБА.

Характеръ мѣстности.— Пересыханіе озеръ и вторичное наполненіе ихъ водою. — Обращеніе прѣсныхъ озеръ въ горько-соленыя. — Барабинскіе Татары.— Заселеніе Русскими.— Каинскъ.— Извозный промыселъ.— Сибирская язва.

Безъ соли, безъ хлѣба — плохая бесѣда».

НАРОДНАЯ ПОГОВОРКА

Большой интересъ, какъ въ житейскомъ, такъ и въ научномъ отношеніи, представляетъ Барабинская степь. Всякому, ѣдущему по большому Московскому тракту въ Иркутскъ, приходится проѣзжать черезъ такъ называемую Барабу, т. е. ровное, гладкое пространство между городами Омскомъ и Томскомъ, прославившееся быстротою, съ которою здѣсь возятъ ямщики на своихъ тройкахъ. Бараба представляетъ скатъ къ югу отъ водораздѣла, проходящаго между Иртышемъ и Обью; водораздѣлъ этотъ очень мало замѣтенъ. Онъ отличается сильною болотистостію отъ подобныхъ ему водораздѣловъ Европейской Россіи. Много гатей и проселочныхъ дорогъ пересѣкаютъ его; мѣстами черезъ него пролегаютъ даже почтовыя дороги; деревни такъ близко подходятъ къ водораздѣлу съ обѣихъ сторонъ, что пустые промежутки между ними, такъ называемые волоки, въ 70 верстъ длиною — считаются уже большими. Далеко болѣе первобытную картину представляетъ водораздѣлъ, лежащій между Иртышемъ и Обью. Все это пространство отъ рѣки до рѣки представляетъ сплошной хвойный лѣсъ (урманъ). По самой срединѣ страны проходитъ въ лѣсу узкая и длинная естественная просѣка, т. е. полоса, на которой не растетъ лѣсъ, потому что почва ея слишкомъ жидка, и деревья на ней не могутъ держаться. Просѣка имѣетъ около 50 верстъ въ ширину и тянется на 500 верстъ въ длину. Эта-то непрерывная трясина, залегающая между двумя стѣнами хвойныхъ лѣсовъ, и извѣстна подъ названіемъ Васьюганскаго болота.

По мѣрѣ удаленія на югъ отъ Васьюганскаго болота, картина измѣняется. Сначала параллельно съ водораздѣломъ тянется полоса урмановъ. Они состоятъ изъ пихтъ и кедровъ, которые образуютъ сплошную трущобу, прорѣзанную только коридорами, въ которыхъ текутъ рѣки. Деревья тѣснятся къ самому берегу, такъ что изъ лодки прямо шагаешь въ лѣсъ; лѣтомъ здѣсь нѣтъ другихъ сообщеній, какъ только въ лодкахъ, и этотъ способъ сообщенія уто-

мительно однообразенъ, потому что цѣлые дни приходится медленно тащиться между двумя темнозелеными стѣнами.

У южной своей окраины лѣсъ распадается на отдѣльныя рощи, раздѣленныя открытыми полянами. Ростъ травъ здѣсь такъ великъ, что академикъ Миддендорфъ, лично видѣвшій край въ вершинѣ рѣки Оми, говоритъ, что онъ никакъ не ожидалъ такой картины подъ 56° сѣв. широты. «Подлѣ береговъ Оми, — разсказываетъ онъ, — растетъ осока, достигающая высоты 3 футовъ и образующая кайму изъ грязновато-темной зелени шириною въ сажень; за ней, подъ крутымъ обрывомъ, слѣдуетъ густая и чистая заросль пырея (Festuca), который своимъ ростомъ походитъ на тростникъ, такъ что человѣкъ едва можетъ достать рукой его колосъ. Между этими злаками изрѣдка разсѣяны ивы. Далѣе къ пырею примѣшиваются другіе злаки и виды дикаго овса; тамъ и здѣсь выглядываетъ дикая роза съ своими красивыми листьями. Когда съ лугсвой низменности выберешься на степь, то увидишь себя потонувшимъ въ морѣ зелени, едва ли треть которой состоитъ изъ злаковъ. Здѣсь растутъ различныя травы, отличающіяся высокимъ ростомъ, какъ, напримѣръ, таволга, заячья капуста, которая въ Европейской Россіи обыкновенно бываетъ около полу-фута ростомъ, здѣсь же достигаетъ высоты 2½ футовъ. Часто встрѣчающіеся розовые кусты, до 3½ футовъ высоты, переплетаются горошкомъ и викой до такой степени, что, съ трудомъ сдѣлавъ сто шаговъ, отказываешься продолжать путь. Надъ этимъ растительнымъ войлокомъ поднимаются темно-красныя головки кровохлѣбки, красныя и желтыя шапочки различныхъ сложноцвѣтныхъ, шары борщевника, достигающаго здѣсь высоты 8½ футовъ, и верхушки крапивы.»

Колодезь въ степи.

Еще южнѣе проходитъ третья полоса, по которой и пролегаетъ большой Московскій трактъ. Здѣсь нѣтъ уже тѣхъ высокихъ травъ, какъ въ предъидущей полосѣ; лѣсъ состоитъ исключительно изъ березъ, разсѣянныхъ по всей полосѣ во множествѣ и создающихъ необыкновенное разнообразіе видовъ. Академикъ Миддендорфъ такъ описываетъ оригинальный видъ этихъ степей: «То вы видите небольшія рощицы, что-то въ родѣ кулисъ, большія и малыя группы, соединяющіяся или раздвигающіяся въ самые разнообразные виды, которые въ одномъ мѣстѣ заканчиваютъ горизонтъ, въ другомъ же снова раскрываютъ его, постоянно смѣняясь новыми видами; то предъ вами являются молодые кустарники, либо расчищенныя пожарами и порѣдѣвшія старыя рощи березъ; то ветераны деревьевъ мелькаютъ въ одиночку по цвѣтистому лугу. Словомъ, изъ самыхъ простыхъ данныхъ: березъ, луговой зелени и небольшаго подбора цвѣтовъ, совершенно помимо двухъ важныхъ элементовъ ландшафта — рельефа и человѣческихъ построекъ, предъ вами слагается безчисленное множество калейдоскопически-измѣняющихся и вѣчно новыхъ видовъ.»

Въ этой полосѣ разсѣяны деревни. Еще южнѣе страна принимаетъ болѣе степной характеръ. Рѣки текутъ омутами, сопровождаемыя по берегамъ большими займищами изъ камышей, и, не достигая до Иртыша, разливаются въ степи, образуя большія озера, какъ, напримѣръ,

Чапы; появляются песчаные бугры, растенія, свойственныя Киргизскимъ степямъ, солончаки и, наконецъ, озера, въ которыхъ осаждается соль.

Въ южной Барабѣ рѣки текутъ только въ восточной ея половинѣ; въ западной рѣкъ нѣтъ. Но здѣсь лежатъ большія озера, которыя прежде имѣли важное экономическое значеніе для населенія. Самое большое изъ нихъ — озеро Чапы имѣло сто верстъ въ поперечникѣ и 2,910 кв. верстъ общей поверхности; также значительны были и другія озера: Абышканъ, Сумы, Чебаклы, озеро Убинское и Сартланъ. Кромѣ того, на Барабѣ насчитывалось до трехъ сотъ мелкихъ озеръ. Чапы и теперь еще не утратили своего величія и заслуживаютъ названія Барабинскаго моря. Посреди ровной и утомительной отъ однообразія степи оно представляетъ привлекательное зрѣлище. Большіе бѣлые шахматы солонцовъ указываютъ на приближеніе къ нему. Когда вы вступаете на берегъ озера близъ деревни Юдино, предъ вами открывается широкая поверхность водъ, обрамленная глинистыми ровными берегами. Переливы цвѣтовъ, то блѣдно-зеленый, то нѣжно-голубой, то темно-синій, то янтарный у береговъ, знакомятъ жителя глубокаго материка съ колоритами воды, знакомыми только обитателю морскихъ береговъ. Спокойное стояніе озера, торжественная тишина, царствующая надъ нимъ, безконечная даль съ ласкающею глазъ нѣгою красокъ, подъ голубымъ весеннимъ небомъ съ перистыми облаками, уносящіеся въ даль озера остатки послѣднихъ льдинъ, — все это придаетъ озеру величественный и живописный видъ. Другой видъ озеро представляетъ во время бури: по немъ ходятъ валы болѣе 2 аршинъ высотою, и во время волненія валъ набѣгаетъ на десять саженъ по плоскому берегу. Озеро очень мелко; можно сдѣлать до пятнадцати шаговъ, обмывъ только ступню; даже маленькія дѣти принуждены очень долго бѣжать, чтобы окунуться наконецъ въ водѣ.

Видъ Барабинской степи.

Свидѣтелемъ обмелѣнія озера служитъ увалъ или обрывъ до 2 и даже до 5 саженъ высоты, который лежитъ передъ нимъ на разстояніи трехъ сотъ саженъ. Кромѣ того фактъ этотъ подтверждается сличеніемъ новѣйшихъ картъ озера съ старыми, относящимися къ концу прошлаго и началу нынѣшняго столѣтія, и преданіями мѣстныхъ жителей. Озера: Молоки, два Абышкана, Сумы и другія представлялись на старыхъ картахъ соединенными съ Чапами; это соединеніе еще существовало въ двадцатыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія. Впослѣдствіи соединительные протоки или проливы пересохли, озера Молоки, Абышканы и Сумы уменьшились и изъ прѣсныхъ обратились въ маленькіе горькосоленые бассейны, угрожая исчезновеніемъ. Бывшіе заливы Чановъ обратились въ отдѣльныя озера, какъ, напримѣръ, Яркуль. Множество прежде существовавшихъ мелкихъ озеръ исчезли, оставивъ на мѣстѣ своемъ глину и солонцы. Это явленіе обсыханія и обмелѣнія водныхъ бассейновъ не ограничивается небольшою областью окрестностей Чановъ; оно охватываетъ собою обширное пространство, въ которое входитъ и вся Ишимская степь, гдѣ насчитывается до 300 высохшихъ озеръ. Явленіе это усложняется другимъ, состоящимъ въ затопленіи водой цѣлыхъ пространствъ. Такъ, напримѣръ, въ Ишимской степи, въ Сладковской волости, въ 1856 году было затоплено выступившею изъ озеръ водою до ста тысячъ десятинъ удобной земли.

Всѣ эти еще мало изслѣдованныя и необъясненныя наукой измѣненія Барабы и прилегающихъ къ ней степей, т. е. обмелѣніе озеръ и обращеніе прѣсныхъ водоемовъ въ горькосоленые, тѣсно связаны съ экономическою жизнью населяющихъ ихъ крестьянъ. Когда-то крестьянство, обитавшее около Чановъ, жило отъ нихъ и благоденствовало. Палласъ и Фалькъ упоминаютъ о значительной добычѣ рыбы, получавшейся изъ озера въ прошломъ столѣтіи. Эта рыба развозилась по всей Западной Сибири и на ирбитскую ярмарку; покупатели пріѣзжали за нею на Чаны изъ Пермской губерніи. Щуки здѣсь водились аршинныя, караси попадались до десяти фунтовъ вѣсомъ. Цѣлыя артели занимались рыбнымъ промысломъ. Производительность Чановъ была оцѣнена въ 1822 году, когда поднимался вопросъ объ изысканіи средствъ для учрежденія высшаго учебнаго заведенія въ Сибири. Тогда было вычислено, что въ Чанахъ добывается рыбы на двѣсти тысячъ рублей.

Озеро Чаны.

Ничего подобнаго прежнимъ промысламъ нынѣ на Чанахъ не существуетъ. Щуки и караси, по свидѣтельству жителей, исчезли, и ловятся только чебаки и окуни до 6 фунтовъ вѣсомъ. Старожилы съ грустью припоминаютъ время, когда попадались щуки-аршинницы и десяти-фунтовые караси. Въ двадцатыхъ годахъ Чаны, Абышканъ, Сумы, Сартланъ и Убинское озеро доставляли арендной платы около двадцати тысячъ рублей ассигнаціями; нынѣ всѣ эти озера доставляютъ не болѣе двухъ тысячъ рублей серебромъ.

Такова природа Барабы. Почва ея въ той полосѣ, которая представляетъ переходъ отъ болотистой Васюганской земли къ сухой Киргизской степи, по свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ, необыкновенно плодородна. На гривахъ, т. е. выдающихся между впадинами возвышенностяхъ или плоскихъ хребтахъ, лежитъ слой чернозема, дающій обильную жатву; травы по Барабѣ, какъ было уже сказано, мѣстами достигаютъ гигантскаго роста. Стаи птицъ покрываютъ здѣсь озера, и животный міръ довольно обиленъ и разнообразенъ. Понятно, что эта страна представляла собою одно изъ лучшихъ мѣстъ для прохода кочевыхъ племенъ Средней Азіи на пути изъ Азіи въ Европу. Солонцы, перемѣшивающіеся съ луговыми пастбищами, соль которыхъ необходима не только для верблюдовъ, но и для другихъ породъ скота, только усиливали хозяйственное значеніе этой страны въ глазахъ скотовода. Дѣйствительно, распредѣленіе татарскаго племени въ Западной Сибири сильно говоритъ въ пользу предположенія, что оно здѣсь проходило на пути изъ Алтая къ Уральскому хребту и Волгѣ.

Барабинскіе Татары, нынѣшніе представители татарскаго племени въ Барабѣ, составляютъ среднее звѣно въ цѣпи татарскихъ племенъ, размѣстившихся по этому пути. Они, съ одной стороны, представляютъ переходъ къ Татарамъ, живущимъ около Томска, съ другой — къ тѣмъ изъ нихъ, которые, въ свою очередь, служатъ переходной ступенью къ болѣе юго-восточнымъ татарскимъ племенамъ, живущимъ въ Алтаѣ.

Кто населялъ Барабу до прихода Татаръ, — при настоящемъ зачаточномъ состояніи сибирскаго кургановѣдѣнія, трудно сказать положительно; а что и до Татаръ здѣсь жили какія-то племена, объ этомъ говорятъ курганы и чудскіе городки, разсѣянные по Барабинской степи. Курганы, или, по-здѣшнему, чудскія могилы, встрѣчающіеся на Барабѣ, всѣ состоятъ изъ мягкихъ насыпей, поросшихъ травой. Они достигаютъ до полуторыхъ саженъ высоты и почти всегда имѣютъ на вершинѣ впадину или, такъ называемый, кратеръ, который, кажется, не всегда означаетъ, что курганъ былъ раскопанъ, потому что въ этомъ случаѣ не было бы такой правильности и однообразія въ формѣ впадины; да и древнія могилы или курганы въ Монголіи, гдѣ, вѣроятно, никогда не производилось раскопокъ, также имѣютъ впадины. Мѣстами эти курганы лежатъ группами отъ 10 до 12 вмѣстѣ. Кромѣ кургановъ, здѣсь встрѣчаются еще, такъ называемые, чудскіе городки. Это — пространства, около десятины величиною, окружен-

Озеро Яркуль.

ныя полукругомъ валами въ два ряда и рвомъ; внутри видны ямы и слѣды печей; тутъ часто попадаются черепки, кости людей, животныхъ и рыбъ. Эти городки, можетъ быть, принадлежатъ уже къ тому времени, когда край занимали Татары.

О курганахъ у мѣстнаго населенія существуютъ различныя преданія, но несомнѣнно не возникшія на мѣстѣ, а заимствованныя изъ міра бродячихъ преданій. Такъ, напримѣръ, о Маслихинскомъ курганѣ разсказываютъ, что какіе-то пріѣзжіе люди копали его и откопали золотую телегу, но она ушла въ землю. Другой разсказъ передаетъ, что одному крестьянину-рыбаку во снѣ явился старецъ и приказалъ копать курганъ, гдѣ онъ за тремя чугунными дверями долженъ былъ увидѣть красавицу и набрать золота и серебра, сколько угодно. Когда рыбакъ началъ копать курганъ, то дѣйствительно встрѣтилъ въ подземельѣ красавицу, окруженную сокровищами; красавица велѣла ему отыскать трехъ Building Ивановъ Ивановичей, дѣтей одного отца, принести голову одного изъ Ивановъ, — и тогда только достанутся ему видѣнныя имъ сокровища. Разсказываютъ еще и такъ: дѣвицу-царевну, окруживъ сокровищами, схоронилъ ея отецъ-ханъ. Она сидитъ на богатомъ стулѣ съ распущенными волосами и съ золотымъ гребнемъ въ рукахъ. Она такъ прекрасна, что увидѣвшій ее не можетъ утерпѣть, чтобъ не поцѣловать, а поцѣловавъ — не можетъ уже выйдти изъ подземелья; въ этомъ и заключается его гибель. А если онъ дотронется до гребня или до кольца, то раздастся громъ, и кладоискатель попрежнему очутится на поверхности кургана съ заступомъ въ рукахъ.

Заселеніе Барабы русскими крестьянами началось только съ конца прошлаго столѣтія; до того времени въ странѣ жило небольшое татарское племя, извѣстное подъ названіемъ Барабинскихъ Татаръ; оно дѣлилось на нѣсколько племенъ, имена которыхъ сохранились въ сибирскихъ лѣтописяхъ и историческихъ актахъ, какъ-то: Барама, Тунухъ, Чой, Любей. По имени перваго племени Барама — Русскіе окрестили и все племя Барабинцами, а отсюда имя это перешло и на страну.

Барабинскіе Татары составляли бродячее племя, занимавшееся преимущественно звѣроловствомъ; жившіе въ сѣверной части Барабы имѣли домашнихъ сѣверныхъ оленей, южные — лошадей; у сѣверныхъ звѣроловство было единственнымъ промысломъ. Первыя извѣстія о нихъ находятся у путешественника Бэля, который проѣхалъ чрезъ Барабу въ 1720 г. Въ его время Бараба считалась опасной отъ разбойниковъ, но виновниками худой славы были не туземцы, которые, по словамъ Бэля, отличались гостепріимствомъ и миролюбіемъ, а калмыцкіе сборщики ясака, наѣзжавшіе сюда ежегодно изъ отдаленной Кульджи, столицы существовавшаго тогда Джунгарскаго государства. Бэль не нашелъ у сѣверныхъ Барабинцевъ никакихъ запасовъ, кромѣ вяленыхъ карасей, которыхъ они ловили въ озерахъ во множествѣ; жили Барабинцы въ хижинахъ, на половину углубленныхъ въ землю; длинная баранья шуба была единственной одеждой какъ мужчинъ, такъ и женщинъ.

Церковь въ Каинскѣ.

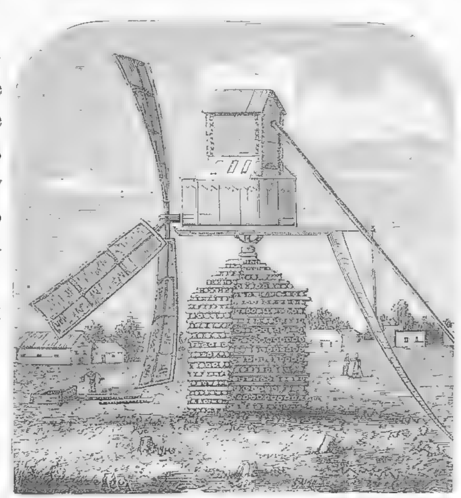
Барабинцы, жившіе южнѣе, занимались немного и земледѣліемъ. На лошадяхъ они ѣздили на охоту въ степь, лежавшую къ югу отъ Барабы, и здѣсь охотились за лисицами и корсаками; мѣста, гдѣ они промышляли этихъ звѣрей, отстояли на двѣсти верстъ отъ ихъ кочевьевъ; здѣсь нерѣдко нападали на нихъ шайки Киргизовъ, которыя являлись въ эти мѣста изъ-за Иртыша на охоту за куланами или дикими ослами, водившимися тутъ въ прошломъ столѣтіи; теперь это животное здѣсь уже неизвѣстно. Киргизы не только отбирали добычу у Барабинскихъ Татаръ, но забирали и ихъ самихъ въ плѣнъ, обращали въ рабство или продавали на туркестанскихъ рынкахъ. Иногда Киргизы нарочно отправлялись для грабежа Барабинцевъ и нападали на ихъ деревушки, захватывали ихъ имущество, а жителей уводили въ плѣнъ. Потомки плѣнныхъ Барабинцевъ и теперь извѣстны между Киргизами, и объ одномъ изъ нихъ, добившемся своими заслугами важнаго положенія между Киргизами, о султанѣ Ибра, поется даже въ народной пѣснѣ, что онъ потомокъ барабинской плѣнницы. Съ другой стороны, Барабинцы подвергались и хищническимъ набѣгамъ Калмыковъ, которые также уводили Барабинцевъ въ плѣнъ толпами. Въ калмыцкихъ степяхъ много было рабовъ изъ Барабинцевъ, которые потомъ, по ходатайству русскаго пограничнаго начальства, сотнями возвращались калмыцкимъ начальствомъ на родину, въ Сибирь.

Барабинцы были покорены Русскими въ половинѣ XVII столѣтія, но, въ то же время, они продолжали платить дань или алманъ джунгарскому хану, жившему въ Кульджѣ. Дань эта состояла изъ шкуръ и орлиныхъ перьевъ. Сборщики алмана являлись въ барабинскія волости ежегодно черезъ Алтай. Тутъ въ нашей государственной границѣ было не прикрытое крѣпостями и редутами мѣсто, и проѣздъ, слѣдовательно, былъ свободный. Эта дань прекратилась только съ 1753 года, когда провели черезъ Алтай линію редутовъ. Такимъ образомъ, Барабинцы съ половины XVII столѣтія до половины XVIII были двоеданцами.

Заселеніе Барабы началось съ 1744 г., когда были учреждены отъ Тобольска до Тары двадцать почтовыхъ станцій. До того времени всѣ сообщенія между Москвой и отдаленнымъ востокомъ Сибири производились по путямъ, лежавшимъ гораздо сѣвернѣе Барабы. Караваны съ товарами, ученыя экспедиціи и чиновники, ѣхавшіе на службу въ Иркутскъ, отправлялись, преимущественно лѣтомъ, по рѣкамъ Иртышу и Оби. Всѣ сообщенія тогда совершались на судахъ, потому что лошадей въ Сибири было мало, и тамъ, гдѣ не могла пройдти лодка, приходилось переваливать черезъ волокъ сухимъ путемъ. Вмѣсто вьючнаго скота, служилъ самъ человѣкъ. Для этой цѣли при торговыхъ караванахъ, отправляемыхъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь, была нанимаема партія «гулящихъ» людей для «нартныя тяги»; товары на волокахъ

перекладывались на парты, то есть сани съ высокими копыльями, и «гулящіе люди» волокли ихъ черезъ водораздѣлъ. Соль изъ Ямышевскаго озера, лежавшаго близъ южной границы Барабы, доставляли въ Тобольскъ въ дощанникахъ; но отъ озера до рѣки, гдѣ стояли суда, было около 40 верстъ; чтобъ доставить соль на суда, ее насыпали въ мѣшки, и люди переносили ихъ на себѣ на пристань, не смотря на іюльскую жару и раскаленный песокъ, по которому приходилось брести солепосамъ.

Съ 1744 года передвиженіе водой стало замѣняться сухопутнымъ сообщеніемъ; съ дальнѣйшимъ развитіемъ колонизаціи въ Сибири, сибирское начальство находило полезнымъ относить Московскій трактъ на Барабѣ все болѣе и болѣе на югъ; въ 1761 году была заселена ямщиками дорога отъ Чеусска до Томска, но окончательное созданіе тракта на Барабѣ, на протяженіи 600 верстъ, есть дѣло тобольскаго губернатора Чичерина. Эта крутая административная мѣра возможна была только въ суровый вѣкъ крѣпостнаго права.

Сибирская мельница.

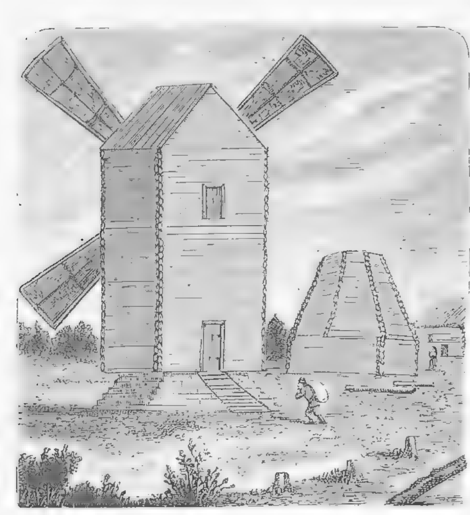
Край заселяли каторжными, осужденными за разныя преступленія къ заключенію въ крѣпости, а также помѣщичьими крестьянами, сосланными «за развратное поведеніе въ зачетъ рекрутъ». Въ числѣ послѣднихъ были люди вовсе не преступные, попавшіе въ ссылку за сопротивленіе волѣ помѣщиковъ. Извѣстно, что во времена крѣпостничества въ Сибирь шло много невинныхъ людей, единственно по капризу помѣщиковъ; иногда въ рекруты сдавались люди, которые не хотѣли уступить барину свою дочь или жену. У одного изъ тогдашнихъ путешественниковъ, именно у Палласа, мы находимъ осужденіе этой мѣры. Онъ разсказываетъ, что помѣщикамъ жаль было сдавать въ рекруты людей здоровыхъ и сильныхъ, и вотъ, чтобы не лишиться хорошихъ работниковъ, они сдавали въ рекруты людей состарѣвшихся, уродовъ, умопомѣшанныхъ или неизлѣчимо больныхъ. Часто, зачисленные въ рекруты, посѣдѣвшіе старики, отцы семействъ, шли въ далекую Сибирь и разлучались навѣки съ своими дѣтьми, не сдѣлавъ на своемъ вѣку никакого преступленія. Этимъ невиннымъ людямъ приходилось жить на новой родинѣ рядомъ съ отверженцами русскаго общества. Въ одной деревнѣ, по словамъ Фалька, другаго путешественника того же вѣка, всѣ жители были взяты изъ Балтійскаго Порта, куда они были заключены за преступленія. Убійства и грабежи, вслѣдствіе такого состава населенія Барабы, были въ прошломъ столѣтіи обыкновеннымъ явленіемъ, и губернаторъ Чичеринъ, основатель этой колонизаціи, долженъ былъ самъ вмѣнить за правило мѣстному начальству — не ставить Татарамъ Барабинской степи въ преступленіе, если кто изъ нихъ застрѣлитъ вора или бѣглеца изъ посельщиковъ, т. е. ссыльныхъ.

Въ теченіе ста лѣтъ, протекшихъ съ того времени, населеніе Барабы сильно умножилось посредствомъ вольныхъ переселенцевъ изъ Россіи, привлекаемыхъ сюда плодородіемъ земли и привольемъ въ угодьяхъ. Въ центрѣ Барабы возникъ цѣлый городъ Каинскъ съ каменными церквами, а по странѣ привольно размѣстились большія, хорошо обстроенныя села, въ которыхъ бываютъ крупныя ярмарки.

Диковатость и отчужденность сибирскаго населенія понемногу пропадаетъ и нынѣ далеко уже не вездѣ чувствуется. Даже въ глухихъ мѣстахъ, путешественниковъ встрѣчаетъ живое и бойкое населеніе, поражающее своеобразностью. Обитатели Барабы, — пишетъ Гельмерсенъ, — прекрасная и сильная раса, отчасти потомки ссыльныхъ, пріумножающіеся новыми переселен-

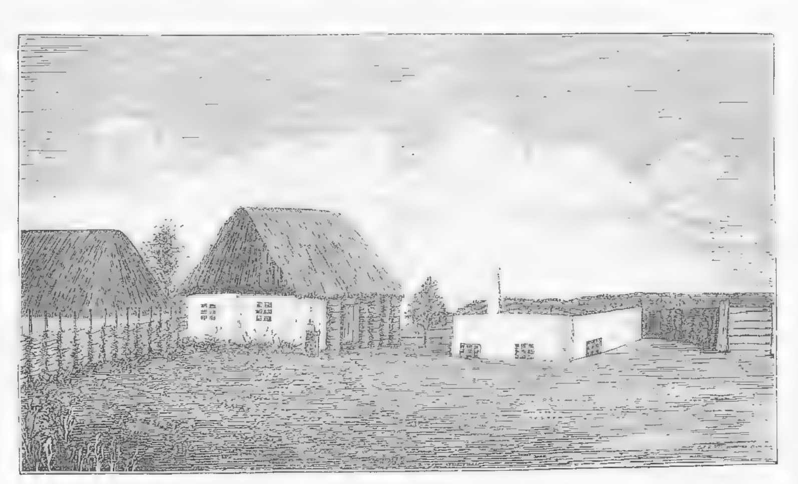
цами. Они, повидимому, крѣпки, ловки, зажиточны. Ихъ обращеніе свободно и непринужденно, при этомъ они показываютъ чувство собственнаго достоинства и сознаніе силы. Они насъ съ перваго же раза убѣдили въ справедливости мнѣнія, что Сибиряки Европейскую Россію и Русскихъ принимаютъ за чужеземщину или иностранцевъ и говорятъ такъ, какъ мы о западно-европейскихъ странахъ.

«Если Сибирякъ Русскому, который посѣщаетъ его гостепріимный домъ, говоритъ дружелюбно: «Милостивый государь, вы — Русскій» (при этомъ онъ обыкновенно употребляетъ слово *россійскій*), то этимъ не хочетъ сказать, что вы землякъ, а, напротивъ, хочетъ этимъ обозначить противоположность себѣ, какъ Сибиряку». Зажиточность населенія различна. Вслѣдствіе недостатка сбыта и дешевизны хлѣба, доходъ отъ земледѣлія крайне не великъ; являются скупщики и монополисты, которые составляютъ большія состоянія. Вотъ какъ одинъ очевидецъ описываетъ барабинскихъ торгашей изъ крестьянъ: «Въ деревнѣ Костылевой, Юдинской волости, мы встрѣтили обширное хозяйство крестьянъ братьевъ Красноусовыхъ. Домъ ихъ былъ поставленъ на городскую ногу, громадные сараи и склады огораживали обширный дворъ, 5 сараевъ были наполнены 17,000 пудовъ скупленнаго хлѣба. Хлѣбъ скупается по 17 и 20 к., продается же нуждающимся крестьянамъ по 50 к., а на рынкѣ — по 70 к. Понятны значительные дивиденды. Красноусовы имѣютъ 2 мельницы, до 300 головъ рогатаго скота, распахиваютъ наймомъ до 100 десятинъ земли, и во время уборки хлѣба у нихъ работаетъ до 40 работниковъ; въ большинствѣ это должники; трудъ десятинщику у нихъ въ страду 2 р., а обыкновенному работнику 3 руб. Работникъ отъ Пасхи до Дмитріева дня, 26-го октября, получаетъ у нихъ 25 руб., сапоги, 2 пары рубахъ со штанами и бродни. Къ торговлѣ присоединяется и ростовщичество. Крестьяне-богачи раздаютъ товаръ и деньги въ долгъ крестьянамъ, ставя двойныя цѣны. За долги идетъ безпощадное взысканіе, и за долгъ, такимъ образомъ, пріобрѣтается не только скотъ, но и крестьянскіе дома. Въ каждой волости и на каждый районъ есть одинъ или два такихъ выдвинувшихся крестьянина-скупщика. До какихъ размѣровъ можетъ дойти обогащеніе этимъ путемъ, примѣромъ служитъ состояніе и доходъ крестьянина Сорокина, имѣвшаго недавно хозяйство на Карасукѣ, къ югу отъ Юдинской волости, и арендовавшаго земли у горнаго вѣдомства. Онъ имѣлъ запасовъ до 100,000 пудовъ пшеницы, въ табунѣ его находилось 8,000 головъ скота, въ томъ числѣ 500 аргамаковъ. Торговля скотомъ огромна; рогатаго скота отправлено: въ Оренбургъ 2,800 головъ, въ Енисейскую тайгу на пріиски 1,500 головъ, на Иртышѣ пасется 1,400. Кромѣ того, у него находится кожевенный заводъ, на которомъ выдѣлывалось 5,000 кожъ; въ Павлодарѣ двѣ лавки съ мануфактурными товарами; за разными лицами долговъ (между прочимъ, за однимъ оренбургскимъ торговцемъ) 150,000 рублей. По смерти своей, въ 1878 году, онъ оставилъ по завѣщанію 6-ти сыновьямъ, по 40,000 руб. каждому, 240,000 рублей,—2-мъ племянникамъ, по 40,000 руб. каждому,—80,000 рублей, и 3-мъ дочерямъ по 5000 руб., всего 15,000 руб. Состояніе и имущество этого крестьянина, занимавшагося покупкою и продажею хлѣба и скота, равнялось болѣе милліона рублямъ. Такова разница въ матеріальныхъ условіяхъ и степени богатства среди сибирскихъ крестьянъ, зависящая отъ способовъ пріобрѣтенія, а также вліянія деревенскихъ скупщиковъ и кулаковъ въ сибирской жизни,—явленія, давно подмѣченнаго различными изслѣдователями.»

Мельница переселенцевъ.

Культура переселенцевъ на Барабѣ соперничаетъ съ культурой Сибиряковъ, и часто мы видимъ, какъ переселенцы-новоселы вносятъ новые способы хозяйства. Такъ, напримѣръ, сравнительно въ недавнее время, старая и неудобная сибирская мельница вытѣснена новою по русскому образцу. Степень благосостоянія крестьянъ на Барабѣ неодинакова; промыслы крестьянъ состоятъ въ земледѣліи и скотоводствѣ; чѣмъ больше подаешься по Московскому тракту къ востоку, т. е. ближе къ Убинской станціи, гдѣ на большой трактъ выходитъ конецъ Васьюганскаго болота, тѣмъ болѣе препятствій встрѣчаетъ земледѣліе. Въ этой части Барабы живетъ самое бѣдное населеніе; дома построены изъ кривыхъ березовыхъ стволовъ, крышъ часто нѣтъ вовсе, а если есть, то онѣ состоятъ изъ бересты, прикрытой кусками дерна, такъ что лѣтомъ на домахъ поднимается высокій зеленый бурьянъ. Особенно печальны дома ссыльныхъ. Единственнымъ подспорьемъ плохому земледѣлію здѣсь служитъ гоньба подводъ и свозъ такъ называемыхъ «возковъ». Возки бѣгутъ зимой два раза — до и послѣ ирбитской ярмарки, которая бываетъ въ февралѣ. Возокъ — это огромная кошевка, т. е. глубокія и открытыя сани, съ боковъ и сзади обтянутыя рогожей; сани эти наполняются до краевъ разнымъ товаромъ, сверхъ котораго ставятъ еще небольшую кошевку, въ которую садятся двое или трое прикащиковъ. Двухэтажное зданіе это тащатъ 8 или 10 лошадей.

Дома ссыльныхъ.

Такіе возки «бѣгутъ» преимущественно изъ Ирбита, нагруженные цѣннымъ товаромъ, который нужно поскорѣе доставить на мѣсто; остальной товаръ идетъ въ обозахъ. Изъ Сибири почти весь товаръ идетъ въ обозахъ, за исключеніемъ пушнины. Кромѣ возковъ, во время ирбитской ярмарки, черезъ Барабу «бѣжитъ» множество купцовъ-хозяевъ и прикащиковъ въ повозкахъ и кошевкахъ. Вмѣсто «ѣхать на вольныхъ», здѣсь говорятъ: «ѣхать по дружкáмъ». Дружкáми называются два крестьянина, живущіе въ двухъ сосѣднихъ, лежащихъ на трактѣ, деревняхъ и сговорившіеся возить возки другъ къ другу. Каждый крестьянинъ, держащій лошадей для гоньбы, имѣетъ своихъ дружковъ въ задней и передней деревнѣ, а тѣ въ свою очередь имѣютъ дружковъ въ слѣдующихъ деревняхъ, такъ что все трактовое населеніе можно представить себѣ разбившимся на нѣсколько солидарныхъ рядовъ, которые размѣстились вдоль тракта въ нѣсколько параллельныхъ цѣпей. Понятно, что если два купца, ѣдущіе одинъ сзади другаго, попадутъ въ началѣ пути на одного дружка, то въ дальнѣйшемъ пути они долго, до какой-нибудь случайности, будутъ находиться въ рукахъ однихъ и тѣхъ же возчиковъ. Время, когда «бѣгутъ» возки, самое бойкое на Барабѣ; крестьяне хотятъ заработать на подводахъ и потому перебиваютъ проѣзжающихъ другъ у друга; деревня цѣлый день на чеку; возки караулятъ за околицей, чтобы перехватить ихъ, цѣпляются за возокъ, иногда даже отнимаютъ возжи у кучера и приворачиваютъ ѣздока къ своей избѣ. Народъ толчется на улицѣ; колокольчики то замираютъ, то снова начинаютъ гремѣть; одни возки отъѣзжаютъ, другіе приближаются къ деревнѣ, третьи стоятъ на улицѣ подлѣ избы, въ которую купцы вошли закусить и напиться чаю; мужчины хлопочутъ около лошадей; женщины стараются нажить копѣйку отъ самовара; достается тутъ

доля и дѣтямъ; нищіе тоже спѣшатъ къ возкамъ и осаждаютъ купцовъ. Ночью шумъ продолжается, какъ и днемъ. Этотъ промыселъ въ сильной степени подрывается свирѣпствующею здѣсь сибирскою язвою. На Барабѣ она бываетъ почти ежегодно; есть нѣкоторыя деревни, гдѣ она является каждый годъ, такъ что ихъ можно принять за центры заразы. Видъ деревень, посѣщенныхъ бѣдствіемъ, производитъ тяжелое впечатлѣніе: жители становятся апатичными; охота къ работѣ пропадаетъ; цѣлые дни просиживаютъ они молча на завалинахъ; праздники проходятъ безъ веселья и хороводовъ; черезъ жидкую городьбу на заднихъ дворахъ виденъ стоящій, повѣсивъ голову, больной и скучный скотъ; собаки не встрѣчаютъ оживленнымъ лаемъ проѣзжающій черезъ деревню экипажъ; въ воздухѣ томящая жара — и ни малѣйшаго движенія; только по вечерамъ завываніе волковъ, собирающихся на вывезенные въ поле трупы животныхъ, прерываетъ тишину.

Сибирская язва поражаетъ преимущественно лошадей и коровъ, а также свиней; иногда она переносится и на людей. Она развивается чаще всего на почвѣ, богатой перегноемъ, на торфяныхъ болотахъ, въ окрестностяхъ высохшихъ озеръ. Вообще, медленное высыханіе почвы благопріятствуетъ развитію этой заразы. Болѣзнь начинается потерей аппетита и ознобомъ; затѣмъ слѣдуетъ жаръ, судороги въ конечностяхъ; животное дѣлается скучнымъ; передъ смертью появляется одышка, и животное умираетъ отъ удушенія. Иногда теченіе болѣзни бываетъ быстрое, и животное падаетъ, какъ бы пораженное молніей; иногда страданія животнаго длятся нѣсколько дней. Случается, что болѣзнь сопровождается такъ называемымъ карбункуломъ, то есть прыщомъ, который былъ уже извѣстенъ Римлянамъ. Этотъ прыщъ появляется чаще всего на передней части тѣла животнаго, бываетъ величиной съ голубиное или куриное яйцо, и, по истеченіи нѣкотораго времени, проваливаясь, образуетъ гнилую рану. Способовъ леченія этой болѣзни до сихъ поръ не придумано никакихъ. Вся дѣятельность человѣка въ борьбѣ съ этимъ зломъ пока сводится только къ мѣрамъ противъ распространенія заразы. Ядъ заразы разносится посредствомъ предметовъ, находившихся въ прикосновеніи съ больными животными; разнесенію заразы много способствуютъ и насѣкомыя, которыя, питаясь около труповъ, садятся потомъ на здоровыхъ животныхъ; а потому тщательное закапываніе труповъ животныхъ, уничтоженіе сбруи, окуриваніе стойлъ и хлѣвовъ, всегда въ сильной степени ослабляли развитіе и распространеніе этой болѣзни. Благодаря подобнымъ предохранительнымъ мѣрамъ, болѣзнь эта если и встрѣчается въ Западной Европѣ, то не иначе какъ въ видѣ случаевъ одиночныхъ; опустошительный же характеръ болѣзнь принимаетъ только въ Европейской Россіи и особенно въ Сибири.

Г. Н. Потанинъ.

ОЧЕРКЪ VI.

СИБИРСКІЕ КАЗАКИ.

Пограничная линія съ Киргизскою степью. — Крайніе пункты войсковой линіи. — Отдѣльныя части казачьей линіи. — Ямышево. — Взаимное отношеніе Казаковъ и Татаръ между собою. — Омскъ и его особенности сравнительно съ другими сибирскими городами.

Полно, степь моя, спать безпробудно:
Зимы-матушки царство прошло!..
. . . .
. . . .
Пробудись и умойся росою.
Въ ненаглядной красѣ покажись!...

НИКИТИНЪ.

ожное нѣсколько представленіе существуетъ въ центральной Россіи о такъ-называемомъ Сибирскомъ казачьемъ войскѣ; его смѣшиваютъ съ обыкновенными казачьими войсками, что̀ совершенно несправедливо.

Вдоль границы, отдѣляющей Киргизскую степь отъ губерній Тобольской и Томской, тянется Сибирская казачья линія, состоящая изъ ряда станицъ и поселковъ, отъ 40 до 100 дворовъ, рѣдко въ 200 и болѣе. Линія эта населена войскомъ, которое составляетъ такъ-называемое Сибирское казачье войско.

Линія начинается отъ Звѣриноголовской крѣпости, на восточной границѣ Оренбургской губерніи, Сибирскимъ поселкомъ, и кончается близъ китайской границы, гдѣ у подошвы высокой горы въ Алтаѣ расположенъ самый восточный поселокъ — Урильскій. Длина всей линіи 1,800 верстъ, что̀ равняется протяженію отъ Варшавы до Парижа.

Въ старое время назначеніемъ этой линіи было защищать внутренніе округа Сибири отъ набѣговъ Киргизовъ и другихъ кочевниковъ. Самая древняя часть линіи та, которая лежитъ по Иртышу, отъ устья Оми до устья Бухтармы; она была основана въ началѣ прошлаго столѣтія, при Петрѣ Великомъ.

Степной характеръ рѣки Иртыша не привлекалъ на ея берега вольной русской колонизаціи, которая прошла на востокъ, придерживаясь сѣверной окраины степей, или той полосы, которая представляетъ переходъ отъ степей къ лѣсной полосѣ. На Иртышѣ колонизація дошла до слободы Чернолуцкой (въ 50 вер. отъ Омска на сѣверъ) и тутъ остановилась.

Но, съ государственной точки зрѣнія, долина Иртыша представляла важный интересъ, какъ самый удобный путь въ центральную Азію. По ней можно было проникнуть на 1,000

верстъ внутрь материка съ рѣчной флотиліей; да и для сухопутнаго войска долина большой рѣки, съ обширными лугами, представляетъ путь, равнаго которому здѣсь не было.

До прихода Русскихъ, Иртышская долина уже служила путемъ для международныхъ сношеній; вдоль ея ходили торговые караваны изъ центральной Азіи въ Сибирь; объ одномъ изъ такихъ-то каравановъ, вѣроятно, и услышалъ Ермакъ, двинулся было ему на встрѣчу, но на пути погибъ. Впослѣдствіи, когда сѣверъ Сибири былъ уже запятъ Русскими, караваны продолжали ходить по Иртышу; они доходили на сѣверъ до озера Ямышъ, и здѣсь, повидимому, происходилъ обмѣнъ средпеазіатскихъ товаровъ на сибирскіе мѣха; здѣсь была доисторическая ярмарка, на которую привозили бумажныя ткани — изъ Яркенда, ревень — изъ Синина; этимъ путемъ, вѣроятно, и приходилъ въ Европу, въ отдаленной древности, этотъ лекарственный корень. Караваны выходили изъ Яркенда, пересѣкали Джунгарскія степи и выходили въ долину Иртыша около озера Зайсана; отсюда они шли внизъ по Иртышу. Когда въ центральной Азіи было спокойно, — караваны снаряжались, можетъ быть, и изъ болѣе центральной Азіи — изъ окрестностей озера Хухуноръ и города Синина, возлѣ котораго на горахъ растетъ ревень.

Сибирскій казакъ.

Когда сѣверная Сибирь была занята Русскими, яркендскіе купцы стали проѣзжать до Тобольска и еще далѣе, до Ирбита, что́ и положило начало ирбитской ярмаркѣ. Отъ этихъ-то купцовъ сибирскій губернаторъ Гагаринъ услышалъ о золотомъ пескѣ и послалъ боярскаго сына Трубникова развѣдать о немъ. Трубниковъ достигъ до города Синина, осмотрѣлъ пріиски и прислалъ въ Тобольскъ пробу. Это извѣстіе подало Петру Великому мысль завоевать Яркендъ. Было послано двѣ экспедиціи вдоль Иртыша, одна въ 1715 году, другая въ 1719. До Яркенда экспедиціи не достигли, но результатомъ этихъ предпріятій была постройка крѣпостей по Иртышу. Первою была построена Омская крѣпость (въ 1716 г.), а въ 1720 г. была уже основана крѣпость Устькаменогорская. Такимъ образомъ, въ че́тыре года, была занята долина Иртыша на протяженіи 800 верстъ.

Въ промежуткѣ между Омской и Устькаменогорской крѣпостями, были построены другія

крѣпости и форпосты, въ томъ числѣ и Ямышевская, противъ озера Ямышъ. Эта послѣдняя, благодаря торговому значенію урочища, на которомъ она построена, была признана за болѣе важную и здѣсь было сосредоточено главное начальство надъ линіей. Гарнизоны въ крѣпостяхъ содержались регулярными командами. Жизнь въ крѣпостяхъ, вѣроятно, ничѣмъ не отличалась отъ той, которую описалъ Пушкинъ въ своей «Капитанской дочкѣ». На помощь регулярнымъ командамъ присылались сибирскіе казаки изъ городовъ Тары, Тобольска, Тюмени и другихъ. Нѣкоторые изъ нихъ поселялись надолго около крѣпостей; изъ нихъ къ половинѣ столѣтія составилось мѣстное сословіе такъ называемыхъ «крѣпостныхъ казаковъ». Это и было зерно, изъ котораго потомъ выросло Сибирское казачье войско.

Въ 1745 г. крѣпостныхъ казаковъ считалось только 600 человѣкъ. Впослѣдствіи сословіе это продолжало пополняться Башкирами, Мещеряками, Донскими и Уральскими казаками,

Типы сибирскихъ казаковъ.

дѣтьми драгунъ и солдатъ, которые частью сами, отставая отъ своихъ командъ, уходившихъ послѣ срочной службы на родину, приписывались въ крѣпостные казаки, частью были вписываемы въ казаки волею начальства. Въ отечественную войну 1812 г., казачье сословіе было такъ значительно, что начальство нашло возможнымъ вывести съ линіи регулярныя войска въ Европейскую Россію, а охраненіе линіи оставить исключительно на попеченіи казаковъ, которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ дана организація по образцу другихъ казачьихъ войскъ.

Такимъ образомъ, Сибирское казачье войско не было, подобно Донскому и Уральскому, продуктомъ самобытнаго земскаго движенія на окраины; занятіе линіи совершилось не по почину вольныхъ казачьихъ партій и охочихъ людей, какъ совершилось завоеваніе Сибири, но исключительно по военно-политическимъ соображеніямъ правительства.

Казачья линія распадается на три части: *Иртышская* линія, самая древняя часть всей линіи, представляетъ фронтъ, обращенный къ Киргизской степи, который остался безъ измѣненія во все время существованія линіи; фланги же, напротивъ, подвергались перемѣщеніямъ сообразно съ колонизаціоннымъ движеньемъ сибирскаго крестьянства. Правый флангъ линіи составляется изъ ряда станицъ, которыя тянутся отъ Омска до Звѣриноголовска; эта линія, за исключеніемъ немногихъ станицъ, лежащихъ на берегу рѣки Ишима, расположена при мелкихъ озерахъ; у мѣстныхъ жителей она извѣстна подъ именемъ *Горькой* линіи, потому что на земляхъ ея встрѣчается много озеръ съ горькосоленой водой. Линія перенесена на нынѣшнее мѣсто въ 1755 году; до этого же года линія проходила сѣвернѣе, въ параллели города Ишима. Въ настоящее время, по распоряженію начальства, много казачьихъ селеній основано впереди

этой линіи среди киргизскихъ кочевьевъ. Лѣвый флангъ также не разъ былъ переносимъ: въ прошломъ столѣтіи онъ проходилъ отъ Устькаменогорска на сѣверо-востокъ, параллельно сѣвернымъ предгорьямъ Алтая, потомъ былъ перенесенъ южнѣе внутрь Алтая, и, наконецъ, въ настоящее время перемѣщается еще глубже, вдоль долины Бухтармы.

Эти три линіи отличаются одна отъ другой какъ физическимъ характеромъ занимаемой мѣстности и условіями быта, такъ и народнымъ характеромъ. «Горькая» линія проходитъ по странѣ, удобной къ земледѣлію, но лишенной хорошей воды и строеваго лѣса. Мѣстность, въ которой она находится, представляетъ равнину, усѣянную множествомъ озеръ; изъ рѣкъ только Ишимъ пересѣкаетъ ее въ одномъ мѣстѣ, да концы линіи упираются, съ одной стороны, въ Тоболъ, съ другой — въ Иртышъ. Озера большею частью горькосоленыя; часть ихъ представляетъ высыхающія озера съ гніющими растительными остатками, въ лѣтніе жаркіе дни

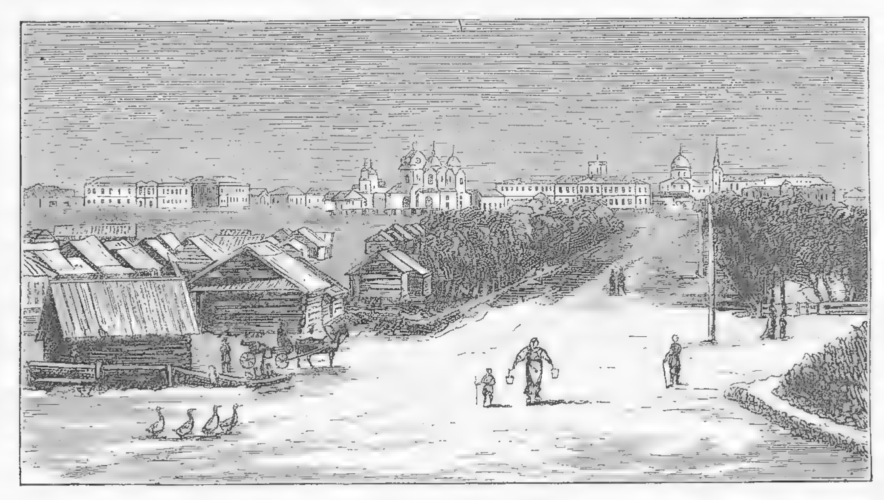

Видъ Омска.

наполняющими воздухъ вонючимъ газомъ. Лѣсъ состоитъ изъ двухъ только породъ — березы и осины, которыя образуютъ безчисленные «колки» или рѣже встрѣчающіяся «дубровы». Подъ первымъ разумѣется часто засѣвшій молодой или осиновый лѣсъ не выше 3,4 саженъ высоты; лѣсъ этотъ годенъ только на жерди и топливо. Почва въ немъ сырая, рыхлая, вслѣдствіе густоты насажденія. «Дубровами» здѣсь зовутъ березовыя рощи, состоящія изъ старыхъ, толстыхъ деревьевъ. Въ дубровахъ деревья стоятъ рѣже, почва суше. Эти перелѣски перемежаются съ безлѣсными пространствами, покрытыми густыми травами, которыя, чередуясь, цвѣтутъ круглое лѣто. «Горькая» линія только съ одной южной стороны примыкаетъ къ киргизскимъ кочевьямъ, съ другой (сѣверной) къ ней примыкаютъ густо населенныя земли крестьянъ Тобольской губерніи. Женитьба на крестьянкахъ и самое сосѣдство крестьянскихъ селеній вносятъ въ казачью жизнь много крестьянскихъ обычаевъ. Съ другой стороны, близость киргизскихъ ауловъ и торговыя сношенія съ ними также не остаются безъ вліянія на казачью жизнь, дѣлая изъ казачьяго сословія посредника въ общеніи между двумя національностями.

Иртышская линія имѣетъ другой характеръ. Станицы здѣсь расположены вдоль берега большой рѣки, которая лишена притоковъ на протяженіи 700 верстъ отъ Семипалатинска до Омска. На обоихъ берегахъ рѣки разстилаются сухія степи съ песчаной почвой и рѣдкой, малорослой травой. Хлѣбопашество на этихъ степяхъ невозможно, кромѣ сѣвернаго и южнаго концовъ линіи, т. е. ближе къ Омску, гдѣ сухая Киргизская степь переходитъ во влажную Ишимскую, и около Симипалатинска, гдѣ отроги Алтая. Основаніемъ народнаго хозяйства здѣсь служатъ луга, обширность которыхъ тѣмъ болѣе, чѣмъ пустыннѣе мѣстность. Въ центрѣ линіи, противъ историческаго Ямышева, луга расширяются до 15 верстъ. Отъ весенняго половодья

въ этихъ мѣстахъ зависитъ урожай травъ, а отъ послѣдняго обстоятельства въ исключительной зависимости находится степень благосостоянія казачьихъ семействъ, такъ что, въ рѣдкихъ случаяхъ, рѣка имѣетъ такое исключительное значеніе для народнаго хозяйства, какъ здѣсь. На заготовленное сѣно ставится часть скота; другая часть остается въ продолженіе всей зимы на подножномъ корму. Значительная часть заготовленнаго сѣна продается гуртовщикамъ, гоняющимъ скотъ изъ Киргизской степи на пріиски енисейской тайги и въ Европейскую Россію. Около Ямышева ежегодно зимуетъ на заготовленномъ сѣнѣ до 6,000 головъ рогатаго скота, предназначаемаго къ сгону на пріиски. Обширность луговъ причина того, что главный промыселъ на Иртышской линіи состоитъ въ скотоводствѣ. Этому отчасти благопріятствуетъ и болѣе здоровое состояніе атмосферы сравнительно съ «Горькой» линіей. Въ то время какъ послѣдняя, переполненная гніющими вонючими займищами, представляется гнѣздилищемъ сибир-

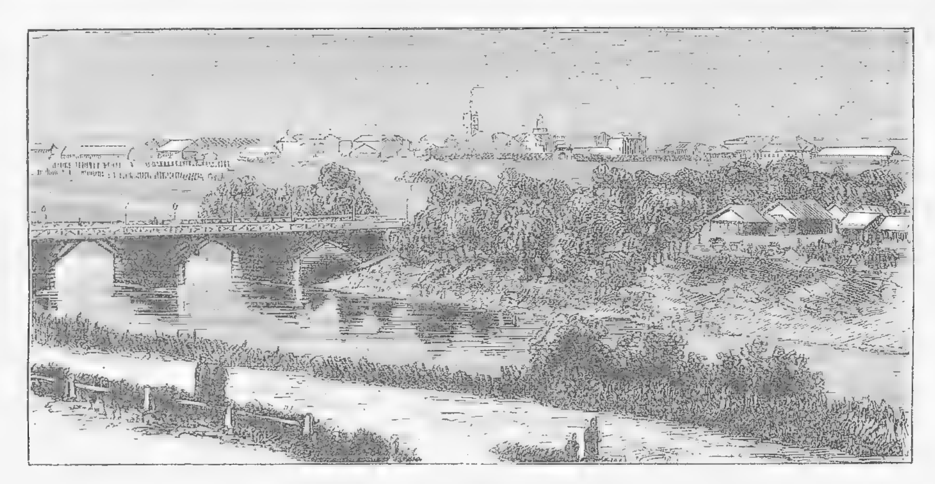

Видъ южной стороны Омска.

ской язвы,—близъ Иртыша есть высокія степи, какъ, напримѣръ, къ востоку отъ Ямышева, въ которыхъ, какъ замѣчено, никогда не бываетъ сибирской язвы. На Иртышской линіи нѣтъ того взаимнаго равновѣсія между отдѣльными отраслями сельскаго хозяйства, какое существуетъ на «Горькой» линіи. При сильно развитомъ скотоводствѣ (въ старое время здѣсь были богачи, владѣвшіе табунами изъ нѣсколько тысячъ лошадей), хлѣбопашества въ средней части линіи (около Ямышева) еще недавно совсѣмъ не существовало. Здѣсь прежде выростали цѣлыя поколѣнія, не имѣвшія понятія, какъ растетъ хлѣбъ на корню, потому что сами не пахали, а крестьянскія деревни расположены далеко отсюда.

Какъ на лѣвомъ, такъ и на правомъ берегу Иртыша, къ линіи примыкаютъ киргизскія кочевья, такъ что здѣшніе казаки окружены Киргизами и находятся подъ ихъ исключительнымъ вліяніемъ. Почти все населеніе говоритъ киргизскимъ языкомъ, нерѣдко предпочитая его, легкости ради, родному языку. Для многихъ это — колыбельный языкъ, потому что няньками и стряпками здѣсь бываютъ Киргизки. Не только простыя казачки, но и казачки-барышни болтаютъ здѣсь по-киргизски. Киргизскій языкъ услышишь повсюду: въ тихой бесѣдѣ о сѣнокосныхъ пайкахъ, которую ведутъ между собой казаки, сидящіе на завалинѣ; въ разговорѣ ямщиковъ, хлопочущихъ на станціи около экипажа проѣзжающаго чиновника; иногда даже въ судѣ, потому что между здѣшними казаками встрѣчаются лица, которыя обстоятельнѣе разсказываютъ дѣло на киргизскомъ, чѣмъ на русскомъ языкѣ. Разсказываютъ анекдоты о станичныхъ начальникахъ, которые въ своихъ рапортахъ сбиваются съ русскаго языка и оканчиваютъ докладъ

на киргизскомъ. Въ станицѣ Бѣлокаменной была одна сотница, которая знала киргизскій языкъ и киргизскіе юридическіе обычаи въ такомъ совершенствѣ, что Киргизы пріѣзжали къ ней судиться; ее Киргизы звали «бій-бай-биче», т. е. госпожа судья. Киргизскія привычки простираются и на одежду и пищу казаковъ. Подобно кочевнику, иртышскій казакъ любитъ носить широкіе плисовые шаровары, халатъ изъ бухарской парчи или сараиджи и лисью шапку, называемую по-киргизски борыкъ. Иртышскій казакъ — страстный охотникъ до киргизскихъ національныхъ блюдъ. Онъ ѣстъ наравнѣ съ Киргизомъ конину и казы (колбасы изъ конскаго мяса) и не уступаетъ ему въ способности выпить турсукъ кумыса. Есть старые казаки, которые колятъ собственныхъ лошадей на ѣду. Кромѣ этихъ внѣшнихъ чертъ, иртышскіе казаки заимствуютъ отъ Киргизовъ многіе предразсудки, понятія и убѣжденія. Казакъ, какъ и Киргизъ, считаетъ за стыдъ сѣсть на коня безъ нагайки, надѣть холщевые шаро-

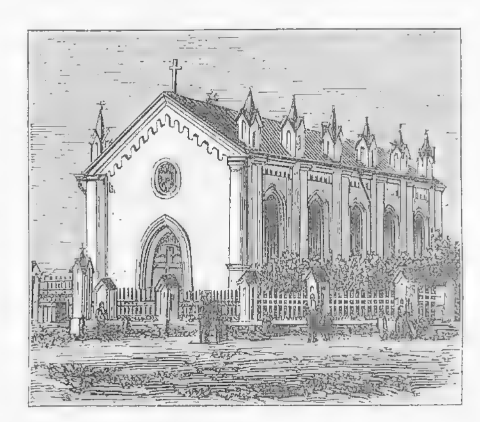

Видъ западной стороны Омска.

вары и проч. Вѣроятно, слабое развитіе хлѣбопашества и нелюбовь къ этому промыслу также объясняются отчасти вліяніемъ Киргизовъ, неспособныхъ къ земледѣльческому труду.

Наиболѣе замѣтно усвоеніе киргизскихъ привычекъ въ Ямышевской станицѣ. Разсказываютъ, что здѣсь значительное число казаковъ происходитъ изъ крещеныхъ Киргизовъ. На линіи, конечно, происходитъ и обратное вліяніе русской жизни на Киргизовъ. Работники у казаковъ всѣ изъ Киргизовъ; они живутъ у нихъ въ пастухахъ и при домахъ. Жены Киргизовъ служатъ у казаковъ въ кухаркахъ или работницахъ. У каждаго казачьяго селенія на задахъ можно найдти группу землянокъ и юртъ,—это жилища «джатаковъ», т. е. Киргизовъ, которые перебиваются около Русскихъ, нанимаясь въ работники. Слово джатакъ происходитъ отъ глагола «джатмакъ», лежать. Джатакъ, слѣдовательно, въ буквальномъ переводѣ значитъ «лежень». Такъ Киргизы прозвали ихъ потому, что въ джатаки превращаются только такіе Киргизы, у которыхъ выпалъ скотъ отъ болѣзней и имъ не на чемъ кочевать въ степи,—приходится лежать на одномъ мѣстѣ. Въ другихъ мѣстахъ ихъ зовутъ «боктукчи», т. е. навозники, потому что на задахъ, гдѣ они разбиваютъ свои юрты, жители селенія сваливаютъ навозъ. Отношеніе между Киргизами и русскимъ населеніемъ на Иртышѣ и «Горькой» линіи различно: на послѣдней русскій казакъ является учителемъ Киргиза во всѣхъ подробностяхъ осѣдлаго земледѣльческаго быта; на Иртышѣ Киргизъ научается отъ казака только русскому языку, въ сельскомъ же хозяйствѣ онъ является болѣе знающимъ, чѣмъ его хозяинъ; работникъ Киргизъ ладитъ соху и борону, сѣетъ и жнетъ, чего казакъ не умѣетъ, по крайней мѣрѣ, не всякій умѣетъ.

Бійская линія, проходящая въ Алтаѣ, представляетъ совершенно противоположный характеръ сравнительно съ Иртышской. На Иртышѣ казаки исключительно подвергаются киргизскому вліянію; казаки же Бійской линіи исключительно подлежатъ вліянію крестьянской жизни, потому что крестьянскія селенія лежатъ здѣсь по обѣ стороны линіи. Здѣсь опять, какъ на Горькой линіи, отдѣльныя отрасли сельскаго хозяйства производятся равномѣрно. Станицы расположены въ глубокихъ плодородныхъ долинахъ Алтая, и жители занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ, а въ прежнее время занимались также звѣроловствомъ и ходили на соболиный промыселъ. Въ образѣ жизни ихъ еще болѣе крестьянскаго, чѣмъ у горьколинейцевъ. Казакъ Бійской линіи въ рабочую пору носитъ холщевыя шаровары и бродни съ холщевыми голенищами, чего низачто не позволитъ себѣ иртышскій казакъ. Старый казакъ не погнушается также надѣть на себя и крестьянскую шляпу. За холщевыя голенища и холщевыя шаровары иртышане зовутъ казаковъ Бійской линіи «холщевыми голяшками» и «халхой». Презрительное отношеніе къ «халхасцамъ», т. е. къ сѣвернымъ Монголамъ, казаки переняли отъ Киргизовъ. Въ пищѣ разница между бійскимъ и иртышскимъ казакомъ сказывается, между прочимъ, въ томъ, что бійскій казакъ менѣе привыкъ къ чаю. Онъ, какъ земледѣлецъ, нуждается въ болѣе солидной пищѣ; вмѣсто того, чтобъ садиться, подобно иртышскому казаку, два раза въ день за чайный столъ, біецъ имѣетъ, кромѣ обѣда и ужина, еще завтракъ и «паужинъ», состоящіе изъ такихъ же блюдъ, какъ обѣдъ и ужинъ.

Католическая церковь въ Омскѣ.

Знающихъ киргизскій языкъ на Бійской линіи нѣтъ, потому что и Киргизовъ близко нѣтъ, торговать съ ними бійцамъ не приходится. Поэтому и киргизскія привычки вовсе не привились къ бійскимъ казакамъ. Бійскій казакъ не только не станетъ ѣсть конины, но даже почтетъ за грѣхъ, если заговорятъ по-киргизски въ избѣ, гдѣ есть православные образа.

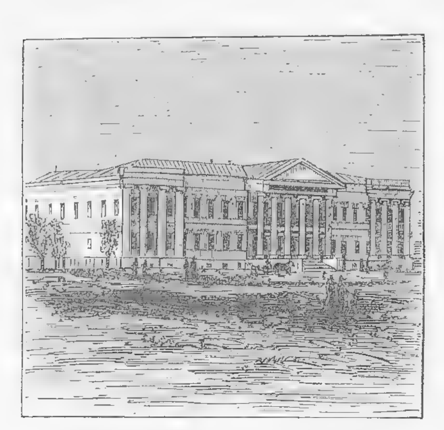
Въ войскѣ считается 90,000 душъ обоего пола. Населеніе это, какъ сказано, растянуто по линіи въ 1,800 верстъ, разбросано небольшими, сравнительно, селеніями. Особенно рѣдкимъ представляется населеніе по рѣкѣ Иртышу. Здѣсь казачьи станицы рѣдко состоятъ болѣе, чѣмъ изъ ста дворовъ, и расположены на разстояніяхъ 25 — 30 верстъ одна отъ другой. Здѣсь, на протяженіи около 800 верстъ, находится всего 23,000 душъ обоего пола.

Внѣшній видъ казачьихъ селеній напоминаетъ сибирскіе уѣздные городишки. Улицы прямы; дома расположены въ порядкѣ; окна большія. Внутреннее убранство горницъ, драпировки на окнахъ и около кроватей, зеркала на стѣнахъ и около нихъ фотографическія карточки родственниковъ, живущихъ въ городахъ, цвѣты въ горшкахъ, иногда плющъ разросшійся по потолку — напоминаютъ мѣщанскій бытъ или бытъ на большой дорогѣ. Обстановка эта, впрочемъ, иногда вводитъ въ заблужденіе, потому что подъ нею нерѣдко скрывается бѣдность.

Вообще, экономическое состояніе войска нельзя назвать нормальнымъ, потому что значительная часть рабочихъ силъ въ войскѣ отвлекается отъ сельскихъ занятій военною службою. Военныя повинности обременяли войско всегда чрезмѣру. Въ періодъ времени, съ 1808 года (когда была дана войску первая организація) до 1861 года, войско представляло военныя поселенія по образцу аракчеевскихъ. Военное начальство стремилось создать войско, которое само бы себя кормило, одѣвало, обувало и вооружало. Съ этою цѣлью войсковое правленіе заводило кожевенные заводы, суконныя фабрики, овчарни, рыбные промыслы, брало у почтоваго вѣдомства подряды на содержаніе почтовыхъ станцій. Каждый казакъ, прослуживъ 25 лѣтъ

на полевой службѣ, долженъ былъ еще служить 10 лѣтъ на войсковыхъ заводахъ, промыслахъ, въ почтаряхъ и тому подобное. Такимъ образомъ добывались деньги, на которыя войсковое правленіе снаряжало казаковъ въ походъ, снабжая ихъ лошадьми, оружіемъ и одеждой.

Положеніе офицеровъ было бѣдственное; каждый офицеръ обязательно долженъ былъ прослужить 25 лѣтъ. Получая 70 рублей жалованья въ годъ, онъ на эти деньги долженъ былъ одѣться, прокормиться, нанять квартиру, завести лошадь и нанять слугу. Результатомъ такихъ порядковъ было искаженіе общественнаго и нравственнаго строя. Казаки не привыкали къ полевымъ работамъ; офицеры жили казнокрадствомъ и злоупотребленіями и часто попадали подъ судъ. Въ 1861 году эта уцѣлѣвшая отъ стараго времени форма обратила на себя вниманіе, и войско получило новую организацію. Офицеры получили право выхода изъ войска; обязательный трудъ внутренно-служащихъ казаковъ на войсковыхъ заводахъ уничтоженъ, но за то казакъ, внѣ полевой службы, пересталъ получать провіантъ и долженъ на свой счетъ снаряжаться въ походъ. Но такъ какъ размѣръ военной повинности съ войска не былъ уменьшенъ, то реформа никакого улучшенія въ казачій бытъ не внесла.

Зданіе военной гимназіи въ Омскѣ.

Всѣхъ работниковъ, т. е. лицъ въ возрастѣ отъ 18 до 60 лѣтъ, въ казачьемъ сословіи считается 25,000 человѣкъ; изъ нихъ половина отвлекается на полевую службу. Полное отсутствіе мѣстной производительности пытались устранить тѣмъ, что взрослое населеніе войска раздѣлили по жребію на два разряда, полевой и гражданскій. Кто попалъ въ послѣдній, тотъ навсегда освобождался отъ военной повинности; кто же попадалъ въ первый, долженъ былъ служить больше прежняго. Льготное время у попавшихъ въ полевой разрядъ должно было сократиться до того, что многіе казаки имѣли только $2^1/_2$ льготныхъ года, при 15-ти лѣтнемъ срокѣ всей службы. Продолжительныя отлучки изъ дома неблагопріятно отзываются на хозяйствѣ казаковъ; что онъ успѣетъ поправить дома во время побывки — снова все разваливается; въ семейной жизни эти отлучки ведутъ къ трагическимъ послѣдствіямъ, т. е. къ ослабленію супружеской связи. За свою службу казакъ получаетъ право на пользованіе 30 десятинами земли, но, въ большинствѣ случаевъ, земли, нарѣзанныя войску, недоброкачественны и малоцѣнны. О послѣднемъ обстоятельствѣ свидѣтельствуетъ то, что цѣлыя тысячи десятинъ войсковыхъ запасныхъ земель сдаются въ аренду за нѣсколько копѣекъ. По среднему выводу, отъ каждой десятины запаса войско получаетъ доходу *менѣе одной копѣйки.* Засѣвы хлѣба, дѣлаемые казаками, попрежнему ничтожны. По послѣднимъ свѣдѣніямъ, только около Устькаменогорска казаки засѣваютъ по 1 четверти на душу; въ другихъ мѣстностяхъ отъ 0,8 до 0,6 четвертей на душу; а близъ Павлодара и Ямышева болѣе половины населенія вовсе не занимаются земледѣліемъ. Заводской промышленности на казачьихъ земляхъ никакой нѣтъ. Рѣка Иртышъ, представляя превосходный судоходный путь въ центральную Азію, попрежнему пустынна.

Интересна исторія управленія этого войска. Въ прошломъ столѣтіи «крѣпостные» казаки подчинялись отдѣльнымъ комендантамъ крѣпостей. Въ 1808 году войску была дана первая организація, — и войскомъ стали управлять атаманы. Первымъ атаманомъ былъ Телятниковъ; послѣ него — Набоковъ. Были-ли они выборные или назначались сибирскимъ начальствомъ — неизвѣстно; извѣстно только, что оба были туземцы. Послѣ Набокова, для управленія войскомъ, назначались армейскіе офицеры подъ именемъ войсковыхъ командировъ или атамановъ. Первымъ армейскимъ начальникомъ войска былъ капитанъ Броневскій. Въ войскѣ сохранилось преданіе, что еще при атаманѣ Набоковѣ были разосланы по войску два листа; подъ однимъ

должны были подписываться тѣ, которые желали, чтобъ остался старый атаманъ, Набоковъ, подъ другимъ — желавшіе назначенія Броневскаго, котораго предлагало высшее начальство. Разумѣется, большинство оказалось на сторонѣ Броневскаго. Съ этого времени до 1861 г. выборное начало не было примѣнено ни къ одной части войсковаго управленія. Военные командиры завѣдывали не только конюшнями, но и всѣмъ хозяйствомъ; даже станичные начальники были не болѣе какъ урядниками, назначаемыми эскадронными и полковыми командирами. Послѣдніе командовали не только надъ мужскимъ населеніемъ края, но и надъ женщинами. Всѣ дѣла, какъ военныя, такъ и гражданскія, судилъ военный аудиторъ. Цѣлая область была обращена въ обширную казарму. Въ 1861 году былъ положенъ конецъ этому удивительному порядку. Въ настоящее время атаманомъ войска считается генералъ-губернаторъ Западной Сибири. Главная администрація войска находится въ Омской станицѣ, которая составляетъ часть города Омска.

Городъ этотъ лежитъ при впаденіи рѣки Оми въ Иртышъ. Несложна исторія этого города. Проѣзжавшій въ 1654 году, вдоль по Иртышу въ Китай, русскій посолъ, Ѳедоръ Исаковичъ Байковъ, нашелъ на мѣстѣ нынѣшняго Омска русскихъ рыбаковъ. Основаніе Омской крѣпости было положено только въ 1716 году, Бухгольцемъ, послѣ того какъ онъ потерпѣлъ неудачу около озера Ямыша и, окруженный калмыцкимъ войскомъ, долженъ былъ отступить. Крѣпость была построена плѣннымъ шведомъ Коландеромъ, на лѣвомъ берегу Оми; впослѣдствіи она была перенесена на правый.

Городъ туго расширяется и, главнымъ образомъ, потому, что ему часто приходилось играть роль резиденціи высшей администраціи края, а не въ силу какихъ-либо исключительныхъ неблагопріятныхъ торговлѣ и промышленности условій. Всегда, когда высшая гражданская власть въ краѣ соединялась съ военною, она переселялась изъ Тобольска въ Омскъ. Со времени генералъ-губернатота Горчакова, Омскъ до настоящаго времени остается административнымъ центромъ Западно-сибирскаго генералъ-губернаторства.

Мѣстность, на которой стоитъ городъ, дѣйствительно, центральная для Западной Сибири. Вблизи отъ нея проходятъ границы двухъ губерній: Томской и Тобольской и Киргизской степи. Кромѣ того, рѣка Иртышъ ведетъ къ подошвѣ Алтая и въ центральную Азію. Для торговли, однако, это положеніе не имѣетъ значенія; большой сибирскій трактъ проходитъ въ 50 верстахъ сѣвернѣе города, не оказывая на него ни малѣйшаго вліянія. Торговые пути изъ Киргизской степи направляются поперекъ рѣки Иртыша, а не вдоль, и на Омскъ направляется изъ степи самый неважный товаръ. Если по числу жителей, которыхъ въ настоящее время въ городѣ считается до 30,000, Омскъ въ Западной Сибири имѣетъ соперникомъ только Томскъ, то по богатству и постройкамъ уступаетъ даже уѣзднымъ городамъ, въ родѣ Тюмени или Барнаула.

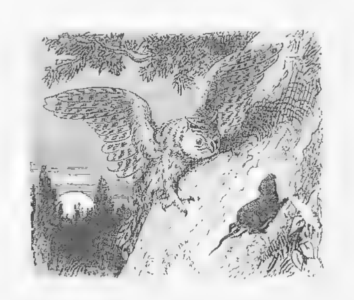
Городъ въ настоящее время растянулся на три версты вдоль праваго берега Иртыша, внутри образуемой имъ дуги. Рѣка Омь разрѣзываетъ городъ на двѣ части: сѣверную и южную. Послѣдняя спускается къ рѣкѣ постепенно; на сѣверной же части мѣстность имѣетъ видъ двухъ естественныхъ террасъ: нижней — заливаемой водою, и верхней, — отдѣленной отъ нижней крутымъ склономъ. Съ вершины взвоза, который ведетъ съ нижней террасы на верхнюю, южная часть города видна какъ на ладони. Отсюда видно направленіе рѣки Оми и мостъ чрезъ нее; за мостомъ находится небольшая площадь, на которой слѣва стоитъ церковь Св. Ильи, а прямо генералъ-губернаторскій дворецъ. Выше видны: военная гимназія, казачій соборъ, войсковое правленіе, мечеть. Издали городъ кажется застроеннымъ; но, въ дѣйствительности, внутри въ немъ много пустырей. Большая часть города состоитъ изъ низенькихъ деревянныхъ домиковъ. Омскъ — городъ военныхъ и чиновниковъ. Мѣщанское и купеческое населеніе, сравнительно, не велико. Кромѣ служащихъ чиновниковъ, здѣсь, ради дешевизны жизни, ютится очень много отставныхъ чиновниковъ, коротающихъ кое-какъ свой вѣкъ на-

скудныя средства казенной пенсіи. Кромѣ чиновниковъ, здѣсь много живетъ отставныхъ солдатъ.

Этотъ составъ населенія отражается какъ на внѣшней, такъ и на внутренней жизни города. Большія каменныя зданія скучной казенной архитектуры перемежаются съ деревянными домиками мелкихъ чиновниковъ. Лѣпныхъ украшеній на каменныхъ домахъ или рѣзьбы на деревянныхъ нигдѣ не видно. Садовъ въ городѣ мало, да и тѣ состоятъ изъ суховерхихъ березъ. Заводской промышленности въ городѣ никакой, кромѣ производства сальныхъ свѣчей для канцелярій, которыхъ здѣсь множество, такъ какъ, кромѣ управленія генералъ-губернаторствомъ, въ Омскѣ сосредоточены управленія Акмолинской области, Сибирскаго войска и регулярныхъ войскъ, стоящихъ въ Западной Сибири. Кромѣ жалкаго гостинаго двора, есть нѣсколько магазиновъ, въ которыхъ преимущественно продаются офицерскія вещи и дамскіе уборы. Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ Омскъ представляетъ противоположность торговому и богатому Томску, съ его купеческими домами и оптовыми магазинами. Такую же противоположность представляетъ Омскъ и въ характерѣ верхнихъ слоевъ городскаго общества: въ Томскѣ они состоятъ преимущественно изъ купцовъ и золотопромышленниковъ, въ Омскѣ изъ офицеровъ и чиновниковъ.

Такое раздѣленіе городовъ на бюрократическіе и торговые замѣтно и въ другихъ отношеніяхъ. Верхніе слои омскаго общества образованнѣе томскихъ, но они не осѣдлы въ краѣ, такъ какъ состоятъ изъ людей занесенныхъ въ городъ службой, не разсчитывающихъ жить долго и готовыхъ оставить его съ перемѣной обстоятельствъ. Поэтому, на языкѣ мѣстнаго служилаго люда, Омскъ называютъ «почтовою станціей» или «гостинницей». Между образовательными учрежденіями первое мѣсто по величинѣ помѣщенія и затратамъ правительства занимаетъ военная гимназія, единственное въ этомъ родѣ учрежденіе въ Сибири. Учрежденіе это было основано въ 1827 г., подъ именемъ войсковаго казачьяго училища; въ 1877 г. оно праздновало свой 50-тилѣтній юбилей. Кромѣ того, въ городѣ находятся недавно основанныя: классическая гимназія, учительская семинарія, женская гимназія, основанная на деньги купца Попова, училище для киргизскихъ мальчиковъ. При войсковомъ управленіи имѣется публичная библіотека. Она основана по почину казачьихъ офицеровъ въ 1862 г.; къ сожалѣнію, съ переходомъ этого полезнаго учрежденія въ руки канцеляріи, оно упало и замѣтно продолжаетъ падать. Кромѣ того, есть еще библіотека при военномъ клубѣ. Большая, хорошо, сравнительно, обставленная библіотека при военной гимназіи недоступна для публики. Въ городѣ, кромѣ казенныхъ типографій, есть одна частная, два книжныхъ магазина, музыкальное общество и отдѣлъ русскаго географическаго общества.

Г. Н. Потанинъ.

КАРТА ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.
Масштабъ
Сѣверная часть ТОБОЛЬСКОЙ ГУБЕРНІИ.
Южный склонъ Алтая и Тарбагатайская область
ВЕРХОТУРЬЕ
ТУРИНСКЪ
ИРБИТЪ
ТОБОЛЬСКЪ
ТЮМЕНЬ
ЯЛУТОРОВСКЪ
ИШИМЪ
КУРГАНЪ
ТАРА
ТЮКАЛИНСКЪ
ОМСКЪ
КАИНСКЪ
ПАВЛОДАРЪ
СЕМИПАЛАТИНСКЪ
БЕРЕЗОВЪ
СУРГУТЪ
Болото Салымское
Болото Таимское
Болото Тавинское
Болото Кизлинское

ОЧЕРКЪ VII.

КАРСКОЕ МОРЕ.

«Далекій край, суровый край...
Твой холодъ — душу леденитъ!..»

I.—Карское или Западно-Сибирское море и его побережье.

Западно-Сибирское или Карское море, давно извѣстное Русскимъ, оставалось до послѣдняго десятилѣтія очень мало изслѣдованнымъ; только начиная съ появленія въ немъ норвежскихъ звѣропромышленниковъ и благодаря нѣсколькимъ ученымъ и торговымъ экспедиціямъ, оно сдѣлалось болѣе изслѣдованнымъ и извѣстнымъ, такъ что описаніе его и его побережья въ научномъ отношеніи стало возможно, хотя и до сихъ поръ нѣкоторыя части его остаются малоизслѣдованными. Границы его съ запада опредѣляются островомъ Новой Земли, совершенно замыкающимъ его съ западной стороны. Только черезъ сравнительно узкіе проливы (Маточкинъ Шаръ, Карскія Ворота и довольно узкій и извилистый проливъ Вайгачскій или Югорскій Шаръ) соединяется оно съ европейскою частью Сѣвернаго океана. Съ юга, юго-востока и частью съ востока Карское море ограничено Сибирскимъ материкомъ, къ сѣверу же и сѣверо-востоку (на 76° с. ш.) Карское море сливается съ океаномъ. До сихъ поръ еще точно не опредѣлено пространство этого моря, за неимѣніемъ точныхъ съемокъ заливовъ и бухтъ. Протяженіе моря съ юго-востока на сѣверо-западъ можно принять около 1,200 верстъ. Ширина его весьма различна. Такъ, напримѣръ, между полуостровомъ Ялмаломъ и Новой Землей, въ параллели мыса Меньшикова — до 300 верстъ; въ параллели мыса Скуратова и Маточкина Шара — около 400 верстъ; въ параллели же острова Диксона ширина моря увеличивается до 700 верстъ.

Карское или Западно-Сибирское море въ южной и въ юго-восточной части вдается въ Азіатскій материкъ обширными заливами, изъ которыхъ важнѣйшіе: Карская, Обская и Енисейская губы. Менѣе примѣчательны и до сихъ поръ почти неописаны еще заливы: Гыданскій, Воронкова и Пясинская губа. Къ числу не вполнѣ описанныхъ еще принадлежитъ и обширнѣйшій изъ заливовъ — Обская губа, съ своимъ развѣтвленіемъ, извѣстнымъ подъ именемъ Тазовской губы.

Карская или Байдарацкая губа простирается съ сѣверо-запада на юго-востокъ, имѣетъ протяженіе около 170 верстъ, при ширинѣ отъ 20 до 50 верстъ; юго-восточный конецъ ея съуживается въ длинный, узкій заливъ, въ вершину котораго вливается незначительная рѣка

Байдарата или Подарата. Кромѣ острова Литке, въ Байдарацкой губ замѣчателенъ еще, по относительной значительности своей, островъ Треугольный. Въ Карскую губу, при устьѣ ея, вливается съ юго-запада значительная рѣчка Кара, до 250 верстъ длиною, составляющая границу между Европой и Азіей.

Длина Обской губы (между 66° и 73° сѣв. ш.) въ точности неизмѣрена, но приблизительно будетъ до семисотъ верстъ, при ширинѣ отъ 80 до 100 верстъ. Входными мысами Обской губы считаются: съ запада Дровяной, названный такъ по обилію на прибрежьяхъ его выкиднаго лѣса, а съ востока Гора-солъ. Около средины своего протяженія, Обская губа вдается въ материкъ къ востоку, а затѣмъ къ юго-востоку обширнымъ боковымъ заливомъ до 350 верстъ длиною, подъ именемъ Тазовской губы, при средней ширинѣ до 50 верстъ. Пространство между обоими этими заливами занято полуостровомъ до 300 верстъ длины, сѣверная оконечность котораго называется мысомъ Поворотнымъ. Тазовская губа не глубока, не болѣе 14 футовъ, и эта глубина уменьшается постепенно къ южному концу губы до 10 футовъ. Въ Тазовскую губу впадаютъ рѣки Пуръ и Тазъ, въ устьяхъ которыхъ находится много островов. Отъ устья Тазовской губы Обская губа поворачиваетъ къ юго-западу и западу; въ вершину ея впадаетъ одна изъ величайшихъ рѣкъ Сибири — Обь, отъ которой губа и получила свое названіе. Глубина Обской губы не болѣе 15 саженъ; къ берегамъ и къ устью Оби глубина уменьшается, достигая мѣстами до 3-хъ и 2 саженъ. Вода Обской и Тазовской губъ прѣсная. Берега Обской губы, въ особенности восточный,— низменны, западный же берегъ обрывистъ и болѣе возвышенъ; оба берега тундристы и болотисты, но на восточномъ берегу попадаются песчано-дресвянистыя возвышенности или бугры. Обская губа вскрывается отъ льда въ іюнѣ мѣсяцѣ, южная часть губы нѣсколько даже ранѣе; но мѣстами, какъ, напримѣръ, у мыса Ледянаго, ледъ не оттаиваетъ во все лѣто, хотя и не препятствуетъ плаванію. Вообще, до послѣдняго десятилѣтія Обская губа мало посѣщалась какими бы то ни было судами, а потому и была очень мало изслѣдована; да и въ настоящее время описанія ея и промѣръ глубины подвинулись впередъ очень мало.

Мысъ Лангальскій (на нижней части р. Оби).

До какой степени Обская губа мало изслѣдована, можно судить по тому, что даже теперь еще не удостовѣрено, представляетъ ли въ дѣйствительности Гыданскій заливъ составную часть Обской губы, подобно Тазовской губѣ, какъ это показано на нынѣшнихъ картахъ, или же Гыданскій заливъ, — какъ полагаетъ извѣстный ревнитель по изслѣдованію сибирскихъ морей, г. Сибиряковъ, — составляетъ часть обширнаго Енисейскаго залива, гдѣ дѣйствительно значится на картахъ вдающійся въ материкъ безъимянный заливъ. Этотъ вопросъ до сихъ поръ, къ сожалѣнію, окончательно не рѣшенъ, хотя мѣстности эти описывались уже полтораста лѣтъ тому назадъ, многими нарочно снаряженными для того экспедиціями.

Обширная Енисейская губа имѣетъ входнымъ мысомъ съ запада мысъ Матесолъ (подъ 73° 15′ с. ш.), съ востока онѣ ограниченъ мысомъ Сѣверовосточнымъ (подъ 73° 20′). Ширина между обоими этими мысами болѣе 150 верстъ. Къ мысу Старокрестовскому заливъ съуживается до 40 верстъ. Здѣсь начинается собственно Енисейская губа, въ которую впадаетъ

Енисей. Длина губы до начала архипелага Бреховскихъ островов до 200 верстъ, ширина ея различна (отъ 40 до 10 верстъ). Отъ Яковлевскаго зимовья вверхъ до Муксунскаго мыса простирается обширный архипелагъ Бреховскихъ островов, до ста верстъ длиною, гдѣ ширина губы, если взять крайніе притоки Енисея, около 80 верстъ. Бреховскіе острова можно считать настоящимъ устьемъ Енисея и концомъ Енисейской губы. Енисейская губа не глубока; наибольшая ея глубина не превышаетъ 12 саженъ; къ южному и юго-западному берегу глубина уменьшается до 5 саженъ, и все это побережье довольно мелководно; къ восточному берегу глубина нѣсколько значительнѣе. Берега губы низменны и крайне пустынны; восточный берегъ возвышеннѣе и составляетъ земляной валъ, а далѣе къ Пясинской губѣ — берегъ становится каменистымъ и утесистымъ. Близъ Сѣверовосточнаго мыса находится група Сѣверовосточныхъ островковъ, изъ которыхъ одинъ, называемый Сѣверовосточнымъ, или островомъ Диксона, замѣчателенъ тѣмъ, что на немъ находится съ восточной его стороны удобная гавань, Портъ Диксонъ, закрытая отъ всѣхъ вѣтровъ; до нея дошла въ 1875 году морская шведская экспедиція Нордэншельда, впервые переплывшая все Карское море на парусномъ судиѣ «Опытъ» и, такимъ образомъ, открывшая морской путь изъ Европы къ устью Енисея.

Нордэншельдъ.

Пясинская губа вполнѣ научно не изслѣдована; описаны только ея берега и отчасти устье рѣки Пясины. Берега ея состоятъ изъ земляныхъ пологихъ холмовъ, отчасти со скалистыми обрывами. У сѣверо-восточной стороны лежитъ группа Каменныхъ островковъ. Къ сѣверу отъ Пясинской губы берегъ каменистъ и обрывистъ. Здѣсь примѣчателенъ высокій утесистый мысъ Стерлигова (подъ 75° 26′ с. ш.). Берегъ отъ этого мыса идетъ по направленію къ СВ. до мыса Высокаго, а оттуда круто поворачиваетъ къ ССВ., оканчиваясь Таймырскимъ полуостровомъ, отъ сѣвернаго конца котораго узкимъ проливомъ отдѣляется обширный и пустынный, косоугольной формы, островъ Таймыръ, имѣющій на сѣверѣ высокій, сланцевый мысъ Таймыръ.

На основаніи шведскихъ изслѣдованій, по всему побережью, начиная отъ группы Сѣверовосточныхъ островов до мыса Таймыра, тянется непрерывный рядъ небольшихъ островковъ, счетомъ около 30. Къ чести русскихъ изслѣдователей этихъ мѣстностей, Минина и Челюскина, берега, по ихъ описанію, и астрономически опредѣленныя ими точки почти совершенно совпадаютъ съ шведскими опредѣленіями; надо сожалѣть, что наша карта этой мѣстности составлена по невѣрному описанію берега, сдѣланному Лаптевымъ.

Обращаясь къ остальнымъ частямъ Карскаго моря, мы находимъ на западномъ берегу Ялмала небольшой заливъ Бѣлужій, образуемый Бѣлужьимъ Носомъ, и далѣе къ С. — заливъ Крузенштерна, образуемый мысомъ Венганъ. По обѣимъ сторонамъ этого мыса прибрежье наполнено отмелями различной величины. Весь восточный берегъ Карскаго моря, отъ Байдарацкой губы до мыса Скуратова, называется Самоѣдскимъ берегомъ; это названіе дается также и всему обширному полуострову, лежащему между Карскимъ моремъ и Обскою губою, сѣверо-западная оконечность котораго — мысъ Скуратовъ, а сѣверо-восточная—мысъ Дровяной; самая же сѣверная точка его называется мысъ Эненъ, лежащій въ проливѣ Малыгина, между полуостровомъ и наибольшимъ островомъ Карскаго моря, — Бѣлымъ. Этотъ довольно обширный и пустынный островъ имѣетъ до 60 верстъ длины и 45 верстъ ширины. Растительность его до такой степени бѣдна, что здѣсь почти нѣтъ корму даже для оленей. Пріѣзжающіе сюда для морскихъ промысловъ съ Ялмала Остяки и Самоѣды купаются на одной изъ прибрежныхъ отмелей острова и, слѣдуя языческому обычаю, бросаютъ въ жертву богамъ монеты и даже цѣлыхъ оленей.

Проливъ Малыгина, между островомъ и материкомъ, имѣетъ отъ 15 до 30 верстъ ширины

и не глубокъ; въ немъ морское теченіе довольно сильно, имѣетъ направленіе съ востока. Изъ другихъ проливовъ наиболѣе замѣчательны: Маточкинъ-Шаръ, Карскія-Ворота и Югорскій Шаръ. Ширина пролива Карскихъ Воротъ до 40 верстъ. Проливъ этотъ былъ бы самымъ удобнымъ для входа въ Карское море, еслибы не заносился въ теченіе цѣлаго лѣта плавучимъ льдомъ. Югорскій Шаръ или Вайгачскій проливъ длиною до 100 верстъ, при ширинѣ до 10 верстъ и менѣе, очень извилистъ и имѣетъ быстрое теченіе; берега его обрывисты и каменисты. Средняя глубина въ обоихъ проливахъ достигаетъ 85 саженъ. Входъ въ Югорскій Шаръ со стороны Карскаго моря ограниченъ большимъ мысомъ Яра-солъ.

О глубинахъ и теченіяхъ въ Карскомъ морѣ получены достовѣрныя свѣдѣнія лишь въ недавнее время, благодаря Норвежцамъ и шведскимъ экспедиціямъ Нордэншельда. Въ срединѣ Карское море не глубже 50 саженъ; въ видѣ исключенія встрѣчаются мѣстности съ глубиною отъ 100 до 130 саженъ. Все юго-восточное прибрежье Карскаго моря довольно мелко глубина здѣсь не превышаетъ 6 саж., но преимущественно около 4 саженъ.

Теченія въ Карскомъ морѣ, въ сѣверной его части, имѣютъ направленіе съ запада на сѣверо-востокъ. Теченіе это довольно быстрое. У одного изъ мысовъ Новой Земли замѣчается теченіе съ юга на сѣверъ. Такое же теченіе замѣчается и въ западной части моря. Это слѣдуетъ приписать дѣйствію рѣкъ Оби и Енисея. Въ Карскомъ морѣ приливъ подымается незначительно и не превышаетъ 3 футовъ.

Въ Карскомъ морѣ, въ сѣверо-восточной его части, близъ устьевъ рѣкъ, вода теряетъ значительный процентъ своихъ морскихъ качествъ, — она почти прѣсна. Въ Обской и Енисейской губахъ, чѣмъ дальше отъ устьевъ, тѣмъ вода становится прѣснѣе; даже въ самомъ морѣ, на струѣ теченія сибирскихъ водъ, верхніе слои воды, въ случаѣ нужды, могутъ быть употребляемы въ питье; но чѣмъ глубже, тѣмъ вода становится солонѣе и низшіе слои воды, въ особенности на значительныхъ глубинахъ, имѣютъ всѣ свойства морской воды. Температура воды въ лѣтніе мѣсяцы, глядя по мѣстности и времени, бываетъ различна. По показаніямъ норвежскихъ и шведскихъ экспедицій, въ іюлѣ и августѣ вода Карскаго моря настолько тепла, что, при содѣйствіи температуры воздуха, производитъ таяніе плавающихъ льдовъ. Такъ, въ юго-восточной и сѣверо-западныхъ частяхъ температура воды нигдѣ не была менѣе +3° Ц. Къ юго-востоку отъ острова Вайгача температура воды доходила даже до +7°; восточнѣе устьевъ Оби и Енисея температура воды достигаетъ лѣтомъ до +10° Ц. Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому, что Нордэншельдъ и его спутники нашли возможнымъ въ августѣ купаться въ Карскомъ морѣ, которое, десять лѣтъ тому назадъ, всѣми европейскими учеными, въ томъ числѣ и наиболѣе выдающимися метеорологами, считалось немыслимымъ для плаванія ледникомъ. Конечно, это — температура воды верхнихъ слоевъ: чѣмъ глубже, тѣмъ морская вода становится холоднѣе. На глубинѣ 15 саженъ, температура не превышала +1°, на бо̀льшихъ глубинахъ—и того менѣе. Въ срединѣ моря, близъ Новой Земли, температура воды, замѣтно понижаясь, доходитъ до +2° и менѣе. Причину этого надо искать въ удаленіи отъ вліянія теплыхъ водъ сибирскихъ рѣкъ. На температуру воды имѣютъ также большое вліяніе плавающіе льды.

Льды Карскаго моря растаиваютъ совершенно, за исключеніемъ плотно набитаго льда въ узкія бухты западнаго прибрежья острова Новой Земли. Карское море открывается для навигаціи весьма различно. Случались годы, — когда навигація, по причинѣ льдовъ и закрытія ими входовъ въ море, была даже невозможна. Можетъ быть, нынѣ условія эти нѣсколько измѣнились къ лучшему, такъ какъ, начиная съ 1869 г. по 1882 г., навигація въ Карскомъ морѣ была возможна ежегодно; туда отправлялись парусныя суда звѣропромышленниковъ и торговыя суда и пароходы къ устьямъ рѣкъ Оби и Енисея. Во всякомъ случаѣ, лучшимъ періодомъ для плаванія въ немъ считается августъ и первая половина сентября. Случается, что навигація открывается въ іюнѣ и даже маѣ (напримѣръ въ 1870 г.). Заканчивается навигація также различно, — въ половинѣ сентября или въ началѣ октября.

Образованіе новаго льда начинается въ концѣ сентября. Онъ появляется въ видѣ тонкихъ, въ 2 вершка толщины, льдинъ, которыя въ вѣтреную погоду разламываются и разносятся, не мѣшая плаванію. Другое дѣло старый ледъ, который въ западной и юго-западной частяхъ Карскаго моря иногда скопляется въ большомъ количествѣ и забиваетъ всѣ бухты и входы на цѣлыя недѣли. Ледъ Карскаго моря не очень толстъ. Онъ достигаетъ отъ 6 до 7 футовъ; въ восточной части моря бываетъ толще, чѣмъ въ западной. Вообще, замѣчается, что вся восточная, юго- и сѣверо-восточныя части Карскаго моря ежегодно бываютъ свободны отъ льда, а если и случаются сильныя скопленія льдовъ, то только въ юго-западной и западной его половинѣ, вслѣдствіе господствующихъ вѣтровъ съ сѣверо-востока. Впрочемъ, отдѣльно плавающія льдины попадаются и въ свободныхъ отъ льда частяхъ моря.

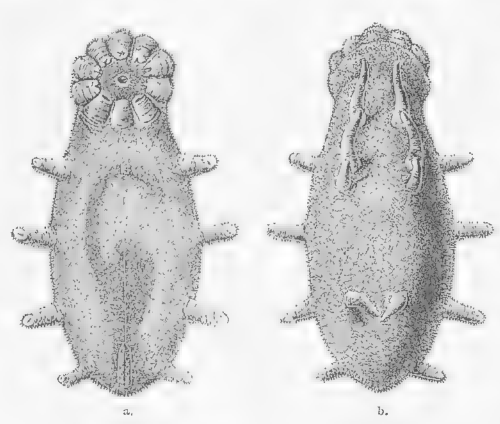
Температура воздуха карскаго бассейна довольно хорошо изслѣдована. Такъ, напримѣръ, средняя температура всего іюля 1871 года въ тѣни была +3,8° Ц. На солнцѣ термометръ показывалъ нерѣдко +20°; иногда термометръ подымался въ полдень до +37° Ц. Впрочемъ, это явленіе давно извѣстно полярнымъ плавателямъ. Даже подъ 80° с. ш. было замѣчено нѣчто подобное: въ то время, какъ на солнечной сторонѣ корабля отъ жара выступала смола изъ досокъ, — въ тѣнистой части корабля мерзла вода. Въ портѣ Диксонъ Нордэншельдъ 9 августа нашелъ температуру воздуха, при облачномъ небѣ, +10° Ц., а 14 — 18 августа, у острова Таймыра, +5° Ц. въ тѣни. Норвежскія наблюденія за іюль 1870 г. дали слѣдующіе результаты: въ Карскомъ проливѣ температура воздуха была +4,9° Ц., около Маточкина Шара +3,5° Ц.; въ августѣ въ первомъ мѣстѣ +2,5°, во второмъ +4,4° Ц. Эти данныя почти тождественны съ результатами наблюденій Пахтусова для Карскаго пролива въ 1833 году и г. Цивольки въ 1835 году, для Маточкина Шара. Въ восточной, юго-и сѣверо-восточной частяхъ Карскаго моря температура воздуха оказалась немного выше. Такъ, въ первой половинѣ іюля, по наблюденію капитана Торкильдсена, въ Байдарацкой губѣ и въ Югорскомъ Шарѣ средняя дневная температура оказывалась около +8° Ц. и кромѣ того со 2-го по 10-е іюля были грозы съ молніею и дождемъ. По его же наблюденіямъ, производившимся въ іюнѣ (съ 23 по 26 число), въ юго-восточной части Карскаго моря температура была отъ +2° до +4° Ц.; съ 26 числа воздухъ сталъ значительно теплѣе. 1-го іюля происходила сильная гроза съ дождемъ, при температурѣ +14° Ц.; 3-го вечеромъ, была снова гроза, при температурѣ +10° Ц. «Съ этого времени, — говоритъ въ своемъ журналѣ Торкильдсенъ, — плотно окружавшій мое судно ледъ сталъ сильно таять, и я могъ снова продолжать свой путь».

По всѣмъ производившимся до сихъ поръ изслѣдованіямъ, для западной половины Карскаго моря можно принять за среднюю лѣтнюю температуру воздуха до +3,2° Ц., для восточной части моря — до +4,7° Ц., или въ сложности до +3,9° Ц. О зимней температурѣ воздуха мы не имѣемъ никакихъ положительныхъ данныхъ. Изъ наблюденій, производившихся на Новой Землѣ, видно, что на южной ея оконечности средняя температура зимы достигаетъ до — 13°. Въ Карскомъ морѣ и лѣтомъ часто бываютъ густые туманы, до такой степени плотные, что не поддаются вліянію вѣтра. Очень нерѣдко въ первую половину лѣта случаются сильныя снѣжныя вьюги, продолжающіяся по нѣскольку дней. Зимой Карское море замерзаетъ на далекое разстояніе отъ береговъ, но по срединѣ оно не замерзаетъ, хотя и покрывается почти сплошь плавающими льдами. Господствующіе здѣсь вѣтры — сѣверо-восточные, отчасти сѣверные и сѣверо-западные; они наносятъ полярные льды и препятствуютъ судоходству. Напротивъ, юго-западные и южные вѣтры очищаютъ море отъ льдовъ и приносятъ теплую и дождливую погоду.

Не смотря на низкую температуру и суровый климатъ, органическая жизнь здѣсь не скудна. Въ морѣ водятся во множествѣ морскія животныя, составляющія предметъ выгоднаго промысла, обилію которыхъ Карское море и обязано изслѣдованіями Норвежцевъ въ теченіе послѣдняго десятилѣтія. Бѣлухи, морскіе зайцы и нерпы, а также моржи и тевяки, составляютъ главные предметы морскихъ промысловъ. Изъ рыбъ заслуживаютъ особеннаго внима-

пія: камбала, треска, кумжа, гольцы и навага; онѣ составляютъ главный предметъ улова. Изъ безпозвоночныхъ здѣсь водятся: морскія звѣзды и ежи, морская крапива, медузы различныхъ видовъ и формъ и много разнообразныхъ видовъ раковинъ. Въ отношеніи изслѣдованія низшихъ животныхъ и вообще органической жизни моря, много сдѣлали двѣ шведскія экспедиціи профессора Нордэншельда 1875 и 1876 годовъ. Этими экспедиціями найдено много новыхъ видовъ животныхъ, изъ коихъ нѣкоторыя присущи только Карскому морю, другія же хотя и встрѣчаются въ другихъ моряхъ, но составляютъ рѣдкіе экземпляры, какъ, напримѣръ, одинъ изъ видовъ морскаго огурца изъ породы голотурій (Umbellularia), длиною въ полтора фута, который былъ добытъ въ сѣверо-западной части моря, на глубинѣ 130 саженъ.

Изъ птицъ здѣсь водятся преимущественно водяныя и голенастыя особи, принадлежащія къ перелетнымъ; изъ зимующихъ птицъ извѣстны: бѣлая куропатка и снѣжная сова. Насѣкомыя здѣсь довольно рѣдки; представителями ихъ служатъ: нѣсколько видовъ комаровъ, нѣсколько видовъ жуковъ, полярная бабочка, коричневый паучекъ и муравей. На льдахъ Карскаго моря встрѣчаются нерѣдко бѣлые медвѣди.

Морской огурецъ.

Морская растительность состоитъ изъ морскихъ хвощей и водорослей, морской капусты и морскаго гороха. На островахъ моря, скудно покрытыхъ ягелями и мхами, попадаются кое-гдѣ низкорослые кустики ситника и осоки, едва отличающіеся отъ основнаго цвѣта мшистаго покрова. Норвежскіе мореходы съ успѣхомъ промышляютъ здѣсь моржей, бѣлухъ, тюленей и отчасти рыбу; но сколько чего вылавливается — неизвѣстно. Въ послѣднее время, промыселъ этотъ значительно упалъ, вслѣдствіе нещаднаго истребленія морскихъ животныхъ, когда Карское море начали посѣщать ежегодно около полусотни норвежскихъ промышленныхъ судовъ.

Исторія открытія Карскаго моря и плаваній по нему относится къ весьма отдаленному времени, но собственно изслѣдованіе его началось только съ 1869 года. Уже въ XVI вѣкѣ, русскіе торговцы и промышленники стали плавать на Новую Землю, въ Карскую губу, и торговать въ низовьяхъ рѣкъ Оби и Таза, гдѣ Русскими были основаны городки Обдорскъ и Мангазея. Въ XVII вѣкѣ, плаванія эти происходили чуть не ежегодно. Такъ Мезенцы, Важане и Пустозерцы ходили на своихъ лодкахъ и карбазахъ въ Карское море и доплывали до городовъ Мангазеи и Обдорска. Сохранилось даже преданіе, что Русскіе, будто бы, уже въ это время огибали полуостровъ Ялмалъ и затѣмъ уже входили въ Обь и даже Енисей. Ходу изъ Архангельска до Оби было на четыре недѣли, а изъ Пустозерска на три недѣли. Нигдѣ въ старинныхъ лѣтописяхъ объ этомъ не упоминается, хотя ходъ торговли черезъ волокъ Ялмалскаго полуострова совершенно удостовѣряется оффиціальными актами. Къ сожалѣнію, тогдашніе мѣстные сибирскіе воеводы косо смотрѣли на эти предпріятія, и уже въ концѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича морская торговля этимъ путемъ была воспрещена не только иноземцамъ, но и Русскимъ; за всякое ослушаніе этому распоряженію было обѣщано суровое наказаніе. Съ того времени плаванія Русскихъ по Карскому морю и прекратились на цѣлыя столѣтія.

Еще съ 1580 года начались попытки иностранцевъ проникнуть въ Карское море. Въ этомъ году, въ началѣ іюля, англійскіе мореходы Петъ и Джэкмэнъ, проникнувъ въ Карское море чрезъ Югорскій Шаръ, за льдами не могли продолжать свой путь далѣе и вынуждены были вернуться назадъ. Въ 1594 г. голландецъ Корнелій Най, проникнувъ чрезъ Югорскій Шаръ въ Карское море, плавалъ въ немъ, доходя до Мутнаго залива на Ялмалскомъ полуостровѣ. Въ 1625 году

голландецъ Босманъ также прошелъ въ Карское море чрезъ Югорскій Шаръ, но, опасаясь быть затертымъ льдами, вернулся обратно. Въ 1690 году русскій мореходъ Родіонъ Ивановъ, переплывъ Карскую губу, достигнулъ Шараповыхъ Кошекъ, у берега Ялмалскаго полуострова, гдѣ и претерпѣлъ крушеніе. Съ 1734 года, начинаются научныя изслѣдованія Русскими какъ Карскаго моря, такъ равно и всего сѣвернаго прибрежья Сибири. Какъ въ этомъ, такъ и въ слѣдующемъ году, лейтенанты Павловъ и Муравьевъ ходили въ Карское море и доплывали до Шараповыхъ Кошекъ. Въ 1736 году Малыгинъ и Скуратовъ вошли въ Карскую губу чрезъ Югорскій Шаръ и зимовали въ устьѣ Кары, а въ 1737 году обогнули полуостровъ Ялмалъ, вошли въ Обскій заливъ и рѣку Обь и зазимовали въ Березовѣ. Въ 1738 году, Скуратовъ, на обратномъ пути изъ Березова въ Архангельскъ, зазимовалъ въ Карской губѣ, между рѣками Карой и Подаратой, и

Видъ Обдорска.

только въ слѣдующемъ году, выйдя изъ Карскаго моря Югорскимъ Шаромъ, вернулся въ Архангельскъ.

Какъ о замѣчательномъ и упорномъ преслѣдованіи научныхъ цѣлей, мы должны упомянуть о плаваніяхъ лейтенанта Овцына въ Обской губѣ и Енисейскомъ заливѣ въ 30-хъ годахъ прошлаго столѣтія. Это цѣлая эпопея борьбы съ страшными препятствіями и лишеніями всякаго рода. Отправившись на выстроенной въ Сибири кое-какъ изъ сыраго лѣса доппель-шлюпкѣ «Тоболъ», Овцынъ пришелъ, въ половинѣ іюня, къ устью Оби и восточнымъ ея рукавомъ вступилъ въ Обскую губу. Подвигаясь впередъ медленно, вдоль ея восточнаго берега, онъ достигъ 6 августа 70° 4′ с. ш. и за позднимъ временемъ вернулся въ Обдорскъ въ сентябрѣ. Въ слѣдующемъ году, на этомъ же суднѣ, Овцынъ 11-го іюня вошелъ въ Обскую губу, былъ затертъ льдами до 8-го іюля и затѣмъ подвигался медленно впередъ. Тутъ открылась въ его экипажѣ страшная въ полярныхъ странахъ болѣзнь — цынга. Двѣ трети экипажа и самъ Овцынъ лежали больными, а потому экспедиція снова вернулась въ Обдорскъ и затѣмъ въ Тобольскъ. Въ 1736 году, Овцынъ снова вошелъ въ Обскую губу 5-го августа, но нашелъ ее затертой льдомъ, который, по его мнѣнію, стоялъ еще съ прошлаго года, а потому, прождавъ напрасно вскрытія льда, въ концѣ сентября вернулся въ Обдорскъ. Между тѣмъ его доппельшлюпка пришла въ совершенную негодность, а потому по распоряженію морской коллегіи велѣно было выстроить въ Тобольскѣ ботъ и исправить доппель-шлюпку. Отправившись въ 1737 году изъ Обдорска, Овцынъ поплылъ въ Обскую губу на ботѣ, а доппель-шлюпку отдалъ

подъ команду корабельному мастеру Кошелеву. Выйдя съ обоими судами въ Обскую губу 14 іюля, онъ вошелъ 8 августа въ Карское море. Въ широтѣ 73° 56′ они встрѣтили сплошной ледъ. Лавируя около береговъ и становясь часто на якорь, 16 августа Овцынъ обогнулъ мысъ Матесолъ, который былъ имъ опредѣленъ въ широтѣ 73° 15′; затѣмъ, 1-го сентября оба судна вошли въ устье рѣки Енисея. Въ 1738 году, штурманъ Мининъ плавалъ въ сѣверо-восточной части Карскаго моря до 73° 8′ с. ш., но, встрѣтивъ льды, вернулся обратно. Онъ опредѣлилъ мысъ Ефремовъ-Камень въ широтѣ 72° 36′. Въ 1740 году, штурманъ Мининъ снова плавалъ въ сѣверо-восточной части Карскаго моря. Выйдя изъ Енисея 4-го августа, онъ плылъ вдоль берега, открылъ Пясинскій заливъ и устье рѣки Пясины, но не входилъ въ нее, по случаю отмелей; встрѣтивъ въ широтѣ 75° 15′ сплошной ледъ, вернулся 15-го сентября въ Енисей.

Этимъ надолго кончились плаванія Русскихъ въ Западно-Сибирскомъ или Карскомъ морѣ. Заслуга Минина состоитъ въ томъ, что онъ астрономически опредѣлилъ нѣсколько точекъ на берегу и довольно вѣрно нанесъ его на карту, что подтвердилъ нынѣ профессоръ Норденшельдъ. Но, какъ уже было замѣчено выше, наши морскія карты этой мѣстности составлены по свѣдѣніямъ Лаптева, а не Минина, почему и вышла такая разница съ картою Норденшельда. Въ 1768 году купецъ Баркинъ послалъ на Новую Землю экспедицію подъ начальствомъ штурмана Розмыслова. Розмысловъ, остановившись, по причинѣ противныхъ вѣтровъ, въ Маточкиномъ Шарѣ, отправился на шлюпкѣ и осмотрѣлъ невиданый до того проливъ; подойдя же къ восточному его выходу въ Карское море, нашелъ послѣднее, въ концѣ августа, совершенно свободнымъ отъ льдовъ; не рѣшаясь на шлюпкѣ пуститься въ открытое море, онъ вернулся къ своему судну и зазимовалъ въ Маточкиномъ Шарѣ. Маточкинъ Шаръ замерзъ въ этомъ году 20-го сентября, и Розмысловъ перенесъ крайне суровую зиму, съ такими вьюгами, что по цѣлымъ днямъ невозможно было выйти изъ привезенной имъ изъ Архангельска и поставленной въ Тюленьей губѣ избы. Въ іюнѣ 1769 года, по крѣпкому еще льду, Розмысловъ началъ съемку берега. 18-го іюля началъ въ Шарѣ расходиться ледъ, а 2-го августа весь Маточкинъ Шаръ совершенно очистился. Оставивъ зимовье, Розмысловъ, выйдя изъ пролива, направился къ востоку въ Карское море, но на слѣдующій же день встрѣтилъ такой густой ледъ, что долженъ былъ вернуться и вошелъ въ бухту, лежащую къ сѣверу отъ Маточкина Шара. Выйдя изъ бухты, онъ снова вернулся въ Маточкинъ Шаръ и, благополучно пройдя его, разгрузилъ свое судно въ устьѣ рѣки Маточки, а самъ съ спутниками своими возвратился въ Архангельскъ, съ отходившимъ туда промышленнымъ судномъ.

Малоуспѣшность всѣхъ этихъ экспедицій надо приписать дурному устройству и оснасткѣ судовъ, не могшихъ вынести давленія льдовъ и неспособныхъ къ лавировкѣ во время противнаго вѣтра. Плаванія лейтенанта Литке никакого значенія для изслѣдованія Карскаго моря не имѣли. Подойдя на шлюпкѣ къ восточному выходу Маточкина Шара въ 1823 г. 12 августа, Литке нашелъ Карское море совершенно отъ льдовъ свободнымъ. Въ 1832 году купецъ Брантъ и чиновникъ Клоковъ, снарядили на свои средства экспедицію на Новую Землю подъ начальствомъ подпоручика Пахтусова. Пахтусовъ вышелъ на карбасѣ 1-го августа изъ Архангельска и зазимовалъ въ губѣ Каменкѣ, на южномъ берегу Новой Земли. Въ слѣдующемъ году 30 мая онъ обогнулъ мысъ Меньшикова. Только 19-го іюня разошелся ледъ въ Карскомъ морѣ, но въ заливахъ было его еще очень много, почему Пахтусовъ могъ начать плаваніе вдоль восточнаго берега Новой Земли въ своей шлюпкѣ лишь съ 24 іюня. Продолжая путь, онъ съ большимъ трудомъ дошелъ до широты 71° 38′; отсюда Пахтусовъ вернулся на свою зимовку и лишь 11-го іюля снова вышелъ въ море; 13-го августа благополучно достигъ Маточкина Шара. Въ это время Карское море совершенно очистилось отъ льда. Но, имѣя недостатокъ въ провизіи, Пахтусовъ, 19-го августа, выйдя изъ Маточкина Шара, вернулся въ Архангельскъ. Въ 1834 году правительство наше отправило экспедицію изъ шлюпа и карбаса, подъ начальствомъ

Пахтусова и Циволыки, для описанія Новой Земли. Перезимовавъ въ Маточкиномъ Шарѣ, весною 1835 года, Циволька началъ описывать восточный берегъ Новой Земли къ сѣверу отъ Маточкина Шара по льду, открывъ нѣсколько глубокихъ заливовъ, которыхъ не успѣлъ однако-же описать. Описаніе по восточному берегу Новой Земли сдѣлано имъ на пространствѣ 150 верстъ. 9-го августа Пахтусовъ на шлюпкѣ снова отправился для осмотра восточнаго берега Новой Земли и, борясь со льдами въ Карскомъ морѣ, достигъ широты 74° 24′; тутъ льды не пустили его далѣе, и онъ вернулся 28 августа въ Маточкинъ Шаръ, а оттуда прибылъ въ Архангельскъ.

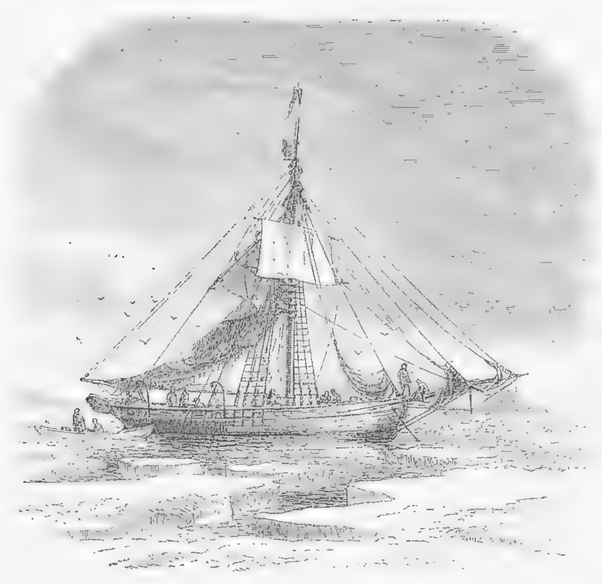
Въ 1862 году послана была шкуна подъ командою Крузенштерна, который съ устья Печоры долженъ былъ придти къ устью Енисея. Въ Карскомъ морѣ Крузенштернъ нашелъ густой плавучій ледъ, который принудилъ его 9-го сентября оставить свое судно около Шараповыхъ Кошекъ. Но съ 1869 года наступилъ знаменитый періодъ норвежскихъ и шведскихъ изслѣдованій въ Карскомъ морѣ, которыя привели къ открытію морскаго пути въ устья Сибирскихъ рѣкъ изъ Европы. Лѣтомъ 1869 года, норвежскіе рыбопромышленники, капитаны Карльсенъ и Іоганнесенъ, вступили на своихъ небольшихъ шкунахъ въ Карское море. Первый изъ нихъ доходилъ до Бѣлаго острова; на Шараповыхъ и другихъ отмеляхъ добылъ немного тюленей и бѣлухъ, на сумму, по его словамъ, до 7,500 талеровъ, послѣ чего вернулся обратно въ Европу. Іоганнесенъ же, видя море совершенно отъ льдовъ свободнымъ, принялся за его изслѣдованіе и дважды пересѣкъ его, плавая въ восточной и западной его половинахъ, не встрѣтивъ никакихъ препятствій отъ льдовъ, и также вернулся въ этомъ же году назадъ. Еще замѣчательнѣе было плаваніе англійскаго капитана Паллизера, который, 2-го октября 1869 г., свободно прошелъ Маточкинымъ Шаромъ въ Карское море, доходилъ до Бѣлаго острова, т. е. также переплылъ море почти поперекъ, и снова Маточкинымъ же Шаромъ вернулся обратно въ Англію, нигдѣ не встрѣтивъ льдовъ. Эти три замѣчательныя плаванія возбудили въ сѣверныхъ рыбо-и звѣро промышленникахъ великія надежды на богатство промысла въ неизвѣстныхъ еще тогда водахъ. Въ 1870 и 1871 годахъ, плаванія въ Карскомъ морѣ продолжались въ значительныхъ размѣрахъ. Въ эти два года въ его водахъ перебывало болѣе 60 судовъ, преимущественно, норвежскихъ промысловыхъ, и, къ сожалѣнію, ни одного русскаго.

Многіе норвежскіе капитаны прислали свѣдѣнія о сдѣланныхъ ими наблюденіяхъ, посредствомъ измѣренія глубины и температуры моря, а также объ изученныхъ ими метеорологическихъ явленіяхъ. Кромѣ того, многіе изъ нихъ особенно отличились смѣлыми, удачными плаваніями, буквально избороздивъ Карское море вдоль и поперекъ и обогнувъ Новую Землю нѣсколько разъ. Къ числу такихъ изслѣдователей принадлежатъ капитаны: Макъ, Нильсъ Іоганнесенъ, Сэренъ Іоганнесенъ, Тобизенъ, Симонсенъ, Карльсенъ, Квале, Ульве и Торкильдсенъ. Изъ нихъ Нильсъ и Сэренъ Іоганнесенъ, Макъ и Карльсенъ объѣхали въ одно лѣто Новую Землю вокругъ и описали малоизвѣстныя до тѣхъ поръ сѣверозападную, сѣверную и сѣверовосточную ея части, причемъ Карльсенъ отъискалъ зимовку и даже въ цѣлости сохранившееся, около 300 лѣтъ, жилье знаменитаго голландскаго морехода Баренца, погибшаго на обратномъ пути плаванія къ берегамъ Карскаго моря.

Такой успѣхъ норвежскихъ мореходовъ возбудилъ всеобщее изумленіе, прежніе взгляды на неприступность Карскаго моря измѣнились, явилась возможность не только достигнуть морскимъ путемъ устьевъ рѣкъ Оби и Енисея, но и основать тамъ морскую торговлю. Эту идею поддерживали у насъ извѣстный ревнитель сѣвера М. К. Сидоровъ и пишущій эти строки, а въ Европѣ — извѣстнѣйшій ученый географъ Петерманъ. Въ 1872, 1873 и 1874 годахъ здѣсь также плавали норвежскіе мореходы и англійскій капитанъ Виггинсъ, доходившій до меридіана Обской губы на пароходѣ «Діана»; но въ эти 3 года плаванія были затруднены льдами, хотя и не прекращались, такъ какъ всегда около береговъ, на болѣе мелкихъ мѣстахъ моря, находили свободные проходы между торосами (ледяными горами) и льдами, которые, сидя въ водѣ не-

рѣдко на глубинѣ 5, 7 и болѣе сажепъ, носились въ срединѣ моря, оставляя его прибрежье свободнымъ.

Наконецъ, составленная па деньги богатаго норвежскаго купца Диксона и сибирскаго золотопромышленника Сибирякова морская экспедиція, подъ начальствомъ шведскаго профессора и извѣстнаго полярнаго изслѣдователя восточной Гренландіи Нордэншельда, достигла на парусной шкунѣ-баркѣ «Прэфенъ» («Опытъ») 15 августа 1875 года восточнаго устья Енисейскаго залива, открывъ на одномъ изъ сѣверовосточныхъ острововъ удобную и обширную гавань Портъ-Диксонъ. Экспедиція эта, выйдя 8-го іюня изъ Тромсэ, въ сѣверной Норвегіи, крейсировала съ 23 іюня по 31 іюля у западнаго берега Новой Земли, 2-го августа прошла Югорскимъ Шаромъ и, держа курсъ на сѣверную оконечность Бѣлаго острова, достигла 15 августа Портъ-Диксона. Отсюда Нордэншельдъ съ двумя своими молодыми учеными спутниками, гг. Стуксебергомъ и Тиле, отправились на парусной лодкѣ къ устью Енисея, котораго благополучно достигли. Поднявшись по рѣкѣ далѣе, они подоспѣли къ послѣднему пароходу, отходящему осенью изъ Дудинскаго села въ Енисейскъ, и прибыли на немъ въ этотъ городъ. Отсюда на почтовыхъ они отправились въ Петербургъ, а затѣмъ вернулись въ Швецію. Судно же «Прэфенъ», послѣ отъѣзда Нордэншельда, вернулось въ Норвегію, переплывъ поперекъ все Карское море и, выйдя Маточкинымъ Шаромъ въ Сѣверный океанъ, 26-го сентября достигло благополучно Гаммерфеста.

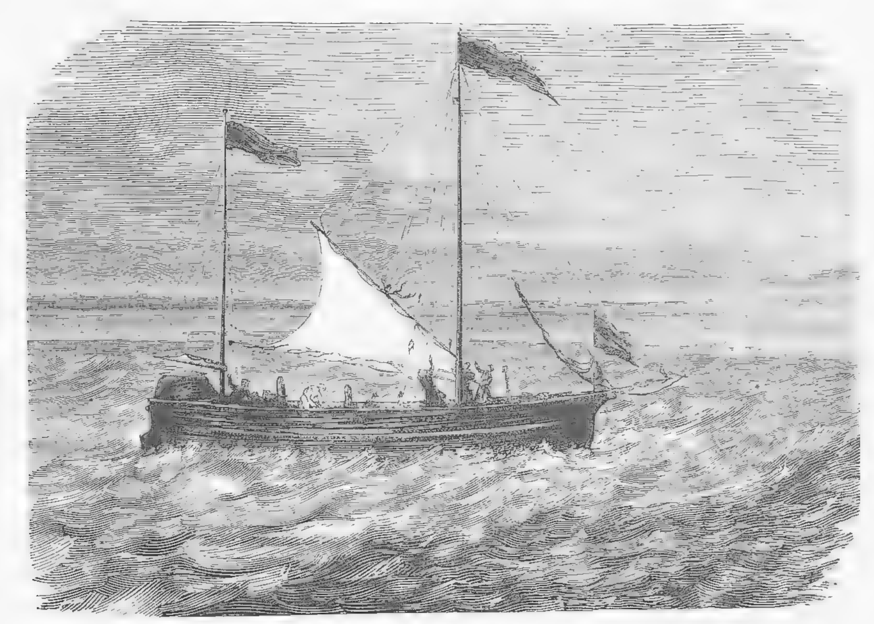

Парусная шкуна «Опытъ».

Въ 1876 году послѣдовала, на средства названныхъ же лицъ, новая морская экспедиція профессора Нордэншельда, и на этотъ разъ, вмѣсто паруснаго судна, нанятъ былъ хорошо устроенный, небольшой морской пароходъ «Имеръ». Отплывъ 25 іюля изъ норвежскаго порта Тромсэ, Нордэншельдъ 30-го іюля прошелъ Маточкинъ Шаръ и крейсировалъ около восточнаго берега Новой Земли; 15-го же августа онъ достигъ устья Енисейской губы. Вступивъ въ нее, онъ дошелъ на пароходѣ до Бреховскихъ острововъ. Здѣсь онъ простоялъ 16 дней и 2-го сентября отправился обратно; выйдя изъ моря черезъ Маточкинъ Шаръ, онъ прибылъ 15-го сентября въ портъ Гаммерфестъ. Въ этомъ же году англійскій капитанъ Виггинсъ, на пароходѣ «Тэймсъ» въ 137 тоннъ, вступивъ 3-го августа, черезъ проливъ Карскія Ворота, въ Карское море, крейсировалъ въ немъ до 7-го сентября и затѣмъ, 11 числа того же мѣсяца, прибылъ въ Портъ-Диксонъ, откуда отправился въ Енисейскую губу и проплылъ на своемъ морскомъ пароходѣ, вверхъ по рѣкѣ Енисею, болѣе 1000 верстъ, до впаденія въ него р. Курейки, гдѣ и сталъ на зимовку 17-го октября.

Плаванія Нордэншельда, какъ спеціально научныя, пролили много свѣта въ особенности на органическую жизнь Карскаго моря и воочію убѣдили въ возможности торговаго пути черезъ устье Енисея; поэтому какъ Виггинсъ, такъ и Нордэншельдъ сдѣлались сторонниками и пропагандистами этого торговаго пути. Съ 1877 года начинаются ежегодныя попытки открыть морскую торговлю въ устьяхъ сибирскихъ рѣкъ Оби и Енисея. Первымъ судномъ, пришедшимъ изъ Европы съ товарами въ Сибирь, была «Луиза», англійскій пароходъ въ 170 тоннъ, изъ

Гулля, подъ командой капитана Даля. 14 августа пароходъ вошелъ въ Обскую губу и 31-го августа достигъ Обдорска. Отсюда онъ пошелъ вверхъ по Оби и 20 сентября достигъ Тобольска. Такимъ образомъ, былъ сдѣланъ первый опытъ прямыхъ торговыхъ сношеній Тобольска съ Гуллемъ. Вторымъ торговымъ судномъ былъ нѣмецкій пароходъ «Фразеръ» изъ Бремена, зафрахтованный барономъ Кнопомъ, въ 158 тоннъ, подъ командою капитана Дальмана. Это судно, выйдя изъ Бремена 24 іюля, 16 августа вступило въ Карское море чрезъ Карскія Ворота и 21 августа пришло въ Енисей. Здѣсь оно разгрузилось, приняло кой-какой сибирскій грузъ и 14 сентября отправилось обратно въ Европу; между 17—20 сентября прошло Маточкинъ Шаръ и 24 сентября достигло Гаммерфеста.

Въ 1877 году, г. Сидоровъ, желая сдѣлать первый опытъ кораблестроенія въ Сибири, выстроилъ въ Енисейскѣ небольшую шкуну (въ 56 фут. длины, 14 ширины), съ осадкою въ

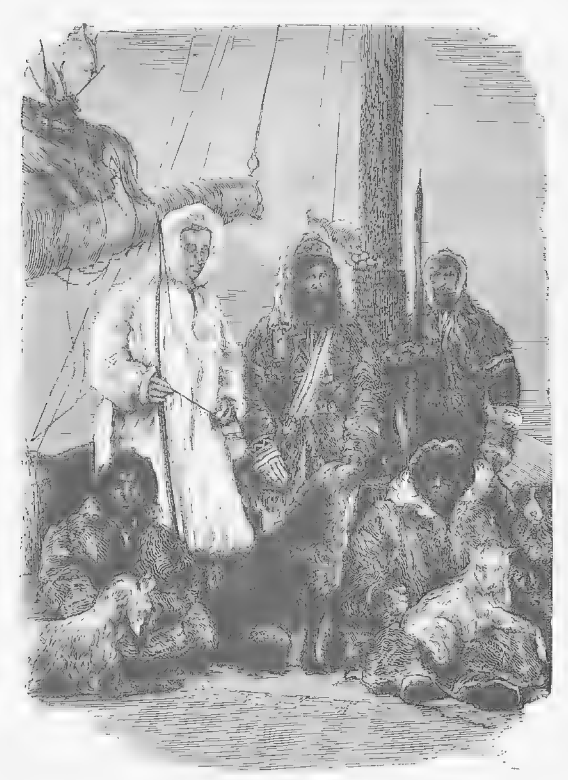

Шкуна «Заря».

6 фут., и отправилъ ее, подъ начальствомъ русскаго (изъ Латышей) капитана Шваненберга и шкипера Нуммелина (изъ Финновъ), съ 4 человѣками экипажа, въ Европу, нагрузивъ сибирскими произведеніями. Шкуна эта, названная г. Сидоровымъ «Утренняя Заря», своею конструкціею напоминала боты и доппельшлюпы русскихъ экспедицій прошлаго столѣтія. Несмотря на это серьезное неудобство, шкуна 21 августа вышла изъ Енисея въ Карское море, пересѣкла его во всю длину и чрезъ Карскія Ворота, 30 августа, вступила въ европейскую часть Сѣвернаго океана; 11 сентября она прибыла въ норвежскій портъ Вардэ, а оттуда позднею осенью въ Петербургъ. Это — первый русскій опытъ прямаго сношенія отдаленнаго Енисейска съ Европой и съ русскою столицей. Къ сожалѣнію, этотъ опытъ впослѣдствіи не нашелъ подражателей въ Восточной Сибири. Въ 1878 году было въ приходѣ изъ Европы въ Сибирь до 7 пароходовъ и парусныхъ судовъ, и кромѣ того одно русское парусное судно, — шкуна «Сибирь», выстроенная въ Тюмени на средства торговаго дома А. Трапезникова. Она вышла изъ Тюмени по р. Турѣ черезъ Обь, Обскій заливъ и Карское море, достигла Лондона, доставивъ туда грузъ сибирской пшеницы. Въ этомъ году прибыла изъ Европы къ устью Енисея, въ Портъ-Диксонъ, знаменитая шведская экспедиція Нордэншельда, состоявшая изъ 230-тоннаго пароваго судна «Вега»

и стотоннаго парохода «Лена». Они прибыли къ устью Енисея 6 августа и 10-го отправились отсюда далѣе на востокъ, вокругъ Сибири, въ Тихій океанъ.

Изъ торговыхъ судовъ въ этомъ году въ устье Енисея приходили: пароходъ «Фразеръ» (въ 158 тоннъ, подъ управленіемъ капитана Нильсенъ), изъ Вардэ, 9 августа онъ дошелъ даже до села Дудинскаго на низовьяхъ Енисея; съ грузомъ кое-какихъ сибирскихъ товаровъ вышелъ оттуда 2 сентября и достигъ Гаммерфеста 27 сентября. Пароходъ «Царица» г. Сибирякова, въ 313 тоннъ, достигъ съ товарами устья рѣки Енисея 2 сентября, но здѣсь претерпѣлъ крушеніе, снявшись съ мели, починился и, выгрузивъ привезенные товары, снова ушелъ въ Европу и 27 сентября достигъ Гаммерфеста. Капитанъ Виггинсъ, на пароходѣ «Ворквартъ», въ 650 тоннъ, прибылъ въ Сибирь, проплылъ въ Обь, гдѣ онъ не разъ прежде садился на мель; 25 августа достигъ мыса Линзита, при впаденіи р. Надыма въ Обь, и послѣ разныхъ приключеній возвратился благополучно въ Лондонъ 30 сентября. Кромѣ Виггинса, въ Обь прибылъ въ этомъ году капитанъ Расмуссенъ на пароходѣ «Нептунъ», въ 300 тоннъ, съ товаромъ и, взявъ въ обратный путь грузъ спирту и пшеницы, 25 сентября возвратился въ Гамбургъ. На этотъ разъ, подъ начальствомъ капитана Дальмана, въ городъ Енисейскъ пришелъ буксирный пароходъ «Москва» изъ Норвегіи и остался въ Сибири для плаванія по Енисею, между тѣмъ какъ парусное судно «Экспресъ», доставившее въ Портъ-Диксонъ, для потребностей Нордэншельдовой экспедиціи, грузъ каменнаго угля, поднялось за сибирскимъ грузомъ по р. Енисею до Заостровскаго зимовья и, нагрузившись хлѣбомъ и другими продуктами, возвратилось тѣмъ же лѣтомъ въ Норвегію.

Экипажъ «Зари».

Итакъ, въ 1877 году въ устьяхъ сибирскихъ рѣкъ открылась морская торговля, почему въ Кореповскомъ зимовьѣ и въ Гольтихѣ устроены были факторіи, одна г. Кнопа, другая — А. М. Сибирякова, и казалось, что для Сибири наступила новая эра въ ея внѣшней торговлѣ и судоходствѣ. Уже въ 1876 году убѣдились, какъ мало изслѣдованы у насъ нижнія части нашихъ сибирскихъ рѣкъ, а потому Общество содѣйствія торговому мореходству въ Москвѣ и Общество содѣйствія русской промышленности и торговлѣ въ Петербургѣ рѣшили послать двѣ экспедиціи, первое Общество — для изслѣдованія устьевъ Оби, невѣрность показанія которыхъ на картѣ была слишкомъ очевидна, второе Общество — сухопутную экспедицію, для изслѣдованія Байдарацкаго перешейка, между Обью и Подаратой, впадающей въ Карскую губу, чтобы узнать, какъ велико его протяженіе и нельзя-ли соединить р. Подарату съ притокомъ Оби, р. Щучьею, что сократило бы доставку товаровъ болѣе чѣмъ на 1000 верстъ. Начальство надъ первой экспедиціей принялъ г. Даль, учитель мореходныхъ классовъ въ Гайнашѣ, въ Лифляндіи. Для этой экспедиціи въ Тюмени было выстроено рѣчное судно «Москва», и Даль 14 іюня 1876 г. отплылъ на немъ изъ Тюмени и достигъ Обдорска 11 іюля утромъ. Остановившись здѣсь, чтобы запастись провизіей и подучить свою малоопытную команду,

въ упражненіи съ парусами. «Москва» имѣла шкунный такелажъ. Взявъ старика 71 года, мѣстнаго старожила, за лоцмана, Даль 13 іюля отправился въ путь внизъ по Оби. Около 1-го августа онъ прибылъ къ устью р. Ныды, производя съ судна опись береговъ и приморья, а также опредѣляя нѣкоторые пункты астрономически. 1 августа Даль отправился въ обратный путь и 5 сентября вернулся въ Обдорскъ. Хотя по многимъ причинамъ экспедиція эта не имѣла желаемаго результата, тѣмъ не менѣе промѣры рѣки показали, что восточныя устья Оби довольно мелководны, наполнены отмелями и имѣютъ очень извилистый, узкій фарватеръ. Кромѣ того Далемъ собраны были интересныя свѣдѣнія отъ мѣстныхъ рыболововъ о южной части Обской губы, полуостровѣ Ялмалѣ и рѣкахъ Юрубѣ и Подаратѣ.

Въ томъ же году отправилась и сухопутная экспедиція для изслѣдованія Байдарацкаго перешейка, подъ управленіемъ топографа Орлова. Экспедиція эта проѣхала по р. Щучьей до того мѣста, гдѣ она наиболѣе близко подходитъ къ р. Подаратѣ, перевалила по тундрѣ къ послѣдней и спустилась до самаго ея устья. Въ это-же время здѣсь производила научныя изслѣдованія сибирская экспедиція бременскаго географическаго общества, состоявшая изъ г. Финша, знаменитаго зоолога Брэма и графа Вальдбургъ-Цейля. Русская экспедиція удостовѣрилась въ полнѣйшей невозможности проведенія канала между р. р. Щучьей и Подаратой, какъ вслѣдствіе характера мѣстности, такъ и ничтожности самыхъ рѣкъ для судоходства. Рѣка Подарата оказалась мелководной и несудоходной, рѣка же Щучья, хотя и возможна въ низовьѣ для судоходства, но въ средней части извилиста, наполнена отмелями, корчами и порожиста. Пространство между рр. Щучьей и Подаратой оказалось пустынной, безлѣсной, болотистой тундрой и мѣстами довольно холмистой. Къ тому-же заключенію пришла и нѣмецкая экспедиція. Въ 1877 году г. Даль, на пароходѣ «Луиза», въ 170 тоннъ и въ 60 паровыхъ силъ, пришелъ изъ Любека въ р. Обь. Судно это принадлежало петербургскому пароходному обществу, и потому экспедицію слѣдуетъ признать русскимъ предпріятіемъ. Отплывъ 28 іюля изъ Тромсе, въ Норвегіи, пароходъ прибылъ 2 августа къ южной оконечности Новой Земли и, по причинѣ сильныхъ льдовъ въ Карскихъ Воротахъ, направился къ Югорскому Шару, ежедневно борясь со льдами и становясь на якорь для укрытія отъ нихъ за островками и даже за большими ледяными полями. Только 5 августа вступила «Луиза» въ Югорскій Шаръ, простоявъ у становища Никольскаго нѣсколько дней, 11 августа вступила въ Карское море, держа курсъ къ сѣверу отъ Бѣлаго острова. Борясь 12 и 13 числа съ пловучимъ льдомъ, «Луиза», къ полудню 13 августа, выбралась въ свободное отъ льдовъ море, гдѣ замѣчено было сильное теченіе, а вода имѣла температуру +3°; на слѣдующій день судно достигло Бѣлаго острова, гдѣ глубина моря была 5 саж., при температурѣ воды въ +5°. «Несмотря на туманъ, — говоритъ Даль, — мы все-таки подвигались впередъ ко входу въ Обскій заливъ, съ помощью лота и компаса, и уже ночью вступили въ Обскую губу, гдѣ нашли глубину отъ 5 до 8 саженъ. Никакихъ отмелей, рифовъ или банокъ, какъ показано было на нашей русской картѣ, мы не нашли при входѣ въ нее, какъ и во всемъ Обскомъ заливѣ. Все плаваніе наше, отъ входа въ заливъ до устья Оби, продолжалось при тихой погодѣ два съ половиной дня, причемъ мы постоянно употребляли лотъ.»

Это была русская экспедиція, шедшая подъ русскимъ флагомъ и съ русскимъ капитаномъ, — первая послѣ Овцына, плававшаго здѣсь на ботѣ «Тоболъ» въ 1737 году. Берега Обскаго залива на русскихъ морскихъ картахъ оказались нанесенными невѣрно; какъ заливъ, такъ равно и устье Оби не настолько широки, какъ значится на картахъ, и вдобавокъ восточный берегъ оказался болѣе возвышеннымъ, нежели западный. Обскій заливъ, по словамъ Даля, до 68°38′ с. ш. настолько глубокъ, что въ немъ могутъ плавать самыя большія суда; но съ этой широты къ югу онъ становится мельче, а близъ устья Ныды глубина его колеблется между $2\frac{1}{2}$ и 3 саж. Далѣе глубина увеличивается, но у мыса Гэ снова доходитъ до 2 саженъ. На пространствѣ между Обдорскомъ и устьемъ рѣки Надыма много острововъ, въ заливѣ же ихъ

нѣтъ. Температура обской воды въ губѣ достигала $+6°$, а пройдя устье Тазовской губы она поднялась до $+10°$, что произошло отъ вліянія обской воды. Капитанъ Даль, взявъ на буксиръ баржу купца Корнилова въ устьѣ р. Надыма, поплылъ вверхъ по Оби, но русскій лоцманъ посадилъ его на мель, съ которой онъ едва снялся черезъ 5 дней. Остяцкіе и самоѣдскіе лоцмана знали свое дѣло лучше русскаго собрата, и пароходъ, послѣ 3-недѣльнаго плаванія вверхъ по Оби, благополучно пришелъ 20 сентября въ Тобольскъ, гдѣ и сдалъ свой грузъ, состоявшій изъ 50 тоннъ деревяннаго масла и 27 тоннъ цѣпей и якорей.

Въ 1879 году состояніе льдовъ въ Карскомъ морѣ, при постоянно дувшихъ вѣтрахъ съ востока, сѣвера и сѣверо-востока, заставило многихъ мореходовъ, направлявшихся въ Сибирь, вернуться обратно, не проникнувъ ни въ одинъ изъ проливовъ; пароходу же «Лунзѣ», подъ начальствомъ капитана Дальмана, не только удалось плавать въ Карскомъ морѣ, но и проникнуть до устья Енисея. Капитанъ Арнезенъ на шкунѣ «Норландъ», проникнувшій въ Карское море черезъ Югорскій-Шаръ, описываетъ, что во всю ширину моря съ юга на сѣверъ простирались ледяныя поля, и только около Сибирскаго берега тянулась свободная полоса воды и, достигнувъ до 76° с. ш., загибалась къ востоку. Капитану Арнезену удалось однако-же дойдти до этой широты и вернуться обратно черезъ Югорскій-Шаръ въ Европу. Плаваніе Арнезена происходило въ іюлѣ, а Дальмана (къ Енисею) — въ сентябрѣ; вернулся-же онъ въ Европу въ октябрѣ, такъ что въ этомъ году позднѣйшіе мѣсяцы были далеко благопріятнѣе для плаванія въ Карскомъ морѣ, чѣмъ іюль и августъ, какъ это часто случается. Намѣревавшіеся проникнуть въ Обскій заливъ въ августѣ пароходы «Нептунъ» и «Самуель Уэнъ» вынуждены были по причинѣ сплошнаго льда вернуться изъ Карскаго моря.

Въ 1880 году плаванія въ Сибирь съ торговыми цѣлями продолжались попрежнему, и капитану Расмуссену, на пароходѣ «Нептунъ», удалось доставить въ устье Оби грузъ европейскихъ товаровъ, откуда онъ, нагрузившись пшеницей, благополучно вернулся въ Европу 24 сентября. Напротивъ того, капитанъ Дальманъ, шедшій къ Енисею на пароходѣ «Лунза», не достигъ своей цѣли, такъ какъ Маточкинъ-Шаръ и сѣверная оконечность Новой Земли оказались затертыми льдами, почему и пришлось вернуться въ Европу.

Въ этомъ же году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, прошла, по направленію къ Енисею, экспедиція г. А. Сибирякова, извѣстнаго дѣятеля на сѣверѣ, участвовавшаго своими средствами въ снаряженіи двухъ экспедицій профессора Нордэншельда. Экспедиція эта имѣла въ своемъ распоряженіи хорошо устроенный для полярныхъ плаваній пароходъ «Оскаръ Диксонъ», въ сопровожденіи шкуны «Норландъ», но по причинѣ невѣрности нашихъ морскихъ картъ, вмѣсто устья Енисея, попала въ Гыданскій заливъ, гдѣ и вынуждена была зазимовать. Затѣмъ, вслѣдствіе ли случайности или отъ другихъ причинъ, нынѣ еще недостаточно выясненныхъ, пароходъ Сибирякова былъ почти уничтоженъ льдами, и экспедиція вернулась сухимъ путемъ въ Обдорскъ. Вообще, г. Сибирякову, этому почтенному дѣятелю по отправкѣ въ Сибирь пароходовъ, къ устью Енисея, что-то не повезло. Прибывшій къ устью Енисея пароходъ его «Царица» былъ посаженъ на мель и претерпѣлъ крушеніе; то-же случилось и съ пароходомъ его «Оскаръ Диксонъ». Тѣмъ не менѣе, результатомъ экспедиціи Сибирякова было открытіе, что мысъ Матесолъ находится не на материкѣ, а на островѣ, отдѣленномъ отъ материка проливомъ.

Хотя 1879 и 1880 годы были не вполнѣ удачны, по своимъ результатамъ, въ отношеніи плаванія въ Карскомъ морѣ, тѣмъ не менѣе и въ эти годы суда все же проникали въ устья сибирскихъ рѣкъ. Надо полагать, что Карское море ежегодно, въ извѣстное время года, бываетъ свободно отъ льдовъ и плаваніе въ немъ вполнѣ возможно. Каждый годъ, тотъ или другой входъ въ него очищается ото льдовъ и даетъ возможность проникнуть въ него судамъ, и нѣтъ сомнѣнія, что когда южные проливы бываютъ затерты льдами, то сѣверные свободны отъ нихъ и наоборотъ. Такъ, въ 1879 г., когда всѣ три пролива, въ іюлѣ и августѣ мѣсяцахъ, были почти затерты льдами и всѣ суда, желавшія проникнуть въ Сибирь, вынуждены были

вернуться въ Европу, капитанъ Мэркгемъ нашелъ свободный путь вокругъ Новой Земли и плавалъ въ сѣверной и сѣверо-восточной частяхъ Карскаго моря, охотясь за моржами. Въ 1880 г., наоборотъ, два южные пролива, Югорскій и Карскій, были доступны для плаванія; проходъ же Маточкинымъ-Шаромъ и вокругъ Новой Земли былъ запертъ льдомъ, и капитанъ Дальманъ, не смотря на всѣ усилія проникнуть въ этомъ направленіи къ устью Енисея, вынужденъ былъ вернуться ни съ чѣмъ. Слѣдовательно, когда въ Карскомъ морѣ дуютъ сѣверо-восточные и сѣверные вѣтры, то южные проливы затираются льдомъ; когда-же господствуютъ сѣверо-западные или юго-западные или даже восточные вѣтры, тогда затирается льдомъ сѣверная и восточная оконечности Новой-Земли и Маточкинъ-Шаръ, и путь въ этихъ мѣстахъ для судовъ становится невозможнымъ. Значитъ, отъ смѣтки, снаровки и знанія этихъ особенностей моря капитанами кораблей зависитъ, въ настоящее время, успѣхъ плаванія, и это будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока не организуются здѣсь метеорологическія станціи, связанныя телеграфомъ съ Европой, которыя будутъ своевременно давать знать, откуда дуютъ вѣтры и какого направленія необходимо держаться во время плаванія.

Въ 1880 году послѣдовалъ также осмотръ и изслѣдованіе Обскаго устья датскимъ лейтенантомъ Гажемъ, посланнымъ въ Сибирь датскими капиталистами. Онъ обратилъ вниманіе на сѣверные протоки Обскаго устья, такъ называемую у насъ Хаманельскую Обь. По его словамъ, эти сѣверные протоки глубже и удобнѣе для входа судовъ съ моря, хотя, какъ малоизслѣдованные, еще небезопасны для плаванія. По составленной Гажемъ картѣ видно, что устья Оби представляютъ какъ-бы видъ дельты, такъ какъ и по сѣвернымъ протокамъ не мало острововъ. Это подтверждаетъ мнѣніе Даля, указавшаго, со словъ самоѣдскихъ и остяцкихъ рыболововъ, что удобнаго пути въ Обь надо искать не на южной, а на сѣверной сторонѣ Обскаго устья. Лейтенантъ Гажъ проплылъ на лодкѣ до 67°58 с. ш. и 71°21 в. д., т. е. до того пункта, гдѣ оканчиваются всякіе обскіе острова и начинается собственно Обская губа.

Въ 1881 году послана была хорошо снаряженная правительствомъ «описная экспедиція» полковника Моисеева на низовья Оби. Экспедиція эта, за позднимъ отправленіемъ и разными задержками, прибыла въ Обдорскъ въ концѣ іюля и въ мѣсяцъ работы успѣла сдѣлать многое; еслибы правительство продолжало это дѣло въ 1882 г. и начало опись вслѣдъ за вскрытіемъ рѣки, — нѣтъ сомнѣнія, что устья и низовья Оби были-бы теперь уже изслѣдованы. Экспедиціи удалось сдѣлать около 200 кв. верстъ промѣровъ, снять нѣсколько острововъ инструментально, снять правую сторону рѣки отъ устья р. Полуя до мыса Жертвъ, находящагося около ея устья, нѣкоторые протоки, идущіе къ Хаманельской Оби, опредѣлить на ней мысы Хаманельскій и Хамоніала и промѣрить нѣкоторыя разстоянія. Протяженіе рѣки Оби отъ Обдорска до мыса Жертвъ оказалось короче, чѣмъ считалось прежде, на 50 верстъ. Вообще, карта, составленная экспедиціей, совершенно измѣнила нынѣ карту низовьевъ Оби, отодвинувъ все ея устье по крайней мѣрѣ на 20′ по долготѣ на западъ.

Въ 1881 году пароходъ «Луиза», барона Кнопа, подъ командою капитана Бурмейстера, снова пришелъ въ устье Енисея съ товарами и вернулся съ сибирскимъ грузомъ въ Европу. На немъ находился для научныхъ наблюденій графъ Вальдбургъ-Цейль, бывшій съ Финшемъ при изслѣдованіи Байдарацкаго перешейка. Открытіе Сибирякова, что мысъ Матесолъ находится на островѣ, отдѣленномъ значительнымъ проливомъ отъ материка, совершенно измѣняетъ карту западной части Енисейскаго залива, и если это вполнѣ подтвердится, то для прохода судовъ изъ Оби въ Енисей и обратно представится новый, болѣе удобный и болѣе сокращенный путь, не огибая слишкомъ вдающагося въ море мыса Матесолъ. Но чтобы воспользоваться этимъ путемъ, необходимо точно изслѣдовать какъ этотъ проливъ, такъ равно и все западное побережье Енисейскаго залива, т. е. иначе исправить нынѣшнія наши карты.

Такимъ образомъ, изъ исторіи плаваній въ Карскомъ морѣ видно, что съ 1869 г. по 1882

годъ, въ теченіе 12 лѣтъ, море это ежегодно посѣщалось парусными и паровыми судами, какъ съ промышленно-торговыми, такъ и съ научными цѣлями. Въ сравненіи съ прошлымъ столѣтіемъ, эти плаванія, можно сказать, составляютъ эпоху въ изслѣдованіи полярныхъ морей и львиная часть этихъ изслѣдованій за это время досталась на долю Карскаго моря, считавшагося доселѣ неприступнымъ ледникомъ. Флора и фауна какъ моря, такъ и его острововъ теперь достаточно извѣстны; не менѣе извѣстны и прочія физическія явленія, свойственныя ему. Остается одинъ пробѣлъ — пробѣлъ довольно важный и существенный для развитія въ сибирскомъ побережьѣ морской торговли. Пробѣлъ этотъ — невѣрность картъ нашего сибирскаго берега, недостаточное изслѣдованіе входа въ устья сибирскихъ рѣкъ, въ особенности Оби, — этой важнѣйшей водной артеріи Западной Сибири, область которой столь щедро надѣлена дарами природы во всѣхъ почти отношеніяхъ и можетъ доставить значительное количество грузовъ для отправки въ Европу по такому дешевому пути, какъ путь водный. Уже въ настоящее время, при всѣхъ неудобствахъ, происходящихъ отъ невѣрныхъ картъ, неимѣнія маяковъ, сигнальныхъ знаковъ, устроенныхъ гаваней, телеграфа и прочихъ хоть сколько-нибудь усовершенствованныхъ принадлежностей морскаго сообщенія, — фрахтъ въ Англію съ устья Оби и обратно не превышаетъ 45 — 50 к. съ пуда, что̀ составляетъ, принявъ во вниманіе расходъ по доставкѣ товаровъ изъ важнѣйшихъ частей Обскаго бассейна къ устью, всего около 70 — 75 коп. съ пуда, т. е. вдвое дешевле того, что́ стоила-бы доставка товара въ лѣтнее время въ Англію черезъ Ригу, Петербургъ или другой какой портъ, а про зимнее время и говорить нечего.

Для Сибири навигація чрезъ Карское море важнѣе даже, чѣмъ устройство сибирской желѣзной дороги. Черезъ этотъ путь громоздкія произведенія ея, не исключая и лѣснаго матеріала, найдутъ выгодный сбытъ за море. Кромѣ того, громадные лѣса ея, не имѣющіе нынѣ почти никакой цѣны, послужатъ матерьяломъ для кораблестроенія и для развитія туземнаго мореплаванія. Попытки этому были уже сдѣланы г. Сидоровымъ и Трапезниковымъ въ Енисейскѣ и Тюмени; но безъ покровительства, безъ поощренія со стороны правительства, при скудости у насъ капиталовъ и недостаткѣ предпріимчивости, попытки эти остались, пока, только попытками. Во всякомъ случаѣ, морской путь въ Сибирь и изъ Сибири составляетъ существенный для нея вопросъ, а потому все должно быть направлено къ тому, чтобы сдѣлать его по возможности удобнымъ и безопаснымъ. Для этого, кромѣ описи береговъ, необходимо устройство метеорологическихъ станцій и телеграфа, составленіе вѣрныхъ картъ Карскаго моря, особенно-же сибирскаго его побережья, устройство маяковъ и сигнальныхъ знаковъ, а также уменьшеніе ввозныхъ пошлинъ на заграничныя произведенія, идущія моремъ въ Сибирь, хотя-бы только на тѣ, которыя необходимы для Сибири, какъ продукты питанія или какъ матерьялъ для развитія въ ней земледѣлія и мануфактурной промышленности.

II. — Прибрежье Карскаго моря.

На прибрежьѣ Карскаго моря, въ юго-западной его сторонѣ, расположенъ самый сѣверо-восточный уголъ Архангельской губерніи, съ южной же стороны примыкаетъ къ нему самая сѣверная окраина Тобольской и отчасти Енисейской губерній, а съ восточной стороны — сѣверная окраина этой же губерніи. Уральскій горный хребетъ, эта естественная пограничная стѣна между Европой и Азіей, оканчивается горой Константиновъ Камень, который отстоитъ въ 45 верстахъ отъ берега Карской губы. Гора эта, до 1,500 футовъ высоты, къ западу спускается тремя уступами, изъ которыхъ послѣдній круто падаетъ къ тундрѣ; вершина горы плоская и у подошвы ея находится значительное озеро. По склонамъ этой горы разбросаны огромные валуны краснаго кварцита. Отъ Константинова Камня, на 30 верстъ въ ширину, простирается къ сѣверо-западу болотистая, покрытая озерками, тундристая равнина, по

которой протекаетъ рѣка Кара и ея притоки. Здѣсь, у западнаго края этой равнины, начинается такъ называемый горный кряжъ Пай-хой, или Каменныя горы. Пай-хой, по изслѣдованіямъ Гофмана, составляетъ особое, независимое отъ Урала поднятіе, и наружный его видъ представляетъ рядъ несвязанныхъ между собою, округленныхъ и покрытыхъ дерномъ горъ, на которыхъ только мѣстами видны какъ бы каменныя макушки, изрѣдка превышающія общій подъемъ этихъ горъ, неподымающихся выше 1000 футовъ надъ уровнемъ моря. Высшая точка этихъ горъ — гора Вазай-пой — достигаетъ 1,300 ф. высоты.

На южномъ побережьѣ Карскаго моря, между Карскою губою и Обскимъ заливомъ, лежитъ большой полуостровъ Ялмалъ или Самоѣдскій. Внутри онъ мало изслѣдованъ, но береговыя описи его сдѣланы довольно точно. Первая опись по восточной его сторонѣ была произведена въ 1736 году геодезистомъ Селифонтовымъ, на оленяхъ, который описалъ и южный берегъ Бѣлаго острова, куда ѣздилъ на карбасѣ. Вторая береговая опись производилась, въ 1827 и 1828 годахъ, штурманомъ Ивановымъ тоже на оленяхъ. О внутренней части полуострова у насъ имѣются нѣкоторыя свѣдѣнія изъ «отписокъ» тобольскихъ воеводъ царю Михаилу Ѳеодоровичу о путяхъ сообщенія изъ города Мангазеи на Русь. Изъ этихъ отписокъ видно, что архангелогородцы и другіе промышленные и торговые люди ходили на западный берегъ Ялмала, въ рѣку Мутную, подымаясь по ней до озера, изъ котораго она беретъ начало, а затѣмъ переволакивались озерками и проточинами до озера Зеленаго, изъ котораго вытекаетъ рѣка того же имени, вливающаяся въ Обскій заливъ, близъ устья р. Оби.

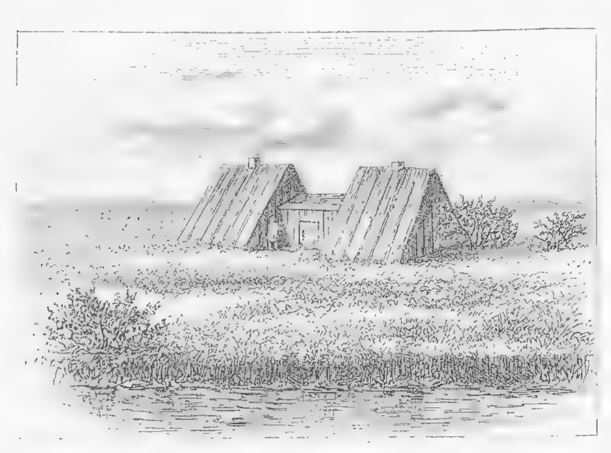
Ѣзда на оленяхъ.

Такъ было въ началѣ XVII вѣка, то же самое, въ сущности, видимъ мы тамъ и теперь. Та же безлюдная, печальная тундра, по которой лѣтомъ кочуютъ Самоѣды, зимою же они отходятъ болѣе къ югу, такъ какъ Ялмалскій полуостровъ небогатъ даже оленьимъ кормомъ. Лѣтомъ Самоѣды промышляютъ здѣсь рыбу по рѣчкамъ, по прибрежнымъ заливамъ и на отмеляхъ, бьютъ линяющихъ гусей и отчасти тюленей и моржей; зимою же охотятся на песца и лисицу, на послѣднюю, впрочемъ, въ небольшомъ количествѣ.

Страна, лежащая къ югу отъ полуострова Ялмала, въ низовьяхъ Оби, хотя и имѣетъ попреимуществу характеръ тундры, но уже болѣе разнообразна и не представляется такой пустынной, какъ полуостровъ. Здѣсь все же видны мѣстами, какъ, напримѣръ, по низовьямъ Оби, кое-какія незначительныя поселенія, важнѣйшимъ изъ которыхъ представляется, нѣкогда бывшій городокъ, а нынѣ село Обдорскъ. Рѣка Обь ниже Обдорска, у Лангальскаго мыса, течетъ однимъ широкимъ рукавомъ, въ 4 версты шириною, являясь во всемъ своемъ величіи. Правый берегъ рѣки возвышенъ и покрытъ небольшимъ лиственнымъ лѣсомъ, лѣвый же низменъ и поросъ мелкимъ кустарникомъ. Въ 70 верстахъ отъ Обдорска, рѣка раздѣляется на два рукава, образуя обширный островъ, длиною до 50 и шириною до 15 верстъ, называемый Халосъ-Погоръ. Этотъ лѣвый рукавъ Оби носитъ названіе Малой Оби и разбивается на множество протоковъ, образуя низменные острова. Въ Малую Обь впадаетъ рѣчка, вытекающая изъ Уральскихъ горъ, Харуа-Яга, въ сто верстъ длиною, которая при устьѣ разбивается на три рукава, причемъ сѣверный изъ нихъ, протекая верстъ десять параллельно Малой Оби, принимаетъ въ себя рѣчку Лангатъ-Юганъ и образуетъ при сліяніи съ ней обширное озеро. Въ ста десяти верстахъ отъ

Обдорска впадаетъ, также вытекающая изъ Уральскихъ горъ, рѣка Щучья. Населеніе береговъ этой рѣки крайне малочисленно и не превосходитъ 70 человѣкъ Самоѣдовъ, проживающихъ въ 14 чумахъ и занимающихся рыбнымъ и звѣринымъ промыслами.

Низовья Оби отъ Обдорска очень слабо населены осѣдлыми жителями. По свѣдѣніямъ обдорскаго засѣдателя, здѣсь Русскихъ до 710 человѣкъ, Остяковъ 5,380 и Самоѣдовъ до 6,000 человѣкъ обоего пола. Въ самомъ Обдорскѣ считается 67 жилыхъ домовъ съ 485 постоянными жителями. Обдорскъ былъ самымъ сѣвернымъ городкомъ въ Сибири. Онъ лежитъ подъ 66° 31 с. ш., въ 290 верстахъ отъ Березова; основанъ сибирскими воеводами въ 1595 г. на мѣстѣ остяцкаго городка и въ старые годы обнесенъ былъ деревянной стѣной съ башнями. Въ 1771 г. въ немъ было 5 дворовъ, церковь и много амбаровъ. Обдорскъ расположенъ на правомъ возвышенномъ берегу рѣки Полуя, въ пяти верстахъ отъ соединенія его съ Обью и въ 300 верстахъ отъ ея устья. Нынѣшній видъ Обдорска представляетъ значительное улучшеніе противъ прежняго здѣсь имѣется деревянная церковь, 67 дворовъ, 150 лавокъ и амбаровъ, больница и школа. Жители его занимаются охотою, рыбнымъ промысломъ и торговлей, даже держатъ домашній скотъ и дворовую птицу, хотя и въ небольшомъ количествѣ, по причинѣ суроваго климата. Обдорскъ извѣстенъ своей ярмаркой, продолжающеюся съ 15 декабря по 25 января, на которую съѣзжаются кочующіе инородцы, русскіе купцы и торговцы, послѣдніе для мѣновой торговли, а первые и для уплаты ясака. Во время ярмарки, число населенія Обдорска возрастаетъ до нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ, и это самое шумное, веселое и вмѣстѣ съ тѣмъ пьяное время для Обдорска. Ярмарка эта помѣщается къ сѣверу отъ города, на открытой, ровной мѣстности, уставленной нартами и санями, а самая торговля производится какъ съ саней, такъ и въ разносъ по домамъ Денежной единицей преимущественно считаются здѣсь песцовыя шкурки и лапки; первыя цѣнятся до 70 к., а вторыя въ 3—5 к. за штуку. Товарами служатъ мѣха, рыба, рыбій клей, птичьи перья, моржевые клыки, мамонтовая кость и ворвань, мука, печеный хлѣбъ, сукна, ситцы, табакъ, холстъ, желѣзныя и мѣдныя издѣлія, кольца, серьги, бусы, зеркальца и прочая мелочь. Пріѣзжаютъ на ярмарку изъ Архангельской губерніи Зыряне, привозящіе съ собою семгу, деревянную посуду, желѣзныя и чугунныя издѣлія, ножевый товаръ, оленьи и моржевые ремни, кедровые орѣхи и пр. Оборотъ обдорской ярмарки простирается до ста тысячъ рублей. Мѣстность вокругъ Обдорска совершенно голая, безлѣсная, и только на южномъ берегу Полуя растетъ тальникъ.

Жилье въ тундрѣ.

Въ 35 верстахъ отъ Обдорска, на правомъ берегу Оби, стоятъ такъ называемыя княжескія юрты, резиденція обдорскаго остяцкаго князя Тайшина. Онъ считается настоящимъ владѣльцемъ Обдорской земли и собираетъ ясакъ черезъ старшинъ каждаго племени для передачи его Березовскому начальству. У князя имѣются жалованныя граматы, данныя русскими царями его предкамъ, жалованный кафтанъ, серебряный кортикъ и медаль, во что́ онъ и облекается въ торжественныхъ случаяхъ.

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ, рыбнаго товара, въ разныхъ его видахъ, вывозится съ низовьевъ Оби въ предѣлы губерніи и далѣе на сумму до 155,500 р.; по частнымъ же свѣдѣніямъ, вывозъ этотъ надо считать вдвое болѣе. Рыба ловится преимущественно до 1-го

сентября, такъ какъ пароходы въ началѣ сентября спѣшатъ вернуться въ Тобольскъ. Поэтому рыбопромышленники нанимаютъ рабочихъ до Семенова дня; къ этому же времени мѣстные промышленники обязываются доставлять свой уловъ тобольскимъ рыбопромышленникамъ. Рыба, вылавливаемая въ рѣкахъ Ныдѣ и Надымѣ, и та, которая ловится послѣ 1-го сентября, поступаетъ уже на обдорскую ярмарку. Рыба ловится обильнѣе при низкой водѣ въ рѣкахъ, нежели въ половодье; но самые снаряды и орудія лова крайне несовершенны. Еслибы послѣдніе были лучше, разсчеты за сдаваемую рыбу честнѣе и добросовѣстнѣе, способы засола и приготовленія рыбы впрокъ раціональнѣе и чистоплотнѣе, то нѣтъ сомнѣнія, что производительность Обскаго низовья далеко превышала бы нынѣшнее количество вывозимаго отсюда рыбнаго товара.

Рыбный промыселъ до такой степени малоприбыленъ и рыболовъ до такой степени эксплуатируется и притѣсняется скупщиками рыбы, что остается удивляться только какъ, онъ выноситъ это иго. Въ торговлѣ пушниной единицей цѣнности служитъ песецъ; въ рыбномъ промыслѣ песца замѣняетъ вкусная и нѣжная рыба муксунъ. Муксунъ однакоже долженъ быть извѣстнаго размѣра, не менѣе девяти вершковъ, отъ хвоста до глаза; если же онъ будетъ хоть чуточку менѣе, то уже считается подмуксункомъ. На рубль идетъ извѣстное количество муксуновъ. Такъ, около устья Иртыша на рубль идетъ 8 штукъ, въ Березовѣ — 10, въ Обдорскѣ — 15, на низовьяхъ Оби—20, въ Надымѣ—25 и даже 30 штукъ; подмуксунковъ же идетъ вдвое больше. Какое широкое поле для всякаго рода притѣсненій основано на этомъ разсчетѣ! Но это еще не все. Привозимый скупщиками рыбы товаръ рѣдко бываетъ хорошаго качества, и товаръ этотъ отпускается рыболовамъ-инородцамъ по дорогой цѣнѣ, которая еще болѣе обезцѣниваетъ несчастнаго муксуна. Поэтому инородецъ всегда въ долгу, какъ въ шелку, у рыбопромышленника: онъ у него въ вѣчной кабалѣ. При этомъ еще случается спаиванье скверной водкой, всегдашнее обсчитыванье и всяческій обманъ. Инородецъ и самъ теперь научился обманывать и даже воровать, но это не его вина. Бѣдственное положеніе и поведеніе Русскихъ въ отношеніи инородцевъ были тому причиной, по натурѣ же своей инородецъ — честный и правдивый человѣкъ.

Княжья юрта на Оби, мѣстопребываніе остяцкаго князя, Ивана Тайшина.

Прекрасная и цѣнная рыба нельма отдается промышленникамъ на глазомѣръ за 2 или за 3 муксуна; осетръ, около пуда вѣсомъ, принимается ими за рубль, а двухъ и трехъ-пудовой осетръ — за 2 рубля. Вкусная рыба сыранъ оцѣнивается такъ: покрупнѣе — за одного муксуна десятокъ, а помельче — пятнадцать штукъ за одного муксуна. Комментаріи къ этому излишни. Осетръ въ Тобольскѣ продается нынѣ отъ 4 до 5 рублей за пудъ, въ Тюмени же стоитъ 5 и 6 руб.; слѣдовательно, на осетрѣ промышленникъ наживаетъ отъ 250 до 300% — въ Тобольскѣ и отъ 400 до 500% — въ Тюмени. То же слѣдуетъ замѣтить и въ отношеніи другихъ породъ рыбъ. Если же принять во вниманіе тѣ безобразныя цѣны, по которымъ выдается инородцу товаръ вмѣсто рыбы, и низкое качество этого товара, то, въ общемъ, получается невѣроятное, по своимъ размѣрамъ и формѣ, ограбленіе инородцевъ-рыболововъ рыбными промышленниками!..

Для лова рыбы на Оби употребляются невода различныхъ размѣровъ, сѣти, морды и ко-

лында — особый снарядъ, которымъ Остяки во время хода рыбы ловятъ ее, сидя въ своей небольшой лодкѣ и плывя по теченію рѣки. Также ловятъ рыбу переметами и самоловами, преимущественно осетровъ, по ямамъ рѣчнаго русла. Рыбу солятъ и сушатъ или вялятъ. Ее солятъ въ кадкахъ; послѣ того, какъ она пролежитъ въ нихъ надлежащій срокъ, ее вынимаютъ и складываютъ въ стопы, почему такую рыбу и называютъ стоповой. Засолъ рыбы производится самымъ грубымъ образомъ, да вдобавокъ еще и соли кладется недостаточно. Объ опрятности и говорить нечего, — даже и слова этого здѣсь не вѣдаютъ. Страдающій накожной болѣзнью или даже сифилисомъ все-таки остается служить въ засольщикахъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Для сушки или вяленья, рыбу пластуютъ, очищая отъ внутренностей, слегка солятъ, затѣмъ развѣшиваютъ на жердяхъ на солнцепекѣ. Осенью и зимою вылавливаемую рыбу сушатъ и вялятъ, у Русскихъ — въ печахъ, у инородцевъ — надъ очагомъ въ чумахъ.

Изъ внутренностей рыбы вытапливаютъ жиръ; рыбій же клей, вязига, икра приготовляются здѣсь въ небольшомъ количествѣ и по качествамъ своимъ неудовлетворительны. Ни балыкъ, ни маринованная рыба, ни рыбные консервы — здѣсь неизвѣстны. При здѣшнемъ обиліи рыбы, ея высокихъ качествахъ и дешевизнѣ, какое обширное поле для раціонально устроенной рыбопромышленности! Какъ выигралъ бы самый край, еслибы вмѣсто невѣжественныхъ эксплоататоровъ-рыбопромышленниковъ явились сюда люди знающіе, люди съ значительнымъ капиталомъ и мало-мальски добросовѣстные! Но вотъ уже 300 лѣтъ, какъ эта страна принадлежитъ Россіи, и ничего для улучшенія здѣшней рыбопромышленности не сдѣлано: та же косность, то же круглое невѣжество, та же безшабашная эксплуатація инородцевъ, тѣ же хищническіе пріемы лова рыбы, какъ были и прежде!..

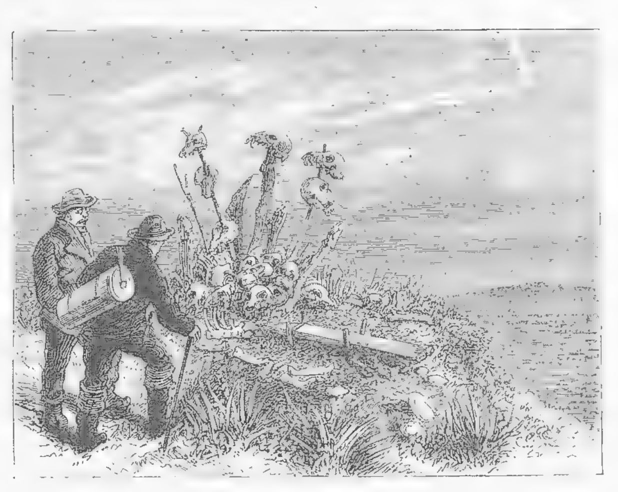
Кромѣ лова рыбы, здѣшніе жители, какъ Русскіе, такъ и инородцы, занимаются осенью и зимою звѣроловствомъ. Въ низовьяхъ Оби, по тундрамъ, преимущественно ловятся олени и песцы; по рѣкамъ Тазу, Пуру и въ верховьяхъ Надыма, гдѣ уже растутъ лѣса весьма хорошаго качества, годные даже для кораблестроенія, промышляются бѣлка, россомаха, лисица, также волки, медвѣди, зайцы и изрѣдка соболь. Мѣха сбываются на мѣстныхъ ярмаркахъ, преимущественно обдорской, также въ значительномъ селеніи Мужи, выше Обдорска, гдѣ также бываетъ небольшая ярмарка. Кромѣ звѣроловства мѣстные жители разводятъ собакъ, которыя въ зимнее время замѣняютъ имъ съ пользою лошадей. На нихъ возятъ всякаго рода тяжести; онѣ же употребляются и для переѣздовъ, охоты на звѣрей и охраненія оленьихъ стадъ отъ волковъ. Кромѣ того, собачій мѣхъ употребляется инородцами, какъ украшеніе одежды. Число собакъ въ здѣшнемъ краѣ неизвѣстно; у рѣдкаго дома или чумохозяина нѣтъ 6 — 10 и даже болѣе собакъ; поэтому число ихъ можно принять до 20,000 штукъ.

Птичій промыселъ составляетъ немаловажную отрасль инородческаго хозяйства. Птицу бьютъ или во время ея линянья, или осенью, когда она откормится и полетитъ на югъ. Промышляютъ преимущественно гусей и утокъ, отчасти лебедей. Мясо вялятъ или хранятъ въ ямахъ, перо и пухъ вывозятся на обдорскую ярмарку. Судостроеніемъ здѣшніе жители не занимаются, но инородцы строятъ свои немудрыя лодки или въ Тазовской губѣ, по рѣкамъ Тазу и Пуру, или же покупаютъ лодки у инородцевъ, живущихъ около Березова, гдѣ уже растутъ лѣса. Домашнее скотоводство существуетъ у Русскихъ и то въ самомъ незначительномъ количествѣ; такъ, во всей Обдорской волости считается 110 лошадей, 140 коровъ, до 20 овецъ и около десятка свиней.

Обратимся теперь къ дальнѣйшему описанію прибрежья, которое мы оставили при устьѣ р. Великой Оби. Рѣка Надымъ, берущая начало изъ значительнаго озера Тормъ-лора, въ тундрѣ, протекаетъ съ юга на сѣверо-западъ и вливается широкимъ устьемъ, въ нѣсколько десятковъ верстъ, въ Обь, образуя при устьѣ своемъ, съ одной стороны, возвышенный мысъ Жертвъ,

названный такъ потому, что Самоѣды приносили здѣсь, да и теперь еще приносятъ жертвы своему богу Ортику, сыну луны, а съ другой — мысъ Линзитъ. Въ широкомъ устьѣ Надыма лежитъ пустынный, низменный песчаный островъ. Несмотря на свою ширину, устье Надыма очень мелко; противъ него, въ руслѣ рѣки Оби, много отмелей, затрудняющихъ плаваніе. Къ сѣверу отъ мыса Линзита впадаетъ значительная рѣка Ныда, образуя Ныдскій мысъ, у котораго производилась разгрузка и нагрузка приходившихъ изъ Европы, въ послѣдніе годы, пароходовъ.

Къ сѣверо-востоку отъ Ныды тянется до Тазовской губы низменный полуостровъ Низовской самоѣдской тундры, обмываемый съ сѣвера, сѣверо-востока и востока водами Тазовской губы, въ южный конецъ которой впали многими рукавами р. Пуръ и р. Тазъ. Рѣка Пуръ, протяженіемъ до 400 верстъ, при ширинѣ въ устьѣ до 200 саженъ, вытекаетъ изъ болотъ. Она научно не изслѣдована, какъ равно рѣки Ныда и Надымъ. Рѣка Тазъ только нижнею частью теченія входитъ въ описываемый здѣсь районъ; она при устьѣ до 3 верстъ ширины; берега довольно плоскіе. Въ устьѣ рѣки Таза зимою ловится много рыбы. Верстахъ въ ста двадцати отъ устья этой рѣки стоитъ небольшая часовня, въ честь мѣстнаго угодника Василія Мангазейскаго. Въ верховьяхъ рѣкъ Полуя, Надыма и Ныды растутъ порядочные лѣса, состоящіе изъ кедра, пихты, сосны и ели. Лѣса эти доставляютъ Самоѣдамъ матерьялъ для постройки лодокъ, чумовъ, нартъ и разныхъ снарядовъ для ловли рыбы и звѣрей. Здѣсь, при условіи развитія на нижней Оби морской торговли, могли бы возникнуть разнаго рода лѣсные промыслы; но, въ настоящее время, лѣса здѣшніе не представляютъ никакой цѣнности, гніютъ на корню или истребляются пожарами.

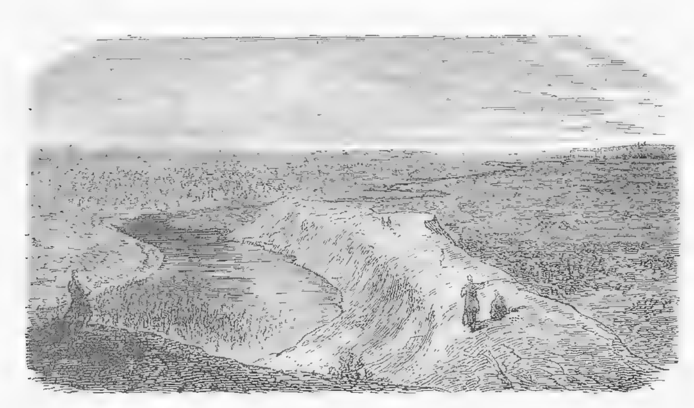
Мысъ Жертвъ.

Пустынное побережье большой Низовской тундры совершенно не изслѣдовано; извѣстно только, что къ сѣверу отъ Тазовской губы она орошается рѣкой Гидой, вытекающей изъ озера, но какого — неизвѣстно; правый же ея притокъ, рѣка Сарверъ, вытекаетъ изъ Писалицкаго озера, а одинъ изъ притоковъ послѣдней — изъ озеръ Ямбо и Нельгато, близъ южнаго берега котораго академикомъ Шмидтомъ, въ 1866 году, были найдены остатки мамонта, къ несчастью, въ весьма небольшомъ числѣ, хотя мамонтъ, по словамъ Остяковъ, былъ замѣченъ ими цѣлымъ и хорошо сохранившимся. Въ Варенцовскую губу впадаетъ рѣка Варенцова, вытекающая изъ двухъ озеръ. Близъ сѣвернаго берега верхняго озера г. Трофимовымъ были также найдены остатки мамонта. Вообще, вся страна эта низменная, представляетъ собою дно бывшаго моря, что́ можно сказать и обо всемъ прибрежьѣ Карскаго моря. Почва его состоитъ большею частью изъ ила, глины, дресвы и ракушекъ, и нѣтъ сомнѣнія, что море оставило эту мѣстность въ недавнее, сравнительно, время, тѣмъ болѣе, что сѣверо-западный берегъ Енисейскаго залива замѣтно мелѣетъ.

Заканчивая рѣчь о прибрежьѣ Карскаго моря, слѣдуетъ добавить, что, по причинѣ суроваго климата и тундристой почвы, оно не способно къ заселенію осѣдлыми жителями и даже для бродячихъ инородцевъ мало привлекательно, по мнѣнію достаточнаго

корма для ихъ оленьихъ стадъ, составляющихъ главное благосостоянiе мѣстныхъ жителей. Прибрежье это представляетъ выгоды по богатству рыбнаго и звѣринаго промысла и въ этомъ отношенiи оно составляетъ цѣнность довольно крупнаго размѣра. Во всемъ же прочемъ, это — неприютная и печальная пустыня!..

Николай Латкинъ.

Самое сѣверное мѣсто на Подаратѣ (у Карской губы).

ОЧЕРКЪ VIII.

СТАРИННОЕ И СОВРЕМЕННОЕ ЛУКОМОРЬЕ.

Откуда взялось названіе — Лукоморье. — Разсказы о Лукоморьѣ древне-новгородскихъ отроковъ.—Какъ въ древности добрались до Лукоморья. — Путешествіе въ Лукоморье въ наше время: устья Иртыша и жизнь въ Троицкихъ юртахъ; Троицкій шайтанъ; Остяки и ихъ пляска. — Лѣтнія ночи на Оби. — Правый берегъ Оби и его обвалы.—Катастрофы на Иртышѣ.—Видъ долины Оби. — Люди, въ ней живущіе — Птицы и разнаго рода охота на нихъ.— Видъ на Малый Атлымъ и его городища.—Урманъ вообще и около Корымкаръ.—Сосновскія юрты и сборы Остяка на урманный промыселъ.—Преданія о собакѣ, лосѣ и медвѣдѣ. — Божественное происхожденіе медвѣдя; отъ него добытъ огонь; празднества передъ убитымъ медвѣдемъ; клятва передъ его лапой и зубомъ. — Соболь и охота на него. — Рѣчной бобръ его жизнь и бобровый промышленникъ.—Выходъ Остяка изъ лѣса и судьба его добычи. — Березовъ и его обитатели.—Обдорскъ и жизнь на его ярмаркѣ.—Остяки и Самоѣды и ихъ сходство по обычаямъ съ вымершими народами Европы.—Божества Остяковъ и ихъ взгляды на загробную жизнь.— Самоѣды и ихъ отличіе отъ Остяковъ; характеръ и нравы Остяковъ.—Рыболовство и его задачи.

У Лукоморья дубъ зеленый,
Златая цѣпь на дубѣ томъ,
По цѣпи ходитъ котъ ученый:
Идетъ направо — пѣснь заводитъ,
Налѣво — сказку говоритъ.
Тамъ чудеса, тамъ лѣшій бродитъ,
Русалка на вѣтвяхъ сидитъ...

ПУШКИНЪ.

оэтъ, которому русское общество, хоть и послѣ продолжительнаго раздумья, воздвигло, наконецъ, памятникъ, былъ чутокъ къ истинѣ. Принимая въ основаніе своихъ твореній чисто-народные разсказы, онъ заставилъ дѣйствовать героя одной изъ своихъ поэмъ, Руслана, въ такой обстановкѣ, которая была создана фантазіей русскаго человѣка подъ вліяніемъ историческихъ обстоятельствъ. Тѣ лица и событія, которыя русскій человѣкъ до сихъ поръ воспѣваетъ, какъ довольно существенный элементъ въ его жизни, среди пустынныхъ лѣсовъ нашего сѣвера, относятся часто къ весьма далекой древности. Такъ, олонецкіе «сказатели», по большей части въ моемъ присутствіи, напѣвали безвременно умершему А. Ѳ. Гильфердингу рядъ былинъ о «Владимірѣ стольнокіевскомъ», о «Добрынюшкѣ Никитичѣ» и даже объ «оратаѣ Никулѣ Селяниновичѣ». Вѣроятно, подобнаго же рода сказанія, если не былины, заставили нашего поэта отправить своего героя, Руслана, въ экспедицію къ Лукоморью. Названіе Лукоморья прилагалось въ древности къ странѣ, существующей до сихъ поръ и сохранившей, какъ въ своей природѣ, такъ и въ населеніи, весьма своеобразныя черты, которыя особенно могли быть поразительны для первыхъ русскихъ людей, побывавшихъ въ этой странѣ. Лукоморье — это страна, чрезъ

которую древніе Новгородцы въ первый разъ проложили себѣ путь въ Сибирь. Во времена Новгородской республики южныя части Сибири и восточныя Россіи были населены довольно сильными и воинственными татарскими ордами, поэтому Новгородцамъ было всего легче прокладывать путь къ сибирскимъ мѣхамъ чрезъ такія мѣстности, которыя были населены преимущественно мирными рыбаками и искусными звѣроловами — Финнами. Изъ земель, принадлежавшихъ Финнамъ, Новгородцы уже въ XI столѣтіи заняли обширныя пространства на нынѣшнемъ сѣверѣ Россіи и въ особенности въ Поморьѣ. Въ концѣ же этого столѣтія отроки новгородскіе являются на рубежѣ съ Сибирью, въ области сѣвернаго Урала; многія изъ туземныхъ племенъ платятъ имъ дань, многія состоятъ въ то же время въ торговыхъ сношеніяхъ; такова была, напримѣръ, Самоѣдь. Но отъ Самоѣди отроки пробираются къ Югрѣ, къ тому самому народу, который выселялся нѣкогда изъ своей земли въ Европу и потомки котораго живутъ до сихъ поръ по берегамъ Дуная и Тейса. Краткій разсказъ о похожденіяхъ одного отрока, со словъ Гуряты Роговича Новгородца, отмѣтилъ въ своей лѣтописи Несторъ подъ 1096 годомъ. По разсказу отрока, «Югра же людье есть языкъ нѣмъ, и сидятъ съ Самоѣдью на полунощныхъ странахъ». Практическій и любознательный отрокъ не ограничивается однакоже непосредственнымъ знакомствомъ съ самой Югрой, — онъ ведетъ разспросы о народахъ, дальше на востокъ живущихъ. И Югра передаетъ о слѣдующемъ чудѣ, удивившемъ ее, о чемъ прежде не было слышно. «Суть горы, зайдуче *луку моря*, имъ же высота, яко до небесе, и въ горахъ тѣхъ кличь великъ и говоръ..... и въ горѣ той просѣчено оконце мало, и тудѣ молвятъ, и есть не разумѣти языку ихъ, но кажутъ на желѣзо и помаваютъ рукою, просяще желѣза; и аще кто дастъ имъ ножъ ли, сѣкиру ли, даютъ скорою противу». Итакъ Уралъ — суть горы, зайдуче *луку моря*, — горы, упершіяся въ тотъ изгибъ морскаго берега, который образуется губами Карской и Хайпудырской, или, еще въ болѣе обширномъ смыслѣ, — Обской губой и устьями Печоры. Названіе *луки* до сихъ поръ сохранилось въ Сибири для обозначенія изгибовъ или петель, образуемыхъ рѣками; въ Россіи оно удержалось только за тѣмъ знаменитымъ изгибомъ, который дѣлаетъ Волга около Самары; точно также Великія-Луки, пригородъ господина Великаго Новгорода, получилъ, очевидно, свое названіе отъ многочисленныхъ петель Ловати, гдѣ онъ стоитъ. Такимъ образомъ, одинъ или два залива или цѣлый рядъ береговыхъ изгибовъ моря или лукъ, находящихся на сѣверной оконечности Урала, — *въ странахъ полунощныхъ*, — дали самому побережью названіе Лукоморья, чудеснымъ разсказамъ о которомъ вѣрилъ даже преподобный Несторъ, занося въ свою лѣтопись образный разсказъ отрока Гуряты Роговича. О людяхъ, просѣкшихъ въ горѣ «оконце мало», онъ говоритъ, что это «суть людіе заклепаніи Александромъ Македоньскимъ царемъ».

Та же лѣтопись указываетъ на трудность доступа къ горамъ: «Есть же путь до горъ тѣхъ непроходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ». Эта трудность доступа, какъ въ нѣдра самаго сѣвернаго Урала, такъ и въ область его восточныхъ склоновъ, все болѣе и болѣе усиливала чудесные разсказы о Лукоморьѣ; вообще, чѣмъ менѣе извѣстна страна, тѣмъ болѣе появляется о ней баснословныхъ свѣдѣній, тѣмъ болѣе она служитъ предметомъ изощренія человѣческой фантазіи и воображенія; — «для человѣка нѣтъ ничего болѣе поэтичнаго, какъ-то, чего онъ не знаетъ», сказалъ одинъ изъ французскихъ писателей по поводу той таинственности, въ которую такъ долго были облечены источники африканской рѣки Нила, и того вниманія, которое онъ постоянно привлекалъ къ себѣ. Лѣтъ семьсотъ или восемьсотъ назадъ такимъ же предметомъ вниманія для Русскихъ было Лукоморье. Лукоморье не потеряло своего чудеснаго характера и тогда, когда Русскіе начали проникать въ мѣста, которымъ первоначально было присвоено это названіе. Съ постепеннымъ ознакомленіемъ съ сѣверными частями Зауралья, народная молва не разставалась со сказочнымъ Лукоморьемъ и отодвигала его все дальше и дальше на югъ, въ тѣ страны и области, которыя оставались еще неизвѣданными. Наконецъ, подъ Лу-

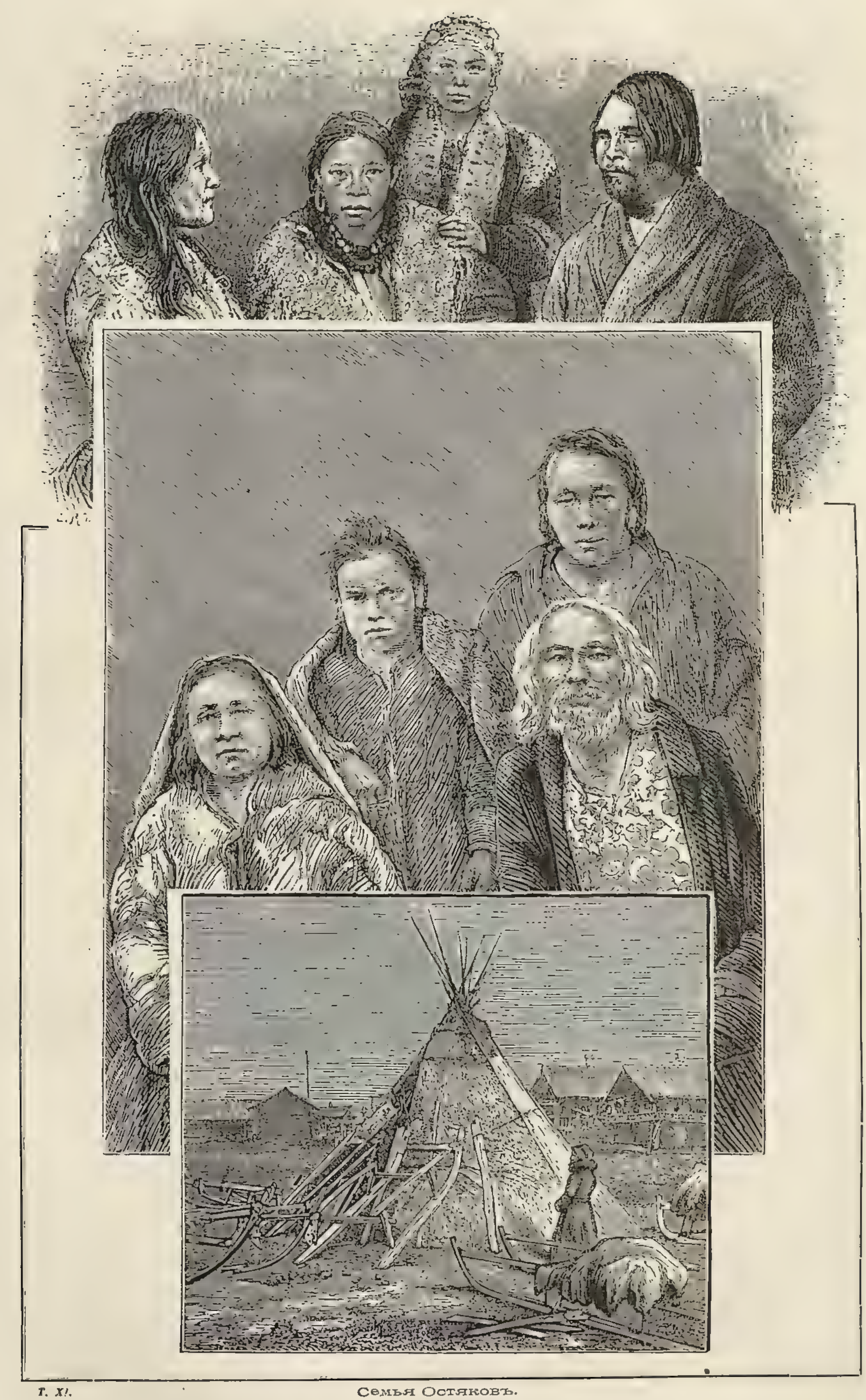
коморьемъ начали разумѣть только городъ, лежащій далеко на югѣ Западной Сибири или даже можетъ быть за ея предѣлами. Еще въ XVI столѣтіи были записаны слѣдующія свѣдѣнія о Лукоморьѣ: «Отъ устья рѣки Иртыша до крѣпости Грустины два мѣсяца пути; отъ нея до озера Китна рѣкою Обью, которая вытекаетъ изъ этого озера, болѣе чѣмъ три мѣсяца пути. Отъ этого озера приходятъ въ большомъ количествѣ черные люди, лишенные общаго всѣмъ дара слова; они приносятъ съ собою много товаровъ, преимущественно же жемчугъ и драгоцѣнные камни, которые покупаются Грустинцами и Серпоновцами. Они называются Лукоморцами изъ Лукоморіи, лежащей въ горахъ, по другую сторону Оби отъ крѣпости Серпонова. Сказываютъ, что съ людьми Лукоморіи происходитъ нѣчто удивительное и невѣроятное, весьма похожее на басню: какъ носится слухъ, они каждый годъ умираютъ, именно 27 ноября, когда у Русскихъ празднуется память св. Георгія, — и потомъ оживаютъ, какъ лягушки, на слѣдующую весну, большею частію около 24 апрѣля. Грустинцы и Серпоновцы ведутъ съ ними торговлю необыкновеннымъ, неизвѣстнымъ въ другихъ странахъ способомъ. Когда у нихъ наступаетъ опредѣленное время умереть или заснуть, они складываютъ товары на извѣстномъ мѣстѣ, а Грустинцы и Серпоновцы уносятъ ихъ, оставляя вмѣсто нихъ свои товары и дѣлая равный размѣнъ. Возвратясь къ жизни, Лукоморцы требуютъ назадъ свои товары, если находятъ, что имъ сдѣлана несправедливая оцѣнка». До какой степени старинные русскіе люди вѣрили приведеннымъ разсказамъ о Лукоморіи, видно изъ того, что они были помѣщены въ одномъ старинномъ дорожникѣ. Итакъ, если свѣдѣнія о чудесахъ Лукоморья вошли въ лѣтописи и въ рукописи или въ записи грамотныхъ людей, то настолько же они были распространены и въ массѣ русскаго народа, даже до недавняго времени. Можетъ быть, поэтъ, создавшій образы Руслана, Финна, волшебницы Наины, Черномора и мертвой головы, слышалъ разсказы о Лукоморьѣ непосредственно изъ устъ русскаго человѣка. Сливъ въ своей поэмѣ сказочный элементъ о Лукоморьѣ, созданный въ Древне-Новгородской области, съ народными взглядами на историческое прошлое изъ южной Россіи, поэтъ вполнѣ былъ правъ въ своемъ игривомъ выраженіи: «дѣла давно минувшихъ дней, преданья старины глубокой!..»

Вѣроятно, уже въ XI столѣтіи Новгородцы проникали въ сѣверныя части Зауралья. Въ началѣ XII вѣка, Новгородцы уже знали хорошо о зауральскихъ черныхъ соболяхъ, изъ которыхъ туземцы дѣлали себѣ и рукавицы и ноговицы. Вслѣдствіе такой славы, Новгородцы все дальше и дальше подвигались на востокъ, покоряя туземцевъ и налагая на нихъ дань. Но сборъ дани не всегда обходился дешево; случалось, что сборщики дани платились за нее своими головами. Въ лѣтописяхъ случается встрѣчать и такія мѣста: «избіени быша Печерскѣи даньникы и Югърьскія въ Печерѣ; и паде головъ о стѣ доброименитыхъ». Самымъ стойкимъ народомъ на пути въ Зауралье была Югра; предпринимаемые на нее походы долго не были вполнѣ удачными; Югра разбивала новгородскихъ ратниковъ частію обманомъ, частію силою. Такъ, въ концѣ XII столѣтія, воевода Ядрѣй былъ зазванъ обманомъ въ югорскій станъ, гдѣ и былъ изсѣченъ вмѣстѣ съ другими своими ратниками-сотоварищами, которыхъ было около 90. Едва 80 человѣкъ спаслось изъ этого отряда отъ погибели. Во второй половинѣ XIV столѣтія Новгородцы были уже походомъ за Ураломъ и воевали «по Оби рѣки до моря», а другая половина рати «на верхъ Оби воеваша». Затѣмъ, въ теченіе слѣдующаго столѣтія Новгородцы также не упускали изъ вида земли Югорской, походы видимо повторялись, хотя иногда съ большимъ урономъ ратниковъ. Съ паденіемъ Новгорода, Югра перешла уже, въ числѣ другихъ Новгородскихъ волостей, въ вѣдѣніе великихъ князей Московскихъ, и въ граматахъ велико-княжескихъ встрѣчается уже титулъ: *Югорскій*. Съ переходомъ господствующей власти изъ Новгорода въ Москву походы въ Зауралье не прекращались; воеводы выходили на Обь и болѣе счастливо воевали съ туземцами, собирая съ нихъ дань серебромъ и пушными товарами. Наконецъ, XVI столѣтіе было роковымъ для Зауралья; завоевательная дѣятельность изъ полунощныхъ странъ была перенесена въ болѣе южныя части Зауральскаго

края, болѣе густо заселеннаго уже довольно сильными туземными племенами. Но и Зауралье не переставало быть предметомъ стремленія Русскихъ съ сѣвера; здѣсь шли сношенія болѣе мирныя, — торговля; путь черезъ устье Оби въ Байдарацкую губу и черезъ сѣверную оконечность Урала сдѣлался уже настолько популярнымъ, что имъ пользовались воеводы для возвращенія въ Россію, если ихъ въ области Иртыша застигала опасность. Путь этотъ, въ концѣ XVI вѣка, получилъ такое торговое значеніе, что черезъ него шла изъ Зауралья большая часть мѣховъ. Въ виду этого, правительство, укрѣпившись въ области Иртыша, въ началѣ XVII вѣка, и чувствуя подрывъ въ сборѣ ясака пушнымъ звѣремъ черезъ отливъ его сѣвернымъ путемъ, запретило имъ пользоваться, такъ что настоящее Лукоморье осталось и съ этой стороны запертымъ отъ сношенія съ людьми большаго культурнаго развитія. Все вліяніе на населеніе по Оби, отъ впаденія въ нее Иртыша до океана, начало тогда отражаться съ юга, изъ Тобольска. Но такъ какъ вліяніе было сравнительно слабо, то изолированный край до сихъ поръ сохранилъ въ себѣ многія изъ тѣхъ своихъ характерныхъ особенностей, которыя послужили поводомъ къ составленію чудесныхъ разсказовъ о Лукоморьѣ. Нынѣ вся громадная полоса Зауралья, начиная отъ береговъ Ледовитаго океана, по восточному склону Урала и вверхъ по теченію Оби, до впаденія въ нее Иртыша, составляетъ часть Тобольской губерніи, именно Березовскій округъ, называемый иначе Березовскимъ и Обдорскимъ краями.

---

20 іюня 1876 года, я вышелъ изъ устьевъ Иртыша въ Обь, къ селенію Бѣлогорскому. Уже болѣе шестисотъ верстъ, все пространство между Тобольскомъ и Бѣлогорьемъ, было пройдено мною въ лодкѣ, шагъ за шагомъ, съ остановками для осмотра различныхъ мѣстностей, обитателей и ихъ промысловъ. Съ выходомъ къ селенію Бѣлогорскому или къ Бѣлогорью, я вступилъ, въ область Березовскаго края. Теперь я долженъ былъ по теченію Оби спуститься въ ея низовья, даже въ самую Обскую губу, такъ что впереди меня лежало еще пространство болѣе чѣмъ въ тысячу верстъ, которое предстояло пройти на лодкѣ. Впрочемъ, находившаяся въ моемъ распоряженіи лодка удовлетворяла всѣмъ необходимымъ требованіямъ для плаванія въ водахъ, которыя широкою лентою разлились въ Березовскомъ и Обдорскомъ краяхъ. Она была легка на ходу, крѣпка и безопасна при борьбѣ съ бурями. Мнѣ подарилъ ее одинъ изъ иртышскихъ обитателей. Лодка или, какъ здѣсь называютъ, каюкъ, имѣла около 24 аршинъ въ длину; она была крытая, восьмивесельная; подъ крышей были двѣ каюты, у каждой по два окна; въ передней каютѣ сдѣланы нары, на которыхъ возможно помѣститься троимъ для отдыха; тутъ же стоялъ письменный столъ. Каюта была настолько высока, что въ ней можно было ходить не сгибаясь. Задняя каюта такихъ же размѣровъ, въ ней помѣщались необходимые для дороги припасы; въ случаѣ ненастья, тутъ укрывались гребцы. Подъѣзжая къ Бѣлогорью, мы замѣтили около праваго берега Оби, вмѣстѣ съ рядомъ деревянныхъ домиковъ, большую, пеструю толпу людей, что напоминало видъ любой русской деревни, передъ которой ея обитатели, въ праздничныхъ, русскихъ нарядахъ, ведутъ хороводы. Такъ это и было на самомъ дѣлѣ. Подъѣхавъ къ берегу, мы вполнѣ ясно могли слышать русскія пѣсни, иногда впрочемъ стариннаго склада. Бѣлогорцы справляли мѣстный праздникъ. Селеніе расположилось въ самой долинѣ рѣки, подъ высокимъ нагорнымъ берегомъ Оби; съ нѣкоторыхъ сторонъ на дворы наносило даже песокъ. Сейчасъ же за селомъ, на крутомъ берегу, лѣсъ; нѣтъ и признака пашни, обычнаго спутника русскаго поселенія, какъ въ Россіи, такъ и въ другихъ, болѣе южныхъ мѣстахъ Сибири. Одна отрасль сельско-хозяйственной промышленности сохранилась у нихъ — скотоводство; жители держатъ небольшое количество лошадей и коровъ. Самое селеніе было основано въ XVII столѣтіи, какъ ямъ или ямщицкая станція, вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими, лежащими по Ир-

Т. XI.

Семья Остяковъ.

Группа Самоѣдовъ.

Остяцкая деревня и самоѣдская палатка.

тышу. Главное занятіе жителей — рыболовство, — промыселъ, который можетъ служить характерной чертой для всѣхъ русскихъ поселеній, внизъ по теченію Оби. Затихшія пѣсни и прекратившіеся хороводы обитателей Бѣлогорья, которые живутъ болѣе чѣмъ въ 20 домахъ, смѣнились затѣмъ другими. Ловкая молодежь, усѣвшись въ гребцы, завела свои собственныя пѣсни, и я отправился въ путь. Лодка вышла на быстрину рѣки, на «стрежу», и понеслась мѣрно и скоро по зеркальной поверхности широко разлившейся Оби. Погода стояла невозмутимо тихая. Въ разныхъ мѣстахъ рѣка начала вѣтвиться на протоки; многочисленные острова съ ихъ древесной и кустарной зеленью смотрѣлись въ воду, обливая ее зелеными отливами цвѣтовъ. Вообще, ландшафтъ имѣлъ чрезвычайно мягкіе контуры, своеобразныя комбинаціи воды съ зеленью и низменными островами, съ высокимъ правымъ берегомъ Оби. При тихой и теплой погодѣ пошелъ дождикъ; но и отъ него не хотѣлось уходить въ каюту. Было нѣчто таинственное, непонятное, магически приковывающее вниманіе въ виду этой величественной, теперь такъ спокойной рѣки. Что тутъ, въ каждомъ углу, происходило прежде, что дѣлается теперь въ этомъ тайникѣ природы? — Да, видимо, природа давно привлекала здѣсь вниманіе человѣка; туземцы издавна обожали эту мѣстность. Я долженъ былъ черезъ нѣсколько времени своротить въ одинъ изъ протоковъ Оби, — гдѣ мнѣ желательно было встрѣтиться съ аборигенами здѣшняго края, Остяками. Громкій, дружный вой собакъ возвѣстилъ, наконецъ, о близости человѣческаго жилья, и лодка пристала къ берегу, около знаменитыхъ между Остяками Троицкихъ юртъ.

Съ Троицкими юртами открылось новое звено, характерное для жизни Березовскаго края, — это Остяки, здѣшніе аборигены, такъ сказать, — дѣти нижне-обской области, въ своемъ родѣ Лукоморцы нашихъ древнихъ предковъ. Троицкія юрты по внѣшнему виду не отличаются ничѣмъ отъ другихъ, расположенныхъ въ разныхъ другихъ мѣстахъ по теченію Оби и даже Иртыша. Это — лачужки, числомъ до 8; у каждой есть одно или два окна, закрытыя рѣдко стеклянными осколками, чаще пузыремъ или рыбьей кожей; сверху, надъ потолкомъ, часто бываетъ крыша изъ коры, бересты или драпаго лѣса, накрытая еще палками. Внутри хатки — нары, а въ одномъ изъ угловъ или даже въ сѣняхъ находится чувалъ — мѣсто, гдѣ разводится огонь, согрѣвающій хатку. Нѣсколько рваныхъ шкуръ и лоскутья сѣтей составляютъ единственное украшеніе внутренней, никогда немытой и неметеной части хижины. Остяки, хотя и не знаютъ земледѣлія, но безъ хлѣба не обходятся; они пекутъ лепешки; для этого у нихъ устроены отдѣльно отъ лачугъ, на задворкахъ, печи, какъ это дѣлается и у Татаръ, живущихъ по Иртышу. На задворкахъ же можно видѣть лошадей, которыхъ у наиболѣе состоятельныхъ бываетъ по двѣ, у большинства же лошадь — богатство случайное и часто недосягаемое. Около каждаго домика стоятъ всегда четыре жерди, связанныя поперекъ другими, отчего образуется нѣчто въ родѣ куба; на перекладинахъ сушатся сѣти, вялится рыба. Тутъ же рядомъ можно видѣть конусы изъ нетолстыхъ деревъ, — это заготовленныя въ запасъ дрова. Около самыхъ хижинъ или вдали отъ нихъ стоятъ небольшіе амбарушки на высокихъ сваяхъ, такъ что попасть въ нихъ можно только по лѣстницѣ; въ этихъ амбарушкахъ хранятся также различныя хозяйственныя принадлежности: сѣти, лукъ, стрѣлы и ящики съ наиболѣе цѣннымъ имуществомъ; но что всего цѣннѣе изъ сохраняющагося въ амбарушкахъ, — такъ это, очевидно, истуканы, которые Остякъ, не смотря на то, что христіанинъ по крещенію и званію, чтитъ какъ величайшую святыню. Впрочемъ, около дома сохраняются только второстепенные истуканы — «шайтанчики», чтимые отдѣльными семьями или родомъ, представителями одного селенія. Есть болѣе могущественные, пользующіеся славой на широкомъ пространствѣ. Именно по этой причинѣ Троицкія юрты, не смотря на ихъ скромный видъ и на положеніе среди плоскаго острова, составляютъ въ своемъ родѣ Мекку, куда стекаются Остяки на поклоненіе часто изъ мѣстностей, удаленныхъ на полторы тысячи верстъ. Окрестности Оби, при впаденіи въ нее Иртыша, издавна славились пребываніемъ

одного изъ главныхъ остяцкихъ божествъ; въ цвѣтущій періодъ остяцкой жизни, именно до прихода въ здѣшній край Русскихъ, поклоненіе этому божеству играло громадную роль, отблескъ которой живетъ до сихъ поръ между Остяками. Божество это изображалось въ разсказахъ въ видѣ птицы, лебедя. Ему приносились жертвы, состоявшія изъ лучшихъ тканей, звѣрей и цѣнныхъ металловъ, какіе только были въ распоряженіи Остяка. Преданіе указываетъ на божество, въ окрестностяхъ Троицкихъ юртъ или Бѣлогорья, именно въ формѣ птицы; нынѣ мнѣ лично пришлось слышать, что это божество есть «серебряный пѣтухъ». Опять — птица. Объясненіе этому довольно просто. Извѣстно, что Обь очищается ото льда гораздо позже Иртыша; вода разошедшагося Иртыша размываетъ ледъ Оби, разливается по окрестностямъ, въ то время какъ ниже по Оби стоитъ ледъ. Птицы, во время весенняго своего перелета, добравшись до устья Иртыша, останавливаются здѣсь, въ ожиданіи открытія водъ впереди. Остановки длятся цѣлые дни, даже недѣли. Только тотъ, кто видѣлъ изобиліе перелетныхъ водныхъ птицъ въ тѣхъ или другихъ мѣстахъ Сибири, можетъ себѣ представить громадное количество пернатыхъ гостей, собирающихся весной при устьѣ Иртыша. Для меня было поразительно видѣть массы птицъ, перелетавшихъ огромными стаями; но если эти стаи, въ теченіе значительнаго промежутка времени, собираются на опредѣленное, сравнительно небольшое пространство, тогда понятно, что устья Иртыша представятъ въ это время такую несравненную картину жизни, какія найдутся только на немногихъ пунктахъ земнаго шара. Картина будетъ тѣмъ болѣе поразительна, фантастична, волшебна, что она смѣняетъ другую, зимнюю, — этотъ мертвый, закованный льдомъ, пустынный ландшафтъ, гробовое молчаніе котораго нарушается только воемъ вьюги и вѣтровъ. Для Остяка, уже проголодавшагося зимой, истребившаго всѣ свои запасы, лебедь первый открываетъ видъ на новую жизнь, связанную съ большимъ изобиліемъ пищеваго матеріала. Лебедь — бѣлоснѣжная, большая, красивая птица; за нимъ слѣдуютъ новыя вереницы птицъ; водная поверхность начинаетъ измѣнять свой цвѣтъ отъ наплыва перелетной птицы; за крикомъ лебедя, за его пѣсней, какъ за звукомъ камертона, начинается этотъ неподражаемый, безподобный концертъ природы; лебединая пѣсня открываетъ путь для тысячъ новыхъ звуковъ, въ слѣдъ за ней начинаютъ состязаться съ здѣшними весенними вѣтрами миріады птичьихъ голосовъ... Самый стонъ и гулъ, съ которыми носятся въ воздухѣ несмѣтныя стаи пернатыхъ, эти тучи утокъ, гусей и другихъ не менѣе многочисленныхъ ихъ спутниковъ — служатъ для Остяка залогомъ божественной милости. Неподражаемый по искусству въ ловлѣ перелетной дичи, Остякъ, съ появленіемъ лебедя, какъ первой прилетающей птицы, становится сытъ, оживаетъ духомъ; за прилетомъ птицы начинается ходъ рыбы, — новый запасъ пищи, вмѣстѣ съ изобиліемъ которой наступаетъ теплая погода. Кто же всѣмъ этимъ правитъ, кто избавляетъ Остяка отъ душной, грязной зимней лачуги и открываетъ ему просторъ въ широкой долинѣ Оби, доставляя возможность быть сытымъ? — Могущественная, неистощимая, вѣчная сила, которой онъ и поклоняется въ формѣ «лебедя», а въ нынѣшнее цивилизованное время онъ, можетъ быть, и смѣнилъ лебедя «пѣтухомъ». Истуканъ, находившійся при устьѣ Иртыша, на Оби, пріобрѣлъ себѣ историческую извѣстность. Въ 1585 г., воевода Мансуровъ, не зная о гибели Ермака, пришелъ въ Сибирь съ 100 казаками; видя полную невозможность защищаться около бывшихъ Кучумовыхъ владѣній отъ нападенія Татаръ, онъ бѣжалъ по Иртышу въ низовья Оби и былъ застигнутъ зимою около нынѣшняго Бѣлогорья, гдѣ и долженъ былъ остановиться на зимовку. Остяки, обожая еще и до сихъ поръ это мѣсто, не были рады прибытію незваныхъ гостей и большою массою сдѣлали нападеніе на казачье укрѣпленіе. Принужденные послѣ цѣлаго дня битвы къ отступленію отъ городка, они на слѣдующій день принесли къ мѣсту битвы своего идола и начали ему поклоняться, вѣроятно съ просьбою о побѣдѣ. Въ это время изъ укрѣпленія Мансурова была наведена на истукана пушка, выстрѣлъ которой былъ такъ вѣренъ, что истуканъ разлетѣлся вдребезги, послѣ чего Остяки разбѣжались

и присмирѣли. Впослѣдствіи остяцкіе «шайтаны» были интереснымъ предметомъ для Рускихъ потому, что около нихъ всегда было значительное имущество. Съ другой стороны, шайтаны потеряли право на законное существованіе съ того времени, когда Остяки сдѣлались христіанами и когда нарочно принимались мѣры къ уничтоженію языческихъ капищъ. Такимъ образомъ, въ послѣднее время Остяки потеряли возможность держать своихъ главныхъ «шайтановъ» въ подобающемъ ихъ величію блескѣ, между тѣмъ какъ побужденія къ этому не уменьшились. Будучи христіанами только по внѣшности, они до сихъ поръ таятъ въ глубинѣ души благоговѣніе передъ силами природы и передъ выдающимися ея явленіями, олицетворяя ихъ въ формахъ грубыхъ; но о величіи прежнихъ шайтановъ сохранились до сихъ поръ, даже между Русскими, диковинные разсказы, совершенно въ томъ же родѣ, какъ это слышалъ Герберштейнъ въ 1517 году, будучи въ Москвѣ. Такъ, отъ нѣкоторыхъ изъ Русскихъ мнѣ дѣйствительно приходилось слышать, что Троицкій «шайтанъ» до сихъ поръ существуетъ, что онъ богатъ, но гдѣ находится, — это для Русскихъ тайна. Говорятъ только, что онъ скрытъ далеко въ лѣсу. По разсказамъ же извѣстно, что онъ издаетъ звуки въ родѣ трубныхъ, даже говоритъ черезъ трубу. Въ томъ же родѣ записанъ разсказъ у Герберштейна о шайтанѣ около Обдорска, о такъ называемой «золотой бабѣ». «Разсказываютъ или, справедливѣе, баснословятъ, что идолъ золотой бабы есть статуя, представляющая старуху, которая держитъ сына въ утробѣ, и что тамъ уже виденъ другой ребенокъ, который, говорятъ, ей внукъ. Кромѣ того увѣряютъ, продолжаетъ далѣе авторъ, записавшій разные разсказы о Лукоморьѣ, что тамъ поставлены какіе-то инструменты, которые издаютъ постоянный звукъ въ родѣ трубнаго. Если это и такъ, то, по моему мнѣнію, это дѣлается оттого, что вѣтры сильно и постоянно дуютъ въ эти инструменты.»

Остяки.

Во время пребыванія въ Троицкихъ юртахъ мнѣ не удалось собрать никакихъ свѣдѣній о

здѣшнемъ божествѣ, не смотря на самыя добрыя отношенія къ Остякамъ; относительно существованія шайтана я получилъ только отрицательныя свѣдѣнія, хотя мнѣ хотѣлось пробраться къ мѣсту, въ которомъ находилось бы какое бы то ни было капище. И чтобъ не составлять себѣ дурной репутаціи на дальнѣйшій путь, которая бы могла мнѣ закрыть доступъ къ добрымъ сношеніямъ съ Остяками, я оставилъ мысль о Троицкомъ шайтанѣ до поры до времени, обратившись къ самымъ мирнымъ занятіямъ. Въ Остякахъ есть большое сходство съ Чухонцами, только между ними преобладаетъ смуглый цвѣтъ лица, болѣе темные оттѣнки волосъ. Вообще, физіономія ихъ скуловатая, щеки впалыя; носъ при основаніи сухой, низкій, на концѣ вздернутый, изрѣдка приплюснутый; у женщинъ физіономія болѣе округленная, луновидная, съ низкимъ носомъ. Впрочемъ, видъ лица Остяковъ чрезвычайно измѣнчивъ по разнымъ мѣстностямъ, отъ весьма угловатаго существуетъ цѣлый рядъ переходовъ до плосковиднаго, такъ что выраженіе лѣтописи: «сіи жъ люди не велики возрастомъ, плосковидны, носы малы» — во многихъ случаяхъ вполнѣ справедливо и до сихъ поръ. При маломъ ростѣ, Остяки коренасты и, сравнительно съ Русскими, не отличаются большой физической силой. О ловкости и граціи движеній какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, нечего распространяться, хотя танцы у нихъ въ большомъ ходу. Даже бѣлый день не помѣшалъ намъ устроить вечеръ съ танцами; часа въ два дня, около моей лодки собралась большая часть имѣющихся на лицо молодыхъ Остяковъ и Остячекъ изъ Троицкихъ юртъ. Остякъ Никита, еще молодой парень и сборщикъ податей для мѣстнаго, Троицкаго шайтана, былъ съ лебедемъ въ рукахъ. Лебедь — это музыкальный инструментъ, декъ и шейка котораго соотвѣтствуютъ по формѣ туловищу и шеѣ лебедя; между шейкой и декомъ идутъ наискось мѣдныя струны, изъ которыхъ самыя внѣшнія длиннѣе внутреннихъ; всѣхъ струнъ семь; инструментъ въ общемъ имѣетъ форму трехугольника и похожъ на арфу. Подъ акомпаниментъ лебедя, Никита затянулъ любимую по всему теченію Оби до Березова пѣсню, — и танцы вышли на славу. Танецъ былъ похожъ на нашу «русскую». Въ немъ принимали одновременно участіе четыре Остяка и одинъ Остякъ изображалъ кавалера, выдѣлывая своими лапами, одѣтыми въ неуклюжіе деревенскіе сапоги, колѣнца всевозможнаго рода. Дѣвицы участвовали въ танцахъ совершенно босыя, описывая на разные лады круги; онѣ то подбадривались, то заворачивали руки кверху колесомъ, прикладывая тыльную часть кистей рукъ къ щекѣ, къ глазу или придерживая одной рукой накрывавшіе голову платки. Звуки лебедя относительно пріятны, но напѣвъ пѣсни монотонный; различіе выражается не столько въ тонахъ, сколько въ ускореніи или въ замедленіи темпа. Самое содержаніе пѣсни, въ противоположность господствующему у Остяковъ обычаю воспѣвать первый встрѣчный предметъ, довольно пикантно. Пѣсня касается современныхъ остяцкихъ нравовъ; она — плодъ вдохновенія одной, еще до сихъ поръ живой, Остячки, жительницы Ендырскихъ юртъ. «Софья Ѳокеѣвна говорила своему любовнику Аѳонасью, съ которымъ она неразлучно ходила въ лѣсу и промышляла много горностаевъ, что она бы этого не дѣлала, еслибъ не пылала страстью къ Аѳонасью. Это былъ тотъ самый Аѳонасій, который купилъ корову за 5 рублей, убилъ ее

Остякъ — музыкантъ.

деревяннымъ черпемъ топора, оставилъ на саняхъ и которую затѣмъ съѣли собаки. Ай люли, безтолковый, негоденный помощникъ старшины, Иванъ Михайлычъ (Софья Ѳокѣёвна была его невѣрная жена)». Впослѣдствіи, на дальнѣйшемъ пути, я имѣлъ удовольствіе видѣть романтичную Софью Ѳокѣевну и супруга ея, Ивана Михайлыча, въ вожделенномъ здравіи.

Къ вечеру я оставилъ Троицкія юрты и продолжалъ путь глубокою ночью. Впрочемъ, здѣшняя лѣтняя ночь, какъ и вообще во всѣхъ сѣверныхъ странахъ, не ночь въ истинномъ смыслѣ слова; по часамъ — это ночь, но по характеру — «таинственное продолженіе дня». Въ здѣшнихъ «задумчивыхъ ночахъ» яркій свѣтъ яснаго дня также смѣняется ночнымъ «прозрачнымъ сумракомъ» или «безлуннымъ блескомъ». Здѣшняя лѣтняя ночь не знаетъ густой тѣни; ея голубоватый свѣтъ, похожій на слабо электрическій, повсюду разливается довольно равномѣрно; онъ пробирается къ корнямъ густаго лѣса и освѣщаетъ красивый, изумрудный коверъ зелени, на который днемъ мохнатыя вѣтви густо сплотившихся старыхъ кедровъ, ели и лиственницы не пропускали ни одного луча и гдѣ лежала только мрачная тѣнь. Ночью же вся зелень окатилась таинственнымъ свѣтомъ; можно различить ландышъ, съ его большими листьями, «кукушкины слезки», съ ихъ своеобразными цвѣтами; то тамъ, то здѣсь брусника выставляетъ свои красивые, бѣлые восковые цвѣты. Вода потеряла теперь свой зеленоватый оттѣнокъ и приняла частію глубоватый цвѣтъ; ночной же цвѣтъ воды — серебристый; вода кажется гигантскою массой ртути, разлитой на громадномъ протяженіи. Въ такія ночи мой каюкъ шагъ за шагомъ спускался по широко разлившимся водамъ рѣки Оби, внизъ по ея теченію. При такихъ условіяхъ длилось мое странствованіе до Березова болѣе двухъ недѣль. Березовъ лежитъ сѣвернѣе устья Иртыша, около 64° с. ш.

Чѣмъ ниже спускаешься по теченію Оби, тѣмъ она становится болѣе и болѣе величественною. При самомъ выѣздѣ изъ Иртыша, на правомъ берегу Оби, бросается въ глаза довольно высокій, крутой, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обрывистый мысъ, такъ называемый Томскій, по-остяцки — *уртъ*. Благодаря тому, что онъ значительно господствуетъ надъ окрестностью, онъ, конечно, обожается у Остяковъ; окрестности его считаются мѣстопребываніемъ божества, которое изображаетъ или изображалъ въ тѣхъ или другихъ видахъ Троицкій шайтанъ. Около мыса вода крутится и пѣнится отъ быстроты теченія; здѣсь идетъ борьба двухъ встрѣчающихся водныхъ потоковъ — Иртышскаго и Обскаго. И здѣсь, именно въ этомъ водоворотѣ, присутствуетъ также сверхъ-естественная сила — «водяной вотчинникъ» или водяникъ. За Томскимъ мысомъ, далѣе внизъ по теченію, слѣдуютъ цѣлые ряды совершенно такихъ же мысовъ, соединенныхъ между собою болѣе или менѣе крытыми и возвышенными перехватами. Эти возвышенія или крутизны сопровождаютъ Обь съ правой стороны, составляя ея правый берегъ на громадномъ протяженіи и называются въ южной части Березовскаго края Обскою горою. Правый берегъ состоитъ изъ различныхъ разноцвѣтныхъ, пестрыхъ слоевъ глинъ, песку, гальки; сверху лежитъ преимущественно сѣрая, желтоватая песчанистая глина; ниже идутъ слои песку то желтоватаго, мелкаго, красноватаго, то мелкаго, разсыпчатаго, то перемѣшаннаго съ галькой, а иногда въ немъ разбросаны различной величины валуны, состоящіе изъ гранитовъ, діоритовъ и сланцевъ; они то обтерты, съ отшлифованными боками, съ ледниковой штриховатостью, то угловаты. Въ нижнихъ частяхъ лежатъ обыкновенно слои глины голубоватаго или пепельнаго цвѣта. Очевидно, что по теченію Оби, какъ вверхъ и внизъ, такъ и въ стороны отъ ея долины, былъ нѣкогда разлитъ широкій и длинный водный бассейнъ, прѣсноводный. Въ то время на Уралѣ были еще ледники, изъ которыхъ выходили или сползали массы льдовъ съ валунами и разносили ихъ по окрестностямъ нынѣшней Обской низменности. Льды въ водѣ таяли, а находившіеся на нихъ валуны остались въ отлагавшихся тогда слояхъ песка и гальки. Въ этотъ отдаленный періодъ ледниковъ и озеръ, распространявшихся у подошвы Урала, съ восточной его стороны, въ нынѣшней Обской низменности существовалъ вѣроятно лѣсъ, среди котораго жили гигантскія, нынѣ вымершія животныя, — извѣстный ископаемый

слонъ, называемый обыкновенно мамонтомъ, и вмѣстѣ съ нимъ обитали здѣсь не менѣе замѣчательные по своей величинѣ: носорогъ и первобытный быкъ. Животныя погибали, и кости ихъ замывало въ отлагавшіеся тогда озерные пласты. Кости этихъ животныхъ находятся вымытыми изъ береговъ въ большомъ количествѣ по всему нижнему теченію Оби, точно такъ же какъ и по Иртышу.

Нынѣ въ здѣшней области также работаютъ воды, но только не стоячія, какъ было прежде, а текучія воды Оби. Она ежегодно отступаетъ вправо, подмывая берегъ. Случается иногда, на глазахъ нынѣ живущихъ обитателей, какъ вода вымываетъ нижніе слои береговъ, и тогда верхніе стоятъ отвѣсно надъ водою или являются даже нависшими; надъ нею въ такихъ случаяхъ происходятъ обвалы берега. Иногда отрываются куски крутыхъ береговъ на протяженіи нѣсколькихъ сотъ саженъ въ длину, шириною отъ 10—20 саженъ; обрушиваются они въ воду съ высоты около 100 фут. и болѣе. Обвалъ происходитъ моментально, громадная масса земли, падающая въ воду, нарушаетъ ея обычный ходъ и теченіе. Это нарушеніе въ особенности замѣтно на рѣкахъ, меньшихъ Оби, какъ, напримѣръ, Иртышъ. По разсказамъ мѣстныхъ жителей, при такихъ обвалахъ рѣка разступается во всю ея ширину. Одна волна выходитъ изъ береговъ и затопляетъ мѣсто, противоположное обвалу; двѣ другія направляются вверхъ и внизъ по теченію рѣки и бываютъ причиною новыхъ обваловъ, такъ какъ восходящія и нисходящія волны производятъ сильное сотрясеніе на другія части такихъ же крутыхъ и уже подмытыхъ береговъ. Эти волны составляютъ также смертоносную грозу для рыбаковъ, снующихъ по рѣкѣ, даже еслибъ это было верстъ за 15 — 20 отъ мѣста главнаго обвала, въ ту или другую сторону по теченію рѣки. При обвалахъ страдаютъ не одни только люди, — внезапнымъ ударомъ оглушается также и рыба: послѣ волны на берегахъ остаются тысячи рыбъ. Послѣ обвала, происшедшаго на нижнемъ Иртышѣ, около деревни Семейки, двое крестьянъ собрали по 1000 язей на берегахъ рѣки. Рыбы были разбросаны по берегу на протяженіи верстъ двухъ. Кромѣ язей, гибнутъ и другія рыбы; исключеніе представляетъ нельма, весьма большая рыба, очень похожая на бѣлорыбицу и ближайшая ея родственница. Хотя нельма во время обваловъ и бываетъ въ Иртышѣ, ловится здѣсь въ большомъ количествѣ, вмѣстѣ съ яземъ, но ее все-таки при обвалахъ не находятъ никогда на берегахъ; она, какъ рыба большая, быстрая и сильная, ловкая въ движеніяхъ, можетъ противостоять страшной силѣ удара и успѣшно сопротивляться силѣ той волны, которая влечетъ ее на берегъ. На болѣе населенныхъ берегахъ нижняго Иртыша можно легче найти матеріалъ для оцѣнки этой постоянной работы подмыванія материка, чѣмъ на пустынныхъ по большей части берегахъ нижней Оби. Такъ, извѣстно, что селеніе Демьянское, лежащее на правомъ берегу Иртыша, было основано въ 1637 году, вмѣстѣ съ селеніемъ Самаровскимъ; мѣсто, гдѣ была воздвигнута первая церковь, лежитъ теперь уже на лѣвомъ берегу рѣки, совершенно размытое; занято русломъ рѣки и то мѣсто, гдѣ была вторая церковь; третья новая церковь построена теперь еще дальше отъ рѣки, именно за версту разстоянія. Такимъ образомъ село Демьянское въ 240 лѣтъ переносилось уже три раза съ мѣста на мѣсто и отошло теперь отъ своего первоначальнаго пепелища версты на полторы; около этого селенія нерѣдко обваливается въ годъ саженъ до 20 берега въ ширину и до 70 — 100 въ длину. Я видѣлъ остатки дорожки, которая года за три была устроена, въ ожиданіи одного высокопоставленнаго лица, саженяхъ въ 50 отъ воды, въ мѣстѣ вполнѣ безопасномъ для ходьбы. Я же не нашелъ ни берега, ни дорожки, кромѣ ступенекъ, по которымъ приходилось спускаться съ высокаго берега къ водѣ, да и эти ступеньки скоро должны были обрушиться и ходъ по нимъ былъ невозможенъ. На Оби обрушеніе крутыхъ береговъ идетъ не менѣе сильно; это замѣтно даже на Березовѣ, хотя онъ, находясь на лѣвой сторонѣ Обской долины, поставленъ въ условія болѣе благопріятныя отъ обваловъ. Тѣмъ не менѣе и здѣсь не существуетъ построенной первоначально старинной церкви, потому что берегъ, на которомъ она стояла, подмытъ и обрушенъ. Смыто вмѣстѣ съ берегомъ и старое кладбище,

Т. XI. Похороны и могилы Самоѣдовъ близъ Обдорска.

Лѣтнее жилье Остяковъ. Остяцкій идолъ-гусь въ Бѣлогорскихъ юртахъ на р. Оби. Пироги Самоѣдовъ.

Жертвоприношеніе самоѣдовъ при переходѣ ихъ чрезъ р. Обь, изъ осеннихъ кочевьевъ на зимніе.

находившееся около церкви, а вмѣстѣ съ нимъ исчезло много историческихъ и археологическихъ документовъ. Я видѣлъ въ берегу, около новаго Березовскаго собора, торчащими нѣсколько гробовъ; изъ нихъ два висѣли уже на половину въ воздухѣ; но это, видимо, были покойники не изъ богатаго класса людей; на ногахъ ихъ была кожаная обувь, въ родѣ сандалій, одежда же ихъ успѣла превратиться въ пепелъ, такъ какъ не изобиловала украшеніями изъ нетлѣннаго металла. Очевидно, эти покойники были похоронены вдали отъ исчезнувшей церкви. Словомъ, по теченію нижняго Иртыша и Оби идетъ сильное разрушеніе праваго берега и нигдѣ этотъ процессъ не повторяется съ такою силою, какъ здѣсь, ибо никакая изъ рѣкъ не течетъ на такомъ громадномъ протяженіи, среди такихъ мощныхъ слоевъ рыхлыхъ, аллювіальныхъ отложеній.

Результатомъ подмыванія праваго берега или, въ общемъ, отступленія вправо р. Оби, какъ и нижняго Иртыша, явилась широкая ея долина. Во всемъ своемъ величіи Обь представляется въ періодъ половодья; въ это время ея долина, имѣющая въ разныхъ мѣстахъ отъ 25 до 50 верстъ, залита водой; слѣдовательно, и самая рѣка имѣетъ въ это время ширину отъ 25 до 50 верстъ. Главное русло рѣки остается довольно постояннымъ; оно извѣстно подъ именемъ Большой Оби и лежитъ всегда около праваго берега. Въ промежуткѣ между селеніями Шеркалинскимъ и Чемашевскимъ рѣка дѣлится на двѣ главныя вѣтви: отъ Большой Оби отдѣляется Малая Обь, которая, рядомъ съ главнымъ рукавомъ, около лѣвой стороны Обской долины, доходитъ до самаго устья рѣки, пройдя разстояніе около 400 верстъ.

По теченію Оби живутъ Русскіе и Остяки, только на самомъ сѣверѣ — частію Самоѣды. Преобладающее населеніе — Остяки; Самоѣды по теченію Оби больше случайные гости; не многочисленно здѣсь и русское населеніе. Больше русскихъ селеній находится между устьями Иртыша и Березовомъ; ихъ числомъ девять: Бѣлогорье, Троицкое, Елизарово, Сухоруково, Малый Атлымъ, Кондинское, Шеркалинское и Чемашевское. Изъ нихъ только три лежатъ на лѣвомъ берегу Оби (Троицкое, Елизарово и Сухоруково), всѣ же остальныя находятся на правомъ берегу и, кромѣ Бѣлогорья, расположены на значительной высотѣ надъ рѣкою. Большая часть остяцкихъ зимнихъ поселеній разсѣяны также на правомъ, возвышенномъ берегу. Но Остякъ любитъ разнообразіе. Обитая зимой въ одномъ мѣстѣ, лѣтомъ онъ переходитъ въ другія юрты, расположенныя въ самой долинѣ Оби, на болѣе возвышенныхъ островахъ. Обманчива, однакожь, задумчивая и величественная Обь; опасная иногда во время бурь, она бываетъ не менѣе страшна и лѣтомъ, въ самые тихіе и свѣтлые дни: и въ это время она приноситъ въ свою долину вѣрную смерть цѣлымъ милліонамъ живыхъ созданій. Иногда въ началѣ лѣта ея уровень стоитъ довольно низко. Остякъ успѣлъ уже выѣхать въ свои лѣтнія жилища, въ свои дачи. Утки уже наплавались среди тихихъ водъ, отпраздновали время любви, свили гнѣзда и сѣли на яйца. Уровень Оби зависитъ отъ погоды на сѣдомъ Алтаѣ, отъ снѣговъ, выпадающихъ тамъ зимой, отъ ранней или поздней весны въ томъ краѣ, гдѣ ея притоки почти встрѣчаются съ притоками Енисея; важно также, какова была зима, когда наступила весна и дождливое лѣто въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ притоки ея подаютъ другъ другу руки. Отъ этого зависитъ, что иногда Обь возвышаетъ свой уровень только въ срединѣ лѣта и возвышеніе доходитъ до того, что она покрываетъ водой всѣ острова, даже самые высокіе. И тогда-то наступаетъ страшное время: гнѣзда всѣхъ птицъ, положившихъ на островахъ яйца, изчезаютъ; гибнутъ мелкіе звѣрки, заселяющіе долину; большіе хищники переселяются иногда для спасенія на едва торчащую изъ воды крышу остяцкой лачуги, на которую Остякъ сложилъ свое имущество; тутъ же и онъ забрался самъ, если не успѣлъ сѣсть въ лодку, со своими домочадцами, съ одной или двумя коровами. Частыя наводненія удержали до сихъ поръ между Остяками свайныя постройки; амбарушки, въ которыхъ Остяки сохраняютъ своихъ шайтановъ и ихъ имущество, всегда построены на сваяхъ, — на бревнахъ, стоящихъ вертикально и имѣющихъ до сажени и больше въ вышину. Амбары эти служатъ также для Остяковъ и ихъ домашняго скота мѣстомъ убѣ-

жница отъ наводненій. Изъ всѣхъ животныхъ наиболѣе благополучно отдѣлываются отъ наводненій только тѣ утки, которыя кладутъ свои яйца на плавунахъ. Плавуны — это весьма обширные клочья земли, съ травою, кустарниками, иногда даже съ деревьями. Во время наводненія плавуны превращаются въ плoвучіе острова. На этихъ-то островахъ, переносимыхъ съ мѣста на мѣсто, птица и гнѣздится въ громадныхъ количествахъ: на каждомъ островкѣ, на каждомъ надводномъ клочкѣ земли нѣтъ почти ни одного свободнаго мѣстечка; гнѣзда лѣпятся одно около другаго. На плавунахъ около села Сухорукова жители собирали и отдавали въ продажу до 15,000 яицъ, кромѣ тѣхъ, которыя употреблялись ими самими въ пищу.

Наиболѣе распространена здѣсь охота на утокъ. Для ловли утокъ во время весенняго перелета существуютъ такъ называемые перевѣсы, справляться съ которыми могутъ мужчины и женщины, старые и малые; въ особенности у Русскихъ этотъ способъ охоты считается занятіемъ весьма благороднымъ. Для устройства самаго удобнаго и прибыльнаго перевѣса считается перешеекъ между двумя озерами, изъ которыхъ одно лежитъ сѣвернѣе другаго. По обыкновенію, такіе перешейки бываютъ покрыты высокимъ ивнякомъ, березнякомъ или осинникомъ; для устройства перевѣса дѣлаютъ просѣку между озерами, шириною саженъ въ пять; посрединѣ просѣки, поперекъ ея, протягиваютъ сѣть, верхніе углы которой имѣютъ веревки. Веревки продѣваются черезъ блоки, укрѣпленные на верхнихъ концахъ высокихъ шестовъ, превышающихъ даже окружающій лѣсъ. Концы веревокъ отъ верхнихъ блоковъ идутъ въ руки ловца, который сидитъ передъ сѣтью и въ рукахъ котораго находятся веревки отъ нижнихъ угловъ сѣти. Ловля перевѣсомъ производится исключительно вечеромъ, до полныхъ сумерокъ, и рано утромъ, съ разсвѣта до наступленія полнаго утра. Въ это время между птицами замѣчается наибольшее движеніе. По большей части птицы держатъ перелетъ съ юга на сѣверъ, почему при ловлѣ охотникъ садится лицомъ къ озеру, находящемуся на сѣверѣ, такъ чтобы сѣть была передъ глазами. Утки, поднимаясь съ южнаго озера, направляются къ сѣверному, причемъ держатся сначала низко надъ водой, подлетая къ лѣсистому берегу, который даетъ темную тѣнь; поэтому утки стремятся на просвѣтъ, къ просѣкамъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь имъ не нужно высоко подниматься надъ лѣсомъ. Во время сумерокъ онѣ не могутъ разсмотрѣть стоящей на пути сѣти и съ чрезвычайной быстротой ударяются въ нее. Иногда на сѣть налетаетъ большое стадо и прорываетъ ее; но опытный и чуткій ловецъ рѣдко допуститъ до этого: по взмахамъ крыльевъ онъ чувствуетъ приближеніе птицъ; лишь только утки ударяются въ сѣть, онъ быстро спускаетъ веревки, идущія къ блокамъ, и сѣть падаетъ; затѣмъ онъ быстро подтаскиваетъ верхніе концы сѣти впередъ, съ помощью другихъ канатиковъ, къ нимъ привязанныхъ, и сѣть образуетъ нѣчто въ родѣ мѣшка. Тогда онъ подбѣгаетъ къ упавшей сѣти и выбираетъ утокъ то запутавшихся, то ошеломленныхъ ударомъ. Дѣло не допускаетъ медлительности, нужно дѣйствовать быстро, — иначе большая часть птицъ улетитъ. И вотъ промышленникъ беретъ утку за уткой и каждой изъ нихъ перекусываетъ голову, раздробляя весь затылокъ и черепъ. Во время лова съ перевѣсами, хорошій ловецъ добываетъ отъ 300 до 500 штукъ утокъ; наиболѣе бѣдные, имѣющіе плохія снасти, рѣдко уходятъ съ ловли безъ пяти, десяти штукъ утокъ въ утро и вечеръ. Если въ семействѣ нѣсколько ловцовъ, то добыча можетъ быть свыше 1000 штукъ утокъ въ двѣ недѣли времени. По отсутствію хлѣбопашества въ здѣшнемъ краѣ, ловля утокъ замѣняетъ для мѣстныхъ жителей пашню;

Остяцкія лодки.

вся наловленная дичь, кромѣ идущей на ѣду въ свѣжемъ видѣ, заготовляется въ прокъ, засаливается.

Перевѣсы — это занятіе весеннее и частію распространенное въ началѣ лѣта. Въ срединѣ же лѣта существуетъ здѣсь иного рода промыселъ на утокъ, иногда болѣе даже прибыльный, чѣмъ ловля ихъ перевѣсами. Чтобъ ознакомиться съ этимъ промысломъ на дѣлѣ, я совершилъ въ первой половинѣ іюля, во время пребыванія въ Березовѣ, экскурсію въ тотъ поразительный лабиринтъ протоковъ, къ той массѣ островокъ, которая образуется впаденіемъ Сосвы въ Малую Обь. Ночь стояла тихая и ясная. Послѣ двухъ въ половиною или трехчасоваго пути, лодки причалили къ одному плоскому острову, заросшему высокимъ и густымъ ивнякомъ. Мы вышли изъ лодокъ, соблюдая самую строгую тишину, говорить нужно было шопотомъ или указывать на нужное знаками. Мы осмотрѣли окраину острова, почва которой оказалась вязкою, сырою глиною; кой-гдѣ подъ ивами виднѣлись оазисы или клочки травы. Скоро мы усмотрѣли значительное количество свѣжихъ, только-что оставленныхъ гусиныхъ слѣдовъ; трава кой гдѣ была смята; значитъ, здѣсь почевали гуси и утки. Мои спутники, опытные въ ловлѣ дичи, нашли первый островъ неудобнымъ для промысла, и намъ пришлось передвинуться, въ лодкахъ, на другой островъ, на окраинѣ котораго и было рѣшено поставить сѣти. Островъ тянулся отъ сѣвера къ югу; кромѣ ивняку, на немъ росъ березнякъ и частію осина; во многихъ мѣстахъ онъ былъ покрытъ высокой травой, въ другихъ почва его была покрыта валежникомъ, древесными стволами и вѣтвями, частію отъ мѣстнаго лѣса, частію отъ нанесеннаго водою. Сѣти были растянуты на южномъ концѣ острова, который кончался песчаной косой. На этой окраинѣ хотя лѣсъ и былъ густъ, но травы было мало, такъ что только боковыя крылья сѣтей, растянутыхъ дугообразно по южной оконечности острова, на протяженіи 50 шаговъ, были скрыты въ травѣ; срединныя же звенья сѣти не были скрыты травой, что впослѣдствіи и оказалось ошибкой ловцовъ. Сѣть стояла вертикально, всѣ части ея были крѣпко привязаны къ деревьямъ или къ кольямъ. Наконецъ промыселъ начался. Одному изъ участниковъ слѣдовало быть впереди сѣти и наблюдать за принятіемъ мѣръ, въ случаѣ прорыва сѣти. Вообще же это допускается въ крайнемъ только случаѣ; обыкновенно, передовщикъ долженъ сидѣть скрывшись за деревья, неподвижно, молча, — его роль наблюдать. Эта роль выпала на мою долю; пришлось сидѣть на пенькѣ за деревомъ, бороться съ комарами и довольно долго, такъ что наконецъ я началъ нѣсколько скептически относиться къ успѣху замысловъ моихъ сотоварищей. Однако сомнѣніе потомъ исчезло; мои спутники должны были зайти тихо, безъ шуму, на другой конецъ острова, затѣмъ стали цѣпью и съ палками въ рукахъ направились къ сѣти. Я заслышалъ вдали неистовые крики ловцовъ, затѣмъ стукъ палками по деревьямъ, трескотню сухихъ вѣтвей; потомъ ясно можно было различать говоръ и споры загонщиковъ. — «Туда, на тотъ островъ перешли гуси!» — «Эй, ты, смотри, къ тебѣ пошли, гони, не пущай!» — кричитъ другой. Наконецъ, послышался плескъ воды въ лужахъ, лежавшихъ передъ сѣтями, началось шлепанье перепончатыми лапами по грязи, раздалось гоготанье, клоктанье, кряканье, а потомъ появились и сами обитатели острова. Тутъ были громадныя стаи утокъ разныхъ видовъ и гусей; нѣкоторыя изъ нихъ бѣжали быстро, стремились прорвать сѣть и въ ней запутывались; другія же птицы, хорошо замѣтивъ сѣть, метались изъ стороны въ сторону, около стѣнокъ сѣти, и въ большинствѣ случаевъ возвращались назадъ, не смотря на продолжающійся еще тамъ шумъ. На первый разъ наша добыча, въ силу того, что главныя части сѣти были видны, была необильна: было изловлено полдесятка гусей и столько же утокъ, большая же часть дичи разбѣжалась. Мои ловцы пришли однако же въ азартъ. Загнать къ сѣтямъ столько дичи и такъ мало словить ее! — Нѣтъ, рѣшили еще попытать счастія, хотя самое хорошее время для лова, именно раннее утро, уже прошло; днемъ же безперые, вылинявшіе островитяне, съ повыпадавшими главными маховыми перьями въ крыльяхъ, болѣе усердно таятся въ трущобахъ и кочкахъ. Тѣмъ не менѣе, намѣреніе было приведено въ исполненіе. Переѣхали на новый ост-

ровъ; мѣсто довольно удобное было найдено, сѣти были поставлены въ проливѣ, отдѣлявшемъ избранный, довольно большой островъ отъ сосѣдняго. Проливъ былъ не глубокъ и заросъ рѣдкой травой; сѣть была раскинута полукругомъ, часть ея была выше воды въ травѣ, часть — въ водѣ. Повторился тотъ же маневръ послѣ установки сѣти, сдѣлапъ заѣздъ па другой конецъ острова, и оттуда переходъ съ крикомъ и шумомъ къ сѣти. Дичи появилась опять поразительная масса. Большая часть ея возвратилась назадъ, но па этотъ разъ осталось въ сѣтяхъ до ста штукъ утокъ разныхъ видовъ и нѣсколько гусей. Въ первомъ случаѣ попало въ сѣти не больше двадцатой части дичи, во второй — не больше пятой части; поэтому уже можно судить, какое многочисленное птичье населеніе живетъ па этихъ пустынныхъ и молчаливыхъ островахъ. Обыкновенно же, при удачной постановкѣ сѣтей, попадается въ нихъ сразу до 150 — 200 штукъ утокъ и гусей. Ловля линной дичи сѣтями весьма распространена въ долинѣ Оби и уловъ идетъ, какъ и отъ весенней добычи, въ засолъ.

Оставимъ на время Обскую долину, — подымемся на высокій, крутой правый берегъ, около села Малаго Атлыма, въ одномъ изъ прелестнѣйшихъ уголковъ Нижне-обскаго края. Селеніе кажется весьма красивымъ по изобилію въ немъ деревъ и по разнообразію рельефа. Это мѣсто было, очевидно, съ давнихъ поръ оцѣнено, какъ наиудобнѣйшій пунктъ для поселенія. Находящееся около него городище по своей формѣ вполнѣ напоминаетъ многія изъ городищъ, которыя я видѣлъ въ верховьяхъ Волги, въ Тульской губерніи, въ Пермской, около Кунгура и наконецъ на Кавказѣ, не говоря объ Иртышѣ, на берегахъ котораго большая часть Кучумовыхъ городковъ имѣютъ ту же форму. Мало-Атлымское городище представляетъ изъ себя насыпь на самомъ высокомъ мѣстѣ Обскаго берега; насыпь сдѣлана въ формѣ овала, до нѣсколькихъ десятковъ саженъ въ діаметрѣ; съ самой верхней площадки идетъ крутой спускъ на вторую, которая и сливается съ окрестными горами. Со стороны Обскаго берега городище неприступно, точно также оно можетъ представить хорошую защиту при нападеніи съ материка. По преданіямъ Остяковъ, это городище составляетъ остатокъ жилья ихъ древнихъ предковъ. Слой мусора, лежащій въ основаніи верхней площадки, имѣетъ до $2^1/_2$ аршинъ толщины; онъ состоитъ изъ перегнившихъ деревъ и бересты, занимающихъ наибольшее пространство; между этими остатками разбросаны перегорѣвшіе камни; иногда же между слоями бересты и древесныхъ остатковъ лежатъ прослойки изъ золы и пепла, изъ углей и перегорѣлой глины, составлявшихъ нѣкогда, вѣроятно, очаги или чувалы. Кромѣ того въ пластахъ разсѣяны куски желѣзной окалины и глиняной посуды, именно такіе же обломки горшковъ, какіе я находилъ въ разныхъ татарскихъ городищахъ по Иртышу и на сѣверѣ Россіи, въ Олонецкой губерніи, съ остатками каменнаго вѣка. Между находившимися въ мусорѣ камнями попалось мнѣ нѣсколько кусковъ весьма хорошей желѣзной болотной руды, изъ которой древніе обитатели городища очевидно вырабатывали разныя желѣзныя издѣлія. Остяки, указывая на древнихъ обитателей городища, какъ на своихъ предковъ, — это была «Чудь», «некресть», — говорятъ между прочимъ, что отъ нихъ и Русскіе научились ковать желѣзо, а сами Остяки забыли это искусство, потому что теперь могутъ всѣ желѣзныя издѣлія покупать у Русскихъ. Весьма вѣроятно, что нынѣшняя юрта, деревянный остовъ въ видѣ конуса, покрытый лѣтомъ берестой, была преобладающей формой жилища хозяевъ городища, чѣмъ и можно объяснить изобиліе въ мусорѣ бересты и дерева. Остатки костей животныхъ содержатся только вверху, внизу же мусорнаго слоя ихъ нѣтъ и слѣда; это можетъ быть потому, что древніе обитатели, какъ и нынѣшніе Остяки, считали грѣхомъ бросать кости на землю, а спускали ихъ въ воду или скармливали собакамъ. О Мало-Атлымскомъ городищѣ существуетъ у мѣстныхъ Остяковъ въ нѣкоторомъ родѣ героическая и романтическая эпопея. По ихъ разсказамъ, на противоположномъ берегу Оби, верстахъ въ пяти отъ Мало-Атлымскаго, есть остатки другаго городища, называемаго Хараспой. Въ этомъ послѣднемъ жилъ одинъ Остякъ, — герой. Однажды онъ, со своими товарищами, задумалъ похитить дѣвицу, выдающуюся своей

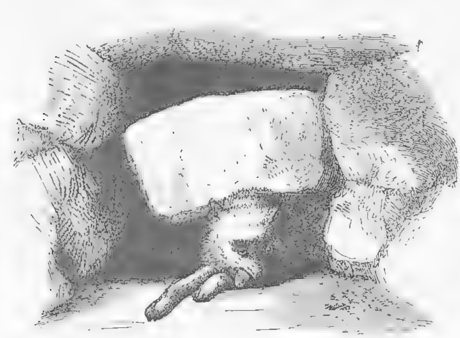
знатностью, изъ Мало-Атлымскаго городища; замыселъ былъ приведенъ въ исполненіе и вполнѣ удался. Тогда завязалась борьба между Атлымцами и Харасайцами; въ борьбѣ принимали участіе наиболѣе выдающіеся герои, богатыри; изъ нихъ въ особенности сражались два: похитившій изъ Харасная и обиженный изъ Мало-Атлымскаго. Шла стрѣльба изъ луковъ отъ одного городища къ другому; оба героя были искусны въ стрѣльбѣ изъ луковъ, стрѣлы перелетали за пятиверстное разстояніе. Наконецъ Мало-Атлымецъ поразилъ похитителя. — «Вотъ какіе у насъ были прежде сильные люди!» добавляетъ Остякъ-разскащикъ.

Въ сторону отъ Обской долины, въ глубину материка — сплошное царство лѣса; кедръ, сосна, ель, береза и осина составляютъ чистые или смѣшанные лѣса, а дальше, вглубь материка, чистые хвойные лѣса берутъ все больше и больше преобладаніе и вытѣсняютъ лиственные Остякъ не земледѣлецъ, здѣшніе Русскіе — тоже; вырубать большія лѣсныя площади имъ незачѣмъ; срублена лачужка лѣтъ десять, пятнадцать назадъ — вотъ и все; а чтобъ отоплять ее — Остякъ пользуется скорѣе сухимъ валежникомъ, чѣмъ свѣжими деревьями; также и Русскій. Вмѣсто того, чтобъ выжигать или вырубать лѣсъ для пашни, Остяки косвеннымъ образомъ берегутъ его, очищая отъ валежника, что̀ считается однимъ изъ непремѣнныхъ условій всякаго благоустроеннаго лѣсничества. Остякъ нетолько бережетъ лѣсъ, но и обожаетъ его; у него есть священныя, заповѣдныя рощи, въ которыхъ онъ какъ бы непосредственно видитъ присутствіе той таинственной, недосягаемой для человѣческаго понятія силы, которая правитъ, хозяйничаетъ на этихъ громадныхъ лѣсныхъ пространствахъ, гдѣ ему приходится добывать себѣ самую важную статью для своего пропитанія. Въ заповѣдныхъ, обожаемыхъ рощахъ, Остякъ представляетъ себѣ жилище «лѣснаго вотчинника или урманщика» — *ун-тонга.* Входъ въ такія рощи дозволяется только для жертвъ и молитвъ; здѣсь запрещено стрѣлять дичь въ нѣкоторыхъ предѣлахъ, до извѣстной, опредѣленной обычаемъ черты, точно также рубить лѣсъ и т. д.

Еще далеко не доѣзжая до остяцкихъ Корымкарскихъ юртъ, лежащихъ выше по теченію Оби отъ Малаго-Атлыма, я слышалъ о существованіи священнаго лѣса или урмана около этихъ юртъ, расположенныхъ на правомъ берегу Оби. Мнѣ удалось посѣтить это обиталище «лѣснаго вотчинника», *ун-тонга.* Я шелъ черезъ густую лѣсную чащу; въ разныхъ мѣстахъ были разбросаны высокія, старыя ели. Черезъ нѣсколько времени, когда я началъ подходить ближе къ Оби, чаща начала рѣдѣть, появились кой-гдѣ березки, въ лѣсу сдѣлалось свѣтлѣе. Наконецъ показались лиственницы, сначала въ одиночку, потомъ чаще и чаще, а затѣмъ онѣ взяли перевѣсъ надъ всѣми другими деревьями. Я оказался въ прекраснѣйшемъ лиственничномъ лѣсу. Лиственницы — высокія, стройныя деревья; нижняя часть ихъ ствола гладкая, безъ сучьевъ, вѣтви сидятъ ближе къ вершинѣ и образуютъ густую крону. Хвоя лиственницы, опадающая осенью, весной появляется въ полной свѣжести; она мягкая, свѣтлозеленая, и гораздо болѣе пахучая и ароматичная, чѣмъ у пихты; пріятный запахъ лиственничной хвои въ особенности силенъ въ то время, когда она, только-что распустившись, достигаетъ полнаго развитія. Старыя лиственницы расли здѣсь спокойно въ теченіе цѣлыхъ столѣтій; ни топоръ, ни пожаръ не касались ихъ. Значительные промежутки между деревьями были заняты иногда стройными березками и рябинами. У корней лиственницъ былъ разостланъ коверъ свѣжей, сочной зелени, изъ которой тутъ и тамъ выглядывали «кукушкины-башмачки». Но видъ лѣса пріобрѣталъ особенную прелесть по изобилію піоновъ, которые выдавались надъ всей зеленью цѣлыми клумбами или обществами; ихъ большіе, свѣжіе, только-что распустившіеся, пунцовые цвѣты царили надъ всею другою травянистой растительностью. Да, это картина чисто сибирскаго лѣса.

Бродя по лѣсу, я наткнулся на уголокъ, гдѣ піоны были наиболѣе изобильны и гдѣ цвѣты ихъ щеголяли самыми нѣжными и яркими оттѣнками, и здѣсь я былъ совершенно неожиданно пораженъ присутствіемъ чего-то живаго или же только-что покончившаго съ своею жизнью. Я увидалъ над-

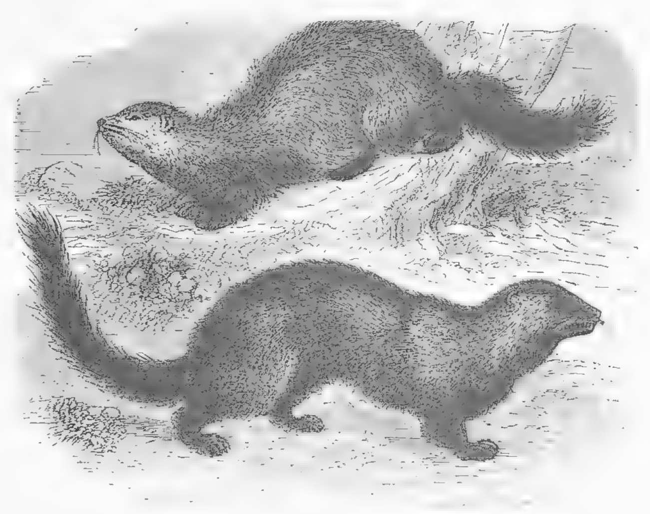
рубленную и склоненную къ землѣ березу, на одномъ изъ сучковъ ея висѣла мужская шапка, а въ травѣ виднѣлось женское платье. Рядъ вопросовъ мелькнулъ у меня въ головѣ. Спитъ кто, или убитъ? Не совершилась ли здѣсь драма, не произошла ли развязка, въ этомъ пустынномъ лѣсу, какого-либо романа? — Недоумѣніе мое сейчасъ же разсѣялось. На самомъ дѣлѣ оказались, кромѣ висящей мужской, совершенно новой шапки, лажащими на травѣ двѣ новыя женскія рубашки, остяцкой работы, съ вышивками, новый, ярко-расписанный платокъ, пара обуви, чарковъ. Тутъ же находился осколокъ тарелки, въ которомъ было небольшое количество полужидкаго меда. При видѣ всего этого у меня не осталось ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что всѣ эти вещи составляютъ имущество здѣшняго «лѣснаго вотчинника», уп-тонга. Въ этомъ небольшомъ запасѣ своеобразныхъ домашнихъ принадлежностей заключалось все его богатство. Вскорѣ я нашелъ и амбарушку, которая стояла на окраинѣ лѣса, по обыкновенію, на сваяхъ, въ довольно мрачномъ мѣстечкѣ, въ таинственной части смѣси хвойныхъ деревъ. Здѣсь, значитъ, постоянное помѣщеніе имущества лѣснаго хозяина, живущаго въ рощѣ или въ урманѣ мыса *Вагá-тима-нѣтъ*, что означаетъ по-вогульски: старая уха. Я позвалъ сопровождавшихъ меня Остяковъ и спросилъ, что это за амбарушка? Оказалось, что «такъ, стоитъ пустая, старики построили». Я показалъ имъ имущество и спросилъ съ любопытствомъ, — что это такое? — «Кто-нибудь оставилъ, забылъ», — наивно отвѣчали Остяки. Я имъ съ неменьшей наивностью повѣрилъ, и мы дружелюбно возвратились на Обь.

Западня на лисицу.

Покровъ подходитъ, — пора въ урманъ. Бѣлка поспѣла, мѣхъ ея вычистился; соболь чаще началъ выходить изъ трущобъ; лисица кончила воспитаніе своихъ дѣтокъ; выпалъ небольшой снѣжокъ и на немъ отлично можно видѣть, куда ходила и что дѣлала хитрая, лукавая россомаха; на томъ же снѣгу видно, какъ олени, спасаясь отъ волковъ, бѣжали по урману; ясно, какъ лось объѣдалъ березовыя вѣтви и осинникъ. Наконецъ, и медвѣдь прошелъ въ глухую чащу на зимнюю квартиру. Въ настоящее время наиболѣе бѣдными пушнымъ звѣремъ считаются мѣстности, лежащія къ востоку отъ нижней Оби; къ числу же мѣстностей, еще до сихъ поръ богатыхъ звѣрями, нужно отнести лежащія къ западу отъ Ендырскаго протока и отъ нижняго теченія Иртыша. Повидимому, богатство лѣсными звѣрями издавна было достояніемъ этой области, въ особенности по р. Васпухолу, впадающему въ Ендырскій протокъ. Недаромъ здѣсь Остяки помѣстили и особенное божество — Васпухольскаго шайтана. Онъ — сынъ Троицкаго шайтана, *Уртъ-игэ*; отецъ его славится добротой, но сынъ — строгъ, сердитъ; если отцу еще не исполнить даннаго обѣщанія, то ничего, обойдется; если сыну — бѣда. Остякъ, идя на промыселъ, долженъ прежде зайдти за благословеніемъ къ тому или другому изъ покровителей. Въ случаѣ благополучнаго промысла, Остякъ обѣщаетъ божеству принести въ жертву часть добычи; если убьетъ нѣсколько соболей, то одинъ обѣщается на прикладъ. Соболя обѣщаются преимущественно Троицкому; мѣстные торговцы замѣчаютъ, что изъ десятка соболей, добываемыхъ Остяками, одинъ навѣрное обѣщанъ; на шкурахъ, обѣщанныхъ Троицкому шайтану, находится черная нитка, на предназначенныхъ Васпухольскому — красная; послѣднему, впрочемъ, соболь рѣдко предназначается въ жертву. Въ случаѣ, если Остякъ, сдѣлавъ завѣтъ принести въ жертву часть добычи, найдетъ, что она лучше, чѣмъ онъ ожидалъ, тогда у Троицкаго онъ можетъ замѣнить ее чѣмъ-нибудь другимъ; въ случаѣ, если даже шкура соболя отдана служителямъ бога, то и тогда онъ еще можетъ вымѣнять ее на другое. Можно это для Троицкаго, но для Васпухольскаго — нельзя, вѣчная кара и преслѣдованія ждутъ тогда нарушителя обѣта. Васпухольскому, вмѣсто соболя, составляющаго сравнительно рѣдкое приношеніе, приносятся другіе

предметы: онъ преимущественно завѣдуетъ лосями; онъ — богъ и покровитель лося. Для умилостивленія его, ему приносятъ поэтому животное, по мнѣнію Остяковъ, сродное съ лосемъ, — лошадь. Лошадей покупаютъ для жертвы и съѣдаютъ ихъ или отдаютъ живыми сборщикамъ вкладовъ. Благочестивому Остяку слѣдуетъ побывать у того или другаго «шайтана» и поклониться, принести или пообѣщать жертву; хуже уже, когда промышленникъ былъ только у одного, а еще хуже, когда Остякъ идетъ въ лѣсъ, не побывавъ ни у того, ни у другаго: Остякъ и видитъ звѣря, его слѣды, иногда кругомъ звѣрь, — а убить не удается, звѣрь уходитъ, убѣгаетъ на глазахъ. — «Ходили мы нынче въ лѣсъ, — говоритъ Остякъ, — убили тридцать лосей, я убилъ больше, а товарищъ — меньше. А все оттого, что я былъ у Троицкаго и заѣхалъ къ Васпухольскому, а у товарища было плохо оттого, что ѣздилъ къ Троицкому, а къ Васпухольскому не зашелъ, отъ этого у него семь, восемь лосей ушло изъ-подъ носа, ничего не могъ подѣлать.»

Соболи.

Собираясь въ урманъ на промыселъ, Остякъ не нуждается въ большихъ запасахъ на дорогу; онъ нагружаетъ маленькую парту запасомъ сухарей, крупы, соли, частью говядины; въ число своихъ запасовъ онъ помѣщаетъ также въ парту нужное количество пуль, дроби, пороха, съ сухими рыбьими костями для собакъ, которыхъ и впрягаетъ въ парту, сколько бы ихъ ни было, одну, двѣ и больше. Вмѣстѣ со взрослыми, опытными собаками онъ беретъ въ урманъ и щенятъ въ науку; щенокъ, состоящій при опытной собакѣ, перенимаетъ ея пріемы, ея привычки и затѣмъ самъ становится хорошимъ ходокомъ, во многихъ случаяхъ незамѣнимымъ промышленнику. Собака — это вѣрный другъ и неизмѣнный товарищъ Остяка, который видитъ въ ней существо разумное, чувствующее и играющее свойственную ей роль по опредѣленію свыше. Собака ниспослана на землю тою же верховною, высшею силою, которой происхожденіемъ обязанъ самъ Остякъ, которая напередъ предначертала ему занятія, трудъ и бѣдность. *Туромъ* — высшее божество, творецъ міра, собираясь послать на землю собаку, опредѣлилъ дать ей лукъ и стрѣлы. Туромъ сказалъ ей: «вотъ тебѣ лукъ и стрѣлы, иди на землю, стрѣляй звѣрей, шкуры и мясо ихъ носи своимъ хозяевамъ». Но старуха, мать Турома, *Туромъ-эссъ*, сказала своему сыну, зачѣмъ онъ далъ лукъ и стрѣлы собакѣ? Это будетъ худо: человѣкъ сдѣлается очень богатымъ, да если у собаки будутъ лукъ и стрѣлы, то скоро на землѣ не будетъ никакого звѣря. И старуха помутила собаку, поразила ея умъ и сознаніе. Послѣ этого Туромъ призвалъ собаку къ себѣ и спросилъ, что онъ ей сказалъ? — Собака, послѣ того, какъ старуха отняла у ней разумъ и помутила ее, забыла о томъ, что ей было сказано. Туромъ тогда снова повторилъ ей о томъ, чтобъ она, взявши лукъ и стрѣлы, шла на землю. Потомъ онъ опять позвалъ собаку къ себѣ и спросилъ, что сказалъ? — Собака снова забыла. Это повторилось три раза. Тогда Туромъ сказалъ собакѣ: «ступай на землю, ѣшь тамъ экскременты самого человѣка, кости звѣрей и рыбъ» и отнялъ у ней лукъ и стрѣлы. Съ того времени собака сдѣлалась такая, какъ теперь есть: бѣлковая, соболиная, лосевая, оленья и т. д. Несетъ собака предопредѣленное ей свыше бремя, подчиняется тому же завѣту самъ Остякъ, оставаясь бѣднымъ и преодолѣвая въ урманѣ раз-

ныя препятствія, подвергаясь лишеніямъ и опасностямъ. Не весь міръ былъ созданъ для Остяка такимъ, чтобъ можно было пріобрѣтать въ немъ богатства. Напротивъ, первоначально даже звѣри были созданы не такими, какъ они теперь. Таковъ былъ лось. Лось сначала былъ сотворенъ о четырехъ ногахъ и двухъ рукахъ (нужно замѣтить притомъ, что Остяки словомъ ноги, *куръ*, обозначаютъ всегда заднія конечности, каковыхъ у лося было сначала четыре; переднія же конечности у всѣхъ звѣрей они называютъ руками — *ёшъ*; значитъ у лося было первоначально шесть ногъ). И тогда онъ бѣгалъ такъ быстро и былъ такъ силенъ, что Остяки не имѣли никакой возможности убивать его. Дѣлать было нечего; одинъ Остякъ сталъ просить Турома, какъ бы лося сдѣлать съ двумя ногами и двумя руками, какъ и всѣ другіе звѣри. Услышавъ просьбу, Туромъ сказалъ, чтобъ Остякъ взялъ собакъ и людей и самъ бы отсѣкъ лосю заднія ноги. Такъ и случилось. Остякъ пошелъ съ собаками и съ семью человѣками своихъ сотоварищей за лосемъ. Долго пришлось гоняться за нимъ, много нужно было пройдти урмановъ и рѣкъ, наконецъ лося догнали только около Камня (Урала); здѣсь удалось всадить лосю стрѣлу въ тѣло, и тогда лось остановился, но держался на ногахъ, не падалъ и былъ совсѣмъ живой. Тогда Остякъ, помня слова Турома, отсѣкъ лосю заднія ноги, и съ того времени у него стало двѣ ноги и двѣ руки, а хвоста не осталось. Остякъ ведетъ значительную охоту на лося: каждый промышленникъ, худо-худо, убиваетъ въ годъ одного, двухъ лосей, а порядочный звѣровщикъ добываетъ лосей съ пол-десятка, а то доходитъ число ихъ до полутора и двухъ десятковъ, въ особенности у Остяковъ, ведущихъ промыселъ постоянно. Во многихъ мѣстахъ охотятся на лося въ разныя времена года, но существуютъ и заповѣдные урманы, служащіе исключительно мѣстообитаніемъ для лося; такія мѣста находятся въ дачахъ ендырскихъ и васпухольскихъ Остяковъ. Здѣсь всякій промыселъ воспрещенъ обычаемъ, здѣсь не позволяется охотиться ни за соболемъ, ни за бѣлкой, хотя бы они тамъ и водились; для промысла этихъ звѣрковъ, Остякъ не долженъ входить въ заповѣдные лѣса ни зимой, ни осенью. Доступъ въ эти урманы открывается только весной, съ первыми признаками оттепелей. Тогда хозяева идутъ на промыселъ цѣлыми обществами, артелями. Въ годъ моего проѣзда по Оби, Остяки Ендырскихъ юртъ, числомъ до 60-ти человѣкъ пайщиковъ, убили весной 200 лосей; весна была удобная: начало весны теплое, снѣгъ сильно подтаялъ сверху, а затѣмъ настали холода — и догонять звѣря на лыжахъ было не трудно. Въ ту же весну въ Васпухольскихъ дачахъ Остяки убили до 50 штукъ лосей.

Бурый медвѣдь.

Посмотримъ на другаго лѣснаго обитателя, играющаго также большую роль въ судьбѣ Остяка, въ его размышленіяхъ и вѣрованіяхъ, въ его обычаяхъ; это животное, встрѣчая его въ лѣсу, нагоняетъ на него страхъ, лишаетъ его жизни. Такую роль играетъ медвѣдь. Много причиняетъ онъ иногда горя Остяку, даже убытковъ, — но это исключеніе: Остякъ твердо вѣритъ, что медвѣдь ниспосланъ свыше, что онъ представитель на землѣ истины и справедливости; въ то же время Остякъ только черезъ медвѣдя познапъ всю пользу огня, только благодаря ему, онъ теперь пользуется возможностью отогрѣвать зябнущіе члены своего тѣла въ глухихъ лѣсахъ, во время длинныхъ осеннихъ и зимнихъ ночей.

Медвѣдь былъ сначала сыномъ Турома и жилъ съ нимъ вмѣстѣ на небѣ; когда онъ смотрѣлъ съ высоты на землю лѣтомъ, то она, покрытая зеленью, казалась ему раскрашенной; зимой, отъ лежащихъ на ней снѣговъ, она представлялась ему устланной кошмами и бѣлыми тканями. Медвѣдя это занимало, картина ему очень нравилась и онъ сталъ проситься у отца,

чтобъ тотъ пустилъ его на землю. — «Нѣтъ, сказалъ отецъ, ты — парень злой отъ природы, передавишь у меня всѣхъ людей и скотъ, — не пущу тебя на землю». Медвѣдь не унялся и началъ снова просить отца, чтобы тотъ пустилъ его на землю. «Тамъ все зеленѣетъ, бродятъ люди, скотъ, или же все бѣло и выстлано!» Отецъ снова отказалъ ему: «Нѣтъ, — бѣлое — это снѣгъ; по снѣгу ты увидишь слѣды людей и скота, изведешь на землѣ ихъ въ корень». Наконецъ, медвѣдь просится въ третій разъ; тогда отецъ уже не могъ ему отказать, и въ люлькѣ, какъ ребенка, спустилъ его на землю, на чистый лугъ, заросшій высокой травою. Медвѣдь, очутившись на землѣ, на лугу, забѣгалъ туда, сюда, видитъ вокругъ себя только одну траву. Скоро наскучило ему; онъ началъ просить, чтобъ отецъ взялъ его назадъ, къ себѣ. «Здѣсь на землѣ ѣсть, говоритъ, совсѣмъ нѣчего, помрешь съ голоду». Тогда отецъ взялъ его къ себѣ и сказалъ: — «иди на землю и не трогай тамъ ни тѣхъ людей, которые мнѣ любы, ни скота, который я создалъ. А ѣшь только тѣхъ людей и тотъ скотъ, на которыхъ я тебѣ укажу; если же будешь дѣлать неправо, то тебя будетъ убивать самъ человѣкъ». И пустилъ медвѣдя на землю, чтобъ онъ бродилъ и въ лѣсахъ и въ лугахъ. Туромъ спустилъ медвѣдя на землю съ огнемъ, съ лукомъ и стрѣлами; тогда было время такое, что люди, ни Русскіе, ни Остяки, не знали еще огня.

Однажды, пошли осенью въ урманъ семь братьевъ бѣлковать. Ихъ застигла непогода, стужа; братья перемерзли, перезябли и говорятъ: «не погибать же намъ отъ холода, — надо спросить у медвѣдя огня». Посылали старшаго брата, — не пошелъ, отказался со страху. Второй — тоже не согласился идти, и указалъ на третьяго, а этотъ указалъ на четвертаго, — и такъ дошла очередь до младшаго. — Ну, этотъ думаетъ, нечего дѣлать, надо идти, и отправился. Шелъ, шелъ лѣсомъ, видитъ, медвѣдь валяется, спитъ на огнѣ. — «Ну, медвѣдь, давай, говоритъ, огня, — совсѣмъ перемерзли». — Нѣтъ, отвѣчаетъ медвѣдь, не дамъ. Остякъ вновь принялся просить, но медвѣдь до трехъ разъ отказывалъ. Тогда Остякъ вынулъ изъ-за пояса топоръ, отсѣкъ медвѣдю голову и заклялъ, чтобъ съ этого времени не было у медвѣдя ни огня, ни лука, ни стрѣлъ, чтобы онъ всю зиму спалъ, со дня Воздвиженья. Такъ все и случилось. Остякъ, взявъ огонь, унесъ его къ братьямъ. Съ того времени и появился у людей огонь.

Итакъ, медвѣдь, благодаря своему божественному происхожденію и завѣту Турома, быть представителемъ на землѣ правды, не трогать ни невинныхъ людей, ни скота, строго выполняетъ задачу своей жизни; онъ является строгимъ божественнымъ судьей всѣхъ поступковъ Остяка; онъ не тронетъ невиннаго, но накажетъ порочнаго; онъ все знаетъ, все видитъ и понимаетъ, какъ то свойственно всякому божественному существу. При встрѣчѣ съ такимъ судьей въ лѣсу, Остякъ конечно трепещетъ отъ страху. Хотя существуетъ правило, при встрѣчѣ съ медвѣдемъ въ урманѣ (лѣсу), не бояться его, стрѣлять въ него или бросать чѣмъ-нибудь, а не бѣжать отъ него, но это правило потому и существуетъ у Остяковъ, что часто приходилось дѣлать противное. Да и бѣжитъ отъ медвѣдя тотъ, кто сознаетъ свои грѣхи, а едва ли найдется между Остяками много такихъ, которые помышляли бы о своемъ безгрѣшіи. Медвѣдь, во всякомъ случаѣ, существо страшное для Остяка, особенно когда онъ живъ; но страшенъ онъ, впрочемъ, и мертвый. Хорошо еще, что медвѣдь съ Воздвиженья, 14 сентября, ложится, по заклятію удалаго Остяка, отнявшаго у него огонь, спать на зиму, и самое лучшее время можно проводить въ урманѣ безъ опасности. Но и то не всегда. Бываютъ медвѣди, которые не ложатся спать; этимъ медвѣдямъ, значитъ, Туромъ велѣлъ ѣсть человѣка, и медвѣдь исполняетъ это. Онъ ѣстъ человѣка совсѣмъ, съ костями и съ волосами; у такихъ медвѣдей находятъ около печени кусокъ волосъ, въ случаѣ если съѣденъ одинъ человѣкъ. Если же съѣдено два или три, то и число кусковъ изъ волосъ около печени бываетъ у медвѣдя соотвѣтственно числу съѣденныхъ человѣческихъ жертвъ. Эти именно медвѣди, не спящіе даже глубокой зимой, ходятъ по снѣгу и ищутъ людей, чтобъ заѣсть ихъ; они заходятъ даже въ дома или юрты.

Медвѣди, не засыпающіе на зиму, перѣдко встрѣчаются въ Сибири, въ томъ числѣ и въ остяцкихъ земляхъ. По всей вѣроятности, порча медвѣжьяго организма и преимущественно ленточные глисты тревожатъ хищника; еслибы не они, то медвѣдь спокойно проводилъ бы зиму въ своей берлогѣ, въ надлежащемъ окоченѣніи; но паразиты безпокоятъ его. Онъ поднимается изъ логовища голодный и озлобленный и въ такомъ видѣ дѣйствительно безъ разбора нападаетъ на все живое, заходитъ даже и въ жилье человѣка. Многихъ Остяковъ не досчитываются нынѣшніе промышленники въ лѣсахъ, — они пали жертвою медвѣжьяго правосудія. Многихъ мнѣ пришлось видѣть съ страшно изъѣденнымъ тѣломъ, съ содранною кожею на черепѣ. Но зато какъ торжествуетъ Остякъ, когда ему удается убить суроваго и злаго отъ природы лѣснаго обитателя! Убитый медвѣдь доставляетъ торжество не только тому, кто убилъ его, но даже всѣмъ его сородичамъ, всему селенію, въ которомъ живетъ убившій медвѣдя. Дажебольше: посмотрѣть на убитаго медвѣдя стекаются Остяки изъ разныхъ другихъ юртъ. Побѣда надъ медвѣдемъ, — признакъ, что побѣдитель — человѣкъ, угодный Турому, который покаралъ медвѣдя, заслужившаго смерть. Остякъ, убившій медвѣдя въ лѣсу, снимаетъ съ него шкуру цѣликомъ, съ лапами и когтями, отбираетъ лучшія части тѣла для пищи, вынимаетъ желчь, какъ лекарственное средство. Отрубая голову, онъ сохраняетъ ее, какъ трофей, съѣдая первоначально находящійся въ ней мозгъ. Онъ дорожитъ зубами медвѣдя, его когтями, — все это играетъ роль въ его жизни. Шкура убитаго медвѣдя съ тріумфомъ вносится въ жилище счастливаго побѣдителя. Медвѣдь, хотя и неживой, видитъ все, какъ живой, все равно — цѣлый-ли онъ при этомъ, шкура-ли его или только лапа, коготь или другая часть тѣла. Какъ божественнаго потомка, его вносятъ въ юрту Остяка не тѣмъ ходомъ, который открытъ для обыкновенныхъ смертныхъ людей: вносить его въ юрту черезъ двери — грѣшно. Шкуру медвѣдя, только-что убитаго, втаскиваютъ въ жилье черезъ окно; то же дѣлаютъ съ покойниками-людьми: ихъ черезъ дверь не выносятъ, а черезъ окно — по лучшей дорогѣ, чѣмъ ходятъ живые люди. Шкуру медвѣдя помѣщаютъ на небольшой скамейкѣ, въ передней, почетной части юрты; голова его торчитъ впередъ; когти его на заднихъ и переднихъ лапахъ должны быть выдвинуты на видъ для публики. Передъ шкурой ставится глиняный горшокъ, въ которомъ лежитъ *чага* — березовая, грибная губка. Чага зажигается и постоянно тлѣетъ, служа жертвою для почетнаго и нежданнаго гостя; отъ нее распространяется постоянно дымъ и свойственный ему запахъ. При этомъ въ глаза медвѣдю вставляются пуговицы, а на когти надѣваются кольца. Передъ медвѣдемъ ставится водка и стаканъ, тоже какъ должная ему жертва. Чуя открытіе торжества, собираются сосѣди, односельцы; всякій приходящій или приходящая цѣлуютъ медвѣдя въ носъ, причемъ гостей обрызгиваютъ водой. Наконецъ, убившій или хозяинъ юрты приступаетъ къ церемоніи. Онъ наливаетъ въ стаканъ водку и кланяется медвѣдю. «Извини, говоритъ, прости, убилъ тебя нечаянно. Не поставь

Нападеніе медвѣдя.

мнѣ въ грѣхъ, — больше никогда не буду!» Остякъ кланяется при этомъ шкурѣ медвѣдя, устремляетъ на нее умоляющій взглядъ, представляя изъ себя видъ раскаявающагося грѣшника, и затѣмъ съ поклономъ выпиваетъ водку. Медвѣдь, въ виду такой покорности, конечно, сейчасъ-же прощаетъ Остяка, такъ какъ и самъ не былъ безгрѣшенъ. И гости привѣтствуютъ этотъ моментъ. Приходятъ приносить жертву медвѣдю и другіе, старѣйшіе односельцы; то же покаяніе въ своихъ грѣхахъ, поклоны и въ заключеніе — выпивка. Настаетъ моментъ всеобщаго прощенія, раздается звонъ уже заранѣе настроенныхъ струнъ лебедя и дамбры. Хозяинъ или кто-либо изъ ближайшихъ ему лицъ, надѣвая на лицо берестяную маску, выступаетъ передъ медвѣдемъ на сцену и пускается въ плясъ; онъ хочетъ показать, каковъ покойникъ былъ въ живыхъ. Подъ звуки двухъ инструментовъ, онъ начинаетъ пѣть и выдѣлывать тѣлодвиженія, подражая медвѣдю: какъ онъ жилъ въ лѣсахъ, какъ онъ шелъ и ѣлъ, наконецъ, изображаетъ, какъ медвѣдь, почуявъ человѣческій запахъ, начинаетъ преслѣдовать и выслѣживать одинокаго странника. Вотъ онъ уже близко около несчастнаго и съ ревомъ бросается на него, мнетъ его подъ своими лапами, обдираетъ черепъ, затѣмъ начинаетъ швырять изъ стороны въ сторону окончательно убитаго. Приступаетъ потомъ медвѣдь къ тому, чтобы разодрать человѣка на части и ѣсть; но лишь только онъ раздираетъ животъ и показываются внутренности, какъ его ошеломляетъ запахомъ. Начинается новое озлобленіе, ревъ и швыряніе. Въ противоположность всѣмъ животнымъ, становящимся жертвою медвѣдя, человѣка онъ долженъ, прежде чѣмъ начать пожирать, притащить къ рѣкѣ или къ водѣ и ополоскать его, въ особенности кишки. Такъ, полагаютъ Остяки, и поступаетъ медвѣдь, что̀ и представляется передъ его шкурой, съ приличными случаю гримасами, ревомъ и тѣлодвиженіями. Потомъ начинаются самыя разнообразныя представленія передъ медвѣдемъ, предметомъ которыхъ служитъ какъ самъ медвѣдь, такъ и жизнь остяцкая; въ представленіи могутъ принимать участіе уже многія дѣйствующія лица, при этомъ мужчины переодѣваются часто въ женскій костюмъ. Такъ, напримѣръ, является на сценѣ Остякъ, собирающійся въ лѣсъ на медвѣжью или звѣриную охоту. По уходѣ его, является передъ медвѣдемъ Остякъ, переодѣтый въ женское платье и изображающій жену ушедшаго, къ которой приходитъ ея возлюбленный; начинается танецъ, затѣмъ слѣдуютъ взаимныя объятія. Въ это время появляется супругъ обратно, а супруга, вмѣстѣ съ другомъ, притворяются мертвыми. Пришедшій въ хлопотахъ, видя, что передъ нимъ два трупа и оба смерзлись; онъ въ страхѣ передъ общественнымъ мнѣніемъ; наконецъ догадывается, начинаетъ лить воду на лежащихъ и, такимъ образомъ, ему удается разлучить ихъ. Кромѣ аллегорическихъ представленій и маскарадныхъ танцевъ, передъ шкурой медвѣдя бываетъ и обыкновенная остяцкая пляска, въ которой принимаютъ участіе одновременно мужчины и женщины. Торжество сопровождается и ѣдой, и выпивкой, ѣдятъ медвѣжье мясо или нарочно убиваютъ для этого животныхъ. Длится оно отъ 4 до 5 дней, въ теченіе каждаго дня и вечера повторяются тѣ же балы съ пѣснями и пляской, съ церемоніями передъ шкурой. Пять дней праздновать обязательно надъ шкурой убитаго медвѣдя-самца, четыре — надъ убитой самкой. Во время празднованія надъ шкурой медвѣдя, ставятъ подъ нее берестяный сосудъ, — чуманъ, наполненный мелкимъ пескомъ, котораго поверхность дѣлается ровною. Остяки вѣрятъ, что послѣ того, какъ настаетъ пора убирать шкуру, на ровной поверхности песка остаются четыре свѣжихъ медвѣжьихъ слѣда. Значитъ, медвѣдь еще живетъ, но въ другомъ, невидимомъ образѣ, оставляя шкуру, въ которой также, по вѣрованіямъ Остяковъ, сохра-

Медвѣдь на крышѣ избушки.

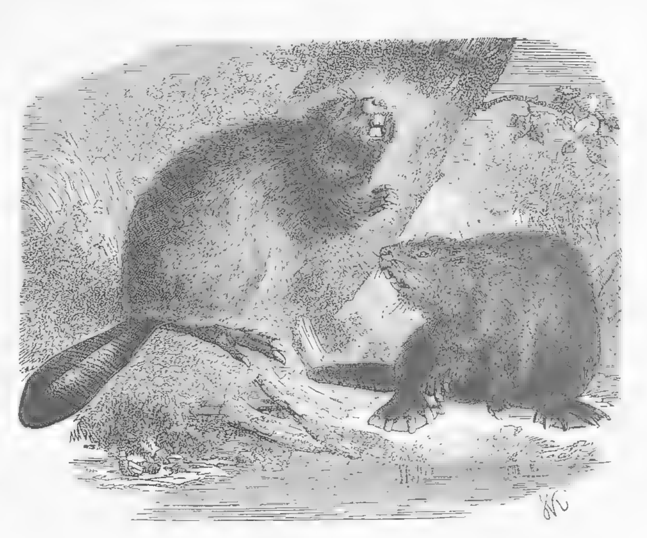
няется еще доля жизни, какъ бы нѣчто божественное, одушевленное, обладающее памятью и сознаніемъ.

Передъ лапой медвѣдя Остякъ клянется, какъ передъ живымъ и разумнымъ существомъ, а за отсутствіемъ лапы онъ приноситъ клятву передъ когтемъ или зубомъ медвѣдя. Становясь передъ этими остатками, положенными, напримѣръ, на столѣ, онъ говоритъ: «если я говорю неправду, съѣшь и задери меня»; или же говоритъ Остякъ: «если я не исполню слова, задави меня». Точно также онъ беретъ въ ротъ зубъ медвѣдя, преимущественно клыкъ, и кусаетъ его, приговаривая, сообразно съ обстоятельствами присяги, напримѣръ: «если я виноватъ, то кусай меня также, какъ я кусаю этотъ зубъ». Передъ тою же лапой и зубомъ Остякъ выражаетъ свои просьбы, какъ и передъ цѣлой шкурой: «урманный звѣрь, дай мнѣ счастья!» Или: «когда я пойду въ лѣсъ, не тронь меня!» Кромѣ того, зубъ медвѣдя считается талисманомъ отъ разныхъ болѣзней, напримѣръ, отъ болѣзни спины, для чего зубъ привязываютъ къ поясу, около поясницы. Во время зубной боли, считается хорошимъ средствомъ, если поскрести зубъ и посыпать наскобленнымъ мучнистымъ веществомъ больной зубъ.

При клятвѣ употребляются также нѣкоторыя части шкуръ и другихъ звѣрей; къ числу такихъ принадлежитъ обитатель здѣшнихъ лѣсовъ, соболь. Остяки клянутся передъ вырѣзанными изъ шкуры ноздрями соболя, хотя, повидимому, этотъ сортъ клятвы менѣе распространенъ, чѣмъ передъ медвѣжьими остатками, а также и передъ огнемъ и водой, когда клянущійся Остякъ ножомъ рѣжетъ огненное пламя, приговаривая: «если я неправъ, сожги меня», а передъ водой — «утопи меня». Какъ я уже сказалъ выше, соболь за послѣднее время сильно уменьшился въ количествѣ, а во многихъ мѣстахъ Обскаго края исчезъ совершенно, вывелся. Въ большемъ количествѣ онъ уцѣлѣлъ на лѣвой сторонѣ отъ долины Оби, въ области такъ называемой Полуденной горы. Да и здѣсь, въ лѣсахъ, сохранившихся отъ пожаровъ, онъ сдѣлался рѣдокъ, а въ мѣстахъ выгорѣвшихъ онъ ушелъ изъ многихъ участковъ. Исключеніе изъ этого представляютъ только глухія лѣсныя трущобы, почти непроходимыя или доступныя человѣку при большихъ усиліяхъ. Это тоже «гари» — остатки дремучихъ лѣсовъ, истребленныхъ пожарами. Здѣсь-то и спасается соболь, здѣсь онъ выводитъ своихъ дѣтей; тутъ онъ не легко доступенъ, а то и недосягаемъ для промышленника. Въ такихъ трущобахъ не только трудно пройдти человѣку, но не легко двигаться и собакамъ; и для нихъ на каждомъ шагу преграда и препятствіе. А за соболемъ много хлопотъ; это быстрый и ловкій звѣрекъ; онъ вездѣ пролѣзетъ; для него и подъ мхомъ дорога, въ каждой щелкѣ между деревьями. Тамъ, гдѣ соболь въ минуту сдѣлалъ нѣсколько десятковъ прыжковъ, собакамъ надо долго карабкаться черезъ стволы, цѣпляться за сучья, проваливаться въ ямы. Хорошо, если умнымъ псамъ, каковы они всегда бываютъ, удастся выгнать соболя изъ трущобы на мѣстечко болѣе чистое, гдѣ они могутъ бѣгать быстрѣе и въ состояніи придержать соболя на мѣстѣ, пока придетъ хозяинъ. Да и то плохо; соболь живой въ руки не дается, — надо его застрѣлить, а стрѣлять нельзя: у него едва мелькаетъ повременамъ пушистый хвостъ, а самъ онъ шмыгнетъ тутъ и тамъ, какъ стрѣла. Можно стрѣлять навѣрняка, безъ промаха, только тогда, когда собаки загонятъ соболя на дерево; но шустрый звѣрекъ тоже бережетъ свою щегольскую шкуру и не идетъ на дерево. Въ «гари» ходятъ только настоящіе собольщики, съ исключительной цѣлью охоты за соболемъ. Большинство же избѣгаетъ такихъ мѣстъ потому, что здѣсь нельзя вести промысла на другаго звѣрка, — бѣлку, хотя и дешевую, но чаще встрѣчающуюся. Въ настоящихъ же, еще не тронутыхъ пожарами, урманахъ, хотя соболя убить легче, за то здѣсь онъ рѣже встрѣчается, да и притомъ здѣсь уже много промышленниковъ. Въ негорѣлыхъ, кедровыхъ, еловыхъ или смѣшанныхъ урманахъ соболь попадается, можно сказать, только на счастливаго; обыкновенный промышленникъ-Остякъ радъ, коли попадается ему въ осень и зиму одинъ, другой соболь; а то ходятъ Остяки партіями по нѣскольку человѣкъ, ведутъ промыселъ нѣсколько мѣсяцевъ и выпадаетъ иногда необходимость дѣлить одного соболя на три и на четыре пая. Да и соболя

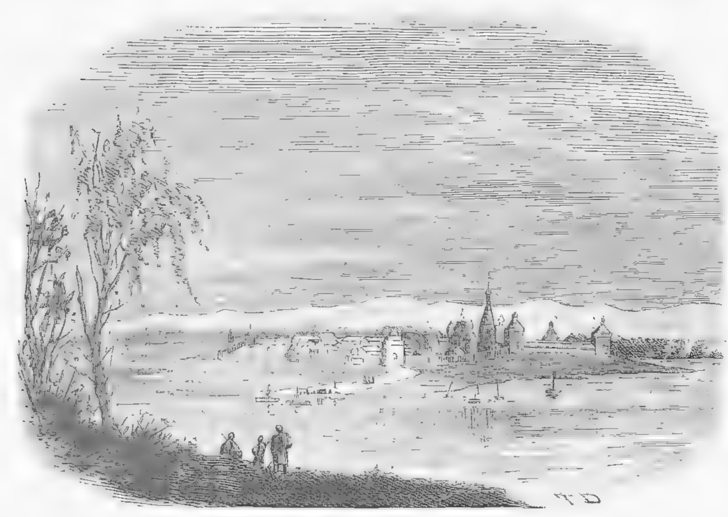
Обскаго края не отличаются особенно хорошими достоинствами; темные, угольные, бываютъ здѣсь только въ видѣ исключенія, обыкновенно же они отличаются довольно большой величиной, пушистымъ, мягкимъ мѣхомъ; но цвѣтъ мѣха преобладаетъ рыжеватый и цѣнится поэтому дешевле всѣхъ другихъ сибирскихъ сортовъ соболя. Торговцы покупаютъ его у промышленниковъ на мѣстѣ по 3—7 руб. и рѣдко болѣе. Въ началѣ марта у соболей бываетъ «гонка», и недѣль черезъ 7 — 8 у нихъ являются молодые соболята, числомъ отъ 1 до 3 и рѣдко 4 — 5. Появляются они, значитъ, какъ разъ въ тотъ періодъ, когда лѣсные пожары находятся въ самомъ разгарѣ.

Есть еще одно животное въ Обскомъ краѣ, весьма цѣнное, по доставляемымъ имъ веществамъ, и доживающее нынѣ послѣдніе дни въ истинномъ смыслѣ слова. Прежде оно было распространено въ Западной Сибири на довольно широкой площади, а нынѣ носятся только слухи о его существованіи въ нѣсколькихъ отдѣльныхъ мѣстахъ. Животное это — рѣчной бобръ. Лѣтъ сто назадъ, онъ водился еще во многихъ рѣчкахъ, впадающихъ въ нижній Иртышъ и Обь; есть еще нынѣ живые Остяки-старички, отцы и дѣды которыхъ промышляли здѣсь бобровъ и, водя своихъ молодыхъ внучатъ и сыновей на охоту, точно указывали имъ мѣста, гдѣ жили бобры, а также какъ и какимъ образомъ ихъ промышляли. Многія изъ рѣчекъ, гдѣ водились бобры, называются даже до сихъ поръ Бобровками. Разсказы о бобрахъ извѣстны большей части Остяковъ, и я часто слышалъ о нихъ. Молва гласитъ, что нынѣ бобры остались только въ верховьяхъ Сосвы. Наконецъ, на Оби, въ селеніи Шеркалинскомъ я нашелъ и пріобрѣлъ пять бобровыхъ шкуръ, къ сожалѣнію, плохо снятыхъ и мало годныхъ для научныхъ цѣлей. Здѣсь же я узналъ, что есть еще живые охотники, которые ходятъ ежегодно за бобрами въ верховья Пелыма съ рѣки Оби и всегда добываютъ по нѣскольку штукъ бобровъ. Наконецъ, я розыскалъ и самого этого промышленника Остяка и изъ его разсказовъ убѣдился, что бобры дѣйствительно существуютъ въ системѣ рѣчекъ Пелыма. Имѣть бобра цѣликомъ, со шкурой, скелетомъ и внутренностями для меня было въ высшей степени интересно, и Остякъ взялъ на себя обязанность — доставить убитыхъ бобровъ цѣликомъ, чтобы ихъ можно было, зимою, мерзлыхъ, доставить въ Петербургъ, по мѣсту моего пребыванія и занятій. Я снабдилъ Остяка деньгами на предварительное обзаведеніе необходимыми припасами, и Остякъ далъ слово, которому, конечно, всегда можно вѣрить, въ томъ, что въ обычное время, осенью, онъ отправится на промыселъ, какъ это онъ и раньше думалъ сдѣлать. Прежде, чѣмъ пожелать Остяку доброй дороги и счастливаго промысла, я подробно разспросилъ его о пути, которымъ онъ идетъ, о мѣстности, гдѣ бобры водятся, объ ихъ нравахъ и о личной жизни самихъ промышленниковъ. Остякъ-промышленникъ, Ѳедоръ Васильевичъ Алексѣевъ, 48-ми лѣтъ отъ роду; онъ здоровый и сильный на видъ мужчина. Постоянное его мѣстожительство — Холопанскія юрты, ниже селенія Шеркалинскаго по р. Оби; предки его — Остяки, выходцы съ р. Пелыма, вышли они еще въ то время, когда Остяки не были крещены. Съ выселеніемъ изъ Пелыма, у нихъ остались тамъ родовыя дачи, укрѣпленныя за ними вѣковыми обычаями, и

Бобры.

нынѣшніе потомки ихъ, принадлежащіе къ тому же роду, могутъ всегда пользоваться этими участками, какъ собственностью, гдѣ бы они ни жили. У Ѳедора остались еще на Пелымѣ родственники и къ нимъ-то онъ ходитъ на промыселъ за бобрами. Выходитъ онъ изъ Холопанскихъ юртъ по первому зимнему пути, когда рѣки и рѣчки покрываются льдомъ. Это бываетъ иногда послѣ, иногда раньше «Митрева» (Дмитріева) дня, во второй половинѣ сентября. Вмѣстѣ съ нимъ выходятъ товарищи-родственники, такъ что идутъ на промыселъ двое, трое или четверо. Если выходятъ двое, то берутъ съ собою четырехъ собакъ, трое — шесть, четверо — восемь. На Пелымъ приходится идти по затесямъ на деревьяхъ въ урманахъ и черезъ болотины и тундры; выходятъ на юрты Ямнеи - павилъ, лежащія въ вершинахъ р. Пелыма. Странствованіе длится дней одиннадцать, отъ Холопанскихъ юртъ до вершины Пелыма больше 200 верстъ. Идутъ съ ранняго утра до вечера; днемъ ѣдятъ только сухой хлѣбъ, а вечеромъ варятъ горячее. Рѣкъ, въ которыхъ водятся бобры, четыре: рѣка Негъ-забыръ, впадающая въ Эссъ, затѣмъ рѣки Вой, Лепленъ-ой и, наконецъ, самая рѣчка Эссъ. Всѣ эти рѣчки — рода Алексѣевыхъ. Рѣчки имѣютъ отъ пяти до двухъ саженъ въ ширину; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ширина ихъ доходитъ только до одной сажени. Наибольшая глубина ихъ простирается до одной сажени. Бобры и живутъ именно въ этихъ глубокихъ мѣстахъ рѣчекъ, которыя зимой не промерзаютъ до дна. Бобры наваливаютъ черезъ рѣчку березки, причемъ иногда перегрызаютъ весьма большія деревья. Когда бобръ достаточно подгрызъ дерево, то сейчасъ же отъ него удаляется и ждетъ, чтобъ окончательно его свалилъ уже вѣтеръ, иначе ему самому грозитъ опасность, если дерево упадетъ во время его работъ.

Видъ Пелыма.

На нижнемъ Иртышѣ, одинъ старый Остякъ, показывая мнѣ мѣсто, гдѣ встарину жили бобры, говорилъ, что они всегда старались выбрать такой затонъ, на берегу котораго непосредственно расположены были березы; водный грызунъ подгрызалъ такія деревья именно съ той стороны, которая обращена къ рѣчкѣ, чтобы дерево упало поперекъ рѣки. Къ нѣсколькимъ цѣлымъ деревьямъ, упавшимъ черезъ рѣку, бобру предстоитъ еще натаскать массу матеріала, который онъ находитъ уже на нѣкоторомъ отдаленіи отъ рѣки. Но бобръ и въ такихъ случаяхъ подгрызаетъ у корня довольно толстыя березки, и если случается, что дерево слишкомъ тяжело, тащить его цѣликомъ не по силамъ бобру, тогда онъ разгрызаетъ его на части и уже въ такомъ видѣ доноситъ до устраиваемой запруды. Онъ обыкновенно таскаетъ обрубки или чурбаны вершка въ четыре въ поперечникѣ и четвертей до пяти въ длину. Во время переноски онъ держитъ одинъ конецъ чурбана въ зубахъ, а другой на плечѣ. Матеріаломъ для его построекъ служитъ, кромѣ березняка, и ивнякъ или тальникъ, другихъ же деревъ, по замѣчанію Остяка, онъ не беретъ. Затоны — это главное мѣсто въ рѣчкахъ, гдѣ онъ устраиваетъ себѣ жилье; если вода въ нихъ слишкомъ низка, то онъ таскаетъ съ берега землю и устраиваетъ плотину, отъ которой вода поднимается и дѣлается настолько глубокой, что уже зимой не

промерзаетъ. При устройствѣ плотины и запруды, онъ вставляетъ даже въ землю колья, толщиною до двухъ вершковъ, и ставитъ ихъ въ разстояніи на одинъ или нѣсколько аршинъ одинъ отъ другаго; иногда даже случается, что онъ ставитъ колья близко другъ отъ друга, такъ что они, склоняясь другъ къ другу, лежатъ одинъ на другомъ, образуя фигуру, напоминающую Андреевскій крестъ; въ мѣстахъ соприкосновенія кольевъ связываетъ ихъ тонкими березовыми вѣтками, но дѣлаетъ только одинъ узелъ. Наставивъ кольевъ, онъ кладетъ около нихъ хворосту; лѣсъ носитъ сырой, чтобъ онъ легче погружался въ воду. Корой березы и тальника бобры питаются; въ ихъ жильѣ, въ такъ называемой столовой, находится обыкновенно много объѣденныхъ вѣтокъ отъ этихъ деревъ. Собственно для жилья себѣ боберъ устраиваетъ норы, которыя, начинаясь подъ водой, идутъ въ берегъ. Прежде всего у него находится кухня, она лежитъ обыкновенно недалеко отъ запора, или даже около самаго запора, по рѣкѣ, вверхъ по теченію. Она идетъ сначала въ берегъ норой, потомъ расширяется въ просторное отдѣленіе, округленное, діаметръ котораго болѣе или менѣе соотвѣтствуетъ количеству живущихъ бобровъ и доходитъ до 6-ти аршинъ. Затѣмъ, еще выше по теченію отъ запора и кухни или столовой, на разстояніи 20-ти саженъ и дальше, даже на версту, бобръ вырываетъ себѣ помѣщеніе, служащее спальней. Спальня начинается отъ воды однимъ рукавомъ, который затѣмъ расширяется и уже отъ этого расширенія идутъ опять по разнымъ направленіямъ норы-каждая на концѣ съ расширеніемъ въ одинъ аршинъ шириной; число этихъ вторичныхъ норъ соотвѣтствуетъ количеству живущихъ въ общинѣ особей, изъ которыхъ каждая имѣетъ свою спальню. Въ спальнѣ бобры отдыхаютъ, въ столовой или кухнѣ ѣдятъ; сюда, во время зимы, они натаскиваютъ изъ плотины вѣтвей, кора которыхъ и служитъ имъ пищею, такъ что вѣтви въ столовой всегда бываютъ объѣдены, и, можетъ быть, по этой причинѣ, по необходимости держать въ кухнѣ пищевой запасъ вѣтокъ, она гораздо больше, чѣмъ бобровая спальня. Поѣвши, боберъ идетъ въ спальню; въ случаѣ преслѣдованія и опасности, уходитъ изъ спален выше по теченію рѣчки, въ запасныя отдѣленія, устраиваемыя имъ на случай осады кухни и постоянныхъ спален. Въ одной общинѣ живетъ отъ 2 до 8 штукъ бобровъ; если въ семьѣ больше 8 штукъ бобровъ, то излишнихъ отсылаютъ устраивать новое поселеніе или новую колонію. Это распоряженіе дѣлаютъ старики, отецъ и мать. Отдѣляя отъ своей общины самца и самку, они говорятъ имъ: — «Идите, да тамъ, въ другомъ мѣстѣ, и устраивайтесь!» Такимъ образомъ, отряженная парочка отправляется на поиски и въ той же рѣкѣ ищетъ себѣ удобнаго пристанища, которое и начинаетъ устраивать Въ большой семьѣ старшіе, самецъ и самка, обыкновенно, не исполняютъ тяжелыхъ работъ и въ теченіе всего лѣта бродятъ въ разныхъ мѣстахъ, можетъ быть, розыскивая мѣста для новыхъ иоселеній. Младшіе въ это время работаютъ. Во время зимы старшіе дѣлятъ кормъ остальнымъ; при этомъ они имѣютъ лучшій мѣхъ, нежели другіе члены общины: мѣхъ ихъ гладкій и болѣе пушистый, мясо жирное. Младшіе работники истощены, у нихъ на плечахъ едва можно отодрать шкуру отъ мяса, значитъ, отъ работъ и таскания тяжестей эти мѣста сильно намозолены. Бобры «гоняются» весной, а лѣтомъ плодятъ по одному или по два дѣтеныша.

Остяковъ до такой степени поражаетъ умъ, смѣтливость и трудолюбіе бобровъ, что они предполагаютъ въ нихъ много человѣческаго. Такъ, промышленники думаютъ, что бобръ хорошо понимаетъ человѣческій языкъ, поэтому, идя на охоту за нимъ, говорятъ на условленномъ нарѣчіи. Приступая къ ловлѣ бобра, Остяки перегораживаютъ рѣчку въ нѣсколькихъ мѣстахъ, выше плотины, первоначально такъ, чтобъ отдѣлить столовую отъ спальни, выше которой также устраиваютъ запоръ, чтобы бобры, зачуявъ промышленниковъ, не ушли вверхъ по теченію рѣчки. Изолировавши такимъ образомъ пространство, въ предѣлахъ котораго должны находиться бобры, они дѣлаютъ ближайшія изслѣдованія, точно опредѣляютъ положеніе столовой и спальни; этого они достигаютъ съ помощію щупа, который засовываютъ подъ ледъ около берега и такимъ образомъ находятъ устья жилыхъ бобровыхъ помѣщеній. Кромѣ столо-

вой и спальни бываютъ понадѣланы по обѣимъ сторонамъ рѣчекъ другія запасныя помѣщенія, на случай нападенія, такъ что, при нашествіи промышленниковъ, если бобры не успѣютъ выйдти раньше изъ отгороженнаго пространства, должны скрыться въ столовой, въ спальнѣ или въ запасныхъ норахъ. По опредѣленіи положенія норъ, Остяки разламываютъ передъ всѣми норами ледъ и дѣлаютъ передъ входомъ въ нихъ полукруглые заборы, такъ чтобъ бобры, находящіеся въ томъ или другомъ помѣщеніи, не могли бы никуда выйдти. Послѣ этого начинаютъ раскапывать норы. Первою разламываютъ кухню или столовую, затѣмъ переходятъ къ спальнѣ и, наконецъ, — къ второстепеннымъ запаснымъ вѣтвямъ. По замѣчанію Остяковъ, бобры, замѣтивъ промышленниковъ, разбѣгаются въ стороны, разбиваются по-одиночкѣ. Замѣчаютъ еще Остяки, что когда въ одну колонію или въ рѣчку, гдѣ она расположена, являются бобры изъ другой рѣчки, то первоначальные обитатели тѣснятъ переселенцевъ.

Осмотрѣвъ на значительномъ разстояніи рѣчку Бобровку, въ нижнемъ теченіи Иртыша, въ сопровожденіи Остяка Ивана изъ Цингалинскихъ юртъ, слышавшаго разсказы о бобрахъ отъ дѣда и отца своего, указывавшихъ мѣста, гдѣ они ловили бобровъ, я нашелъ условія существованія бобровъ совершенно того же характера, какъ описывалъ ихъ Ѳедоръ. Притомъ, способъ ловли бобровъ въ области Иртыша былъ иной: тамъ, отгораживая жилище бобра отъ верхняго теченія рѣки, между столовою и спальней ставили перегородку, въ срединѣ которой оставляли маленькій проходъ съ ловушкою; въ этомъ-то проходѣ бобръ и попадался. Впрочемъ, ничего нѣтъ невѣроятнаго, чтобъ этотъ же способъ не былъ распространенъ и на Пелымѣ, въ другое время, не осенью, когда производилъ ловъ Ѳедоръ Алексѣевъ. Ѳедоръ продавалъ шкуру самаго большаго бобра по 10 руб., средняго — по 5 руб., а мелкихъ по 3 руб. Ѳедоръ убилъ въ своей жизни больше двухъ десятковъ бобровъ, какъ пайщикъ, другіе же убитые выпадали на долю товарищей. Но на Пелымѣ уже мало уважается неприкосновенность родовыхъ дачъ; поэтому часто случалось, что Ѳедоръ приходилъ изъ своего новаго мѣстообитанія на бобровыя рѣчки тогда, когда на нихъ сосѣди собрали уже лучшую долю добычи. Промыселъ на бобра въ особенности привлекателенъ и по другой причинѣ, по веществу, болѣе цѣнному, чѣмъ шкура, — по «бобровой струѣ» (пахучая, ароматная железка), которую доставляетъ бобръ. У большихъ экземпляровъ, самцовъ, «струя» бываетъ до 25 золотниковъ вѣсомъ, у среднихъ и малыхъ — отъ 5 до 15 золотниковъ. Струя эта цѣнится не только въ медицинѣ, но и у Остяковъ въ особенности. Нынѣ, за исчезновеніемъ мѣстныхъ бобровъ, Остяки покупаютъ струю аптечную или вывозимую изъ Россіи, платя отъ 1 р. 50 к. до 2 р. за золотникъ. Такимъ образомъ, одного хорошаго бобра, со шкурой и прочими частями тѣла, Остяки цѣнятъ отъ 50 до 75 рублей. «Бобровая струя» имѣетъ у Остяковъ религіозное значеніе, считается божественнымъ очистительнымъ средствомъ. Въ особенности она употребляется при очищеніи, посредствомъ окуриванія, Остячекъ-роженицъ, которыя въ теченіе значительнаго періода времени послѣ родовъ живутъ отдѣльно отъ другихъ, какъ существа нечистыя, не долженствующія ни съ кѣмъ стоять въ какихъ-либо сношеніяхъ. Изъ этого положенія паріи, разумѣется, ничѣмъ не заслуженнаго и весьма прискорбнаго, Остячка выходитъ и вступаетъ въ семью только послѣ окуриванія «бобровой струей».

Одна особенность у сибирскаго бобра, — котораго теперь не существуетъ уже болѣе ни въ одномъ пунктѣ Восточной или Зададной Сибири, кромѣ мною указанныхъ, — это норы; у европейскихъ этого нѣтъ. Какой же былъ это бобръ? Для этого нужно было видѣть его цѣлаго. Но такое желаніе не удалось. По пріѣздѣ въ Петербургъ, изъ долины Оби я получилъ извѣстіе, что Ѳедоръ отправился за бобрами, согласно условію и его желанію; пошелъ онъ, очевидно, по тому же пути, по тѣмъ же затесямъ и тундрамъ и добрался до своихъ родовыхъ владѣній. Но проходитъ осень, зима, — его нѣтъ; настаетъ весна, — о немъ опять-таки никакихъ извѣстій, тогда какъ, по обыкновенію, онъ еще зимой долженъ былъ возвратиться. Нѣтъ его и лѣтомъ. Съ наступленіемъ слѣдующей осени, около «Митрева» дня, по слѣдамъ

отца отправился на розыски изъ Холопанскихъ юртъ сынъ. И дѣйствительно, сынъ нашелъ отца или, точнѣе, трупъ его, въ хижинѣ, служившей помѣщеніемъ для промышленниковъ; куда же дѣвались его товарищи, собаки, — неизвѣстно. Что произошла за драма, — это до сихъ поръ остается неразгаданнымъ. Да, впрочемъ, одна ли это драма? Не совершается ли ихъ въ лѣсу ежегодно и больше? Пустынный урманъ — поприще широкое для всякаго рода печальныхъ происшествій.

У Остяковъ случается весьма рѣдко, чтобы охотникъ или промышленникъ жилъ цѣлый годъ въ лѣсу, — постоянная жизнь и охота въ лѣсу свойственна исключительнымъ личностямъ, къ числу которыхъ принадлежитъ извѣстный промышленникъ «Филька Васпухольскій». Такъ, въ годъ моего проѣзда онъ убилъ 20 соболей и 25 лосей, кромѣ другаго, менѣе цѣннаго звѣря; количество убитыхъ соболей доходитъ у Филиппа иногда до 14 въ годъ; въ прежнее время было больше. Убивалъ Филиппъ въ прежнія времена лосей до 30 въ осень, да до 40 штукъ весною. Остякъ Иванъ изъ Цингалинскихъ юртъ, въ теченіе лѣтъ 25, не бывая иногда въ лѣсу и пропуская время промысла, убилъ все-таки «на своемъ вѣку» штукъ 200 лосей, 200 оленей, до 300 соболей, кромѣ мелкаго звѣря. Остякъ, лишившись по какимъ бы то ни было причинамъ собакъ во время промысла, можетъ подвергнуться сильному бѣдствію и лишеніямъ; тогда всѣ запасы и всю тяжесть придется тащить на себѣ. Угрюма урманская жизнь: собаки облегчаютъ промышленнику трудности и тягости промысла, вліяютъ оживительно и на нравственное настроеніе духа.

Радъ Остякъ, когда благополучно выйдетъ изъ лѣса. Тутъ все къ его услугамъ: купецъ ему наготовилъ угощенія, цѣловальникъ ему кланяется; Остякъ теперь для всѣхъ добрый человѣкъ, другъ; онъ счастливъ теперь, онъ благодаритъ своихъ пенатовъ, оказавшихъ ему покровительство на промыслѣ, разсчитывается съ купцомъ, является щедрымъ гостемъ у цѣловальника; да, впрочемъ, и закадычные его друзья угощаютъ его дома, какъ роднаго. И черезъ нѣсколько дней такого праздника — Остякъ остается голъ, какъ соколъ. Иди хоть снова въ лѣсъ, такъ какъ у друзей еще мрачнѣе, никакой тѣни гостепріимства. Такой промышленникъ, какъ «Филька» Васпухольскій, всегда такъ и дѣлаетъ: что̀ напромышляетъ, пропьетъ по выходѣ изъ лѣса, потомъ — назадъ. То же дѣлаютъ зимой и многіе другіе. Лѣтомъ нанимаются на работы. Въ общей сложности, охота для Остяка — пуще неволи.

Оставимъ пустынные и угрюмые урманы и пустѣющія, убогія юрты Остяковъ. Послѣдуемъ въ Березовъ. Мы плыли къ нему изъ Большой Оби по Малой, внизъ по теченію, а теперь подплываемъ по Большой Сосвѣ, на правомъ возвышенномъ берегу которой онъ и расположенъ. Онъ очень красиво рисуется на высокомъ берегу, когда на него смотрѣть издали, съ широко раскинутой и гладкой поверхности Сосвы. Какъ у всякаго русскаго городка, лучшимъ украшеніемъ вида Березова служатъ его двѣ церкви, расположенныя какъ разъ у береговой окраины, на набережной Сосвы, на двухъ противоположныхъ концахъ города. За церквами обрисовываются красивымъ рядомъ дома, небольшіе, деревянные, но съ рѣки кажущіеся болѣе солидными и чистыми. Соборъ, первая церковь, лежитъ выше по теченію Сосвы, чѣмъ вторая; на его четырехугольномъ, однообразно выстроенномъ корпусѣ, безъ ограды, покоятся два купола, третій куполъ весьма небольшой. Около собора каменная, довольно большая будка, — казначейство. Около собора, кромѣ тянущагося позади ряда домиковъ, нѣтъ никакихъ строеній, — открывается пустынная площадь. Въ довольно значительномъ отдаленіи отъ собора, на одной изъ береговыхъ окраинъ площади, находится бесѣдка; здѣсь лѣтомъ, по вечерамъ, собирается мѣстная аристократія. Другая церковь, стоящая ниже по теченію Сосвы, тоже на высокомъ берегу, — красивѣе собора. Нѣсколько старыхъ лиственицъ стоятъ въ ея каменной оградѣ; повидимому, цѣлыя сотни лѣтъ разростались онѣ; ихъ вершины поднимаются до конца средняго купола, а отъ главнаго только одинъ острый и длинный шпицъ уходитъ выше ихъ и обрисовывается въ чистомъ воздухѣ. Вѣтви листвен-

ницъ широко раскинулись, закрыли большую часть церковнаго корпуса — и только фронтонъ при входѣ въ церковь выглядываетъ изъ за-нихъ. Близъ ограды начинается крутой скатъ къ рѣкѣ. Онъ весь также заросъ густымъ лѣсомъ изъ старыхъ лиственницъ, кедровъ и сосенъ. Это прелестная, красивая роща, подъ сѣнью которой пріютилась живописная бесѣдка. Въ бесѣдку ходятъ березовскіе обитатели, если они сохранили въ сердцѣ грусть по умершимъ друзьямъ и родственникамъ, такъ какъ около церкви находится и кладбище. Вторая церковь, называемая лиственничной, извѣстна и Остякамъ; до прихода Русскихъ, на этомъ мѣстѣ было расположено капище *Айсъ-турома.* По остяцкимъ преданіямъ, первымъ пришедшимъ казакомъ въ Березовъ былъ Шаговъ. Онъ первымъ дѣломъ разбилъ туземное божество, воспользовавшись конечно всѣмъ богатымъ его, въ то время, имуществомъ; впрочемъ, преданіе говоритъ также, что самъ «шайтанъ» — Айсъ-туромъ, — въ виду опасности, былъ перенесенъ въ Ненкинскія юрты, верстъ за 20 отъ Березова. Но мѣсто сохранило свою священную славу для Остяковъ и до сихъ поръ: всякій пріѣзжій въ Березовъ Остякъ приноситъ жертву бывшему жилищу божества; здѣсь жертвуется рыба, т. е. съѣдается, пьется водка, закалывается олень. Мѣсто такъ священно, что даже Остяки, въ особенности пріѣзжающіе издалека на лодкахъ, складываютъ здѣсь весла, считая грѣхомъ шевелить ими и предоставляютъ проносить себя мимо его — теченію воды. Ниже «лиственничной церкви», подъ крутымъ берегомъ, около самой рѣки тянутся лачуги, гдѣ живутъ Остяки-работники; дальше, по направленію къ собору, тоже подъ берегомъ, тянется рядъ амбаровъ, въ которыхъ хранится привозимый на продажу, въ судахъ, хлѣбъ; здѣсь же держатся временно и другіе товары. Какъ необходимая принадлежность, въ ложбинкахъ, прорѣзывающихъ крутой берегъ, гдѣ идетъ дорога отъ рѣки въ городъ, расположены амбарушки, служащія водочными складами, и просто кабачки. Этотъ городъ — просто русская деревня или заброшенный городокъ въ глуши Европейской Россіи; въ немъ менѣе 200 домовъ, въ нихъ «проживаютъ» до 1700 Березовцевъ-горожанъ. Какъ по внѣшности, такъ и по сущности, Березовъ — дореформенный городъ лѣсной русской глуши. Онъ окружной городъ или столица такого района, въ которомъ можно было бы вмѣстить нѣсколько самостоятельныхъ и значительныхъ европейскихъ государствъ. Да въ прежнія времена здѣсь и было весьма много независимыхъ другъ отъ друга владѣній; по крайней мѣрѣ въ 1499 году, воевода, князь Ушатый, въ одной только малой части нынѣшняго Березовскаго округа взялъ въ плѣнъ «1009 человѣкъ лучшихъ людей, да 50 князей». Существующія въ Россіи земскія учрежденія и мировые суды еще не дошли до Березова; всѣхъ бывшихъ здѣсь встарину владѣтельныхъ князей замѣняетъ одинъ исправникъ, и онъ-то украшаетъ своимъ пребываніемъ столицу края. Живетъ въ Березовѣ одинъ окружной докторъ, тоже на весь край, да еще нѣсколько засѣдателей или становыхъ, — вотъ и всѣ власти, кромѣ членовъ земскаго суда, главный составъ котораго изъ тѣхъ же администраторовъ. Затѣмъ — священникъ и именитые граждане города, — купцы; въ большинствѣ же случаевъ торгуютъ крестьяне и мѣщане, заѣзжіе, также казаки, составляющіе господствующую часть населенія; забрались сюда въ небольшомъ числѣ и Евреи. Городъ окаймленъ еще болѣе убогими жильями Остяковъ, пробивающихся около горожанъ случайными заработками или нанимающихся въ работники. Это — землянки, съ грязью, лохмотьями и убійственнымъ запахомъ. Дальше вокругъ — лѣсъ, пустынный, на громадномъ разстояніи.

Смотря на окрестности Березова, удивляешься рѣшительному отсутствію на нихъ всякихъ слѣдовъ той трудолюбивой руки, которая вноситъ въ дѣвственные лѣса, во вновь заселяемыя страны культуру; здѣсь нѣтъ и тѣни того трудолюбія, которое, измѣняя къ лучшему физіономію мѣстности, говоритъ: — здѣсь царство человѣка, этого вѣнца мірозданія! Чѣмъ же живутъ обитатели города, чѣмъ промышляютъ? Можно сказать, что мирныя овцы, доставляющія одежду и пищу Березову, — Остяки, руками которыхъ собирается пушной звѣрь изъ урмановъ и пустынныхъ прибрежныхъ тундръ Ледовитаго океана; русскому че-

ловѣку остается вести охоту на Остяковъ, ловить ихъ съ выносимыми ими изъ глуши товарами. Но есть еще одна, великая статья дохода, которая, при благоразумномъ къ ней отношеніи, могла бы обезпечить благосостояніе края, но которая теперь довольно плачевна, — это рыболовство, въ большинствѣ случаевъ производимое также Остяками. Между тѣмъ Остякъ въ Березовѣ мало цѣнится; въ прошломъ столѣтіи Остяки здѣсь составляли часто классъ рабовъ, продавались и покупались по двугривенному за душу. Теперь, правда, этого нѣтъ, но тѣмъ не менѣе во всемъ Березовскомъ краѣ на Остяковъ смотрятъ какъ «на собакъ»; говорятъ, что «Остяки ѣдятъ и спятъ съ собаками, значитъ и сами собаки». И количество Остяковъ въ краѣ уменьшается изъ столѣтія въ столѣтіе въ то время, когда у Русскихъ, живущихъ по большей части трудами остяцкихъ рукъ, замѣчается обратное явленіе: они плодятся и множатся. Такъ, въ самомъ Березовѣ большая часть казаковъ — Шаховы, вѣроятно потомки перваго пришедшаго сюда завоевателя; эти потомки разселились теперь и по другимъ пунктамъ Оби, потерявъ между собою всякую нить родства. То же замѣчается и въ торговомъ сословіи. Въ Березовѣ на 1700 жителей одно только уѣздное училище; рядомъ съ нимъ — пять водочныхъ складовъ и трудно поддающееся счету количество заведеній «съ продажею распивочно». Уѣздное училище едва ли распространяетъ свое вліяніе на край въ такой степени, какъ другія, состязающіяся съ нимъ и противоположныя по вліянію на нравственность заведенія. Березовъ — послѣдній пунктъ, въ которомъ закономъ позволена торговля спиртными напитками, главнымъ образомъ водкой; дальше ввозъ и торговля водкой, ниже по теченію Оби и въ тундрахъ, не позволены. Но жители глубокаго и холоднаго сѣвера давно уже оцѣнили сладость этого «горькаго напитка»; онъ есть нектаръ всѣхъ ихъ божествъ; вѣроятно самъ «Сорнэ-туромъ» не садится безъ него за ѣду; для сѣверянъ — это божественный напитокъ. При такихъ условіяхъ низовья Оби и тундры не остаются неудовлетворенными. Водка попадаетъ туда частію изъ За-уралья, Печорскаго края, но главную роль въ этомъ отношеніи играетъ Березовъ. Онъ недаромъ отвелъ въ своихъ предѣлахъ почетное мѣсто пяти виннымъ складамъ, и не безъ умысла содержатъ эти склады виноторговцы. Я однажды имѣлъ случай просмотрѣть книги объ акцизныхъ сборахъ отъ Березовскихъ складовъ, причемъ сдѣлалъ изъ нихъ выписки, но, къ сожалѣнію, одинъ сибирякъ, взявши отъ меня замѣтки для переписки, не возвратилъ мнѣ ни оригинала, ни копіи... Но я полагаюсь на свою память для общей характеристики въ распродажѣ водки, количество которой въ годъ расходится на 50 — 75 тысячъ рублей. Наибольшее количество ея расходится во всѣ тѣ періоды, когда Остяки или выходятъ изъ лѣсовъ съ пушниной, или получаютъ задатки подъ работы при рыболовствѣ. Наконецъ, самый цѣнный періодъ для торговцевъ — наступленіе Обдорской ярмарки.

Обдорскъ — младшій братъ Березова. Минимумъ въ размѣрахъ акцизнаго сбора въ Березовѣ бываетъ весной, когда городокъ теряетъ пути сообщенія съ окрестностями по причинѣ распутицы, когда зимній путь исчезъ, лѣтній не насталъ; въ это время акцизный сборъ отъ продажи водки едва достигаетъ 600 руб., и это въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, правильно, статистически; распутица случается въ одинъ изъ весеннихъ мѣсяцевъ. Слѣдовательно, шесть-сотъ рублей акцизу доставляетъ Березовъ и ближайшія къ нему окрестности. Во всѣ другіе мѣсяцы сборъ увеличивается болѣе, чѣмъ въ десять разъ и максимумъ его бываетъ въ ноябрѣ и въ декабрѣ, передъ Обдорской ярмаркой. Въ это время сборъ достигаетъ до 10 и 11 тысячъ рублей. Раскупаютъ водку преимущественно сами Березовцы — казаки и торговцы. Всякій съ пятью, десятью ведрами водки ѣдетъ въ Обдорскъ на ярмарку за пушниной. Бутылка водки, стоющая въ Березовѣ 30 коп., въ Обдорскѣ цѣнится самое малое, добросовѣстно по мѣстному, въ одинъ рубль. Слѣдовательно, водка стоитъ уже болѣе, чѣмъ втрое. Но при продажѣ Остякамъ, она сильно разбавляется водой, — барышъ увеличивается. Она мѣняется на мѣха, цѣнность которыхъ покупщикомъ и продавцомъ водки понижается, и такимъ образомъ обитатель Березова пріобрѣтаетъ на одинъ рубль 400%! Но болѣе изворотли-

вые достигаютъ еще болѣе удивительныхъ результатовъ. Вообще, обитатель Березова, отправившись въ Обдорскъ съ полъ-десяткомъ или нѣсколько большимъ количествомъ ведеръ водки, возвращается домой съ такими барышами, которые даютъ ему возможность существовать цѣлый годъ безбѣдно. Вывозятъ водку изъ Тобольска и рыбопромышленники, одинъ изъ которыхъ разсказывалъ о себѣ слѣдующее: «Я привезъ «на низъ» для собственнаго употребленія 20 ведеръ водки. Все лѣто былъ самъ пьянъ до отвалу, въ крайности поилъ рабочихъ, да еще нажилъ на этой водкѣ 500 руб., заплативши за нее въ Тобольскѣ около 100 рублей. А дѣло простое; дайте сначала Остякамъ по чашкѣ водки хорошей — даромъ; первую бутылку — за 1 рубль; двѣ вторыя, на половину съ водой, — по полтора рубля за каждую; слѣдующія три бутылки чистой воды — по два рубля,—и Остяки уйдутъ совершенно пьяные; а иначе — угостить ихъ подзатыльниками!» Такимъ образомъ, если полагать, что отъ ноябрской покупки уходитъ въ Обдорскъ водки на 5000 руб. по березовскимъ цѣнамъ, а изъ декабрской—на 10 т. рублей, и если это количество пойдетъ по цѣнѣ только въ пять разъ большей, то и тогда Остяки заплатятъ за нее 60 тыс. руб. лишнихъ! И это — минимумъ. У именитыхъ Обдорскихъ жителей дѣлаются свои запасы изъ Тобольска, которыми они довольствуютъ Остяковъ какъ лѣтомъ, такъ и зимою. Остяки уже знаютъ тяготу водочныхъ цѣнъ. Лишь только кончается ярмарка, они посылаютъ въ Березовъ за водкой своихъ собственныхъ «коммисаровъ». Но и съ коммисарами случается бѣда: нѣсколько ведеръ пробныхъ они получаютъ сносной водки, а больше такихъ, содержимое которыхъ, черезчуръ богатое водой, на дорогѣ замерзаетъ. Хотятъ на радостяхъ принести жертву какому-нибудь истукану, раскупориваютъ ведро — въ немъ ледъ; кладутъ въ котелъ и на огонь, — выходитъ вода, едва пахнущая водкой. Надули, а жаловаться нельзя, — самъ попадешь подъ судъ за контрабанду. Караваны съ водкой проходятъ въ низовья Оби осенью, передъ замерзаніемъ Оби; они состоятъ изъ большихъ лодокъ неводниковъ, наполненныхъ боченками; съ установленіемъ зимняго пути пробираются на сѣверъ съ водкой же цѣлыя партіи нартъ, часто по путямъ, едва ли кому-либо другому вѣдомымъ. Принимаются за торговлю водкой и сами Остяки, усвоившіе отъ Русскихъ ловкія манеры обращенія съ ней. Одинъ Остякъ, жившій нѣсколько лѣтъ у одного рыбопромышленника, отправился однажды въ Березовъ, купилъ боченокъ спирту въ 8 ведеръ и поселился затѣмъ въ тундрѣ, гдѣ около юртъ такіе поселенцы нерѣдки; около ихъ чума вывѣшена бываетъ даже бутылка, въ знакъ того, что тутъ можно поживиться выпивкой. Остякъ купилъ спиртъ, чтобъ легче его везти, чтобъ не имѣть много подводъ, а разводить его онъ научился у Русскихъ. За эту науку онъ получилъ щедрое вознагражденіе. Цѣна водки въ тундрѣ довольно прочно установилась въ слѣдующемъ видѣ: $^1/_4$ ведра — олень, цѣна котораго начинается отъ 3 и доходитъ до 7 р.; 1 ведро — 4 оленя. Иногда же бываетъ 1 штофъ за оленя или 10 оленей за ведро. Изобрѣтательный Остякъ выгналъ тогда изъ тундры 70 оленей за свои 8 ведеръ спирту, который стоилъ ему отъ 50 до 60 рублей; стоимость же оленей гораздо выше 350 руб.

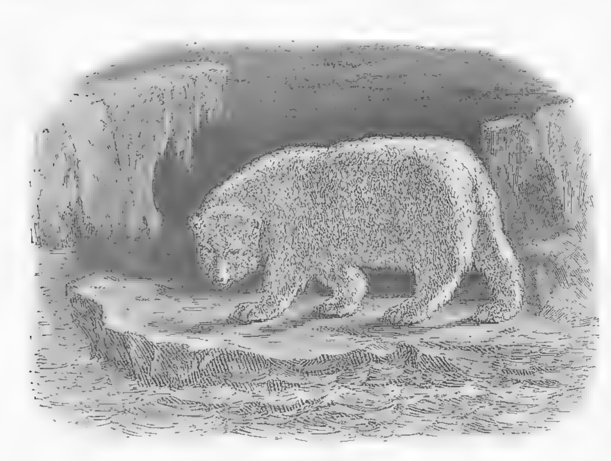
Видъ части Обдорска зимою.

Обдорскъ — село. Окрестности его еще болѣе пустынны и безотрадны, такъ какъ онъ стоитъ на 375 верстъ сѣвернѣе своего старшаго брата и уже за полярнымъ кругомъ. Лѣсъ доходитъ сюда уже не сплошнымъ урманомъ, но рѣдкими перелѣсками; здѣсь уже появляются голыя, безлѣсныя пространства, то болотистыя, то съ довольно сплошною почвою, покрытыя тощими полярными кустарниками, прячущими большую часть стволовъ своихъ въ подушкахъ изъ мховъ и ягелей. Не пестрѣютъ уже здѣсь эти пространства коврами изъ разноцвѣтныхъ цвѣтовъ. Только временно, лѣтомъ, красуется морошка; она устилаетъ тундру весьма виднымъ покровомъ, но и ея зеленые листья не отнимаютъ отъ этихъ равнинъ ихъ рыжевато-сѣраго оттѣнка. Обдорскъ — послѣднее русское село. Русскіе построили въ немъ около 60-ти домовъ, большая часть которыхъ скорѣе «избушки на курьихъ ножкахъ»; на нихъ ясно отразилось отсутствіе хорошаго лѣса въ окрестностяхъ. Вообще, Обдорскъ — деревушка, съ небольшой деревянной церковью; онъ стоитъ при рѣкѣ Полуѣ, недалеко отъ ея впаденія въ Обь, на правомъ, возвышенномъ берегу. Жители его — тѣ же березовскіе мѣщане, казаки, купцы, торгующіе крестьяне. Лѣтомъ больше половины домовъ въ Обдорскѣ заколочены, всѣ хозяева ихъ, цѣлыми семьями, выѣхали на рыбную ловлю, на разные рыболовные станки. Въ концѣ лѣта и въ началѣ осени, Обдорскъ оживляется, въ него приходятъ съ наловленной и засоленой рыбой рыбопромышленники, сотни лодокъ, десятки разнаго рода судовъ, посудинъ, какъ то: каюковъ, паузковъ и баржъ, сплошь, версты на двѣ, запруживающихъ берега Полуя. Приходятъ сюда въ это время до полудесятка пароходовъ и уводятъ на буксирѣ всѣ «посудины» вверхъ по Оби, въ Тобольскъ.

Ѣзда Самоѣдовъ на собакахъ.

Почти сплошной лѣтній день начинаетъ смѣняться такою же ночью. Начинаются непогоды, выпадаютъ снѣга; ночи становятся еще болѣе мрачными; вьюги заносятъ лачуги, ихъ двери и окна; послѣ длинныхъ ночей иногда едва хватаетъ трехъ-четырехъ часоваго промежутка времени, чтобъ расчистить проходъ къ дверямъ да освободить отъ снѣга окна. Въ то же время идетъ дѣятельность, готовятся къ пріему гостей, долго жданныхъ, готовятъ для нихъ самый необходимый предметъ торговли — хлѣбъ. Его пекутъ въ формѣ ковригъ; многіе выпекаютъ хлѣба до 10 тысячъ ковригъ, всего же выпекаютъ въ Обдорскѣ для продажи гостямъ до 80,000 ковригъ чернаго хлѣба. Хозяйки, начиная работу съ октября, торопятся и допекаютъ ли, доквашиваютъ ли хлѣбъ, — неизвѣстно. Такъ или иначе испеченный хлѣбъ складывается въ амбары и сараи въ полѣнницы, какъ дрова; онъ здѣсь слеживается, смерзается и заносится сугробами снѣга. Что это за хлѣбъ и что за несчастныя созданія, которыя будутъ ѣсть его? — Его возьмутъ въ запасъ на цѣлый годъ ожидаемые гости, Остяки и Самоѣды. «Съѣдятъ, — вѣдь они все равно, что собаки!» — говорятъ обитательницы Обдорска, не знающія отдыха отъ хлопотъ. Гости движутся все ближе и ближе къ Обдорску, съ прибрежій Ледовитаго океана, отъ Тазовской губы, съ высотъ сѣдаго Урала, изъ лѣсовъ, — словомъ — съ сѣвера, юга, востока и запада. Пробыли они въ этихъ пустыняхъ со стадами оленей, вытравили лѣтнія кочевья, теперь, идя къ Обдорску, они вездѣ находятъ кормъ для оленей, хорошую дорогу, а рѣкъ и болотъ какъ не бывало, — все скрыто подъ толстыми снѣговыми покровами, только одинъ олень можетъ подъ снѣговой толщей получить кормъ, — онъ знаетъ, гдѣ разгрести ее, чтобы навѣрное найти себѣ пищу въ видѣ лишайниковъ и ягелей. Тѣмъ временемъ, сами хозяева ведутъ промыселъ на песца, лисицу, выдру, добываютъ бѣлыхъ куропатокъ. Сами кормятся промысломъ или, наконецъ, бьютъ оленей, и вѣрные друзья ихъ, собаки,

тоже сыты. Изъ глубокихъ прибрежій Ледовитаго моря частію Остяки, главнымъ же образомъ Самоѣды везутъ, кромѣ того, клыки моржей, шкуры бѣлаго медвѣдя; вообще, съ сѣвера идетъ рыбій клей, мамонтовая кость — бивни. Всѣ эти гости пробыли цѣлый годъ въ безлюдныхъ тундрахъ; припасы ихъ истощились, дѣти подросли, завязались свадьбы; нуженъ калымъ, въ число котораго входятъ и сукна, и бусы, и украшенія изъ мѣди для головы невѣсты, наконецъ, главное — хлѣбъ. Возвратиться раньше, какъ черезъ годъ, къ Обдорску, со стадами оленей, гость не можетъ: уйдя въ концѣ зимы въ тундру, онъ идетъ далѣе, къ прохладнымъ мѣстамъ; тамъ и овода меньше, корма больше, хорошій морской промыселъ; тамъ и живетъ Самоѣдъ; на приморскихъ берегахъ, освѣжаемыхъ прохладнымъ вѣтромъ отъ плавающихъ въ океанѣ льдовъ, нѣтъ комаровъ и мошки, — оленямъ спокойнѣе. Это именно и есть та Самоѣдь, о которой говорится въ древнихъ преданіяхъ о Лукоморьѣ, что она «линная слыветъ, лѣтѣ мѣсяцъ живутъ въ морѣ, а на сушѣ не живутъ, того ради, занеже тѣло на нихъ трескается, и они тотъ мѣсяцъ въ водѣ лежатъ, а на берегъ не смѣютъ вылѣзти». Также невозможно возвратиться Остяку, если онъ къ веснѣ ушелъ съ оленями на прохладныя вершины Урала. Лѣтомъ ему нѣтъ надобности идти въ низменности «на комара»; осенью и въ началѣ зимы самая лучшая охота, и онъ опять подвигается къ Обдорску отъ своихъ землянокъ, еще и до сихъ поръ существующихъ, про которыя лѣтопись говоритъ: «а люди, какъ и прочіе человѣцы, *живутъ въ земли*». Такимъ образомъ и нынѣ можно видѣть всѣ разновидности Самоѣди, упоминаемыя въ лѣтописяхъ,

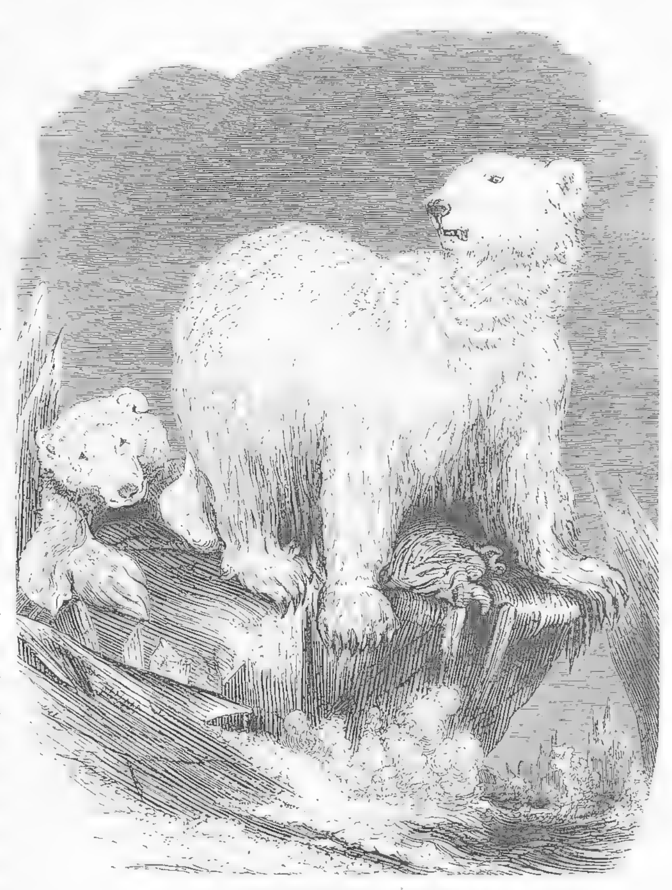
Бѣлый медвѣдь.

живыми, стекающимися ровно черезъ годъ въ обдорскъ, къ одному опредѣленному періоду времени, къ началу января, — въ разгаръ Обдорской ярмарки. Но гости подходятъ къ Обдорску и раньше, въ концѣ ноября и въ началѣ декабря. Зима стоитъ въ это время здѣсь въ полной силѣ, повсюду лежатъ глубокіе снѣга, и продолжительная темная ночь прикрываетъ ихъ. Въ надлежащемъ расцвѣтѣ находятся здѣсь и зимніе обдорскіе концерты. Обдорскъ уже въ глубокой древности считался однимъ изъ важныхъ пунктовъ Лукоморья; одинъ древній иностранный писатель называетъ его и прилежащія къ нему мѣста — Одоріей (Odoria). Здѣшніе концерты могутъ показаться именно сказочными, однакоже они и до сихъ поръ существуютъ, въ особенности въ зимнія, полярныя ночи. Главные артисты, участвующіе въ этихъ концертахъ, — собаки, замѣняющія Обдорянамъ лошадей, для возки дровъ, льда и пр. Послѣ утомительной дневной работы, собаки не успокаиваются и ночью — поднимаютъ чудовищный волчій вой, способность къ которому собаки здѣшняго края сохранили, какъ бы въ доказательство своего родства съ ихъ близкимъ собратомъ — волкомъ.

Остяки и Самоѣды останавливаются, значительно не доходя до Обдорска. изъ нихъ Старѣйшіе начинаютъ ежедневно наѣзжать въ село, съ малыми запасами товаровъ, да и везутъ притомъ то, что похуже. Не везутъ они разомъ всѣхъ товаровъ, чтобы не увлечься и не отдать задаромъ... Такъ начинается торговля, съ попойками, драками, шумомъ, гамомъ; село кишитъ народомъ, улицы, площади, дома полны гостями. Пестрая толпа народа перемѣшана съ не менѣе разношерстными оленями, собаками, нартами; заполняются, наконецъ, гостями и ихъ стадами и ближайшія окрестности Обдорска. Ярмарка превращается въ обширный, своеобразный зоологическій садъ; въ немъ идетъ борьба дѣтей царства

морошки, песца, сѣвернаго оленя съ представителями зрѣлаго, но изъѣденнаго спорыньей ржанаго колоса. Случается, по обыкновенію, что Остякъ или Самоѣдъ, отпраздновавъ день съ друзьями, пропьетъ все, что пріобрѣлъ продажей пушнины, и прокоротаетъ ночь на снѣгу, подъ заборомъ, въ безчувственномъ состояніи; въ ту же ночь находящееся въ окрестностяхъ села стадо принадлежащихъ ему оленей исчезаетъ. Оленекрадство сдѣлалось на ярмаркѣ такимъ же зломъ, какъ у насъ конокрадство; оно часто вліяетъ въ такой же степени на обнищаніе Остяковъ и Самоѣдовъ, какъ происходящіе въ тундрѣ падежи оленей. Часто изъ сотенъ головъ остается у туземца только десятокъ, другой; отъ оленекрадства же туземецъ остается совершенно голымъ.

Обороты ярмарки за прежніе годы простирались, по оффиціальнымъ даннымъ, на 42—77 тысячъ рублей; въ послѣдніе годы, незадолго до моего путешествія по р. Оби, они равнялись только 22—29 тысячамъ рублей. Независимо отъ того, что пріѣздъ инородцевъ уменьшается, вслѣдствіе ихъ обѣднѣнія и вымиранія, — мѣстные жители Обдорска приписываютъ уменьшенный пріѣздъ инородцевъ на ярмарку и уменьшеніе ея оборотовъ тому, что инородцы начали избѣгать ихъ ярмарки, въ виду постоянныхъ злоупотребленій, и отправляются въ другіе сборные пункты. Такъ, изъ Тазовской губы они ѣдутъ на Енисей и даже въ Самарово, на нижнемъ Иртышѣ. Въ этихъ мѣстахъ они и товары продаютъ дороже, и водку покупаютъ дешевле. Но причину уменьшенія оборотовъ ярмарки нужно приписать тому, что Русскіе и Зыряне, главныя дѣйствующія лица, оказали большіе успѣхи въ цивилизаціи: они уменьшили уплату за товары деньгами и увеличили ее водкой, стоимость которой, при ввозѣ ея сюда, какъ контрабанднаго продукта, идущаго на уплату за пушнину, доходитъ до 75 тысячъ рублей.

Бѣлые медвѣди на льдинѣ.

Остяки и Самоѣды напоминаютъ намъ древнѣйшихъ, давно вымершихъ обитателей западной Европы и Россіи, вмѣстѣ съ окружающей ихъ природой; можно сказать, что природа Обдорскаго края напоминаетъ намъ то состояніе, въ которомъ находились равнины Франціи и Германіи въ періодъ сѣвернаго оленя, то есть тогда, когда тамъ между всѣми животными олень былъ господствующимъ. Въ ту эпоху нынѣшніе виноградники этихъ странъ замѣнялись полярною ивою и низкорослой березой; и точно также какъ и здѣсь, вмѣсто луговъ, тамъ разстилались мѣстности, одѣтыя покровами изъ мховъ и ягелей, а разнообразная смѣсь нынѣшнихъ лиственныхъ деревъ замѣнялась перелѣсками изъ мрачныхъ хвойныхъ растеній. Подобный же видъ имѣла въ эпоху, отъ насъ чрезвычайно отдаленную, централь-

ная Россія, въ которой не было тогда еще черноземной толщи, обусловливающей нынѣ ея плодородіе. Человѣкъ этого отдаленнаго періода времени также, вѣроятно, былъ похожъ на нынѣшняго Остяка или Самоѣда, какъ и эти послѣдніе на давно вымершаго европейскаго аборигена; поэтому эти, еще нынѣ живущіе и уже вымершіе обитатели земли могутъ взаимно объяснять другъ друга. Вымершіе древніе Европейцы одѣвались, очевидно, также исключительно въ шкуры животныхъ, служившихъ имъ пищею; сѣверные Остяки и Самоѣды представляютъ то же самое, употребляя ткани, въ особенности сукно, въ исключительныхъ только случаяхъ. Южные Остяки одѣваются въ ткани собственнаго издѣлія изъ крапивы, при выпрядываніи которой на веретенахъ употребляютъ такіе же прядильные камни, какіе находятся съ остатками каменнаго вѣка въ Олонецкой губерніи; кромѣ того прядильные кружки дѣлаются изъ кости или глины и нерѣдко напоминаютъ таковые же изъ швейцарскихъ озерныхъ жилищъ. Относительно пещерныхъ жителей Франціи, напримѣръ, такъ называемыхъ везерскихъ троглодитовъ, доказано, что они, вмѣстѣ съ различ-

Ѣзда на оленяхъ.

ными травоядными животными, употребляли въ пищу и *хищныхъ животныхъ*. Совершенно та же черта проглядываетъ у Остяковъ и Самоѣдовъ сѣверныхъ тундръ: они ѣдятъ мясо песца, лисицы, россомахи, горностая, при случаѣ даже волка, если попадетъ имъ въ руки. Мясо какъ бураго медвѣдя, такъ и сородича его бѣлаго, съѣдаютъ, отправляя всякіе, приличные случаю, обряды и празднества. Кстати напомнить здѣсь и то значеніе, которое бурый медвѣдь имѣетъ, какъ указано выше, въ религіозныхъ вѣрованіяхъ Остяковъ; изъ этихъ вѣрованій ясны причины, по которымъ Остякъ придаетъ такое значеніе зубу медвѣдя, просверливая его и нося при себѣ какъ талисманъ; понятенъ также трепетъ его передъ когтями и лапой лѣснаго обитателя. Просверленные зубы медвѣдя встрѣчаются между самыми древними слѣдами человѣка, — эпохи мамонта и оттуда распространяются на всевозможныя эпохи каменнаго вѣка. Очевидно, слѣдовательно, что самый древній человѣкъ имѣлъ уже задатки къ умственной жизни и, представляя въ медвѣжьемъ зубѣ нѣчто подобное тому, что представляетъ и нынѣшній Остякъ, онъ имѣлъ уже нѣкоторыя религіозныя вѣрованія.

Способы приготовленія пищи у Остяковъ и Самоѣдовъ самые простые; самый изысканный изъ нихъ, пожалуй, слѣдующій. Берется желудокъ бѣлки, вздѣвается на палку и поджаривается. Поджаренный желудокъ бѣлки въ то время, когда она питается исключительно кедровыми орѣхами, имѣетъ видъ колбасы, начиненной орѣхомъ; тогда онъ внутри и снаружи совершенно бѣлый и пользуется наибольшимъ почетомъ. Когда же бѣлка, вмѣстѣ съ орѣхомъ, ѣстъ грибы, тогда желудокъ черенъ въ разрѣзѣ. Такой способъ приготовленія пищи — поджариваніе — существовалъ и у везерскихъ троглодитовъ, у которыхъ не найдено остат-

ковъ посуды, почему нужно думать, что они употребляли пищу и въ сыромъ видѣ, какъ до сихъ поръ дѣлаютъ Остяки и Самоѣды, оправдываясь, что при здѣшнемъ холодномъ климатѣ нельзя иначе. Но оправдывать сыроядіе имѣли такое же право и троглодиты, жившіе еще при довольно суровомъ климатѣ средней Европы. Въ существованіи сыроядія у троглодитовъ убѣждаютъ и кости среди кухонныхъ остатковъ, совершенно связанныя сухожиліями, что, очевидно, зависѣло отъ того, что въ сыромъ видѣ возможно ѣсть только мягкія части животнаго. То же сыроядіе существовало и у нашихъ русскихъ жителей эпохи мамонта. Такъ, напримѣръ, Остякъ или Самоѣдъ приступаютъ къ сырой рыбѣ, къ нельмѣ, муксуну и другимъ: тщательно снимаютъ съ рыбы чешую, срѣзываютъ съ нея съ величайшимъ искусствомъ всѣ мягкія части тѣла, боковые и спинные мускулы, въ видѣ красивыхъ лентъ, отдѣльно черевко-брюхо, съ котораго и начинаютъ ѣду, какъ съ наиболѣе жирной и мягкой части тѣла, а затѣмъ уничтожаютъ и другія ленты; внутренности — печень, сердце и жиръ, лежащій около желудка и кишекъ, служатъ для нихъ послѣднимъ, хотя и не великимъ, но лакомымъ кускомъ. Затѣмъ у нихъ остается только костяной скелетъ рыбы со всѣми связками и съ самымъ ничтожнымъ количествомъ мясистыхъ частей. У Остяка не теряется и этотъ скелетъ: онъ высушиваетъ его на воздухѣ и потомъ пускаетъ въ кормъ собакамъ, а въ случаѣ недостатка пищи, толчетъ рыбьи кости и, подмѣшивая къ нимъ муки съ водой, ѣстъ изъ нихъ похлебку. Расправа съ оленемъ имѣетъ подобный же характеръ. Прежде всего съѣдаются сырыя внутренности, особенно печень, причемъ Остякъ всякій отрѣзанный кусокъ помакиваетъ въ горячую, еще дымящуюся кровь убитаго животнаго; кромѣ того, онъ эту же горячую кровь пьетъ ковшами; отъ внутренностей, какъ наиболѣе мягкихъ частей, онъ переходитъ уже къ мускуламъ, и если затѣмъ съѣдается все остальное, то только потому, что Остякъ нынѣ знакомъ съ котлами и прочей посудой для варки пищи.

Если взять собственныя орудія Остяковъ и Самоѣдовъ, то они окажутся принадлежащими также къ самымъ древнимъ образцамъ, находимымъ въ другихъ странахъ между остатками каменнаго вѣка. Такъ, Остяки до сихъ поръ у своего національнаго рыболовнаго снаряда дѣлаютъ грузило въ видѣ плоскаго камня, на одномъ концѣ котораго продѣлываютъ отверстіе для прикрѣпленія камня къ снаряду. Грузила для неводовъ дѣлаются у нихъ также изъ валуновъ, у которыхъ просверливаются дыры и, конечно, съ большимъ трудомъ. Но издѣлія изъ кости играютъ у нихъ еще болѣе выдающуюся роль, чѣмъ камень, и распространены до сихъ поръ въ неменьшей степени, чѣмъ это было и у везерскихъ троглодитовъ. Главный, подѣлочный матеріалъ даютъ конечно рога господствующаго здѣсь животнаго — оленя, притомъ наибольшая масса издѣлій изъ рога встрѣчается на упряжи того же оленя. Такъ при связяхъ разныхъ упряжныхъ приборовъ господствуютъ бляхи исключительно изъ оленьей кости, изъ рога же дѣлаются различныя части при устройствѣ ловушекъ на звѣрей, черенья для ножей, ручки для посуды. Нѣкоторыя кости оленя употребляются въ видѣ табакерокъ. Изъ тѣхъ же костей приготовляются наконечники для стрѣлъ; изъ кости дѣлаются бляхи на правую руку, защищающія кисть руки отъ удара тетивы при стрѣльбѣ изъ лука. Наконечники дѣлаются и изъ клыковъ молодыхъ моржей, а изъ старыхъ моржевыхъ клыковъ готовятся издѣлія въ родѣ трубокъ и пр. У южныхъ Остяковъ рога сѣвернаго оленя замѣняются лосиными, изъ которыхъ, кромѣ наконечниковъ стрѣлъ, дѣлаются и прядильные кружки. Замѣчательно, что у Остяковъ, для прикрѣпленія струнъ въ ихъ музыкальномъ инструментѣ — домбрѣ, употребляются кости фаланги (запястья) изъ лапъ россомахи; зубы нѣкоторыхъ звѣрей, напримѣръ, выдры, имѣютъ употребленіе, подобное запонкамъ. Къ числу чертъ, характеризующихъ первобытное состояніе Остяка и Самоѣда, относятся также шкуры различныхъ рыбъ, въ особенности налима и осетра. Теперь эти шкуры, обыкновенно сшитыя, приносятся, какъ жертва, пенатамъ; иногда шкурой налима завѣшиваются окна лачугъ. Это уваженіе къ шкурамъ и жертва изъ нихъ пенатамъ, видимо, — остатокъ того періода времени, когда туземцы дѣлали изъ шкуръ

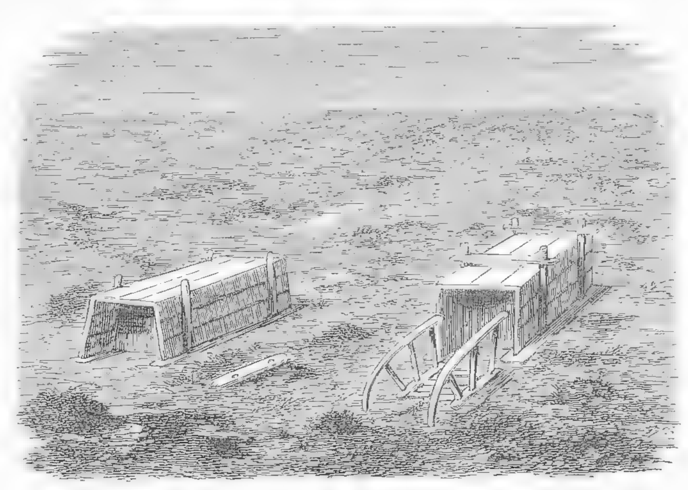
одежду, подобно Гольдамъ или Олсутамъ, но теперь все-таки, при всей бѣдности, рыбьи шкуры замѣнены русскими тканями.

Итакъ, сѣверные Остяки и Самоѣды, сходствуя во многихъ отношеніяхъ съ вымершими европейскими народами, недалеко ушли отъ нихъ и въ нравственномъ и въ умственномъ состояніи. Можно положительно сказать, что троглодиты имѣли понятіе о загробной жизни человѣка: они съ покойникомъ клали обдѣланные кремни и украшенія изъ раковинъ. Сопровождая пиршествомъ отхожденіе человѣка изъ этого міра, Остяки и Самоѣды дѣлаютъ то же самое: кладутъ съ покойникомъ разнаго рода вещи, служившія ему при жизни, и украшенія, съ убѣжденіемъ, что это пригодится въ будущемъ. Надмогильное пиршество Остяковъ — одно изъ цѣлой вереницы другихъ, ведущихъ непосредственно въ область ихъ религіи, которая у нихъ, какъ и у всѣхъ другихъ первобытныхъ народовъ, тѣсно связана съ интересами желудка. Во всѣхъ жертвоприношеніяхъ, на долю высшей силы, олицетворяемой обыкновенно въ формѣ какой-нибудь грубо обдѣланной деревяшки, падаетъ все исключительно несъѣдомое: кости, главнымъ же образомъ рога оленя, да еще смазка по губамъ лакомымъ кускомъ, который съѣдается, какъ и все остальное, самимъ Остякомъ. Результатомъ этого является въ мѣстахъ жертвоприношеній, у подножія истукановъ, громадная масса костей, роговъ и череповъ разныхъ съѣденныхъ животныхъ. Подобнаго рода кучи оленьихъ роговъ, относящихся къ эпохѣ сѣвернаго оленя, были находимы въ Германіи (Фраазъ), и такимъ образомъ религія, подобная остяцкой, должна была существовать если не у везерскихъ троглодитовъ, то у другихъ современныхъ имъ народовъ средней Европы.

Жилье самоѣдовъ.

На многихъ остяцкихъ божковъ мнѣ уже приходилось указывать раньше, точно такъ же какъ и; на предметы, обожаемые; Остяками въ числѣ такихъ предметовъ могутъ быть названы мысы, заводи, деревья, почему-либо выдающіяся, и даже въ полубожеское достоинство возводятся звѣри въ родѣ медвѣдя. Какъ нѣчто болѣе отвлеченное, — главное ихъ божество, творецъ всего существующаго, всевидящій и всезнающій, притомъ, какъ оказывается изъ легендъ, имѣющій мать,—это *Туромъ* или *Турмъ*. Буквальное значеніе слова — свѣтъ. И Остяки, по крайней мѣрѣ какъ я видѣлъ это у южныхъ, благоговѣйно преклоняются передъ восходомъ солнца, въ родѣ магометанъ, какъ бы считая свѣтъ восходящаго свѣтила сутью всего мірозданія, божествомъ; такъ что и въ этомъ случаѣ ихъ божество — понятіе предметное, сдѣлавшееся болѣе или менѣе отвлеченнымъ тогда, когда Остяки одарили его разумомъ, всевѣдѣніемъ и всемогуществомъ. Изъ другихъ божествъ, второстепенныхъ, считающихся частію и героями, богатырями, первый — троицкій *Уртъ-игэ;* онъ считается сыномъ Турома и приходится «младшимъ братомъ Николѣ». Потомъ слѣдуютъ: *Айсъ-Туромъ*, бывшій березовскій; *Нувый-ази* — бѣлый дѣдушка въ Тегинскихъ юртахъ; *Юхлыму-нувый-сорнэ* (безлѣсный богъ)— въ Обдорскѣ, и наконецъ ляпинскій *Тохтенъ-тонгъ* — крылатый богъ или богатырь, отличающійся мудростью. Самъ Туромъ способенъ иногда ошибаться. Это можно заключить изъ слѣдующаго разсказа. Существуетъ на землѣ *Яваль;* живетъ онъ въ Ледовитомъ морѣ, съ Туромомъ онъ въ дружбѣ и мирѣ (значитъ, это не то же, что дьяволъ). Однажды онъ приходитъ къ Турому въ гости и увѣряетъ его въ дружбѣ; потомъ онъ попросилъ у Турома солнце, а тотъ и далъ ему. Тогда Яваль схватилъ солнце, сѣлъ на него да и уѣхалъ въ тьму. Здѣсь, въ Остяцкой землѣ, сдѣлалось темно, ни зги не видно, люди не знаютъ, какъ ходить, что дѣлать. Бѣда вышла страшная. Тогда троицкій Уртъ-игэ сталъ просить Турома, чтобъ

онъ взялъ назадъ солнце. Долго думали, какъ его выпросить назадъ, да ничего не могли... Полетѣлъ къ Турому, наконецъ, ляпинскій Тохтенъ-тонгъ, и сѣлъ сначала на трубу, потомъ на окошко и началъ просить солнце. Туромъ и радъ бы самъ взять его назадъ, да никакъ нельзя. Тогда Тохтенъ-тонгъ посовѣтовалъ послать къ Явалю просить его тѣнь, и если пообѣщаетъ, да не дастъ, то чтобъ отдалъ солнце назадъ. Туромъ такъ и сдѣлалъ, послалъ троицкаго Уртъ-игэ. Уртъ-игэ пошелъ и проситъ у Яваля его тѣнь, а если не дастъ, то чтобъ солнце отдалъ назадъ. Яваль согласился лучше отдать свою тѣнь, а солнце себѣ оставить. Но когда началъ ловить тѣнь, то хваталъ, хваталъ, и никакъ не могъ взять; тогда и солнце взяли назадъ. Кромѣ Турома и его ближайшихъ сподвижниковъ, существуютъ другіе божки, въ родѣ мѣстнаго васпухольскаго, также въ родѣ *Ѣмана*, на мысѣ Ѣман'гніелѣ, который имѣетъ семью, жену, дѣтей и нуждается въ различныхъ жертвоприношеніяхъ, въ деньгахъ, опускаемыхъ въ воду, въ тряпкахъ, въ гвоздяхъ и т. д. Еще менѣе извѣстны «вотчинники» — въ рощахъ, также въ заводяхъ, «водяные вотчинники», *кули*. Они живутъ повсюду и также помогаютъ или вредятъ человѣку; наконецъ, существуютъ покровители или пенаты родовые и семейные. Всѣ эти вотчинники олицетворяются въ сдѣланныхъ топоромъ деревяшкахъ. Нѣкоторые изъ наиболѣе развитыхъ южныхъ Остяковъ полагаютъ, что всѣ *кули, менги и тонги*, т. е. «лѣсные и водяные вотчинники», произошли съ приходомъ сюда Русскихъ. Когда Остяковъ начали крестить, то старики бѣжали въ лѣсъ или бросались въ рѣки; кто въ какой урманъ бѣжалъ, въ какую рѣку или заводь бросился, тотъ тамъ и донынѣ «вотчинникъ». Вѣра въ силу различныхъ «вотчинниковъ» такъ сильна, что даже многіе Русскіе на Оби признаютъ ее и приносятъ этимъ хозяевамъ водъ и лѣсовъ свои жертвы, по остяцкому обычаю.

Видъ тундры съ могилами Самоѣдовъ.

Между Остяками сохранилось еще одно, въ высшей степени замѣчательное вѣрованіе, связанное съ ихъ взглядами на загробную жизнь. По этому вѣрованію, которое я записалъ въ Березовѣ, весь міръ состоитъ изъ *семи* свѣтовъ (цыфра семь для Остяковъ кабалистическая и повсюду встрѣчается). Въ самомъ высшемъ свѣтѣ пребываетъ самъ Туромъ, въ остальныхъ (до втораго) живутъ счастливые люди или полу-боги и мудрецы; можетъ быть, тамъ есть и русскіе люди, но нѣтъ тамъ ни одного Остяка; тамъ люди не знаютъ ни болѣзней, ни какихъ другихъ бѣдъ. Случилось разъ, что туда попалъ одинъ Самоѣдинъ. Когда онъ захотѣлъ попасть на небо, то взялъ съ собой 7 оленей, женъ, сыновей и дочерей и пошелъ къ одной высокой и большой лиственицѣ. Здѣсь онъ принесъ жертву и закололъ всѣхъ оленей, потомъ взлѣзъ на дерево, всей семьей. Послѣ этого вдругъ загремѣлъ громъ и съ неба опустилась кожа; на нее и сѣлъ старикъ со всей семьей. Кожа поднялась кверху, и Самоѣда не стало. Онъ жилъ тамъ, вверху; прожилъ зиму и лѣто. На другой годъ, въ тотъ же день, пришли Остяки, узнавши гдѣ Самоѣдинъ, къ той же лиственицѣ и начали «шаманить». Загремѣлъ громъ и прошлогодняя семья спустилась съ неба и сѣла на сучья лиственицы. Стали разспрашивать, гдѣ были, что дѣлали? — Самоѣды и начали разсказывать, что тамъ вверху хорошо: боли нѣтъ, «русскаго дѣла» нѣтъ, есть лѣсъ, земля; только одно худо: громомъ худо —

у старика грудь заболѣла, а всѣмъ хорошо. Звали ихъ Остяки съ дерева, — не пошли, чтобъ не замараться, а то тамъ, на небѣ, не примутъ. Эти Самоѣды были волшебники, шаманы... Такимъ образомъ высшія сферы для Остяка недосягаемы, хотя тамъ и хорошо, нѣтъ болѣзней, нѣтъ человѣческихъ страданій. Изъ семи свѣтовъ на второмъ живутъ въ настоящее время Остяки, притомъ, понятно, живутъ плохо, несутъ тяготы, терпятъ нужду, бѣдность, выносятъ часто обиды, напрасно ищутъ правды. «Все начальство, — говорилъ мнѣ Остякъ въ Обской губѣ, на моемъ обратномъ пути къ Обдорску: — старшины, князь, засѣдатель — только для богатыхъ. Бѣдный помретъ, и о томъ, что съ нимъ случилось, никому не будетъ извѣстно, — все покроютъ, все будетъ хорошо. А чѣмъ же мы, Остяки, не люди? — платимъ ясаку по 3 руб. и по 3 руб. 50 коп., а свое дѣло тоже знаемъ. Вотъ ты видишь, — продолжалъ Остякъ: — мы вышли изъ Варкуты (на моей лодкѣ), ничего не было видно, мы берега потеряли, обходили мели, а пришли куда надо. На это тоже надо умъ. А Русскій что же? — другой умѣетъ писать да читать; а другой не умѣетъ!» Этотъ свѣтъ, на которомъ теперь живутъ Остяки, худой; послѣ смерти люди идутъ въ первый свѣтъ, — въ немъ царство мертвыхъ и живутъ души. Это темное царство находится подъ землей, оно въ родѣ русскаго «ада». Хотя въ немъ темно, но текутъ рѣки, Остяки живутъ деревнями, все дѣлаютъ, ходятъ, только не говорятъ между собой, все молчатъ; ходъ въ него тамъ, далеко, за устьями Оби, въ океанѣ. Одинъ царь сдѣлалъ однажды корабль и поплылъ въ море, да тамъ и потонулъ, какъ разъ у входа, у пучины, черезъ которую проходятъ къ мертвымъ. Царь и видитъ тамъ внизу юрты, деревни, люди ходятъ, только не говорятъ. Въ одной деревнѣ видитъ свою дочь: она ходитъ, только молчитъ. Въ одномъ концѣ царь выплылъ наверхъ; когда онъ воротился домой, то узналъ, что дочь, которую онъ оставилъ живою, померла безъ него и, какъ всѣ Остяки, грѣшники, ушла въ мертвый свѣтъ — *хала турмъ*». Когда мнѣ пришлось потомъ посѣтить громадную Кунгурскую пещеру и когда я въ этомъ подземномъ царствѣ, со льдами и озерами, проводилъ цѣлые дни, послѣ этого мнѣ стало до нѣкоторой степени ясно, почему картина загробной жизни Остяка должна быть мрачна; едва ли остяцкое воображеніе могло создать ее независимо отъ того глубоко древняго періода времени, когда людямъ, дѣйствительно, приходилось жить въ пещерахъ и когда, можетъ быть, они еще не выработали надлежащихъ основъ для правильной рѣчи.

Самоѣды — фетишисты въ той же степени, какъ и Остяки; главное божество ихъ называется *Нумъ*, представители его на землѣ — *тадибеи*, или, по принятому русскому выраженію, шаманы. Для сколько-нибудь сноснаго очерка шаманства, во всѣхъ его видахъ и проявленіяхъ между народами Азіи, потребовался бы цѣлый трактатъ. Укажу только на то, что именно лѣтопись разумѣетъ подъ именемъ шамановъ: «Да есть у нихъ лекари, у которова человѣка внутри нездраво, и они брюхо рѣжутъ да нутро вынимаютъ, да очищаютъ и паки заживаютъ». Ловкіе тадибеи или шаманы такъ искусны во всевозможныхъ фокусахъ, что наивные Остяки считаютъ ихъ способными добиться чести и жить съ высшими божествами въ сферахъ, недоступныхъ обыкновеннымъ людямъ. Поэтому шаманство признаютъ всѣ сѣверные Остяки, стоящіе болѣе или менѣе близко съ Самоѣдами. Самоѣды, какъ и Остяки, отправляютъ свои религіозные обряды, отдаютъ дань своего почитанія и почести высшему божеству въ особенности въ тѣхъ мѣстахъ, которыя служатъ для нихъ постояннымъ мѣстопребываніемъ, которыя доставляютъ имъ надлежащія средства къ пропитанію, каковы тундры и части глубокаго сѣвера, на которыхъ пасутся ихъ стада оленей. Въ особенномъ почетѣ находится у Самоѣдовъ полуостровъ Ялмалъ; здѣсь наиболѣе богатые изъ нихъ проводятъ лѣто со стадами оленей и ведутъ въ то же время морскіе промыслы у береговъ Ледовитаго океана. Здѣсь промышляется бѣлый медвѣдь, моржъ, тюлени, вмѣстѣ съ разнаго рода рыбою. Благодаря всему этому, на Ялмалѣ находится у нихъ одинъ изъ главныхъ идоловъ — *Хесе*. Говорятъ, онъ изображенъ въ видѣ человѣка, лежащаго въ ящикѣ; точно также

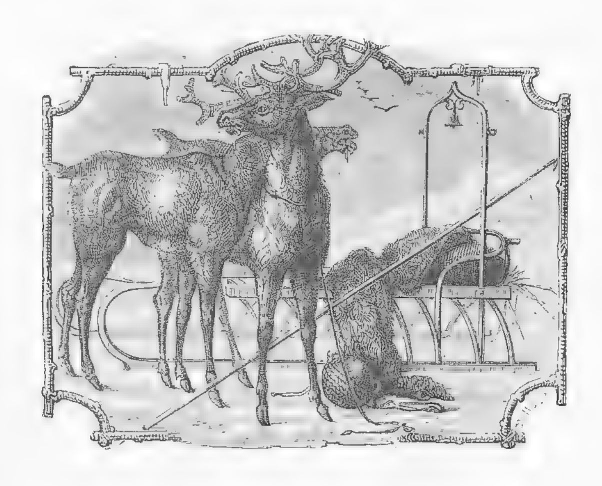
разсказываютъ, что около Тазовской губы существуетъ обожаемый камень — *Нумъ-гамбой*. По вѣрованіямъ Самоѣдовъ, камень упалъ съ неба.

Самоѣды по внѣшности, по костюму и физіономіи, по привычкамъ и вѣрованіямъ не много отличаются отъ сѣверныхъ Остяковъ, но по характеру — самостоятельны, тверды; въ общежитіи они опрятнѣе Остяковъ; они крѣпко стоятъ за свои вѣрованія, такъ что даже нѣкогда дѣлали вооруженныя нападенія на Остяковъ, измѣнившихъ вѣрѣ отцовъ и принявшихъ христіанство. Языкъ ихъ отличенъ отъ остяцкаго; но обычай, общій этимъ двумъ народамъ — многоженство. Браки совершаются въ самыхъ близкихъ степеняхъ родства, невозможно только жениться брату на родной сестрѣ. Но Самоѣдъ, какъ и Остякъ, можетъ взять хотя пять родныхъ сестеръ изъ одной и той же семьи. Впрочемъ пять — это слишкомъ много, но только потому, что Самоѣды, какъ и Остяки, мало плодовиты: рѣдкій отецъ и мать взростятъ трехъ, четырехъ дѣтей. Бываетъ и больше, но ребята помираютъ въ юномъ возрастѣ. Браки ранніе; невѣстъ выбираютъ отцы, за невѣсту платится калымъ, доходящій у богатыхъ до 1000 — 2000 рублей стоимостью и состоящій изъ оленей, нартъ, чумовъ, суконъ, бобровъ, лисицъ и пр. Женщина — существо нечистое, какъ во время родовъ, такъ и ежемѣсячно; она — раба мужа; достигнувъ зрѣлаго возраста, должна жить отдѣльно отъ другихъ, въ отдѣльномъ чумѣ, затѣмъ вступаетъ въ семью послѣ окуриванія бобровой струей, медвѣжьимъ саломъ и пр. Остяки добродушнѣе Самоѣдовъ, изъ которыхъ какъ тѣ, такъ и другіе одинаково гостепріимны; Остякъ мягокъ характеромъ, человѣкъ покладистый, честный (что не мѣшаетъ ему быть варваромъ въ семьѣ). Остякъ отвѣчаетъ не только за долги лично сдѣланные, но даже за тѣ, которые оставили ему его родители или ближайшіе родственники. Я находилъ Остяковъ служащими у Русскихъ на Оби за долги своихъ отцовъ; а были ли дѣйствительно покойные должны, — документовъ нѣтъ, нужно полагаться на совѣсть Россіянина; что же касается совѣсти, какъ нравственной принадлежности человѣка, то я, признаться, не смотря на свои весьма внимательныя изысканія, не считаю ее свойственной большинству представителей нашего славянскаго племени, забравшихся въ область древняго Лукоморья... Нужно отдать справедливость русской женщинѣ въ благопріятномъ культурномъ и цивилизующемъ вліяніи, на Остяковъ. Не всѣ Русскіе, живущіе по Оби и Иртышу, Крезы по своему состоянію; нищета нерѣдко и здѣсь сопутствуетъ роковымъ образомъ русскому человѣку. Въ такихъ случаяхъ болѣе или менѣе состоятельный Остякъ женится на какой-нибудь бѣднягѣ Русской; ему калыма не платить, тогда какъ за Остячку требуется эта дань. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, въ низовьяхъ Иртыша, близкихъ къ русскимъ селеніямъ, Остяки такъ и поступаютъ. Эти Остяки, женившіеся на Русскихъ, знаютъ русскій языкъ, по духу они — христіане, живутъ чище, опрятнѣе; они трудолюбивы, сохраняютъ свойственную имъ честность и кротость съ другими Русскими и Остяками. У южныхъ Остяковъ, христіанъ, калымъ въ большинствѣ случаевъ служитъ препятствіемъ къ бракамъ, поэтому вошло въ обычай — *воровать* невѣстъ. Родители посердятся, посердятся на мужа дочери, и за гроши, за нѣсколько рублей, за кусокъ сукна и за $^1/_2$ ведра водки примирятся. Отъ властей почему-то выходитъ запрещеніе вѣнчать воровскія свадьбы. Если Остяка возможно обвинить въ воровствѣ, то только въ отношеніи женъ, что, я полагаю, трудно поставить ему въ упрекъ; во всѣхъ же другихъ случаяхъ воровство у Остяковъ — явленіе небывалое, оно Остякамъ неизвѣстно; если кто взялъ что по нуждѣ, — скажетъ. Образцы настоящаго воровства показываютъ только Русскіе, часто разграбляя имущество «шайтановъ», изъ котораго Остяки заимствуютъ, въ годы бѣдствія, мѣха и деньги. Имущество, приносимое шайтанамъ, можетъ быть взято и возвращено Остякомъ въ «хорошій годъ», такъ что имущество при шайтанахъ играло роль первобытныхъ, безпроцентныхъ банковъ.

Есть еще обитатели въ Березовскомъ и Обдорскомъ краяхъ, которые должны будутъ въ будущемъ играть въ судьбѣ его большую роль. Это — безмолвныя, нѣмыя рыбы. Ни одна рѣка въ мірѣ, кромѣ Енисея и Лены, не можетъ соперничать съ Обью по богатству

и по превосходству качествъ нѣкоторыхъ породъ рыбъ. Къ числу ихъ принадлежатъ: нельма, ближайшая родственница волжской бѣлорыбицы, муксунъ и щокуръ или чиръ, также сырокъ, пыжьянъ и различные болѣе мелкіе сижки. Въ числѣ втораго рода рыбъ стоятъ осетровые, именно осетръ и стерлядь; по изобилію ихъ Обь уступитъ развѣ только Каспійскому бассейну. Всѣ мѣстности, по основному русскому закону, принадлежатъ Остякамъ, какъ древнѣйшимъ жителямъ; они — «вотчинники» большей части такъ называемыхъ рыболовныхъ песковъ, гдѣ производится рыболовство; исключеніе составляютъ мѣста, заселенныя Русскими, и въ такомъ случаѣ Остяки дѣлятъ поравну свои «вотчины» съ сосѣдями или владѣютъ съ ними вмѣстѣ, на равныхъ правахъ, какъ пайщики. Весной же, лишь только рѣки очищаются ото льда, изъ Тобольска спускаются на Обь, до ея устья и Обской губы, десятки рыболовныхъ судовъ съ разными припасами, съ хлѣбомъ, солью, товарами, съ рыболовными снастями и водкой. На судахъ плыветъ до нѣсколькихъ тысячъ рабочихъ Русскихъ. Рыбаки арендуютъ у Остяковъ рыболовныя мѣста, производятъ здѣсь рыбную ловлю собственными неводами и привезенными рабочими и скупаютъ также рыбу у Остяковъ. Вся скупаемая и добываемая рыба засаливается рыбопромышленниками, притомъ самымъ первобытнымъ, лукоморскимъ образомъ. Рыбы засаливается до $^1/_2$ милліона пудовъ; стоимость ея по обскимъ цѣнамъ — до милліона рублей. За право вылавливать рыбу Остяки получаютъ самую ничтожную плату, гроши, сравнительно съ ея дѣйствительной стоимостью; въ плату входитъ и водка по баснословно высокой цѣнѣ; рыба собственнаго остяцкаго улова также скупается рыбопромышленниками за невѣроятно дешевую цѣну. Въ силу обмановъ и кабалы, въ которую ввергаютъ Остяка, его собственныя богатства являются созданными какъ бы на его личную погибель. Между тѣмъ лѣса могутъ выгорѣть съ ихъ звѣрями; олени въ тундрахъ могутъ передохнуть отъ эпидеміи, какъ это часто случается; но рыба въ рѣкѣ не сгоритъ; рыбопромышленники, не смотря на свои хищническія отношенія къ рыболовству, не выловятъ ее, — она будетъ всегда служить Остяку поддержкой въ жалкой юдоли его земнаго существованія. Нужно надѣяться, что рыболовство, распространенное теперь до Обской губы, пойдетъ дальше до океана, до льдовъ и превратится тамъ въ морской промыселъ на тюленей, китовъ, моржей и, въ концѣ концовъ, докажетъ Остяку, что тамъ, въ океанѣ, лежитъ не путь къ его вѣчному мученію въ темномъ царствѣ, а источникъ благосостоянія для предпріимчиваго и трудолюбиваго человѣка.

И. С. Поляковъ.

ОЧЕРКЪ IX.

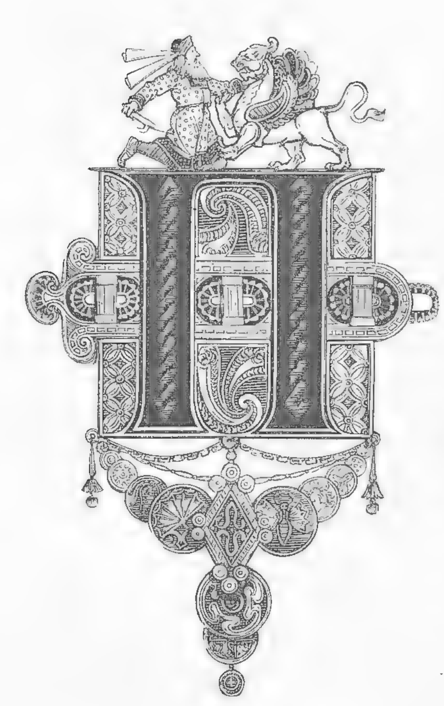
ИСТОРИЧЕСКІЕ ССЫЛЬНЫЕ ВЪ БЕРЕЗОВѢ И ПЕЛЫМѢ.

Пребываніе Меншикова, Долгорукова и Остермана въ Березовѣ. — Заточеніе Ивана и Василія Никитичей Романовыхъ. — Биронъ и Минихъ въ Пелымѣ.

Надъ вольной мыслью Богу не угодно
Насиліе и гнетъ.
Она, въ душѣ рожденная свободно,
Въ оковахъ не умретъ!..

ТОЛСТОЙ.

Богъ, желѣзо сотворившій,
Въ мірѣ рабства не хотѣлъ.

елымъ и Березовъ получили печальную извѣстность въ нашей исторіи. Эти отдаленные и пустынные города, почти съ самаго основанія своего, сдѣлались мѣстомъ ссылки важныхъ государственныхъ преступниковъ. Два замѣчательныхъ сподвижника Петра Великаго нашли здѣсь безвременную могилу, а другіе томились многіе годы въ тѣсномъ заключеніи, среди всевозможныхъ лишеній и нравственныхъ страданій. Число лицъ, сосланныхъ въ Березовъ и Пелымъ, было особенно значительно въ XVIII столѣтіи; мы разскажемъ въ настоящей статьѣ подробно лишь о тѣхъ изъ нихъ, которые играли въ свое время важную политическую роль и потому заслуживаютъ историческаго воспоминанія.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1727 г., въ Березовъ былъ привезенъ, подъ конвоемъ капитана сибирскаго батальона Миклашевскаго и двадцати рядовыхъ, знаменитый другъ и любимецъ Петра Великаго, свѣтлѣйшій князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ, съ сыномъ Александромъ (13 лѣтъ) и дочерьми: Александрою (14 лѣтъ) и Маріею (16 лѣтъ), обрученною невѣстой юнаго императора Петра II. Ихъ помѣстили въ городскомъ острогѣ, передѣланномъ въ 1724 г. изъ упраздненнаго Березовскаго мужскаго Воскресенскаго монастыря, монахи котораго были тогда же переведены въ Кандинскій монастырь. Слѣды свай и фундамента этого ост-

рога уцѣлѣли до сихъ поръ. Онъ стоялъ въ двадцати саженяхъ на западъ отъ нынѣшней Богородице-Рождественской церкви и былъ обнесенъ тыномъ изъ толстыхъ бревенъ. Наружность его представляла невысокое, длинное, деревянное зданіе съ узкими закругленными вверху окнами, раздѣленное внутри на четыре комнаты.

Несчастіе произвело сильный нравственный переворотъ въ Меншиковѣ. Гордый, жестокій, корыстолюбивый во времена своего всемогущества, онъ явилъ въ ссылкѣ образецъ христіанской добродѣтели, твердости, смиренія и покорности волѣ Провидѣнія. Помышляя единственно о загробной жизни и спасеніи души, Меншиковъ посвятилъ остатокъ дней своихъ покаянію и молитвѣ. Скопивъ изъ отпускавшихся на содержаніе его денегъ (10 руб. асс. въ сутки) небольшую сумму, онъ соорудилъ на нее деревянную церковь во имя Рождества Пресвятыя Богородицы съ придѣломъ св. Иліи Пророка, причемъ самъ работалъ съ топоромъ въ рукахъ. Когда постройка была окончена, Меншиковъ принялъ на себя должность церковнаго старосты и съ точностью выполнялъ всѣ сопряженныя съ этимъ званіемъ обязанности. — «Благо мнѣ, Господи,— повторялъ онъ безпрестанно въ молитвахъ: — яко смирилъ мя еси!» Въ ясные дни, Меншиковъ любилъ сидѣть на берегу Сосвы и бесѣдовать съ березовскими жителями, а по вечерамъ заставлялъ дочерей читать себѣ вслухъ священныя книги.

Князь А. Д. Меншиковъ.

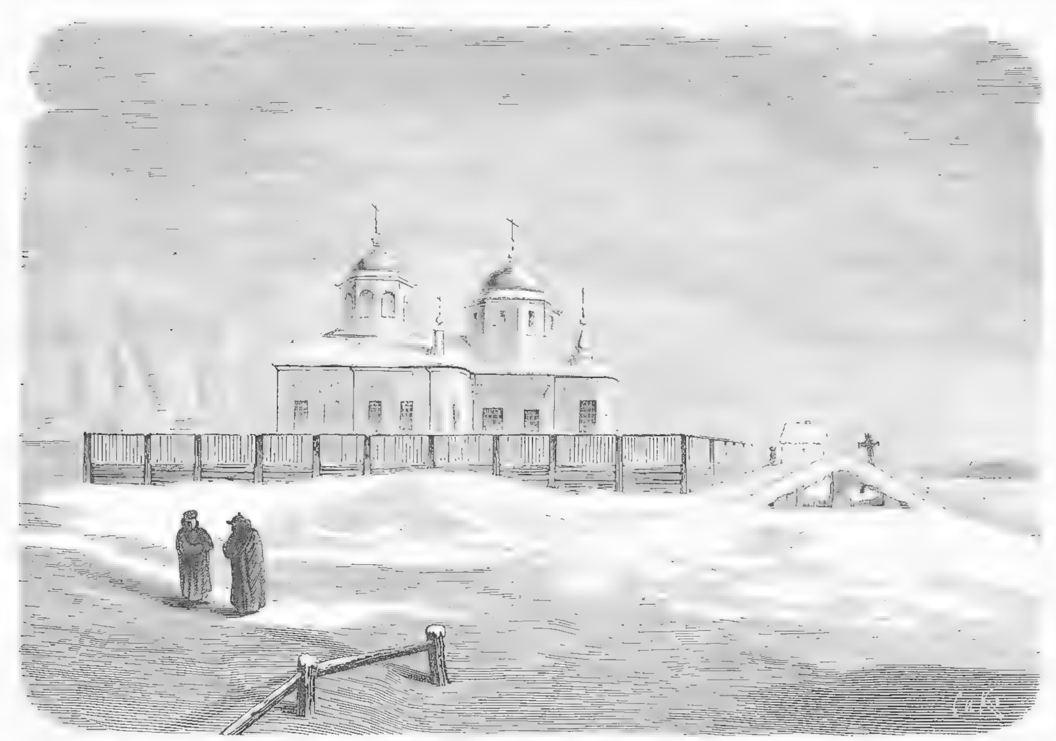
Позднее раскаяніе въ томъ, что онъ своими ошибками погубилъ дѣтей, и мучительная неизвѣстность объ ожидающей ихъ участи, терзали сердце Меншикова; душевная болѣзнь скоро свела его въ могилу. Онъ умеръ 12-го ноября 1729 г., пятидесяти шести лѣтъ отъ роду и былъ похороненъ на берегу Сосвы, близъ алтаря построенной имъ церкви. Быстрая Сосва, обмывая и обрывая въ этомъ мѣстѣ берега, давно уже сгладила всякій слѣдъ могилы того человѣка, котораго нѣкогда Ѳеофанъ Прокоповичъ привѣтствовалъ словами: «мы въ Александрѣ видимъ Петра», который возвелъ на престолъ Екатерину I и самовластно управлялъ Россіей въ первые дни царствованія Петра II.

Княжна Марія не долго пережила отца: она скончалась въ томъ же году, 26 декабря. Петръ II, за десять дней до смерти, вспомнилъ о своей бывшей невѣстѣ и 9 января 1730 г. отдалъ приказаніе Верховному Тайному Совѣту — «освободить изъ ссылки дѣтей Меншикова съ позволеніемъ жить, не въѣзжая въ Москву, въ деревнѣ дяди ихъ, Василія Арсеньева, и дать имъ на прокормленіе сто дворовъ, пріискавъ изъ нижегородскихъ Меншиковскихъ деревень, а сына записать въ полкъ и отдать для обученія хорошему офицеру.» Воля умершаго императора была исполнена уже императрицей Анной Іоанновной въ іюлѣ 1730 г. Она разрѣшила Меншиковымъ пріѣхать въ Москву, возвратила князю Александру Александровичу часть отобраннаго въ казну отцовскаго имѣнія и пожаловала ему чинъ прапорщика гвардіи. Княжна Александра Александровна была назначена фрейлиной и вскорѣ выдана замужъ за генералъ-аншефа Густава Бирона.

Въ 1825 г., почти черезъ сто лѣтъ послѣ смерти Меншикова, тобольскій губернаторъ Д. Н. Бантышъ-Каменскій, желая знать гдѣ покоится прахъ любимца Петра Великаго, поручилъ березовскому городничему Андрееву отыскать его могилу. Городничій поспѣшилъ исполнить губернаторское приказаніе и донесъ, что онъ разспрашивалъ старожиловъ и узналъ отъ казака Шахова, бывшаго вожатымъ столѣтняго березовскаго мѣщанина Бажанова, что могила Меншикова находится невдалекѣ отъ берега Сосвы, на косогорѣ, у алтаря сгорѣвшей *Спасской церкви, построенной Меншиковымъ.* Городничій велѣлъ на указан-

номъ мѣстѣ вырубить землю. На глубинѣ трехъ аршинъ съ четвертью оказался гробъ, длиною въ сажень, обитый краснымъ сукномъ съ серебрянымъ позументомъ, въ видѣ креста, на крышкѣ. Его открыли, сняли ледъ, на вершокъ покрывавшій тѣло усопшаго, приподняли шелковое покрывало: лежавшій въ гробу былъ высокаго роста, сухощавый, безъ бороды и волосъ, имѣлъ густыя брови, всѣ зубы сохранившіеся; одѣтъ въ халатѣ, стеганой шапочкѣ, подъ которою голова была обернута платкомъ; на ногахъ зеленыя туфли съ высокими каблуками, книзу съуживающимися. Могилу тотчасъ закрыли и засыпали землей. Въ концѣ своего донесенія губернатору, городничій однако прибавлялъ, что «не ручается, дѣйствительно ли усопшій былъ князь Меншиковъ».

Спустя полтора года послѣ этого, Бантышъ-Каменскій самъ пріѣхалъ въ Березовъ и при-

Соборъ въ Березовѣ и предполагаемая могила дочери Меншикова.

казалъ вновь раскопать могилу. «Когда открыли гробъ, — говоритъ онъ: — я увидѣлъ Меншикова, котораго тотчасъ узналъ по портрету, бывшему со мной; черты лица не измѣнились, но отъ прикосновенія воздуха тѣло все почернѣло; сукно, позументъ, покрывало, шапочка, халатъ — подверглись тлѣнію. Отслуживъ литію и поклонившись праху великаго мужа, я велѣлъ, не вынимая гроба на поверхность, засыпать его землею.»

Такое свидѣтельство Бантышъ-Каменскаго, казалось, уничтожало всякое сомнѣніе въ томъ, что открытый мертвецъ былъ дѣйствительно князь Меншиковъ. Однако, позднѣйшія изслѣдованія смотрителя березовскихъ училищъ и члена-корреспондента Императорскаго Географическаго Общества, г. Абрамова, проливаютъ совершенно иной свѣтъ на это дѣло.

Изъ изслѣдованій г. Абрамова оказывается, что березовскій городничій, увлекшись желаніемъ угодить губернатору, не совсѣмъ вѣрно донесъ ему о тѣхъ подробностяхъ, которыя сопровождали открытіе могилы князя Меншикова, и этимъ ввелъ Бантышъ-Каменскаго въ престранное заблужденіе.

Многіе березовскіе жители, присутствовавшіе при открытіи могилы, такъ разсказывали объ этомъ г. Абрамову въ 1842 г. (черезъ 17 лѣтъ):

30-го іюля 1825 г., въ жаркій день, начали разрывать могилу. Сначала докопались до двухъ маленькихъ гробиковъ, обитыхъ алымъ сукномъ. Раскрывъ ихъ, увидѣли кости младенцевъ, покрытыхъ зеленымъ атласомъ, и два шелковые головные вѣнчика. Гробики эти стояли на большомъ гробу, сдѣланномъ въ видѣ колоды изъ кедра, длиною около трехъ аршинъ и обитомъ тѣмъ же алымъ сукномъ, какъ и гробы младенцевъ, съ крестомъ изъ серебрянаго позумента на крышкѣ. По снятіи ея увидѣли, что въ гробу съ обоихъ концовъ не было выдолблено дерева вершка на три. Покойникъ лежалъ покрытый зеленымъ атласнымъ покрываломъ. Такъ какъ покрывало было со всѣхъ сторонъ подложено подъ мертвеца, то, не тревожа его, разрѣзали атласъ по серединѣ ножницами. Покойникъ открылся почти свѣжій; лицо бѣлое съ синеватостью; зубы всѣ сохранившіеся; на головѣ шапочка изъ шелковой алой матеріи, подъ подбородкомъ подвязанная широкой лентой и фустомъ; на лбу шелковый вѣнчикъ; шлафрокъ изъ шелковой матеріи красноватаго цвѣта; на ногахъ башмаки безъ клюшъ, съ высокими каблуками, книзу съуживающимися, переда остроконечные изъ шелковой махровой матеріи (такіе башмаки въ XVIII столѣтіи носили женщины). Могила оставалась открытою почти цѣлый день, и лицо покойника совершенно почернѣло.

Сравнивая собранныя имъ свѣдѣнія съ донесеніемъ городничаго Андреева и свидѣтельствомъ Бантышъ-Каменскаго, г. Абрамовъ дѣлаетъ нѣсколько весьма основательныхъ замѣчаній:

«Бантышъ-Каменскій, — говоритъ онъ: — сличивъ находившійся при немъ портретъ князя съ лицомъ покойника, призналъ его за Меншикова. Но могли ли сохраниться какія-нибудь черты послѣ того, какъ покойникъ, остававшійся открытымъ въ теченіе всего іюльскаго жаркаго дня, совершенно почернѣлъ, а сукно, халатъ, шапочка и позументъ, по словамъ самого Бантышъ-Каменскаго, подверглись тлѣнію? Бороды у покойника не было, а между тѣмъ достовѣрно извѣстно, что Меншиковъ, съ перваго дня своей ссылки, отпустилъ бороду и уже не брилъ ее. Могила открыта на косогорѣ, близъ алтаря сгорѣвшей Спасской церкви, построенной, какъ говоритъ городничій Андреевъ, а за нимъ и Бантышъ-Каменскій, Меншиковымъ. Но по сохранившимся актамъ извѣстно, что Меншиковъ выстроилъ не Спасскую церковь, а Богородице-Рождественскую, близъ острога государственныхъ преступниковъ. Церковь эта, какъ видно изъ дѣлъ березовской воеводской канцеляріи, сгорѣла 20 февраля 1764 г., на сырной недѣлѣ, отъ неосторожности пьянаго трапезника Петра Ѳедорова. Въ это же время сгорѣли, находившіеся при церкви, богадѣльня и памятникъ на могилѣ Меншикова. Хотя открытый гробъ и оказался длиною въ три аршина, но такъ какъ у него не было выдолблено вершка по три съ каждаго края, то длина трупа не могла превышать 2 аршинъ 5 вершковъ, если принять въ соображеніе каблуки у башмаковъ, длиною въ полтора вершка; а князь Меншиковъ, какъ извѣстно, былъ ростомъ 2 аршина 12 вершковъ. Наконецъ, платье покойника, капоръ на головѣ, подвязанный лентой, шелковый шлафрокъ, башмаки изъ махровой матеріи, могли принадлежать скорѣе женщинѣ, чѣмъ мужчинѣ.»

Приведенныя нами замѣчанія г. Абрамова такъ основательны, что послѣ нихъ становится очевидной ошибка Бантышъ-Каменскаго, признавшаго неизвѣстнаго мертвеца за трупъ князя Меншикова.

Что же побудило казака Шахова указать городничему вмѣсто Меншиковской другую могилу? По собственному его сознанію, сдѣланному нѣкоторымъ березовскимъ жителямъ, онъ былъ увѣренъ, что покойникъ, пролежавъ въ землѣ 98 лѣтъ, давно сгнилъ, а между тѣмъ ждалъ за такое открытіе награды отъ губернатора и, кромѣ того, полагалъ, что потомки князя будутъ усердствовать Спасской церкви богатыми вкладами.

Но кто же этотъ покойникъ? Почему около него положены два младенческіе гробика одной и той же матеріи съ большимъ гробомъ?

Вопросъ этотъ отчасти рѣшается слѣдующимъ, не лишеннымъ достовѣрности, преданіемъ, до сихъ поръ сохранившимся между Березовцами:

Въ 1728 г., вскорѣ за Меншиковыми, пріѣхалъ въ Березовъ одинъ изъ князей Долгорукихъ. Онъ давно былъ влюбленъ въ княжну Марію Александровну и, испросивъ разрѣшеніе отправиться заграницу, явился *подъ чужимъ именемъ* въ мѣсто заточенія своей возлюбленной. Они были тайно повѣнчаны однимъ престарѣлымъ священникомъ, которому за это, между прочимъ, былъ подаренъ барсовый плащъ, долго хранившійся въ его потомствѣ. Въ лѣтнее время березовскіе жители часто видѣли князя и его жену, прогуливающимися по берегу Сосвы, причемъ замѣчали, что она никогда не носила другаго платья, кромѣ чернаго, почти всегда бархатнаго съ окладкою изъ серебряной блонды. Черезъ годъ послѣ брака, княгиня Долгорукова скончалась родами двухъ близнецовъ и была похоронена въ одной могилѣ съ дѣтьми, близъ Спасской церкви.

Въ числѣ рѣдкостей, до настоящаго времени уцѣлѣвшихъ въ бывшей Спасской церкви, нынѣ березовскомъ Воскресенскомъ соборѣ, находятся двѣ парчевыя священническія ризы со звѣздами ордена св. Андрея Первозваннаго на заплечьяхъ, шитыя дочерьми Меншикова, и золотой медальонъ, довольно изящной работы, внутри котораго вложена свитая въ кольцо прядь свѣтлорусыхъ волосъ. Медальонъ этотъ, по преданію, пожертвованъ въ церковь княземъ Долгорукимъ, а находящіеся въ немъ волоса принадлежали его женѣ, княгинѣ Маріи Александровнѣ.

Въ началѣ царствованія императрицы Анны Іоанновны, въ іюлѣ 1730 г., въ Березовъ былъ присланъ въ заточеніе оберъ-гофмейстеръ и членъ Верховнаго Тайнаго Совѣта, князь Алексѣй Григорьевичъ Долгорукій, съ женой Прасковьей Юрьевной (рожденной княжной Хилковой) и дѣтьми: княземъ Иваномъ (22 л.) съ женой Натальей Борисовной (рожденной графиней Шереметевой), Николаемъ (18 л.), Алексѣемъ (14 л.), Александромъ (12 л.) и княжнами: Екатериною (18 л.), Еленою (15 л.) и Анной (13 л.).

Извѣстно, что князь Алексѣй Григорьевичъ и старшій сынъ его, оберъ-камергеръ князь Иванъ, были главнѣйшими виновниками паденія Меншикова и играли первостепенную роль при дворѣ императора Петра II, на котораго имѣли почти неограниченное вліяніе. Князь Алексѣй Григорьевичъ намѣревался даже выдать дочь свою Екатерину замужъ за молодаго государя и только внезапная кончина послѣдняго разстроила этотъ бракъ. Въ то время, когда императоръ томился въ предсмертной агоніи, Долгорукіе, чтобы удержать за собою власть, составили отъ его имени подложное духовное завѣщаніе, гдѣ говорилось, что Петръ завѣщаетъ послѣ себя русскій престолъ обрученной невѣстѣ своей, княжнѣ Екатеринѣ; но, испугавшись сами послѣдствій столь дерзкаго замысла, они поспѣшили уничтожить этотъ фальшивый актъ. Съ воцареніемъ Анны Іоанновны, фамилія Долгорукихъ, казавшаяся опасной новымъ временщикамъ, окружавшимъ императрицу, подверглась страшнымъ гоненіямъ: всѣ они были лишены званій, орденовъ и имущества и сосланы въ отдаленныя мѣста имперіи. На долю князя Алексѣя Григорьевича и его семейства выпалъ Березовъ.

Тотъ же самый острогъ, гдѣ содержались Меншиковы, сдѣлался тюрьмой Долгорукихъ. По недостатку въ немъ помѣщенія, князю Ивану Алексѣевичу съ женою былъ отведенъ для жительства дровяной сарай, на-скоро перегороженный и снабженный двумя печками. Именнымъ указомъ императрицы было строжайше запрещено позволять Долгорукимъ сообщаться съ жителями, имѣть бумагу и чернила и выходить куда-либо изъ острога, кромѣ церкви, да и то подъ конвоемъ солдатъ. Надзоръ надъ ними былъ ввѣренъ нарочно присланному для того изъ Тобольска съ командой маіору сибирскаго гарнизона Петрову. На пропитаніе ссыльныхъ отпускалось ежедневно по одному рублю на каждаго, а между тѣмъ жизненные припасы въ

Березовѣ были очень дороги; напр., за пудъ сахару они платили 9 руб. 50 коп., — цѣна по тому времени непомѣрная. Долгорукіе терпѣли во всемъ большую нужду, ѣли деревянными ложками, пили изъ оловянныхъ стакановъ; мужчины имѣли только одно развлеченіе, — забавляться утками, гусями и лебедями, плававшими въ сажалкѣ на острожномъ дворѣ, а женщины занимались рукодѣльями, вышивая преимущественно по разнымъ матеріямъ священныя изображенія. Жили Долгорукіе постоянно въ ссорахъ и пререканіяхъ другъ съ другомъ; объ этихъ ссорахъ даже возникло въ 1731 г. дѣло и послѣдовалъ слѣдующій указъ императрицы: «сказать Долгорукимъ, чтобы они впредь отъ ссоръ и непристойныхъ словъ конечно воздержались и жили смирно, подъ опасеніемъ наистрожайшаго содержанія.»

Княгиня Прасковья Юрьевна пріѣхала въ Березовъ совершенно больная и черезъ нѣсколько недѣль умерла, а въ 1734 году скончался князь Алексѣй Григорьевичъ, удрученный годами, несчастьемъ и суровостью сибирскаго климата. Они были похоронены, такъ же какъ и Меншиковъ, близъ Рождественской церкви, но могилы ихъ неизвѣстны.

Главой семьи остался князь Иванъ Алексѣевичъ и вся горечь домашнихъ распрей выпала на долю его несчастной жены, Натальи Борисовны. Благодаря этой симпатичной и благородной женщинѣ, Долгорукіе, не смотря на строгія требованія инструкціи о содержаніи ссыльныхъ, начали пользоваться снисхожденіемъ своихъ приставовъ. Маіоръ Петровъ и каптенармусъ Козминъ особенно мирволили узникамъ и разрѣшили князю Ивану и его женѣ выходить изъ острога въ городъ въ гости и принимать у себя гостей. Скоро и самъ березовскій воевода, добрый и добродушный старикъ Бобровскій, и его семья, коротко сошлись съ Долгорукими, часто проводили у нихъ время и приглашали къ себѣ на вечеринки. Бобровскій и жена его присылали Долгорукимъ «разную харчу», песцовые и другіе мѣха. Князь Иванъ и Наталья Борисовна, успѣвшіе при описи ихъ имущества и отправленіи въ ссылку припрятать кое-какія дорогія вещи, въ свою очередь не скупились на «благодарности» Бобровскимъ и Петрову. Они дарили имъ сукна, «часы золотые ветхіе», «гарнитуръ и гризетъ насыпной съ искрами» и т. п. Гордая «разрушенная» невѣста, княжна Екатерина, ни съ кѣмъ не сближалась, а остальные Долгорукіе были еще слишкомъ молоды. Князь Николай принялся за ученіе. Русской грамотѣ и первоначальнымъ свѣдѣніямъ изъ исторіи, географіи и ариѳметики, онъ обучался у иконописца тобольскаго архіерейскаго дома Ковалева. Кто былъ его французскій учитель— неизвѣстно, но въ дѣлахъ сохранились отобранныя отъ него учебныя тетради по французскому языку.

Князь Иванъ Алексѣевичъ, общительный отъ природы, началъ заводить дружбу съ разными офицерами мѣстнаго гарнизона и наѣзжавшими въ Березовъ, съ мѣстнымъ духовенствомъ и съ березовскими обывателями. Особенно онъ подружился съ флотскимъ поручикомъ Овцынымъ, часто бывалъ у него и принималъ у себя, постоянно становился съ нимъ рядомъ въ церкви и даже ходилъ вмѣстѣ съ нимъ въ баню. Близость съ Овцынымъ погубила Долгорукихъ...

Подъ вліяніемъ новыхъ знакомствъ, князь Иванъ вспомнилъ разгульную жизнь, которую велъ до ссылки, и сталъ кутить съ своими новыми пріятелями. Часто вино невмѣру развязывало его языкъ и онъ проговаривался о многомъ, о чемъ, конечно, трезвый не проболтался бы; подчасъ неосторожно и рѣзко выражался объ императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, цесаревнѣ Елисаветѣ Петровнѣ, о приближенныхъ къ нимъ людяхъ, разсказывалъ про нихъ разные анекдоты и сплетни, разумѣется очень интересовавшіе березовскихъ офицеровъ, подъячихъ, священниковъ и обывателей.

На Долгорукихъ начали поступать доносы, послѣдствіемъ которыхъ явилось строжайшее запрещеніе выходить изъ острога и усиленіе надъ ними караула. Тѣмъ не менѣе, Березовцы продолжали навѣщать ихъ. Въ числѣ этихъ посѣтителей бывалъ тобольскій таможенный подъячій Тишинъ, пріѣзжавшій иногда въ Березовъ по дѣламъ службы. Тишину приглянулась кра-

спвая и неприступная «разрушенная» государыня-невѣста, княжна Екатерина. Разъ какъ-то, напившись пьянымъ, онъ въ грубой формѣ высказалъ ей свои желанія. Оскорбленная княжна пожаловалась пріятелю брата, поручику Овцыну, и пьяный подъячій получилъ заслуженное наказаніе: Овцынъ, при помощи казачьяго атамана Лихачева и боярскаго сына Кашперова, жестоко избилъ Тишина. Затаивъ оскорбленіе, Тишинъ поклялся отомстить обидчикамъ. Поводъ къ этому не замедлилъ представиться. Князь Иванъ, подгулявши, принялся бранить при Тишинѣ, какъ не разъ бранилъ при другихъ, императрицу, цесаревну Елисавету Петровну, Бирона.

— Для чего ты такія слова говоришь, — какъ бы усовѣщевалъ его Тишинъ: — лучше бы тебѣ за ея императорское величество и за всю императорскую фамилію Бога молить.

— А что, донести хочешь?...—догадывался выпившій князь Иванъ. — Гдѣ тебѣ доносить, — продолжалъ онъ: — ты нынѣ уже сталъ сибирякъ. Впрочемъ, — заключилъ онъ подумавши: — хотя и доносить станешь, то тебѣ же голову отсѣкутъ.

Тишинъ сказалъ, что и не думаетъ доносить, а донесетъ приставъ Долгорукихъ, маіоръ Петровъ.

— Петровъ уже нашъ и задаренъ! — отвѣчалъ князь Иванъ.

Тишинъ пожаловался Петрову, но тотъ не обратилъ на жалобу вниманія и замялъ дѣло. Тогда Тишинъ подалъ доносъ сибирскому губернатору, обвиняя, кромѣ Долгорукихъ и Петрова, также и березовскаго воеводу въ послабленіяхъ ссыльнымъ.

Результатомъ этого доноса было прибытіе въ Березовъ, въ маѣ 1738 г., капитана сибирскаго гарнизона Ушакова «инкогнито», но «съ секретнымъ предписаніемъ». Ему приказано было выдать себя за лицо, присланное по повелѣнію императрицы для улучшенія положенія Долгорукихъ, и тайно разузнать о ихъ житьѣ-бытьѣ. Ушаковъ отлично сыгралъ свою роль. Онъ познакомился съ Долгорукими, съ разными березовскими жителями, съ священниками, водилъ съ ними хлѣбъ-соль, вступалъ въ бесѣды и такимъ образомъ подъ рукой узналъ все, что ему было нужно. Немедленно по его отъѣздѣ, полученъ былъ въ Березовѣ приказъ изъ Тобольска — отдѣлить князя Ивана отъ жены, братьевъ и сестеръ. Несчастный былъ заключенъ въ тѣсную, сырую землянку, гдѣ ему давали грубой пищи лишь на столько, чтобы онъ не умеръ съ голоду. Наталья Борисовна выплакала у караульныхъ солдатъ дозволеніе тайно по ночамъ видѣться съ мужемъ черезъ оконце, едва пропускавшее свѣтъ, и носила ему ужинъ.

Въ концѣ августа 1738 г., въ темную, дождливую ночь, къ Березову подплыло судно съ вооруженной командой. На него въ глубокой тишинѣ были посажены: князь Иванъ Алексѣевичъ, двое его братьевъ, князья Николай и Александръ, Бобровскій, Петровъ, Овцынъ, трое березовскихъ священниковъ, одинъ дьяконъ, слуги Долгорукихъ и березовскіе обыватели, — всего болѣе шестидесяти человѣкъ. Ихъ привезли въ Тобольскъ и сдали тому же капитану Ушакову, который явился теперь передъ ними грознымъ и неумолимымъ судьей. Слѣдствіе, производившееся по тогдашнему обычаю «съ пристрастіемъ и розыскомъ», т. е. съ пыткою, продолжалось не долго. Девятнадцать человѣкъ изъ числа арестованныхъ были признаны виновными въ разныхъ послабленіяхъ Долгорукимъ и прикосновенными «къ вредительнымъ и злымъ словамъ» князя Ивана Алексѣевича и потерпѣли жестокую кару: маіоръ Петровъ былъ обезглавленъ въ Тобольскѣ въ іюнѣ 1739 г.; священники биты кнутомъ и разосланы по дальнимъ сибирскимъ городамъ; офицеры, нѣкоторые изъ березовскихъ обывателей и дворовые люди князя Ивана— записаны въ рядовые въ сибирскіе полки.

Князь Иванъ Алексѣевичъ во время слѣдствія содержался въ тобольскомъ острогѣ, въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ, прикованнымъ къ стѣнѣ. Нравственно и физически измученный, онъ впалъ въ какое-то особенное нервное состояніе, близкое къ умопомѣшательству,

бредилъ на яву и разсказалъ даже то, чего у него не спрашивали — исторію сочиненія подложнаго духовнаго завѣщанія при кончинѣ Петра II. Неожиданное признаніе это повлекло за собой новое дѣло, къ которому оказались прикосновенными дяди князя Ивана, князья Сергѣй и Иванъ Григорьевичи и Василій Лукичъ. По повелѣнію императрицы всѣ они были привезены сперва въ Шлиссельбургъ, а потомъ въ Новгородъ, подвергнуты пыткамъ и затѣмъ приговорены къ смерти: князь Иванъ Алексѣевичъ — колесованіемъ, а князья Сергѣй и Иванъ Григорьевичи и Василій Лукичъ — отсѣченіемъ головы. Казнь совершилась 8-го ноября 1739 г., въ верстѣ отъ Новгорода, на Скудельничьемъ полѣ, близъ того мѣста, гдѣ теперь стоитъ церковь во имя св. Николая Чудотворца, построенная въ царствованіе Екатерины II родственниками казненныхъ.

Не были пощажены также братья и сестры князя Ивана Алексѣевича. Изъ нихъ, князья Николай и Александръ, по наказаніи кнутомъ и урѣзаніи языковъ, сосланы въ каторжную работу, первый въ Охотскъ, а второй въ Камчатку; князь Алексѣй отправленъ матросомъ въ Камчатку, княжны Екатерина, Елена и Анна заключены въ разные монастыри.

Княгиня Наталья Борисовна прожила въ Березовѣ до восшествія на престолъ императрицы Елисаветы Петровны, которая въ 1740 г. возвратила свободу всѣмъ Долгорукимъ, оставшимся въ живыхъ.

Княжны Елена и Анна пожертвовали въ березовскія церкви много богатыхъ вкладовъ; къ сожалѣнію, большая часть ихъ сгорѣла въ пожаръ 1764 года. До настоящаго времени сохранились только священническая риза со звѣздами ордена св. Андрея Первозваннаго на заплечьяхъ, да нѣсколько богослужебныхъ книгъ. На заглавномъ листѣ одной изъ послѣднихъ, четкимъ почеркомъ написано: «1764 года, октября 1-го дня, эту книгу дала вкладу въ церковь Всемилостивѣйшаго Спаса, что въ Сибири, въ Березовскомъ острогѣ, на поминовеніе родителей, преставившихся тамо, княжна Елена, князя Алексѣева дочь, Долгорукова.»

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1742 г. Березовскій острогъ заключилъ въ свои стѣны еще одного знаменитаго ссыльнаго, сотрудника Петра Великаго и главнѣйшаго дѣятеля Анпинскаго царствованія, вице-канцлера графа Андрея Ивановича Остермана.

Онъ былъ привезенъ изъ Петербурга въ Березовъ, вмѣстѣ съ женою, графинею Маѳой Ивановной, рожденной Стрѣшневой, подъ конвоемъ подпоручика лейбъ-гвардіи измайловскаго полка Ермолина и десяти гвардейскихъ солдатъ. Съ нимъ пріѣхало шесть человѣкъ прислуги: три лакея, поваръ и двѣ горничныя. На содержаніе Остермана и его жены велѣно было отпускать «изъ ближнихъ къ мѣсту заключенія доходовъ, по рублю, а служителямъ ихъ по десяти копѣекъ въ сутки». Въ Березовѣ Ермолинъ сдалъ арестантовъ «въ команду» нарочно присланному изъ Тобольска поручику сибирскаго гарнизона Космакову, который получилъ при этомъ изъ Сената особую инструкцію. Въ ней между прочимъ ему предписывалось: ежемѣсячно доносить въ Петербургъ о состояніи арестантовъ, содержать послѣднихъ «подъ крѣпкимъ и осторожнымъ карауломъ»; отпускать ихъ только въ церковь, «наблюдая однако, чтобы тамъ никто съ ними не разговаривалъ»; не позволять имъ ни съ кѣмъ видѣться, не давать имъ чернилъ и бумаги, смотрѣть, чтобы служители ихъ не имѣли сношеній съ посторонними людьми и ходили бы въ городъ для закупки провизіи разъ въ сутки, не иначе какъ въ сопровожденіи солдатъ. «Ежели, говорилось въ инструкціи, — иногда кто изъ нихъ въ подозрѣніи явится, то онаго запереть въ острогъ, въ особливое мѣсто, и съ другими коммуникаціи имѣть ему не велѣть и о дѣлахъ его доносить въ Сенатъ; ежели бы случилось такое важное дѣло, которое бы времени не терпѣло, то объ немъ накрѣпко тотчасъ изслѣдовать и виновныхъ подъ строжайшій караулъ взять и о томъ обстоятельно рапортовать въ Сенатъ же.»

Вмѣстѣ съ арестантами, Ермолинъ сдалъ Космачеву, по описи, разныя вещи, отпущенныя съ ними Высочайше учрежденной коммиссіей конфискацій въ Петербургѣ.

Такъ какъ Остерманъ былъ лютераниинъ, то императрица приказала отправить въ Березовъ пастора, назначивъ ему жалованья по полтораста рублей въ годъ.

Остерманъ прожилъ въ мѣстѣ своего заключенія слишкомъ пять лѣтъ. Въ теченіе всего этого времени онъ никуда не выходилъ изъ острога и кромѣ пастора никого не принималъ къ себѣ. Пріѣхавъ въ Березовъ въ крайне болѣзненномъ состояніи, съ жестокими припадками хирагры и подагры, Остерманъ почти не вставалъ съ постели; однако суровый березовскій климатъ благодѣтельно подѣйствовалъ на его здоровье. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ поправился на столько, что могъ ходить, сперва съ помощью костылей — а потомъ, опираясь только на палку. Съ весны 1747 г. болѣзнь внезапно возвратилась къ нему съ новой силой и скоро прекратила его страданія.

Графъ А. И. Остерманъ.

«Сего мая 5-го дня, доносилъ Сенату поручикъ Космаковъ: — состоящій у меня подъ карауломъ, бывшій графъ Андрей Остерманъ, заболѣлъ грудью и голову обноситъ обморокъ, а сегожъ мая 22-го дня 1747 года по полудни, въ четвертомъ часу, волею Божіею умре.»

Графиня Марѳа Ивановна, получившая послѣ кончины мужа разрѣшеніе вернуться на родину, воздвигнула надъ его могилой памятникъ въ видѣ часовни, отъ котораго сохранились лишь окладныя бревна, вросшія въ землю и покрывшіяся дерномъ. Памятникъ этотъ еще до сихъ поръ помнятъ нѣкоторые березовскіе старожилы. Часовня, длиною въ пять, шириною въ четыре аршина, построенная изъ толстыхъ кедровыхъ брусьевъ, была покрыта въ двѣ доски со свѣсами, вырѣзанными разными фигурами. Съ восточной стороны находилась дверь, сверху полукруглая; съ южной стороны — узкое окно, почти подъ самою крышею; внутри и ближе къ сѣверной сторонѣ, надъ самою могилой — катафалкъ и на немъ подобіе гроба; впереди икона съ лампадою и передъ нею налой.

Въ 1848 г. начальникъ ученой экспедиціи, снаряженной Императорскимъ Географическимъ Обществомъ для изслѣдованія сѣвернаго Урала, полковникъ Гофманъ, проѣзжая черезъ Березовъ и желая узнать, до какой глубины проникаетъ дѣйствіе мороза въ различныхъ почвахъ, велѣлъ бить шурфы. Когда рабочіе взрыли песчаную гору, находящуюся близъ Рождественской церкви, и проникли до глубины десяти футовъ, то наткнулись на истлѣвшій гробъ, въ которомъ нашли остатки другаго гроба съ уцѣлѣвшими золотыми позументами, лоскутьями шелковой матеріи и черепомъ, покрытымъ прахомъ и пылью. Полковникъ Гофманъ тотчасъ же приказалъ засыпать этотъ гробъ и, заключивъ по золотому позументу, что тутъ была, вѣроятно, могила какого-нибудь знатнаго человѣка, обратился за справками къ г. Абрамову. Послѣдній, по собраннымъ свѣдѣніямъ, рѣшилъ, что здѣсь покоится прахъ графа Остермана. Тогда полковникъ Гофманъ велѣлъ покрыть могилу свѣжимъ дерномъ и поставилъ надъ нею черный колоссальной величины крестъ, къ которому была прибита мѣдная доска съ вырѣзанными на ней графскою короной и латинскими буквами: H. O. (Heinrich Ostermann).

Пелымъ, также какъ и Березовъ, связалъ свое имя съ именами нѣсколькихъ замѣчательныхъ историческихъ личностей. Въ немъ, болѣе или менѣе продолжительное время, томились

въ ссылкѣ: родные дяди царя Михаила Ѳеодоровича, Иванъ и Василій Никитичи Романовы, потомъ столь извѣстный въ нашей исторіи герцогъ курляндскій Биронъ и наконецъ фельдмаршалъ графъ Минихъ.

Иванъ Никитичъ Романовъ былъ сосланъ въ Пелымъ въ 1601 г., въ царствованіе Бориса Годунова, который, воспользовавшись ложнымъ извѣтомъ, разослалъ въ ссылку въ разныя мѣста всѣхъ членовъ этой фамиліи, опасной для него по своимъ правамъ на русскій престолъ. Вскорѣ, къ Ивану Никитичу былъ присоединенъ братъ его Василій, сосланный первоначально въ Яренскъ. Пристава держали ихъ закованными въ кандалахъ, морили голодомъ и, вообще, обращались съ ними самымъ звѣрскимъ образомъ. Что пристава поступали своевольно, безъ царскаго приказа, видно изъ граматы Борисовой къ нимъ: «по нашему указу Ивана и Василья Романовыхъ ковать вамъ не велѣно; вы это сдѣлали мимо нашего указа.» Василій Никитичъ не могъ вынести тяжкихъ страданій и умеръ черезъ нѣсколько недѣль по пріѣздѣ въ Пелымъ. Приставъ слѣдующимъ образомъ доносилъ царю о его кончинѣ:

Могила Остермана въ Березовѣ.

«Взялъ я твоего государева измѣнника Василья Романова, больнаго, чуть живаго, на цѣпи, ноги у него опухли; я для болѣзни его цѣпь съ него снялъ и сидѣлъ у него братъ его Иванъ, да человѣкъ ихъ Сенька; и я ходилъ къ нему и попа пускалъ. умеръ онъ 15-го февраля (1602 г.), и я похоронилъ его, далъ по немъ тремъ попамъ, да дьяку, да пономарю, двадцать рублей. А измѣнникъ твой Иванъ Романовъ болѣнъ старою болѣзнью, рукою не владѣетъ, на ногу немного прихрамываетъ.»

О несчастномъ Василіѣ Никитичѣ Романовѣ не только не сохранилось никакихъ преданій въ Пелымѣ, но и самая могила его неизвѣстна.

Послѣ смерти брата, Иванъ Никитичъ былъ переведенъ въ Уфу, а потомъ отправленъ на службу въ Нижній-Новгородъ.

Въ началѣ ноября 1741 года, въ Пелымъ были привезены, подъ конвоемъ двухъ офицеровъ л.-гв. измайловскаго полка, капитанъ-поручика Викентьева и поручика Дурново, и 12 солдатъ, бывшій регентъ Русской имперіи, герцогъ курляндскій Биронъ, съ женою Бенигною-Готлибъ, рожденною фонъ-Трейденъ, сыновьями Петромъ и Карломъ и дочерью Гедвигой.

Для помѣщенія Бирона съ семействомъ былъ нарочно выстроенъ въ недалекомъ разстояніи отъ Пелыма, на крутомъ берегу Тавды, лицомъ къ густой, непроницаемой тайгѣ, небольшой деревянный домъ, со службами, обнесенный со всѣхъ сторонъ высокимъ палисадомъ. Планъ наружнаго фасада и внутренняго расположенія дома, состоявшаго всего изъ четырехъ комнатъ, былъ начерченъ фельдмаршаломъ Минихомъ, конечно, не предполагавшимъ въ ту минуту, что это самое мѣсто сдѣлается скоро его двадцатилѣтней тюрьмой.

На содержаніе герцога курляндскаго и его дѣтей было велѣно отпускать «изъ сибирскихъ доходовъ» по 15 руб. въ сутки. Съ ссыльными пріѣхали пасторъ, два лакея, два повара и двѣ женщины, на содержаніе которыхъ положено выдавать «особливо на каждаго по 100 руб. въ годъ».

Вмѣстѣ съ Бирономъ былъ сосланъ, по неизвѣстнымъ причинамъ, «за тяжкую вину, вмѣсто смертной казни», лекарь Вахтлеръ. Караульнымъ офицерамъ было предписано держать его подъ крѣпкимъ карауломъ и, въ случаѣ надобности, употреблять для леченія арестантовъ.

Совершенно убитый постигшимъ его несчастіемъ, Биронъ впалъ въ уныніе и тотчасъ по

пріѣздѣ въ Пелымъ серьезно заболѣлъ. Лекарь Вахтлеръ не могъ оказать страждущему помощи, потому что не имѣлъ съ собою никакихъ лекарствъ; достать же ихъ скоро не было никакой возможности. Считая свою болѣзнь неизлечимой, Биронъ готовился къ смерти и проводилъ цѣлые дни въ религіозныхъ бесѣдахъ съ пасторомъ. Къ довершенію его несчастій, 28-го декабря, въ полночь, въ его спальнѣ загорѣлся отъ лопнувшей трубы потолокъ. Огонь быстро охватилъ весь домъ, такъ что караульные солдаты съ трудомъ успѣли вытащить изъ пламени арестантовъ и часть ихъ пожитковъ. Викентьевъ перевезъ Бирона съ семействомъ въ городъ и помѣстилъ ихъ въ домѣ у воеводы.

Въ началѣ января 1742 г., до Пелыма достигла вѣсть о восшествіи на престолъ императрицы Елисаветы Петровны. Неожиданная новость эта оживила Бирона. Во время своего могущества, онъ оказалъ Елисаветѣ Петровнѣ нѣсколько существенныхъ услугъ и потому могъ надѣяться, что она, сдѣлавшись императрицей, облегчитъ его участь. Надежды его не замедлили оправдаться. 28-го января, въ Пелымъ пріѣхалъ сенатскій курьеръ съ императорскимъ указомъ, возвращавшимъ герцогу полную свободу.

Биронъ, еще не оправившійся отъ своего недуга и съ трудомъ ходившій по комнатѣ, поспѣшилъ оставить Пелымъ. Онъ намѣревался ѣхать прямо въ Курляндію, но на дорогѣ внезапно получилъ новый указъ, которымъ ему повелѣвалось отправиться въ Ярославль и жить тамъ безвыѣздно.

Биронъ.

Съ небольшимъ черезъ мѣсяцъ послѣ отъѣзда Бирона, въ Пелымъ былъ привезенъ, подъ конвоемъ прапорщика л.-гв. преображенскаго полка Юрасовскаго и 6 солдатъ, фельдмаршалъ графъ Минихъ. Его сопровождали: жена, рожденная фонъ-Мальцанъ, а по первому мужу Салтыкова, пасторъ Мартенсъ, старинный другъ Миниха, добровольно пожелавшій раздѣлить съ нимъ ссылку, подлекарь Францъ Шульцъ, келлеръ-мейстеръ Яковъ Германъ, два повара и двѣ горничныя. На содержаніе Миниха и его жены назначено отпускать по рублю въ день, Мартенсу 150 руб. въ годъ, а остальнымъ по 10 коп. въ день.

Инструкція, данная Юрасовскому, ни въ чемъ не отличалась отъ той, по которой было велѣно содержать въ Березовѣ Остермана. Въ Пелымѣ Юрасовскій сдалъ арестантовъ ожидавшему ихъ тамъ, по заранѣе сдѣланному Сенатомъ распоряженію, поручику сибирскаго гарнизона Меншикову съ командою изъ 20 рядовыхъ. Эта команда, а также и караульные офицеры, должны были смѣняться ежегодно. Такъ какъ домъ, выстроенный для Бирона, сгорѣлъ, то Сенатъ предписалъ Сибирской канцеляріи немедленно построить на томъ же мѣстѣ, для жительства Миниха, новый — «въ три покоя теплыхъ съ сѣнями».

Дѣятельный, суровый, привыкшій требовать безусловнаго подчиненія своей волѣ, Минихъ и въ ссылкѣ съумѣлъ завоевать себѣ нѣкоторую свободу. Въ глазахъ караульныхъ солдатъ и офицеровъ онъ все-таки оставался не простымъ арестантомъ, а фельдмаршаломъ, когда-то водившимъ русскую армію къ побѣдамъ, и потому они относились къ нему съ невольнымъ

уваженіемъ и дѣлали разныя послабленія. Только разъ, одинъ изъ караульныхъ офицеровъ, не находя въ инструкціи указаній на то, чтобы пастору Мартенсу было разрѣшено пользоваться бумагой и чернилами, отобралъ ихъ отъ него; но, по жалобѣ Миниха въ Петербургъ, это распоряженіе было отмѣнено. Мало того, императрица иногда разрѣшала даже самому Миниху, согласно его просьбѣ, писать къ ней, великому князю Петру Ѳеодоровичу и канцлеру Бестужеву-Рюмину и сообщать свои предположенія объ устройствѣ Кронштадта, Ладожскаго канала и объ улучшеніяхъ, которыя онъ считалъ необходимымъ ввести въ войскахъ. Нѣкоторыя изъ его писемъ напечатаны въ «Рус. Архивѣ» (1865 и 1866 г.).

Письма его къ императрицѣ особенно любопытны. Умный и хитрый старикъ всѣми средствами убѣждаетъ въ нихъ Елисавету Петровну возвратить его въ Петербургъ и старается дѣйствовать на всѣ слабыя стороны ея характера: на благочестіе, на преданность къ отцу, на склонность къ роскоши, и, наконецъ, на женское любопытство. Но императрица осталась непреклонной: по многимъ обстоятельствамъ она не считала возможнымъ освободить Миниха. Сибирскій губернаторъ и пелымскій воевода, зная, что Минихъ имѣетъ возможность непосредственно писать къ государынѣ, и, боясь, чтобы онъ въ своихъ письмахъ не обнаружилъ злоупотребленій, совершающихся въ краѣ, задобривали его разными мелкими услугами.

Минихъ.

Чтобы какъ-нибудь наполнить пустоту скучной жизни, Минихъ развелъ около своего дома огородъ, который воздѣлывалъ собственными руками. Сѣмена для него онъ выписывалъ изъ Петербурга, черезъ посредство брата, оберъ-гофмейстера барона Христіана-Вильгельма Миниха; сѣмена и другія небольшія посылки завертывались нарочно въ гамбургскія газеты, и такимъ образомъ старый фельдмаршалъ могъ узнавать, что дѣлается въ Европѣ. Въ маѣ 1749 г. Минихъ понесъ тяжелую утрату, — добрый и искренно преданный ему пасторъ Мартенсъ умеръ. Минихъ обратился въ Петербургъ съ просьбой о присылкѣ другаго пастора, но такъ какъ желающихъ ѣхать въ столь отдаленный уголъ Сибири не оказалось, то Сенатъ распорядился, чтобы для совершенія духовныхъ требъ въ Пелымъ пріѣзжалъ разъ въ годъ пасторъ изъ Екатеринбурга. Тогда фельдмаршалъ принялъ на себя исполненіе всѣхъ обязанностей покойнаго Мартенса: ежедневно, утромъ и вечеромъ, онъ собиралъ въ свою комнату для молитвы своихъ служителей, которые были, большею частью, иноземцы, читалъ имъ Священное Писаніе, говорилъ поученія и затѣмъ училъ грамотѣ ихъ дѣтей. Въ жизнеописаніи Миниха, составленномъ Бюшингомъ и напечатанномъ въ третьемъ томѣ «Magazin für die neue Historie und Geographie», приведены молитвы, сочиненныя Минихомъ во время пребыванія въ ссылкѣ.

Пользуясь оставшейся послѣ Мартенса бумагой, Минихъ занялся черченіемъ фортификаціонныхъ плановъ и сочиненіемъ разныхъ проектовъ, въ томъ числѣ, изгнанія Турокъ изъ Европы. Незадолго до освобожденія Миниха, одинъ изъ караульныхъ солдатъ, арестованный по его требованію за совершеніе кражи, чтобы избѣгнуть наказанія, сказалъ за собою «слово и дѣло» и сдѣлалъ доносъ о томъ, что Миниху

дозволяютъ пользоваться бумагой и чернилами. Не желая подвергать отвѣтственности своихъ снисходительныхъ приставовъ, фельдмаршалъ поспѣшилъ уничтожить всѣ свои рукописи. Насколько была тягостна и несносна жизнь ссыльныхъ, видно изъ того, что въ 1750 г. подлекарь Шульцъ подалъ въ Сенатъ прошеніе, гдѣ заявлялъ о готовности своей принять православіе съ условіемъ, чтобъ его опредѣлили на службу въ какой-нибудь полкъ. Сенатъ велѣлъ объявить Шульцу, что онъ долженъ оставаться въ Пелымѣ при Минихѣ, если же перейдетъ въ православіе, то ему будетъ прибавлено къ кормовымъ деньгамъ еще по 5 копѣекъ въ сутки.

Сто-тридцатилѣтній пелымскій крестьянинъ Андрей Казанцевъ разсказывалъ въ 1826 г. одному чиновнику (г. Найденову), посѣтившему Пелымъ по дѣламъ службы, слѣдующія подробности о Минихѣ:

«Минихъ рѣдко выходилъ изъ своей тюрьмы; онъ не любилъ никакихъ сообществъ, ни народныхъ увеселеній и, большею частью, былъ задумчивъ. Иногда приходилъ онъ съ удочкою на берегъ рѣки, ловилъ съ крестьянами рыбу, косилъ съ ними траву, или разводилъ молодые кедры. Онъ щедро платилъ крестьянамъ за работу и ласково обходился съ ними. Пелымцы долго вспоминали о немъ съ любовью. Отцы разсказывали дѣтямъ, какъ онъ былъ милосердъ къ несчастнымъ. Мы всѣ жалѣли, когда онъ оставлялъ Пелымъ. Говорятъ, прежде онъ былъ строгъ, а мы видѣли только его доброту. Одинъ молодой крестьянинъ, изъ Русскихъ, полюбилъ пригожую Вогулянку и желалъ на ней жениться, но родные ея и слышать не хотѣли о такомъ бракѣ и отказали ему, потому что онъ не былъ въ состояніи заплатить опредѣленнаго калыма или выкупа, какой, по обычаю Вогуловъ и Остяковъ, женихъ долженъ платить предъ вѣнчаніемъ. Крестьянинъ увидѣлъ какъ-то Миниха, прогуливавшагося съ женою, остановилъ его, бросился ему въ ноги и просилъ помощи. Минихъ, разспросивъ объ немъ и узнавъ, что онъ честенъ, усерденъ и трудолюбивъ, тотчасъ призвалъ родныхъ Вогулянки и ласково сказалъ имъ:

«— Придите ко мнѣ за калымомъ, а я вамъ дамъ зятя; купите себѣ счастіе за деньги, если нельзя имѣть его даромъ.

«На другой день они получили отъ него требуемую сумму денегъ. Потомъ Миниху привелось, черезъ годъ, съ женою воеводы Путилова крестить у осчастливленной имъ четы. Взявъ младенца на руки, онъ произнесъ:

«— Дай Богъ, чтобы крестникъ мой самъ крестилъ другихъ.

«Минихъ самъ заботился объ ученіи своего крестника грамотѣ, и крестный сынъ его дѣйствительно поступилъ сперва причетникомъ въ одну изъ церквей въ томъ округѣ и, доживъ до сорока лѣтъ, достигъ священническаго сана.»

Двадцать лѣтъ томился Минихъ въ ссылкѣ! Счастливый часъ столь желаннаго освобожденія насталъ для него лишь 10 февраля 1762 г. Онъ молился въ то время, когда пріѣхалъ курьеръ съ императорскимъ указомъ, объявлявшимъ ему свободу. Жена Миниха имѣла твердость духа не прерывать его молитвы; она остановила слугу, вбѣжавшаго въ комнату съ радостной вѣстью. Когда Минихъ кончилъ молиться, караульный офицеръ подалъ ему письмо императора Петра III, который, извѣщая фельдмаршала о своемъ восшествіи на престолъ, звалъ его въ Петербургъ.

Каждая минута дальнѣйшаго пребыванія въ Пелымѣ была, разумѣется, несносна для Миниха; но онъ вынужденъ былъ ожидать возвращенія своихъ людей, посланныхъ, по обыкновенію, на ирбитскую ярмарку для необходимыхъ закупокъ на весь годъ. Они вернулись только черезъ восемь дней. Тогда семидесяти-девятилѣтній фельдмаршалъ велѣлъ осѣдлать себѣ лошадь, объѣхалъ кругомъ мѣсто своей продолжительной ссылки и простился съ жителями, которымъ роздалъ всѣ свои лишнія вещи и припасы. Не смотря на дурныя дороги, испорченныя дождями, и разлившіяся рѣки, Минихъ въ двадцать пять дней проѣхалъ, то въ саняхъ,

то въ телегѣ, нигдѣ не останавливаясь для отдыха, разстояніе отъ Пелыма до Москвы и 16 марта обнялъ ожидавшихъ его здѣсь сына и внучатъ.

«Дѣла давно минувшихъ дней» — можемъ мы сказать объ этомъ прошломъ. Но и теперь, заглядывая въ эту историческую даль нашего прошлаго, невольно испытываешь тяжелое чувство.

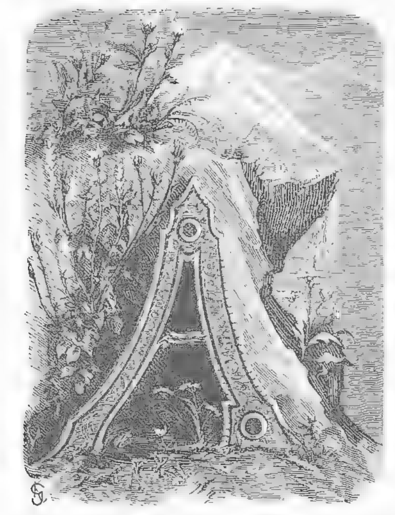
С. Н. Шубинскій.

ОЧЕРКЪ X.

АЛТАЙ.

Алтай — сравнительно съ Швейцаріею. — Оригинальность природы Алтая. — Алтайскія снѣжныя вершины и глетчеры. — Богатство и разнообразіе Алтайской водной системы. — Населеніе. — Сельское хозяйство и промыслы. — Торговая дорога.

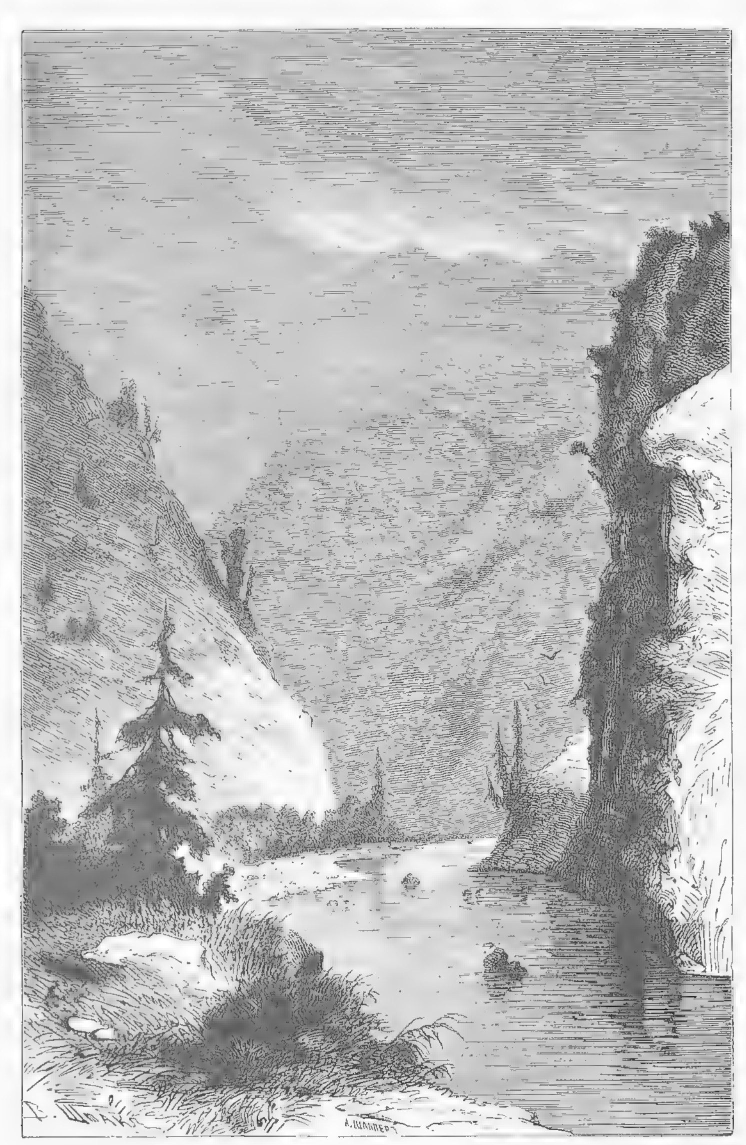
Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освѣщаетъ снѣгъ летучій;
Мутно небо, ночь мутна......
Мчатся бѣсы рой за роемъ
Въ безпредѣльной вышинѣ,
Визгомъ жалобнымъ и воемъ
Надрывая сердце мнѣ.

А. ПУШКИНЪ.

Алтай представляетъ горную систему, которая отрогами своими наполняетъ южную половину Томской губерніи; на сѣверо-западѣ границей его служитъ теченіе рѣки Алея, на юго-западѣ рѣка Иртышъ, на сѣверо-востокѣ трещина, въ которой лежитъ Телецкое озеро, а на юго-востокѣ русскій Алтай ограниченъ государственной границей. Въ этихъ предѣлахъ онъ занимаетъ площадь въ 2,500 кв. м., другими словами — изъ русскаго Алтая можно выкроить цѣлыхъ три Швейцаріи. Хребты, входящіе въ составъ этой системы, идутъ въ различныхъ направленіяхъ и разнообразно загибаются, что́ значительно усложняетъ систему. Мы постараемся схватить рельефъ системы только въ общихъ чертахъ.

Главный массивъ системы находится на южной границѣ губерніи; здѣсь, подъ 50° сѣв. широты, лежитъ высокое плоскогорье Укэкъ; оно имѣетъ 7,800 футовъ высоты надъ уровнемъ моря; ширина его отъ запада на востокъ около 10 верстъ. Это центръ поднятія системы, такъ сказать алтайскій Памиръ. Круглый годъ онъ безлюденъ. Лѣтомъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, здѣсь часто идетъ снѣгъ; термометръ ночью падаетъ ниже 0°, и рѣки иногда покрываются за ночь довольно толстымъ льдомъ. Ледяная кора вѣчно покрываетъ гранитные кругляки по берегамъ рѣки. Единственный древовидный кустарникъ на плоскогорьѣ — карликовая береза (Betula nana). Съ сѣвера, востока и юга плоскогорье ограничено высокими снѣжными горами и только на западѣ оно открыто. Число спусковъ съ плоскогорья въ сосѣднія долины ограниченно; вьючныхъ спусковъ два: одинъ на западъ, въ глубокую долину р. Бухтармы, другой— на востокъ; послѣдній путь выходитъ въ систему р. Кобдо, которая течетъ въ китайскихъ

предѣлахъ; при этомъ приходится переваливать черезъ скалистый хребетъ Уланъ-Даба, который возвышается надъ плоскогорьемъ еще на 1,460 футовъ. На сѣверѣ хотя и есть отверстіе, но оно не можетъ служить для человѣческихъ сообщеній: это узкая щель, по которой воды съ плоскогорья съ бѣшенствомъ стремятся на болѣе низкую террасу, по которой протекаетъ Катунь. На южной окраинѣ плоскогорья возвышается снѣжная группа Куйтунъ, вѣроятно самая высокая точка во всемъ Алтаѣ. Отъ Куйтуна на западъ, вплоть до праваго берега Иртыша тянется высокій хребетъ, такъ заваленный снѣгами въ восточной части, что здѣсь вовсе нѣтъ горныхъ проходовъ на южную его сторону. Это — самая южная цѣпь русскаго Алтая; сѣвернѣе ея проходитъ другая, которую составляютъ хребты: Чуйскіе бѣлки, Катунскіе столбы и Холзунъ. Эта цѣпь на востокѣ сближается съ южной и образуетъ съ нею уголъ; на западѣ же значительно отходитъ.

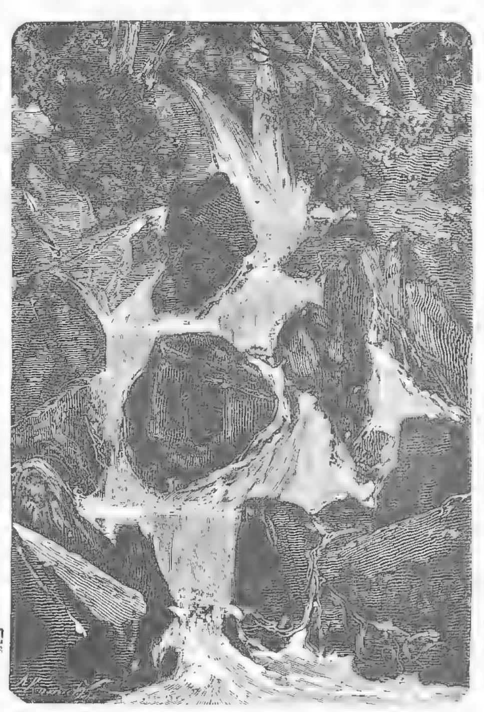

Ущелье въ южномъ Алтаѣ.

Пространство между этими двумя цѣпями занято на востокѣ плоскогорьемъ Укэкъ, на западѣ — долиной р. Бухтармы, дно которой постепенно понижается къ западу. При самомъ началѣ долины, въ восточномъ ея концѣ стоятъ двѣ значительнѣйшія горы въ Алтаѣ: одна Куйтунъ, о которой мы уже говорили, на южной сторонѣ долины, другая — Бѣлуха, на сѣверной. Обѣ горы посылаютъ въ долину свои потоки: съ Куйтуна мчится большая рѣка Бѣлая-Бухтарма, съ Бѣлухи—Берель; третью, менѣе значительную, вѣтвь Бухтарма получаетъ съ Укэка. Что касается главныхъ водъ плоскогорья, то онѣ собираются въ руслѣ Аргута и текутъ на сѣверъ; цѣпь бѣлковъ, окружающая плоскогорье съ сѣвера, разорвана здѣсь глубокимъ и дикимъ ущельемъ, въ которое и устремляется Аргутъ, превращаясь отъ крутаго паденія въ водяную пыль. Къ сѣверу отъ этой цѣпи можно прослѣдить третій рядъ горъ; къ западу отъ Катуни онъ состоитъ изъ горъ Теректинскихъ и Коргонскихъ, къ востоку — изъ Эйлагумскихъ и Айгулакскихъ. Промежуточное пространство между второй и третьей цѣпью представляютъ два возвышенныя

плоскогорья, одно въ восточномъ концѣ его, другое — въ западномъ; первое называется Чуйской степью, второе — Абайской степью; середина между ними занята долиной р. Катуни; эта рѣка беретъ начало на юго-западномъ склонѣ горы Бѣлухи; обогнувъ ее съ запада, течетъ на сѣверъ и выходитъ изъ Алтая на сибирскую низменность. Чуйское плоскогорье лежитъ къ сѣверо-востоку отъ Укэка и отдѣляется отъ него цѣпью Чуйскихъ бѣлковъ; оно обширнѣе Укэка, имѣетъ около 60 верстъ длины, но ниже, поднимается только до 6,000 ф. Оно окружено со всѣхъ сторонъ высокими, сложными горами: съ юга и востока его окружаетъ Сайлюгэмскій хребетъ, съ юго-запада — Чуйскіе бѣлки, съ сѣвера — Айгулакскія и Кутайскія горы; плоскогорье орошается рѣкой Чуей, которая, подобно Аргуту, вверху течетъ спокойно по плоскогорью, внизу же стремительно мчится по тѣснинѣ и впадаетъ въ Катунь выше Аргута.

Вьючные пути съ плоскогорья въ Китай чрезъ Сайлюгэмъ удобны, они идутъ черезъ плоскіе горные проходы; выѣздъ въ Россію труденъ, потому что проходитъ по тѣснинѣ, по которой изливается Чуя. Чуйское плоскогорье смотритъ привѣтливѣе Укэка и на немъ возможна человѣческая жизнь; здѣсь уже бродятъ Теленгиты со стадами, и на берегу Чуи живутъ въ деревянныхъ избахъ прикащики русскихъ купцовъ, ведущихъ торговлю въ Алтаѣ и Монголіи. Рѣка Чуя беретъ начало въ сѣверо-восточномъ углу степи; здѣсь, въ близкомъ разстояніи одна отъ другой, возвышаются двѣ снѣжныя вершины: Муйли-ту и Бутулъ-Тайга; у сѣверо-восточной подошвы этихъ горъ лежитъ высокое плоскогорье, на которомъ разсѣяно множество озеръ, въ томъ числѣ два большихъ: Кендыкты-куль и Джувлу-куль. Плоскорье имѣетъ до 30 верстъ длины; озеро Кендыкты-куль лежитъ на высотѣ 8,200 ф. надъ уровнемъ моря; озеро Джувлу-куль — на высотѣ 7,920 ф. Природа этого плоскогорья еще суровѣе, чѣмъ на плоскогорьѣ Укэкъ: въ 8 часовъ вечера термометръ уже падаетъ ниже 0. Мелкія озера этого плоскогорья покрыты льдомъ круглый годъ; берега же большихъ озеръ остаются покрытыми льдомъ среди лѣта. Путешественникъ Чихачевъ около 5 іюня нашелъ озеро Джувлу-куль покрытымъ льдомъ; позже, около 26 числа того же мѣсяца, другой путешественникъ нашелъ его открытымъ, но берега были усыпаны ледяными иглами, которыя производили своеобразный шорохъ при каждомъ новомъ набѣгѣ волны.

Горный каскадъ въ Алтаѣ.

Единственный постоянный житель этого западнаго плоскогорья — сурокъ (Arctomys bobac), а на водахъ — красная утка (Vulpanser rutila). Лѣсу на плоскогорьѣ нѣтъ, только нѣкоторые скаты горъ опушены карликовой березой (Betula nana), красноватые и кожистые листья которой скорѣе напоминаютъ бруснику, чѣмъ нашъ березовый листъ. Надъ сѣвернымъ берегомъ озера Джувлу-куля возвышается хребетъ Шайшалъ; это — западный конецъ хребта Тойту-Ола, который здѣсь примыкаетъ къ русскому Алтаю, также какъ при горѣ Куйтунъ примыкаетъ къ нему длинная цѣпь китайскаго Алтая. За Шайшаломъ берутъ начало рѣки Барлыкъ и Чуя, притоки Кемчика; здѣсь начинается уже система Енисея. Всѣ эти три плоскогорья: Укэкъ, Чуйское и Джувлу-кульское лежатъ на одной общей оси, проходящей съ сѣверо-востока на юго-западъ, и представляютъ какъ бы одно цѣлое, залегающее между вер-

шиной р. Барлыка на одномъ концѣ и вершиной р. Бурчума, вытекающаго изъ Куйтуна и текущаго въ Черный Иртышъ, — на другомъ. Это единственное мѣсто, гдѣ системы Енисея и Иртыша подходятъ близко одна къ другой. Три соединенныя плоскогорья можно принять за базисъ Алтайской системы.

На западной сторонѣ долины Катуни лежитъ Абайское плоскогорье; оно достигаетъ 3,588 ф. высоты надъ уровнемъ моря, и здѣсь уже возможно земледѣліе. Абайская степь невелика; но плоскогорье это, примыкая къ южной подошвѣ Коргонскаго хребта, продолжается на сѣверной сторонѣ хребта подъ названіемъ Канской степи. Съ восточной части этой степи воды сбѣгаютъ въ долину Урусула, съ западной — въ долину Чарыша. Въ Канской степи въ послѣднее время появилась заимка купца Мокина, съ церковью, но крестьянскаго селенія еще нѣтъ. Канская степь была прежде любимымъ мѣстомъ кочевниковъ; въ прошломъ

Видъ на Алтай.

столѣтіи здѣсь кочевалъ самый важный изъ алтайскихъ зайсановъ — зайсанъ Омбо, вслѣдствіе чего весь народъ алтайскій былъ извѣстенъ у Русскихъ подъ названіемъ Канской землицы. Съ сѣвера Канскую степь ограждаетъ рядъ бѣлковъ (альповъ), который продолжается отсюда на западъ и востокъ; западный конецъ этого ряда служитъ правымъ бокомъ долины Урусула, восточный — лѣвымъ, такъ что обѣ долины ограничены съ сѣвера однимъ и тѣмъ же гребнемъ. Бѣлки, т. е. снѣжныя горы, входящія въ составъ этого гребня, носятъ разныя названія: надъ Чарышемъ гребень называется Талицкимъ, надъ Урусуломъ — Семинскимъ; послѣдній на востокѣ упирается въ долину Катуни.

Это будетъ по нашему счету четвертая цѣпь, самая сѣверная и послѣдняя; къ сѣверу отъ нея простирается сибирская низменность. Въ этой области Алтая горы уже не достигаютъ тѣхъ исполинскихъ размѣровъ, какъ въ юго-восточной его части; на Коргонскихъ бѣлкахъ, которые выше другихъ, только на сѣверной сторонѣ лежитъ мѣстами вѣчный снѣгъ; Талицкій и Семинскій гребни къ концу лѣта безснѣжны. Коргонскіе бѣлки достигаютъ высоты 7,600 ф., а въ вырѣзкахъ высота гребня спускается до 6,300 ф. Еще менѣе значительна высота Талицкаго и Семинскаго бѣлковъ. Послѣдній крутымъ восточнымъ концомъ упирается въ долину Катуни и,

вмѣстѣ съ горами праваго берега, запираетъ долину Катуни; удобный путь внутрь Алтая лежитъ поэтому не по долинѣ, а западнѣе Семинскаго бѣлка; дорога, ведущая туда, поднимается по живописной долинѣ р. Семи, и въ вершинахъ ея переваливаетъ черезъ западное крыло Семинскаго бѣлка, на высотѣ около 6,000 футовъ.

Долина Катуни извивается въ широкомъ ущельѣ горъ, между двумя вышеописанными рядами плоскогорій. Рѣка беретъ начало на юго-западномъ склонѣ горы Бѣлухи и до Семинскаго бѣлка дѣлаетъ четыре колѣна: сначала течетъ на юго-западъ, потомъ на сѣверъ, на востокъ, наконецъ, опять на сѣверъ; два верхнія колѣна носятъ дикій горный характеръ; среднее и нижнее колѣна находятся между устьями Коксу и Чуи; средняя высота этой послѣдней части долины опускается отъ 3,000 до 2,000 футовъ. Какъ долина самой Катуни, такъ и многочисленныя побочныя долины удобны для земледѣлія; здѣсь не только успѣшно воздѣлывается рожь, но хорошо вызрѣваетъ и пшеница; осѣдлое населеніе этой долины ничтожно, но не вслѣдствіе физическихъ причинъ; весь Алтай считается кабинетской землей, и разрѣшеніе на заселеніе его зависитъ отъ Горнаго Управленія алтайскими заводами, которое до послѣдняго времени считало заселеніе этого богатаго края вреднымъ, будто бы, для интересовъ Кабинета.

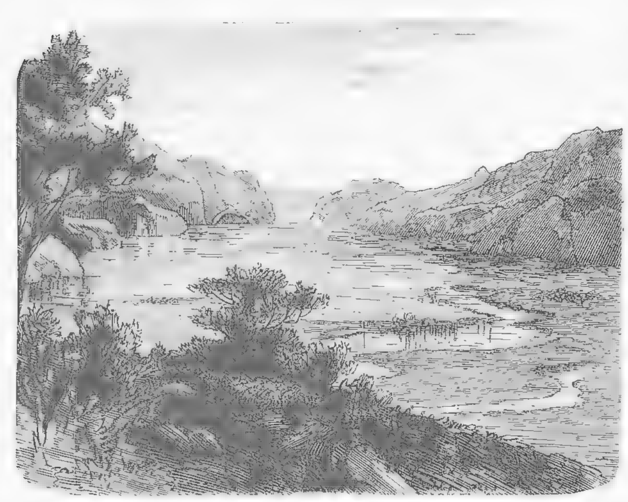

Долина рѣки Чарыша.

Отъ описанія центральнаго Алтая перейдемъ теперь къ описанію его западной части. Изъ четырехъ притоковъ Оби, берущихъ начало въ Алтаѣ (Песчаная, Ануй, Чарышъ, Алей), только Чарышъ беретъ начало внутри Алтая, вблизи Канскаго плоскогорья; остальные три берутъ начало въ сѣверныхъ предгорьяхъ Алтая. Поэтому горная часть Чарыша длинна; она ограничена съ одной стороны Талицкими и Башалацкими бѣлками, съ другой—Коргонскими и Тигерецкими; это одна изъ прекрасныхъ и плодороднѣйшихъ долинъ Алтая, съ осѣдлымъ населеніемъ изъ русскихъ крестьянъ, которое, къ сожалѣнію, очень рѣдко въ верхней части долины по той же причинѣ, какъ и въ долинѣ Катуни. Долина Чарыша разрѣзываетъ полосу сѣверныхъ предгорій Алтая на двѣ различныя по характеру половины. Къ востоку отъ Чарыша Алтай кончается крутымъ склономъ, опушеннымъ густой чернью, т. е. смѣсью лиственицъ и елей, къ которымъ на гребнѣ примѣшиваются кедровыя рощи. Этотъ склонъ и виденъ изъ города Бійска въ формѣ цѣпи горъ, синеватые силуэты которыхъ рѣзко поднимаются на горизонтѣ надъ равниной, далеко стелющейся къ югу отъ города. Къ западу отъ Чарыша сѣверная окраина Алтая носитъ совсѣмъ другой характеръ. Это — область гранитныхъ и порфировыхъ горъ, покрытыхъ сосновымъ лѣсомъ и составляющихъ отдаленные отроги Холзуна и Тигирецкихъ бѣлковъ; гранитныя гряды пересѣкаютъ страну въ различныхъ направленіяхъ и иногда поднимаются въ видѣ отдѣльныхъ значительныхъ массъ, въ родѣ горъ Синюхи (4,500 ф.) и Ревнюхи (3,300 ф.). Это—самыя высокія точки въ этой странѣ. Онѣ стоятъ впрочемъ на заднемъ планѣ, высылая впередъ себя въ равнину болѣе мелкія, многочисленныя гряды, постепенно мельчающія и переходящія въ гранитную степь.

Путешественникъ, приближающійся къ этой части Алтая отъ Барнаула, синеву предгорій

начинаетъ различать уже отъ станціи Бѣлоглазовой; со слѣдующей станціи (Калмыцкіе-мысы), за 70 верстъ отъ предгорій, онъ ясно начинаетъ различать три ряда горъ: ближайшій рядъ, состоящій изъ горъ Вострухи и Игнатихи; за нимъ поднимается болѣе высокая Синюха, за которой виднѣются еще болѣе высокіе Тигерецкіе бѣлки. Эта часть Алтая, густо населенная крестьянами, богата романтическими картинами, составленными изъ разорванныхъ гранитныхъ скалъ; нагота капризно нагроможденныхъ глыбъ декорирована густой зеленью кустарниковъ жимолости и дикихъ розъ; многолѣтнія сосны, укрѣпясь корнями въ пазахъ между глыбами, взбираются чуть не на вершину скалы, которая бываетъ часто покрыта сбѣгающими внизъ потоками бѣлой, точно известковой, жидкости, — знакъ, что скала служитъ наблюдательнымъ пунктомъ для большой хищной птицы; массивность скалъ еще болѣе смягчается висящими съ карнизовъ и тихо колеблемыми вѣтромъ плетями крыжовника и ломоноса (Clematis), увѣшаннаго пучками серебряныхъ прядей. Въ этой-то части Алтая находится знаменитое Колыванское озеро, которое было описано многими путешественниками и оригинальный видъ котораго часто встрѣчается въ учебникахъ геологіи и физической географіи.

Видъ Колыванскаго озера.

Три большія западныя долины, орошаемыя рѣками Убой, Ульбой и Бухтармой, открываются къ большой сибирской рѣкѣ Иртышу. Уба, средняя по величинѣ, по положенію самая сѣверная изъ этихъ долинъ. Начало ея лежитъ довольно глубоко внутри Алтая, и вершины рѣки сходятся частью съ вершинами Чарыша, частью съ вершинами р. Коксуна, текущаго на востокъ, въ Катунь. Верхняя половина теченія проходитъ въ дикой тѣснинѣ, которую рѣдко посѣщали путешественники; нижняя же половина просторна и сопровождается скалистыми горами почти до впаденія рѣки Убы въ Иртышъ. Прекрасныя мѣста въ нижней части долины, удобныя для земледѣлія, давно привлекли въ эту часть долины крестьянское населеніе; въ верхней же части ея, густо покрытой растительностью, разсѣяно множество пасѣкъ.

Долина р. Ульбы болѣе извѣстна и описана, потому что была чаще посѣщаема путешественниками, которыхъ сюда привлекалъ научный интересъ, связанный съ существованіемъ въ ней богатаго серебрянаго Риддерскаго рудника. Рудникъ лежитъ въ верхней части долины, имѣющей одинъ удобный выходъ внизъ по рѣкѣ; въ другія же, сосѣднія съ нею мѣстности, ведутъ малодоступныя горныя тропинки, взбирающіяся на высокіе до 3,000 ф. перевалы. Съ южной стороны котловины надъ нею возвышается Ивановскій бѣлокъ (6,768 фут. надъ уровнемъ моря), на который Риддерцы любятъ устраивать кавалькады, особенно если рудникъ посѣтитъ какой-нибудь важный путешественникъ.

Риддерскій рудникъ — единственное большое селеніе въ Алтаѣ, которое такъ близко помѣщается къ бѣлкамъ, что въ нѣсколько часовъ горной ѣзды кавалькада можетъ достигнуть альпійскихъ полей, на которыхъ путешественникъ, вступающій въ Алтай, впервые знакомится съ альпійской флорой этого хребта. Поляны, покрывающія мягкіе скаты бѣлка, усѣяны цвѣтами синихъ горечавокъ, а гдѣ скатъ обнажается отъ дерновой подушки, — каменныя ступени его

устилаются какъ бы лакированными широкими листьями бадана, или мелкозазубренной листвою Dryas octopetala.

Ниже Риддерскаго рудника долина Ульбы съуживается и особенно живописною становится ниже деревни Бутачихи; отвѣсныя скалы упираются въ воду; дорога мѣстами искусственно прорвана въ подошвѣ отвѣсныхъ утесовъ, бока которыхъ картинно поросли цвѣтущими исполинскими травами; яркосиніе султаны прикрыта (Aconitum Lycoctonum), пурпуровые мясистые цвѣты ясенца (Dictamnus Fraxinella), крупные лазоревые колокольчики аденофоры (Adenophora liliifolia) и розовые раструбистые цвѣты, нанизанные на косо поднимающіеся въ воздухъ стебли мальвовыхъ кустовъ, чередуются здѣсь между собою; къ этому морю исполинскихъ цвѣтовъ нужно прибавить еще дикій піонъ (Paeonia anomala) съ его пунцовыми цвѣтами. Древесная растительность долины состоитъ изъ тополей, березъ, осинъ, ивъ и черемухи, ко-

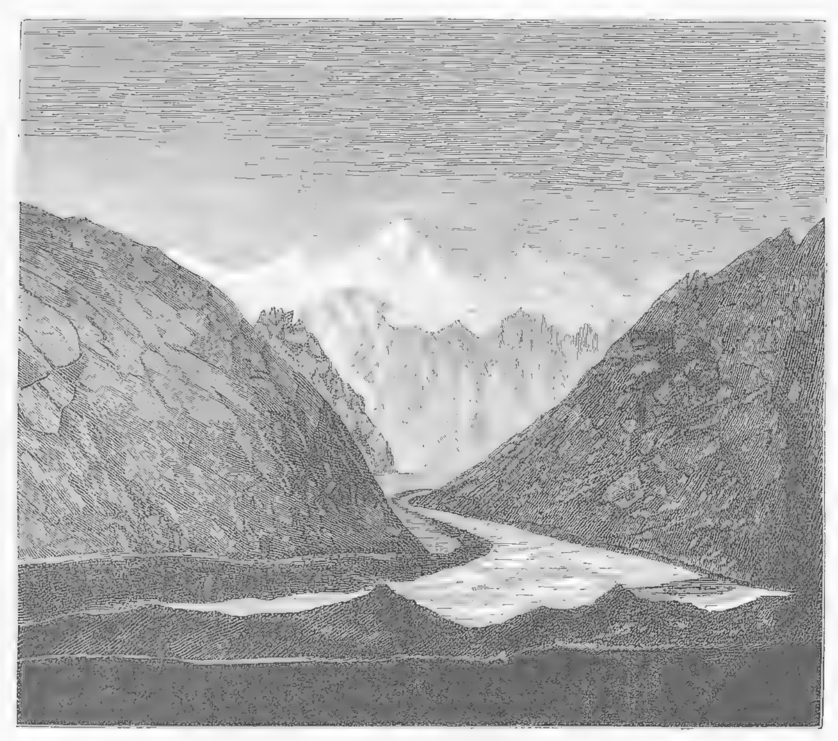
Берегъ Колыванскаго озера.

торые обращаютъ ее въ естественный паркъ. Ниже деревни Тарханской и горы Ульбинской долины начинаютъ сглаживаться, но береговые утесы сопровождаютъ рѣку съ лѣвой стороны почти до ея впаденія въ Иртышъ, близъ города Устькаменогорска.

Третья большая западная долина въ Алтаѣ — Бухтарминская. Она имѣетъ около 300 верстъ длины и по величинѣ — вторая въ Алтаѣ послѣ долины Катуни. Начало ея лежитъ у центральнаго плоскогорья Укэкъ, между двумя исполинами — Бѣлухой и Куйтуномъ; нижній конецъ долины открывается въ долину Иртыша, выше его прорыва между Алтаемъ и Калбой; урочище Чиндагатуй, находящееся въ восточномъ концѣ долины и прилегающее къ подъему на плоскогорье Укэкъ, лежитъ на абсолютной высотѣ 6,195 ф., крѣпость же Бухтарминская, при устьѣ р. Бухтармы — на высотѣ 1,301 ф. Отъ этой разницы въ высотѣ надъ уровнемъ моря происходитъ разнообразіе въ характерѣ растительности и пейзажа, такъ что ни одна долина въ Алтаѣ не отличается такими контрастами, какъ долина Бухтармы. Въ восточной ея части путешественникъ видитъ себя среди разнообразныхъ, часто величественныхъ горныхъ видовъ; горные скаты, покрытые лист-

веничнымъ лѣсомъ, террасы съ густой и высокой травой, въ которой скрывается человѣкъ, быстрыя горныя рѣки, черезъ которыя опасно переходить вбродъ, водопады, живописныя озера, окруженныя горами, и нерѣдко надъ всѣмъ этимъ сверкающая на солнцѣ снѣжная вершина Бѣлухи, — вотъ черты, изъ которыхъ слагаются картины въ верхней части Бухтарминской долины, вмѣсто безлѣсныхъ горъ и террасъ со степной, низкорослою и къ серединѣ лѣта выгорающею травой, чѣмъ характеризуется западная часть этой же долины.

Рѣка Бухтарма составляется изъ трехъ истоковъ; самый значительный—южный — называется Бѣлой Бухтармой и вытекаетъ изъ горы Куйтунъ; средній называется Чиндагатуй, сѣверный — просто Бухтармой; два послѣдніе вытекаютъ изъ озеръ, окруженныхъ каменными болотами. Бѣлая Бухтарма, до соединенія съ двумя другими рѣками, быстро несется въ глубокой долинѣ, покры-

Берельскій ледникъ и Бѣлуха.

той хвойнымъ лѣсомъ, усиливаясь на пути множествомъ притоковъ, которые изливаются въ нее съ сосѣднихъ бѣлковъ; дно долины завалено громадными гранитными валунами, чрезъ которые вода скатывается въ видѣ каскадовъ и водопадовъ; такъ какъ дорога по Бухтарминской долинѣ на плоскогорье Укэкъ (и далѣе въ Кобдо) проходитъ по южной сторонѣ ея, то Бѣлая Бухтарма, пересѣкающая долину съ юга на сѣверъ, представляетъ самое важное затрудненіе къ развитію торговыхъ сношеній по этой дорогѣ; недавно на ней былъ выстроенъ мостъ, но рѣка, говорятъ, успѣла уже разрушить его. Мѣста, окружающія урочище Чиндагатуй, гдѣ сливаются три рѣки, безводны, только внизъ отъ Чиндагатуя начинаются зимовки Киргизовъ, русскія же осѣдлыя поселенія начинаются съ устья Берели, гдѣ въ послѣдніе годы возникла деревня. Долина Берели служитъ лучшимъ путемъ изъ долины Бухтармы къ горѣ Бѣлухѣ и Берельскому леднику. Если смотрѣть на Бѣлуху съ юга, то есть изъ долины Бухтармы, она представляется въ видѣ двухъ остроконечныхъ шпицевъ и роговъ, раздѣленныхъ между собою горизонтальнымъ гребнемъ. Не только эти два шпица, но и раздѣляющій ихъ гребень выше всѣхъ

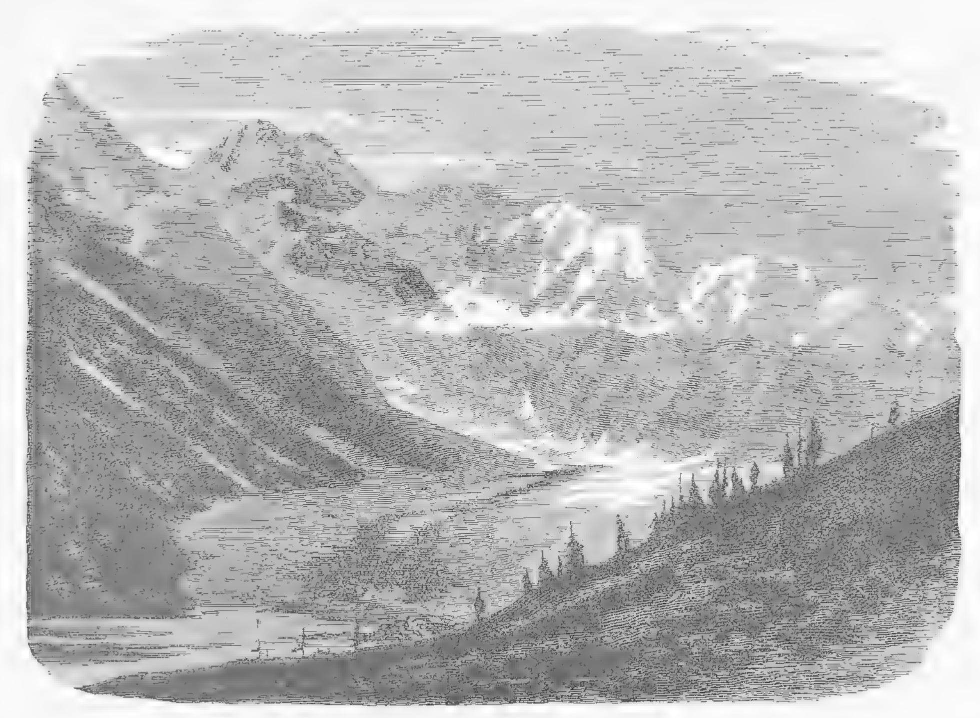
окружающихъ измѣренныхъ вершинъ Алтая, такъ что Геблеръ, единственный ученый, посѣтившій Бѣлуху, полагаетъ, что высота ихъ достигаетъ 11,000 футовъ. Съ Бѣлухи скатываются два ледника, одинъ въ долину Берели, другой въ долину Катуни.

Къ Берельскому леднику дорога идетъ отъ Коксунскаго озера. Отъ озера ѣдутъ къ рѣчкѣ Проѣздной. Съ высокаго перевала, лежащаго въ вершинахъ р. Проѣздной, путникъ въ первый разъ видитъ двѣ вершины Бѣлухи, въ видѣ двухъ сахарныхъ головъ ослѣпительной бѣлизны. Отсюда идетъ очень крутой спускъ въ долину р. Берели; когда спускъ, покрытый коряжникомъ и лѣсомъ, кончается, передъ вами открывается долина, по которой мчится рѣка илисто-молочнаго цвѣта, до 5 саженъ ширины. Выѣхавъ къ рѣкѣ, нужно ѣхать вверхъ по ея правому берегу, подлѣ котораго проходитъ узкій хребетъ, отдѣляющій долину Берели отъ долины Катуни. Склонъ его покрытъ богатой травянистой растительностью; тутъ попадается много крупныхъ фіалокъ и астръ; многочисленные ручьи съ шумомъ катятся въ Берель; въ травѣ протоптаны дорожки медвѣдями, которыхъ здѣсь множество. Если подняться на вершину этого хребта, то можно увидѣть долину рѣки Катуни съ ея ледникомъ и съ двуконечной Бѣлухой въ верхнемъ концѣ его. Въ зрительную трубу отсюда можно видѣть различныя подробности, какъ, наприм., осыпи снѣга около ледопадовъ и снѣжныя пропасти, кажущіяся отсюда небольшими углубленіями на снѣжномъ полѣ.

Дальнѣйшая дорога берегомъ Берели становится болѣе и болѣе затруднительною; путь дѣлается каменистымъ и мѣстами лѣсистымъ, вѣтви хлещутъ по лицу, лошади спотыкаются о камни; такъ приходится ѣхать до рѣчки, которая впадаетъ въ Берель слѣва, вырываясь изъ ущелья. Далѣе дорога становится ровнѣе. Приближаясь къ вершинамъ Берели, видишь прежде всего гигантскую морену. Она представляется въ видѣ вала саженъ до 10 высоты; Берель пробиваетъ путь черезъ нее. Выше надъ валомъ лежитъ темный и грязный ледникъ; снѣгъ и остатки лавинъ лежатъ по бокамъ ледника. Ледникъ имѣетъ здѣсь сѣверо-западное направленіе. Позади старой морены выходятъ два глетчера изъ ущелій съ правой и лѣвой стороны, сопровождаемые боковыми моренами, и потомъ соединяются въ одинъ; посрединѣ соединеннаго ледника проходитъ средняя морена въ видѣ огромной насыпи. Съ правой стороны ледника, между нимъ и бокомъ ущелья, есть промежутокъ, которымъ и проходитъ дорога; отсюда ледникъ представляется въ боковомъ фасадѣ. Конечная морена окаймляетъ ледникъ полукругомъ; ледникъ почти до половины длины покрытъ камнями и дресвой сѣраго цвѣта хлоритоваго сланца; на немъ видны трещины по направленію движенія и, обыкновенно, характеристическія полосы, идущія дугами по снѣговой его поверхности, выражая собою разность скорости движенія у краевъ и на срединѣ. Тамъ, гдѣ долина съуживается до того, что ледникъ занимаетъ всю ширину ея дна, не оставляя промежутковъ между своимъ тѣломъ и боками долины, въ главный ледникъ справа впадаютъ три побочныхъ ледника, висящихъ между тремя скалами. Главный ледникъ идетъ отсюда на сѣверо-западъ, прилегая однимъ своимъ бокомъ къ хребту, который раздѣляетъ долины Берели и Катуни; съ этого хребта не мало боковыхъ ледниковъ и ледопадовъ упадаютъ въ главный ледникъ; вершина хребта обильно покрыта снѣгомъ, который мѣстами нависъ надъ скалами въ видѣ шапокъ.

Чтобы отсюда попасть на восточную вѣтвь Берельскаго ледника, нужно пересѣчь рядъ холмовъ, раздѣляющихъ ихъ; боковая морена, на которую спускаемся съ этихъ холмовъ, состоитъ изъ острыхъ камней или глыбъ, нагроможденныхъ въ томъ же безпорядкѣ, какъ это бываетъ съ глыбами льда по берегамъ рѣкъ во время ледоходовъ; изъ морены высовываются глыбы въ 2 сажени длины. Если пройти саженъ десять по щебню и камнямъ, покрывающимъ ледникъ, то становится слышенъ гулъ ручьевъ, которые работаютъ гдѣ-то въ ледникѣ. Саженъ 30 еще далѣе поверхность ледника менѣе усѣяна камнями, подо льдомъ слышно журчанье ручья. Поверхность глетчера грязная, но гдѣ она изрыта русломъ стекающей воды, видно строеніе ледника: онъ состоитъ изъ чистаго льда, прорѣзываемаго бѣлыми полосами. Глубина рытвинъ во льду, сдѣланныхъ ручьями, до 2 саженъ. Вода въ ручьяхъ мутная,

потому что пробѣгаетъ по дресвѣ и молотой пыли морены. Ледникъ постоянно подтаиваетъ, и съ морены съ глухимъ гуломъ падаютъ камешки. Вдали же раздаются болѣе зловѣщіе и устрашающіе гулы низвергающихся на ледникъ глыбъ. Еще далѣе, въ томъ же направленіи, ледникъ становится все болѣе обнаженнымъ и появляются громадныя трещины и промоины, въ которыхъ рокочетъ вода. Встрѣчаются трещины аршина въ два ширной и до 5 саженъ глубиной, какъ будто проникающія ледникъ до дна. На глубинѣ трещины ледъ получаетъ голубой оттѣнокъ. Подойдя къ этой зіяющей ледяной безднѣ, внутри которой сверкаютъ небесно-голубые своды, нельзя, не смотря на чувство опасенія, не испытать восторга передъ явленіемъ, котораго такъ жадно и съ опасностью жизни ищутъ альпійскіе путешественники. Въ этой же области ледника находятся огромные колодцы, moulins, куда падаютъ обильно альпійскіе ручьи и низвергаются съ шумомъ камни.

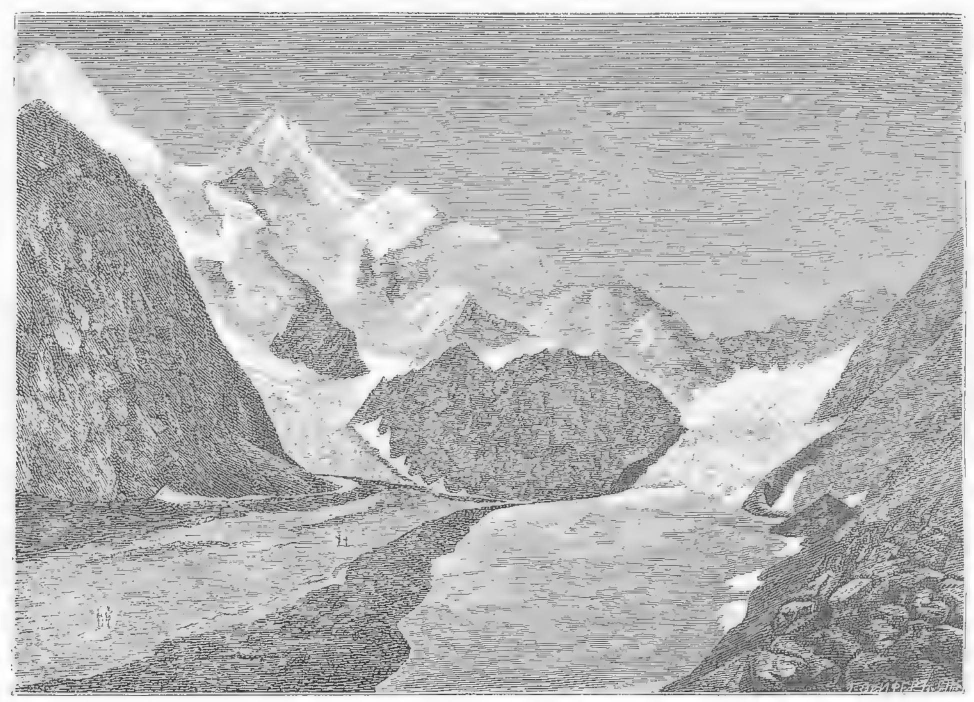

Общій видъ Катунскаго ледника.

Для того, чтобы изъ долины Берели попасть въ долину Катуни, нужно перевалить черезъ раздѣляющій ихъ хребетъ. Версты за двѣ до ледника, съ горъ открывается свободный видъ на верхнюю часть Катунской долины. Катунь вьется бѣлою лентою, съ мутными отъ песка моренъ водами, сажени 4 ширной. Обѣ бѣлоснѣжныя вершины Бѣлухи, такъ называемые Катунскіе столбы, какъ и ледяное море, спустившееся въ долину, видны во всей ихъ красотѣ. Вершины Бѣлухи соединяются поперечнымъ хребтомъ, какъ бы мостомъ, покрытымъ снѣгомъ; съ этого хребта спускаются глетчеры. Отъ поперечнаго хребта отдѣляется огромная стѣновидная скала, какъ перегородка, раздѣляющая ледникъ на два потока. По сторонамъ этой стѣны глетчеръ выходитъ двумя воротами при весьма крутомъ паденіи, образующемъ огромные ледопады. Ниже ледникъ принимаетъ менѣе отвѣсное паденіе, образуя ледяное поле, раскинутое по долинѣ. Это — огромное, отъ 300 до 400 саж. ширины, mer de glace сибирскаго Монъ-Блана. Издали уже на немъ видны рѣзко обозначившіяся четыре морены, — двѣ среднихъ и двѣ крайнихъ, — которыя, разсыпавшись по нижней части ледника, покрываютъ его грязнымъ налетомъ; у

подножія ледника лежатъ гигантскія насыпи старыхъ моренъ. Обогнувъ съ запада поперечный скалистый гребень, лежащій на лѣвомъ боку, ледникъ падаетъ двумя рукавами, протискиваясь среди скалъ; изъ-за западнаго шпиля выходитъ боковой глетчеръ съ крутымъ ледопадомъ и огромными моренами; движеніе этого-то боковаго глетчера и образовало одну изъ среднихъ моренъ, тогда какъ другая морена образована соединеніемъ восточнаго и западнаго ледниковъ. Всего, стоя на горѣ, можно насчитать до шести рукавовъ, снабжающихъ главный ледникъ.

Приближаясь къ леднику съ нижней части долины Катуни, прежде всего встрѣчаешь впереди конечной морены, саженъ за 20, холмъ въ 6 саж. высоты, состоящій изъ камней и щебня, подобно острову отдѣльно стоящій на днѣ долины Катуни. Холмъ этотъ показываетъ, что когда-то Катунскій глетчеръ былъ гораздо длиннѣе; по догадкѣ ученаго Геблера, этотъ холмъ — остатокъ смытой старой морены; эта догадка имѣетъ вѣроятіе, такъ какъ съ лѣвой сто-

Катунскій глетчеръ и Бѣлуха — Сибирскій Монбланъ.

роны холма проходитъ теперь Катунь, съ правой же видны слѣды старыхъ потоковъ: два потока, повидимому, размывали старую морену и оставили несмытою только ея середину. Впереди новой конечной морены находятся подобныя же насыпи, среди которыхъ имѣются разрывы. Пройдя рядъ этихъ старыхъ моренъ, поднимаешься на позднѣйшій валъ, покрытый щебнемъ, осколками и глыбами острыхъ камней. Подъ ними обнаруживается мощь ледника саженъ въ пятнадцать толщиной; размытый и растрескавшійся мѣстами, онъ представляетъ массы льда, перемѣшанныя съ грязью и обломками камней. Повсюду журчатъ ручьи, въ которые повременамъ съ шумомъ сваливаются камни и цѣлыя глыбы; осколки льда, свалившіеся отъ подмыванія, скопляются при концѣ ледника и медленно таютъ, отчего тутъ образуются грязь и насыпи вытаявшаго мусора. Таяніе изборождило конецъ ледника самыми причудливыми пещерами, сводами, холмами. Пройдя нѣсколько шаговъ по насыпямъ и оторваннымъ глыбамъ, достигаешь ледяного грота, изъ котораго вытекаетъ Катунь. Безъ восхищенія нельзя смотрѣть на эту оригинальную картину. Видъ этого отверстія измѣняется по временамъ года

Этотъ живописный истокъ Катуни изъ ледника находится въ 200 саж. отъ начала моренъ. Въ другое время года, по словамъ туземцевъ-охотниковъ, надъ Катунью бываетъ такая глубокая ледяная пещера, что въ нее заходятъ табуны мараловъ. Другая вѣтвь Катуни пробиваетъ себѣ дорогу сверхъ ледника черезъ трещину и низвергается въ пропасть каскадомъ, несущимся по льду.

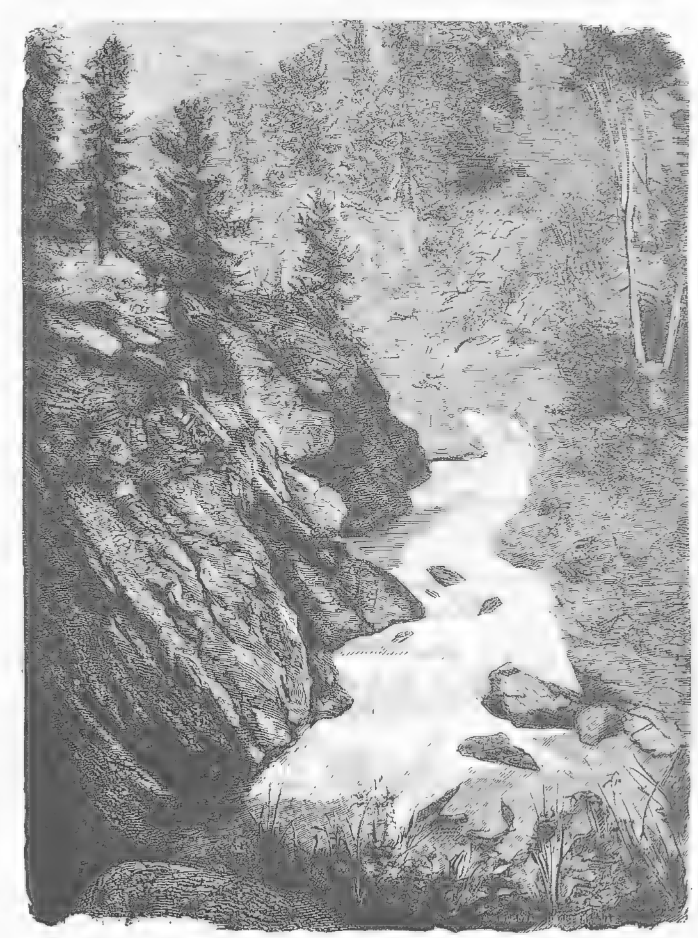
Выше истока Катуни изъ ледника поверхность его едва прикрыта легкимъ слоемъ щебня и гальки; по длинѣ его идутъ промоины и трещины до $^3/_4$ аршина ширины; въ глубинѣ ихъ бѣгутъ ручьи. Ячеистый, мутный, снѣговидный цвѣтъ льда здѣсь начинаетъ измѣняться. Ледъ въ трещинахъ принимаетъ темнозеленоватый оттѣнокъ. Края трещинъ ровны, но прорѣзъ вглубь косвенный. Въ глубинѣ трещинъ лежатъ камни. Саженяхъ въ 300 отъ конца ледника показывается чистое снѣжное поле, покрытое ледяными столами, т. е. камнями, лежащими на высокихъ ледяныхъ подставкахъ, которые находятся здѣсь во множествѣ; они наклонены въ большинствѣ случаевъ на юго-востокъ; южная сторона ихъ всегда открываетъ чистую ледяную подставку, тогда какъ сѣверная покрыта большею частью щебнемъ и камнями. На поверхности ледника струится множество ручьевъ съ температурою около 0°.

Рѣка Катунь.

Повсемѣстно происходитъ таяніе, мѣстами среди снѣга стоятъ резервуары воды. На разстояніи 500 саженъ отъ конца, ледникъ принимаетъ волнообразный видъ, изрытый трещинами, имѣющими косвенное направленіе; трещины эти имѣютъ отъ поларшина до сажени ширины. На днѣ ихъ видны глыбы камней, вода же здѣсь находится въ спокойномъ состояніи, какъ въ озерахъ. Цвѣтъ льда въ трещинахъ зеленоватый. Такой волнообразный и выпуклый видъ ледникъ сохраняетъ на протяженіи 4 верстъ до нижняго конца ледяного моря, mer de glace, отъ котораго до вершинъ Бѣлухи остается еще двѣ версты. Восточный рогъ отсюда кажется нѣсколько овальнѣе и ниже, на немъ видны утесистые обрывы, на которыхъ не можетъ держаться снѣгъ и происходятъ снѣжные обвалы. Западный представляется чистымъ снѣжнымъ конусомъ; снѣгъ, спускаясь съ вершины, имѣетъ мѣстами поперечные разрывы. На склонахъ выступаютъ острыя скалы, между которыми глетчеръ пробирается «ледяною змѣею». Отъ двухъ роговъ Бѣлухи ледникъ идетъ тремя рукавами, представляя до слитія съ главнымъ русломъ у гребня множество ледопадовъ. Паденіе ихъ представляетъ неправильныя ступени и ребра причудливо нагроможденнаго снѣга и льда; онѣ кажутся бѣлоснѣжными сверху, и на бокахъ окрашиваются зеленоватыми оттѣнками. Цѣлые столбы, башни, пирамиды громоздятся здѣсь. Эти гигантскія постройки иногда висятъ на склонахъ и временами падаютъ съ потрясающимъ шумомъ; ледникъ оглашается тогда точно пушечнымъ выстрѣломъ; временами слышны глухіе раскаты отдаленныхъ лавинъ, къ которымъ присоединяются звуки отъ падающихъ въ трещины камней.

Ниже Берели, природа въ долинѣ Бухтармы привѣтливѣе, суровый климатъ смѣняется теплымъ, дожди и градъ, которые часто падаютъ на высокихъ горахъ, рѣже, и долина

становится удобною для хлѣбопашества. Впрочемъ, подлѣ рѣки поселенія начали основываться только послѣ 1869 года, когда эти мѣста вошли въ составъ имперіи. Ранѣе, часть Бухтарминской долины, отъ вершины до Чингистая, принадлежала Китаю, и здѣсь проходила только линія монгольскихъ карауловъ. Съ присоединеніемъ края къ Россіи стали здѣсь заводиться русскія казачьи и крестьянскія селенія. На правомъ же берегу Бухтармы, въ многочисленныхъ, сильно развѣтвленныхъ долинахъ южнаго склона Холзуна, издавна жили такъ называемые каменьщики, т. е. бѣглые переселенцы, укрывавшіеся въ скалистыхъ мѣсностяхъ — камняхъ, поселившіеся здѣсь въ XVIII вѣкѣ, многими деревнями. Характеръ лѣсистыхъ горъ и травянистыхъ террасъ сохраняется до Чингистая; къ западу отсюда долина Бухтармы, ограниченная двумя высокими хребтами, однимъ (Холзунъ), идущимъ отъ Бѣлухи, другимъ — отъ Куйтуна, расширяется и становится степною.

Видъ долины Катуни въ верхнемъ теченіи.

Намъ остается сказать нѣсколько словъ о восточной части Алтая. Объ ней очень мало извѣстно, потому что очень немногіе путешественники посѣщали этотъ малодоступный и дикій край, покрытый дремучей чернью. Эта малодоступность обусловливается частью густотой лѣсовъ, частью крутизной горъ; долины здѣсь по большей части сдавлены отвѣсными скалами, съ которыхъ нерѣдко изливаются живописные водопады; рѣки пересѣчены порогами; на горныхъ скатахъ, куда сворачиваетъ путешественникъ, чтобъ обойдти недоступную часть рѣчной долины, его встрѣчаютъ другія препятствія — лѣсная чаща, засоренная буреломомъ, или каменное болото.

Главный кряжъ проходитъ по восточной окраинѣ страны и отдѣляетъ вершины притоковъ Телецкаго озера отъ системы Кемчика; высокіе и трудно проходимые перевалы ведутъ изъ одной системы въ другую; самый южный перевалъ, Шайшалъ (10,564 фут. надъ уровнемъ моря), лежитъ къ сѣверу отъ озера Джувлукуль; сѣвернѣе его лежитъ проходъ Косеръ, а еще сѣвернѣе — третій перевалъ въ вершинахъ рѣки Чульчи; послѣдній удобнѣе другихъ, и по нему ѣздятъ бійскіе торговцы съ товарами въ долину Кемчика. Первые два перевала менѣе доступны; здѣсь всадники принуждены по обледенѣлымъ глыбамъ карабкаться на крутую гору; въ вершинахъ Чульчи дорога проходитъ по гористой мѣстности, усѣянной озерами: Иты-коль, Джилдисъ-коль

(озеро звѣздъ), Черн-коль и Кара-коль. На всемъ пространствѣ отъ Шайшала до Иты-коля мѣстность представляется непріятной и холодной; путь подлѣ западнаго склона кряжа, о которомъ только и имѣются извѣстія, потому что на восточномъ склонѣ еще никто не былъ изъ путешественниковъ, жмется къ гребню кряжа, такъ какъ при подошвѣ разстилаются болота и путешествіе затрудняется свалившимися съ гребня глыбами гранита и сіенита. Гдѣ эти глыбы смѣняются глинистой почвой и поверхность становится ровнѣе, — опять не радость путешественнику, потому что здѣсь ему приходится вязнуть въ болотѣ, которое издали уже узнается по зарослямъ карликовой березы (Betula nana); растительность здѣсь скудна; изрѣдка только путника обрадуетъ заросль бадана (Saxifraga crassifolia) или лапчатки (Potentilla anserina).

Страна между этимъ кряжемъ и долиной р. Катуни представляетъ три большія долины рѣкъ: Башкауса, Чулышмана и Чульчи; эти рѣки соединяются на сѣверѣ и впадаютъ общимъ русломъ въ Телецкое озеро. Всѣ три долины отличаются малодоступностью; Чулышманъ беретъ начало изъ озера Джувлу-куль и течетъ сначала по ровной мѣстности, но берега его здѣсь недоступны, вслѣдствіе окружающихъ болотъ; вскорѣ затѣмъ онъ вступаетъ въ щеки (скалы), за которыми слѣдуетъ расширеніе долины; за нимъ рѣка снова скрывается въ щекахъ, и только къ самому устью долина снова нѣсколько раскрывается. Доступнѣе окрестности верхнихъ частей Башкауса, онѣ окружены пологими скатами горъ; аллювіальная долина рѣки здѣсь тоже широка, поэтому долина Башкауса представляетъ хорошее мѣсто для пастбищъ Теленгутовъ, которые проводятъ здѣсь зиму, переходя съ лѣтнихъ кочевьевъ по Чуѣ; попасть однако въ эту мѣстность трудно, — съ Чуи приходится переваливать черезъ высокія горы съ снѣжными вершинами и озерами, покрытыми льдомъ круглый годъ (еще неприступнѣе мѣстность, отдѣляющая Башкаусъ отъ долины Катуни, вслѣдствіе крутизны и скалистости проходящихъ тутъ горъ), а выходъ внизъ по долинѣ совсѣмъ немыслимъ, потому что здѣсь рѣка на протяженіи 40 верстъ течетъ между двумя отвѣсными стѣнами, съ которыхъ падаютъ живописные штауббахи; одинъ изъ такихъ водопадовъ видѣлъ извѣстный нашъ путешественникъ, ботаникъ Бунге.

Впаденіе рѣки Чили въ Телецкое озеро.

Рѣка Чулышманъ, принявъ въ себя Чульчу и Башкаусъ, изливается въ южный конецъ Телецкаго озера; озеро это имѣетъ 175 в. длины; озеро въ самомъ широкомъ мѣстѣ достигаетъ 6 верстъ; берега озера живописны не менѣе береговъ озера четырехъ кантоновъ (Фирвальштетскаго) въ Швейцаріи; они состоятъ изъ скалъ, то отвѣсно падающихъ надъ водой, то далеко вдающихся внутрь озера длинными (около версты) мысами; скалы преимущественно состоятъ изъ сланцевъ, пласты которыхъ поставлены отвѣсно; западный берегъ круче восточнаго, особенно въ южной части озера, гдѣ сланецъ смѣняется гранитомъ; мелкія рѣчки, струящіяся въ озеро, часто ниспадаютъ со скалъ водопадами; на восточной сторонѣ путешественникъ Гельмерсенъ, посѣтившій озеро въ 1834 году, видѣлъ три водопада: Иита, Аюкеч-

несъ и Атальшъ, на западной два: Агачка и Аюкечнесъ. Хвойный лѣсъ изъ елей и лиственицъ, покрывающій своей щетиной крутые хребты мысовъ, увеличиваетъ угрюмый характеръ картины озера, особенно въ его сѣверной съуженной части; въ южной половинѣ, гдѣ озеро шире, видъ его привѣтливѣе и ландшафтъ просторнѣе; на заднемъ планѣ показывается вершина бѣлка Алтынъ-Тау; темный цвѣтъ воды смѣняется зеленымъ; вода здѣсь, не загороженная скалами, нагрѣвается сильнѣе; животной жизни болѣе; стаи птицъ по берегамъ виднѣются чаще. Берега озера мало населены, а западный берегъ вслѣдствіе своей неприступности вовсе не населенъ; только на сѣверномъ и южномъ берегу, да въ южной части восточнаго берега обитаютъ кочевники; въ нижней части Чулышмана производится земледѣліе: воздѣлы-

Видъ восточной бухты Телецкаго озера.

вается не только ячмень, но даже пшеница и табакъ; осѣдлыхъ поселеній на Телецкомъ озерѣ вовсе нѣтъ.

Сѣверный конецъ озера загибается на западъ и съуживается; теченіе, которое замѣтно вдоль всего озера, усиливается, и озеро постепенно превращается въ рѣку Бію, которая, на протяженіи первыхъ 30 верстъ до мѣстечка Кебезень, течетъ въ тѣснинѣ, сначала между отвѣсными стѣнами изъ сланцевъ, а потомъ между высокими гранитными горами; здѣсь плаваніе по рѣкѣ затрудняется четырьмя порогами; лодки, поднимающіяся вверхъ по рѣкѣ, проводятъ обыкновенно пустыми, а люди ѣдутъ горой; дорога, поднимающаяся на горы до высоты, на которой уже встрѣчаются сухія деревья, мѣстами спускается опять въ долину и здѣсь иногда проходитъ по карнизу, на два фута залитому водой. Ближе къ первому русскому селенію Сандыпъ, въ 90 верстахъ отъ Бійска, горы превращаются въ невысокіе береговые утесы; отъ этого селенія рѣка течетъ въ мягкихъ берегахъ; отсюда же она становится судоходною. Близъ города Бійска рѣка соединяется съ Катунью.

Городъ Бійскъ расположенъ на правомъ берегу Біи; съ одной стороны города протекаетъ рѣка, за которой разстилается песчаная равнина, перерѣзанная рощами низкорослыхъ елей, съ другой—онъ окруженъ высокимъ песчанымъ уваломъ. Въ Бійскѣ считается 6,000 жителей; въ послѣднее время этотъ городъ началъ возрастать, — въ него переселяется ежегодно значительное число крестьянскихъ семей изъ великорусскихъ губерній. Постройки въ немъ почти исключительно деревянныя; въ послѣднее время однако городъ началъ украшаться: выстроенъ новый каменный соборъ, городское каменное училище и больница. Городское училище, впрочемъ своей архитектурой скорѣе напоминаетъ мучной лабазъ, чѣмъ храмъ просвѣщенія, и тѣмъ какъ бы свидѣтельствуетъ, что верхній слой городскаго общества, преимущественно состоящій изъ купцовъ, исключительно погруженъ въ торгашескія дѣла и къ дѣлу просвѣщенія относится равнодушно. Училище плохо снабжено книгами, коллекцій нѣтъ; общественной библіотеки въ городѣ также не существуетъ. Единственное развлеченіе городскихъ жителей въ зимніе вечера — игра въ карты.

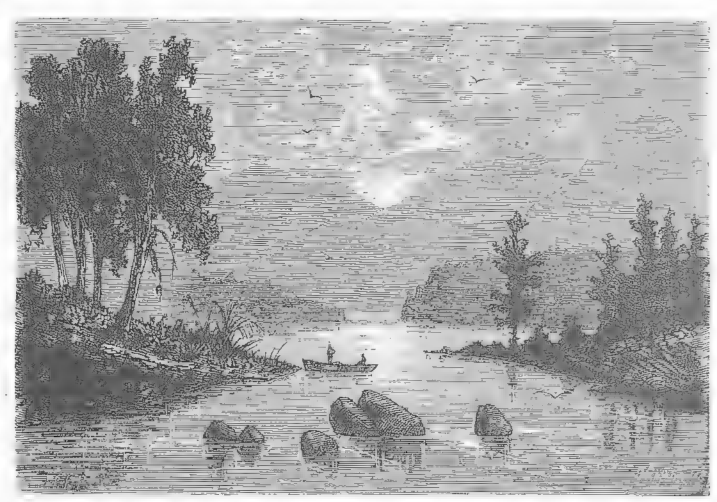

Долина р. Чулышмана.

Сѣверныя предгорья Алтая, между Катунью и Иртышемъ, окружены степью; здѣсь зимой лежитъ неглубокій снѣгъ, а лѣтомъ дожди и росы выпадаютъ рѣдко; степь покрыта низкорослой травой, которая въ половинѣ лѣта представляется уже погорѣлою. Совсѣмъ другія климатическія условія характеризуютъ глубокія долины Алтая. Зимой онѣ бываютъ завалены глубокимъ снѣгомъ; лѣто отличается дождливостью и обиліемъ росъ; это вызываетъ на склонахъ горъ богатую, какъ древесную, такъ и травяную, растительность. Распредѣленіе лѣсовъ здѣсь зависитъ отъ совокупности нѣсколькихъ условій: высоты надъ уровнемъ моря, положенія и крутизны склона. Нижнія части долинъ, открывающихся въ сибирскую низменность, поросли лиственичнымъ рѣднякомъ, въ верхнихъ же частяхъ долинъ появляется чернь, т. е. смѣсь елей, лиственицъ и кедра. Настоящая чернь раскинулась по правому берегу Катуни, вокругъ Телецкаго озера и къ сѣверовостоку отъ него, въ западномъ же Алтаѣ она встрѣчается только узкими полосами; она покрываетъ сѣверные скаты окраинныхъ бѣлковъ въ родѣ Семинскаго, Ануйскихъ, Коргонскихъ и Тигерецкихъ, а внутри Алтая только сѣверные склоны самыхъ высокихъ бѣлковъ; скаты же другихъ горъ, окружающихъ плоскогорья внутренняго Алтая, покрыты такимъ же рѣдкимъ листвякомъ, какъ и въ нижнихъ долинахъ. Алтайскіе инородцы называютъ чернь — «джишъ», а плоскогорье съ его лиственичнымъ рѣднякомъ — «тайга»; слѣдовательно подъ этимъ именемъ здѣсь разумѣется какъ разъ противоположное тому, что подъ тайгой разумѣютъ въ болѣе восточной Сибири, около Томска и въ Енисейской губерніи.

Такое распредѣленіе лѣсовъ даетъ намъ поводъ отличать на отдѣльныхъ хребтахъ Алтая три яруса: нижній ярусъ лиственичныхъ лѣсовъ, средній ярусъ черни и верхній ярусъ бѣлковъ и высокихъ плоскогорій, поднимающихся выше предѣльной линіи. Удобствами къ осѣдлой жизни отличается только нижній ярусъ; здѣсь-то и пріютился крестьянинъ со своей сохой. Ландшафтъ въ этомъ горизонтѣ обыкновенно имѣетъ такой видъ: на первомъ

планѣ дно долины, по которому тамъ и сямъ сверкаетъ рѣка; въ другихъ мѣстахъ теченіе рѣки обозначается полосой лѣса изъ березъ, черемухи, гороховника, боярышника, бузины, калины и жимолости. Бока ландшафта составляютъ скаты горъ, въ которыхъ видны врѣзанные въ нихъ вертикально нисбѣгающіе лога, опушенные черемухой, бузиной, гороховникомъ и другими кустарниками; впереди эти бока долины сближаются, но нерѣдко не замыкаютъ собою картины, а оставляютъ открытымъ видъ на отдаленныя, покрытыя уже черною горы, изъ-за которыхъ иногда выглядываетъ ослѣпительно-бѣлая вершина бѣлка. Пробужденіе растительности въ этихъ мѣстахъ открывается на горныхъ склонахъ кандыкомъ, а на глинистыхъ обрывахъ желтыми шапочками на голыхъ стволикахъ мать-и-мачихи (Tussilago farfara).

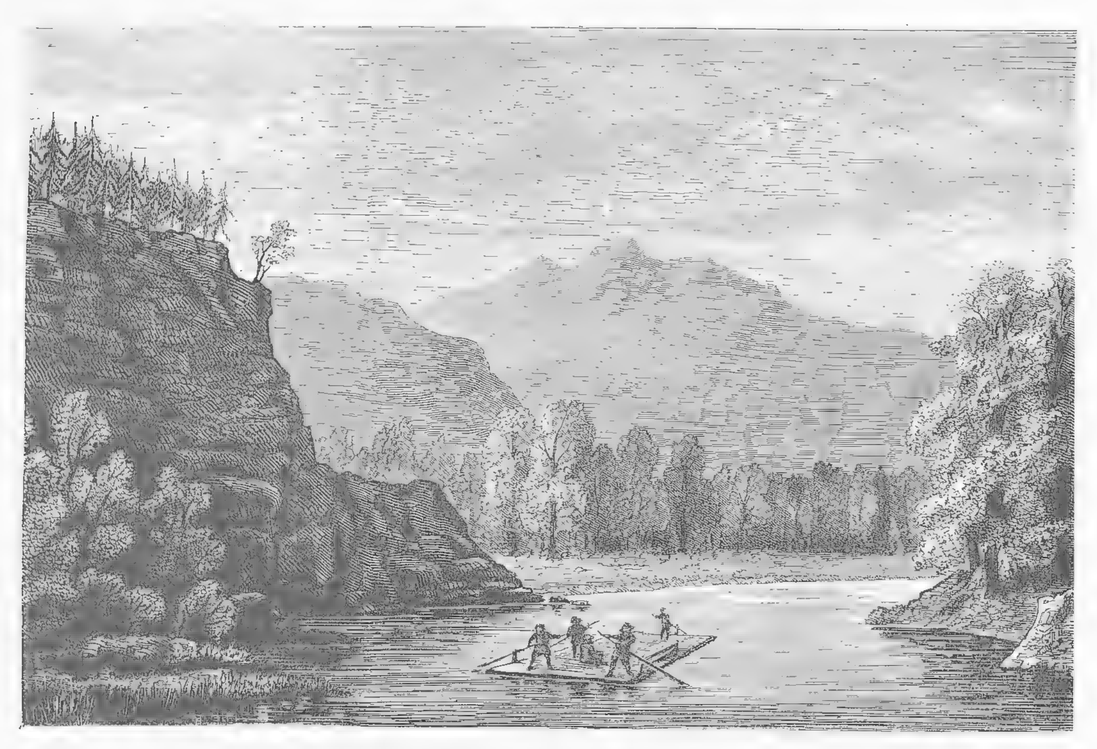
Едва только снѣжный пластъ подтаетъ и сдѣлается тонкимъ, какъ его уже прокалываетъ своимъ бутономъ первое лилейное растеніе — кандыкъ (Erythronium dens canis); обратившись своимъ раструбомъ внизъ, цвѣтокъ заворачиваетъ свои лепестки кверху, какъ поля китайской шляпы; около стебелька образуется круглая проталинка. На обнажившихся отъ снѣга гривахъ появляется вѣтренка (Pulsatilla patens), съ ея красивыми голубовато-лиловыми цвѣтами, а у подошвы скалъ, на щебнѣ, смѣшанномъ съ глиной, желтыя головки цвѣтовъ, которые мѣстные жители называютъ гнилыми кореньями (Corydalis), потому что корни ихъ какъ будто гніютъ и источены червями. Верба и медунка (Pulmonaria officinalis) даютъ уже богатую пищу пчеламъ. Въ началѣ мая луга бываютъ покрыты яркооранжевыми полосами красивыхъ цвѣтовъ купальницы (Trollius altaicus), имѣющихъ форму небольшихъ розановъ, которыми крестьянскія дѣвушки въ Алтаѣ любятъ украшать свои головы, когда водятъ хороводы.

Истокъ р. Біи изъ Телецкаго озера.

На горныхъ скатахъ въ это время мѣстами видны вертикально спускающіяся бѣлыя полосы, — это лога, курчавый лѣсъ которыхъ осыпанъ ароматическими бѣлыми цвѣтами черемухи. Къ концу мая другой кустарникъ, гороховникъ, покрывается желтыми цвѣтами. Къ концу іюня и въ началѣ іюля начинаютъ цвѣсти растенія, отличающіяся своимъ ростомъ; кипрей (Epilobium spicatum) цвѣтетъ по пустошамъ (старымъ пашнямъ) и по лугамъ, заливая ихъ малиновымъ цвѣтомъ; возлѣ рѣчекъ, близъ кустовъ черемухи и гороховника, уже отцвѣтшихъ, появляются пахучіе букеты бѣлоголовника (Spiraea), длинные цвѣтоносы прикрыта (Aconitum Lycoctonum), усыпанные синими цвѣтами, а на крутыхъ косогорахъ, какъ вѣхи, поднимаются царскія свѣчи (Verbascum Thapsus) съ толстыми, усыпанными желтыми, пахучими цвѣтками, наконечниками; здѣсь же съ половины лѣта зацвѣтаютъ кусты золотарника (Potentilla frutescens), осыпаясь и вновь набирая цвѣты непрерывно въ продолженіе всей второй половины лѣта; на сѣверныхъ скатахъ горъ, на мягкой почвѣ вырастаютъ высокіе стебли сараны (Lilium Martaagen); гдѣ мягкая почва прилегаетъ къ камнямъ, она устилается широкими кожистыми и блестящими листьями бадана (Saxifraga crassifolia), которые мѣстные жители собираютъ и употребляютъ

вмѣсто чайныхъ листьевъ; высокоствольный лукъ (Allium fistulosum) гнѣздится на неприступныхъ скалахъ, а Echinops sphaeracephalus со своими синими колючими мячиками располагается на сухомъ и голомъ каменистомъ мусорѣ, намытомъ на скатѣ весеннимъ ручьемъ. Ближе къ черни трава становится еще роскошнѣе и выше: всадники, ѣдущіе по неизмятой травѣ, видятъ другъ у друга только головы и плечи; особенно высоки бываютъ стволы нѣкоторыхъ зонтичныхъ и сложноцвѣтныхъ, а также прикрыта, синіе цвѣтоносы котораго поднимаются выше головы всадника. Замѣчательно, что этимъ ростомъ удивляютъ тѣ же виды расте-

Видъ рѣки Біи недалеко отъ ея истока.

ній, которые растутъ и въ Европѣ. Другой видъ представляетъ чернь; деревья здѣсь растутъ такой чащей, что открытыхъ видовъ не представляется; хотя нижнія части древесныхъ стволовъ отъ глухоты лѣса голы, безъ вѣтвей и хвои, но представляющійся путнику видъ ограничивается небольшимъ участкомъ внутренности лѣса; онъ видитъ передъ собой только частоколъ изъ голыхъ стволовъ, да валежникъ, лежащій въ хаотическомъ безпорядкѣ; высокіе стволы, отломленные отъ корня, лежатъ своими вершинами на вѣтвяхъ сосѣднихъ деревъ въ разнообразныхъ направленіяхъ; другіе лежатъ на землѣ, до половины уже вросшіе въ почву и покрытые сверху мхомъ; отъ иныхъ остались только обломки гнилья, свидѣтельствующіе о направленіи, въ которомъ лежала лѣсина. Зелени здѣсь не видно: подъ ногами кругомъ коричневый мохъ; вверху сухіе сучья, съ которыхъ висятъ блѣднозеленыя бороды чихрицы (Usnea barbata). Гдѣ скатъ горы круче, почва становится доступнѣе для солнечныхъ лучей и здѣсь подъ камнями гнѣздятся кустарники черной и красной смородины; если же онъ еще круче, такъ что лѣсъ на немъ рѣдѣетъ, онъ покрывается заростью альпійскихъ розъ (Rhododendron davuricum); съ подобныхъ кручъ открывается видъ на окружающія горы; гребни горъ, покрытые щетиной хвойнаго лѣса, какъ будто хребты огромныхъ свиней, тянутся подъ ногами зрителя одинъ за другимъ.

Долины альпійскихъ рѣкъ изобилуютъ огромными обломками скалъ; многіе изъ нихъ имѣютъ причудливую, фантастическую форму и поражаютъ своими размѣрами. Суевѣріе простонародья придало этимъ гигантамъ названіе заколдованныхъ.

На верхней окраинѣ черни лѣсъ становится рѣже; ель и кедръ остаются внизу, а на горы поднимается только лиственница; послѣдніе ряды деревьевъ распредѣлились вразсыпную и состоятъ по большей части изъ сухихъ стволовъ; у этой окраины лѣса начинаются поля, покрытыя альпійской растительностью; пологіе скаты покрываются здѣсь мягкой толстой подушкой изъ корней

Соединеніе рр. Біи и Катуни.

альпійскихъ травъ; изъ полосы лѣсовъ сюда еще тянутся заросли можжевельника, карликовая береза (Betula nana), золотарникъ (Potentilla fruticosa) и Dryas octopetala; на скалахъ встрѣчается кустарникъ сибирскаго барбариса, имѣющаго не болѣе 2 футовъ высоты; альпійская фіалка (Viola altaica) покрываетъ альпійскія поля въ такомъ количествѣ, что придаетъ издали господствующій цвѣтъ поверхности горы; альпійскій желтый макъ (Papaver nudicaule), блѣдножелтая горечавка (Gentiana altaica) и другіе цвѣты, свойственные только этимъ высотамъ, украшаютъ собою мягкіе скаты горы; къ нимъ присоединяются изъ растущихъ ниже: герань (Geranium pratense) и прикрытъ, но только оба эти растенія являются карликами сравнительно съ своими собратьями, живущими въ глубокихъ долинахъ: прикрытъ немного выше фута, а герань бываетъ меньше четверти. Подлѣ тающихъ снѣговъ зацвѣтаетъ первымъ алтайскій лютикъ (Ranunculus altaicus), чашечка котораго густо покрыта рыжими волосками. Здѣсь можно видѣть, какъ эти растенія легко уживаются съ холодомъ и бурями, свойственными этимъ высотамъ; падающій здѣсь нерѣдко въ срединѣ лѣта снѣгъ заваливаетъ эти цвѣты, не вредя имъ: послѣ того, какъ снѣгъ стаетъ, они продолжаютъ цвѣсти попрежнему; не мѣшаютъ имъ докапчивать свое цвѣтеніе и кусочки льда, въ которые обращаются капли воды, скопившіяся въ цвѣточной чашечкѣ.

Сообразно распаденію Алтая на горизонты, распадаются и промыслы алтайскаго крестья-

пина. Въ теплыхъ долинахъ жители занимаются земледѣліемъ и пчеловодствомъ, въ чернь и на ея верхнюю окраину крестьяне идутъ для сбора кедровыхъ орѣховъ и на звѣриный промыселъ.

Сборъ кедровыхъ орѣховъ бываетъ въ августѣ. Еще съ осени предъидущаго года дѣлаются предсказанія объ урожаѣ орѣха, потому что осенью, когда сбиваютъ орѣхи, на кедрахъ уже есть маленькія шишки, которыя должны поспѣть въ будущую осень; эти молодыя шишки называются «озимью». Урожай орѣховъ бываетъ не каждый годъ, иногда случаются промежутки по девяти лѣтъ, когда не бываетъ вовсе орѣховъ. Съ нетерпѣніемъ алтайскіе жители ждутъ августа мѣсяца; сначала какой-нибудь охотникъ за козулями, возвратясь изъ черни, привезетъ до десятка шишекъ, которыя во мгновеніе разойдутся по его роднымъ и знакомымъ, а молва, что шишки поспѣли,— по всей деревнѣ; въ ближайшее воскресенье мужчины одѣваются

Соединеніе рѣкъ Оби, Біи и Катуни.

въ платье изъ замши дикихъ козъ, — потому что всякое другое раздирается о сухія вѣтви деревьевъ, — на шею вѣшаютъ бойки, т. е. рябиновыя палки для сколачиванія шишекъ, запасаются переметными сумками и мѣшками, садятся на лошадей и отправляются въ чернь; въ деревнѣ остаются только женщины, старики и дѣти. Къ вечеру мужчины возвращаются изъ черни съ полными мѣшками и шишки распространяются по всей деревнѣ; на всѣхъ завалинахъ щелкаютъ орѣхи; мальчишки, отправляясь на игры въ поле, запасаются шишками; улицы покрываются скорлупой и чешуей шишекъ, какъ красной скорлупой яицъ въ Пасху. Такъ бываетъ въ деревняхъ, ближайшихъ къ черни; но скоро вѣсть, что уже ѣздили за орѣхами, распространяется и по отдаленнымъ деревнямъ, и тогда крестьяне спѣшатъ въ Алтай изъ-за нѣсколькихъ сотъ верстъ. Они проводятъ въ черни цѣлыя недѣли и вывозятъ орѣхи караванами. Кедровники оживляются, повсюду слышенъ людской говоръ, шумъ, стукъ срубаемыхъ вѣтвей и даже цѣлыхъ кедровъ; смѣхъ, шалости, пѣсни наполняютъ угрюмую чернь; такъ много собирается кедровщиковъ, что станъ отъ стана располагается недалеко и партіи во время сбора встрѣчаются между собою.

Кедры бываютъ, смотря по почвѣ, или коряжистые и низкіе, или высокіе и прямые; первые удобнѣе потому, что сучья начинаются съ самаго низу; но на прямые, «кандовые» кедры нельзя подняться безъ лѣстницы. Промышленникъ срубаетъ поблизости молодую ель или пихту и ставитъ ее къ стволу кедра такъ, чтобъ верхушка ея доставала до нижнихъ сучьевъ; по ней онъ лѣзетъ вверхъ съ бойкомъ, висящимъ на шеѣ. Добравшись до первыхъ плодоносныхъ вѣтвей, промышленникъ усаживается на сучья и колотитъ по концамъ вѣтвей, на которыхъ сидятъ шишки по три, четыре и болѣе вмѣстѣ. Лазить по высокимъ кедрамъ тяжело, и записные охотники теряютъ здоровье на этомъ промыслѣ. Лазить по деревьямъ здѣшній житель пріучается съ дѣтства, и потому между ними есть большіе искусники въ этомъ дѣлѣ: если

нужно перейдти на сосѣднюю лѣсину, то, чтобъ не спускаться снова на землю, промышленникъ раскачиваетъ вѣтвь, на которой стоитъ, и когда она приблизится къ сосѣднему дереву, перескакиваетъ на него. Крестьяне ближайшихъ деревень увозятъ шишки въ деревню въ тотъ же вечеръ и приготовляютъ ихъ дома для продажи; крестьяне же отдаленныхъ деревень дѣлаютъ это въ лѣсу.

Шишки складываются въ кучу, въ которой онѣ прѣютъ; это дѣлается для того, чтобъ орѣхи лучше отстали отъ покрывающей ихъ чешуи. Благовонный паръ, поднимающійся отъ такихъ кучъ, привлекаетъ къ нимъ по ночамъ медвѣдя, который любитъ лакомиться орѣхами и самъ лазитъ за ними на деревья; видя промышленниковъ, спящихъ около кучи, звѣрь не рѣшается подойдти къ ней и цѣлую ночь проводитъ около приманки, расхаживая кругомъ и страдая аппетитомъ; на утро промышленники бываютъ удивлены, находя тропинку, которая вытоптана кругомъ ихъ стана. При большомъ сборѣ дѣлаютъ срубъ и орѣхи оставляютъ въ черни до зимы, и тогда случается, что хозяевамъ достанутся одни только объѣдки отъ медвѣдя, наткнувшагося на орѣхи. Послѣ выпарки, когда орѣхи ослабнутъ въ своихъ гнѣздахъ, ихъ вылущиваютъ посредствомъ катка и терки. Первый совершенно такой же, какой употребляется для катанья бѣлья; теркой называется доска въ 1 арш. длины и 2 четверти ширины, съ такими же, какъ на каткѣ, рубцами, нарѣзанными на верхней поверхности. Шишки ставятъ на терку тѣми концами, которыми онѣ сидѣли на ножкѣ, а спѣлыя — какъ-нибудь; потомъ бьютъ по нимъ каткомъ и растираютъ по теркѣ. Когда такимъ способомъ шишки разбиты, то, чтобы отдѣлить орѣхи отъ чешуи, употребляютъ почовки или полукруглыя лукошки; почовку наполняютъ разбитыми шишками и трясутъ ее, придерживая одинъ край ниже другаго; орѣхи скатываются къ одному боку, тогда чешую сгребаютъ сверху и сбрасываютъ, а орѣхи ссыпаютъ въ пологъ; послѣ того орѣхи еще вѣютъ, какъ хлѣбъ, и сушатъ, для продажи — на воздухѣ, а для себя — въ корчагахъ въ печи. Купцы, заготовляющіе для продажи большія массы орѣховъ, устраиваютъ для сушки ихъ овины въ черни.

Заколдованный камень.

Значительное количество орѣховъ изъ Алтая поступаетъ въ продажу; центромъ этой торговли служитъ Бійскъ, гдѣ въ урожайный годъ ссыпается до ста тысячъ пудовъ кедровыхъ

орѣховъ, а въ неурожайный — до тридцати тысячъ пудовъ. Орѣхъ изъ черни вверхъ по Біѣ и по Телецкому озеру считается вкуснѣе и крупнѣе того орѣха, который собирается въ Алтаѣ между Бійскомъ и Устькаменогорскомъ. Съ Телецкаго озера орѣхи вывозятся по дорогѣ, которая идетъ изъ Кебезеня (мѣстность на Біѣ въ 30 в. отъ ея устья) на Улалу (на Катуни). Изъ Бійска орѣхи отправляются гужомъ на ирбитскую ярмарку. Осенью 1877 года промышленники сдавали орѣхи по 1 руб. съ пуда.

Звѣриный промыселъ въ Алтаѣ состоитъ въ ловлѣ соболей и охотѣ за козами (Cervus capreolus), маралами (Cervus Elaphus) и лосями (Cervus Alces). На соболиный промыселъ отправляются осенью съ Воздвиженья (14 сентября) и ловятъ соболей кулемникомъ; зимой же ходятъ на гоны и промышляютъ капканами, разставляя ихъ на дорожкахъ соболей. Мѣста, гдѣ производится соболиный промыселъ, лежатъ на верхней окраинѣ черни подъ бѣлками; поэтому соболевщики принуждены уходить за сто и болѣе верстъ отъ своихъ жилищъ и оставаться въ пустынѣ нѣсколько мѣсяцевъ. Съѣстной запасъ на нѣкоторое разстояніе подвозятъ на лошади, а потомъ тащатъ на себѣ, сложивши его на маралью шкуру, положенную шерстью внизъ. На горахъ соболевщики имѣютъ постоянныя избушки, устройство которыхъ очень упрощено. Входъ въ избу запирается дверью, вертящеюся на пятѣ; внутри ея у стѣны битая печь безъ чувала, потому что такая печь жарче нагрѣваетъ избу и скорѣе сушитъ одежду, вымоченную на промыслѣ; для выхода дыма сдѣлана въ стѣнѣ отдушина, затыкаемая травой; кромѣ того въ стѣнѣ прорубается окно или два, по числу артельщиковъ, чтобъ въ ненастье, когда бываетъ скучно, каждый могъ сидѣть у своего окна и смотрѣть по крайней мѣрѣ на лѣсъ; для спанья около стѣнъ дѣлаются нары; одинъ уголъ избы рубятъ надъ ключемъ, чтобъ можно было брать воду, не выходя изъ избы; это потому необходимо дѣлать, что зимой ключи въ черни бываютъ завалены глубокимъ снѣгомъ и текутъ подъ ледяной корой. Избу звѣролововъ заноситъ слоемъ снѣга въ нѣсколько саженъ толщины, и потому обитаемое мѣсто едва можно признать снаружи по кучѣ рубленыхъ дровъ и по «сайвѣ» или амбару, висящему на вершинахъ нѣсколькихъ деревъ. Отдѣльно отъ избы промышленники рубятъ баню по черному, въ которую ходятъ каждую недѣлю, но бѣлья не перемѣняютъ и по восьми и девяти недѣль ходятъ въ одной рубахѣ, такъ что домой приносятъ одни вороты. Съѣстные припасы хранятся въ сайвѣ, которая устраивается слѣдующимъ образомъ. На четыре близко стоящія другъ къ другу вѣтвистыя дерева кладутъ двѣ слеги и на нихъ настилаютъ полати; сверху полати закрываются двускатной крышей; чтобъ достать что-нибудь изъ сайвы, къ ней приставляютъ лѣстницу, выдвигаютъ снизу одну доску и просовываютъ голову и руки въ образовавшееся отверстіе. Сайва устраивается на высотѣ семи аршинъ надъ поверхностью снѣга; хотя медвѣдь или россомаха и могутъ съ трудомъ залѣсть по деревьямъ на эту высоту, но такъ какъ концы сайвы далеко пропущены въ сторону, то хищники не могутъ закинуть лапы, чтобъ перелѣзть на верхнюю сторону сайвы. Въ сайвѣ дѣлаютъ закромокъ для муки, а также хранятъ маралье мясо, убитую птицу, масло, лукъ и прочую провизію. Иногда здѣсь же хранится найденный въ черни медъ дикихъ пчелъ. Утварь соболевщиковъ состоитъ изъ кадушекъ, квашенокъ для тѣста, сита, чугунка для щей, сковороды для жаркаго и горшка, въ которомъ заводятъ квасъ. Кухня звѣролововъ на бѣлкахъ бываетъ довольно разнообразна.

Кедръ (сверху, налѣво, кедровая шишка съ орѣхомъ).

T. XI. Охота на дикихъ козъ.

Изъ привезенной съ долины муки они пекутъ хлѣбы; кромѣ того они всегда бываютъ богаты дичью, бьютъ мараловъ и лосей и лакомятся иногда студнемъ изъ маральей губы. На бѣлкахъ соболевщики разставляютъ пасти и ловятъ ими глухарей, которые изъ черни вылѣзаютъ на бѣлки посидѣть.

Ловля соболей производится двумя способами: или капканами, которые ставятъ на дорожкахъ, проложенныхъ соболями, или кулемами. Дорожка соболя состоитъ изъ колодцевъ или ямокъ, на разстояніи длины тѣла соболя, въ которыя онъ, скача, ставитъ сначала обѣ переднія ножки, потомъ обѣ заднія; снѣгъ подъ колодцемъ сбоку вырѣзываютъ ножомъ, вдвигаютъ подъ колодецъ ловушку, подкладываютъ сбоку вѣтокъ, чтобъ снѣгъ не обваливался, заравниваютъ яму и наконецъ заметаютъ свой слѣдъ, потому что соболь имѣетъ острое чутье и угадаетъ опасность, если не принять предосторожностей. Тонкій слой снѣга, оставленный надъ ловушкой, обваливается подъ соболемъ, и лапа послѣдняго ущемляется пружиной.

Кедровый лѣсъ.

Кулема, другая обыкновенная ловушка на соболей, состоитъ изъ загородки съ приманкой внутри и системой рычаговъ въ отверстіи, какъ у мышеловки. Онѣ устраиваются подлѣ дерева; расположеніе частей этой маленькой постройки можно сравнить съ планомъ собора св. Петра въ Римѣ; мѣсто, которое занимаетъ самъ соборъ, здѣсь занимаетъ толстый комель большаго дерева; подобно двумъ крыльямъ колонады, отъ дерева идутъ два крыла загородки, состоящей изъ досочекъ или колышковъ, стоймя вбитыхъ въ землю; мѣсто, гдѣ поставленъ обелискъ, занято колышкомъ, на который навѣшивается приманка для соболя — убитый рябчикъ, тетеря или кошечка сѣноставка. Кругъ, образуемый загородками, спереди не замкнутъ: тутъ оставляется входъ, который только внизу забирается невысокимъ порогомъ; выше порога входъ перекрещивается шестиками, которые поддерживаютъ «давокъ». Сверху все зданіе закрывается накатцемъ и хвойными вѣтками. Соболь, почуявъ добычу, лѣзетъ въ отверстіе, сдвигаетъ шестики, костылекъ, поддерживающій ихъ въ равновѣсіи; верхній шестикъ, нагнетаемый сверху «давкомъ», выпадаетъ и прижимаетъ соболя къ порогу.

По приходѣ на промыселъ, соболевщики, въ продолженіе первой недѣли, занимаются приготовительными работами, дѣлаютъ кулемникъ, ловятъ для приманки кошечекъ сѣноставокъ, стрѣляя ихъ и ставя на дорожкахъ черканы, капканы, плашки и кулемы; потомъ уже они разставляютъ кулемы на соболей, иногда на пространствѣ 50 верстъ. Чтобъ не потерять дорогу къ своему стану, звѣровщики, разставляя кулемы въ дремучемъ лѣсу, дѣлаютъ «теси» на деревьяхъ, на каждыхъ десяти саженяхъ, подобно золотоискательнымъ партіямъ въ Енисейской тайгѣ. Остальное время промысла проходитъ только въ осмотрѣ кулемъ: иногда двѣ ночи приходится соболевщику проводить въ лѣсу, прежде чѣмъ онъ кончитъ свой осмотръ; поэтому, отправляясь въ обходъ, соболевщикъ беретъ иногда съ собою запасу на нѣсколько дней,

тапца его сзади на маральей шкурѣ. Когда артель состоитъ изъ трехъ или болѣе человѣкъ, то одинъ изъ товарищей остается въ избушкѣ для протапливанія ея и для приготовленія пищи другимъ товарищамъ. Единственное развлеченіе этого кашевара въ отсутствіе товарищей — поддерживаніе постояннаго огня въ печкѣ. Дни и особенно ночи, проводимыя въ одиночествѣ, возбуждаютъ воображеніе, ведутъ къ галлюцинаціямъ и дѣлаютъ изъ соболевщиковъ суевѣрныхъ людей.

Нерѣдко соболевщикамъ угрожаетъ на бѣлкахъ голодная смерть, когда запасы истощатся, а продолжительные бураны не позволяютъ своевременно спуститься въ долину. Тогда соболевщики подбираютъ выброшенныя подъ лавку отруби и пекутъ изъ нихъ хлѣбцы, собираютъ обглоданныя кости и снова вывариваютъ изъ нихъ навaръ. Если одинъ изъ товарищей заболѣетъ и не можетъ самъ спуститься съ бѣлковъ, его покидаютъ въ избушкѣ одного, оставивъ ему запасу, и больной долженъ терпѣливо ждать, пока товарищи, спустившись въ долину, дадутъ знать его роднымъ и тѣ наймутъ носильщиковъ. Не смотря на всѣ эти опасности, соединенныя съ соболинымъ промысломъ, въ немъ есть много привлекательнаго для соболевщика, и онъ съ восторгомъ встрѣчаетъ наступленіе соболинаго сезона. Прелесть жизни на высотахъ обусловливается многими обстоятельствами: отсутствіе деревенскаго шума, ограниченіе заботъ одними первыми потребностями жизни, позывы къ разгулу и пьянству не являются, одна страсть господствуетъ, знакомая всякому составителю коллекцій,— увеличеніе числа соболиныхъ шкурокъ; къ этому слѣдуетъ присоединить еще вліяціе чистаго альпійскаго воздуха, а также дѣйствіе па простую душу соболевщика картины лежащихъ подъ ногами долинъ, когда ему случается выходить на безлѣсную вершину бѣлка. Съ трудомъ соболевщики ждутъ назначеннаго къ выходу изъ деревни дня и плачутъ отъ нетерпѣнія.

Тетеревъ.

Изъ другихъ звѣрей охота производится за дикими козами, маралами и лосями. Въ августѣ въ Алтай тянутся небольшими табунами дикія козы, проводившія лѣто въ приалтайской степи; онѣ держатся опредѣленныхъ дорогъ по гребнямъ хребтовъ, избѣгая переправъ и пересѣченія поперечныхъ долинъ; эти гребни потому у мѣстныхъ крестьянъ и называются «ходовыми сопками»; гдѣ послѣдніе съужены поперечными долинами, многіе пути козуль сходятся въ одну общую тропу; въ этихъ узкихъ мѣстахъ онѣ избираютъ для своего прохода сѣдловины между двумя, хотя и незначительными, возвышенностями. Тутъ во время хода козуль здѣшніе промышленники прячутся за камни съ ружьями, почему эти мѣста и называютъ «караульными сопками». Съ сѣверной стороны караульная сопка, какъ и всякая здѣшняя возвышенность, представляетъ наиболѣе крутую, покрытую хвойнымъ лѣсомъ, покатость; съ южной — она имѣетъ видъ невысокаго каменистаго бугра. Козы поднимаются лѣсомъ и выходятъ на южную сторону караульной сопки; передъ ними открывается небольшое открытое пространство, черезъ которое онѣ должны перебѣжать, чтобъ достичь до другихъ лѣсистыхъ возвышенностей, лежащихъ впереди; въ это время онѣ дѣлаются добычей охотниковъ, сидящихъ въ камняхъ. Осенью козы пасутся подъ самыми бѣлками, но когда выпадаетъ первый снѣгъ, онѣ спускаются къ вершинамъ ключей и, по мѣрѣ увеличенія снѣговъ, спускаются все ниже и ниже. На этихъ переходахъ онѣ встрѣчаютъ изгороди, которыя тянутся иногда на нѣсколько верстъ; въ изгородяхъ онѣ находятъ отверстія въ полтора аршина ширины и устремляются въ нихъ, но впереди отверстій вырыты глубокія ямы, въ которыя онѣ падаютъ и живыми достаются охотникамъ. У нѣкоторыхъ охотниковъ изгороди тянутся версты на двѣ, и тогда у одного охотника насчитывается до семидесяти ямъ. Кромѣ того козъ бьютъ изъ ружей и ловятъ петлями.

Очень прибыльна также для крестьянъ охота за маралами, рога которыхъ сбываютъ въ

Китай. Въ послѣднее время алтайскіе крестьяне начали разводить домашнихъ мараловъ; начало этому дѣлу положено въ одной изъ деревень, въ вершинахъ рѣки Бухтармы; затѣмъ домашніе маралы появились въ верхней части долины Катуни, въ уймонскихъ деревняхъ; въ настоящее время въ Алтаѣ уже насчитывается до 200 домашнихъ мараловъ. Для мараловъ дѣлаютъ загороды въ лѣсу, такъ называемые «сады», гдѣ иногда ставятъ для животныхъ на зиму сѣно. Самки, содержимыя въ этихъ загонахъ, плодятся безпрепятственно. Рога самцовъ, когда они у нихъ достигнутъ необходимаго роста, спиливаютъ: для этого самца загоняютъ въ особый станокъ, гдѣ на шею ему накладываютъ ярмо, удерживающее его во время операціи въ неподвижномъ состояніи. Въ настоящее время половина роговъ, идущихъ въ продажу изъ Алтая, состоятъ изъ снятыхъ съ домашнихъ мараловъ; Китайцы впрочемъ цѣнятъ спиленные рога дешевле тѣхъ, которые сняты съ убитыхъ мораловъ и при комлѣ имѣютъ остатки черепныхъ костей. За пару хорошихъ роговъ скупщики даютъ промышленникамъ до 50 рублей. Изъ Алтая рога везутъ въ Кобдо и особенно въ Уляссутай, гдѣ они сбываются китайскимъ купцамъ. Въ настоящее время самокъ содержится въ загонахъ еще мало, и потому стада умножаются посредствомъ поимки дикихъ животныхъ; пойманное животное скоро становится смирнымъ и остается въ полудикомъ состояніи, вѣроятно, потому, что въ загонахъ свобода его сравнительно мало стѣсняется. Наилучшимъ мараловодомъ въ Алтаѣ теперь называютъ ясачнаго крестьянина деревни Уймонъ, Родіона Чернова, у котораго самый большой «маральникъ»; въ немъ считается тридцать пять животныхъ, въ томъ числѣ десять самцовъ и двадцать пять самокъ.

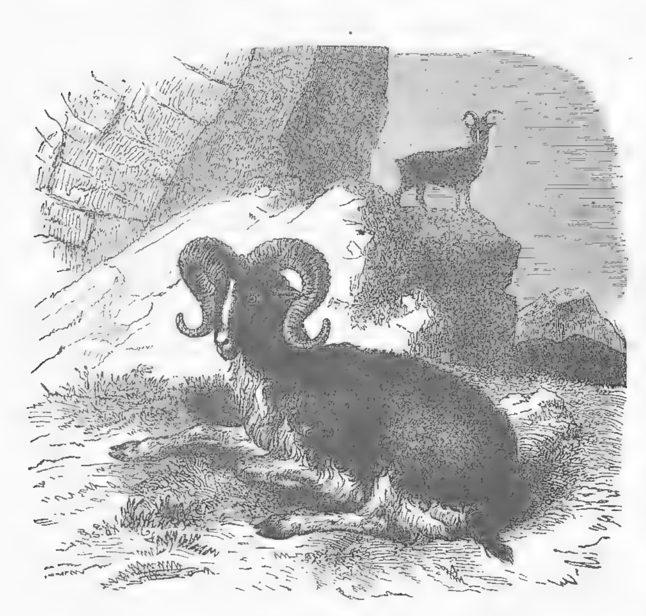

Глухарь.

Пчеловодство составляетъ одинъ изъ самыхъ главныхъ промысловъ въ Томской губерніи; оно распространено вездѣ, гдѣ есть «большетравье» или «чернотравье» — такъ называютъ здѣшніе крестьяне флору долинъ въ отличіе отъ низкорослой травы степей. Въ губерніи считалось въ 1864 году всего до 360,000 ульевъ, изъ нихъ въ одномъ Бійскомъ округѣ, предѣлы котораго почти совпадаютъ съ предѣлами Алтая, было до 147,000 ульевъ. Пчеловодство въ Алтаѣ пасѣчное; пасѣки располагаются вдали отъ деревень, обыкновенно въ поперечныхъ долинахъ или логахъ, отличающихся глубиною, часто въ очень живописныхъ мѣстностяхъ, около журчащей рѣчки, теченіе которой скрывается въ чащѣ изъ березъ, черемухи, гороховника, бузины, боярышника и другихъ кустарниковъ. Многія пасѣки находятся въ необитаемыхъ долинахъ, верстахъ въ 80-ти отъ населенныхъ мѣстностей. Хозяева такихъ пасѣкъ завозятъ туда съ осени сухарей, и потомъ, проведя зиму въ деревнѣ, весной, когда еще не сошелъ снѣгъ съ горъ, на лыжахъ переваливаютъ черезъ отдѣляющій хребетъ и проводятъ тамъ начало лѣта. Появленіе пчелы въ Алтаѣ относится къ концу прошлаго столѣтія. Разсказываютъ, что полковникъ Аршеневскій первый основалъ пасѣку около Устькаменогорска. Впрочемъ, исторія эта темная. Подобно этому преданіе приписываетъ чиновникамъ распространеніе раковъ въ рѣкахъ Тобольской губерніи; но въ послѣднее время высказывается сомнѣніе въ правдивости этого преданія, въ виду нѣкоторыхъ фактовъ, дающихъ поводъ думать, что ракъ обиталъ здѣсь до появленія Русскихъ; тѣ же сомнѣнія могутъ быть возбуждены и относительно Аршеневскаго. Пчеловодствомъ обыкновенно занимаются въ Алтаѣ старики; когда дочери, на обязанности которыхъ въ Алтаѣ лежитъ тканье холста и обшиваніе родителей бѣльемъ, выданы замужъ, пасѣка даетъ возможность одѣваться въ ситцевое бѣлье; такимъ образомъ этотъ промыселъ, будучи подъ-силу старикамъ, ставитъ ихъ въ независимое положеніе отъ сыновей. Пасѣчники, имѣющіе до четырехсотъ колодъ, — въ Алтаѣ обыкновенное явленіе; увѣряютъ, что

есть хозяева, насчитывающіе до 2,000 колодъ. Цѣна меду до 4 рублей 50 копѣекъ за пудъ, воску—до 20 рублей. Доходъ отъ пчеловодства въ Томской губерніи опредѣляется въ полмилліона рублей.

Сельскіе промыслы въ Алтаѣ развиваются на счетъ звѣроловства: въ пасѣчниковъ превращаются прежніе соболевщики; дѣти соболевщиковъ уже не ходятъ на бѣлки и обращаются къ болѣе вѣрному промыслу — земледѣлію; соболиный и вообще звѣриный промыселъ постепенно падаетъ. Это явленіе обусловливается умноженіемъ осѣдлаго населенія и уменьшеніемъ звѣря: нѣкоторыя породы звѣрей, прежде водившихся въ Алтаѣ, теперь уже въ немъ не встрѣчаются; такъ, наприм., прежде по разсказамъ старожиловъ, кабанъ заходилъ въ сѣверныя долины Алтая, нынѣ же его въ Алтаѣ нигдѣ не встрѣчается; лось, маралъ и соболь удалились въ глубь страны, и на бѣлкахъ, гдѣ соболевали еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія, объ этомъ звѣркѣ осталось одно воспоминаніе. Въ нижнихъ частяхъ долины земледѣліе производится съ успѣхомъ; отсюда оно постепенно распространяется, вмѣстѣ съ разселеніемъ русскаго племени, вверхъ по долинамъ; высшій предѣлъ, до котораго хлѣбопашество достигаетъ въ южномъ Алтаѣ, можно полагать почти въ 4,000 футовъ, какъ наприм. въ деревнѣ Фыкалкѣ, въ вершинахъ Бухтармы, гдѣ хлѣбъ всегда дозрѣваетъ во-время; въ сѣверныхъ долинахъ предѣлъ этотъ, кажется, ниже; въ уймонскихъ деревняхъ, лежащихъ ниже, хлѣбъ иногда не дозрѣваетъ. Пашенная почва въ западномъ Алтаѣ (къ з. отъ р. Бѣлой, впадающей слѣва въ Чарышъ) глинистая, къ востоку отъ той же рѣчки-черноземъ; мѣстные жители называютъ эту почву «материчной землей», «кроторойникомъ». Это названіе дается почвѣ потому, что осенью скаты горъ покрываются кучами свѣжаго чернозема, выкиданнаго изъ норъ маленькими звѣрками, которые называются въ Алтаѣ кроторойками (Crycetus). Изъ этихъ кучъ берутъ черноземъ здѣшнія цвѣточницы въ свои банки. Онъ отличается мягкимъ, чернымъ цвѣтомъ и послѣ дождя свертывается въ отдѣльные комочки, величиной съ горошину. Съ границами этихъ почвъ совпадаетъ распространеніе сохи и плуга; къ западу отъ р. Бѣлой пашутъ плугомъ, къ востоку — сохой. Введеніе плуга въ южномъ Алтаѣ (въ долинахъ Бухтармы) приписывается коменданту Бухтарминской крѣпости, Брандту. Вѣроятнѣе однако, что плугъ, какъ и пчела, принесены въ Алтай раскольниками, выселенными сюда изъ Бѣлоруссіи и извѣстными здѣсь подъ именемъ Поляковъ. Здѣсь засѣваются: рожь, ячмень и «алая пшеница». Рожь въ этихъ мѣстахъ менѣе другихъ хлѣбовъ подвергается неурожаю, и потому у алтайскаго крестьянина сложилась поговорка: «рожь — не ложь». Пшеница здѣшняя отличается отъ породъ пшеницы, воздѣлываемыхъ на прилегающей къ Алтаю съ сѣвера степной равнинѣ, красноватымъ зерномъ. Степная пшеница, которую здѣсь зовутъ «дорогою», въ Алтаѣ не дозрѣваетъ; отъ обильныхъ дождей она тянется въ солому, достигаетъ необыкновеннаго роста, но, не наливъ зерна, бываетъ прихвачена первымъ инеемъ.

Дикая горная коза.

Пашни располагаются на высокихъ мѣстахъ, особенно тѣ, на которыхъ сѣютъ пшеницу; послѣдніе обыкновенно находятся при самомъ основаніи каменистаго обнаженія, которымъ завершается почти всякая значительная возвышенность. Когда ѣдешь въ алтайской долинѣ, пашни представляются четырехугольными желтыми платками, разостланными по горамъ; нерѣдко онѣ кажутся отвѣсно висящими. Обиліе дождей въ Алтаѣ причина того, что неурожаевъ въ его долинахъ не бываетъ; въ прилегающей же съ сѣвера степной равнинѣ урожай непостоянный: то засуха причинитъ убытки крестьянамъ, то наступитъ такой урожай, что населеніе не успѣваетъ убрать хлѣбъ съ полей. Такой урожай былъ лѣтомъ 1876 года, когда много выросло падалки; въ одной деревнѣ, до 140 десятинъ хлѣба ушло подъ снѣгъ неснятымъ, въ другой деревнѣ, отличавшейся бѣдностью, крестьяне, ходившіе по міру, продали по 100 пудовъ пшеницы; въ деревнѣ на Алеѣ одинъ крестьянинъ сложилъ въ амбаръ до 20,000 пудовъ. На пристани по Біѣ свалили въ этотъ годъ до 200,000 пудовъ, чего прежде не бывало; въ маѣ 1877 г. 5 пароходовъ приходили въ Бійскъ для сплава хлѣба, а обыкновенно приходитъ только два.

Если сравнивать жизнь сибирскаго крестьянина въ Алтаѣ съ жизнью крестьянъ въ Европейской Россіи, нельзя не замѣтить, что первый живетъ въ значительно лучшей обстановкѣ. Деревенская обстановка въ Алтаѣ рисуется слѣдующими чертами. Деревня бываетъ обнесена городьбой, «поскотиной», внутри которой общій выгонъ; поскотина захватываетъ внутрь себя рѣчку съ островами, на которой стоитъ деревня, и часть горныхъ скатовъ; за поскотиной по горнымъ скатамъ разбросаны пашни отдѣльными участками для каждаго хозяина; поскотина имѣетъ назначеніе охранять пашни отъ скота, который безъ пастуха свободно бродитъ внутри поскотины, къ вечеру же самъ собирается къ деревнѣ въ особо загороженный «пригонъ», куда крестьянки приходятъ съ подойниками и доятъ коровъ; здѣсь же у нихъ устроены хлѣва для мелкаго скота; лѣтомъ унавоженный за зиму пригонъ превращается въ общій для всего населенія огородъ. Избы крестьянъ обносятся жидкой городьбой, «пряслами»; ворота состоятъ изъ двухъ, трехъ горизонтальныхъ жердинъ и вращаются на пятѣ. Избы состоятъ изъ двухъ половинъ — горницы и собственно избы; въ послѣдней русская печь и полати, во второй иногда голландская печь, потому что въ краѣ нѣтъ кирпичныхъ заводовъ, чаще же русская, битая изъ глины, но зато съ размалеванными косяками; двери, косяки у оконъ и нерѣдко самыя стѣны здѣсь также любятъ размалевывать разными красками, или оклеиваютъ обоями, особенно въ переднемъ углу. Непремѣнной принадлежностью горницы служатъ: ситцевый пологъ, закрывающій кровать съ пуховикомъ и грудой подушекъ, зеркало съ наброшеннымъ на него «рукотерникомъ» (полотенцемъ), сундуки, прикрытые тюменскимъ ковромъ, шкафъ съ посудой и иногда деревянная софа; передній уголъ занятъ иконами, между которыми первое мѣсто отведено большой, въ аршинъ длиною, плащаницѣ. Женщины у алтайскихъ крестьянъ ходятъ въ ситцевыхъ платьяхъ, а не въ сарафанахъ. Обувь женщинъ состоитъ изъ башмаковъ, а у мужчинъ—изъ кожаныхъ сапоговъ и бродней; лапти извѣстны только по слуху; разсказываютъ анекдотъ, какъ слѣдъ «новосёла» (переселенца изъ Европейской Россіи) сибирскіе мужики приняли за слѣдъ невиданнаго звѣря и цѣлой деревней ходили выслѣживать его съ винтовками, острогами, литовками и другимъ оружіемъ. Звѣроловный промыселъ пріучилъ сибирскаго крестьянина потреблять значительное количество фабрикатовъ; соболевщику земледѣльческіе продукты нужны были только какъ пищевой запасъ; расходы на одежду, посуду и подати оплачивались у него изъ доходовъ отъ продажи уловленнаго звѣря; когда господствующимъ промысломъ стало земледѣліе, на него должны были пасть и расходы по покупкѣ фабрикатовъ. Дешевизна сельско-хозяйственныхъ продуктовъ сравнительно съ мѣхами должна неизбѣжно вести или къ сокращенію потребленія фабрикатовъ или къ разоренію. Этимъ, вѣроятно, можно объяснить, почему новосёлы, недавно поселившіеся въ Алтаѣ, богатѣютъ, а рядомъ съ ними жи-

вущіе Сибиряки разорились. Новосёлъ приноситъ съ собой старыя привычки обходиться по возможности во всемъ домашними издѣліями: женщина у него ходитъ въ холщевомъ сарафанѣ, живетъ онъ въ черной избѣ. Въ Бійскѣ на святкахъ мѣщане рядятся между прочимъ «рассейскими новосёлами», причемъ непремѣнными статьями костюма считаются: синіе, крашенинные, непремѣнно узкіе штаны, лапти, если только можно найти ихъ, рваный кафтанъ, а главное—краюха чернаго хлѣба подъ мышкой; ряженый долженъ просить милостыню. Такимъ является новоселъ въ этотъ край; но, черезъ нѣсколько лѣтъ, обиліе даровъ алтайской природы ставитъ его въ возможность завести самоваръ, каждый день пить чай, имѣть къ нему бѣлый калачъ и медъ, и если не совсѣмъ вноситъ въ его домъ привычки сибиряка-старожила, то все-таки дѣлаетъ значительную разницу въ его обстановкѣ съ тѣмъ, чѣмъ онъ былъ окруженъ на своей родинѣ, гдѣ-нибудь въ Тамбовской или Вятской губерніи. Жизнь его въ алтайской долинѣ такъ же счастливо отличается отъ жизни его собратій, оставшихся на родинѣ, какъ ростъ и яркость красокъ отличаютъ европейскіе виды травъ, растущіе на алтайской почвѣ.

Къ сожалѣнію, нѣкоторыя обстоятельства препятствуютъ болѣе полному процвѣтанію крестьянскаго хозяйства. Одно изъ первыхъ обстоятельствъ заключается въ особенностяхъ землевладѣнія и землепользованія въ Алтаѣ: вся земля въ Алтаѣ считается собственностью Кабинета; крестьяне, живущіе на ней, обязаны платить Кабинету по 6 рублей въ годъ оброку съ души, сколько бы десятинъ они ни распахивали; этотъ оброкъ установленъ въ эпоху освобожденія крѣпостныхъ крестьянъ взамѣнъ горнозаводскихъ повинностей (возки руды, возки и приготовленія угля), которыми были обязаны алтайскіе крестьяне по отношенію къ горнымъ заводамъ. При отмѣнѣ горнозаводскихъ натуральныхъ повинностей и замѣнѣ ихъ оброкомъ, имѣлось въ виду впослѣдствіи надѣлить крестьянъ землей; но такъ какъ надѣла не сдѣлано и по настоящее время, то крестьянская реформа для алтайскаго поселенца ограничилась однимъ переводомъ натуральной повинности на денежную. Весьма важно для крестьянъ, каковъ будетъ надѣлъ. Заводо-управленіе настаиваетъ на надѣлѣ въ 15 десятинъ, причемъ шестирублевый оброкъ падаетъ на десятину въ количествѣ 40 коп.; различные представители администраціи находятъ такой надѣлъ недостаточнымъ и разорительнымъ для крестьянъ, и указываютъ, что оброкъ съ казенныхъ земель внѣ горнаго округа нигдѣ не превышаетъ 10 коп. съ десятины, что само заводо-управленіе нигдѣ не сдаетъ своихъ земель за оброкъ въ 40 коп., кромѣ мѣстностей исключительныхъ, въ родѣ сѣнокосныхъ участковъ вблизи городовъ и пр.

Другой помѣхой къ улучшенію быта крестьянъ служитъ отдаленность рынковъ сбыта сельскихъ произведеній и отсутствіе хорошихъ путей сообщенія, вслѣдствіе чего сельско-хозяйственные продукты сбываются по низкой цѣнѣ и часть ихъ вовсе не имѣетъ сбыта. У многихъ крестьянъ хлѣбъ лежитъ въ «клуняхъ» (стогахъ) по нѣскольку лѣтъ; есть клуни, которымъ насчитываютъ до двадцати лѣтъ. Цѣны на жизненные продукты въ Бійскѣ стоятъ низко: мясо коровье 80 копѣекъ пудъ, а при покупкѣ нѣсколькихъ тушей заразъ обходится въ 60 копѣекъ (въ розницу на рынкѣ мясо продается по 3 — 5 копѣекъ за фунтъ); свиной окорокъ 1 рубль — 1 рубль 20 копѣекъ; масло коровье (когда вздорожало) отъ 5 до 7 рублей пудъ; круглую пшеницу кубанку скупщики покупаютъ въ деревняхъ по 25 — 30 копѣекъ пудъ, а «сибирку» по 15 копѣекъ. Мука пшеничная въ Бійскѣ отъ 16 до 20 копѣекъ пудъ, ржаная отъ 12 до 13 копѣекъ, овесъ 7 — 10 копѣекъ пудъ. Конопляное масло 3 рубля пудъ, льняное 2 рубля, подсолнечное 4 рубля 50 коп.

Главный сбытъ мѣстныхъ произведеній почти весь въ одну сторону — на ирбитскую ярмарку. Къ сожалѣнію, для промышленной статистики въ Сибири ничего до сихъ поръ не сдѣлано, и потому мы не можемъ разсказать о количествѣ сбываемыхъ продуктовъ и способахъ

ихъ доставленія. Отъ Бійска до Ирбита далеко; понятно, что немногіе товары могутъ выносить провозную плату на такомъ разстояніи; изъ Бійска везутъ въ Ирбитъ мѣха (между которыми самое видное мѣсто занимаетъ бѣлка), кедровые орѣхи, скотскія кожи, масло. Послѣднее проникаетъ, къ удивленію, очень далеко на западъ: часть его идетъ по Волгѣ и Дону до Ростова и оттуда отправляется въ Константинополь, гдѣ потому всякое коровье масло извѣстно подъ именемъ сибирскаго.

Съ южной стороны къ Алтаю примыкаетъ край, представляющій, своими высокими цѣнами на жизненные продукты, поразительный контрастъ съ Бійскимъ округомъ. Въ китайскихъ городахъ Кобдо и Уляссутаѣ, лежащихъ въ этой странѣ, пудъ китайской муки стоитъ 4 рубля, пудъ масла обходится въ 10 рублей, фунтъ конопляного масла 40 к., слѣдовательно, пудъ обойдется въ 16 рублей. Большой киргизскій баранъ стоитъ отъ 3 до 4 рублей. Въ настоящее время нѣсколько бійскихъ купцовъ ведутъ торговлю въ Монголіи и завели лавки въ Кобдо и Уляссутаѣ, которыя снабжаются русскимъ товаромъ съ ирбитской ярмарки, частью произведеніями мѣстнаго сибирскаго производства, но размѣры этой торговли ничтожны и не превышаютъ въ общей сложности 200,000 р. Главнымъ препятствіемъ къ развитію торговыхъ сношеній въ этомъ направленіи служитъ трудная дорога по тѣснинѣ, по которой течетъ Чуя предъ впаденіемъ въ Катунь. Торговля эта началась 90 лѣтъ назадъ и тогда она имѣла такой же характеръ. Долина Чуи хотя считалась и тогда русской, но китайскіе пикеты тянулись по ея южной окраинѣ отъ вершинъ Чуи къ вершинамъ Бухтармы, которыя считались въ предѣлахъ Китая; ежегодно китайскій отрядъ въ сопровожденіи Дюрбютовъ и Халхасцевъ отправлялся изъ пикета Сукъ (къ на южной окраинѣ Чуйской степи) въ вершины Бухтармы съ цѣлью положить дощечку у священнаго дерева Байхагачъ. Къ этому отряду присоединялась толпа благочестивыхъ богомольцевъ и купцовъ. Переваливъ черезъ горы въ Чуйскую долину, пилигримы разбивали свои палатки на покрытыхъ густой и высокой травой лугахъ рѣчки Бураты или Уландрыкъ и производили мѣновую торговлю, предлагая китайскіе товары: чай и бумажныя ткани кочевникамъ Чуйской долины, Теленгитамъ, которые тогда платили дань одновременно и Россіи и Китаю, почему и назывались *двоеданцами*. Эту ярмарку на р. Бураты двоеданцы называли — *черу кельды*, «войско пришло». Въ то же время бійскіе купцы ѣздили съ русскимъ товаромъ по стойбищамъ Алтайцевъ, но до Чуи далеко не доѣзжали; одинъ изъ нихъ построилъ домикъ на р. Семи, гдѣ нынѣ деревня Шебалина, и завелъ здѣсь складъ товаровъ; сюда къ нему стали пріѣзжать двоеданцы, съ вымѣненнымъ на буратинской ярмаркѣ китайскимъ товаромъ, и обмѣнивали его на русскій. Такимъ образомъ двоеданцы стали посредниками въ обмѣнѣ русскихъ товаровъ на китайскіе и разбогатѣли. Впослѣдствіи Русскіе постепенно начали глубже и глубже проникать въ Алтай и стали доѣзжать по Чуѣ до Красной горы; еще позже они построили нѣсколько избушекъ выше Красной горы и здѣсь стали складывать товары. Во время буратинской ярмарки они выѣзжали на р. Бураты, въ другое время ѣздили по китайскимъ ярмаркамъ, которыя окружаютъ и теперь долину Чуи. Позже, въ 1869 г., особая коммисія, составленная изъ русскихъ и китайскихъ чиновниковъ, провела новую границу съ Китаемъ, причемъ вершины Бухтармы отошли къ Россіи. Тогдашній томскій губернаторъ не только прекратилъ паломничество къ священному дереву въ вершинахъ Бухтармы, но и уничтожилъ ярмарку на р. Бураты. Это распоряженіе принесло ту пользу, что бійскіе купцы перевели свои лавки въ города Кобдо и Уляссутай и стали разъѣзжать съ товарами по монгольскимъ стойбищамъ и монастырямъ; такимъ образомъ устроилось посредничество между русскимъ купцомъ и монгольскимъ покупателемъ.

Въ настоящее время въ Кобдо обыкновенно зимуетъ до четырехъ русскихъ лавокъ, да въ Уляссутаѣ одна или двѣ. Лѣтомъ же купцы разсылаютъ прикащиковъ торговать по хонсунамъ (или волостямъ); эти кочевыя лавки называются «палатками» или «счетами». Такихъ «счетовъ» въ сѣверо-западной Монголіи насчитывается до двадцати. Польза этого пересе-

ленія русской торговли несомнѣнна: она знакомитъ Русскихъ ближе съ Монголами и ихъ потребностями, а также съ конкуррентами— китайскими купцами; нечего и говорить о томъ, какую пользу можетъ принести то обстоятельство, что въ бійскихъ прикащикахъ мы имѣемъ теперь людей, знающихъ дороги, мѣста, физическія условія края и, наконецъ, мѣстные языки. Изъ русскихъ товаровъ самыми прочными можно признать кожи и желѣзо; въ послѣднемъ особенно нуждается этотъ край; большинство Монголовъ, не смотря на каменистую почву, принуждены, по недостатку желѣза, ѣздить на неподкованныхъ лошадяхъ; желѣзныхъ гвоздей въ городскихъ постройкахъ не употребляется, двери двигаются на пятахъ, а не на шарнерахъ; трава и хлѣбъ во многихъ частяхъ страны, за неимѣніемъ серповъ и косъ, вырываются руками; ящики, въ которыхъ укупоривается товаръ для дальней перевозки, сшиваются ниткой, вырѣзанной изъ ремня. Эти факты тѣмъ болѣе странны, что на сѣверной сторонѣ Алтая, въ долинахъ, прилегающихъ къ Телецкому озеру, залегаетъ множество желѣзныхъ рудъ хорошаго качества, которыя однако не разрабатываются вслѣдствіе особеннаго положенія края. Что же касается другихъ русскихъ товаровъ, то они потребляются въ небольшомъ количествѣ, и если русскія лавки въ китайскихъ городахъ снабжены всякой мелочью, то ее раскупаютъ только китайскіе солдаты. Во внутренній Китай изъ русскаго Алтая идутъ только маральи рога, которыхъ ежегодно вывозятъ болѣе 400 паръ; этотъ товаръ отправляется изъ Уляссутая въ городъ Гуйхуачэнъ (Хухухото), а оттуда онъ идетъ въ южный Китай; это — товаръ, который изъ Алтая такъ же далеко идетъ на юго-востокъ, какъ коровье масло на западъ. Маральи рога продаются въ Уляссутаѣ отъ 8 до 40 рублей пара. Китайцы называютъ маралій рогъ лу-дзонъ, цѣнятъ его какъ лекарственное средство; кромѣ того разсказываютъ, что въ южномъ Китаѣ есть обычай, чтобъ женихъ подносилъ невѣстѣ въ подарокъ пару красивыхъ маральихъ роговъ въ оправѣ, какъ часть будущаго ея туалета.

Главныя вывозныя статьи изъ Монголіи — сурковыя шкурки и скотъ. Сурковъ бѣдные Монголы всегда били себѣ на пищу, но шкурки сурковыя не шли никуда, пока Русскіе не стали ихъ брать; и теперь сурокъ изъ Монголіи идетъ только въ Россію. Сначала эта торговля была очень выгодна для бійскихъ купцовъ: они покупали шкурку по 5 к. въ Монголіи, а въ Ирбитѣ продавали ее по 15 к.; теперь спросъ въ Россію сурка уменьшился; въ годъ вывозится до 500,000 шкурокъ. Скотъ, набранный въ Монголіи, отправляется въ Иркутскъ; къ нему присоединяется значительная часть скота, собираемаго въ Алтаѣ у русскихъ подданныхъ кочевыхъ Китайцевъ. Прежде скотъ изъ русскаго Алтая гоняли черезъ Минусинскій округъ, причемъ приходилось переваливать черезъ высокія горы, отдѣляющія теченіе Томи отъ Енисея; въ послѣднее время его стали гонять черезъ Монголію. Всего прогоняется рогатаго скота черезъ Монголію до 6,000 головъ; выдѣлить изъ этой суммы, сколько падаетъ на русскій Алтай, трудно.[1]

Выше было сказано, что главное препятствіе къ развитію болѣе обширныхъ торговыхъ сношеній съ Монголіей заключается въ неудобствахъ и трудностяхъ пути по долинѣ Чуѣ, хотя все-таки этотъ путь черезъ Алтай самый удобный, такъ какъ Чуйская долина, лежащая не выше 6,000 ф. надъ уровнемъ моря, представляется обширной сѣдловиной между двумя мощными поднятіями — на юго-западѣ Укэкъ въ 7,000 ф. и на сѣверо-востокѣ Кендыктыкуль въ 8,000 футовъ. Выходъ изъ Чуйской долины не представляетъ затрудненій; хотя горные проходы, ведущіе изъ Чуйской степи (т. е. верхней части Чуйской долины) въ Монголію, поднимаются до 8,000 ф., но они плоски, оба ската ихъ удобны не только для подъема вьючнаго скота, но даже можно ѣхать черезъ нихъ въ телегѣ; они проходимы не только лѣтомъ, но и въ срединѣ зимы. Гораздо труднѣе провезти товаръ по нижней части Чуйской долины, гдѣ рѣка течетъ въ отвѣсныхъ щекахъ, и дорога лѣпится по карнизамъ или такъ называемымъ бомамъ.

Эта часть долины Чуи изобилуетъ живописными видами; при каждомъ поворотѣ долины пут-

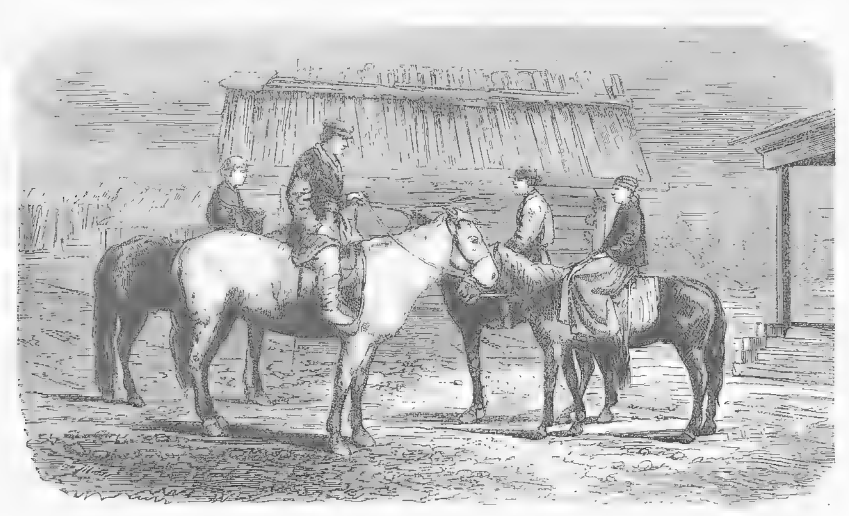
нику представляются новыя картины, одна другой интереснѣе; дорога идетъ по правому берегу рѣки, то спускаясь на дно долины, то поднимаясь на сосѣднія скалы; дорога эта ничто иное, какъ тропинка, очень мало улучшенная человѣческой рукой: убраны съ дороги камни, мѣстами дорога расширена на счетъ сосѣдней горы, если послѣдняя состоитъ изъ мягкаго грунта, что здѣсь встрѣчается рѣдко; мѣстами, гдѣ дорога тянется по узкому карнизу, по внѣшнему краю ея положена колода, на которой нѣсколько оставленныхъ сучьевъ должны напоминать о перилахъ. Иногда вмѣсто этихъ полу-искусственныхъ перилъ ее сопровождаетъ рядъ высокихъ кустовъ черемухи или ивъ, которые висятъ надъ обрывомъ, падающимъ отвѣсно надъ шумящей внизу рѣкой. «Бомами» называются каменныя массы, упирающіяся въ рѣку, такъ что дорогу приходится прокладывать въ полу-горѣ; если гора состоитъ изъ сланцевъ, тогда нерѣдко неравномѣрное выхожденіе пластовъ на поверхность образуетъ рубцы или уступы по склону горы, и однимъ изъ нихъ пользуются какъ естественной дорогой; уступъ бываетъ всегда такъ узокъ, что по немъ можетъ ѣхать только одинъ человѣкъ, и если дорога огибаетъ выдающійся мысъ, то прежде чѣмъ всему каравану вступить на уступъ, посылаютъ впередъ одного человѣка пѣшкомъ, чтобъ предупредить, не въѣхалъ ли кто-нибудь на уступъ съ противоположной стороны, — иначе съѣхавшимся на серединѣ нельзя будетъ разъѣхаться. Зимой, когда рѣка покроется льдомъ, или даже осенью, когда не вся рѣка обледенѣетъ, а только подъ бомами образуются забереги, по Чуйской долинѣ удается проходить вьючнымъ верблюдамъ; лѣтомъ же здѣсь единственно возможное передвиженіе на вьючныхъ лошадяхъ, которыя, надо признаться, прекрасно освоились съ мѣстными условіями. На лошадь навѣшивается вьюкъ, крѣпко прикрѣпляется къ ней веревками, и затѣмъ ее отпускаютъ бѣжать по своему произволу; для вьючки и присмотру, если караванъ большой, полагается на 6 лошадей одинъ рабочій. Обязанность его въ дорогѣ слѣдить за лошадьми, чтобъ онѣ не сворачивали съ дороги, увлекаясь кормомъ, что онѣ дѣлаютъ безпрестанно, забирась на крутизны, съ которыхъ потомъ имъ съ трудомъ приходится спускаться; чтобъ заставить ихъ спуститься, достаточно покричать имъ снизу, и потому двигающійся по этой ужасной дорогѣ караванъ безпрерывно оглашается криками погонщиковъ. Услышавъ крикъ, лошади останавливаются, присѣдаютъ на заднія ноги и нерѣдко скатываются внизъ, вó-время останавливаясь, когда достигнутъ горизонта проторенной дорожки. Иногда впрочемъ это не обходится такъ благополучно, и лошадь, миновавъ удобное мѣсто и увлекаемая тяжестью вьюка, катится до подножія скалы, куда достигаетъ мертвая, или, если дорожка идетъ по карнизу отвѣсной скалы, падаетъ съ значительной высоты прямо въ бурно несущуюся рѣку. Эти трудности перевозки по Чуѣ служатъ причиною тою, что купцы, ведущіе торговлю съ Монголіей, избѣгаютъ многихъ товаровъ, которые имѣли бы значительный сбытъ; такъ желѣзо или мука не везутся вслѣдствіе дороговизны перевозки, всякія жидкости, стекло— вслѣдствіе хрупкости или опасности убытка отъ ударовъ объ скалы. Въ настоящее время мѣстной администраціей возбужденъ вопросъ объ устройствѣ тележной дороги по Чуѣ.

Само собою разумѣется, что устройство тележной дороги значительно оживитъ торговлю этого богатаго и обильнаго края съ Монголіею. Бійскъ и ирбитская ярмарка перестанутъ быть почти исключительными пунктами сбыта продуктовъ сельско-хозяйственной производительности, а это въ высшей степени важно для края.

Только крайность, т. е. отсутствіе мало-мальски сносныхъ путей сообщенія, заставляетъ теперь мѣстное населеніе направлять всѣ предметы сбыта въ сторону Бійска и Ирбита, переполнять здѣсь рынки и сбывать товары за безцѣнокъ. Съ проведеніемъ же хотя бы и проселочной дороги въ сторону Монголіи, торговля сельско-хозяйственными продуктами направится главнымъ образомъ въ эту сторону; а это дастъ возможность производителямъ получить за свои товары почти въ два-три раза больше противъ того, что они получаютъ теперь на бійскомъ рынкѣ. Улучшеніе же края въ торговомъ отношеніи, т. е. устройство дорогъ, неминуемо вызоветъ, съ другой стороны, и болѣе густое его заселеніе, чтó также въ высшей степени важно.

Въ послѣдніе годы вопросъ о заселеніи нашей Сибирской пограничной линіи очень заботитъ правительство. Дѣло представляется настолько серьезнымъ и важнымъ, что принимаются даже мѣры искусственнаго заселенія этой границы, при помощи субсидій переселенцамъ изъ средствъ казны. Между тѣмъ заселеніе всей Сибири, въ томъ числѣ и пограничныхъ ея частей, совершится само собою, когда будутъ устроены должнымъ образомъ пути сообщенія и торговаго сношенія. Когда желѣзная дорога перерѣжетъ всю Сибирь, отъ Уральскаго хребта до Великаго океана, и отъ этой главной линіи протянутся побочныя вѣтви въ томъ направленіи, въ какомъ происходитъ теперь торговое движеніе, — Сибирь станетъ неразрывною органическою частью русскаго государства, а вмѣстѣ съ тѣмъ — произойдетъ и заселеніе этого обширнаго края, не исключая и пограничныхъ его областей, которыя перестанутъ быть изолированными, забытыми, заброшенными, — перестанутъ пугать людей своею отдаленностью.

Г. Н. Потанинъ.

Жители дер. Котанды (одна изъ деревень Уймонской степи).

ОЧЕРКЪ XI.

МИНЕРАЛЬНЫЯ БОГАТСТВА АЛТАЯ.

Алтайскій горный округъ, его минеральныя богатства и заводы. — Барнаулъ, Зыряновскій рудникъ, Риддерскъ и Чудакъ. — Змѣиногорскъ и Колыванская шлифовальная фабрика. — Салаиръ и Кузнецкій каменноугольный бассейнъ. - Золотоносныя розсыпи. — Переселеніе изъ Россіи и будущее Алтая.

Что сидишь ты, сложа руки?
Ты окончилъ курсъ науки,
Любишь русскій край.
Остроумно, интересно
Говоришь ты, мыслишь честно —
Что же? Начинай!
Иль тебѣ все мелко, низко?
Или ждешь труда безъ риска?..
Времена не тѣ.
. . . .

НЕКРАСОВЪ.

Рѣка Коргонъ (прит. Чарыша).

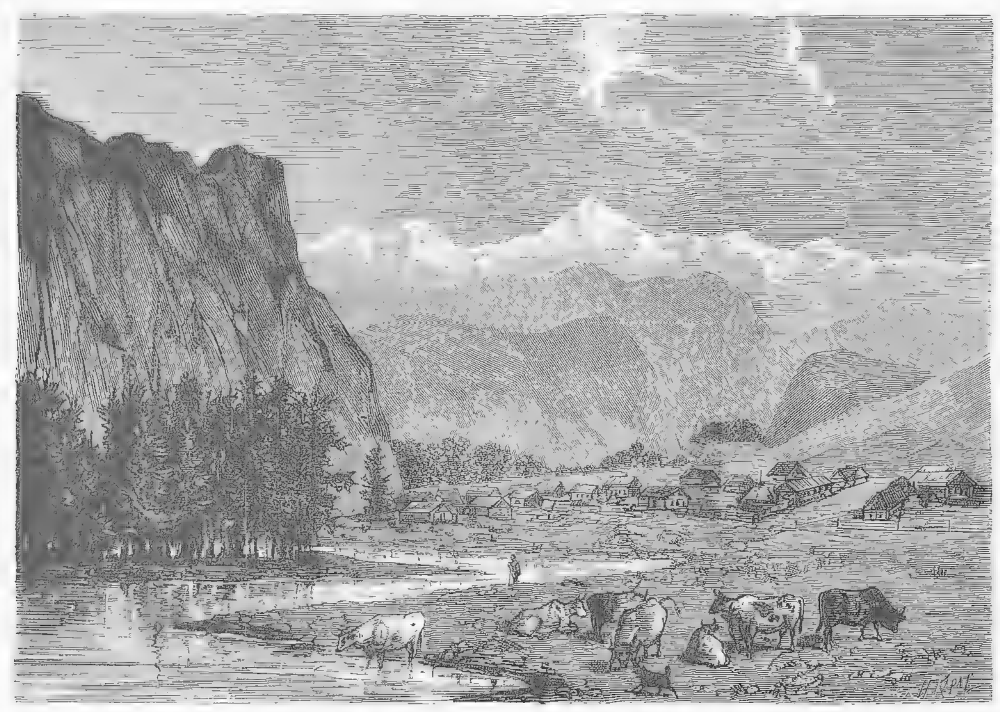
Совершенно вѣренъ взглядъ на Сибирь, какъ на «золотое дно». Нужна только энергія и умѣнье, чтобы воспользоваться сокровищами этого дна.

Горная группа Алтая, заключающая въ себѣ обширный горнозаводскій округъ, составляетъ собственно западную часть Алтайско-Саянской горной системы, которая, образуя сѣверную окраину великаго нагорья внутренней Азіи, нисколько не уступаетъ по величинѣ своимъ сосѣдямъ: Тянь-Шаню, Куэнь-луню и Гималаю. Она продолжается почти на 600 миль, до самаго устья Амура, заполняетъ собою часть западной и всю восточную Сибирь и можетъ считаться естественной границей между Россіею и Китаемъ.

Восточная граница Алтая или западная — Саяна до сихъ поръ еще не изслѣдована съ точностью, и потому она опредѣляется съ нѣкоторымъ произволомъ. Обыкновенно подъ именемъ Алтая разумѣютъ всю группу хребтовъ на юго-востокѣ Томской губерніи, между $79^1/_2$°—86° в. д. и 48° — $52^1/_2$° с. ш., длиною около 90 и шириною около 60 миль. Площадь его почти въ три раза больше Швейцаріи.

Названіе Алтай, по объясненію Радлова, можно толковать различно; оно можетъ происходить отъ слова Алатунъ, что значитъ «золотыя горы», также отъ Алинъ-тау — «пестрыя горы» или Алъ-тайга — «высоколежащій лѣсъ» и, наконецъ, Алты-ай — «шесть мѣсяцевъ»; но изъ этихъ толкованій всего вѣроятнѣе первое, тѣмъ болѣе, что китайское названіе Алтая, Гинь-шань, тоже означаетъ «золотыя горы».

Алтай представляетъ собою область главныхъ истоковъ Оби и отчасти Енисея. Исключая восточной стороны, гдѣ Алтай прымыкаетъ къ Саяну, онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ равнинами, между которыми по величинѣ особенно выдѣляется западная, называемая Барабинскою степью. Хотя средняя высота его не превышаетъ 5—6,000 ф., тѣмъ не менѣе въ немъ наблюдается нѣсколько значительныхъ, совершенно обособленныхъ хребтовъ, отличающихся другъ отъ друга какъ геологическимъ, такъ и орографическимъ характеромъ. Всѣ эти хребты могутъ быть

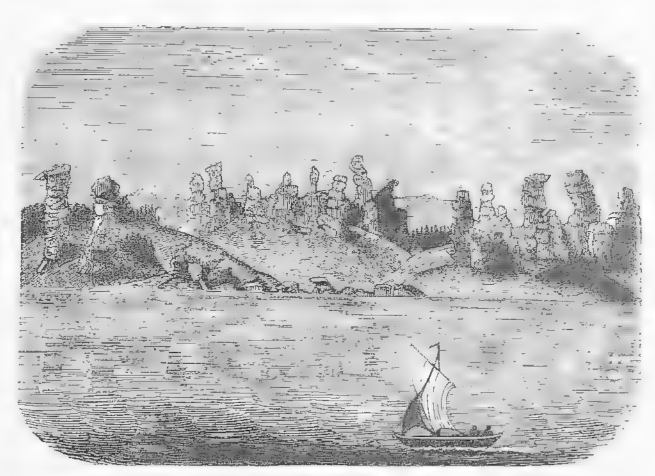

Коргонская деревня и видъ бѣлковъ.

раздѣлены на двѣ главныя группы: собственно Алтай, въ составъ котораго входятъ всѣ южные хребты (вмѣщающіе притоки Иртыша), и Кузнецкій Алатау или просто Алатау съ Салаирскимъ кряжемъ. Названіе Алатау или Алатага принадлежитъ одной горѣ, находящейся, по сообщенію г. Полетики, въ вершинахъ р. Барзаса (Вѣст. И. Р. Г. Об. 1860), а по Гельмерсену — въ верховьяхъ Шалтыръ-Кожухъ (Beitr. A. B. XIV). Но въ виду того, что въ Азіи нѣтъ общихъ туземныхъ названій и они даются изслѣдователями, намъ кажется болѣе удобнымъ, во избѣжаніе недоразумѣній, оставить названіе Алатау, тѣмъ болѣе, что многіе путешественники придаютъ ему совершенно самостоятельное значеніе. Границею между Алатау и Салаирскимъ кряжемъ можно считать широкую долину р. Чулышмана, которая, по выходѣ изъ Телецкаго озера, называется Біей.

Въ южной части или собственно Алтаѣ можно отличить нѣсколько второстепенныхъ хребтовъ, какъ: напримѣръ Бащалыкскій, Коргонскій, Убинскій, Холзунскій и т. д.; всѣ они представляютъ ничто иное, какъ отроги, лежащіе между долинами рѣкъ, текущихъ съ одной стороны въ

Обь, съ другой—въ Иртышъ. Направленіе ихъ почти общее — съ сѣверо-запада на юго-востокъ; но, по мѣрѣ удаленія къ востоку, они сходятся какъ-бы въ одинъ центръ, достигающій значительной высоты. Въ сѣверной части или Кузнецкомъ Алатау, куда относится и Салаирскій кряжъ, направленіе хребтовъ болѣе сѣверное и даже почти меридіанальное. Обѣ эти группы хребтовъ сходятся у истоковъ р. Катуни и образуютъ здѣсь какъ бы массивный горный узелъ, который, по свидѣтельству всѣхъ путешественниковъ, представляетъ крайне запутанное строеніе. Это цѣлый лабиринтъ высокихъ отдѣльныхъ грядъ и пиковъ, почему ихъ сравниваютъ то съ лучами, расходящимися въ различныя стороны отъ центра, то съ группою вулкановъ и пр. Въ этомъ же горномъ узлѣ, извѣстномъ подъ именемъ «Катунскихъ бѣлковъ» или «Катунскихъ столбовъ», вершины Алтая достигаютъ наибольшей высоты и называются «бѣлками», вслѣдствіе нахожденія на нихъ вѣчнаго снѣга. Между всѣми вершинами особенно выдѣляется по своей высотѣ гора Бѣлуха (mont-blanc); на ней берутъ начало истоки р. Катуни, и здѣсь же находятся единственные теплые ключи Алтая, называемые Рахмановскими. Вершина Бѣлухи представляетъ два остроконечныхъ исполинскихъ пика, изъ которыхъ западный, более высокій, достигаетъ почти до 11,000 ф. Они сплошь покрыты снѣгомъ, и только кое-гдѣ на бѣломъ фонѣ рисуются фантастическія скалы темнаго цвѣта, повидимому сланцевыя.

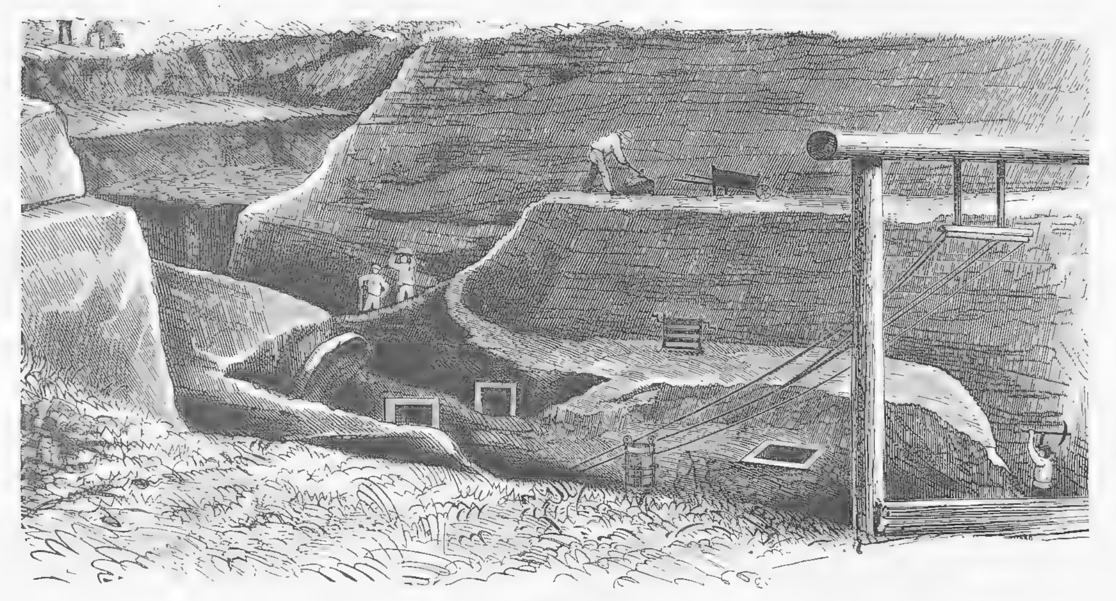

Видъ берега Колыванскаго озера.

Если посмотрѣть на всю горную массу Алтая à vol d'oiseau, то въ цѣломъ онъ представляетъ какъ-бы раскрытый вѣеръ; болѣе южные хребты простираются на востокъ, затѣмъ, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, они постепенно поворачиваютъ на юго-востокъ и затѣмъ въ Алатау переходятъ почти въ меридіанальные. Этотъ характеръ выражается еще рѣзче, если прослѣдить большія продольныя долины Алтая, какъ: Бухтарма, Коксунь, Катунь, Чульшманъ, Мрасса и др.

Внѣшній видъ Алтая, какъ въ хребтахъ, такъ и въ главныхъ долинахъ, съ перваго взгляда далеко не представляетъ такихъ величественныхъ красотъ съ фантастическими скалами и дикими ущельями, какія мы привыкли представлять себѣ въ большихъ горахъ, напр. на Кавказѣ, въ швейцарскихъ Альпахъ и пр. Напротивъ того, общая картина Алтая крайне однообразная и монотонная: это сглаженныя гряды горъ съ округленными очертаніями и съ ровнымъ гребнемъ, нерѣдко расширяющіяся въ широкое плато или, вѣрнѣе сказать, широкіе увалы, перемежающіеся съ такими же широкими долинами. Но зато картина совершенно мѣняется, гдѣ тѣ-же горы прорѣзываются поперечными долинами, гдѣ обнаженія породъ подвергались сильному атмосферическому разрушенію. «Тамъ, — говоритъ Щуровскій, — путешественникъ забываетъ объ этой всеобщей монотонности. Спокойныя, сглаженныя формы замѣняются нависшими скалами самыхъ причудливыхъ и крайне разнообразныхъ формъ; вмѣсто широкихъ долинъ являются глубокія, дикія ущелья, проходимыя только по ничтожнымъ тропинкамъ, нерѣдко висящимъ надъ ужасными пропастями, и называемыя туземцами «бомъ». Наибольшее число такихъ скалистыхъ долинъ находится въ области притоковъ Катуни, Коргона и др.

Но особенною живописностью отличаются окрестности нѣкоторыхъ, правда, немногихъ озеръ. Вообще, Алтай бѣденъ озерами; нѣсколько небольшихъ озеръ лежатъ высоко, выше

предѣла лѣсной растительности, т. е. 6,000 ф.; а изъ большихъ озеръ, которыя лежатъ вдали отъ главныхъ горныхъ массъ, извѣстны только два: Телецкое и Колыванское; изъ нихъ первое останавливаетъ на себѣ вниманіе значительностью размѣровъ, второе—живописностью. Колыванское озеро лежитъ на высотѣ 1,170 ф.; длина его около $3^1/_2$ верстъ при 2-хъ вер. ширины. Его округлое очертаніе, по словамъ П. П. Семенова, нарушается только скалистыми мысами, вдающимися въ озеро съ сѣверной стороны. Западный берегъ его совершенно пологій; на остальныхъ же возвышаются самыя причудливыя скалы до 700 ф. высотою. Скалы эти состоятъ изъ красноватаго или сѣраго гранита, получившаго отъ вывѣтриванія весьма развитую скорлуповатую отдѣльность, почему онѣ часто представляются въ видѣ громадныхъ глыбъ, наваленныхъ другъ на друга въ едва устойчивомъ равновѣсіи; подобно тому какъ на Гарцѣ, онѣ являются здѣсь въ видѣ фантастическихъ башенъ, развалинъ, террасъ

Алтайскій рудникъ.

и т. д. и придаютъ мѣстности необыкновенно живописный видъ, тѣмъ болѣе, что онѣ выступаютъ среди густой заросли сосенъ, березы, рябины, черемухи и пр. Озеро довольно глубоко и изобилуетъ рыбою. О красотѣ этого озера упоминаютъ всѣ изслѣдователи. Риттеръ называетъ его «восхитительнымъ» Колыванскимъ озеромъ, украшающимъ входъ въ эту романтическую горную страну. Щуровскій съ восторгомъ говоритъ о немъ: «Я выѣхалъ на одну возвышенность, — разсказываетъ онъ, — съ которой открылось предо мною очаровательное зрѣлище. Колыванъ-озеро, какъ огромное зеркало, лежало въ весьма фантастической рамѣ, между самыми живописными гранитными скалами. Безъ всякаго преувеличенія вы найдете тутъ всевозможныя сравненія съ древними замками, съ развалинами готическихъ зданій, падающими башнями, со многими искусственными произведеніями, съ нѣкоторыми животными и человѣческими фигурами. При первомъ взглядѣ на Колыванъ-озеро, на эту величественную картину, невольно обращается къ нему все вниманіе; перебѣгая взорами отъ одного предмета къ другому, ни на чемъ не можешь остановиться; хотѣлось-бы однимъ разомъ все запечатлѣть въ своей памяти.»

Вдаваться здѣсь въ подробности о Колыванскомъ и Телецкомъ озерахъ, равно какъ и въ описаніе внѣшнихъ особенностей Алтая — было бы излишне, такъ какъ объ этомъ

подробно говорится въ предъидущемъ очеркѣ. Говоря вообще, геологическій характеръ Алтая до сихъ поръ еще мало изученъ, такъ что невозможно даже составить сколько-нибудь точную геологическую карту; но тѣмъ не менѣе, въ общихъ чертахъ, мы знаемъ, какія отложенія принимаютъ существенное участіе въ его составѣ. Главная масса Алтая состоитъ изъ весьма распространенныхъ кристаллическихъ и метаморфическихъ сланцевъ. Они проявляются во многихъ разновидностяхъ: глинистый, слюдяный, кремнистый, тальковый, хлоритовый и другіе сланцы господствуютъ въ южномъ Алтаѣ. Они же составляютъ, такъ сказать, основу горъ и заключаютъ почти всѣ другія породы, также какъ и большинство рудныхъ залежей. Эти сланцеватыя породы, перемежаясь съ толщами известняковъ, нерѣдко кристаллическихъ, мраморовидныхъ, по древности своего происхожденія, относятся къ различнымъ геологическимъ эпохамъ, между которыми, на основаніи ископаемой фауны и флоры, опредѣлены: силурійская, девонская, каменноугольная и юрская эпохи.

Къ силурійской формаціи причисляютъ всѣ глинистые сланцы, напр. по Иртышу отъ Бухтарминска до Усть-Каменогорска и далѣе на западъ, гдѣ ихъ можно прослѣдить до Урала. Ископаемая флора этихъ сланцевъ сохранилась очень плохо, и потому ихъ трудно отдѣлить отъ болѣе древнихъ породъ, принадлежащихъ къ до-силурійской эпохѣ.

Девонскіе пласты выражаются гораздо яснѣе, они состоятъ также изъ сланцевъ, граувакк и известняковъ, напр. рудоносные пласты Змѣиногорска, Петровска, Риддерска и пр. Въ нихъ окаменѣлая фауна сохранилась гораздо лучше и по своему характеру значительно разнообразнѣе; между животными, характерными для этого возраста пластовъ на Алтаѣ, найдены многіе моллюски (Terebratula Scalprum, Rhynchonella pleurodon, Pentamerus brevirostris, Spirifer speciosus и пр.), а также многіе кораллы и мшанки (Cyathophyllum caespitosum, Calamopora polymorpha, Syringopora caespitosa и пр.).

Каменноугольная формація весьма не рѣзко отдѣляется отъ девонской, и потому ихъ часто смѣшиваютъ. Она состоитъ, главнымъ образомъ, изъ сѣраго доломитоваго известняка, перемежающагося съ глинистыми и мергелистыми сланцами; въ нихъ попадаются остатки окаменѣлыхъ ракообразныхъ, называемыхъ трилобитами, также и нѣкоторые моллюски (Phacops latifrons, Orthoceras giganteum, Straparolus, Spirifer glaber и пр.).

Всѣ эти отложенія наиболѣе развиты въ южномъ Алтаѣ, тогда какъ въ сѣверномъ, кромѣ ихъ, выступаютъ еще образованія юрской формаціи, важныя для насъ въ томъ отношеніи, что содержатъ огромныя залежи каменнаго угля. Правда, въ послѣднее время и въ южномъ Алтаѣ открытъ каменный уголь, но древность и распространеніе его до сихъ поръ еще не изслѣдованы. Образованія этой формаціи состоятъ изъ песчаниковъ, конгломератовъ и сланцеватыхъ глинъ съ многочисленными отпечатками растеній, характерныхъ для флоры юрской формаціи, которая имѣетъ громадное развитіе на азіатскомъ материкѣ, распространяясь отъ Алтая по восточной Сибири и далѣе въ Китаѣ и Туркестанѣ до Индіи.

Среди мощныхъ осадочныхъ и метаморфическихъ породъ во многихъ мѣстахъ Алтая выступаютъ породы массивныя, зернисто-кристаллическія, составляющія часто какъ бы ядро горъ. Между ними наибольшее развитіе принадлежитъ граниту. Онъ представляетъ красноватую или сѣроватую породу, залегающую среди сланцевъ или въ видѣ жилъ, или въ массивныхъ выходахъ. При этомъ онъ сильно подвергается разрушительному дѣйствію атмосферныхъ агентовъ, вслѣдствіе чего нерѣдко образуетъ самыя причудливыя скалы, напоминая собою скалы Оденвальда, Шварцвальда, Гарца, Карлсбада. Вмѣстѣ съ гранитомъ находятся различные порфиры и порфириты, большею частью залегающіе среди другихъ породъ въ видѣ жилъ, образуя нерѣдко, на границахъ соприкосновенія съ ними, яшмы, брекчіи и пр., которыя въ значительномъ количествѣ употребляются на различныя красивыя подѣлки въ Колыванской гранильной фабрикѣ. По сосѣдству съ ними почти всегда находятся

рудныя залежи, напримѣръ, въ Змѣиногорскѣ, Риддерскѣ, Чудакѣ, Николаевскѣ и пр. Онѣ новѣе, чѣмъ граниты, но древнѣе группы такъ называемыхъ зеленокаменныхъ породъ, къ которымъ принадлежатъ: діоритъ, діабазъ, авгитовый порфиръ и гиперстенитъ, извѣстный на мѣстѣ подъ именемъ «траппъ». Они нерѣдко пересѣкаютъ рудныя залежи, а также образуютъ, на границѣ соприкосновенія съ другими породами, красивыя въ подѣлкахъ яшмы, брекчіи и пр., напримѣръ въ Змѣиногорскѣ, Карамышевскѣ, Зыряновскѣ и другихъ мѣстахъ.

Кромѣ перечисленныхъ древнихъ породъ, недавно въ сѣверномъ Алтаѣ, именно въ Салаирскомъ кряжѣ, т. е. близъ новыхъ юрскихъ осадковъ, открыты еще по близости дер. Карагановой новыя вулканическія породы, базальтъ и андезитъ, образующія красивую гряду съ весьма разорваннымъ гребнемъ и ясною столбчатою отдѣльностью.

Изъ этого видно, что сѣверный Алтай, съ давнихъ поръ, т. е. со времени отложенія юрскихъ пластовъ, а южный еще ранѣе, со времени каменноугольной формаціи, представляютъ сушу; въ продолженіе этого громаднаго періода времени, начиная съ каменноугольной эпохи, онъ подвергался разрушительному вліянію атмосферныхъ дѣятелей, которые, размывая породы, образовали мощныя толщи глинъ, песка и галекъ, покрывающихъ поверхность Алтая и распространяющихся далеко отъ него. Эти, такъ называемыя, диллювіальныя отложенія, характерныя для Алтая, скрываютъ подъ собою всѣ нижележащія породы и весьма затрудняютъ геологическое изслѣдованіе его. Въ виду массы этихъ отложеній, становится понятною та сглаженность горъ Алтая, отсутствіе всякихъ фантастическихъ скалъ и острыхъ гребней, о чемъ мы сказали выше. Вмѣстѣ съ тѣмъ, то-же вліяніе обусловило сильную разрушенность породъ Алтая, также какъ и его рудныхъ залежей. Одновременно съ различными породами, разумѣется, разрушились и смылись водами и различныя металлоносныя жилы; поэтому-то среди песковъ, глинъ и галекъ въ диллювіальныхъ отложеніяхъ находятся и разсѣянныя зерна наиболѣе постоянныхъ металловъ, между которыми первое мѣсто занимаетъ золото. Золотоносныя розсыпи — ничто иное, какъ тѣ-же диллювіальные осадки, гдѣ среди песку и глинъ находятся крупинки золота, составляющія предметъ весьма развитой эксплоатаціи, особенно въ Алатау.

Такимъ образомъ, въ южномъ Алтаѣ наиболѣе развиты древнія породы, какъ граниты, различные сланцы и пр., словомъ — не новѣе каменноугольной формаціи; породы же зеленокаменныя находятся только въ подчиненномъ видѣ. Между тѣмъ на сѣверѣ, въ Кузнецкомъ Алатау, древнія породы уступаютъ мѣсто болѣе новымъ образованіямъ; гранитъ и сланцы значительно сокращаются; вмѣсто нихъ появляются въ большомъ развитіи породы зеленокаменныя. Между осадочными отложеніями первое мѣсто занимаютъ юрскіе осадки съ богатою окаменѣлою флорою и съ громадными запасами каменнаго угля, перерѣзанные новѣйшими вулканическими породами, базальтомъ и андезитомъ. Слѣдовательно, Алатау по своему геологическому составу несравненно новѣе, моложе, чѣмъ южный Алтай. Въ то время, какъ этотъ послѣдній получилъ уже свой настоящій видъ, совершенно обособился, сформировался и представлялъ сушу, Алатау еще былъ покрытъ моремъ, представлялъ разъединенные острова, между которыми въ углубленіяхъ отлагались юрскіе песчаники и глины и накоплялся растительный матеріалъ, обусловившій образованіе каменноугольныхъ пластовъ.

Само собою разумѣется, что это рѣзкое различіе въ геологической жизни сѣвернаго и южнаго Алтая весьма сильно отразилось и на его мѣсторожденіяхъ минеральныхъ продуктовъ. Минеральныя богатства Алтая и Алатау представляютъ собою какъ бы двѣ совершенно обособленныя области: въ южномъ Алтаѣ, среди древне-осадочныхъ и кристаллическихъ породъ, преобладаютъ, въ видѣ жилъ или неправильной формы скопленій, серебряныя, мѣдныя свинцовыя и цинковыя руды, тогда какъ въ Алатау эти металлы очень рѣдки, но зато обильно разсѣяны золотыя розсыпи и мощные пласты каменнаго угля. Золото, желѣзо и каменный уголь Алатау вполнѣ поспорятъ своимъ богатствомъ и экономическою важностью съ сереб-

ромъ, свинцомъ и мѣдью южнаго Алтая; но, къ сожалѣнію, эксплоатація тѣхъ и другихъ богатствъ крайне неравномѣрна. Съ давнихъ поръ и по настоящее время разработка минеральныхъ продуктовъ почти исключительно сосредоточивается въ южной половинѣ Алтая; въ сѣверной же разработывается только золото, и то какихъ-нибудь лѣтъ 50, а каменный уголь до сихъ поръ еще оставляется почти безъ вниманія.

Минеральныя богатства Алтая издавна играютъ весьма важную роль, вслѣдствіе ихъ обилія и доступности; имъ обязанъ Алтай развитіемъ горнаго промысла, сосредоточеннаго въ алтайскомъ горномъ округѣ. Они, по всей вѣроятности, были еще извѣстны въ самой глубокой древности. Повсюду на Алтаѣ встрѣчаются слѣды древнихъ горныхъ работъ, въ видѣ старыхъ копаней какого-то неизвѣстнаго народа, который называютъ общимъ именемъ Чудь, а мѣсто старыхъ разработокъ — чудскими копями. Названіе Чудь Гельмерсенъ производитъ отъ

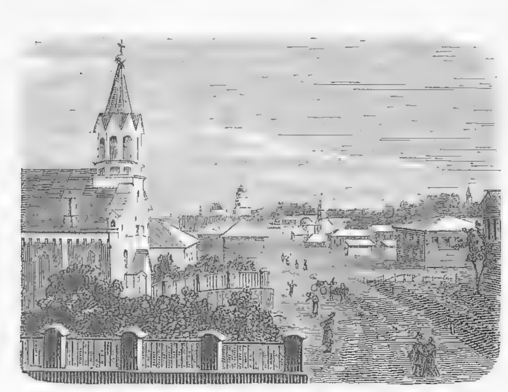

Видъ рѣки Оби въ 3-хъ верстахъ отъ Барнаула.

слова чужой, чуждый. Доисторическія работы этого народа составляютъ первый періодъ въ исторіи алтайскаго горнаго промысла. Чудскія копи чрезвычайно многочисленны; можно сказать, что многіе изъ дѣйствующихъ нынѣ рудниковъ основаніемъ своимъ исключительно обязаны этимъ копямъ. Форма ихъ и способъ разработки несомнѣнно свидѣтельствуютъ, что народъ, производившій ихъ, обладалъ весьма невысокою культурою. Чудскія копи представляютъ собою ничто иное, какъ поверхностныя ямы или разносы, при помощи которыхъ добывались только верхнія разрушенныя части рудныхъ залежей. Въ этомъ обстоятельствѣ видятъ доказательство того, что Чуди было совершенно неизвѣстно употребленіе желѣза и пороха. То же подтверждается и различными орудіями, найденными въ чудскихъ копяхъ, которыя всѣ сдѣланы изъ мѣди или камня, но не изъ желѣза; кромѣ того, остатки, уцѣлѣвшіе отъ прежней плавки, свидѣтельствуютъ только о слѣдахъ мѣдной плавки, но нигдѣ не замѣчено плавки чугуна или выдѣлки желѣза. Различныя вещи и украшенія, открытыя бугровщиками или курганщиками (такъ называютъ въ Сибири людей, занимающихся разрываніемъ чудскихъ могилъ), сдѣланы изъ разнообразныхъ, даже драгоцѣнныхъ металловъ, но не изъ желѣза. На основаніи этихъ данныхъ можно полагать, что проблематическій народъ Чудь, составлявшій первобытное населеніе Сибири, принадлежитъ къ тому періоду, когда люди не умѣли еще извлекать желѣзо изъ рудъ и пользоваться имъ, т. е. къ бронзовому и новокаменному періоду.

Чудскія могилы (tumuli) находятся во многихъ мѣстахъ Алтая, особенно въ приалтайскихъ степяхъ и широкихъ открытыхъ долинахъ, напр. Чарыша, близъ Риддерска, Черепановска и др. По своей формѣ и характеру онѣ должны быть отнесены къ тому же типу древнихъ сооруженій, которыя извѣстны и во многихъ другихъ мѣстахъ подъ различными названіями: менгиры и пельвы Скандинавіи, кромлехи Англіи, курганы Россіи, куманы Венгріи, долмены Франціи и пр. Алтайскія могилы, по Ледебуру, представляютъ небольшія кучи изъ камня или земли, эллиптической формы, до 2-хъ саж. въ діаметрѣ и почти такой же высоты. Въ нихъ

находятъ скелеты людей и различныя украшенія, по которымъ Ледебуръ вывелъ заключеніе, что эти могилы принадлежатъ не одному какому-нибудь народу, а цѣлому конгломерату народностей, жившихъ въ разное время и какъ бы смѣнявшихъ другъ друга; но вопросъ о происхожденіи ихъ еще и до сихъ поръ не разрѣшенъ исторіей. Эйхвальдъ находитъ, что Чудь можно отождествлять съ Скиѳами Геродота; Гумбольдтъ думаетъ (на основаніи же Геродота), что въ тѣ времена въ юго-западной части Алтая жили Исседоны, а въ сѣверной — «Аримаспы и Грипны или Грифы, стерегущіе золото»; что горными работами занимались Исседоны, отъ которыхъ, по мнѣнію Гумбольдта, не только Скиѳы, но и Греки получали золото и серебро. Если это такъ, то наша Чудь — древніе Исседоны. Но, съ другой стороны, Надеждинъ, на основаніи своихъ археографическихъ изслѣдованій, высказываетъ совершенно противное мнѣніе: онъ не вѣритъ въ существованіе Исседоновъ, Аримасповъ и Гипербореевъ, а золотохранителей Грипповъ, по созвучію съ Рипеями, принимаетъ за миѳическіе образы древнихъ рудокоповъ въ Карпатскихъ горахъ. Наконецъ, по новѣйшимъ изысканіямъ, мѣста поселеній Исседоновъ, Аримасповъ и пр. пріурочиваются къ южной части Тарамскаго бассейна. Такимъ образомъ, уже одно сопоставленіе приведенныхъ нами мнѣній о древнемъ населеніи Алтая показываетъ, насколько еще гадателенъ этотъ вопросъ и все, что касается чудскихъ могилъ.

Внутренній видъ Барнаула.

Второй и новый періодъ въ исторіи горнаго дѣла на Алтаѣ начинается съ конца XVII в. и особенно съ начала XVIII. Первыя работы на Алтаѣ съ цѣлью добыванія руды были предприняты въ 1698 году Грекомъ Александромъ Левандіаномъ по рр. Каштакъ и Китамъ въ системѣ р. Кін; но онъ принужденъ былъ оставить свои попытки, вслѣдствіе вражды и различныхъ притѣсненій со стороны туземцевъ. Затѣмъ, возобновленіе горнаго дѣла всецѣло принадлежитъ энергіи одного изъ членовъ семьи Демидовыхъ, прославившихся въ русскомъ горномъ дѣлѣ, а именно Акинфію Никитичу, сыну Никиты Демидовича, основателя уральскихъ горныхъ заводовъ. Послѣ долгихъ поисковъ и усилій въ борьбѣ съ туземцами и природой, Акинфій Демидовъ, наконецъ, нашелъ мѣдную руду около Колыванъ-озера въ 1723 году; такъ какъ днемъ открытія было воскресенье, то и всѣ промыслы получили названіе Колывано-Воскресенскихъ; названіе это долго сохранялось за всѣмъ округомъ, извѣстнымъ въ настоящее время подъ именемъ Алтайскаго. Для развѣдки этого мѣсторожденія Демидовъ тотчасъ же отправилъ одного рудовѣдца, подьячаго Димитрія Семенова, по прозванью «Козьи Ножки». Рудовѣдецъ Семеновъ сдѣлалъ первый опытъ выплавки рудъ въ печи, построенной имъ на рѣкѣ Локтевкѣ, гдѣ вскорѣ, по приказанію Демидова и съ разрѣшенія Бергъ-Коллегіи, выстроенъ былъ небольшой заводъ о двухъ плавильныхъ печахъ съ ручными мѣхами. Въ 1727 году, вслѣдствіе маловодности рѣки Локтевки, заводъ этотъ былъ перенесенъ на р. Бѣлую, при подошвѣ горы Синюхи, и названъ Колыванскимъ. Это былъ первый заводъ на Алтаѣ.

Вскорѣ послѣ того были открыты многочисленныя другія мѣсторожденія, какъ напр. рудники: Благовѣщенскій, Лазурный и пр. Количество рудъ значительно увеличилось, потребовались новые заводы, почему въ 1739 г. Демидовъ построилъ Барнаульскій заводъ, который впослѣдствіи послужилъ основаніемъ горной столицѣ Алтая —Барнаулу. Затѣмъ основанъ былъ Шульбинскій заводъ, существовавшій, впрочемъ, недолго и скоро уничтоженный вмѣстѣ съ Колыванскимъ, такъ такъ недостатокъ лѣса дѣлалъ ихъ невыгодными. Въ 1799 году на

мѣстѣ Колыванскаго завода была учреждена гранильная фабрика, извѣстная до сихъ поръ своими прекрасными издѣліями изъ алтайскихъ яшмъ и порфировъ. Послѣ открытія, по чудскимъ копямъ, въ 1734 и особенно въ 1744 г. богатѣйшихъ залежей серебра въ змѣиногорскомъ мѣсторожденіи, всѣ Колывано-Воскресенскіе заводы въ 1747 году поступили въ управленіе Кабинета Его Величества, такъ какъ въ то время положительно запрещалось частнымъ людямъ разрабатывать золото и серебро. Съ переходомъ заводовъ и рудниковъ въ вѣдѣніе Кабинета, къ нимъ приписано было нѣсколько деревень, крестьянамъ которыхъ приказывалось отправлять заводскія работы, словомъ: образовались рудничныя поселенія, которыя были безусловно закрѣпощены и освобождены отъ обязательнаго труда только въ силу закона 19-го февраля 1861 г. Съ 1747 года, дѣло стало значительно развиваться; выплавка серебра доходила ежегодно до 1,000 и болѣе пудовъ. Въ началѣ нынѣшняго столѣтія, вслѣдствіе неправильной и до нѣкоторой степени хищнической разработки и отсутствія правильныхъ развѣдокъ, производство металловъ значительно упало, а въ 1830 г. заводы переданы въ управленіе министерства финансовъ вмѣстѣ съ незадолго построеннымъ до этого Сузунскимъ монетнымъ дворомъ, гдѣ чеканилась преимущественно мѣдная монета, на сумму около 250,000 р. въ годъ. Заводы снова начали процвѣтать, тѣмъ болѣе, что къ добычѣ мѣди и серебра прибавилось еще золото, которое открыто было въ Салаирскихъ горахъ, по р. Фомихѣ.

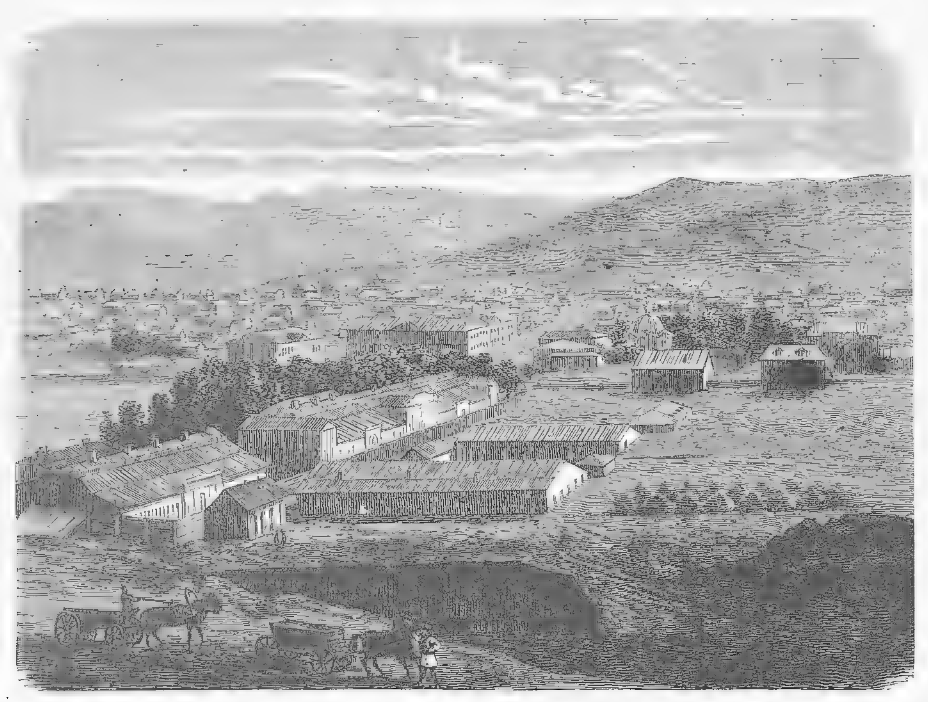
Демидовская площадь въ Барнаулѣ.

Открытіе золота на Алтаѣ составило своего рода эпоху, потому что, кромѣ прямыхъ выгодъ казнѣ, оно привлекло въ дикія и пустынныя страны Алтая массу частныхъ предпринимателей и положило прочное основаніе частной золотопромышленности въ Сибири. Въ 1834 году Колывано-Воскресенскіе заводы переименованы въ Алтайскіе и снова подчинены Кабинету. Производство шло болѣе или менѣе съ равнымъ успѣхомъ. Съ развитіемъ золотопромышленности были основаны два желѣзодѣлательныхъ завода — Томскій и Гурьевскій, имѣющіе ближайшею цѣлію удовлетвореніе мѣстныхъ потребностей; но, къ сожалѣнію, дѣятельность ихъ очень незначительна, а въ послѣднее время еще болѣе ослабѣла. Вообще, нужно замѣтить, что въ послѣднее время вся заводская дѣятельность значительно уменьшилась, о чемъ подробнѣе скажемъ ниже. Въ настоящее время Алтайскій горный округъ занимаетъ около 8,000 кв. г. м. и раздѣляется на двѣ различныя части: сѣверную, называемую Салаирскимъ краемъ, и южную — Змѣиногорскимъ, такъ что и въ административномъ дѣленіи выразилась та-же двойственность, которую мы прослѣдили выше.

Почти на рубежѣ этихъ двухъ округовъ, вдали отъ горъ, на р. Барнаулкѣ, недалеко отъ Оби, на высотѣ 400 ф. расположенъ главный центръ Алтая, чисто — горный городъ Барнаулъ съ своимъ стариннымъ заводомъ, при которомъ заводскій прудъ съ густою растительностью не мало краситъ безжизненныя окрестности города. Нѣкогда эти окрестности были богаты лѣсомъ, но теперь деревья, особенно березы, уцѣлѣли только въ городѣ. Вообще, городъ построенъ довольно правильно: улицы широкія, прямыя, съ прекрасными зданіями, между которыми не мало каменныхъ большихъ домовъ и нѣсколько церквей, а на площади стоитъ памятникъ Демидову — отцу Алтайскаго горнаго промысла. Въ Барнаулѣ считаютъ до 14,000 жителей, до 2,000 домовъ, до 130 лавокъ и 8 церквей.

Барнаулъ дѣйствительно имѣетъ первостепенное значеніе между сибирскими городами; еще Палласъ замѣтилъ, что онъ по внѣшнимъ удобствамъ рѣзко отличается и стоитъ выше многихъ захолустныхъ городовъ Сибири. Музей въ Барнаулѣ основанъ двумя почтенными дѣяте-

лями: Фроловымъ и Геблеромъ, о которыхъ Розе, спутникъ Гумбольдта, отзывается съ большимъ уваженіемъ. Музей этотъ очень разнообразенъ, благодаря своимъ интереснымъ коллекціямъ породъ, минераловъ, окаменѣлостей, животныхъ, различныхъ вещей изъ чудскихъ копей и пр. Къ сожалѣнію, говорятъ, онъ заброшенъ въ послѣднее время, но такъ недавно еще онъ былъ единственнымъ музеемъ въ Сибири. Барнаулъ представляетъ какъ-бы центръ всей заводской и промышленной дѣятельности Алтая, такъ какъ сюда, особенно зимой, собираются всѣ дѣятели съ рудниковъ и заводовъ и сообща рѣшаютъ горнозаводскіе вопросы; здѣсь же находится и золотосплавочная лабораторія, привлекающая золотопромышленниковъ. Торговое значеніе Барнаула весьма важно, такъ какъ кромѣ горныхъ заводовъ здѣсь развита и частная фабричная дѣятельность, которая связываетъ его со многими сибирскими городами. Онъ также имѣетъ постоянныя сношенія со столицею, куда ежегодно отправляетъ свои караваны съ золотомъ.

Серебро—и золото-плавильный заводъ въ Барнаулѣ.

Въ немъ, наконецъ, сильно развито гостепріимство, составляющее отличительное свойство сибирскихъ городовъ, но здѣсь, по словамъ Котта, оно соединено съ образованіемъ.

Послѣ Барнаула, какъ главнаго центра горнозаводской дѣятельности Алтая, наиболѣе важное мѣсто занимаетъ Змѣиногорскій заводъ, именемъ котораго называется и весь южный рудный край. Змѣиногорскій край, съ знаменитымъ Зыряновскимъ рудникомъ, представляетъ собою въ настоящее время средоточіе рудничнаго дѣла. Въ немъ извѣстно около 3,000 мѣсторожденій различныхъ минераловъ: серебра, мѣди, свинца и др., но изъ нихъ подвергались разработкѣ во все время существованія рудниковъ не болѣе 30-ти. Можно судить по этому, какой еще громадный, почти непочатый запасъ минеральныхъ богатствъ представляетъ собою Алтай въ видѣ Змѣиногорскаго края!

Всѣ рудныя мѣсторожденія, вообще, — насколько до сихъ поръ извѣстно ихъ геологическое строеніе, — болѣе или менѣе однородны по своему составу, формѣ залеганія и вмѣщающимъ ихъ породамъ. Всѣ они по типу представляютъ разнообразныя жилы, т. е. выполненіе

неправильныхъ трещинъ въ породахъ; значитъ, они новѣе тѣхъ породъ, въ которыхъ залегаютъ, т. е. сначала образовалась порода, въ ней произошли трещины, и потомъ уже эти трещины заполнились минеральнымъ, въ данномъ случаѣ руднымъ, растворомъ, образовавшимъ рудныя жилы. Форма жилъ весьма разнообразна: то онѣ значительно раздуваются, образуя какъ бы мѣшки или штоки, то залегаютъ правильно между пластами породъ, протягиваясь на далекое разстояніе и образуя пластовыя жилы, то наконецъ разбиваются на множество мелкихъ частей, связь которыхъ можно узнать только слѣдя за жильной породой. Рудныя жилы залегаютъ преимущественно въ древне-осадочныхъ породахъ, принадлежащихъ къ силурійской, девонской и каменноугольной формаціямъ, но гораздо рѣже находятся въ кристаллическихъ сланцахъ и почти никогда въ гранитахъ, за исключеніемъ развѣ ничтожнаго количества бѣлой свинцовой руды, какъ напр. близъ Зыряновска, хотя по близости рудныхъ жилъ гранитъ нерѣдко выступаетъ въ большихъ выходахъ. Въ тѣсной связи съ рудоносностью находятся зеленокаменныя породы, какъ діоритъ, фельзитовые, кварцевые порфиры и пр.; нѣкоторыя изъ нихъ даже содержатъ руду, а иногда и пересѣкаютъ рудныя жилы, что доказываетъ ихъ образованіе послѣ руды, т. е. онѣ новѣе, моложе рудныхъ жилъ.

Что же касается жильной породы или собственно рудной массы, то она, главнымъ образомъ, состоитъ изъ кварца, тяжелаго шпата и отчасти роговика. Въ нихъ рудныя частицы разсѣяны съ большею или меньшею правильностью и такимъ образомъ, что на большой глубинѣ онѣ являются въ видѣ сѣрнистыхъ соединеній или, какъ говорятъ, колчеданистыхъ рудъ, а съ поверхности, благодаря сильной разрушенности породъ, находятся уже разложившіяся, окисленныя или такъ называемыя охристыя руды.

Хотя рудныя жилы по составу болѣе или менѣе однородны, но въ нихъ находятся совмѣстно различные металлы, и количественное содержаніе этихъ металловъ не одинаково въ различныхъ жилахъ; поэтому мѣсторожденія различаются по преобладающему въ нихъ металлу. Такъ, въ однѣхъ жилахъ серебро является господствующимъ по количеству, сравнительно съ другими металлами, а потому и самое мѣсторожденіе называется серебрянымъ, такъ какъ серебро эксплоатируется здѣсь прежде всего, хотя вмѣстѣ съ нимъ находятся мѣдь, свинецъ, золото и желѣзо; въ другихъ — главнымъ предметомъ эксплоатаціи и преобладающей по количеству является мѣдь, и мѣсторожденіе называется мѣднымъ, хотя опять-таки здѣсь встрѣчаются серебро, золото, цинкъ, свинецъ и пр. Словомъ, нѣтъ рѣзкой разницы между различными мѣсторожденіями, такъ что иногда изъ одной и той-же рудной жилы добываютъ серебро, свинецъ, мѣдь и золото. Руды находятся въ формѣ сплошныхъ массъ и только изрѣдка представляютъ прекрасныя скопленія кристалловъ, напр. мѣдной лазури, бѣлой свинцовой руды, цинковаго шпата и пр. При этомъ нужно замѣтить, что, вообще, минералы на Алтаѣ однообразны и большею частью представляютъ самыя обыкновенныя соединенія. Только въ одномъ старомъ рудникѣ, нынѣ совершенно заброшенномъ, именно въ Заводинскомъ, прежде находились въ большихъ массахъ чрезвычайно рѣдкія соединенія: теллуристое серебро и теллуристый свинецъ, которые, какъ извѣстно, кромѣ Алтая, находятся еще только въ двухъ мѣстахъ на земномъ шарѣ: въ Америкѣ и въ Зибенгебиргѣ.

Изъ всѣхъ многочисленныхъ мѣсторожденій Змѣиногорскаго края, въ настоящее время, безспорно, наиболѣе важное значеніе имѣютъ знаменитыя рудныя залежи, разрабатываемыя Зыряновскимъ рудникомъ. Этотъ рудникъ уже издавна занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ по богатству своихъ серебряныхъ рудъ и, начиная съ 50-хъ годовъ, онъ доставляетъ почти половину добываемаго на Алтаѣ серебра. Такъ что если Змѣиногорскій рудникъ представляетъ собою все прошлое алтайскаго серебрянаго производства, то Зыряновскій — его настоящее.

Зыряновскій рудникъ занимаетъ площадь около 600 кв. вер. и расположенъ въ низкой котловинѣ, при соединеніи притоковъ Бухтармы, на высотѣ около 1,500 ф. Окрестности

рудника пустынны и безлѣсны; рѣдкія хвойныя деревья и березы находятся отъ него верстахъ въ 20-ти. Кромѣ того мѣстность эта не можетъ считаться здоровою вслѣдствіе близости обширныхъ болотъ. Самыя разработки лежатъ около селенія и даже отчасти среди его, и сосредоточены въ двухъ ближайшихъ горахъ: Рудной и Солдатской, возвышающихся надъ селеніемъ не болѣе 400—500 ф.

Открытіе Зыряновскаго мѣсторожденія было исключительно дѣломъ случая. Въ 1792 году, по заявленію пристава Коргонской каменоломни о нахожденіи дымчатаго горнаго хрусталя въ верховьяхъ р. Уймона, съ Бухтарминскаго мѣднаго рудника была отправлена туда партія рабочихъ съ проводникомъ Зыряновымъ, бывшимъ слесарнымъ ученикомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ стрѣлкомъ. На обратномъ пути, въ 1794 г., этотъ Зыряновъ, бродя на охотѣ, нечаянно напалъ на отвалы прежнихъ работъ и выходы бѣлаго кварца; по прибытіи въ Бухтарму, онъ заявилъ

Зыряновскій рудникъ.

объ этомъ горному начальству. Вслѣдъ затѣмъ, по указанію Зырянова, въ 1798 г. произведены были развѣдки и обнаружены чрезвычайно богатыя руды, которыхъ запасъ не истощился до настоящаго времени. Рудникъ въ честь Зырянова названъ его именемъ, а самъ Зыряновъ получилъ потомственную награду, въ видѣ ежегодной пенсіи въ 3,000 р., которой до сихъ поръ пользуются его родственники, живущіе въ Зыряновскѣ.

Самое рудное мѣсторожденіе, какъ оно извѣстно въ настоящее время, представляетъ двѣ системы неправильныхъ жилъ, болѣе или менѣе параллельныхъ между собою, съ простираніемъ съ востока на западъ; онѣ наклонены въ двѣ противоположныя стороны на югъ и на сѣверъ и мѣстами отдѣляютъ отъ себя второстепенныя вѣтви; при этомъ жилы раздѣлены полосою, состоящею изъ чистаго бѣлаго или тальковатаго кварца, доходящаго иногда до 18 саж. толщины. Какъ рудныя жилы, такъ и раздѣляющая ихъ кварцевая масса залегаютъ среди глинистыхъ сланцевъ и всегда по близости жилъ авгитоваго порфира, прорѣзывающаго тѣ-же сланцы. Словомъ, Зыряновское мѣсторожденіе представляетъ собою выполненіе обширной, но весьма неправильной и развѣтвляющейся трещины.

По характеру минеральнаго состава, рудныя жилы не одинаковы въ своихъ верхнихъ и нижнихъ частяхъ. Съ поверхности онѣ состоятъ изъ очень мягкихъ, легко добываемыхъ рудъ, называемыхъ «охристыми», т. е. жилы состоятъ изъ ноздреватаго кварца, проникнутаго различными охрами: желѣзной, мѣдной и свинцовой. Вмѣстѣ съ ними находятся и углекислыя соединенія тѣхъ-же металловъ, часто представляющія необыкновенно красивые пучки (друзы) кристалловъ, съ алмазнымъ блескомъ. Кромѣ того жильная масса проникнута тонкими, бѣ-

лыми листочками самороднаго серебра, называемаго, обыкновенно, снѣжнымъ серебромъ, которое, налегая нерѣдко на зеленомъ фонѣ мѣдныхъ рудъ, образуетъ чрезвычайно красивые штуфы. Иногда попадаются также не менѣе красивые куски самородной мѣди, наподобіе древовидныхъ развѣтвленій. Такимъ образомъ, въ верхней рыхлой части жилы находятъ: серебро, мѣдь, свинецъ, цинкъ, желѣзо и мѣстами даже золото; послѣднее разсѣяно преимущественно въ видѣ мелкихъ зеренъ, какъ въ жильномъ кварцѣ, вмѣстѣ съ другими рудами, такъ и отдѣльно, въ промежуточной кварцевой полосѣ, почему ее также вырабатываютъ. Но такой составъ рудныхъ жилъ продолжается съ поверхности только на нѣкоторую глубину, различную для разныхъ мѣстъ, отъ 30-ти до 60-ти саженъ. На большей глубинѣ составъ этотъ значительно измѣняется; охристыя руды, уменьшаясь постепенно, наконецъ, исчезаютъ, и тѣже металлы являются уже въ видѣ сѣрнистыхъ плотныхъ соединеній или, какъ ихъ называютъ въ рудникахъ, — «колчеданистыхъ рудъ». Между охристыми рудами находятся слѣдующіе минеральные виды: бѣлая свинцовая руда, цинковый шпатъ (смитсонитъ), мѣдная лазурь, брошантитъ, малахитъ, красная мѣдная руда съ волосистымъ мѣднымъ рубиномъ, самородное серебро, золото, мѣдь и пр. Между колчеданистыми рудами заслуживаютъ вниманія слѣдующіе виды: свинцовый блескъ, стекляная серебряная руда (Glasserz), гомихлинъ, цинковая обманка, свинцовый блескъ, мѣдный колчеданъ, сѣрный колчеданъ и др. Между этими минеральными видами, какъ бы промежуточнымъ членомъ, залегаютъ руды сажистыя, т. е. смѣсь тѣхъ и другихъ.

Такое измѣненіе рудной массы однихъ и тѣхъ же металловъ исключительно обусловлено вліяніемъ атмосферныхъ водъ, которыя, просачиваясь съ поверхности внутрь породы, разлагаютъ сѣрнистыя соединенія металловъ, или превращая ихъ въ углекислыя соединенія, или возстановляя ихъ самородный видъ. Выше было замѣчено, что поверхность Алтая уже очень давно представляетъ сушу, съ юрской или даже съ каменноугольной эпохи, и слѣдовательно подвергалась безпрестанному дѣйствію просачивающихся атмосферныхъ водъ, которыя въ такой продолжительный періодъ времени, разумѣется, успѣли разложить породы на большую глубину.

Главный предметъ добычи въ Зыряновскѣ составляетъ серебро, содержаніе котораго весьма измѣнчиво: отъ $^1/_8$ зол. до 10 зол. въ одномъ пудѣ руды. Въ охристыхъ рудахъ больше серебра, чѣмъ въ колчеданистыхъ, такъ что съ глубиною количество его какъ будто уменьшается; на самомъ-же дѣлѣ оно остается то же, только въ верхнихъ частяхъ, вслѣдствіе сильнаго разложенія жильной породы, произошло, такъ сказать, естественное обогащеніе. Долго добывали только одно серебро, но съ нѣкотораго времени дѣло улучшилось, а именно съ Крымской кампаніи, когда свинецъ, необходимый для выплавки серебра, нельзя было привозить изъ Англіи; поэтому стали здѣсь получать свинецъ и золото, оставлявшіеся прежде безъ вниманія, подобно тому, какъ теперь даромъ пропадаетъ цинкъ и отчасти мѣдь.

Для выработки руды прежде всего проводятъ вертикальные колодцы, называемые шахтами; изъ шахтъ, посредствомъ горизонтальныхъ подземныхъ галлерей или штрековъ, все мѣсторожденіе раздѣляютъ на этажи до 3 саж. толщиною; затѣмъ уже каждую часть вынимаютъ по-очереди. По мѣрѣ того, какъ вынимается руда, образующіяся пустыя пространства тотчасъ-же закладываютъ камнемъ или, какъ говорятъ пустою породою. Оставляютъ только главные ходы, представляющіе большія широкія галлереи, гдѣ стѣны, почву и потолокъ, во избѣжаніе обваловъ, закрѣпляютъ большими брусьями въ видѣ срубовъ; по этимъ галлереямъ совершается все рудничное движеніе, такъ какъ онѣ представляютъ какъ-бы большія дороги рудника, по которымъ происходитъ и откатка рудъ. Такимъ образомъ вся система выработокъ, особенно если онѣ ведутся нѣсколько десятковъ лѣтъ, какъ въ Зыряновскѣ, представляетъ чрезвычайно запутанную сѣть подземныхъ ходовъ, въ которыхъ очень трудно оріентироваться непривычному человѣку. Ходы эти на большой глубинѣ вѣчно сыры и душны, не смотря на

постоянное провѣтриванье, а ихъ мрачный видъ, при незатѣйливомъ освѣщеніи маленькими рудничными лампами, еще болѣе усиливаетъ то непріятное и тяжелое впечатлѣніе, которое они производятъ съ перваго взгляда. Неудивительно поэтому, что русскій народъ назвалъ работы въ рудникахъ «каторжными».

Руда добывается на глубинѣ одними рабочими и переносится другими къ шахтамъ; переноска эта совершается такимъ-же способомъ, какъ это дѣлаютъ Негры и обезьяны, — т. е. рабочіе, черезъ каждыя десять саженъ, передаютъ другъ другу руду въ корзинахъ. У дна шахты руду накладываютъ въ бадью и воротомъ поднимаютъ на поверхность, гдѣ цѣлая партія рабочихъ, въ которой участвуютъ и дѣти 10 — 15-тилѣтняго возраста, принимаетъ и сортируетъ ее; они садятся вокругъ наваленной кучи руды: каждый забираетъ себѣ гребкомъ небольшую часть и перебираетъ каждый кусочекъ; чистую руду откладываютъ особо, а породу выбрасываютъ; послѣдняя потомъ толчется для полученія золота. Само собою разумѣется, что такой способъ работы, основанный на огромной тратѣ физическаго труда и времени, можетъ существовать еще только въ дебряхъ Алтая, куда механическая обработка до сихъ поръ еще проникаетъ такъ туго.

Въ рудничномъ селеніи Зыряновскѣ насчитываютъ до 2,500 душъ, изъ которыхъ мужчинъ на 50% больше женщинъ. Въ прежнее время они были обязательными работниками — рудничными крѣпостными, которыми распоряжались по произволу, но теперь работы и здѣсь производятся, конечно, по найму. Плата рабочимъ различна, но, вообще, очень низка; сортировщикъ получаетъ 15 — 25 к. въ сутки, другіе — до 40 — 50 к. Въ рудникѣ работаютъ до 500 чел. зимою, но лѣтомъ нерѣдко бываетъ недостатокъ рабочихъ, такъ какъ многіе изъ нихъ заняты хлѣбопашествомъ или же, не смотря на долгую привычку къ руднику, предпочитаютъ болѣе соблазнительныя работы на золотыхъ промыслахъ.

Добытая и разсортированная руда перевозится на заводы: Барнаульскій, Змѣиногорскій, Локтевскій, Павловскій; изъ нихъ самый близкій къ руднику — Змѣиногорскій — отстоитъ въ 350 верстахъ. Способъ перевозки довольно сложный: до Бухтармы руду везутъ въ телегахъ, затѣмъ по Иртышу до Устькаменогорска въ лодкахъ, называемыхъ «карбазами», а отсюда снова въ открытыхъ повозкахъ. Понятно, что при такомъ способѣ перевозки и отъ перегрузокъ происходитъ большая потеря руды.

Въ продолженіе года, въ Зыряновскомъ рудникѣ добывается и перевозится на заводъ около 800,000 пудовъ руды. При этомъ перевозка пуда руды обходится около 20 — 25 к. Изъ этой руды выплавляется почти половина всего количества серебра, которое даетъ весь Алтай, т. е. около 300 пудовъ.

Какъ около Зыряновска, такъ и къ западу отъ него находится еще нѣсколько рудныхъ мѣсторожденій, но они вовсе не разрабатываются, и потому излишне было бы рапространяться о нихъ.

Не менѣе важная свита рудниковъ залегаетъ недалеко отъ Устькаменогорска. Рудники эти разрабатываютъ серебро и мѣдь; такъ, напр., Бѣлоусовскій мѣдный рудникъ представляетъ широкую пластовую жилу среди глинистыхъ сланцевъ, содержащую главнымъ образомъ мѣдныя и отчасти свинцовыя руды; кромѣ того заслуживаютъ вниманія рудники: Березовскій и Чудакъ. Этотъ послѣдній наиболѣе интересенъ; рудникъ исключительно мѣдный. Свое странное названіе онъ получилъ вслѣдствіе того, что открытъ на мѣстѣ старыхъ чудскихъ копей, въ которыхъ, кромѣ копаней, найдены различныя вещи въ видѣ каменныхъ инструментовъ, украшеній и пр. Рудникъ заложенъ недавно; развѣдками обнаружено, что болѣе или менѣе однородная руда его состоитъ изъ различныхъ соединеній мѣди. Здѣсь находятся слѣдующіе минералы: самородная мѣдь, стекловатая мѣдная руда, мѣдный колчеданъ, гомихлинъ, пестрая мѣдная руда и пр. Все это образуетъ жилу въ кварцевомъ порфирѣ — явленіе сравнительно рѣдкое въ Алтаѣ. Понятно, что по причинѣ такой твердой вмѣщающей

породы, онъ требуетъ гораздо меньшихъ затратъ на крѣпленіе выработокъ, чѣмъ указанные выше рудники. Это выгодное условіе для разработки, вмѣстѣ съ богатымъ содержаніемъ мѣди — до 8 ф., а мѣстами до 20 ф. въ одномъ пудѣ руды, — обѣщаютъ Чудаку весьма важное значеніе въ будущемъ.

По сосѣдству съ этими рудниками находится несравненно старѣйшій и нѣкогда извѣстнѣйшій изъ рудниковъ Алтая — Риддерскій, открытый въ 1784 году гюттенъ-фервальтеромъ Риддеромъ, въ честь котораго онъ и получилъ свое названіе. Риддерскій рудникъ разрабатывался около 77 лѣтъ и остановился только въ 1861 году. Онъ расположенъ въ небольшой котловинѣ, на высотѣ 2,500 ф., среди красивыхъ куполообразныхъ возвышенностей, состоящихъ изъ гранита и порфира, которыя прорѣзываются бурной рѣчкой Громатухой. Серебряныя руды залегаютъ здѣсь въ кварцево-роговиковой жилѣ, которая съ поверхности также раз-

Змѣиногорскъ.

рушена и состоитъ изъ охристыхъ рудъ, гдѣ вмѣстѣ съ серебромъ попадается и золото; на большой глубинѣ охристыя руды переходятъ въ колчеданистыя. Здѣсь находятся: самородное серебро, мѣдь, бѣлая свинцовая руда, мѣдная лазурь, серебряная чернь и пр. Около этого рудника, на западномъ склонѣ той же горы, называемой Большой Соколъ, лежатъ еще рудники: Сокольный и Крюковской, съ совершенно подобнымъ-же характеромъ. Изъ нихъ Крюковской нѣкогда былъ такъ богатъ, что съ 1811 по 1846 годъ ежегодно доставлялъ до 400 пудовъ серебра; въ настоящее время его снова возобновляютъ.

Къ сѣверу отъ описанной мѣстности, не доходя до Змѣиногорска, встрѣчается снова цѣлая свита рудниковъ: Таловскій, Николаевскій, Сугатовскій и др., которые большею частью представляютъ или неправильныя жилы, или штоки, залегающіе то въ сланцахъ, то въ фельзитовомъ порфирѣ; на мѣстѣ соприкосновенія рудъ съ окружающей породой нерѣдко находятся брекчіи съ весьма красивыми разноцвѣтными халцедонами и полуопалами. Рудники эти въ настоящее время почти всѣ оставлены, исключая Таловскаго серебряно-мѣднаго мѣсторожденія, находящагося въ 8 верстахъ отъ деревни Николаевки, въ вер-

ховьяхъ рѣки Таловки, на небольшой плоской возвышенности, окруженной фельзитовыми сопками.

Перейдемъ теперь къ нѣкогда знаменитой свитѣ серебряно-мѣдныхъ рудниковъ въ окрестностяхъ Змѣиногорска, который въ прежніе годы занималъ самое видное мѣсто по своему промышленному значенію и былъ, по словамъ Риттера, вторымъ (послѣ Барнаула) важнымъ центромъ поселеній въ западномъ Алтаѣ. Въ настоящее время въ немъ находится одинъ изъ лучшихъ серебро-плавильныхъ заводовъ, а также и административный центръ всего Змѣиногорскаго края.

Змѣиногорскъ, называемый также Змѣевъ, получилъ свое названіе отъ множества змѣй, водившихся нѣкогда на скалистомъ склонѣ горы Змѣевой. По словамъ Финша, здѣсь до сихъ поръ водится много змѣй, такъ что въ теченіе 2-хъ часовъ онъ поймалъ 12 змѣй, изъ которыхъ большая часть оказались ядовитыми (Vipera berus) и нѣсколько небольшихъ Trigonocephalus, которыя раньше были извѣстны только за Байкаломъ.

Онъ лежитъ въ 270 верстахъ къ югу отъ Барнаула, въ широкой долинѣ р. Корбалихи, на высотѣ около 1,400 ф. надъ уровнемъ моря. Въ окрестностяхъ его возвышаются многочисленныя гранитныя и порфировыя горы, образуя мѣстами правильныя гряды. Серебряные рудники: Змѣиногорскій, Черепановскій, Петровскій, Карамышевскій и Семеновскій расположены какъ-бы на одной и той же террасѣ, окруженной гранитными горами. На сѣверѣ ея возвышается Колыванская гранитная гряда, которая составляетъ какъ бы западное продолженіе Тигерецкихъ бѣлковъ и носитъ различныя частныя названія по своимъ наиболѣе выдающимся горамъ, какъ-то: Маякъ, Гладкая, Ревнюха, Синюха (до 4,500 ф. высоты), которая, по словамъ Палласа, почти всегда окружена синеватымъ туманомъ, отъ чего и получила свое названіе. На югѣ Змѣиногорская терраса также ограничена гранитною Верхоалейскою грядою, которая отдѣляетъ ее отъ вершинъ р. Алея. Гряда эта не составляетъ непрерывнаго хребта, какъ Колыванская, а имѣетъ видъ сплошнаго ряда сопокъ, между которыми заслуживаютъ особеннаго вниманія такъ-называемыя Мохнатыя сопки. Ниже Карамышевскаго рудника, обѣ эти гряды соединяются. Змѣиная гора, называемая также Заводскою сопкою и скрывающая въ нѣдрахъ своихъ огромныя богатства, стоитъ совершенно особнякомъ среди обнаженной долины, безъ всякой связи съ сосѣдними горами; на южномъ и западномъ склонахъ она скалиста, а съ сѣверо-западной стороны подошва ея омывается небольшой рѣчкой Змѣевкой, притокомъ Корбалихи. Къ востоку отъ нея находится Караульная порфировая сопка, наиболѣе высокая изъ окружающихъ горъ, достигающая 2,140 ф. высоты. Съ вершины ея открывается прекрасный видъ на гору Синюху и Тигерецкіе бѣлки.

Змѣиногорское селеніе расположено вблизи этихъ горъ на весьма неровной мѣстности; нѣкогда оно было укрѣплено. Такъ, Палласъ описываетъ еще Змѣиногорскую крѣпость въ видѣ неправильнаго многоугольника, съ бастіономъ, занимавшимъ высшую часть горы, въ которомъ заключались всѣ горнозаводскія постройки. Въ настоящее время не осталось и слѣдовъ отъ прежнихъ крѣпостныхъ сооруженій и селеніе совершенно преобразилось. Теперь оно лежитъ почти въ центрѣ рудниковъ, вблизи завода. Деревянные, небольшіе, однообразные домики большею частью разбросаны въ безпорядкѣ. Въ Змѣиногорскѣ до 6,000 жителей и до 1,158 домовъ.

Только мрачное зданіе завода, церковь и кое-какія казенныя постройки нарушаютъ общую монотонность горнаго поселенія, стоящаго, что называется, на юру, лишеннаго тѣнистой заросли деревъ. О садахъ здѣсь и помину нѣтъ, тѣмъ болѣе, что климатъ Змѣиногорска суровѣе Барнаульскаго; зимою жители терпятъ большія неудобства отъ снѣжныхъ заносовъ и булановъ.

Змѣиногорское горное производство существовало въ самыя древнія времена, судя по огромному количеству чудскихъ копей. Хотя намъ неизвѣстно, сколько столѣтій или тысяче-

лѣтій находилось оно въ бездѣйствіи послѣ Чуди, до возобновленія его Русскими, но, тѣмъ не менѣе, ясно одно, что Чудь, имѣвшая каменныя и мѣдныя орудія, могла вырабатывать только поверхностныя мягкія руды, почему нижніе горизонты сохранили свое богатство для Русскихъ.

Рудники эти, по времени открытія, принадлежатъ къ старѣйшимъ, такъ какъ Русскіе начали разработку ихъ еще въ 1736 году. Нѣкогда они славились своими запасами серебра и другихъ металловъ, казавшимися неистощимыми. Палласъ, посѣтившій ихъ въ 1771 году, когда они были дѣйствительно въ цвѣтущемъ состояніи, называетъ ихъ «вѣнцомъ всѣхъ сибирскихъ рудниковъ». Еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія они далеко превосходили, по количеству добываемаго изъ нихъ серебра, всѣ остальные рудники Алтая, вмѣстѣ взятые, давая ежегодно по 1,000 пудовъ серебра; слѣдовательно, они играли тогда гораздо большую роль, чѣмъ теперь Зыряновскіе. Въ настоящее время они почти заброшены, многіе изъ нихъ достигли до 110 саж. глубины и уже до половины затоплены водою; внутреннія крѣпи ихъ, вѣроятно, обрушились и они сдѣлались недоступными даже для осмотра.

Змѣиногорскій заводъ.

Всѣ новѣйшіе изслѣдователи Алтая съ конца 60-хъ годовъ довольствовались только наружнымъ осмотромъ ихъ. Серебро добывали еще въ 40-хъ годахъ, но изъ отваловъ, которые размѣрами своими превосходятъ знаменитые отвалы Альтенбурга и Эрцгебирге. Внутренность рудниковъ, судя по старымъ свѣдѣніямъ, напоминаетъ рудники Хемница и Кремница въ Венгріи и представляетъ замѣчательный лабиринтъ подземныхъ галлерей, поддерживаемыхъ деревянными крѣпями, подобно Зыряновскимъ. Хотя они и заброшены, но нельзя съ увѣренностью сказать, что они истощились; одно несомнѣнно, что составъ руды измѣнился; мягкія руды стали смѣняться твердыми колчеданистыми, необогащенными естественнымъ разложеніемъ. Слѣдовательно, нужно выбрать только цѣлесообразные техническіе пріемы, чтобы снова воспользоваться громаднымъ минеральнымъ богатствомъ Змѣиногорскихъ рудниковъ. Если Чудь добывала руды только съ поверхности, не имѣя ни средствъ, ни умѣнья проникнуть въ глубину, то Русскіе, благодаря высшей культурѣ, не ограничились этимъ и въ своихъ раскопкахъ достигли 110 саж. глубины. Теперь-же мы вправѣ ожидать, что для Змѣиногорска, какъ вообще для Алтайскихъ рудниковъ, настанетъ и третій періодъ, когда новое поколѣніе, при помощи болѣе усовершенствованной техники, станетъ добывать минеральныя богатства еще на бо̀льшей глубинѣ, не останавливаясь передъ ихъ колчеданистымъ характеромъ, который на Алтаѣ является такимъ страшилищемъ и заставляетъ бросать рудники даже и не такіе глубокіе, какъ Змѣиногорскіе.

Площадь, въ которой залегаютъ Змѣиногорскіе рудники, по своему геологическому составу, чрезвычайно интересна и разнообразна; здѣсь находятся различнаго типа породы кристаллическія — массивныя, метаморфическія и нерѣдко осадочные сланцы и известняки. Изъ кристаллическихъ породъ первое мѣсто по распространенію занимаютъ граниты, перемежающіеся мѣстами съ сіенитами. Граниты желтовато-сѣраго или красноватаго цвѣта состоятъ изъ желтовато-бѣлаго ортоклаза, бѣлаго плагіоклаза, сѣровато-бѣлаго кварца и небольшаго количества чер-

ной слюды; нѣкоторые изъ нихъ плотны, содержатъ много слюды, нерѣдко замѣщенной эпидотомъ зеленаго цвѣта; они образуютъ или плотные, куполообразные выходы, какъ въ Верхолейской грядѣ, или же разбиты цѣлою системою трещинъ, сильно подвергаются разрушенію и образуютъ фантастическія скалы въ родѣ тѣхъ, которыя встрѣчаются въ окрестностяхъ Колыванскаго озера. Гораздо красивѣе гранитовъ, хотя менѣе распространенная порода,— порфиры, которые здѣсь бываютъ разнообразныхъ цвѣтовъ: бѣлые, бурые, зеленоватые и черные и обладаютъ чрезвычайно эффектною столбчатою отдѣльностью, чѣмъ напоминаютъ базальты, напр. около Карамышевскаго рудника или шаровая отдѣльность около самаго Змѣиногорска. На мѣстѣ различаютъ три главныя формы порфировъ: рогокаменный, полевошпатовый и керотитовый порфиры, которые, при исчезаніи выдѣляющихся изъ основной массы порфировидныхъ кристалловъ полеваго шпата, кварца и роговой обманки, переходятъ въ роговикъ, фельзитъ и керотитъ, т. е. смѣсь кварца и полеваго шпата. Другія кристаллическія породы, какъ діоритъ, гиперстенитъ и пр., являются сравнительно въ небольшомъ количествѣ, въ видѣ жилъ, перерѣзывающихъ другія породы.

Осадочныя породы Змѣиногорска состоятъ изъ глинистыхъ сланцевъ и известняковъ; изъ нихъ первые имѣютъ наибольшее развитіе; но и тѣ, и другіе принадлежатъ къ девонской формаціи, судя по ископаемой фаунѣ, найденной въ пластахъ. Среди этихъ-то разнообразныхъ пластовъ въ предѣлахъ долины Корбалихи залегаютъ Змѣиногорскіе рудники. Залежи руды представляютъ собою мощныя жилы, состоящія изъ роговика и тяжелаго шпата, залегающихъ между девонскими глинистыми сланцами. При этомъ роговикъ составляетъ нижній бокъ рудоносной жилы или, какъ говорятъ, «постель ея, или лежачій бокъ», а тяжелый шпатъ—«кровлю, или висячій бокъ». Серебряныя, свинцовыя и мѣдныя руды разсѣяны въ видѣ неправильныхъ гнѣздъ въ массѣ жильной породы, причемъ онѣ имѣютъ наиболѣе тѣсную связь съ тяжелымъ шпатомъ, но проникаютъ и въ роговикъ. Въ отношеніи содержанія рудъ, одинъ изъ старыхъ изслѣдователей Алтая, г. Соколовскій, дѣлитъ жилу на пять поясовъ, которые, начиная сверху, распредѣляются слѣдующимъ образомъ: чистый тяжелый шпатъ съ небольшимъ количествомъ серебряныхъ рудъ; почти равномѣрная смѣсь руды и тяжелаго шпата, смѣсь рудоноснаго тяжелаго шпата съ роговикомъ, роговикъ съ прожилками рудоноснаго тяжелаго шпата и, наконецъ, безрудный роговикъ. Понятно, что это дѣленіе чисто-практическое, не рѣзкое, и каждый поясъ постепенно и едва замѣтно переходитъ въ сосѣдній. Руды и здѣсь можно раздѣлить по качеству, какъ въ Зыряновскѣ, т. е. вверху окисленныя охристыя, а внизу колчеданистыя. Здѣсь кромѣ чисто-металлическихъ соединеній: серебра, свинца и мѣди, т. е. такихъ же, какія мы уже перечисляли выше, находятся также и неметаллическіе минералы, какъ-то: адуляръ, витеритъ, известковый шпатъ, гипсъ и др. Мѣстами рудныя залежи прорѣзаны жилою плотной, метаморфической темноцвѣтной породы, называемой «траппомъ», а по опредѣленію Розе и Штельцнера—гиперстенитомъ.

Нѣкоторые изъ этихъ рудниковъ, какъ напримѣръ Змѣиногорскій, Черепановскій, Карамышевскій, исключительно разрабатывались для полученія серебряныхъ рудъ; другіе же, отличающіеся нѣсколько инымъ характеромъ рудныхъ залежей, какъ Верхне-Лазурный, Нижне-Лазурный, Сосновскій и пр., — для одной мѣди. Рудныя залежи образуютъ въ нихъ пластовыя жилы, залегающія среди тѣхъ-же сланцевъ; руды очень богатыя; содержаніе мѣди доходило до 10% и онѣ до сихъ поръ еще эксплоатируются.

Змѣиногорскій серебро-плавильный заводъ получаетъ въ настоящее время руду изъ другихъ рудниковъ, особенно же изъ Зыряновска, и ежегодно выплавляетъ около 130 пудовъ серебра и около 15,000 п. свинца. Выплавка серебра въ своихъ конечныхъ результатахъ — операція чрезвычайно красивая, но сложная и трудная, тѣмъ болѣе, что алтайскія руды никогда не находятся чистыми, но въ соединеніи съ другими металлами, отъ которыхъ очистка составляетъ всю сущность операціи. Еще Розе указываетъ на необыкновенныя трудности при выплавкѣ

серебра изъ алтайскихъ рудъ, которыя нерѣдко обусловливаютъ большую потерю металла, такъ что Розе, по даннымъ Гумбольдта, приводитъ примѣръ, что въ 1826 г. вмѣсто разсчитанныхъ 287 п. серебра получено 183 п., слѣдовательно потери 104 п. (!), а въ 1827 еще больше — 145 п. (!) и т. д. Разумѣется, тутъ, между прочимъ, играетъ роль и техническое несовершенство и неизбѣжная потеря, благодаря такимъ тугоплавкимъ примѣсямъ, какъ тяжелый шпатъ, роговикъ и пр.

Рабочее населеніе Змѣиногорска дѣлится на два класса: заводскихъ и рудничныхъ рабочихъ. Послѣдніе въ настоящее время уже почти не находятъ себѣ дѣла въ Змѣиногорскихъ рудникахъ, а потому частью перебрались на другіе рудники или же обратились къ инымъ занятіямъ, преимущественно къ земледѣлію. Заводскіе или собственно мастеровые набраны нѣкогда изъ крѣпостныхъ крестьянъ; изъ нихъ нерѣдко вырабатываются прекрасные мастера съ крайне-своеобразными спеціальностями, что доказываетъ, до какой степени можно искусственно развить нѣкоторыя способности. Такъ Ледебуръ разсказываетъ, что одинъ изъ рабочихъ долженъ былъ постоянно наблюдать за плавкою сквозь небольшое отверстіе, чтобы не пропустить того мгновенія, когда серебро окончательно расплавится и начнетъ улетучиваться. Въ теченіе 40 лѣтъ одинъ старикъ исполнялъ эту обязанность и дошелъ до того, что ничего не видѣлъ, кромѣ ослѣпительнаго серебрянаго блеска. Риттеръ сравниваетъ его съ знаменитымъ астрономомъ, который, на вопросъ, какъ онъ можетъ такъ часто наблюдать яркій солнечный шаръ, отвѣтилъ, что «глаза мои упиваются солнечнымъ свѣтомъ».

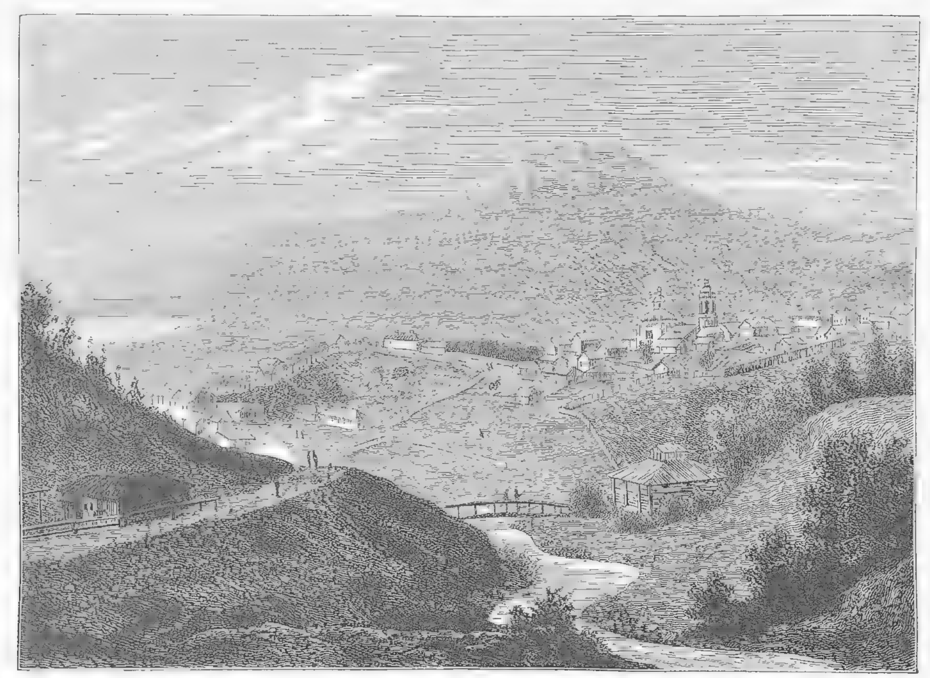
Но кромѣ рудничныхъ и заводскихъ существовали еще такъ называемые «приписные» крестьяне, исполнявшіе поочереди нѣкоторыя изъ побочныхъ горнозаводскихъ работъ, какъ рубка дровъ, изготовленіе угля и пр. Они пользовались бо̀льшею самостоятельностью и не были въ такомъ подневольномъ положеніи, какъ бывшіе горнозаводскіе крестьяне, и сохранили до сихъ поръ бо̀льшую порядочность, чѣмъ ихъ сосѣди — рудничные и заводскіе мастеровые, у которыхъ, какъ у бывшихъ закабаленныхъ рабовъ, низкій уровень нравственности проявляется гораздо сильнѣе, даже и теперь, когда они уже свободны.

Описанные нами рудники представляютъ собою главныя мѣсторожденія минеральныхъ богатствъ Змѣиногорскаго края. Само собою разумѣется, что ими далеко не исчерпывается вся масса минеральныхъ запасовъ края, такъ какъ я уже упоминалъ, что здѣсь извѣстно до 3000 различныхъ мѣсторожденій; но тѣмъ не менѣе описанные нами рудники принадлежатъ къ важнѣйшимъ, наиболѣе извѣстнымъ и типичнымъ по своему характеру.

Прежде, чѣмъ закончить описаніе минеральныхъ богатствъ Змѣиногорскаго края, необходимо еще остановиться на особаго рода минеральной промышленности, процвѣтающей здѣсь, а именно на выдѣлкѣ различныхъ вещей изъ твердыхъ породъ. Для этой цѣли издавна существуетъ знаменитая Колыванская шлифовальная фабрика, находящаяся на мѣстѣ бывшаго, самаго старѣйшаго, Колыванскаго завода, съ которымъ связана дѣятельность Акинфія Демидова, піонера-рудокопа на Алтаѣ. Сначала, именно въ 1787 г. Колыванская фабрика была устроена на р. Алеѣ, при Локтевскомъ заводѣ, но потомъ, въ 1799 году, перенесена на ея теперешнее мѣсто, на р. Бѣлой, вытекающей изъ небольшаго озера при подошвѣ горы Синюхи, въ чрезвычайно красивой мѣстности, не малымъ украшеніемъ которой служитъ большой заводскій прудъ и обильная древесная растительность. Сюда Алтайцы пріѣзжаютъ, какъ на дачу, для лѣтняго отдыха не только изъ Барнаула, но даже изъ Томска.

Колыванская шлифовальная фабрика уже давно славится своими художественными произведеніями, почему ее и называютъ «художественнымъ оазисомъ среди суровыхъ горъ Сибири». Здѣсь главнымъ образомъ приготовляютъ крупныя вещи изъ камня для Императорскаго Кабинета, но также, хотя и въ небольшомъ количествѣ, дѣлаютъ и мелкія вещицы, какъ напр. печати, прессъ-папье, брошки и пр. Трудно найти другую мѣстность, болѣе удобную для подобной фабрики, какъ Колывань. Въ сосѣдствѣ ея находятся самыя разнообразныя и чрезвычайно красивыя

породы, прекрасно принимающія политуру, какъ, напр., многія разновидности гранита, порфира, порфирита, зеленыхъ камней, аспидные и кремнистые сланцы, наконецъ яшмы самыхъ причудливыхъ рисунковъ, кварцъ, аквамаринъ, брекчіи, мраморъ и пр.; все это громадное разнообразіе породъ въ большихъ выходахъ сосредоточено въ окрестностяхъ Колывани, maximum въ 30 миляхъ отъ нея. Изъ этихъ-то породъ и выдѣлываются на здѣшней фабрикѣ превосходныя вещи, украшающія залы и музеи Москвы, Петербурга и другихъ европейскихъ столицъ, куда онѣ присылались въ подарокъ отъ русскихъ государей. Не говоря уже о мелкихъ издѣліяхъ, на фабрикѣ нерѣдко приготовлялись громадныя вещи, требовавшія цѣльныхъ монолитовъ огромной величины, какъ напр. колонны, вазы, камины и пр. Ваза, стоящая въ Эрмитажѣ, изъ плотнаго зеленаго порфира, имѣетъ около 9 ф. въ діаметрѣ и сдѣлана изъ цѣльнаго куска порфира, вѣсившаго до 700 пудовъ; выдѣлкою ея фабрика (на

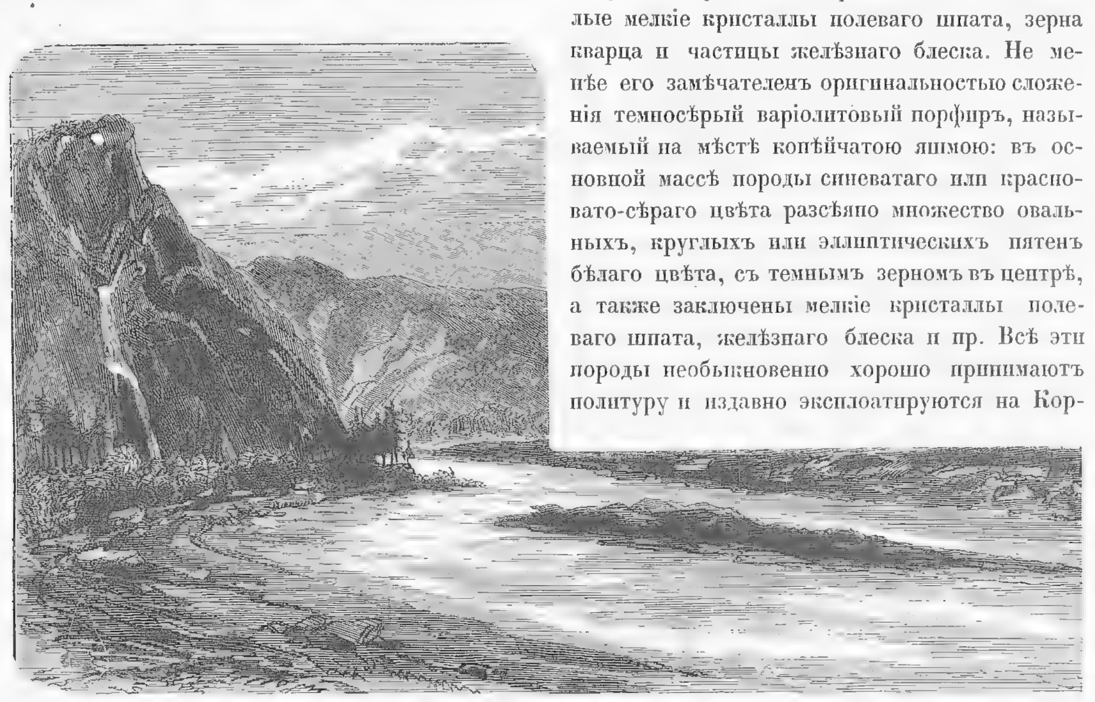

Колыванская шлифовальная фабрика.

которой работаютъ до 300 чел.) была занята три года и, несмотря на ничтожную плату рабочимъ и почти даровой матеріалъ, она обошлась въ 10,000 р. с., не считая провоза. Самый порфиръ, изъ котораго сдѣлана эта ваза, называемый въ Колывани яшмою, представляетъ одну изъ красивѣйшихъ подѣлочныхъ породъ; онъ состоитъ изъ темно-зеленыхъ полосъ, перемежающихся съ сѣровато-зелеными и бѣлыми. Эти разноцвѣтныя полосы то рѣзко раздѣляются между собою, то незамѣтно сливаются; кромѣ того масса полосъ испещрена золотистыми вкраплинами сѣрнаго колчедана, что еще больше усиливаетъ красоту этого зеленаго (авгитоваго) порфира въ шлифовкѣ. Онъ добывается изъ Ревенной сопки, въ 30 вер. къ югу отъ горы Синюхи. По описанію Гумбольдта, этотъ красивый полосатый порфиръ образуетъ жилу на вершинѣ горы, залегающую въ другомъ порфирѣ съ зеленовато-бѣлой основной массой. Изъ него же, кромѣ вышеупомянутой вазы, сдѣланы еще многія другія вещи большихъ размѣровъ, напр. колонны въ Эрмитажѣ 12 ф. высоты, канделябры 8 ф. 7 д. и пр.

Но самые красивые порфиры и яшмы, употребляемые на художественныя произведенія, добы-

ваются въ такъ называемыхъ Коргонскихъ горахъ, гдѣ издавна для этой цѣли существуетъ каменоломня, которая находится на лѣвомъ берегу р. Коргона, въ 10 вер. отъ впаденія въ Чарышъ и въ 120 вер. отъ Колывани. Коргонская долина принадлежитъ къ немногимъ мѣстностямъ Алтая, производящимъ поражающее впечатлѣніе; вся долина представляетъ чудную картину быстро несущагося, ревущаго Коргона, съ нависшими мрачными скалами самыхъ плотныхъ породъ. «Я не знаю,—говоритъ Ледебуръ,— другаго горнаго потока, который несся бы между скалъ съ такимъ шумомъ и яростью... Всякій посторонній звукъ поглощается ревомъ и грохотомъ Коргона». Здѣсь въ каменоломнѣ добываютъ громадные монолиты различныхъ породъ, между которыми особенно красивъ въ подѣлкахъ красный или коргонскій порфиръ; онъ представляетъ темно-красную основную массу, изъ которой выдѣляются бѣлые мелкіе кристаллы полеваго шпата, зерна кварца и частицы желѣзнаго блеска. Не менѣе его замѣчателенъ оригинальностью сложенія темносѣрый варіолитовый порфиръ, называемый на мѣстѣ копѣйчатою яшмою: въ основной массѣ породы синеватаго или красновато-сѣраго цвѣта разсѣяно множество овальныхъ, круглыхъ или эллиптическихъ пятенъ бѣлаго цвѣта, съ темнымъ зерномъ въ центрѣ, а также заключены мелкіе кристаллы полеваго шпата, желѣзнаго блеска и пр. Всѣ эти породы необыкновенно хорошо принимаютъ политуру и издавно эксплоатируются на Коргонѣ для различныхъ подѣлокъ. Недалеко отъ Коргонской каменоломни, въ Тигерецкихъ бѣлкахъ, на высотѣ около 5,500 ф. находятся ломки аквамарина, который впрочемъ не отличается хорошимъ качествомъ, но зато кристаллы его поражаютъ своей величиною, доходя до $^1/_4$ ф. въ діаметрѣ.

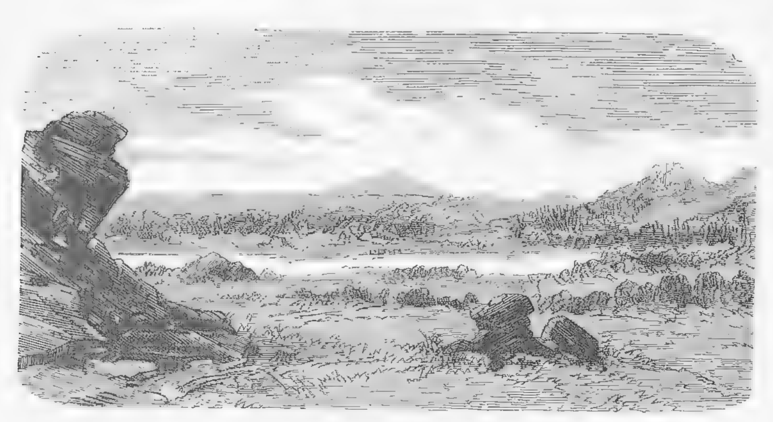
Долина р. Чарыша близъ деревни Коргонской.

Такимъ образомъ Колыванская шлифовальная фабрика имѣетъ всѣ данныя для прочнаго существованія и не даромъ славится своими художественными произведеніями. Но, къ сожалѣнію, она до сихъ поръ служитъ исключительно для приготовленія предметовъ роскоши, тогда какъ, вмѣстѣ съ этимъ, она могла бы быть полезною и въ практическомъ отношеніи, т. е. приготовлять различные приборы изъ камня, многія лабораторныя принадлежности и т. п., за что мы платимъ большія деньги за границу. Однако, до сихъ поръ еще не сдѣлано ни одной попытки эксплоатировать полезность фабрики въ этомъ направленіи.

Теперь перейдемъ къ другой части Алтая —сѣверной, называемой Салаирскимъ краемъ. Мы уже упоминали выше, что онъ далеко бѣднѣе Змѣиногорскаго края серебромъ, мѣдью, свинцомъ, но зато богаче его другими минеральными продуктами, какъ-то: каменнымъ углемъ, золотомъ, желѣзомъ, которыхъ въ Змѣиногорскомъ краѣ или очень мало, или совсѣмъ нѣтъ. Какъ харак-

теромъ минеральныхъ богатствъ, геологическимъ составомъ, такъ и внѣшнимъ видомъ Салаирскій край рѣзко отличается отъ Змѣиногорскаго; онъ представляетъ какъ бы плоскую возвышенность, высотою отъ 1,200 — 1,600 ф., безъ выдающихся хребтовъ и покрытую густымъ лѣсомъ, въ которомъ нерѣдко находятся глухія, едва проходимыя тайги. Благодаря такимъ условіямъ, а также и малой населенности его, онъ сравнительно мало изслѣдованъ, но тѣмъ не менѣе характерныя особенности его и теперь уже ясны.

Рудничное селеніе Салаиръ лежитъ на высотѣ 1,500 ф., въ 160 верстахъ отъ Барнаула, въ плоско-холмистой мѣстности, которая отдѣлена отъ главныхъ Алтайскихъ горъ широкою долиною рѣки Оби. По характеру своему Салаиръ ничѣмъ не отличается отъ другихъ горныхъ деревень. Въ Салаирскомъ рудничномъ селеніи насчитывалось въ 60-хъ годахъ до 1,000 дворовъ и 3,500 жителей обоего пола. Тѣ-же четырехугольные одноэтажные деревянные домики, та же неправильность улицъ; только кругомъ, вслѣдствіе обилія лѣса, не мало красивыхъ ландшафтовъ.

Яшмовая каменоломня Колыванской фабрики.

Окрестности Салаира состоятъ изъ пластовъ кристаллическаго известняка, глинистыхъ и тальковыхъ сланцевъ каменноугольной и девонской формацій, перерѣзанныхъ мощными жилами порфира и діорита. Изъ всѣхъ окрестныхъ холмовъ особенно выдѣляются два, близъ самаго мѣстечка Салаира, состоящіе изъ глинистаго сланца, переходящаго въ тальковый; въ одномъ изъ нихъ и находятся серебряныя мѣсторожденія, открытыя еще въ 1780 г. Здѣсь собственно три рудника, но они совершенно одинаковы по составу. Мѣсторожденіе представляетъ мощную жилу тяжелаго шпата, залегающую среди пластовъ глинисто-тальковаго сланца. Въ массѣ тяжелаго шпата серебряныя руды распредѣлены весьма неправильно, то въ видѣ гнѣздъ, то прожилокъ. Содержаніе серебра хотя и бываетъ до 7 зол. въ пудѣ руды, но вообще мѣсторожденіе не считается богатымъ, особенно теперь, когда поверхностныя охристыя руды большею частью выработаны. Салаирская руда проплавляется въ Гавриловскомъ заводѣ. Несмотря даже на мѣстныя утолщенія рудной жилы, многіе полагаютъ, что выработка можетъ быть выгодна здѣсь только въ томъ случаѣ, если добытую руду подвергать очистительному процессу, т. е. съ помощью техническихъ приспособленій размельчать и отсортировывать болѣе богатыя части руды отъ бѣдныхъ и плавкѣ подвергать только первыя. Здѣсь добывалось прежде около 216 п. серебра.

Недалеко отъ серебрянаго мѣсторожденія по р. Осиповкѣ, среди кристаллическихъ известняковъ, залегаетъ цѣлая свита довольно значительныхъ гнѣздъ бураго желѣзняка, частью съ желѣзнымъ блескомъ, который разрабатывается и проплавляется въ Гурьевскомъ заводѣ, доставляющемъ ежегодно до 15,000 п. желѣза и вдвое больше чугуна.

Но несравненно бо̀льшее значеніе для Салаирскаго края имѣютъ обширныя мѣсторожденія другихъ минеральныхъ продуктовъ, между которыми особенное вниманіе обращаетъ на себя громадный каменноугольный бассейнъ, называемый Кузнецкимъ. Эта обширная котловина залегаетъ между Алатау и Салаирскимъ кряжемъ и почти сплошь занята каменноугольными отложеніями, съ многочисленными и нерѣдко мощными пластами каменнаго угля. Площадь ея составляетъ

около 40,000 кв. вер. Длина ея съ юго-востока на сѣверо-западъ около 400 верстъ, а ширина—около 100 вер. Словомъ, она нисколько не уступаетъ по величинѣ богатѣйшимъ каменноугольнымъ бассейнамъ Европы, напр. въ Англіи, южной Россіи и пр.

Бассейнъ этотъ сплавною рѣкою Томь раздѣляется почти на двѣ равныя части и, кромѣ каменнаго угля, содержитъ мѣсторожденія желѣзныхъ рудъ, что несомнѣнно обѣщаетъ краю блестящее будущее, особенно съ проведеніемъ желѣзной дороги въ Сибирь и съ улучшеніемъ путей черезъ Алтай въ крайне бѣдную желѣзомъ сѣверную Монголію. Къ сожалѣнію, до сихъ поръ обширный Кузнецкій бассейнъ не только не эксплоатируется, но даже не изслѣдованъ, хотя-бы въ общихъ чертахъ. Въ настоящее время этотъ громадный запасъ богатствъ является совершенно отрицательнымъ, такъ какъ, съ одной стороны, присутствіе лѣса заставляетъ заводы игнорировать каменный уголь, съ другой—до сихъ поръ еще вся дѣятельность Салаирскаго края поглощена болѣе соблазнительнымъ и менѣе труднымъ промысломъ — добычею золота.

Гурьевскій заводъ.

Окраины Кузнецкой котловины состоятъ изъ различныхъ кристаллическихъ и осадочныхъ породъ, которыя наиболѣе подробно изучены въ Салаирскомъ кряжѣ. Между первыми, кромѣ діоритовъ, діабазовъ и пр., особенно интересно единственное въ своемъ родѣ нахожденіе базальтоваго гребня близъ дер. Каракановой. Породы осадочныя — въ видѣ сланцевъ и известняковъ, нерѣдко плотныхъ, мраморовидныхъ, принадлежатъ къ формаціямъ: девонской и каменноугольной. Средина же котловины заполнена мощною свитою, состоящею изъ пластовъ песчаника, конгломерата и сланцеватыхъ глинъ, содержащихъ огромныя залежи каменнаго угля. Вся площадь покрыта толстыми диллювіальными осадками, которые мѣстами содержатъ золото въ видѣ розсыпей.

Угленосная свита породъ является самою новою по образованію. Общее простираніе пластовъ — на сѣверо-западъ, а паденіе различно: у окраинъ, при соприкосновеніи съ болѣе древними породами, пласты стоятъ почти вертикально, тогда какъ въ срединѣ котловины они почти горизонтальны. Преобладающею породою являются песчаники, переходящіе мѣстами въ конгломератъ; они то мягкіе, глинистые, желтоватаго цвѣта, то твердые, мелкозернистые, сѣраго цвѣта и могутъ даже служить для жерноновъ. Они часто перемежаются съ пластами сланцеватыхъ глинъ сѣро-желтаго или чернаго цвѣта, въ которыхъ и заключается каменный уголь; иногда же уголь лежитъ прямо на глинѣ, прикрываясь песчаниками, и въ такихъ случаяхъ въ немъ почти всегда имѣются тонкія пропластки или неправильныя скопленія почекъ глинистаго сферосидерита, составляющаго прекрасную желѣзную руду, напр. на р. Бачатъ (у дер. Бѣловой), на р. Ини (у деревни Мерети) и въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ. Кромѣ того, и въ глинѣ попадаются желѣзныя руды, въ видѣ углистаго желѣзняка, извѣстнаго подъ именемъ «Blackband». Какъ въ песчаникахъ, такъ и въ глинахъ часто находятъ огромное количество прекрасно сохранившихся отпечатковъ многочисленныхъ растеній, скопленіе которыхъ и послужило къ образованію каменнаго угля. Всѣ изслѣдователи Алтая, начиная съ Щуровскаго и Гельмерсена и кончая самыми новыми — Котта, Нестеровскимъ, относили эту песчаниковую, углесодержащую группу породъ Кузнецкой котловины къ настоящей каменноугольной формаціи

и старались отождествить ее съ западно-европейскими, тѣмъ болѣе, что она налегаетъ прямо на горный известнякъ, принадлежащій дѣйствительно къ каменноугольной формаціи. Но, вслѣдствіе болѣе точнаго изученія названной ископаемой флоры, г. Шмальгаузенъ доказалъ, что угленосные пласты Кузнецкаго бассейна несравненно новѣе и принадлежатъ къ юрской формаціи, т. е. что они совершенно тождественны съ подобными же угленосными отложеніями Восточной Сибири, Китая, Кульджи, Туркестана и даже Индіи. Осадки эти занимаютъ громадныя площади на Азіатскомъ континентѣ, характерны для него и содержатъ мѣстами мощныя залежи каменнаго угля (какъ въ Индіи, Кульджѣ и пр.), который, въ отличіе отъ угля болѣе древней формаціи, называютъ стипитомъ. Даже по качеству своему и характеру пластовъ Кузнецкій уголь почти ничѣмъ не отличается отъ углей другихъ мѣстностей Азіи; пласты очень непостоянны по числу и по своимъ размѣрамъ. Такъ, напримѣръ, если слѣдить отъ Бачатска къ дер. Шестаковой, Бабанковой и далѣе, мы видимъ, что пласты то проявляются въ большомъ числѣ (рядомъ 6 — 8) то всего одинъ, два пласта, то они тонки, то на небольшомъ разстояніи раздуваются и достигаютъ толщины нѣсколькихъ десятковъ метровъ,—напр., до 60 м. Свято-Духовскій пластъ близъ Бачатска, тогда какъ въ краяхъ тотъ же пластъ имѣетъ всего 6 м. Наконецъ, качество угля въ одномъ и томъ же пластѣ не одинаково: въ соприкосновеніи съ глиною онъ становится трещиноватымъ, рыхлымъ и даже землистымъ, въ срединѣ же пласта уголь плотный, блестящій и мѣстами даетъ спекающійся коксъ. Въ этихъ мѣсторожденіяхъ угля, также какъ и въ другихъ угленосныхъ областяхъ Азіи, очень распространены каменноугольные пожары, продолжающіеся многіе годы и захватывающіе большія площади. Такъ, въ Соколиныхъ горахъ наблюдается то же явленіе каменно-угольнаго пожара, какъ въ Кульджѣ, гдѣ я ихъ наблюдалъ лично. «Тутъ все обожжено и ошлаковано,—говоритъ Щуровскій, — въ иныхъ мѣстахъ песчаники и глины только обожжены и получили блѣдно-красный или буро-красный цвѣтъ, въ другихъ сплавились, притомъ съ одной поверхности или во всей массѣ; въ первомъ случаѣ они покрылись корою яркаго краснаго цвѣта, во второмъ — превратились въ фарфоровую яшму или земляной шлакъ. Посреди этихъ обожженныхъ, полу-сплавленныхъ и ошлакованныхъ массъ попадаются куски и небольшіе прослойки краснаго глинистаго желѣзняка, болѣе или менѣе ошлакованнаго, который, вѣроятно, произошелъ изъ сферосидерита».

Таковы послѣдствія бывшаго пожара; у дер. Казанковой съ давнихъ поръ и по настоящее время продолжается горѣніе каменнаго угля, которое медленно, но постоянно уничтожаетъ этотъ огромный запасъ горючаго матеріала; природа, какъ бы въ насмѣшку надъ людьми, сама уничтожаетъ богатства, которыми они не стараются воспользоваться.

Мѣсторожденія каменнаго угля открыты здѣсь очень давно. Въ 1827 году найдено мѣсторожденіе Щегловское (гдѣ пласты угля до 3 аршинъ толщиною), а также около деревни Березовой; въ 1836 году обратили на себя вниманіе залежи близъ дер. Афоновой, въ 1851 г. — близъ села Бачатскаго. Долго оставляли ихъ безъ вниманія, даже не старались развѣдать, и только недавно стали производить разработку Бачатскаго мѣсторожденія и то въ самыхъ ничтожныхъ размѣрахъ, не превышающихъ 350,000 пудовъ. Характеръ этого мѣсторожденія, по наблюденію одного изъ самыхъ новыхъ изслѣдователей, г. Нестеровскаго, очень типиченъ для залежей Кузнецкаго бассейна. Мѣсторожденіе состоитъ изъ семи главныхъ пластовъ угля, съ наклономъ къ юго-западу около 85°; толщина и качество ихъ очень различны: первый пластъ, самый южный, состоитъ изъ песчанистаго угля толщиною отъ 1 — 3 метровъ; второй —упомянутый уже Свято-Духовскій—еще замѣчательнѣе,—представляетъ толщину въ 6—60 метровъ; третій — въ 2 — 6 м. и т. д. Въ шести же верстахъ отъ Бачатскаго мѣсторожденія, на правомъ берегу р. Б. Черты, найдено 17 пластовъ, изъ которыхъ, впрочемъ, 5 пластовъ достигаютъ толщины до 1 — 1½ метра, а остальные еще меньше.

Итакъ, уже изъ этого краткаго очерка обширнаго Кузнецкаго бассейна видно, какой гро-

мадный запасъ горючаго матеріала заключается въ нѣдрахъ его. Если мы возьмемъ за основаніе Бачатское мѣсторожденіе, какъ наиболѣе извѣстное, то, полагая всю площадь Кузнецкаго бассейна въ 40,000 кв. верстъ, а среднюю толщину пластовъ каменнаго угля, возможныхъ для эксплоатаціи, не болѣе 3 саж., т. е. въ нѣсколько разъ меньше дѣйствительной, такъ какъ есть пласты въ 20 м. и больше,—оказывается, что здѣсь заключается колоссальный запасъ угля: если предположить ежегодную добычу его въ количествѣ 50,000,000 пудовъ (сколько въ настоящее время добывается въ Донецкомъ бассейнѣ), то угля Кузнецкой котловины хватитъ почти на 1,000 лѣтъ. Это такой запасъ, который, по всей справедливости, можно назвать неистощимымъ, тѣмъ болѣе, что современная добыча въ немъ не превышаетъ 350,000 пудовъ.

Кромѣ серебра, желѣза и каменнаго угля, Салаирскій край богатъ также золотыми розсыпями, которыя, благодаря странному предразсудку о невозможности нахожденія въ близкомъ сосѣдствѣ серебра и золота, долго оставлялись безъ вниманія, какъ и другія сибирскія золотыя розсыпи. Въ то время, какъ на Уралѣ уже происходила добыча золота, на Алтаѣ оно лежало нетронутымъ, и разработка его началась здѣсь только лѣтъ 50 тому назадъ.

Начало золотопромышленности на Алтаѣ положилъ екатеринбургскій купецъ Поповъ, который съ необыкновенной энергіей преодолѣлъ всевозможныя препятствія и затрудненія и, наконецъ, открылъ золото на р. Бирикюлѣ, правомъ притокѣ р. Кіи. Самая разработка стала развиваться только съ 1830 года, когда Алтаемъ управлялъ г. Бегеръ, который до того служилъ въ Богословск[illegible]у и хорошо знакомъ съ Уральскими розсыпями, умѣлъ приняться надлежащимъ образомъ и за Алтайскія.

Прежде всего была открыта такъ называемая Егорьевская розсыпь по р. Фомихѣ, которая долго считалась самою богатою; потомъ уже стали открываться и другія, какъ Петропавловская, Царево-Николаевская и пр. Всѣ эти розсыпи главнымъ образомъ сосредоточиваются въ площади, на которой берутъ начало рѣки: Суеньга, Касма, Уръ и Мунгай. Хребетъ Алатау отдѣляетъ эту систему розсыпей, называемыхъ собственно Алтайскими, отъ другихъ системъ, — Минусинской, Маріинской и пр., принадлежащихъ частнымъ лицамъ и обществамъ, о которыхъ мы не будемъ распространяться, и ограничимся только описаніемъ Алтайскихъ или Салаирскихъ розсыпей.

Разсматривая характеръ этихъ розсыпей, мы видимъ, что онѣ состоятъ изъ намывныхъ продуктовъ разрушенія близлежащихъ горныхъ породъ, т. е. изъ обломковъ ихъ, галекъ, небольшихъ валуновъ, съ примѣсью галекъ кварца, бураго желѣзняка, песку и глинъ, среди которыхъ находятся зерна и небольшіе самородки золота, а иногда зерна платины и киновари (Спрокудинъ ключъ, впадающій въ Суеньгу) и кости ископаемыхъ животныхъ: носорога и мамонта. Обломочный матеріалъ, образующій розсыпь, залегаетъ прямо на какой-нибудь твердой породѣ или же отдѣляется отъ нея пластомъ глины. Почвою или плотикомъ розсыпей служатъ различныя породы: известняки, хлоритовые, глинистые и тальковые сланцы и діориты. Качество золота и характеръ его распредѣленія также весьма различны; прежде всего обращаетъ на себя вниманіе то явленіе, что въ розсыпяхъ, залегающихъ на діоритахъ, золото попадается въ видѣ крупныхъ зеренъ, нерѣдко и въ самородкахъ, и при этомъ распредѣлено неравномѣрно, а гнѣздами, тогда какъ въ известняковыхъ розсыпяхъ золото очень мелкое, почти въ видѣ пыли, и распредѣлено равномѣрно. Вдобавокъ, золото въ діоритовыхъ розсыпяхъ всегда богаче и высокопробнѣе, хотя на Алтаѣ оно вообще очень чистое, высокой пробы, и было только всего нѣсколько случаевъ, что золото попадалось низкопробное и то не ниже 56-й пробы. Щуровскій, Гельмерсенъ, Полетика и др. полагаютъ, что нахожденіе золота на Алтаѣ тѣсно связано съ распространеніемъ діорита или зеленаго камня, который, по словамъ г. Полетики (Вѣст. И. Р. Г. Об. 1860 г. т. 28, стр. 9), или самъ заключаетъ въ себѣ золото, или жилами незначительной толщины проходитъ между осадочными породами и гранитомъ, или пересѣкаетъ осадочныя породы, или же содержитъ въ себѣ кварцевыя жилы, заключающія

золото, или, наконецъ, пускаетъ отъ себя золотосодержащія кварцевыя жилы въ осадочныя породы. Отъ разрушенія этихъ жилъ вмѣстѣ съ породами и произошли розсыпи, нанесенныя и отчасти обогащенныя проточными водами. Даже теперь, послѣ весеннихъ дождей и размывовъ, мѣстные жители часто приходятъ мыть золото въ извѣстныхъ мѣстахъ, напримѣръ, на Суеньгѣ, т. е. дѣлаютъ то же, что, по Карстену, въ Венгріи продѣлываютъ Цыгане, которыхъ поэтому называютъ ласточками. Содержаніе чистаго золота рѣдко превышаетъ 1 золотникъ въ 100 пудахъ породы.

Розсыпи находятся также въ верховьяхъ рр. Томи, Мрассы и пр., напримѣръ, Петропавловская, Стрижковская, Базасъ и пр. Всѣ онѣ, по крайней мѣрѣ наиболѣе богатыя, находятся по близости діоритовыхъ горъ и сопровождаются различными минералами. Такъ, въ Царево-Николаевской розсыпи, вмѣстѣ съ очень крупнымъ золотомъ находятся: бурый и магнитный желѣзнякъ, желѣзный блескъ, фистацитъ или эпидотъ и самородный свинецъ, а въ Петропавловской (по р. Базасъ) находится даже самородное желѣзо, въ видѣ кусочковъ различной величины. Всѣ эти розсыпи прежде разрабатывались гораздо правильнѣе; въ настоящее же время онѣ большею частью отданы такъ называемымъ «старателямъ». Этотъ своеобразный и крайне губительный способъ работы практикуется повсюду, отъ Урала до Алтая, частными и казенными золотопромышленниками, не смотря на его дурныя стороны, которыя заключаются въ неправильной выработкѣ металла или, вѣрнѣе сказать, въ хищничествѣ его. Подъ именемъ «старателей», какъ на Уралѣ, такъ и на Алтаѣ, существуетъ особый родъ рабочихъ артелей, которымъ частный золотопромышленникъ или казна отдаетъ на разработку какую-нибудь золотоносную площадь. Старатели добываютъ и промываютъ золото на свои средства и обязаны отдавать его хозяину за извѣстную, заранѣе условленную, плату съ золотника; и такъ какъ эта плата не превышаетъ 2 р. 50 к. за золотникъ, а золото принимаютъ въ казну по 3 р. 48—50 к., то хозяинъ розсыпи, почти ничего не затрачивая и ничѣмъ не рискуя, получаетъ чистый барышъ. Этотъ свободный, повидимому, трудъ на практикѣ не только ведетъ къ разнымъ злоупотребленіямъ, но еще вредно отзывается на самомъ мѣсторожденіи, такъ какъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи о правильныхъ развѣдкахъ, хозяйскихъ разсчетахъ и пр., — все ставится на почву случая; на работахъ господствуетъ воровство и всѣ соединенныя съ нимъ качества. Очень можетъ быть, что, благодаря этимъ старателямъ и отсутствію правильныхъ развѣдокъ, добыча золота на Алтаѣ такъ упала въ послѣдніе годы. Прежде, начиная съ 1860 года, она постепенно усиливалась: съ 13 и 20 пудовъ достигла въ 1872 г. до 120 п., а съ этого времени уменьшилась почти вдвое, такъ какъ теперь добыча не превышаетъ 66 пудовъ. Этимъ мы закончимъ наше краткое описаніе минеральныхъ богатствъ Алтая, изъ которыхъ серебро, золото, свинецъ, мѣдь, желѣзо, каменный уголь представляютъ отчасти эксплоатируемыя залежи, а отчасти, и даже большею частью, никѣмъ не тронутыя, и ожидаютъ будущихъ дѣятелей. До сихъ поръ больше всего обращали вниманіе на серебро, которое разрабатывается уже $1^1/_2$ вѣка, между тѣмъ какъ мѣдь, свинецъ, золото, каменный уголь и желѣзо добываются въ самомъ ничтожномъ количествѣ. Но тѣмъ не менѣе, подобно тому какъ Фрейбергскій округъ или богатый серебромъ Рамельсбергъ на Гарцѣ, — Алтайскіе рудники, при аналогіи историческихъ обстоятельствъ, издавна оказывали весьма большое цивилизующее вліяніе на окружающую дикую страну. Главные центры горнозаводской дѣятельности Алтая: Барнаулъ и Змѣиногорскъ играли въ исторіи цивилизаціи Сибири такую же роль, какъ нѣкогда Екатеринбургъ на Уралѣ или же, за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ, въ цивилизаціи Новаго свѣта—горные города на хребтѣ Кордильеровъ въ видѣ своихъ рудниковъ Потози и Квито, на югъ отъ Мексики до группы Дуранго.

Алтайскіе рудники преимущественно серебро-свинцовые, нѣкогда очень богатые, въ послѣднее время стали сильно падать и вмѣсто 1,000 слишкомъ пудовъ производятъ съ небольсъ небольшимъ 600 п. серебра, тогда какъ прежде одинъ Змѣиногорскій давалъ 1,000 п. (въ

продолженіе столѣтія отъ 1745 г. Алтай далъ всего 76,785 п. серебра и 2,116 п. золота, т. е. всего па сумму 99 милліоновъ руб. сер.). То же и со свинцомъ: вмѣсто почти 100,000 пудовъ въ 1868—71 гг., теперь получается не болѣе 60,000 п. Мѣдь идетъ болѣе равномѣрно; хотя она никогда не процвѣтала на Алтаѣ, какъ серебро, но и то замѣтенъ упадокъ: вмѣсто прежнихъ 40,000 п., напр., въ 1872 г., не вырабатывается и 30,000 п. Золото также уменьшилось. Что же касается выработки чугуна, желѣза и каменнаго угля, то она никогда не достигала здѣсь большихъ размѣровъ, и потому колебанія въ добычѣ ихъ ничтожны.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что горное дѣло па Алтаѣ какъ бы ухудшается и падаетъ. Причина такого неотраднаго явленія заключается, между прочимъ, въ преобразованіи рабочаго населенія. Понятно, когда прежніе горнозаводскіе крестьяне освободились отъ принудительнаго труда, то заводамъ и рудникамъ, основаннымъ и воспитаннымъ при иныхъ условіяхъ, не легко было справиться съ новыми порядками, привыкнуть къ нимъ, узнать и научиться примѣнять свободный трудъ, вслѣдствіе чего наибольшій упадокъ въ производствѣ мы видимъ въ періодъ времени съ 1862 по 1868 г. Вторая причина заключается въ томъ, что большинство серебро-свинцовыхъ рудниковъ въ верхнихъ ихъ частяхъ оказались выработанными, а именно болѣе богатыя охристыя руды стали замѣняться твердыми, трудно добываемыми, колчеданистыми рудами, почему многія мѣсторожденія заброшены и цѣлая группы богатыхъ Змѣиногорскихъ рудниковъ осталась безъ употребленія. Затѣмъ другіе рудники, вслѣдствіе необходимости поставить, по приказанію, ежегодно требуемое количество металла, должны были въ ущербъ экономическихъ соображеній работать усиленно и выхватывать только болѣе богатыя части, что, въ связи съ поспѣшностью, разумѣется, вредило правильности развѣдки и систематической постановкѣ работъ; а такое близорукое отношеніе къ дѣлу, такъ сказать, надорвало рудники, и они сразу начали падать.

Многіе смотрятъ, впрочемъ, слишкомъ пессимистически на Алтай, полагая, что, вслѣдствіе такихъ усиленныхъ, неправильныхъ работъ, всѣ рудники въ недалекомъ будущемъ остановятся, работа на заводахъ и рудникахъ прекратится, страна опустѣетъ, и жители ея, подобно Бусконесамъ или кочующимъ толпамъ горнорабочихъ Мексики, должны будутъ переселиться въ другое мѣсто. Но такое мнѣніе, разумѣется, не выдерживаетъ даже самой снисходительной критики. Истощеніе серебра въ рудникахъ — только кажущееся явленіе: мы видимъ, что истощились однѣ поверхностныя части, тогда какъ на глубинѣ колчеданистыя руды, по мнѣнію всѣхъ изслѣдователей Алтая, содержатъ такія же богатства, хотя въ другой формѣ, и послужатъ еще на многіе годы для добычи серебра; нужно только улучшить какъ технику производства, такъ и самую разработку рудниковъ, ввести нѣкоторыя новыя приспособленія, какъ обогащеніе рудъ и пр. Кромѣ того, если вспомнимъ, что въ одномъ Змѣиногорскомъ краѣ извѣстно до 3,000 почти нетронутыхъ мѣсторожденій, то и старые пріемы добычи серебра найдутъ еще работу; при условіи же усовершенствованія ихъ можно съ увѣренностью сказать, что залежи различныхъ рудъ на Алтаѣ и теперь безконечно велики. Слѣдовательно, необходимы новыя развѣдки, которыя должны быть основаны на строго-систематическихъ изслѣдованіяхъ края, составъ котораго, несмотря на болѣе чѣмъ вѣковыя горныя работы, извѣстенъ только по клочкамъ; нужны нѣкоторыя преобразованія горнозаводскаго дѣла, согласно съ требованіями времени; наконецъ, необходимо оставить тотъ девизъ, который до сихъ поръ преимущественно практиковался, т. е. какъ бы то ни было и во что бы ни стало, добыть положенное число пудовъ металла въ годъ, хотя бы это грозило гибелью руднику. Только отказавшись отъ старой рутинной системы, мы можемъ надѣяться, что Алтай еще на многія столѣтія будетъ доставлять всевозможные минеральные продукты: золото, серебро, свинецъ, мѣдь, желѣзо, цинкъ и наконецъ каменный уголь, который можно смѣло назвать будущимъ двигателемъ Алтайской промышленности. При этомъ нужно по возможности эксплоатировать все, на что затрачиваютъ рудничную работу; между тѣмъ какъ теперь вмѣстѣ съ свинцомъ и серебромъ добываютъ и цинкъ,

но, затрачивая на добычу его работу, никуда не употребляютъ его и не пользуются имп. Въ нѣкоторыхъ рудникахъ (напр. Зыряновскомъ) можно видѣть цѣлыя кучи цинковой руды, скопившіяся въ теченіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ и служащія какъ бы укоромъ всѣмъ тѣмъ, которые издавна управляютъ Алтайскими рудниками. Словомъ, здѣсь масса всякаго матеріала, нужна только энергія и предпріимчивость производителя. Будемъ надѣяться, что начавшіяся преобразованія горнаго управленія на Алтаѣ не ограничатся одпѣми формальностями, но кореннымъ образомъ измѣнятъ всю систему эксплоатаціи минеральныхъ богатствъ Алтайскаго горнаго округа.

Но кромѣ этихъ данныхъ, чисто-минеральныхъ, противъ пессимистовъ говоритъ и то, что Алтайскіе жители, особенно со времени ихъ освобожденія изъ крѣпостнаго состоянія, успѣли уже глубоко пустить корни въ краѣ; горнозаводское дѣло у нихъ не единственное: они съ такою-же, если не съ бо̀льшею еще, выгодою для себя, занимаются хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ и отчасти пчеловодствомъ. Затѣмъ множество другихъ фабричныхъ занятій никогда не оставляютъ Алтайца безъ работы. Всего въ Томской губерніи около 300 фабрикъ, выдѣлывающихъ кожу, мыло, водку и другіе продукты, характерные для земледѣльческой страны и удовлетворяющіе первымъ потребностямъ крестьянства. Алтай самъ по себѣ, безъ рудныхъ залежей, настолько богатъ, что въ состояніи прокормить населеніе, гораздо больше теперешняго, не превышающаго 400,000 человѣкъ, изъ которыхъ собственно рудничнымъ и заводскимъ дѣломъ заняты не болѣе 10,000 чел., а считая съ возчиками—не болѣе 15,000 чел. Недаромъ Алтай, гдѣ богатый черноземъ южной полосы, по словамъ Брема, «дороже золота», сдѣлался въ послѣднее время pia desideria массы переселенцевъ. И онъ давно былъ-бы заселенъ, если бы тому не препятствовало запрещеніе селиться въ прекрасныхъ долинахъ Алтая, уничтоженное въ 1865 году. Съ этого времени мы видимъ, что населеніе горнаго округа возрастаетъ чрезвычайно быстро, не смотря на отсутствіе содѣйствія правительства, не смотря на ужасныя трудности и невзгоды, какія приходится преодолѣвать переселенцу крестьянину. Въ послѣдніе годы въ Томскую губернію переселилось до 35,000 чел., изъ которыхъ слишкомъ 8,000 приходится на Алтай. «Это поистинѣ великое переселеніе на востокъ русскаго крестьянства, — говоритъ Ядринцевъ, — продолжается неудержимо вслѣдствіе малоземелья и утѣсненія въ мѣстахъ... Русскій переселенецъ съ замѣчательнымъ чутьемъ выбралъ Алтай, какъ самый лучшій и благодѣтельный край во всей Западной Сибири». Послѣ этого указанное мнѣніе объ ужасающей будущности Алтая является еще болѣе абсурднымъ.

Въ настоящее время край ожидаетъ всесторонняго оживленія отъ мѣстнаго Сибирскаго университета (въ Томскѣ), который не только долженъ дать ему разнаго рода спеціалистовъ, но и благодѣтельно подѣйствуетъ на общее развитіе населенія, которое, по причинѣ штрафной колонизаціи, во многихъ мѣстахъ опустилось до поразительно низкаго уровня нравственности. Если же при этомъ когда-нибудь желѣзная дорога соединитъ Алтай съ Россіей, то мы вправѣ ожидать, что на ряду съ другими отраслями дѣятельности, горнозаводская займетъ первое мѣсто, и Кузнецкій каменноугольный бассейнъ, съ его желѣзными рудами и золотомъ, будетъ центромъ промышленной дѣятельности не только Алтая, но и всей Сибири.

И. Мушкетовъ.

ОЧЕРКЪ XII.

ИНОРОДЦЫ АЛТАЯ.

Калмыки, Теленгиты, Телеуты и двоеданцы. — Ихъ языческій культъ, нравы и бытъ. — Улала и Ангудай. — Православная миссія

Въ столицахъ шумъ, гремятъ витіи
Кипитъ словесная война,
А тамъ, во глубинѣ Россіи,
Тамъ вѣковая тишина...

Н. НЕКРАСОВЪ.

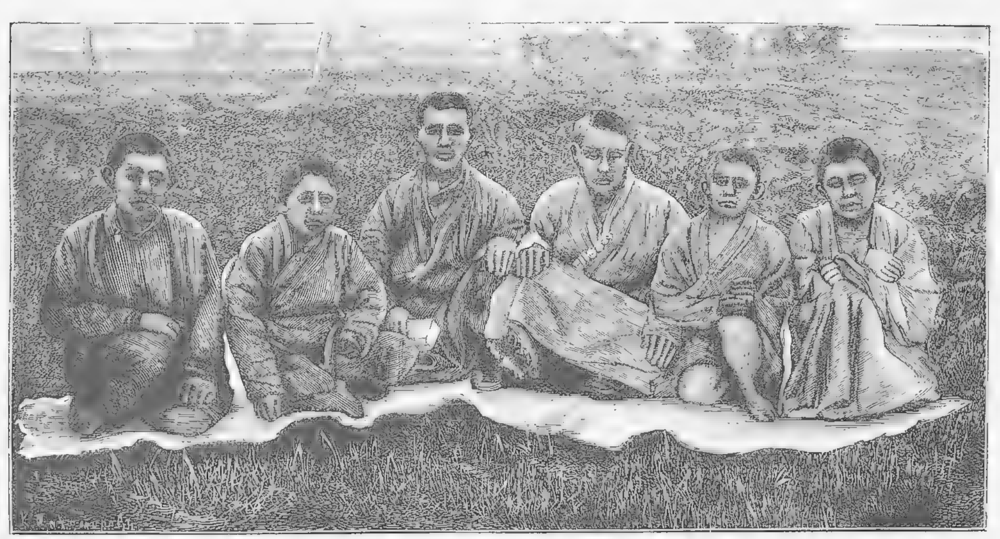

Алтайскіе Калмыки.

Безъ сомнѣнія, не малый промежутокъ времени потребуется для того, чтобы русская колонизація успѣла проникнуть на плоскогорья и высокія долины Алтая, составляющія его южную часть. Эта мѣстность занята кочевымъ пастушескимъ племенемъ, которое окрестные Русскіе называютъ вообще Калмыками; однако между ними различаютъ тѣхъ, которые живутъ къ западу отъ Катуни, отъ тѣхъ, которые занимаютъ высокую Чуйскую степь и сосѣднія съ нею долины; первыхъ называютъ Алтайцами, вторыхъ — Теленгитами. Такъ же и они сами называютъ себя: живущіе на лѣвомъ берегу Катуни даютъ себѣ имя Алтай, на правомъ — Теленгитъ. Имя Калмыкъ имъ неизвѣстно и дано Русскими въ прошломъ столѣтіи по ошибкѣ, — не по языку и племенному родству, а по сходству въ одеждѣ; дѣйствительно, одеждой и внѣшней обстановкой Алтайцы и Теленгиты больше напоминаютъ Калмыковъ, чѣмъ Киргизовъ или сибирскихъ Татаръ. Изъ простонароднаго языка названіе Калмыками перешло и въ науку, но ученые люди, чтобъ отличать Алтайцевъ отъ настоящихъ Калмыковъ, стали звать ихъ горными Калмыками. Между тѣмъ жители Алтая, кромѣ одежды, ничего общаго съ Калмыками не имѣютъ и говорятъ не калмыцкимъ, а татарскимъ языкомъ.

Въ старое время, именно въ XVII столѣтіи, вслѣдствіе внутреннихъ раздоровъ между алтайскими племенами, часть ихъ оставила Алтай и спустилась въ сибирскую низменность. Они

и теперь живутъ на равнинѣ и извѣстны Русскимъ подъ названіемъ Телеутовъ; сами же они себя причисляютъ къ племени Теленгитъ. Телеуты живутъ смѣшанно съ русскими крестьянами и значительно обрусѣли; объ нихъ мы ниже скажемъ отдѣльно.

До вступленія алтайскихъ племенъ въ русское подданство они подчинялись джунгарскому хану, который жилъ тамъ, гдѣ теперь Кульджа. Они платили ему дань или албанъ и давали людей во время войнъ съ Туркестанцами или Китайцами. Въ половинѣ прошлаго столѣтія, передъ паденіемъ Джунгарскаго ханства, алтайскими племенами завѣдывалъ зайсанъ Онбо; владѣніе его было извѣстно русскимъ комендантамъ пограничныхъ крѣпостей подъ именемъ Канской и Каракольской землицы, потому что въ кочевьяхъ подданныхъ зайсана Онбо находились рѣка Канъ и озеро Караколъ. Въ половинѣ прошлаго столѣтія въ Джунгарскомъ ханствѣ начались междоусобицы; алтайскимъ племенамъ волей-неволей пришлось принимать участіе въ

Группа Алтайцевъ.

этихъ войнахъ; одинъ изъ джунгарскихъ князей, Амурсана, обратился за помощью къ Китайцамъ, которые и не замедлили явиться въ край съ войсками, но не столько за тѣмъ, чтобъ водворить Амурсану на джунгарскомъ престолѣ, сколько съ цѣлью подчинить Джунгарію своему владычеству. Китайскія войска начали угрожать и Алтаю; повидимому, Китайцы хотѣли забрать Джунгарію со всѣмъ ея наслѣдствомъ; джунгарскому же хану платили албанъ не только Алтайцы и Теленгиты, но и всѣ черневые Татары, которые живутъ по Біи и Томи, вплоть до границы Енисейской губерніи, и даже барабинскіе Татары. Въ виду этого Онбо со своимъ народомъ бросился въ Бійскъ и сталъ просить русское начальство о принятіи его въ подданство. Ихъ приняли, но тутъ мѣстное начальство сдѣлало промахъ: не разобравъ какъ слѣдуетъ дѣла, имѣя въ виду лишь одно названіе — Калмыки, тобольскій губернаторъ порѣшилъ отправить ихъ на Волгу къ волжскимъ Калмыкамъ, полагая, что алтайскіе бѣглецы найдутъ въ нихъ своихъ сородичей. Сколько тѣ ни протестовали, ихъ отправили подъ конвоемъ въ Астраханскую губернію. При снаряженіи ихъ въ дорогу мелкое начальство отнимало у несчастныхъ инородцевъ провіантъ, а съ зайсановъ требовало взятокъ. Въ таборѣ инородцевъ начался голодъ и смертность; самъ зайсанъ Онбо, его сынъ и нѣкоторые другіе зайсаны умерли отъ оспы. Неизвѣстно, вернули ли ихъ съ дороги, но часть съ нѣкоторыми зайсанами сама ушла назадъ въ Алтай. Скрываясь въ его ущельяхъ, они не знали что дѣлать, оставаться ли въ подданствѣ Русскихъ, или передаться Китайцамъ. Одинъ изъ бѣжавшихъ, зайсанъ Боохолъ, дѣйствительно

перешелъ къ Китайцамъ и сталъ помогать имъ въ поискахъ за другими своими сородичами.

Лѣтомъ 1758 года монгольскіе отряды, служившіе авангардами китайскимъ корпусамъ, появились на сѣверной сторонѣ Алтая; нѣкоторые отряды такъ далеко углублялись на сѣверъ, что не дошли до Бійска только верстъ пятидесяти. Повидимому, они не столько занимались завоеваніемъ края, сколько грабежемъ. Къ этимъ врагамъ Алтайцевъ вскорѣ присоединились еще новые — Киргизы. Киргизскій ханъ Аблай, принимавшій дѣятельное участіе въ джунгарскихъ неурядицахъ, являвшійся сначала въ Джунгарію въ качествѣ защитника обиженныхъ джунгарскихъ князей, а потомъ въ качествѣ ихъ противника и сторонника Китайцевъ, весной 1757 года явился въ Алтай съ главными своими шайками; Киргизы нападали на аулы, всѣхъ мужчинъ избивали, а женщинъ и дѣтей уводили въ плѣнъ. Два года сряду Киргизы нападали на Алтай и страшно его опустошили; эти набѣги доставили въ Киргизскую степь множество рабовъ и рабынь изъ Алтайцевъ, такъ что ихъ народное имя Теленгитъ обратилось въ нарицательное для обозначенія раба, подобно тому, какъ это было нѣкогда съ именемъ Славянъ; крѣпостные люди киргизскихъ султановъ, еще недавно существовавшіе въ степи, назывались по-киргизски Тюлюнгутами. Бѣдность и опустошеніе въ Алтаѣ достигли крайнихъ размѣровъ; жители лишились скота и едва находили пропитаніе, выкапывая луковицы и корни піоновъ. Другіе стали заниматься грабежемъ, охотились на людей и питались человѣческимъ мясомъ. Къ этому-то времени, когда Алтай былъ опустошенъ войной, междоусобіями, киргизской барантой (грабежами) и оспой, вѣроятно, и относится пѣсня, которую и теперь еще поютъ Алтайцы. Они говорятъ, что ихъ предки взошли на одну гору и пропѣли такую пѣсню: «Съ высоты если смотрѣть,— треуголенъ ты, царь Алтай! Какъ посмотрѣть сбоку,— девяти-уголенъ ты, царь Алтай! По скату горы если смотрѣть,— какъ плеть хребетъ твой, царь Алтай! По осеннему жилищу своему, какъ бурое сукно разостлался ты, царь Алтай! Жалко тебя, сердечный мой Алтай! Много крови пролилось въ тебѣ. Пропадай ты, сосна, съ мерзлыми сучьями, не доживай до такого разоренія! Величія полный, мой Алтай, горе тебѣ отъ такого опустошенія! Погибай, ты, сосна, съ сухими вѣтвями, если будутъ тебя еще обламывать. Хорошо ты былъ устроенъ, мой Алтай! Горе тебѣ отъ такого опустошенія!»

Юрта Алтайца.

Нынѣшнія кочевья Алтайцевъ уже не захватываютъ того района, который они занимали въ прошломъ столѣтіи; они перестали показываться въ западныхъ долинахъ Алтая, а также не спускаются болѣе и къ сѣверной его подошвѣ. Они дѣлятся на семь дючинъ; каждой дючиной управляетъ зайсанъ; во всѣхъ дючинахъ считается немного болѣе 10,000 душъ обоего пола. Кромѣ этого дѣленія на дючины, Алтайцы дѣлятся еще на 24 поколѣнія или сёока, т. е. кости. Подати Алтайцевъ состоятъ въ платежѣ «калана», т. е. ясака по рублю съ мужчины, и кромѣ того по три рубля съ каждаго семейства; каланъ уплачивается шкурами лисицъ, соболей, бѣлокъ и куницъ, которыя сдаются зайсанами въ Бійскѣ. Для инородцевъ было бы удобнѣе платить каланъ деньгами, потому что теперь, платя мѣхами, они переплачиваютъ лишнее противъ положенія; но инородцы не соглашаются перейти на денежный платежъ, боясь, что это поведетъ къ дальнѣйшему сравненію ихъ съ крестьянами. Теленгиты, живущіе на Чуйской степи, до новаго разграниченія съ Китаемъ въ 1869 году, платили дань и Россіи

и Китаю и потому назывались двоеданцами; это были послѣдніе двоеданцы; въ прошломъ же столѣтіи число двоеданцевъ было гораздо значительнѣе, — все инородческое населеніе нынѣшняго Кузнецкаго округа и барабинскіе Татары были двоеданцами.

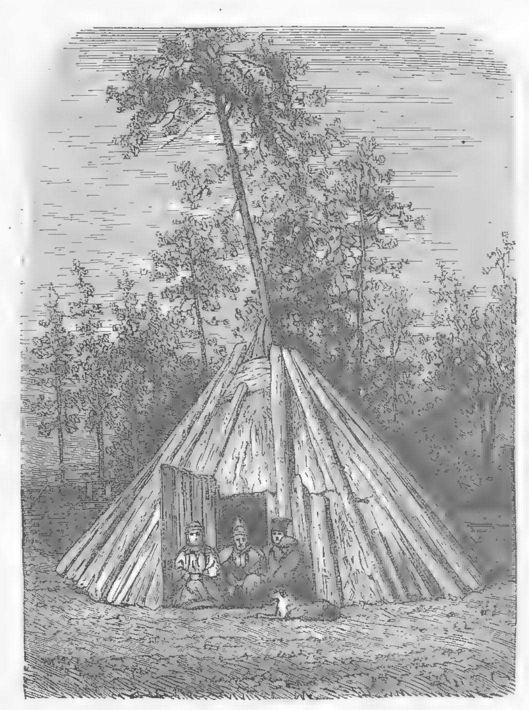
Образъ жизни Алтайцевъ кочевой; занимаются они преимущественно скотоводствомъ, держатъ лошадей, коровъ, сарлыковъ или тибетскихъ коровъ и овецъ. Впрочемъ, тибетскія коровы, нѣсколько лѣтъ назадъ, всѣ вымали и теперь осталось только немного штукъ у русскихъ купцовъ, имѣющихъ табуны въ Алтаѣ. Овцы у Алтайцевъ — монгольской породы, т. е. безъ курдюковъ, съ небольшимъ только жировымъ наростомъ около хвоста; эти овцы никогда не бываютъ рыжія, какъ киргизскія, — всегда окрашены въ бѣлый цвѣтъ, за исключеніемъ головы, которая густо-чернаго цвѣта; отъ этой окраски алтайское стадо издали имѣетъ видъ бѣлаго пятна, усѣяннаго черными крапинками. Алтайская овца меньше киргизской, мало даетъ сала, но зато мясо ея вкуснѣе и шерсть мягче; мягкостью шерсти она превосходитъ не только киргизскую, но и всѣ простыя русскія породы овецъ, такъ что еслибъ въ Алтаѣ умѣли мыть шерсть, она вѣроятно была бы въ одной цѣнѣ съ лучшей донскою шерстью. Кромѣ скотоводства, Алтайцы занимаются звѣроловствомъ, отправляясь на промыселъ артелями, называемыми по-алтайски такимъ именемъ, которое въ переводѣ значитъ «огонь».

Алтаецъ.

Хлѣбопашествомъ Алтайцы занимаются мало, но все-таки они дѣлаютъ небольшія распашки въ долинѣ Чуи, особенно же въ долинѣ Чульышмана. Иногда косятъ и сѣно; такъ какъ въ Алтаѣ зимой снѣга бываютъ велики и стоги пришлось бы съ трудомъ отрывать, то сѣно въ стоги не мечутъ, а вьютъ его въ длинные жгуты, которые развѣшиваютъ на высокія деревья.

Аулы, т. е. деревни Алтайцевъ состоятъ изъ войлочныхъ юртъ и коническихъ шалашей, прикрытыхъ корой лиственницы; въ срединѣ аула, на томъ мѣстѣ, гдѣ ночуетъ скотъ, бываетъ непросыхающее навозное болото. Внутри алтайской юрты также грязно и поразительно бѣдно; нѣтъ того обилія деревянной мебели, раскрашенныхъ божницъ, деревянной и мѣдной посуды, которую находишь въ монгольской юртѣ, или тѣхъ красныхъ юфтовыхъ сумъ и обитыхъ жестью сундуковъ, которыми любятъ обставлять переднюю часть юрты Киргизы. Дверью, вмѣсто простеганной войлочной занавѣски, какъ въ монгольской и киргизской юртахъ, служитъ шкура животнаго; вмѣсто постилки изъ войлоковъ, полъ выстланъ бобовиднымъ пометомъ мелкаго скота; противъ дверей, у стѣны, навалено нѣсколько сѣрыхъ мѣшковъ съ разнымъ имуществомъ; длинное ружье засунуто за рѣшетку; посреди юрты надтреснутый котелъ, иногда установленный просто на врытые въ землю камни, — вотъ все убранство алтайской юрты. Зимой къ огню, медленно поддерживаемому на очагѣ, жмется семейство Алтайца, одѣтое въ грязныя шубы; голыя дѣти прикрыты только сзади; у матери семейства привязанъ на спинѣ грудной ребенокъ, чтобъ не упалъ въ огонь; тутъ же въ юртѣ помѣщается и молодой скотъ — ягнята и телята; нѣкоторымъ членамъ семейства приходится спать ночью, прислонившись спиною къ теплой спинѣ бычка. Ни мужчины, ни женщины у Алтайцевъ не отличаются чистоплотностью; они никогда не моются, даже думаютъ, что это вредно и приноситъ несчастье. Платье на женщинахъ разорвано, рубашки у мужчинъ безъ застежекъ, сапоги безъ подошвъ, шапки распоровшіяся. Одежда у Алтайцевъ состоитъ изъ рубашки, чеймека и шубы; эти три вещи надѣваются одна на другую, снизу рубашка изъ синей бязи, потомъ черный плисовый чеймекъ съ красными карманами и, наконецъ, шуба; эти части одѣянія, чѣмъ ближе къ тѣлу, тѣмъ короче. Головной уборъ, какъ и остальныя части костюма, одинаковъ какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, и состоитъ изъ мѣховой шапки съ плоскимъ верхомъ; края шапки ото-

гнуты кверху и покрыты черной мерлушкой; сзади отъ шапки на спину падаютъ двѣ красныя ленты, какъ и у монгольской шапки. Замужнія женщины сверхъ шубы носятъ чедеки, т. е. халаты изъ бумажной матеріи, длинные, до полу, безъ рукавовъ. Монгольскіе обычаи сказываются также и въ манерѣ носить волосы: мужчины, какъ и въ Монголіи, носятъ косы. За голенищемъ, какъ у мужчинъ, такъ и у женщинъ, заткнутъ кисетъ съ табакомъ и трубкой; Алтайцы курятъ всѣ, безъ различія пола и возраста; даже груднымъ дѣтямъ матери иногда суютъ въ ротъ трубку. Кисетъ и трубка покупаются у Китайцевъ; трубка называется по-монгольски «ганзой»; фасонъ ея общій для всей Монголіи — мѣдная трубка съ небольшой чашечкой, насаженная на тонкій деревянный чубукъ, кончающійся каменнымъ, иногда опаловымъ или нефритовымъ, мундштукомъ; для кочевника нельзя выдумать болѣе прочнаго и удобнаго курительнаго снаряда: онъ набиваетъ ее, не вынимая изъ кисета, и ею же загребаетъ жаръ въ очагѣ и отыскиваетъ уголь, чтобъ зажечь табакъ.

Шалашъ Алтайцевъ у дер. Катанды.

Главную пищу Алтайцевъ составляетъ молоко въ различныхъ видахъ: сырое, творогъ, сыръ, масло и кумысъ, сверхъ того ячменная каша, чай и мясо. Ячменная жидкая каша или супъ называется «кочо» и составляетъ ежедневное блюдо у Алтайцевъ; она варится въ котлѣ разъ въ день, утромъ. Изъ мяса самое любимое — конина, которую однако ѣдятъ только богатые люди; дичь въ родѣ мараловъ, лосей, козуль, ѣдятъ только осенью и зимой, когда бываетъ охота на этихъ животныхъ; птицъ не стрѣляютъ, потому что добыча ихъ не стоитъ затраты на порохъ. Рыбы Алтайцы не ѣдятъ и думаютъ, что она не насыщаетъ, а усиливаетъ голодъ. Мясо варятъ въ котлѣ, а также жарятъ, воткнувъ на палку, и ѣдятъ полусырое. Сваренное мясо выкладываютъ на разостланную шкуру и ѣдятъ руками, безъ соли.

Жизнь Алтайцевъ проходитъ однообразно, мужчины ничего не дѣлаютъ, они только ѣдятъ, курятъ, пьютъ и спятъ; иногда, въ случаѣ крайней скуки, принимаются за карты. Всѣ работы взвалены на женщинъ: онѣ утромъ и вечеромъ доятъ коровъ и козъ, поятъ телятъ, варятъ обѣдъ, шьютъ платье и смотрятъ за дѣтьми. Надзоръ за скотомъ поручается старшему сыну или младшему брату хозяина, но это трудъ легкій, потому что состоитъ только въ томъ, чтобъ разъ въ недѣлю посмотрѣть, не отошелъ ли косякъ далеко отъ юртъ. Коровы, овцы и козы пасутся безъ присмотра и къ ночи сами возвращаются въ аулъ. Единственнымъ непріятелемъ Алтайца до настоящаго времени былъ волкъ; конокрадство въ Алтаѣ, какъ и во всей Монголіи, — неизвѣстное преступленіе.

Алтайцы, подобно нѣкоторымъ другимъ сибирскимъ инородцамъ, — шаманисты. Они вѣрятъ въ существованіе высшаго существа, начала свѣтлыхъ силъ, *яру нэмэ;* это доброе божество они называютъ *Ульгэнъ;* они вѣрятъ также и въ начало темныхъ силъ, *кара нэмэ*, которое называютъ *Эрликъ*.

Свѣтлое божество, Ульгэнъ, въ понятіяхъ Алтайцевъ является менѣе яснымъ, чѣмъ представитель тьмы и зла — Эрликъ. Въ преданіяхъ и сказкахъ Ульгенъ мало или почти совсѣмъ не выступаетъ, его образъ жизни, наклонности, нравъ, внѣшняя обстановка, аттрибуты его

власти — мало извѣстны. Совсѣмъ иное Эрликъ; фигура этого бога ярко рисуется, какъ въ шаманскихъ мистеріяхъ, которыя разыгрываются при жертвоприношеніяхъ, такъ и въ многочисленныхъ сказкахъ. Напрасно, впрочемъ, вы стали бы ожидать, что въ этихъ разсказахъ предъ вами явится образъ съ опредѣленнымъ характеромъ, — религіозное творчество Алтайцевъ не вышло еще изъ хаотическаго состоянія, и боги алтайскаго Олимпа представляются не въ видѣ обособившихся типовъ веселыхъ или коварныхъ боговъ: здѣсь все еще находится въ безпорядочномъ смѣшеніи. Иногда Эрликъ представляется веселымъ, добрымъ, простодушнымъ и легковѣрнымъ богомъ; его представляютъ съ румянымъ лицомъ, подобно русско-славянскому Ярилѣ; онъ не прочь выпить, — на этомъ шаманы его часто ловятъ и, подпоивъ божество простой, самодѣльной, вонючей сивухой или водкой изъ молока, умасливъ его ласковымъ обхожденіемъ, ловко обдѣлываютъ дѣлишки земной жизни. Нѣкоторыя легенды намекаютъ, что Эрликъ самъ и изобрѣлъ винокуреніе. Въ то же время Эрликъ представляется существомъ злымъ, безпрестанно насылающимъ на людей болѣзни и смерть, жаднымъ до жертвоприношеній; онъ рисуется въ воображеніи Алтайцевъ ѣздящимъ на быкѣ съ змѣей въ рукахъ, вмѣсто плети, которою онъ стегаетъ людей, встрѣчающихся ему на пути. Тѣмъ не менѣе сказки часто представляютъ его въ комическомъ положеніи; люди его постоянно надуваютъ, проводятъ, насмѣхаются надъ нимъ, ставятъ его въ самое неловкое положеніе, — словомъ, торжествуютъ надъ нимъ точно такъ же, какъ въ нашихъ сказкахъ надъ Бабой-Ягой или чортомъ. Въ этихъ разсказахъ Эрликъ представляется глуповатымъ и легко поддающимся обману.

Шаманъ (камъ) съ бубномъ.

Ульгэнъ и Эрликъ во многихъ подробностяхъ противополагаются другъ другу. Такъ, напримѣръ, первому приносятъ въ жертву животныхъ только свѣтлой масти, второму—темной; при жертвоприношеніяхъ первому животное обращаютъ головой къ востоку, второму — головой на западъ; мѣстожительство перваго указываютъ на небѣ, втораго—на землѣ. Тѣмъ не менѣе это раздвоеніе природы на два начала — начало свѣта и жизни и начало мрака и смерти, — въ алтайской миѳологіи не доведено до дуализма Зендавесты; въ алтайскихъ преданіяхъ нѣтъ разсказовъ о борьбѣ между Ульгэномъ и Эрликомъ; сказки Алтайцевъ часто имѣютъ своимъ сюжетомъ исторію борьбы свѣтлаго начала съ темнымъ, и воплощеніемъ послѣдняго часто является Эрликъ, но противникомъ и побѣдителемъ его обыкновенно бываетъ какой-нибудь богатырь, а не Ульгэнъ, да и вмѣсто Эрлика представителями тьмы часто являются другія личности, напримѣръ Кара-чула, Ельбегень и другія чудовища.

Кромѣ этихъ главныхъ божествъ, есть еще много другихъ, пользующихся большей или меньшей популярностью. Такъ, напримѣръ, почитаются: Джаячи-ханъ, Пай-ана, Кыгыръ-ханъ, Тэнгри-Тотой и другіе. Джаячи-ханъ — творецъ дѣтей; онъ лѣпитъ ихъ изъ матеріи какъ ваятель изъ гипса, и влагаетъ въ утробы матерей; ему же приписываются наводненія и всемірный потопъ. Пай-ана тоже покровительствуетъ дѣтямъ. Если ребенокъ во снѣ смѣется, это значитъ, что съ нимъ играетъ Пай-ана; этой богинѣ выказываютъ почтеніе, чтобъ дѣтей не постигали болѣзни. Эти божества: Джаячи-ханъ и Пай-ана извѣстны по всему Алтаю; но есть много такихъ, которые, какъ Кыгыръ-ханъ или Тэнгри-Тотой, извѣстны

только въ нѣкоторыхъ долинахъ, въ другихъ же замѣняются новыми богами. Имена этихъ побочныхъ божествъ не вполнѣ еще записаны мѣстными собирателями свѣдѣній, и тутъ представляется обширное поле труда.

Кромѣ этихъ духовъ, обладающихъ властью, болѣе или менѣе близкою къ обширной вседержительской власти Ульгэна или Эрлика, есть еще множество другихъ мелкихъ духовъ; Алтайцы населяютъ всю природу духами; они одухотворяютъ всѣ предметы природы; въ ихъ глазахъ всякая рѣка, всякое озеро, всякая гора, всякое ущелье имѣетъ своего духа, своего ээзи (буквально—хозяина); «хозяинъ» ущелья — то же, что у насъ домовой; какъ у насъ отъ расположенія и благосклонности домоваго зависитъ здоровье скота и здоровье хозяйки дома, такъ и у Алтайцевъ умноженіе скота и здоровье дѣтей зависятъ отъ того, понравились ли хозяину ущелья отецъ и мать семейства. Если хозяинъ ущелья доволенъ своими жильцами, — онъ дѣлаетъ свое ущелье плодороднымъ: травы растутъ густыя, скотъ сытъ, водопой обильный и хорошій. Если же хозяинъ ущелья имѣетъ какой-нибудь поводъ сердиться на своихъ постояльцевъ, — онъ начинаетъ скаредничать: почва дѣлается безплодною отъ засухи, травы растутъ рѣдкія, такъ что скотъ не наѣдается досыта; водопой скудѣетъ, ключи изсякаютъ и обращаются въ лужи съ стоячей и загнивающей водой. Въ томъ же родѣ хозяйничаютъ и духи озеръ и лѣсовъ; отъ хозяина озера зависитъ хорошій уловъ рыбы, отъ хозяина горы — хорошій промыселъ на соболя или оленя и всякой другой дичи. Такъ какъ мелкія рѣки сливаются въ большія, отдѣльныя горы соединяются въ горныя системы, то и въ воображеніи Алтайца должны появиться духи, представители цѣлыхъ физическихъ системъ. Такимъ образомъ, каждое географическое имя, служащее для обобщенія цѣлаго ряда физическихъ явленій, имѣетъ своего представителя въ ряду алтайскихъ духовъ, и самое имя Алтай превращается также въ великое божество Ханъ-Алтай, отъ котораго зависитъ благополучіе всѣхъ живущихъ въ его ущельяхъ народовъ.

Одежда шамана сзади.

Природа, мертвая въ нашихъ глазахъ, Алтайцу представляется живою, самодѣйствующею. Гора, рѣка, озеро, небо въ его глазахъ живутъ духовною жизнью, измѣняютъ свое душевное расположеніе, то выказываютъ свой гнѣвъ, то весело улыбаются человѣку. Горная рѣка представляется ему отдѣльной жизнью, которую онъ можетъ прослѣдить отъ ледяной или снѣжной ея колыбели, на вершинѣ бѣлка, до слiянія ея съ другой рѣкой, которое въ его легендахъ нерѣдко преобразуется въ исторію вступленія въ бракъ; такъ, напримѣръ, разсказывается о рѣкахъ Біи и Катуни, изъ которыхъ одна представляется мужчиной, княземъ, біемъ, а другая — женщиною, хотуной. Весь свой жизненный путь рѣка отмѣчаетъ слѣдами своей могучей дѣятельности, предъ которою силы человѣка кажутся слабыми: она подкапывается подъ берега, обваливаетъ ихъ, роняетъ старый лѣсъ, гложетъ скалы, перекатываетъ каменныя глыбы, разрушая здѣсь, воздвигаетъ постройки тамъ—настилаетъ новые острова, наваливаетъ груды валежника и т. п. Если поэту-европейцу вспомнилось при этомъ зрѣлищѣ о львицѣ, то поэту-дикарю этотъ образъ долженъ представиться еще полнѣе, и не будетъ удивительно, если онъ увидитъ

у этого образа лапы, роющія землю. Другая картина альпійской природы — картина высокой горы или бѣлка еще болѣе производила впечатлѣніе на простодушнаго дикаря Алтайца. Въ ясную погоду, когда на небѣ ни облачка, открытое чело бѣлка приковываетъ къ себѣ глаза путника, затерявшагося на своей лошадкѣ на днѣ глубокой долины; какъ ни просты линіи и краски этой снѣжной вершины въ сравненіи съ красками и разнообразіемъ очертаній въ долинѣ, но она господствуетъ надъ душой наблюдателя и заставляетъ его оборачивать свою голову назадъ, когда онъ уже миновалъ бѣлокъ. Но еще поразительнѣе впечатлѣніе, производимое бѣлками на человѣка, когда они соединяютъ вокругъ себя грозовыя облака. Въ долинѣ тепло и свѣтло, а около бѣлка начинаютъ клубиться облака; вотъ наконецъ они сгущаются въ тучу, ее разсѣкаютъ молніи, за которыми слѣдуютъ раскаты грома; вверху выпадаетъ снѣгъ или градъ, ниже — дождевой ливень; горные потоки прибываютъ и съ бѣшенствомъ несутся въ долину

Камъ (шаманъ) Таранъ.

мутной волной, а въ самой долинѣ попрежнему ясно и жарко. Такая физическая дѣятельность бѣлковъ не могла не отразиться на миѳологіи алтайскихъ горцевъ; бѣлки боготворятся ими; при видѣ ихъ Алтаецъ въ священномъ страхѣ падаетъ на колѣна и молится имъ; въ извѣстную пору года бѣлкамъ приносятся жертвы; на возвышенныхъ мѣстахъ, откуда бѣлокъ виденъ всего лучше, складываются въ честь его груды камней, такъ называемыя въ Алтаѣ *обоо*. Другія великія явленія природы заслужили равное поклоненіе у Алтайцевъ; они поклоняются озерамъ, рѣкамъ, солнцу, лунѣ и огню. Это почитаніе они выражаютъ или складываніемъ кучъ изъ камней, или навѣшиваніемъ узкихъ и длинныхъ тряпочекъ на деревья, или кровавыми приношеніями.

Для отправленія жертвоприношеній у Алтайцевъ, какъ и у другихъ сибирскихъ инородцевъ, существуетъ особый классъ шамановъ, которыхъ они называютъ *камами*. Камами бываютъ не только мужчины, но и женщины; по повѣрью Алтайцевъ, камы родятся съ непреодолимымъ стремленіемъ камлать, т. е. кудесничать; званіе это не наслѣдственно, и сынъ кама не всегда бываетъ камомъ, а также не всякій камъ имѣетъ отцомъ кама же, но все-таки расположеніе къ камской дѣятельности до извѣстной степени врожденно, и если не въ сынѣ, то во внукѣ или племянникѣ отразится. Позывъ къ камланью у человѣка обнаруживается тѣмъ, что онъ не можетъ выносить спокойно зрѣлища камланья, и даже при отдаленныхъ звукахъ бубна съ нимъ начинаются конвульсіи; эти конвульсіи современемъ усиливаются и становятся столь нестерпимыми, что поступленіе въ камы для несчастнаго мученика становится неотвратимымъ. Тогда онъ идетъ въ ученики къ одному изъ старыхъ камовъ, изучаетъ напѣвы и гимны,

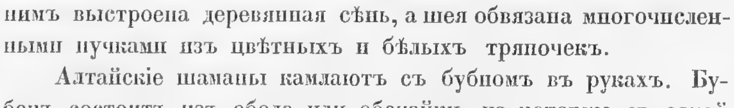
пріобрѣтаетъ бубенъ и посвящается въ камское званіе. Если этотъ позывъ къ камланью проявится въ членѣ семейства, въ которомъ нѣтъ вовсе камовъ, Алтайцы думаютъ, что навѣрно въ средѣ ихъ предковъ былъ какой-нибудь камъ. Всѣ камы считаютъ себя потомками одного кама, который первый на землѣ началъ камлать и былъ гораздо искуснѣе и могущественнѣе нынѣшнихъ. Имя его было, по одному преданію, Кадылбашъ, по другому — Тостогошъ; еще есть преданія, которыя даютъ ему имя Кайраканъ, Ханъ-Хурмось, Газыръ-Гамъ, Абысъ и, весьма вѣроятно, много другихъ именъ. Этотъ древнѣйшій камъ, родоначальникъ нынѣшнихъ камовъ и основатель шаманства, первый человѣкъ на землѣ, который запрыгалъ подъ удары бубна, былъ далеко искуснѣе нынѣшнихъ; теперешніе камы не владѣютъ и сотой долей силы и знанія своего родоначальника, который былъ въ состояніи перелетать съ бубномъ въ рукахъ черезъ большія рѣки, низводить молнію съ неба и т. п.; нечего уже и говорить о томъ, какъ

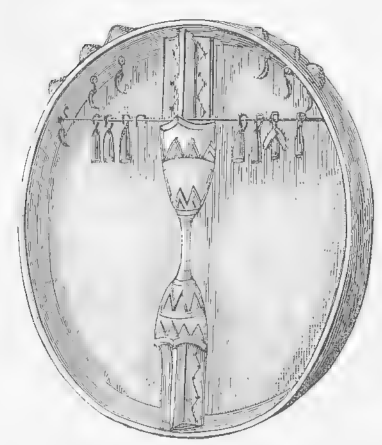
Группа богатыхъ Урянхайцевъ (съ положеніемъ чиновныхъ) близъ Веселковской заимки.

онъ властвовалъ надъ самою смертью: не было ни одного умирающаго, котораго бы онъ не возвратилъ къ жизни. Объ немъ существуютъ многочисленныя легенды. Въ одной изъ нихъ разсказывается, что Ханъ, наскучивъ обманами обыкновенныхъ шамановъ, повелѣлъ всѣхъ ихъ сжечь. «Если, сказалъ онъ, всѣ они сгорятъ, — жалѣть нечего: значитъ, всѣ они были обманщики; если же между ними есть истинные шаманы, то они не сгорятъ». Собрали всѣхъ шамановъ въ одну юрту, обложили сухой травой и хворостомъ и зажгли; но огонь потухъ, и на мѣстѣ костра очутилась мокрая грязь; навалили хвороста и травы вдвое больше, снова зажгли, — и опять тотъ же результатъ; наконецъ въ третій разъ еще больше навалили дровъ, зажгли, и на этотъ разъ костеръ сгорѣлъ съ юртой и со всѣми бывшими въ ней шаманами, за исключеніемъ одного, который невредимо съ бубномъ въ рукахъ вылетѣлъ изъ огня. Другой разсказъ о первомъ шаманѣ передаетъ, что у одного хана заболѣлъ сынъ; онъ приглашалъ многихъ камовъ лечить его, но всѣ они ничего не могли сдѣлать; тогда ханъ призвалъ Тостогоша; Тостогошъ вылечилъ ханскаго сына; за это ханъ подарилъ ему табунъ лошадей и отпустилъ. Но Тостогошу понравилась дочь хана, и онъ рѣшился увезти ее. Отогнавъ табунъ отъ ханской ставки въ степь, онъ въ ту же ночь вернулся въ ставку, уговорилъ ханскую дочь бѣжать и увезъ ее. Ханъ на утро хватился дочери и послалъ за нею погоню, приказавъ, чтобы дочь поймали, привязали къ хвостамъ лошадей, — и онѣ, мечась по степи, разорвутъ ее; Тостогоша же или привезти живаго, или убить и привезти его голову. Погоня такъ и сдѣлала; ханскую

дочь разорвали кони, а Тостогошу отрубили голову и привязали въ торока; тутъ голова захохотала, а тѣло пошло слѣдомъ. Когда эта процессія достигла до ханской ставки, Тостогошъ обратился въ каменную бабу, т. е. въ человѣческій бюстъ; бюстъ этотъ, высѣченный изъ гранита, и теперь стоитъ недалеко отъ восточнаго берега озера Даннъ-гуля, въ вершинахъ рѣки Кобдо. Эта фигура представляетъ камень въ $1^1/_2$ метра высотою; нижнее основаніе его четырехгранное, въ верхней части высѣчена голова, отдѣляющаяся шеей отъ туловища. Лицо отдѣлано тщательно; типъ лица монгольскій; голова представлена обнаженною, безъ шапки; большіе усы указываютъ на мужской полъ; мысли художника изобразить бороду не замѣтно; въ ушахъ видны серьги; на шеѣ надѣтъ шнурокъ или кольцо, на которомъ виситъ приходящееся противъ середины груди какое-то украшеніе, въ родѣ креста. Этотъ истуканъ, находящійся въ кочевьяхъ заграничныхъ Урянхайцевъ, очевидно очень уважается ими; надъ

нимъ выстроена деревянная сѣнь, а шея обвязана многочисленными пучками изъ цвѣтныхъ и бѣлыхъ тряпочекъ.

Бубенъ съ украшеніями.

Алтайскіе шаманы камлаютъ съ бубномъ въ рукахъ. Бубенъ состоитъ изъ обода или обечайки, на которую съ одной стороны натянута кожа, такъ что шаманскій бубенъ похожъ на тѣ бубны, которые употребляются въ нашихъ деревняхъ на вечеринкахъ и въ хороводахъ, только больше и глубже; внутри бубна укрѣплены двѣ перекрещивающіяся поперечины, одна— вертикальная деревянная, другая — желѣзная горизонтальная; первая, служащая шаману вмѣсто ручки, за которую онъ держитъ бубенъ, имѣетъ на одномъ концѣ изображеніе человѣческаго лица, на другомъ — раздвоеніе или развилокъ, напоминающій двѣ человѣческія ноги; эта поперечина называется паръ, парсъ или марсъ; по толкованію нѣкоторыхъ шамановъ, она изображаетъ Ханъ-Хурмося, то есть перваго шамана; на горизонтальную поперечину, которая называется кришь, т. е. тетива, нанизаны желѣзные ширкунцы, носящіе названіе конгуру. Эта поперечина называется тетивой, вѣроятно, потому, что, во время камланья, бубенъ иногда играетъ роль стрѣлебнаго лука, которымъ шаманъ прицѣливается въ злыхъ духовъ. Камланье по большей части производится послѣ заката солнца, передъ костромъ: спачала бубенъ нагрѣваютъ надъ огнемъ, чтобъ кожа натянулась и гулъ бубна выходилъ громче; потомъ бросаютъ въ огонь можжевеловыя ягоды и брызгаютъ въ воздухъ молокомъ; между тѣмъ шаманъ надѣваетъ на себя особый плащъ и особую шапку. Плащъ этотъ, называемый Алтайцами маньякомъ, весь увѣшанъ, и сзади и спереди, жгутами различной толщины и пучками ремней; жгуты сшиты изъ разноцвѣтныхъ матерій, бываютъ толщиной отъ пальца до толщины руки выше кисти, и изображаютъ собою змѣй, вѣроятно съ цѣлью напомнить того миѳическаго змѣя или дракона, которому вся восточная Азія приписываетъ грозовое явленіе; нѣкоторыя изъ этихъ змѣй изображены съ глазами и разинутой пастью. Кромѣ того на спинѣ и бокахъ шамана пришито множество мелкихъ желѣзныхъ погремушекъ. Шапка шамана обшита раковинами каури или такъ называемыми змѣиными головками и совиными перьями.

Когда бубенъ готовъ, одѣтый въ свой плащъ шаманъ беретъ его въ руки, садится у огня и начинаетъ бить въ него небольшой рукояткой, сопровождая удары пѣніемъ призываній или гимновъ. Удары эти бываютъ то рѣдкіе, только дающіе темпъ пѣнію гимновъ, то учащенные, напоминающіе топотъ лошадиныхъ ногъ; шаманъ вскакиваетъ съ своего мѣста и начинаетъ бить въ бубенъ стоя и плясать или, правильнѣе, вихлять тѣломъ и мотать головой, потому что онъ пляшетъ, не сдвигая ногъ съ мѣста. Кромѣ того, онъ то сгибаетъ, то выпрямляетъ туловище, то сильно подергиваетъ головой, то наклоняетъ ее и прячетъ въ бубенъ, то отбрасываетъ ее въ сторону,

какъ будто подставляя лицо боковому теченію воздуха. При этихъ движеніяхъ головы совиный плюмажъ, украшающій шапку шамана, дико носится въ воздухѣ; въ то же время змѣи или жгуты, висящіе съ плаща, то разсыпаются вѣерообразно вокругъ тѣла шамана, то вновь собираются вмѣстѣ, образуя въ воздухѣ змѣевидныя движенія. Ассистентъ шамана, которымъ у мужчины бываетъ обыкновенно его жена, а у шаманки — ея мужъ, усердно продолжаетъ подсыпать въ огонь можевеловыхъ ягодъ, чтобъ дымъ усиливалъ одурѣніе пляшущаго. Иногда шаманъ затихаетъ; онъ садится; удары становятся рѣдки; снова слышится пѣніе гимна; бубенъ тихо колышется въ рукѣ шамана; ширкунцы перекатываются съ одного края тетивы на другой и производятъ таинственный шорохъ. Если шаманъ или шаманка обладаетъ сильнымъ голосомъ, — далеко въ ночной тиши разносится пѣсня, похожая на мольбу угнетенной или подавленной своимъ безсиліемъ души. Эта артистическая часть шаманскаго дѣйствія вдругъ иногда прерывается криками кукушки, рычаньемъ медвѣдя, шипѣніемъ змѣи или разговоромъ неестественнымъ голосомъ и на непонятномъ языкѣ, съ поперхиваніемъ въ горлѣ, съ заиканіемъ и тому подобными затрудненіями. Это означаетъ, что шаманъ очутился въ обществѣ духовъ. Потомъ вдругъ опять слѣдуетъ взрывъ бѣшенаго камланья, — удары безпрерывно сыплются въ бубенъ, шаманъ потрясаетъ тѣломъ, голова кружится въ воздухѣ, наконецъ онъ быстро, какъ волчокъ, вертится на одной ногѣ, а жгуты вытягиваются въ воздухѣ почти горизонтально. Если юрта, въ которой происходитъ это представленіе, мала, то отъ движенія воздуха, производимаго одеждой шамана и навѣшенными на нее змѣевидными жгутами, потухаетъ огонь костра, угли и искры разлетаются и разбрасываются по темнымъ угламъ юрты; дѣти начинаютъ плакать отъ страху, взрослые кричатъ въ испугѣ непонятныя слова: «пукъ, пукъ! джидекъ, джидекъ!» — вѣроятно нѣчто въ родѣ нашего: «чуръ меня!» Иногда шаманъ, въ концѣ такого припадка неистовства, бросается на людей, скорчивъ пальцы въ видѣ лапы хищнаго звѣря, оскаливъ зубы и издавая глухое ворчаніе, или падаетъ на землю и начинаетъ грызть лежащіе у костра и накалившіеся камни. Утомленный, онъ останавливается; ему подаютъ трубку; покуривъ и успокоившись, онъ дѣлается доступенъ и начинаетъ разсказывать, что онъ видѣлъ и что предвидитъ въ будущемъ для каждаго. Окончивъ предсказанія, онъ снова бьетъ въ бубенъ, и этимъ кончается камланье.

Гимны, которые распѣваютъ шаманы во время камланья, заключаются въ восхваленіяхъ могущества и превосходства духовъ или божествъ, къ которымъ обращаются съ просьбой. До сей поры никто еще не собиралъ этихъ гимновъ, хотя ихъ, кажется, въ памяти Алтайцевъ сохраняется много и для ученыхъ миѳологовъ они имѣютъ глубокій интересъ. Для примѣра приведемъ гимнъ огню, записанный у Алтайцевъ Н. М. Ядринцевымъ:

Зубы оскалившее пламя,
Тридцатиголовая матушка огонь!
Зола — постеля тебѣ,
Бѣлая пыль — тебѣ подушка!
Таганъ служитъ тебѣ опояской,
Семь разъ оброненный огонь — гнѣздо.
Вмѣсто матери, ты кормишь;
Подъ землею — твой плодъ,
Небо тебя родило, огонь матушка!
Сырое ты варишь,
Мерзлое растопляешь!

Это—камланье безъ кровавой жертвы; но въ важныхъ случаяхъ, когда, напримѣръ, камланье производится съ цѣлью испросить у боговъ исцѣленіе сильно-больнаго, приносятся въ жертву богамъ домашнія животныя. Жертвы приносятся кромѣ того и просто для испрошенія милости боговъ. Каждый женатый человѣкъ долженъ, въ теченіе своей жизни, принести три раза жертву Ульгэну, преимущественно весной или осенью. Такія же обязательныя жертвы должны быть принесены Эрликъ-хану и Кыгыръ-хану. Обрядъ жертво-

приношенія состоитъ въ слѣдующемъ. Сначала выбираютъ жертву такимъ образомъ: ставятъ на спину кобылы чашку, вымытую ея собственнымъ молокомъ; лошадь отъ удара плетью вздрагиваетъ, чашка падаетъ на землю; если чашка стала на дно, животное годно въ жертву. Затѣмъ избранный человѣкъ держитъ лошадь за поводъ, а камъ машетъ надъ ней березовымъ прутикомъ, означая тѣмъ, что онъ отправляетъ душу животнаго къ Ульгэну. Въ то же время среди юрты ставится зеленая свѣжая береза, такъ что вершина ея торчитъ изъ дымоваго отверстія. На березѣ дѣлаютъ двѣнадцать зарубокъ — это ступеньки, по которымъ потомъ камъ будетъ подниматься на небо; къ вершинѣ березки привѣшивается лоскутъ полотна вмѣсто знамени. Впереди юрты дѣлаютъ изъ березы гнѣздо, а возлѣ дверей, изображающихъ на этотъ разъ скотскій пригонъ, ставится силокъ изъ березовой палочки, съ петлею изъ конскихъ волосъ. Когда все это готово, камъ беретъ въ руки бубенъ и колотушку; на наружной сторонѣ бубна, по шкурѣ, намалеваны небо, радуга, солнце, мѣсяцъ, звѣзды, березки, кони, гусь, камъ на конѣ и земля.

Религіозныя изображенія на бубнѣ.

Камланье начинается въ юртѣ призываньемъ духовъ; самъ же камъ отвѣчаетъ за нихъ, если они изъявляютъ готовность слетѣть въ его бубенъ, который камъ держитъ дномъ внизъ и представляетъ, будто онъ ловитъ на лету падающихъ съ неба духовъ. Потомъ камъ выходитъ изъ юрты, садится на чучело гуся и машетъ руками; это означаетъ, что онъ полетѣлъ по воздуху. Летанье имѣетъ цѣлію согнать изъ верхнихъ сферъ душу предназначаемой въ жертву лошади; затѣмъ камъ начинаетъ бѣгать кругомъ юрты, будто стараясь кого-то загнать въ ея двери. Всѣ зрители принимаютъ участіе и кричатъ: «гай, гай!» — точь-въ-точь какъ кричатъ, когда ловятъ лошадь, загнанную въ пригонъ. Камъ, запыхавшись, вбѣгаетъ въ юрту, бросаетъ бубенъ въ сторону присутствующихъ здѣсь и всовываетъ руку въ приготовленный силокъ, а самъ начинаетъ хрипѣть и брыкаться. Это значитъ, что лошадь, *пуру*, поймана. Бубенъ долженъ быть пойманъ кѣмъ-нибудь на-лету; если онъ упадетъ на землю, это значитъ — лошадь вырвалась; тогда снова повторяется комедія ловли лошади. Окончательно поймавъ невидимую лошадь, ее окуриваютъ можевельникомъ.

Только послѣ этой комедіи приступаютъ къ закланію дѣйствительной жертвы. Ее ведутъ въ поле къ выбранной березѣ, которая не должна имѣть поврежденій, ставятъ головой къ востоку и завязываютъ морду веревкой; затѣмъ къ каждой ногѣ привязываютъ по веревкѣ и, положивъ на спину толстую жердь, растягиваютъ ноги въ стороны, а жердь гнетутъ къ землѣ; распяленное такимъ образомъ на землѣ животное умираетъ отъ перелома спиннаго хребта. Всѣ отверстія въ тѣлѣ лошади затыкаютъ травой, чтобъ не выпустить кровь. Шкуру съ замученной лошади снимаютъ, какъ для чучелы, не повреждая ногъ и головы, продѣваютъ сквозь нее длинную жердь, конецъ которой проходитъ сквозь голову въ ротъ, и на этой жерди подвѣшиваютъ на четырехъ столбахъ, поставленныхъ квадратомъ. Если жертва предназначалась Ульгэну, то шкуру вѣшаютъ головой на востокъ, если Эрлику — на западъ.

Мясо варятъ и съѣдаютъ съ различными церемоніями, а кости выкладываютъ тамъ же, гдѣ вывѣшена шкура. Вечеромъ происходитъ снова камланье, которое изображаетъ восхожденіе кама поочередно на 12 небесъ. Это восхожденіе изображается тѣмъ, что камъ ставитъ сначала одну ногу на зарубку, сдѣланную на березкѣ, поставленной среди юрты, потомъ присѣдаетъ къ землѣ и начинаетъ стучать въ нее ребромъ бубна, съ цѣлью проломать себѣ входъ на небо, послѣ чего съ бѣшенствомъ бѣгаетъ по юртѣ, неистово гремя бубномъ. Представленіе кончается лишь тогда, когда камъ успѣетъ побывать на всѣхъ двѣнадцати небесахъ, т. е. пооче-

редно вставитъ свою ногу во всѣ 12 зарубокъ на березкѣ. Эта простая исторія восхожденія на небо разнообразится множествомъ сценъ и приключеній, случающихся съ камомъ во время посѣщенія небесныхъ пространствъ. То камъ отнимаетъ у бѣсенятъ трубку табаку, гоняется за ними, прицѣливается въ нихъ бубномъ, какъ изъ ружья; то лошадь, на которой онъ ѣздитъ по небу, проситъ пить, ей подаютъ чашку воды съ насвистываніемъ, по обыкновенію, и камъ жадно пьетъ воду, всхрапывая повременамъ; то камъ изображаетъ, какъ онъ подобострастно представляется божеству Яючи, но тотъ недоволенъ, что его отрываютъ отъ занятій, — онъ творитъ младенцевъ, — начальнически вскрикиваетъ, и камъ отскакиваетъ къ стѣнѣ юрты; но, собравшись съ духомъ, онъ снова приближается къ сердитому богу и подъ конецъ добивается-таки аудіенціи и получаетъ отъ него цѣлый рядъ предсказаній о будущемъ. Побывавъ на 12-мъ небѣ въ жилищѣ Ульгэна, камъ прекращаетъ кудесы. У него берутъ бубенъ и колотушку; камъ еще тянется къ бубну, щелкаетъ его вдогонку пальцами и бормочетъ что-то, будто не въ силахъ прекратить сразу свою экзальтацію. Потомъ протираетъ глаза, разглаживаетъ волосы и, какъ-бы «изъ дальнихъ странствій возвратясь», здоровается съ зрителями — «эзеньба!» (здорово ли поживаете?)

Камланье Эрлику отличается отъ камланья богу Ульгэну. Мы помѣщаемъ здѣсь описаніе этого камланья со словъ священника о. Чивалкова, который самъ уроженецъ Алтая и по происхожденію принадлежитъ къ Телеутамъ, племени, родственному съ Алтайцами. Ходъ мистеріи въ честь Эрлика видоизмѣненъ сообразно съ мѣстомъ, гдѣ помѣщаетъ его воображеніе Алтайцевъ и Телеутовъ. Богъ Ульгэнъ обитаетъ на седьмомъ небѣ, и потому камъ начинаетъ свою мистерію съ представленія своего поднятія на седьмое небо; напротивъ, богъ Эрликъ живетъ подъ землею, и потому камъ долженъ изобразить, какъ онъ спускается въ подземный міръ. Путь къ Эрлику длиннѣе, чѣмъ путь къ Ульгэну; камланье Эрлику длится съ сумерекъ чуть не до зари. Сначала камъ разсказываетъ, какъ онъ выѣзжаетъ изъ аула, сопровождаемый войскомъ духовъ; ѣдетъ онъ сначала на югъ, переваливаетъ черезъ Алтай, проѣзжаетъ Китай, проѣзжаетъ «желтую степь, по которой не пролетала сорока», проѣзжаетъ какую-то «блѣдную степь, черезъ которую не пролеталъ воронъ»; на пути чрезъ эти скучныя мѣста камъ предлагаетъ своей дружинѣ запѣть пѣсню. Сидящая въ юртѣ вокругъ камлающаго кама молодежь подсаживается къ нему и подтягиваетъ. Вотъ одна изъ такихъ пѣсенъ:

Подъ мѣсяцемъ быстро текущая вода —
Водопой звѣрей, живущихъ въ лѣсной чащѣ;
Чистыми (красивыми?) женщинами дѣланный бѣлый айранъ (кислое молоко) —
Напитокъ Адамъ-Эрлика.
Подъ солнцемъ текущая вода —
Водопой козла-звѣря;
Красавицами сдѣланный синій айранъ —
Напитокъ стараго (въ другихъ варіантахъ: почтеннаго) Эрлика.

Адамъ-Эрликъ, т. е. отецъ, прародитель людей; ада — по-татарски отецъ. Въ призываніяхъ или гимнахъ Эрлику Алтайцы называютъ его Ада или Ада-Кижи, т. е. отецъ-человѣкъ. Эту же пѣсню обыкновенно поютъ телеутскія женщины, когда варятъ брагу, для чего обыкновенно избираются самыя красивыя изъ нихъ.

На концѣ пути черезъ степь камъ встрѣчаетъ желѣзную гору; разсказывая объ этомъ, онъ изображаетъ усилія человѣка, взбирающагося на высоту; дойдя до вершины, онъ испускаетъ глубокій вздохъ облегченія. На вершинѣ горы камъ видитъ множество костей; это кости камовъ, которые, подобно ему, хотѣли совершить поѣздку къ Эрликъ-хану и пали жертвой своей самонадѣянности. Перевaливъ черезъ гору, камъ поклоняется ей по шаманскому обычаю, приложивъ сжатыя ладони ко лбу. Затѣмъ камъ ѣдетъ далѣе на своемъ конѣ, который называется иногда Аргамакъ, иногда Буры, и достигаетъ мѣста, гдѣ край земли постоянно то схо-

дится, то расходится съ краемъ неба; изображая этотъ моментъ, камъ прыгаетъ, затѣмъ тихонько бьетъ въ бубенъ и тяжело вздыхаетъ въ знакъ того, что ему удалось проскочить нераздавленнымъ между движущимися краями неба и земли. Здѣсь онъ опять видитъ множество костей: «кости мужей навалены рябыми горами, кости коней навалены пѣгими горами». Это кости камовъ, раздавленныхъ при переходѣ черезъ это опасное мѣсто. Послѣ этого камъ ѣдетъ далѣе и подъѣзжаетъ къ отверстію въ подземный міръ. Спустившись «по трубѣ земли», онъ снова ѣдетъ по плоскости и встрѣчаетъ море, чрезъ которое протянутъ одинъ волосокъ. Камъ изображаетъ, какъ онъ переходитъ по этому волоску: шатается и притворяется падающимъ. Здѣсь опять камъ видитъ множество костей погибшихъ камовъ, которыя устилаютъ собою дно морское, и поучаетъ внимающее общество, что ни одинъ человѣкъ, на душѣ котораго есть грѣхъ, не пройдетъ благополучно черезъ этотъ мостъ.

На другомъ берегу каму представляются муки грѣшниковъ. Онъ видитъ человѣка, пригвожденнаго ухомъ къ столбу; это—человѣкъ, любившій подслушивать. Другой повѣшенъ за языкъ, это — клеветникъ. Третій окруженъ напитками и яствами и, мучимый голодомъ и жаждой, не можетъ ихъ достать: потянется къ напиткамъ, напитки удаляются, потянется къ яствамъ — яства удаляются; это терпитъ муки скупецъ. Четвертый сидитъ на раскаленной желѣзной лошади — это конокрадъ. Много душъ грѣшниковъ видитъ здѣсь камъ; есть тутъ и души тѣхъ, которые были немилостивы къ звѣрямъ и слишкомъ много губили ихъ. Наконецъ, камъ подъѣзжаетъ къ жилищу Эрлика. Сперва онъ встрѣчаетъ у входа въ ханскую юрту двухъ злыхъ собакъ, потомъ привратника; тѣхъ и другихъ умилостивляетъ камъ подачками; затѣмъ онъ входитъ въ юрту Эрликъ-хана. Чтобы изобразить аудіенцію у Эрлика, камъ отходитъ къ дверямъ юрты, въ которой производитъ камланье, и начинаетъ медленно подходить къ воображаемому Эрлику, будто бы сидящему противъ дверей; пройдя нѣкоторое разстояніе, камъ вскрикиваетъ: «кто ты такой?» Окружающіе понимаютъ, что это Эрликъ-ханъ крикнулъ на дерзкаго кама, забравшагося неспросясь въ подземное царство. Вѣтромъ, который вмѣстѣ съ крикомъ изошелъ изъ устъ Эрлика, относитъ кама опять къ дверямъ, но черезъ мгновеніе камъ снова начинаетъ подходить къ Эрлику медленно, робко, подобострастно сгибаясь въ три погибели и тихо рекомендуется: «Я камъ Кадылбашевой породы, такого-то племени, живу на такой-то рѣчкѣ, пришелъ просить о томъ-то по порученію такого-то!» Эрликъ снова сердито вскрикиваетъ, и камъ снова отскакиваетъ къ дверямъ. Эта сцена повторяется до трехъ разъ. Наконецъ Эрликъ рѣшается выслушать бѣдняка и спрашиваетъ его: «птицы пернатыя сюда не залетаютъ, когтистые звѣри сюда не заходятъ, какъ же ты, черный, вонючій жукъ, попалъ сюда?» Камъ повторяетъ свое званіе, имя своего отца, свое имя и прочее. Затѣмъ онъ подноситъ Эрлику вино, хорьковыя шкурки и указываетъ на заколотаго ему въ жертву быка. Эрликъ пьетъ вино — конечно, такъ должны понимать окружающіе; на самомъ дѣлѣ, камъ только протягиваетъ чашку съ виномъ въ воздухъ, по направленію, гдѣ предполагается сидящимъ Эрликъ, и затѣмъ выливаетъ вино въ собственное свое горло. Послѣ нѣсколькихъ чашекъ Эрликъ пьянѣетъ; это ясно замѣтно по тѣмъ фразамъ, которыя камъ произноситъ отъ его имени; подвыпивъ, Эрликъ становится сговорчивымъ, злое его сердце размягчается, онъ шлетъ свое благословеніе кліенту кама, обѣщаетъ приплодъ скота, указываетъ даже кобылъ, которыя должны родить жеребятъ, и примѣты ихъ. Затѣмъ камъ возвращается назадъ, но поднимается уже не на конѣ Аргамакѣ, а на гусѣ; представляя это, камъ ходитъ по юртѣ, слегка подпрыгивая, какъ будто онъ летитъ и порхаетъ, и въ рѣчь свою между тѣмъ безпрестанно вставляетъ подражаніе гусиному гоготанью. Наконецъ камланье затихаетъ; камъ садится на постланный войлокъ; кто-нибудь беретъ у него изъ рукъ бубенъ и, ударивъ по немъ три раза, ставитъ его къ стѣнѣ; камъ протираетъ глаза, какъ-бы спросонья.

Камланья въ честь Эрлика совершаются въ цѣляхъ освобожденія больнаго человѣка отъ недуговъ и угрожающей смерти; эта связь Эрлика съ мыслью о смерти находится въ зависи-

мости отъ повѣрьевъ Алтайцевъ о душѣ, о загробной жизни, болѣзняхъ и т. п. Алтайцы предполагаютъ въ человѣкѣ не одну, а двѣ души; къ этому представленію ихъ привели, конечно, наблюденія надъ сновидѣніями; человѣкъ спитъ, но въ то же время видитъ во снѣ, будто онъ ѣздитъ, странствуетъ, охотится въ тайгѣ и т. п. Умъ дикаря-Алтайца разъяснилъ себѣ это обстоятельство такимъ образомъ: у человѣка двѣ души, одна—*тынъ,* которая только поддерживаетъ въ немъ жизненность; это душа, которая есть и у животныхъ; другая душа разумная, *суне,* которая бываетъ только у людей; вотъ во время сна эта-то суне и оставляетъ тѣло и пускается бродить по свѣту, въ тѣлѣ же остается только *тынъ.* Случается, что послѣ сна, когда человѣкъ долженъ пробудиться, бродившая душа не можетъ возвратиться въ тѣло человѣка; отъ этого-то и бываютъ, между прочимъ, болѣзни. А попасть она не можетъ или потому, что не нашла пути въ тѣло, или ее гдѣ-нибудь во время бродяжества задержали. Послѣднее обстоя-

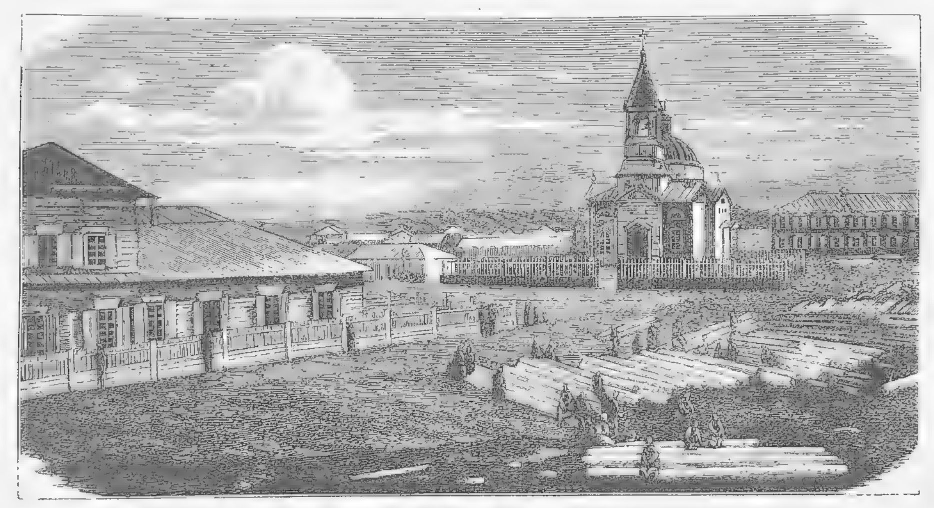

Видъ селенія Улалы.

тельство приписывается злой дѣятельности Эрлика. Пользуясь страстью душъ во время сна тѣла бродить по ночамъ, Эрликъ каждую ночь высылаетъ на землю двухъ своихъ слугъ, которые и ловятъ бродячія души; затѣмъ они уносятъ ихъ въ подземное царство, гдѣ Эрликъ и запираетъ ихъ. Поэтому, когда кама призываютъ къ больному человѣку, первое дѣло его опредѣлить, отчего боленъ человѣкъ, оттого ли только, что душа его сама безъ посторонней помощи не можетъ найти дорогу въ свое жилище, или она находится въ заточеніи у Эрлика. Въ первомъ случаѣ задача его легка, — нужно только вправить душу въ тѣло, указать ей дорогу; во второмъ — нужно принести жертву Эрлику и совершить поѣздку въ подземное царство, отвезти подарки кровожадному хану и умилостивить его.

Для обращенія Алтайцевъ въ православіе, съ 1828 года существуетъ миссія. Первый началъ проповѣдывать Евангеліе въ Алтаѣ скромный и ученый монахъ, извѣстный переводчикъ Библіи съ еврейскаго языка на русскій, о. Макарій, оставившій въ краѣ глубокую память своею святой жизнью, безкорыстнымъ служеніемъ дѣлу и любовью къ забитому инородцу. По своему богословскому образованію, по своимъ познаніямъ въ языкахъ греческомъ и еврейскомъ и при своихъ знакомствахъ, о. Макарій могъ бы занять видное мѣсто въ рядахъ нашей церковной іерархіи; но онъ съ рѣдкимъ самоотверженіемъ промѣнялъ болѣе громкую извѣстность на жизнь въ алтайскихъ лѣсахъ, въ средѣ грязныхъ и бѣдныхъ Алтайцевъ. Онъ долженъ былъ оставить миссію не по своей волѣ и умеръ на отдыхѣ въ Хутынскомъ монастырѣ.

Когда о. Макарій оставлялъ миссію, она была уже прочно организована. Въ настоящее время средства миссіи значительно развились; она получаетъ отъ синода и государственной казны болѣе 6,000 руб. въ годъ; кромѣ того, бываютъ частныя пожертвованія, которыя иногда достигаютъ 10,000 руб. въ годъ. Дѣятельность миссіи охватываетъ обширный край — отъ береговъ Катуни до береговъ Томи; миссія дѣлится на 8 становъ, въ каждомъ станѣ находится священникъ, резиденція котораго называется «станціей миссіонера». Новокрещенные обыкновенно присeляются къ станціи или къ другому какому-нибудь пункту; такимъ образомъ, въ предѣлахъ миссіи насчитывается теперь болѣе 20 инородческихъ селеній съ 10 церквами. Лучшее селеніе—Улала, гдѣ живетъ начальникъ миссіи. Это селеніе находится на рѣчкѣ Улалѣ, въ восьми верстахъ отъ праваго берега Катуни и въ 80 верстахъ отъ города Бійска. Мѣсто подъ селеніе было выбрано о. Макаріемъ, который провелъ здѣсь значительную часть своей жизни.

Училище, церковь и больница въ Улалѣ.

Улала въ настоящее время представляетъ хорошенькое село, скрывающееся въ тѣсной долинѣ между лѣсистыми горами; посрединѣ долины извивается рѣчка, которая разрѣзываетъ село на двѣ части; въ немъ насчитывается до 100 дворовъ и до 500 жителей.

Посрединѣ села, вокругъ церкви съ высокою колокольнею, тѣснятся зданія миссіи: домъ начальника, школа, больница. Отсюда вдоль долины протянулась главная улица села; она только недавно начала застраиваться и потому еще рѣдко обставлена домами, но зато дома большіе, двухэтажные; тутъ же небольшой базаръ, на которомъ разъ въ недѣлю бываетъ съѣздъ изъ сосѣднихъ деревень; нѣсколько торговыхъ лавокъ — всѣ лавки каменныя — окружаютъ базарную площадку. Въ школѣ учится до 80 мальчиковъ, дѣтй новокрещенныхъ. Главное вниманіе въ школѣ обращено на Законъ Божій, и очень мало времени удѣлено на родиновѣдѣніе, о природѣ же вовсе не дается понятія. Развить программу обширнѣе мѣшаетъ вѣроятно недостатокъ у миссіи людей. Завѣдываніе школой и преподаваніе лежитъ исключительно на одномъ человѣкѣ, о. Макаріѣ, неутомимомъ послѣдователѣ покойнаго Макарія. Но на о. Макаріѣ, кромѣ завѣдыванія школою, лежатъ, кромѣ того, и многія другія обязанности: онъ правитель канцеляріи, игуменъ и казначей. Кромѣ о. Макарія, другое замѣчательное лицо миссіи — о. Чивалковъ, священникъ, по происхожденію Телеутъ. О. Чивалковъ былъ долго переводчикомъ при покойномъ о. Макаріѣ, затѣмъ онъ помогалъ г. Радлову при переводахъ образцовъ алтайской поэзіи. О. Чивалковъ — первый писатель на алтайскомъ языкѣ; кромѣ

переводовъ статей духовнаго содержанія, которые онъ дѣлаетъ по порученію начальника миссіи, онъ занимается изрѣдка сочиненіями на алтайскомъ языкѣ свѣтскаго содержанія; въ собраніи Радлова напечатаны его воспоминанія; кромѣ того въ Казани издано нѣсколько мелкихъ сказокъ, сочиненныхъ о. Чивалковымъ, напримѣръ: «О борьбѣ русскаго пѣтуха съ алтайскимъ филиномъ», въ которой подъ филиномъ о. Чивалковъ разумѣетъ шамана. Кромѣ трудовъ о. Чивалкова, издано миссіей нѣсколько статей духовнаго содержанія, переводъ Евангелія отъ Матвѣя, напечатанный въ Томскѣ, и грамматика алтайскаго языка съ словаремъ. Если прибавить къ этому сборникъ алтайскихъ сказаній, составленный Радловымъ и напечатанный нашей Академіей Наукъ, — вотъ и все, что пока напечатано на алтайскомъ языкѣ.

Жизнь въ селѣ проходитъ подъ надзоромъ духовныхъ лицъ, которыхъ насчитывается до

Ученики миссіонерской школы (исключительно Алтайцы)

семи человѣкъ. Селиться въ Улалѣ можно не иначе, какъ съ разрѣшенія начальника миссіи, а миссія дастъ его только людямъ, отличающимся трезвымъ поведеніемъ; кабаки открывать въ селѣ не дозволяется. По воскресеньямъ, послѣ обѣдни, народъ собирается въ церковь для бесѣдъ, гдѣ одно изъ духовныхъ лицъ разсказываетъ что-нибудь изъ священнаго писанія или знакомитъ съ догматами православія. Улалинскіе инородцы живутъ безбѣдно, они усердно занимаются земледѣліемъ, скотоводствомъ и пчеловодствомъ, имѣютъ хорошіе дома, которые внутри содержатся не только чисто и опрятно, но иногда и изысканно; въ горницахъ встрѣчается городская мебель, на стѣнахъ гравюры въ рамкахъ, въ переднемъ углу хорошей работы икона, на окнахъ цвѣты и плющъ. Кухня та же самая, что у крестьянъ; инородка не только умѣетъ готовить русскія щи и другія блюда, но къ чаю умѣетъ напечь сладкихъ печеній, а на зиму наварить медоваго варенья. Особенную оригинальность селенію придаетъ мѣстный говоръ; пока разговоръ обращенъ къ постороннему посѣтителю селенія, онъ ведется на русскомъ языкѣ; обстановка жителей обманываетъ до поры пріѣзжаго, и онъ думаетъ, что находится среди настоящихъ Русскихъ; но только стоитъ ему отвернуться, какъ за спиной раздается татарская рѣчь.

Жизнь Улалинцевъ смахиваетъ немного на монастырскую; хороводовъ, пляски, народныхъ гуляній, общественныхъ праздниковъ свѣтскаго характера совсѣмъ нѣтъ; въ праздники улица села представляетъ такой же пустынно-унылый видъ, какъ и въ будни, только увидишь гдѣ-нибудь у отвореннаго окна разряженную прикащицу, щелкающую кедровые орѣхи; иногда собравшіяся на крылечкѣ дѣвицы поютъ хоромъ ирмосы; тѣмъ не менѣе ночью вдругъ на улицѣ

раздается оранье русской скабрезной пѣсни, свидѣтельствующей, что гдѣ-то, втихомолку, не смотря на запрещеніе кабаковъ и винной продажи, въ запертой избѣ кутила пьяная компанія и, пользуясь ночной тишиной, расходится по домамъ.

По Улалѣ, впрочемъ, нельзя судить о другихъ селеніяхъ миссіи; Улала — казовый конецъ; она растетъ подъ глазами начальника миссіи, на нее истрачивается и больше заботъ, и больше денегъ; кромѣ того важно и то, что Улала окружена русскими деревнями, съ которыхъ инородцы берутъ примѣръ и въ которыхъ ищутъ себѣ женъ. Хотя многое изъ того, что сдѣлано для инородческой осѣдлости, слѣдуетъ приписать исключительно миссіи, но нельзя также оставлять безъ вниманія и того вліянія, которое имѣетъ на инородцевъ окрестное крестьянское населеніе. Значительная часть населенія въ миссіонерскихъ станціяхъ состоитъ не изъ новокрещенныхъ Алтайцевъ, а изъ Телеутовъ, которые переселяются сюда изъ Кузнецкаго округа, и обрусѣніе которыхъ началось до учрежденія алтайской миссіи. Другой совсѣмъ видъ представляютъ тѣ селенія миссіи, которыя находятся вдали отъ русскихъ деревень. Такъ, напримѣръ, въ одной изъ внутреннихъ долинъ Алтая, на рѣкѣ Урусулѣ, есть селеніе Ангудай; оно существуетъ уже болѣе 20 лѣтъ, но состоитъ изъ пяти, шести домовъ, принадлежащихъ бійскимъ купцамъ; затѣмъ остальная часть селенія представляетъ собраніе шалашей изъ древесной коры, въ которыхъ бѣдные жители часто не имѣютъ войлочной подстилки и никакой утвари, кромѣ долбленаго ведра. Многіе изъ нихъ вовсе не имѣютъ коровъ и берутъ ихъ напрокатъ у богатыхъ язычниковъ, за что потомъ отработываютъ физическимъ трудомъ. Нравственность жителей селенія славится не съ хорошей стороны; въ то время, какъ язычники Алтайцы отличаются честностью и отсутствіемъ воровства, Ангудайцы пріобрѣли извѣстность въ противоположномъ смыслѣ. Вообще, услуги миссіи важны не столько въ отношеніи введенія у инородцевъ осѣдлаго быта, сколько въ томъ въ отношеніи, что въ лицѣ миссіонера высшая администрація находитъ новое лицо, которое можетъ дать ей свѣдѣнія о бытѣ инородцевъ съ другой точки зрѣнія, чѣмъ чиновникъ или купецъ.

Видъ селенія Ангудая.

Не болѣе какъ десять лѣтъ назадъ въ Алтаѣ были возможны большія злоупотребленія. И купцы и чиновники безнаказанно обогащались на счетъ инородцевъ. Отдѣльные засѣдатели (такъ называется чиновникъ, въ лицѣ котораго сосредоточивается все управленіе участкомъ, соотвѣтствующимъ нашему стану), пріѣзжая на службу нищими, уѣзжали отсюда такими богачами, что въ состояніи были основывать заводы. Не менѣе смѣло дѣйствовали и купцы. Уже одна торговая сис-

тема была ничто иное, какъ разоренiе алтайскаго народа; купеческiе барыши были основаны на торговлѣ молодымъ рогатымъ скотомъ: купцы покупали обыкновенно годовалыхъ телятъ, но не брали ихъ тотчасъ, а оставляли у продавца для пастьбы. По истеченiи трехъ лѣтъ купецъ получалъ стадо взрослаго скота, ничего не заплативъ старому хозяину за пастьбу, который къ тому же отвѣчалъ и за цѣнность проданнаго скота. Словомъ, купецъ никогда ничего не терялъ и наживался, а Алтаецъ разорялся, особенно если на скотъ былъ падежъ. Когда же Алтаецъ, удрученный обстоятельствами, возмущался и не хотѣлъ платить по разсчету, который ему предъявлялъ купецъ, — являлись прикащики и силою отбивали скотъ у хозяина. Десятки богатыхъ владѣльцевъ скота, считавшихъ тысячами головъ свои табуны, этими мѣрами доведены до нищеты, и теперь еще часто указываютъ на стариковъ или вдовъ, которые доживаютъ свой вѣкъ въ крайней бѣдности, тогда какъ прежде они имѣли тысячи головъ. Табуны Алтайцевъ перешли въ руки бiйскихъ купцовъ, сами же Алтайцы обратились въ ихъ пастуховъ; купцы завели въ долинахъ Алтая заимки, гдѣ у нихъ находятся склады товаровъ и живутъ прикащики, завѣдующiе табунами, которые пасутся на земляхъ Алтайцевъ безъ платежа хотя бы ничтожныхъ пошлинъ въ пользу туземцевъ. Обѣднѣнiе народа, по словамъ три раза путешествовавшаго по Алтаю г. Радлова, идетъ такъ быстро, что въ послѣднее свое путешествiе г. Радловъ не узнавалъ тѣхъ мѣстностей, которыя посѣщалъ еще въ 1860 и 1865 г. Скота на дорогѣ нигдѣ не было видно: даже прекрасная Урусульская долина была пуста; если гдѣ и попадался скотъ, то на вопросъ: «чей онъ?» — путешественникъ получалъ постоянно отвѣтъ: «купеческiй».

Новокрещенная алтайская женщина.

Отдѣлившiеся отъ Алтайцевъ братья, выселившiеся на сибирскую равнину и живущiе теперь въ Кузнецкомъ округѣ подъ названiемъ Телеутовъ, имѣютъ отличную отъ Алтайцевъ судьбу. Ихъ считается всего до 4,000 д. об. п.; изъ нихъ осталось некрещеными не болѣе четвертой части; впрочемъ, изъ крещеныхъ совершенно обрусѣвшихъ гораздо менѣе половины. Однако, какъ тѣ, которые только номинально считаются крещеными, такъ и остающiеся еще въ шаманствѣ, живутъ совершенно по-русски, въ большихъ деревянныхъ, нерѣдко двухъ-этажныхъ домахъ; одѣваются, какъ русскiе крестьяне, въ высокiе сапоги, синiе холщевые штаны, бѣлыя или пестрыя холщевыя рубахи съ большими красными или желтыми ластовицами, и въ кафтаны изъ крестьянскаго сукна, совершенно русскаго покроя. Только монгольскiя черты лица, выдающiяся, но не настолько какъ у чистыхъ Монголовъ, скулы и совершенно черные волосы съ перваго взгляда изобличаютъ ихъ народность. Нѣкоторые изъ шаманистовъ Телеутовъ живутъ не только въ достаткѣ, но даже богато, занимаются торговлей и ѣздятъ на ирбитскую ярмарку.

Ясенъ и простъ выводъ изъ того, что сказано нами о положенiи и бытѣ алтайскихъ инородцевъ. Не инородцы, а мы, Русскiе, виноваты въ томъ, что аборигены Сибири до сихъ поръ еще коснѣютъ въ языческомъ невѣжествѣ и остаются въ условiяхъ первобытнаго существованiя. Опытъ Улалы доказываетъ, что нужно, сравнительно, немного труда, чтобы просвѣтить инородцевъ свѣтомъ христiанскаго ученiя, вывести ихъ изъ первобытной неподвижности и поставить въ условiя человѣческаго существованiя. Но, къ несчастiю, школа и христiанская миссiя находятся на Алтаѣ лишь въ самомъ зачаточномъ состоянiи; съ другой же стороны, русскiй кулакъ-кровопiйца высасываетъ изъ инородца буквально послѣднiе соки, гра-

битъ скотъ — послѣднее и единственное достояніе инородца. Примѣръ Телеутовъ доказываетъ, что въ тѣхъ случаяхъ, когда инородцамъ удается избѣжать ига русскаго кулачества, когда они не встрѣчаютъ отъ русскихъ переселенцевъ притѣсненія, несправедливостей и не разоряются ими, — они охотно воспринимаютъ и вѣру христіанскую, и русскіе обычаи.

Алченъ русскій кулакъ-хищникъ, и если онъ вопьется во что, то не отступится отъ своей жертвы, пока останутся у ней хотя бы признаки жизненныхъ соковъ. Немудрено поэтому, что обѣдненіе Алтайцевъ развивается съ такою поразительною быстротою, какъ это засвидѣтельствовано г. Радловымъ.

Г. Н. Потанинъ.

ОЧЕРКЪ XIII.

СѢВЕРНЫЯ ПРЕДГОРЬЯ АЛТАЯ.

I.—КУЗНЕЦКІЙ КРАЙ.

Отроги Кузнецкаго Алатау.—Чернь или дѣвственные лѣса Кузнецкаго края, ихъ флора и фауна.— Черневые и Кузнецкіе Татары; ихъ домашній бытъ. — Промыслы и занятія Татаръ. — Раздѣленія Татаръ на роды или поколѣнія и обособленность управленія по родамъ. — Взаимныя отношенія между инородцами и Русскими.

Стряхнувъ ярмо тяжелаго,
Гнетущаго труда, —
Быть можетъ, буйну голову
Сносилъ бы я тогда!
Покинувъ путь губительный,
Нашелъ бы путь иной,
И въ трудъ иной — свѣжительный —
Поникъ бы всей душей;
Но мгла отвсюду черная
На встрѣчу бѣдняку!...

Н. НЕКРАСОВЪ.

Черневые Татары.

Кому изъ васъ, читатели, доводилось бывать въ дремучихъ, заповѣдныхъ лѣсахъ, покрывающихъ отроги Кузнецкаго Алатау? Доводилось-ли вамъ наблюдать своеобразную жизнь обитателей этихъ горъ и лѣсовъ? — Вѣроятно, лишь весьма немногимъ доводилось. Тысячи лѣтъ стоятъ стѣной непроницаемой эти непроходимыя лѣсныя дебри и не манятъ, мглой покрытыя, рѣдкое населеніе сосѣднихъ мѣстъ, для котораго больше приволья въ необъятныхъ степяхъ сибирскихъ и равнинахъ; нога пришлаго человѣка еще не проторила тропы въ глубь этихъ лѣсовъ, и не изведана та жизнь, которая таится здѣсь сотни лѣтъ въ глухихъ ущельяхъ горъ, въ ложбинахъ, по долинамъ бурныхъ горныхъ потоковъ...

Таковъ край, составляющій часть Томской губерніи, по лѣвую сторону верхняго теченія р. Томи, орошаемый системою двухъ большихъ ея притоковъ—Мрассы и Кондомы.

Отроги Алатау, служащаго водораздѣломъ Абакана, Лебеди, Мрассы и Кондомы, направляются — одинъ по лѣвому берегу Кондомы, другой—между Мрассой и Кондомой, и тянутся вплоть до устья этихъ рѣкъ, упираясь въ лѣвый берегъ Томи, противъ города Кузнецка. Мрасса и Кондома, какъ двѣ родныя сестры, рядомъ катятъ свои воды черезъ весь Кузнецкій край; но какъ не похожи онѣ одна на другую! Мрасса бѣшено мчится по руслу, заваленному огромными глыбами, образуя непроходимые въ обыкновенную воду пороги, — мчится среди дикихъ и голыхъ утесовъ. Кондома течетъ спокойно, безъ шума и рева на мелкихъ порогахъ, змѣей извиваясь между горъ, одѣтыхъ всюду чернѣющимъ лѣсомъ. На протяженіи 60 верстъ отъ устья Кондомы, вверхъ по рѣкѣ, ютятся, по обоимъ ея берегамъ, небольшія русскія деревеньки, вперемежку съ татарскими, но далѣе идутъ одиноко разбросанныя юрты инородца, попрятавшіяся въ укромныхъ мѣстахъ горъ и лѣсовъ; далѣе начинается область могучей дѣвственной природы, чары которой и манятъ къ себѣ пытливаго путника, и наводятъ трепетъ на его душу.

Половина іюня. Погода установилась. Жара невыносимая, — только и можно укрыться отъ нея въ тѣни лѣсовъ. Но въ степи, на открытомъ мѣстѣ, страшно жжетъ и разслабляетъ. Обливаясь пóтомъ, не находишь мѣста, пока не подуетъ освѣжающій вѣтерокъ, пока не наступятъ прохладныя сумерки. Позади осталась послѣдняя русская деревушка, Кузедѣево, бывшее когда-то казачьимъ форпостомъ. Отсюда, вверхъ по лѣвому берегу Кондомы, пять лѣтъ тому назадъ не было еще проѣзжей верховой тропы, — пять лѣтъ тому назадъ здѣсь не только Русскій, но и вскормленный дѣвственной природой инородецъ не заглядывалъ въ лѣсную чащу, пока, наконецъ, не понравился одинъ уголокъ на берегу рѣки старому Сатлаю, и онъ не поселился здѣсь съ своей семьей и родственниками. Понравилось это мѣсто Сатлаю, понравилось его роднѣ и пріятелямъ, и за одной юртой быстро выростала другая, третья, четвертая — словомъ, образовался улусъ; отъ него разошлись въ разныя стороны тропинки къ другимъ сосѣднимъ улусамъ — и начались безостановочныя сообщенія, — новая жизнь закипѣла. Край глухой, дикій, заброшенный, но инородецъ нашелъ здѣсь счастіе, покой и довольство; ни онъ, ни его потомки не разстанутся съ этимъ уголкомъ до тѣхъ поръ, пока здѣсь будетъ царить безпросвѣтная глушь, укрывающая инородцевъ отъ посторонняго глаза. Улусъ Сатлая лѣпился по скату высокаго берега Кондомы, у скалы, состоящей изъ кристаллическаго известняка прекраснаго бѣлаго цвѣта, носившей названіе Ак-кая; кругомъ стоялъ березовой лѣсъ, огороженный на нѣсколько сотъ саженъ подъ пасѣку. На противоположномъ берегу рѣки стѣной стояли гигантскія пихты и осины, свѣсившія свои вѣтви надъ водой. Кажется, что сквозь эту черную стѣну и проникнуть нельзя, — такъ плотно жались деревья другъ къ другу, такъ мрачно смотрѣли они, составляя рѣзкій контрастъ съ веселой березовой рощей. Но для инородца нѣтъ препятствія въ глуши лѣсовъ: въ нихъ онъ никогда не потеряется, не ошибаясь ни въ направленіи, взятомъ по прямой линіи, ни въ оцѣнкѣ разстоянія.

Переждавъ у гостепріимнаго Сатлая, пока отдохнутъ кони, обмѣнявшись новостями за десяткомъ выкуренныхъ трубокъ передъ пылающимъ очагомъ юрты и утоливъ жажду чаемъ, Татары начали сѣдлать и вьючить лошадей. Солнце жгло невыносимо. Тишина въ воздухѣ такая, что листъ не шелохнется. Все замерло. Только безчисленныя тучи комаровъ и мошекъ, слѣпней и оводовъ кружатся около людей и животныхъ и не даютъ ни на секунду покоя. Навьючивъ лошадей, Татары быстро сѣли въ сѣдла и торопливо поѣхали изъ улуса, безпрестанно пришпоривая коней, точно они торопились куда-то, боясь опоздать. Это ужь такая манера ѣзды у нихъ. Пріѣдутъ куда-нибудь въ улусъ, сидятъ тутъ цѣлые часы, предаваясь лѣнивому отдыху и выкуривая трубку за трубкой; потомъ, вдругъ, точно спохватившись, вскакиваютъ на лошадь и гонятъ кляченку вскачь, сломя голову, только пыль столбомъ. Перешли Кондому вбродъ близъ улуса Сатлая; воды, на самомъ глубокомъ мѣстѣ брода, едва хватало лошадямъ по колѣно. Подошли уже къ противоположному берегу рѣки, и все еще не

видно было, куда идетъ тропинка. Наконецъ, лошади начали выскакивать изъ воды одна за другой на обрывистый берегъ и карабкаться вверхъ по скользкой тропѣ. Послѣдняя лошадь вышла изъ воды, и въ ту же минуту лѣсъ сомкнулся за ней. Яркій свѣтъ солнечнаго дня быстро погасъ, и кругомъ воцарилась мгла, гнетущая душу, не нарушаемая ни малѣйшимъ звукомъ. Жаръ смѣнился прохладой. Удивительное впечатлѣніе производитъ на душу путника этотъ лѣсъ, принимая его въ свои объятія! Своей прохладой и благоуханіемъ онъ, въ одно и то же время, и разливаетъ нѣгу, и возбуждаетъ жизненныя силы. Безмолвіе навѣваетъ на душу покой, ласкаетъ ее и манитъ воображеніе грезами. Жутко оставаться въ такомъ лѣсу одному, особенно человѣку непривычному; ухо слышитъ тогда малѣйшее движеніе птицы, трескъ сучьевъ, скрипъ нагнувшейся березы... Все это вызываетъ представленіе одно другаго фантастичнѣе. Гигантскія пихты, осины и березы выстроились плотной стѣной по обѣ стороны верховой тропы и своими протянутыми вѣтвями надъ головой всадника замыкаютъ сводъ надъ тропинкой, лишь изрѣдка позволяя видѣть небольшіе клочки неба. Спереди и позади себя видишь тропу на разстояніи нѣсколькихъ саженъ, а далѣе она уже скрылась въ лѣсной чащѣ. . Когда же конецъ-то будетъ этой тропѣ? Куда она ведетъ? Вѣчностью кажется время, которое прошло съ тѣхъ поръ, какъ лѣсъ сомкнулся позади, какъ онъ поглотилъ въ свою темную бездну цѣлую вереницу людей и животныхъ. Часы идутъ, но въ лѣсу перемѣнъ дня незамѣтно, — все тотъ же полумракъ кругомъ и вечеромъ, какъ и въ полдень.

Видъ алтайскаго лѣса.

Все та же несмѣняемая картина, тѣ же гиганты—деревья, поросшія снизу до верху мхомъ и лишаями, стоятъ съ протянутыми, точно руки, вѣтвями, съ которыхъ свѣшиваются длинныя пряди тонковѣтвистаго сѣраго моха, будто сѣдые всклоченные волосы лѣсныхъ духовъ. Немудрено, если въ поздній вечерній часъ, воображенію усталаго путника эти сѣдыя деревья представятся въ образѣ старцевъ, лѣсныхъ духовъ; немудрено, если воображеніе представитъ, какъ эти лѣсные духи киваютъ ему головами, хватаютъ его, увлекаютъ въ лѣсную чащу, стаскивая съ коня. Немудрено все это потому, что тонкія вѣтви пихтъ, стоящихъ вплоть у тропинки, хлещутъ по лицу, рукамъ, головѣ, а толстые сучья не гнутся, не уступаютъ всаднику, грудью налетѣвшему на нихъ, и онъ принужденъ или прижаться весь къ коню, или вылетѣть вонъ изъ сѣдла. Тропа такъ извивается между деревьями, что безпрестанно ноги прижимаются къ стволамъ, ударяются колѣнами, безпрестанно сучья задѣваютъ за платье, срываютъ шапку, колятъ лицо, точно хотятъ взять съ каждаго проѣхавшаго какую-нибудь дань. Быстро ѣхать по такой тропинкѣ невозможно. Даже и при ѣздѣ шагомъ не всегда успѣваешь уклониться отъ распростертыхъ вѣтвей. Быстрая ѣзда лѣсомъ невозможна еще и потому, что тропинка завалена колодникомъ, стволами упавшихъ деревьевъ, черезъ которыя конь съ трудомъ перескакиваетъ, иногда съ опасностью для всадника, надъ головой котораго повисло, запутавшись въ вѣтвяхъ, дерево, сломанное ураганомъ. Для громоздкихъ и тяжелыхъ вьюковъ здѣсь совершенно нѣтъ проѣзда.

На десятки верстъ вьется безконечной лентой тропа вдоль горныхъ отроговъ, по «гривамъ», или пересѣкая ихъ; то спускается на дно лощинъ, гдѣ стоитъ не просыхающая грязь отъ ключей, то снова поднимается на вершины отроговъ. Среди могучей древесной растительности Кузнецкихъ лѣсовъ, наряду съ гигантскими кедрами и пихтами, осинами и березами въ два человѣческихъ обхвата, выступаетъ такая же могучая травяная растительность, образующая сплошныя заросли, въ видѣ свѣтло-зеленаго фона, испещреннаго цвѣтами. Громадныя, достигающія почти двухъ саженъ высоты, дудки Heracleum (пу́чки, «па́лтырганъ») и

Angelica, какъ настоящіе стволы кустарниковъ, въ родѣ рябины или черемухи, высоко вздымаютъ свои бѣлые, широко раскинутые зонтики, являясь настоящими гигантами среди остальной травяной растительности. Но и эта послѣдняя съ головой закрываетъ человѣка, сидящаго на конѣ. Стоитъ путнику уклониться на нѣсколько шаговъ отъ тропинки, какъ онъ сразу проваливается въ эту травяную бездну, окунается въ море травы, которая тотчасъ же смыкается надъ его головой и начинаетъ усыплять его своимъ одуряющимъ благоуханіемъ. Изъ силъ выбьешься, прежде чѣмъ успѣешь пройти нѣсколько саженъ, ежеминутно проваливаясь сквозь мягкую подстилку изъ прошлогоднихъ зарослей, утопая въ пышномъ и мягкомъ слоѣ мховъ, заплетаясь ногами въ крѣпкой осокѣ и визилѣ, или расшибаясь о колодникъ, незамѣтно спрятавшійся въ травяной чащѣ. Удивительна эта мощь и быстрота растительности! Здѣсь настоящее царство растительной жизни, не допускающее соперничества съ собой животной жизни, которой она, повидимому, не даетъ здѣсь развиться, давитъ ее своей непроницаемостью, своими одуряющими ароматами. Рѣдко-рѣдко можно встрѣтить здѣсь какую-нибудь пташку, точно случайно попавшую въ эту заколдованную глушь и не знающую, какъ выбраться на свѣтъ Божій. Безмолвіе лѣса поразительно. Оно не нарушается пѣніемъ и чириканьемъ птицъ, безъ которыхъ съ трудомъ представляешь себѣ лѣсъ; только гологоловая лѣсная сорока изрѣдка крикнетъ гдѣ-нибудь на вершинѣ дерева и улетитъ. Не богато и однообразно пернатое населеніе этой лѣсной глуши. Всего чаще приходится слышать чириканье рябковъ, которые многочисленнымъ семействомъ расхаживаютъ по тропинкѣ, служащей имъ какъ бы единственнымъ мѣстомъ для безпрепятственныхъ прогулокъ, или плотно прижавшись сидятъ на вѣтвяхъ ели. Рябки привыкли жить подъ надежной защитой дѣвственнаго лѣса, такъ что появленіе человѣка ихъ не пугаетъ нисколько, а напротивъ, возбуждаетъ ихъ любопытство. Долго они идутъ по тропинкѣ цѣлой стаей и не хотятъ скрываться въ лѣсу передъ наступающимъ шумнымъ караваномъ людей и лошадей, пока разстояніе, отдѣляющее ихъ отъ послѣднихъ, не сдѣлается ничтожнымъ. Почти всю стаю рябковъ, размѣстившихся на деревьяхъ, можно перестрѣлять, не боясь напугать ихъ. Плохія инородческія ружья недальнобойны; инородецъ подходитъ къ птицѣ на 10 — 15 саженъ; прежде чѣмъ выстрѣлитъ его ружье, слѣдуетъ нѣсколько вспышекъ пороха на полкѣ, т. е. «осѣчки», слѣдуетъ подсыпаніе свѣжаго пороха, продуваніе и чистка засорившейся и заржавѣвшей «казенной части», а рябокъ сидитъ во все это время и смотритъ; раздался, наконецъ, выстрѣлъ, рябокъ упалъ; остальные продолжаютъ сидѣть на своихъ мѣстахъ и наблюдать, или слетитъ одинъ, другой и сядетъ на сосѣднее дерево. По тропинкѣ же,—только гораздо рѣже,—прогуливаются глухари и такъ же безбоязненно, какъ и рябки. Спугнутый охотникомъ, глухарь тяжело срывается съ древеснаго сучка и, съ шумомъ махая крыльями, отлетаетъ недалеко въ лѣсъ; онъ осторожнѣе рябка и лучше его чуетъ опасность, но ему, не въ мѣру зажирѣвшему, тяжело летѣть лишнихъ полсотни саженъ, и онъ садится недалеко отъ охотника. Другихъ птицъ не замѣтно въ лѣсу.

Еще рѣже удается встрѣтить здѣсь кого-либо изъ четвероногихъ животныхъ. Прячутся ли они по своимъ норамъ и логовищамъ, боясь встрѣтить человѣка, или и ихъ также давитъ эта могучая тайга. Можетъ быть неустаннымъ, изъ года въ годъ продолжающимся преслѣдованіемъ инородецъ загналъ ихъ въ еще болѣе недоступные и непроходимые лѣса, гдѣ нѣтъ человѣческаго жилья, гдѣ конь не ступалъ копытомъ, куда самъ инородецъ проникаетъ только зимой на лыжахъ. Какъ бы то ни было, но въ проѣзжей тайгѣ рѣдко приходится встрѣтить звѣря, хотя бѣлка и бурундукъ составляютъ неизбѣжныхъ обитателей тайги. Въ иной годъ ихъ много бываетъ, и они то и дѣло мелькаютъ съ дерева на дерево, ловко цѣпляясь за вѣтки; а въ иной годъ ихъ и совсѣмъ не встрѣтишь. Неизмѣнный обитатель этихъ лѣсовъ—медвѣдь—встрѣчается, пожалуй, чаще другаго звѣря. Ему нѣтъ охоты забираться въ самые глухіе таежные углы, нѣтъ разсчета убѣгать отъ человѣка, который всюду расплодилъ такое множество

пчелъ. При той смышлености, ловкости и силѣ, которыми обладаетъ медвѣдь, онъ чуть-ли не каждый день доставляетъ себѣ удовольствіе не только лакомиться, но даже и питаться медомъ, и хотя подвергаетъ свою шкуру опасности, но все-же не такой, чтобъ отказаться отъ любимаго лакомства. Медвѣдь по опыту знаетъ, какъ мало у инородца средствъ бороться съ нимъ, и потому совершенно пренебрегаетъ опасностью. Нѣтъ въ тайгѣ ни одной пасѣки, которой не посѣщалъ бы этотъ второй ея хозяинъ и не воровалъ бы ульевъ цѣлыми десятками,—и ничего инородецъ не можетъ съ нимъ подѣлать. Иногда отправятся на пасѣку человѣкъ десять съ винтовками караулить вора, разсядутся на деревьяхъ ночью и ждутъ, затаивъ дыханіе и держа ружья наготовѣ. Вотъ, что-то хрустнуло, еще трескъ; медвѣдь подходитъ къ пасѣкѣ, разгораживаетъ жерди, смѣло выбираетъ лучшую колодку и начинаетъ ее разбивать. Просвистала пуля, другая, третья, а медвѣдь спокойно забираетъ подъ каждую мышку по улью, и торжественно удаляется во-свояси, на заднихъ лапахъ, съ лакомой добычей. Пули летятъ ему вдогонку, но какой вредъ можетъ принести медвѣдю стрѣльба ночью изъ малопульныхъ винтовокъ? Борьба безпомощнаго инородца съ сильнымъ звѣремъ бываетъ иногда даже комична. Раздосадованный частымъ воровствомъ медвѣдя, инородецъ рѣшается, наконецъ, грудью защищать свое достояніе. Отправляется на пасѣку караулить и къ ночи разводитъ костеръ. Раздается знакомый трескъ сучьевъ и хрустеніе; медвѣдь подходитъ къ пасѣкѣ, видитъ разложенный огонь и человѣка, но не обращаетъ на нихъ никакого вниманія, — его одолѣваетъ страстное желаніе покушать медку. Подходитъ къ ульямъ и привычной лапой, какъ опытный пасѣчникъ, начинаетъ добывать медъ. Инородецъ въ отчаяніи хватаетъ горящую головню, подбѣгаетъ къ блудливому звѣрю и начинаетъ ею тыкать ему прямо въ морду. Медвѣдь отступаетъ назадъ, все еще не теряя надежды раздобыться медомъ. Но головня опаливаетъ ему морду и страшно дымитъ; такъ что звѣрь, наконецъ, не выдерживаетъ и, фыркая, убѣгаетъ. Въ лѣсной чащѣ, медвѣдь рѣже попадается на глаза, чѣмъ около пасѣкъ. Тамъ его можно застать врасплохъ усѣвшимся на вершинѣ кедра и обирающимъ шишки, или въ заросляхъ смородинника, голубики и другихъ ягодъ. Застигнутый за такимъ занятіемъ неожиданно появившимся на тропинкѣ инородцемъ, медвѣдь быстро улепетываетъ въ глубь лѣсной чащи, такъ же какъ и инородецъ, испугавшись нежеланной встрѣчи хотя и со старымъ, но не особенно пріятнымъ знакомымъ.

Алтайская пасѣка и юрта.

Да, животная жизнь не оживляетъ лѣса. Цѣлые часы нужно ѣхать, чтобъ встрѣтить тамъ какое-нибудь животное. Цѣлые часы вниманіе инородца занято растительной жизнью лѣса, который служитъ ему какъ-бы книгою, понятной ему одному. Онъ такъ любитъ эту книгу, такъ старается осмыслить, уразумѣть все, что даетъ ему эта живая, хотя и односторонняя книга, и такъ поглощается этимъ занятіемъ, что не замѣчаетъ своего одиночества въ теченіе долгихъ часовъ томительной ѣзды лѣсомъ. Свѣжіе слѣды лошадиныхъ копытъ на тропинкѣ разсказываютъ ему цѣлую исторію о проѣхавшемъ всадникѣ. Подолгу наклонившись къ лукѣ сѣдла, онъ ѣдетъ, разсматривая слѣды, и узнаетъ, — налегкѣ ли ѣхалъ всадникъ, или нагруженный, на одной лошади или съ вьючными, въ ту или другую сторону, давно или только-что проѣхалъ, рысью или шагомъ, на русскомъ кованомъ конѣ или татарскомъ. Сломанные сучья деревьевъ, клочки шерсти на нихъ, выброшенный пепелъ изъ трубки, выпавшіе изъ дырявой сумы кусочки «суши», т. е. стараго воска погибшихъ пчелиныхъ ульевъ, потушенный или еще дымящійся костеръ подъ деревомъ, помятая трава, остатки обѣда и вся-

кія другія мелочи разсказываютъ малѣйшія подробности о проѣхавшемъ человѣкѣ, который онъ иллюстрируетъ и дополняетъ, зная обычаи родной стороны, зная, кто гдѣ живетъ, куда и зачѣмъ можетъ поѣхать. Для насъ съ вами, читатель, этотъ лѣсъ— закрытая книга, написанная непонятнымъ языкомъ; инородецъ же, сынъ лѣсовъ, читаетъ безъ затрудненія, вслухъ, если вамъ это не будетъ скучно. Недавно упавшія деревья, полусгнившія или сломанныя и растянувшіяся вершинами въ одну сторону, разсказываютъ ему, какой недавно былъ здѣсь ураганъ — буреломъ, съ какой стороны и съ какой силою пронесся онъ надъ лѣсомъ. Громадная, топоромъ сваленная осина говоритъ ему, что тутъ былъ бѣлковавшій промышленникъ, убилъ бѣлку и не могъ достать ее, запутавшуюся при паденіи въ вѣтвяхъ дерева, иначе какъ срубивъ его; снятая со стоящихъ на корню или срубленныхъ березъ кора передаетъ ему подробности, для какой именно цѣли она сдиралась — на домашнюю ли посуду, или на хозяйственныя принадлежности. Свѣжая зарубка на деревѣ также обращаетъ его вниманіе: зорко осматриваясь кругомъ, онъ видитъ дупло, около котораго снуютъ пчелы, и знаетъ, что это пчелиный рой, ушедшій отъ своего неумѣлаго хозяина и основавшій колонію въ первомъ попавшемся дуплѣ; у колодки есть уже хозяинъ, нашедшій ее и отмѣтившій зарубкой, но не имѣвшій возможности тогда же забрать ее и увезти въ свою пасѣку. Свѣжій слѣдъ медвѣжьихъ лапъ на сыромъ мѣстѣ тропинки наводитъ инородца на мысль выслѣдить звѣря и убить его. Словомъ, лѣсъ — родная стихія для инородца; онъ знаетъ его вдоль и поперекъ, любитъ и бережетъ его; онъ поклоняется ему и боготворитъ его; за то и лѣсъ щедро даетъ ему свои дары, питаетъ и грѣетъ его, приноситъ счастье, довольство и услаждающій душу покой.

Наконецъ, лѣсъ разступился... Тропинка вышла на открытую мѣстность по горному скату, змѣей извиваясь и пропадая въ высокой травѣ. Точно изъ глухаго подземелья невидимо выносишься на свѣтъ Божій; яркіе лучи солнца разливаютъ кругомъ такой свѣтъ, что глазамъ больно смотрѣть. Та же всюду могучая травяная растительность, что и въ лѣсу, тѣ же древовидныя зонтичныя растенія; но какъ мило и ласково киваютъ они своими ослѣпительно-бѣлыми верхушками, какая пышная растительность, какое богатство цвѣтовъ, пестрѣющихъ на поверхности травянаго моря самымъ причудливымъ сочетаніемъ красокъ! Какой поразительный контрастъ въ жизни лѣса и этого открытаго поля! Тамъ все тихо, мертво, здѣсь все полно жизни и движенія. Щебетанье и крикъ мелкихъ птичекъ, немолкаемое жужжаніе пчелъ. Стоитъ только войти въ это травяное море, чтобъ поднять густыя облака мошекъ и комаровъ, слѣпней и оводовъ, столь жадныхъ до крови. Они сидятъ во тьмѣ травяной чащи, въ углахъ листьевъ, внутри цвѣточныхъ лепестковъ, и выжидаютъ свою добычу. Не успѣетъ появиться здѣсь человѣкъ или животное, какъ они моментально поднимаются изъ своихъ логовищъ и нападаютъ на свою жертву со всѣхъ сторонъ, дружно, массами, и нѣтъ отъ нихъ никакого спасенія, нѣтъ никакой защиты. И убѣжалъ-бы, да некуда, потому что съ каждымъ шагомъ впередъ поднимаются новые рои, новыя тучи комаровъ и мошкары,— и застилаютъ собою свѣтъ. Отъ мошки не спасаетъ ни сѣтка, ни дымъ. Едва замѣтная для глаза, она носится въ воздухѣ въ видѣ пыли и проникаетъ всюду: она лѣзетъ въ уши, носъ и глаза, забивается въ ротъ, въ волосы, подъ платье и неслышно бродитъ по кожѣ, кусаетъ. Только потомъ, когда на кожѣ появится опухоль и начнется нестерпимый зудъ, узнаешь, что это дѣло несносной мошкары. Истинный бичъ людей и животныхъ, истинное мученіе — это ничтожнѣйшее, почти микроскопическое насѣкомое, для котораго и ночью нѣтъ отдыха, для котораго и густой дымъ костра такая же, кажется, привычная стихія, какъ и воздухъ. Укушеніе мошки производитъ такую большую опухоль, такой нестерпимый зудъ, что выдержать его нѣтъ возможности, и расцарапанное мѣсто покрывается болячкой и струпомъ. Мошкара такъ доняла инородца, что онъ сложилъ про нее цѣлую легенду. Вотъ эта легенда, какъ характерное проявленіе фантазіи инородца.

Встарину были три брата,— разсказываетъ инородецъ. — Старшій былъ Ульгэномъ, т. е.

Т. XI. Лѣсная глушь.

царемъ неба, средній людьми правилъ, а младшій былъ просто грубый и злой человѣкъ. Старшіе два брата взяли и раздѣлили всю землю между собой пополамъ. Тогда младшій братъ явился къ старшимъ и, съ злобой воткнувъ палку въ землю, сказалъ: «ну, дайте мнѣ хоть столько земли». Братья посовѣтовались, подумали и рѣшили дать просимое количество. Тогда — вынувъ палку, младшій братъ залѣзъ въ эту дыру и скрылся. Вдругъ, полѣзли оттуда тьмы комаровъ, мошкары и всякихъ другихъ вредныхъ животныхъ. Чтобы поправить хоть сколько-нибудь свою ошибку, братья разложили вокругъ этой дыры огонь, и этимъ прекратили дальнѣйшее появленіе вредныхъ насѣкомыхъ; но отъ тѣхъ, которыя успѣли выползти и разлетѣться, пошло потомство, не дающее покоя человѣку и животнымъ ни днемъ, ни почью. Съ тѣхъ поръ этотъ младшій братъ сталъ нечистымъ, и ему шаманы приносятъ умилостивительныя жертвы.

Съ открытаго поля, широко раскинувшагося близъ вершины отрога, по скату, открывается чудный видъ на далекое разстояніе. То безлѣсныя пространства пышнымъ цвѣтнымъ ковромъ покрываютъ сосѣдніе скаты горъ, освѣщенные мягкимъ свѣтомъ вечерняго солнца; то, одѣтыя сверху до-низу темно-зелеными кедрами и пихтой, горы тянутся и изгибаются, рѣзко выдѣляясь на голубомъ фонѣ безоблачнаго неба, составляя контрастъ съ луговой растительностью рѣчныхъ долинъ, со скатами горъ, усыпанныхъ цвѣтами и залитыхъ солнечнымъ свѣтомъ. Мягкіе, ровные контуры горъ составляютъ полную гармонію со всею окружающей природой и тянутся то ровными линіями, то круто взбѣгаютъ вверхъ и спускаются обрывами въ глубокія ущелья, то скучиваются, перепутываются между собою и уходятъ въ безконечную даль. Еще болѣе чудный видъ открывается при спускѣ съ горъ въ долину Кондомы. Сверкающей полосой рѣка извивается между горъ, то прячась въ тѣсномъ ущельѣ, подъ нависшими гигантскими кедрами, пихтой и березой, то протекая среди душистыхъ полей и луговъ, то ударяясь въ утесъ и прыгая съ шумомъ по уступамъ каменнаго ложа, то отдаваясь нѣгѣ и покою и, какъ въ зеркалѣ, отражая въ себѣ плывущія по небу облака. Сотни верстъ бѣжитъ она межъ горъ все такая же сверкающая и прелестная, то величественно-покойная, то рѣзвая и шаловливая какъ дитя, но никогда не буйная, не бѣшеная, не мрачная. На сотни верстъ разнесла она съ собой по тайгѣ прохладу, оживила горы, лѣса и луга и вскормила свое кроткое дитя — инородца. Она какъ будто стремится разнести это счастье и доставить его всюду,— стремится вездѣ побывать и заглянуть въ самыя глухія и мрачныя мѣста и оживить ихъ своимъ присутствіемъ... Бѣжитъ въ одну сторону, потомъ вдругъ, какъ бы спохватившись, вернется назадъ, сдѣлаетъ крюкъ на десятокъ верстъ — и снова возвращается на прежнее мѣсто. На всемъ своемъ протяженіи, отъ истока и до устья, она прихотливо изгибается, образуя въ ту и другую сторону безчисленныя петли и излучины, часто разомкнутыя всего лишь на нѣсколько саженъ. По всему среднему теченію Кондомы, на отлогахъ горныхъ скатовъ, въ ущельяхъ, выходящихъ къ рѣкѣ, на роскошныхъ лугахъ, раскинувшихся кой-гдѣ по берегамъ, ютятся татарскія юрты небольшими группами. На тѣхъ-же мѣстахъ, среди роскошнаго цвѣтника, разведеннаго самою природою, безъ помощи человѣка,—разбросаны и многочисленныя пасѣки инородцевъ.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, картина могучихъ, дѣвственныхъ лѣсовъ Кузнецкаго края, извѣстныхъ подъ именемъ черни, тайги, съ ихъ тихою жизнью, замкнутой въ себѣ самой и отрѣзанной отъ міра непроходимою тайгой. Это — край еще совершенно нетронутый культурою, хотя уже и испытавшій кой-гдѣ набѣги цивилизаціи. Здѣсь — страна меда, кедровыхъ орѣховъ и пушнаго звѣря; здѣсь — рай земной для инородца, не знающаго пока въ глуши лѣсовъ тревогъ и волненій цивилизованнаго міра. Здѣсь — горы желѣзныя, пески золотые, самоцвѣтные камни; здѣсь — неисчислимые запасы каменнаго угля, извести, мрамора и другихъ минераловъ.

Такова заповѣдная чернь!

Гористыя пространства, покрытыя чернью, населены, по системамъ Мрассы и Кондомы, исключительно инородцами, извѣстными подъ именемъ Черневыхъ Татаръ. Они принадлежатъ къ финскому племени и отличаются отъ окружающихъ ихъ сосѣдей-инородцевъ: Татаръ Минусинскаго округа, Телеутовъ и Алтайцевъ Бійскаго округа; однако, вслѣдствіе близкаго сосѣдства съ народами другаго племени, окружающаго ихъ со всѣхъ сторонъ, типическія особенности финскаго происхожденія Черневыхъ Татаръ не особенно рѣзко выражены, — онѣ сгладились и перемѣшались, и если еще продолжаютъ удерживаться, то исключительно на женщинахъ и дѣтяхъ. Плоское лицо, расширенное на мѣстѣ скулъ и пріостренное на подбородкѣ, — узкія и длинныя глазныя щели, черные глаза,—крупныя, отвислыя губы,—широкій, не характерный носъ, — смуглый, а у нѣкоторыхъ почти темно-коричневый цвѣтъ кожи съ легкимъ металлическимъ отливомъ,—черные, жесткіе, длинные и густые волосы, остриженные въ кружокъ, какъ у русскихъ крестьянъ, почти у всѣхъ усы и часто эспаньолка за отсутствіемъ бороды,—вотъ черты этого народа. По языку, вообще сходному съ языкомъ ихъ бійскихъ и минусинскихъ сосѣдей, они также отличаются и часто съ трудомъ ведутъ съ послѣдними обыкновенный разговоръ, а сказокъ ихъ и совсѣмъ не понимаютъ. На языкѣ Черневыхъ Татаръ особенно сильно отразилось вліяніе русскаго языка и другихъ нарѣчій. Говоря между собою, они постоянно вставляютъ русскія слова («можетъ», «все равно», «потомъ» и другія), какъ будто чувствуютъ бѣдность своего языка, недостатокъ словъ для выраженія понятій. Это встрѣчается даже въ самыхъ глухихъ мѣстахъ черни. Что же касается Татаръ, живущихъ близъ устья Мрассы и соприкасающихся съ русскимъ населеніемъ, то у нихъ выработалось даже особенное нарѣчіе, татарско-русское, подобное тому кяхтинскому нарѣчію, на которомъ Китайцы объясняются съ Русскими.

Типы Калмыковъ (Алтайцевъ) и Черневыхъ Татаръ.

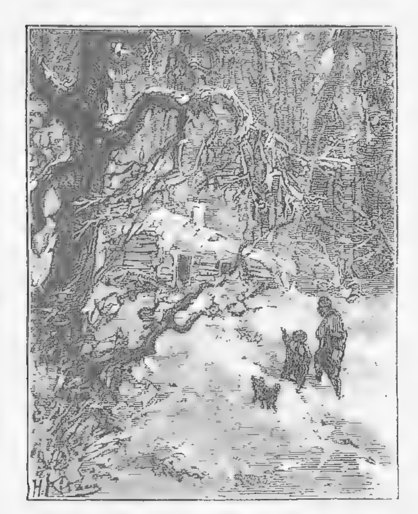
По всей тайгѣ, по самымъ укромнымъ уголкамъ ея разбросано инородческое населеніе; по тѣснымъ долинамъ ручьевъ, по маленькимъ ключамъ, въ вершинахъ рѣчекъ, на скатахъ горъ, иногда крутыхъ и неудобныхъ, въ лѣсу, — вездѣ можно встрѣтить человѣческое жилье, вездѣ можно встрѣтить небольшую инородческую общину, состоящую изъ двухъ-трехъ и рѣдко до десятка юртъ, и связанную между собой узами родства или тѣсной, изстари унаслѣдованной дружбы. Для большихъ поселеній и мѣста удобнаго нѣтъ, и жить бы трудно было, при всей даже неприхотливости и незатѣйливости инородческаго быта. Общины эти напоминаютъ

крошечную деревеньку, обнесенную изгородью, съ воротами для въѣзда, состоящую изъ нѣсколькихъ, разбросанныхъ въ безпорядкѣ, юртъ и амбаровъ. Юрта походитъ на курную крестьянскую баню, какъ по размѣрамъ, такъ и по самой постройкѣ. Она представляетъ бревенчатый, почти квадратный, около двухъ саженъ, срубъ, достигающій не болѣе одной сажени въ высоту, безъ оконъ, съ однимъ отверстіемъ въ стѣнѣ для двери и съ другимъ — въ потолкѣ, для выхода дыма. Возлѣ двери, у той-же стѣны, помѣщается очагъ, сбитый изъ глины и состоящій иногда изъ одной стѣнки, прислоненной къ бревнамъ избы; часто къ этой стѣнкѣ придѣлывается еще полукруглая труба въ видѣ половины усѣченнаго конуса, разрѣзаннаго вдоль; она сплетается изъ прутьевъ тальника или черемухи, подвѣшивается къ краю дымоваго отверстія въ потолкѣ и, спускаясь до половины высоты юрты, прикрѣпляется къ стѣнѣ, а затѣмъ внутри и снаружи обмазывается глиной. Очагъ, состоящій изъ одной стѣнки, — остатокъ глубокой старины и называется «шолъ»; очагъ въ видѣ коническої трубы — изобрѣтеніе позднѣйшее и называется «сюгене-шолъ». Вдоль остальныхъ трехъ стѣнъ юрты идутъ широкія, низкія лавки, покрытыя берестою. Лѣвая половина юрты — женская; тутъ обыкновенно сидитъ хозяйка за работой, тутъ она спитъ, тутъ же помѣщается на лавкѣ или полкѣ, надъ ней устроенной, и вся домашняя посуда, состоящая изъ чашекъ, вырѣзанныхъ изъ корня березы, и множества берестяныхъ сосудовъ самой разнообразной формы и величины, соотвѣтственно ихъ назначенію. Въ томъ же углу помѣщаются домашніе идолы и бубенъ на стѣнѣ или ворожейный лучекъ, если хозяинъ юрты — шаманъ. Лавка противъ дверей и очага предназначается для гостей, такъ же какъ и та, которая идетъ направо отъ дверей, съ тою разницею, что послѣднее мѣсто менѣе почетно. Одинъ изъ угловъ правой стороны юрты всегда занятъ жерновами, на которыхъ мелется мука, и разнымъ другимъ скарбомъ, въ родѣ курятника съ курами, колоды съ золой для выдѣлки кожъ, туясьевъ съ водой и проч. Въ такомъ тѣсномъ помѣщеніи человѣкъ старается воспользоваться всякимъ свободнымъ мѣстомъ, и потому въ щеляхъ стѣнъ и за балками потолка воткнуты: роевникъ для сохраненія пчелиныхъ матокъ, шило, деревянныя стрѣлы для охоты за бѣлкой, бурундукомъ или рыбой, жерлицы на щукъ, женское опахало, весьма изящное и оригинальное, изъ хвоста глухаря, цѣликомъ оторваннаго, расправленнаго вѣеромъ и въ такомъ видѣ засушеннаго. По стѣнамъ на спицахъ развѣшаны сумки съ иглами, нитками, шиломъ и проч., охотничьи принадлежности, музыкальный инструментъ и даже холщевые чехлики съ порѣзанныхъ и заживишхъ пальцевъ.

Вотъ типъ инородческаго жилья со всей его обычной обстановкой и убранствомъ до мельчайшихъ подробностей, типъ наиболѣе распространенной постройки; но отъ нея существуютъ переходы, какъ къ тому первобытному жилью, въ которомъ обитали предки сотни лѣтъ тому назадъ, такъ и къ тому жилью, которое ничѣмъ не отличается отъ простой обыкновенной крестьянской постройки. Въ глухихъ мѣстахъ, какъ, напримѣръ, въ верховьяхъ Лебеди, гдѣ инородческое населеніе осталось слишкомъ вѣрно завѣтной старинѣ, юрты строятся иначе; вмѣсто сруба, въ землю вертикально втыкаются расколотыя половинки тонкихъ и короткихъ бревенъ, ущемленныхъ вверху между двухъ такихъ же половинъ расколотаго бревна, только идущихъ горизонтально. Внутри вся юрта обшивается и застилается берестою, а на зиму обшивается и снаружи, и обкладывается, кромѣ того, завалиной изъ земли, достигающей почти до верху. У стѣны съ дверью помѣщается очагъ на небольшой площадкѣ, сбитой изъ глины и представляющей одинъ только «шолъ» съ невысокой стѣнкой, почему дымъ плохо вытягивается въ отверстіе потолка и наполняетъ юрту. Все убранство такой юрты бѣдно и убого и состоитъ почти изъ одной берестяной посуды да разбросанныхъ кой-гдѣ по угламъ старыхъ лохмотьевъ.

Въ мѣстахъ соприкосновенія инородческаго населенія съ русскимъ, и особенно, когда инородцы приняли крещеніе, они не дорожатъ обычаями старины и живутъ на русскій ладъ. У знакомаго уже читателю Сатлая двѣ юрты во дворѣ. Одна — обыкновенное татарское жилье, грязное и закопченное, съ очагомъ у двери, съ жерновами въ углу, курятникомъ и разной

посудой, но опустѣвшее и почти оставленное; хозяева не живутъ здѣсь и только, какъ-бы вспоминая родную старину, варятъ чай или сидятъ на корточкахъ около очага, съ трубками, поминутно сплевывая. Другая юрта — русскій пятистѣнный домъ съ крытыми сѣнями, изъ которыхъ входишь въ избу съ окнами, съ громадной русской печью, сбитой изъ глины, со скамьями около стѣнъ. Изъ этой избы ведетъ дверь въ горницу, гдѣ и духу татарскаго нѣтъ, гдѣ просто поражаешься, до какихъ ничтожныхъ мелочей заимствована здѣсь обстановка русскаго крестьянина. Въ чистой и свѣтлой горницѣ, съ вымытыми окнами и поломъ, въ переднемъ углу стоятъ образа, а рядомъ съ ними лѣпятся лубочныя картины московскихъ маляровъ, ярлыки съ наливокъ и морозовскихъ ситцевъ. Въ томъ же углу стоитъ столъ передъ скамьями вдоль стѣнъ, а недалеко отъ него виситъ люлька. Въ другомъ углу, за ситцевой занавѣской, стоитъ кровать съ постелью и подушками, а на стѣнѣ виситъ небольшой шкафчикъ, съ фарфоровой и стеклянной посудой, ножами, вилками и даже чайными ложечками изъ новаго серебра. Въ этой горницѣ русская печь, на которой лежатъ прялка, веретено, мотовило; на полу стоитъ на полѣшкахъ кованый сундукъ; на стѣнахъ висятъ полотенца для утиранія лица; есть даже и шестъ, подвѣшенный къ потолку, съ мотками пряжи и нитокъ на немъ и разной одеждой; словомъ, обстановка настоящей русской крестьянской избы, только хозяйка и дѣти ни слова не говорятъ по-русски. Такихъ домовъ и обстановки нѣтъ внутри черни, вдали отъ русскаго сосѣдства. Все, что можно тамъ встрѣтить русскаго у зажиточныхъ инородцевъ, это — настланный полъ, стеклянныя окна и русскую печь, въ которой пекутся, впрочемъ, только прѣсныя лепешки. Невообразимая грязь и вонь и ѣдкій дымъ составляютъ неотъемлемую принадлежность всякой юрты, бѣдной или богатой. Вотъ почему здѣсь все населеніе поголовно страдаетъ воспаленіемъ вѣкъ, у всѣхъ глаза слезятся и болятъ; вотъ почему здѣсь дѣти страдаютъ сыпными болѣзнями и покрыты коростою.

Видъ избушки въ тайгѣ по русскому образцу.

Около юрты всегда есть бревенчатый амбаръ, въ которомъ сохраняются запасы продовольствія и разный несложный скарбъ. По угламъ стоятъ берестяные туясья съ мукой, орѣхами, медомъ или воскомъ; на стѣнахъ висятъ кожаные мѣшки, цѣликомъ содранные съ телятъ, барсуковъ и разныхъ животныхъ и зашитые около хвоста и на ногахъ; висятъ сушеныя и провяленныя щуки, связки сушенаго кандыка, т. е. корневища одного растенія (Erythronium dens canis), очень похожія по формѣ и цвѣту на собачьи клыки, величиной въ мизинецъ; ловушки, винтовки, сѣти на соболя, лыжи, принадлежности тканья, звѣриныя шкурки, войлочныя и мѣховыя шубы, ящики съ запасами пеньковаго холста («кендыря») и кой-какой одеженкой и рыболовныя сѣти; тутъ же хранятся жертвенные сосуды и ковши для разбрызгиванія передъ идолами, запасы бересты на туясья и различную посуду и проч. У богатыхъ инородцевъ бываетъ по два, по три амбара и по двѣ юрты, переполненныхъ принадлежностями домашняго обихода. Кромѣ этихъ построекъ существуютъ еще запасные магазины для хлѣба и мяса, которые нельзя хранить въ амбарахъ, потому что ихъ уничтожаютъ мыши. Обыкновенно, поодаль отъ улуса, иногда за четверть версты и болѣе, вкапываютъ въ землю четыре столба и на нихъ укрѣпляютъ настилку на высотѣ около полуторы сажени отъ земли; на настилку набрасываютъ землю. Громаднѣйшій туясъ, одинъ, два или болѣе («улапъ» по-татарски) нагружается хлѣбомъ, котораго уходитъ въ него до 20 пудовъ, закупоривается берестою и ставится на настилку на столбахъ, а потомъ забрасывается въ нижней части землею. Только такимъ приспо-

собленіемъ удается сберечь хлѣбъ отъ расхищенія мышами. Для запасовъ соленаго и вяленаго мяса, которое заготовляется на зиму болѣе зажиточными инородцами, устраивается нѣчто подобное же. На четырехъ столбахъ укрѣпляется огромный невысокій ящикъ съ дверьми, отпирающимися кверху.

Населеніе каждой юрты состоитъ только изъ одной семьи, т. е. главы семейства, его жены и неженатыхъ дѣтей. Если сынъ женится, онъ долженъ заводить свою юрту и отдѣльное хозяйство. Если есть престарѣлые и безпомощные родители, то они могутъ жить съ семейными дѣтьми какъ гости, но не какъ члены и хозяева. Особенностей въ костюмѣ немного: мужчины носятъ грубую пеньковую рубашку и штаны, запущенные въ обыкновенные, самодѣльные сапоги,—неизмѣнный кендырь, т. е. верхнее платье, сотканное изъ пеньки, покроемъ похожее на крестьянскій зипунъ, такой-же короткій, только съ расшитымъ разноцвѣтною шерстью воротникомъ; на головѣ носятъ русскіе картузы и шапки, а дома, на полевыхъ работахъ, бѣлые холщевые колпаки или просто платки. Зимой кендырь замѣняется нагольнымъ овчиннымъ тулупомъ или шубой, сшитой изъ такой теплой и непромокаемой матеріи, какъ войлокъ. Верхнее платье подпоясывается шерстяными опоясками съ татарскимъ узоромъ. Женщины носятъ рубашку и штаны изъ того же матеріала, но рубашка ихъ длиннѣе, гораздо ниже колѣнъ и со стоячимъ воротникомъ, который такъ же, какъ и воротъ, расшитъ крестиками изъ стекляруса и бисера, небольшими раковинами, пользующимися такимъ широкимъ распространеніемъ у всѣхъ вообще инородцевъ и извѣстными подъ названіемъ змѣиныхъ головокъ («чиланбашей»). Кромѣ этихъ украшеній женщины носятъ еще кольца, серьги и привѣски на концахъ косъ, и приготовляютъ ихъ сами, по своему вкусу. Кольца — мѣдныя или изъ мелкаго бисера находятся во всеобщемъ употребленіи. Серьги отличаются особенной оригинальностью: мѣдная проволока, согнутая спиралью въ нѣсколько оборотовъ, иногда съ одной, двумя бусами, продѣвается свободнымъ, загнутымъ въ крючекъ, концомъ въ ушную мочку; у нѣкоторыхъ поколѣній, напримѣръ, на Лебеди, серьги представляютъ узорныя пластинки изъ мелкаго разноцвѣтнаго бисера, прикрѣпленныя къ мѣдной проволокѣ, причемъ обѣ онѣ соединены между собой одной или нѣсколькими бисерными нитками, проходящими подъ подбородкомъ, когда серьги надѣты. Къ концамъ косъ привѣшиваются обыкновенно стекляныя пуговицы, бусы, чиланбаши. Но болѣе состоятельныя женщины носятъ особый бисерный нарядъ до 1 ф. вѣсомъ; нѣсколько нитокъ мелкаго бисера, непремѣнно разныхъ цвѣтовъ, переплетаются по двѣ и затѣмъ добрый десятокъ этихъ двойныхъ нитокъ, одна длиннѣе другой, прикрѣпляются къ пластинкамъ изъ дабы, на которыхъ нашиты чиланбаши. Такой нарядъ или прямо прикрѣпляется къ концамъ косъ за мѣдныя кольца, находящіяся на изнанкѣ дабовыхъ пластинокъ, или задергивается за поясъ, чтобъ не оторвался и не мѣшалъ, или пришивается къ расшитому различными шерстями пояску, на которомъ есть два колечка для привязыванія косъ. Женщины до страсти любятъ эти украшенія, и надо видѣть, съ какой нескрываемой завистью смотрятъ онѣ на нарядъ пріѣхавшей въ гости знакомой: онѣ готовы по цѣлымъ часамъ любоваться нарядомъ. Мужчины также любятъ франтить новымъ кендыремъ съ расшитымъ шерстью воротомъ, любятъ похвастать кисетомъ съ кистями и трубкой, которыя особенно славятся по Мрассу. Обыкновенная трубка изъ корня березы вся убивается снаружи мрасскими мастерами желѣзными и мѣдными гвоздиками, тонкими пластинками и бляшками, образующими разные узоры, и цѣнится отъ двухъ рублей и дороже. Онѣ напоминаютъ забайкальскія трубки, приготовляемыя въ Кабанскѣ и довольно извѣстныя въ Сибири, но далеко уступаютъ имъ по изяществу и отдѣлкѣ, обыкновенно изъ серебра.

Нужно, впрочемъ, замѣтить, что эстетическія наклонности черневаго населенія Кузнецкаго края развиты гораздо слабѣе, чѣмъ, напр., у Качинскихъ Татаръ или Алтайцевъ, у которыхъ больше разнообразія какъ въ костюмахъ мужскихъ и женскихъ, такъ и въ украшеніяхъ для нарядовъ. Въ черни все это до крайности однообразно, бѣдно и просто; у Алтайцевъ же, на-

оборотъ, полно разнообразія, богатства, вычурности и пестроты. Одежда дѣтей, если только она существуетъ, ничѣмъ не отличается отъ одежды взрослыхъ.

Неприхотлива пища Черневаго Татарина: онъ довольствуется тѣмъ скуднымъ пропитаніемъ, какое даетъ ему чернь. Какая рѣзкая разница между кочевникомъ Алтая и этимъ сыномъ лѣсовъ! Кочевникъ имѣетъ табуны лошадей, коровъ и овецъ, можетъ съѣсть за присѣстъ полбарана, можетъ цѣлый день тянуть кумысъ и водку и цѣлое лѣто проводить безпечно время, съ трубкой въ зубахъ, у своего очага или въ гостяхъ; а обитатель лѣсовъ почти не знаетъ мяса, да не всегда имѣетъ и молоко, довольствуется скудными запасами ячменя да мелкой рыбы, наловленной въ ручьяхъ, да лукомъ и корнями дикихъ растеній — кандыка и сараны. Почти единственное кушанье его — «тутпашъ»; утромъ, вечеромъ, гость-ли пріѣдетъ, сегодня, завтра, цѣлую жизнь — все тутпашъ да тутпашъ. Приготовляется онъ различно: въ кипящую воду въ котлѣ бросаются катышки изъ прѣснаго ячменнаго тѣста и развариваются, черезъ нѣсколько минутъ кушанье готово и прямо съ огня употребляется въ пищу. Самый лакомый тутпашъ состоитъ изъ кусочковъ того же тѣста или кандыка, разваренныхъ въ молокѣ или водѣ съ прибавленіемъ мяса или мелкой рыбы. Гдѣ совсѣмъ нѣтъ молока, гдѣ неудобство тайги исключаетъ возможность держать хоть одну корову, тамъ молоко замѣняется водой. Ячменныя прѣсныя лепешки, ватрушки съ творогомъ, испеченныя въ русской печи, составляютъ уже роскошь и допускаются только у зажиточныхъ людей, да и то не часто. Подспорьемъ къ этой скудной пищѣ служитъ чай, который находится здѣсь во всеобщемъ употребленіи. Зажиточные инородцы пьютъ кирпичный, а небогатые употребляютъ вмѣсто чая высушенные листья одного дикорастущаго растенія; въ чашку съ чаемъ подсыпается поджаренная ячменная мука («толканъ»), причемъ изрѣдка допускается полакомиться медовыми сотами. Не кумысомъ утоляетъ свою жажду Черневой Татаринъ въ жаркіе лѣтніе дни, а простой водой горныхъ ручьевъ и рѣкъ, къ которой примѣшиваетъ толканъ съ солью. Эта болтушка получила здѣсь право такого же гражданства, какъ и кумысъ кочевника. Гости-ли пріѣдутъ въ юрту, самъ-ли хозяинъ возвратится откуда-нибудь, или просто заѣзжій человѣкъ навернется отдохнуть отъ томительной жары, — хозяйка тотчасъ насыпаетъ въ чашку поджаренной ячменной муки съ солью, кладетъ ложку и подаетъ пріѣзжему вмѣстѣ съ туясомъ воды. Гость самъ наливаетъ воду и, разболтавъ ложкой муку, пьетъ этотъ вполнѣ утоляющій жажду напитокъ и передаетъ чашку съ остатками осѣвшей на дно муки слѣдующему гостю, который наливаетъ свѣжей воды, разбалтываетъ и пьетъ. Такъ ходитъ по рукамъ круговая чаша, пока всѣ не напьются досыта.

И здѣсь, какъ у всѣхъ вообще инородцевъ, любимѣйшій напитокъ — арака, водка-самосидка изъ хлѣба, которой они предаются со всею страстью, готовы отдать за нее, кажется, все на свѣтѣ и забыть самихъ себя. Но въ черни нѣтъ того непробуднаго и поголовнаго пьянства, какое встрѣчаешь въ теченіе цѣлаго лѣта у кочевниковъ Алтая, нѣтъ — по недостатку молока и хлѣба для этой цѣли. Алтаецъ пьетъ водку каждый день, Черневой Татаринъ — кое-когда. Въ одну минуту заводъ поставленъ и приводится въ дѣйствіе. Ячменная мука съ примѣсью солода разводится теплой водой и ставится въ теплое мѣсто; на другой день, а не хватитъ терпѣнія ждать, такъ и раньше, заторъ («абыртка») готовъ. Въ это время, какъ въ этой юртѣ, такъ и въ сосѣднихъ, начинается необыкновенное движеніе; всѣ оживлены, суетятся, хлопочутъ и, наконецъ, толпой собираются — кто около веселой юрты, кто около импровизированнаго виннаго завода! Любопытное зрѣлище. На берегу ручья, надъ ямкой, вырытой въ землѣ и служащей мѣстомъ топки, стоитъ чугунный котелъ, поверхъ котораго опрокинута такихъ же размѣровъ деревянная чаша съ дыркой, плотно примазанная краями къ котлу. Въ отверстіе въ деревянной чашкѣ вставляется деревянная же, угломъ согнутая, труба, другой конецъ которой, раздваивающійся на двѣ трубы, опускается въ чугунные кувшины и примазывается плотно глиной къ ихъ горламъ; кувшины стоятъ въ колодѣ, ежеминутно наполняемой холодною водою изъ ручья. Весело смотрѣть на заводъ, когда онъ пришелъ въ дѣй-

ствіе; кругомъ стоитъ праздничное веселье и говоръ. Затор влитъ въ котелъ, дрова постоянно подбрасываются въ топку и поправляются; всѣ щели и мѣста, пропускающія паръ, зорко высматриваются и тотчасъ замазываются глиной; всѣ ждутъ; все вниманіе сосредоточено на чугунныхъ кувшинахъ, изъ которыхъ показался, наконецъ, дымокъ; всѣ начинаютъ щупать кувшины руками, насколько они нагрѣлись, плещутъ холодную воду въ колоду и въ нетерпѣніи начинаютъ соображать, что въ кувшинахъ должно быть уже много водки накопилось. Ну, какъ не посмотрѣть? Вынули трубы, вылили прозрачную жидкость въ чашку. Ну, какъ не попробовать? Спачала заводчикъ, потомъ хозяинъ, хозяйка, гость, — и пошла круговая. До-пьяна напиться аракой нѣтъ возможности при такомъ многолюдствѣ, когда, прочуявъ угощеніе, гости набираются не только изъ всѣхъ сосѣднихъ юртъ, но и изъ сосѣднихъ улусовъ за версту, за двѣ, извѣщенные пріятелями. Да и какъ опьянѣть отъ такого напитка? Это вода съ запахомъ и вкусомъ сивухи, это трехъ-четырехпроцентный растворъ алкоголя въ водѣ, который можно пить большими деревянными татарскими чашками и совсѣмъ не пьянѣть. Если инородецъ кажется очень опьянѣвшимъ, то только потому, что онъ самъ легко распускается, такъ сказать, больше увѣряетъ себя, что онъ очень пьянъ, чѣмъ это есть въ дѣйствительности. На такой веселой пирушкѣ иной только губы омочитъ аракой и тутъ же рѣшаетъ про себя насидѣть завтра водки. Завтра опять дымитъ заводъ, опять собирается веселая компанія. Такъ иногда затягиваются взаимныя угощенія на цѣлую недѣлю.

Молока также нѣтъ, потому что ни лошадей, ни коровъ много не держатъ — нельзя. Гдѣ тутъ пастись скоту, когда все лѣсъ да горы? Гдѣ тутъ дѣлать кумысъ и сидѣть изъ него или коровьяго молока водку, когда едва хватаетъ молока на пропитаніе? А есть и такія мѣста, окруженныя глухой тайгой, въ верховьяхъ рѣкъ, на горныхъ склонахъ, гдѣ нѣтъ ни одной коровы, гдѣ дѣти во всю жизнь, пока дома, не знаютъ молока. Это неудобство черневыхъ пространствъ, совершенно исключающее нерѣдко возможность заниматься скотоводствомъ даже и въ незначительныхъ размѣрахъ, приковало обитателя лѣсовъ къ одному мѣсту, на которомъ онъ живетъ десятки лѣтъ со всѣмъ своимъ потомствомъ. Черневой Татаринъ не кочуетъ съ мѣста на мѣсто въ томъ смыслѣ, какъ кочуютъ со своими стадами Алтаецъ, Монголъ. Только появившаяся въ улусѣ смертность заставляетъ его бросать насиженное мѣсто и бѣжать безъ оглядки на другое, новое мѣсто, бѣжать отъ злаго духа, шайтана, поселившагося, по его понятіямъ, на этой землѣ и пожирающаго людскія души. Только нашествіе хищника во образѣ русскаго золотопромышленника или кулака заставляетъ его покинуть свои родныя пажити и угодья и забраться въ глубь лѣсовъ. Для истаго кочевника кочевка составляетъ пріятное развлеченіе, праздникъ; для таежнаго же жителя Кузнецкаго края она является неволей, бѣдствіемъ, которое гонитъ его, съ которымъ у него нѣтъ силъ бороться. Даже такой ничтожный, повидимому, врагъ, какъ всѣмъ намъ знакомый, обыкновенный клопъ, и тотъ является здѣсь настоящимъ бичемъ людей, которыхъ онъ нерѣдко выживаетъ изъ юрты и заставляетъ перекочевывать изъ юрты въ юрту каждое лѣто и зиму. При той нечистотѣ, грязи и тѣснотѣ, какая существуетъ въ жилыхъ помѣщеніяхъ, клопу настоящее раздолье; въ щеляхъ стѣнъ юрты гнѣздятся такія несмѣтныя полчища этихъ кровопійцъ, что непривычный человѣкъ, при наступившей тишинѣ въ юртѣ, поражается какимъ-то страннымъ шумомъ, какой-то неустанной дѣятельностью, точно на отдаленной фабрикѣ. И привычный инородецъ иногда не въ состояніи бываетъ ужиться съ этими вторыми хозяевами его жилья, — принужденъ каждое лѣто перебираться въ другую юрту, тутъ же по сосѣдству, а на зиму снова возвращается въ прежнее жилье.

Теплый, благоухающій лѣтній вечеръ. Солнце клонится къ закату, косыми лучами освѣщая верхушки темнаго лѣса. Жаръ спалъ, въ воздухѣ повѣяло прохладой. Скотъ привольно пасется на берегу ручья; насѣкомыя жужжатъ и цѣлымъ роемъ перелетаютъ съ мѣста на мѣсто; ночныя бабочки замелькали въ воздухѣ, словно оторванные цвѣтки. Среди двора, близъ юрты, трещитъ и курится костеръ, на которомъ одна изъ женъ Саннара собирается варить тутпашъ

приготовляя катышки изъ тѣста. Грязные ребятишки таскаютъ кто воду изъ ручья въ туясьяхъ, кто — дрова; другіе играютъ на дворѣ щепками и баклашками, разбросанными около пчелиныхъ ульевъ-дупляночъ. Въ юртѣ веселый огонекъ пылаетъ въ очагѣ. Старшая жена сидитъ на своемъ мѣстѣ и шьетъ сапоги, покуривая повременамъ трубку; Саппаръ только-что вернулся съ пасѣки и, вытягивая трубку за трубкой, разсказываетъ женѣ свои предположенія на счетъ того, что нынче роевъ, кажется, совсѣмъ не будетъ, разсказываетъ, кого онъ встрѣтилъ дорогой, сообщаетъ и непріятную новость о томъ, что медвѣдь разбилъ у него на пасѣкѣ одну колодку, а у сосѣда его Миколая цѣлыхъ три колодки съѣлъ. Тѣмъ временемъ тутпашъ сварился, и вся семья принялась за ѣду, продолжая разговоръ о событіяхъ, разсказанныхъ хозяиномъ. Стало смеркаться. Солнце спряталось за лѣсомъ, и тѣни, одна за другой, незамѣтно смѣняясь, все гуще и гуще ложились кругомъ. Ночная мгла стала быстро надвигаться и мѣшала уже различать предметы. Домашній скотъ собрался съ поля и расположился на покой. Жужжанье насѣкомыхъ стихло; дневныя работы и возня во дворахъ кончились. Не стало видно юртъ въ улусѣ, только свѣтлыя искорки одна за другой вылетаютъ изъ трубъ и, взвиваясь въ воздухѣ, быстро потухаютъ. Пахнулъ вѣтерокъ, затянулъ покрѣпче, и гдѣ-то вдали послышались глухіе удары шамана въ бубенъ, столь знакомые и пріятные сердцу язычника. Яркій огонь пылалъ въ юртѣ Саппара, гдѣ его семья предавалась лѣнивому бездѣлью послѣ ужина. Во дворѣ раздался лошадиный топотъ и человѣческіе голоса: двое знакомыхъ Саппара навеселѣ возвращались съ торжественнаго праздника сбора ясака и заѣхали къ нему переночевать. Юрта быстро оживилась, рѣкой полились разсказы и новости, привезенныя съ такого великаго праздника, трубки выкуривались одна за другой. Саппаръ былъ радъ гостямъ, радъ, что могъ угостить ихъ аракой, которую жена его цѣлое утро сегодня сидѣла. Чутье не обмануло улусныхъ сосѣдей: первыми явились два неразлучные друга, молодые парни, родственники и пріятели Саппара, оба сказочники. За ними стали прибывать гости и набились въ юрту до того, что нѣкоторымъ осталось мѣсто только на порогѣ отворенной двери. Деревянныя чашки то и дѣло наполнялись аракой и сновали по рукамъ гостей до тѣхъ поръ, пока вино не было выпито до капли. Такъ затянулось время за полночь, когда нѣкоторые сильно опьянѣли, особенно пріѣхавшіе гости и самъ хозяинъ, и то болтали заплетавшимся языкомъ, то затягивали и ревѣли татарскую пѣсню. Одинъ изъ сказочниковъ, молодой парень, сбѣгалъ въ свою юрту и принесъ гомзъ, двуструнный музыкальный инструментъ. Среди смѣха и шума многочисленныхъ гостей онъ настроилъ инструментъ и затянулъ сквозь зубы глухимъ горловымъ голосомъ, совершенно особеннымъ у кобзарей-инородцевъ, одну ноту, долго, долго тянувшуюся, насколько хватало духу у опытнаго сказочника, быстро обрывалъ голосъ, потомъ снова тянулъ это безконечное уй-уй-уй, ударяя голосомъ на каждомъ звукѣ и въ то же время бормоча слова какой-то присказки или припѣва и подыгрывая на гомзѣ. Сказочникъ испробовалъ свой голосъ и снова началъ строить инструментъ. Говоръ и шумъ, продолжавшіеся въ одномъ углу юрты, начали стихать мало-по-малу. Настроилъ инструментъ кобзарь, выкурилъ трубку, откашлялся и началъ сказку, которую придумалъ разсказать. Съ первыми звуками голоса, въ юртѣ воцарилась тишина, смѣхъ и говоръ прекратились, всѣ придвинулись къ сказочнику съ раскрытыми ртами, внимая звукамъ гомза и стараясь уловить непонятныя слова; ребятишки притихли и сидѣли прикурнувши на колѣняхъ матерей или на полу юрты, а одинъ ужь и уснулъ. Огонь потрескивалъ на очагѣ, разбрасывая искры, и освѣщалъ эту картину домашней жизни инородца, достойную кисти первоклассного художника. Сказка тянулась, тянулась... и вдругъ оборвалась; сказочникъ началъ разсказывать обыкновеннымъ языкомъ то, что онъ пропѣлъ и чего нельзя разобрать, началъ разсказывать похожденія богатыря; потомъ снова началъ продолжать пѣніе и вторить на гомзѣ и опять обрывалъ голосъ и разсказывалъ то, что пропѣлъ. Слушающіе проникались сказкой, требовали разъясненія непонятыхъ мѣстъ, выражали удивленіе богатырямъ, хвалили или порицали ихъ, — словомъ, жили душей вмѣстѣ съ этими

богатырями; они жадно слѣдили за всѣми ихъ чудовищными приключеніями, забѣгали впередъ съ вопросами, но сказочникъ останавливалъ ихъ, ударялъ по струнамъ гомза и затягивалъ снова безконечное уй-уй-уй, пересыпая его глухимъ речитативомъ сказки. Ночь проходила, звѣзды одна за другой пропадали на небѣ. Жены Саппара давно уже спали, дѣти свалились кто гдѣ сидѣлъ, и нѣкоторые изъ гостей или разошлись, или тутъ же заснули. А сказкѣ все нѣтъ конца; на сцену вышли новые богатыри, еще болѣе сильные и могучіе, чѣмъ тѣ, о которыхъ шла рѣчь въ началѣ; похожденія ихъ переплетаются между собой, запутываются, они попадаютъ въ такія ужасныя и невѣроятныя положенія, возникаютъ безчисленныя препятствія, изъ которыхъ надо подумать, какъ выпутаться. Много богатырей гибнетъ, не достигая предположенной цѣли; за многими смерть и ужасныя мученія идутъ по пятамъ, и конца имъ нѣтъ. Замерло все въ юртѣ, и только нескончаемое у-у-уй раздается въ устахъ сказочника, съ котораго давно уже струится потъ, крупными каплями падая со лба. Начинаетъ свѣтать; зарей освѣтилось небо на горизонтѣ, проглянувши въ перелѣскѣ; ужь свѣжее утро заглянуло въ открытую дверь юрты. Наконецъ... послѣдній звукъ быстро оборвавшейся сказки... Приключенія богатырей кончились смертью большинства ихъ, и только главный герой да нѣсколько его родныхъ и друзей уцѣлѣли, состарѣвшись въ своемъ мыканьѣ за тысячью небесъ или въ подземномъ царствѣ. Утомленные слушатели, съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдившіе за богатырями и переживавшіе тѣ же кризисы отчаянія, надежды и страха, вздохнули свободно, точно отъ кошмара очнувшись съ окончаніемъ сказки. Одни поплелись по своимъ юртамъ, другіе остались тутъ-же.

Каждая юрта, каждая инородческая семья сама производитъ все, что ей необходимо для потребленія. При потребностяхъ, ограниченныхъ до крайней степени, доведенныхъ до крайняго минимума, семья добываетъ и обработываетъ все, что нужно для пищи, одежды и жилья, все что нужно для удовлетворенія ея духовныхъ потребностей; словомъ — она существуетъ почти единственно тѣмъ, что производитъ. Такъ это было встарину, такъ это и теперь въ глухой тайгѣ, въ наиболѣе бѣдныхъ семьяхъ. Въ позднѣйшее время, при сношеніяхъ съ русскимъ населеніемъ, Татары стали покупать нѣкоторые предметы потребленія и почувствовали въ нихъ необходимость; но такихъ предметовъ все-таки немного. Чугунные котлы, чайники, кувшины, замки, винтовки, порохъ и свинецъ, шапки, топоры, — вотъ и все. Встарину они въ этомъ совсѣмъ не нуждались. Они сами добывали желѣзо изъ рудъ; они нашли въ горахъ мѣдь и желѣзо, научились ихъ плавить и ковать, распространили свои произведенія среди сосѣдей — и получили славу опытныхъ кузнецовъ, откуда и самое названіе края и города Кузнецка, основаннаго около трехсотъ лѣтъ тому назадъ. Теперь ремесло кузнечное забыто инородцемъ и перешло въ руки цивилизованнаго человѣка, воспользовавшагося открытіемъ первобытныхъ кузнецовъ. Только въ мѣстахъ соприкосновенія Русскаго съ инородцемъ, при настоящихъ взаимныхъ сношеніяхъ, потребности послѣдняго увеличились, — ему перестала нравиться окружавшая его обстановка, и онъ началъ заимствовать все русское. Ему понадобились: одежда русскаго покроя, фарфоровыя чашки и различные предметы роскоши. Сосѣдство съ Русскимъ и сношенія съ нимъ быстро вліяли на инородца, ему словно забыть хотѣлось и свое происхожденіе, и свои старые обычаи, и онъ обзаводился такими предметами, употребленія которыхъ и понять не могъ. Заводилъ онъ ихъ потому, что видѣлъ ихъ у Русскаго. Сбылъ инородецъ Русскому медъ и орѣхи и сидитъ у него въ гостяхъ, распивая изъ фарфоровой чашки чаекъ. Блестящій самоваръ шумитъ, клубами пуская паръ. Какая славная затѣя! Глазъ не спускаетъ съ нея инородецъ. Она такъ занадобилась ему, что безъ нея онъ жить не можетъ и заранѣе соображаетъ, какъ онъ будетъ пить чай изъ самовара въ своей юртѣ, какъ будетъ угощать своихъ знакомыхъ и удивлять ихъ, а главное — онъ угоститъ своего друга Русскаго, который заѣдетъ къ нему посмотрѣть воскъ. Недолго думая, летитъ въ городъ и покупаетъ самоваръ. Привезъ домой, ставить надо. Налили воды, набили трубу углями и

ждутъ; скоро зашумѣла машина, зафыркала, начала плескать и брызгать водой изъ-подъ крышки, паръ повалилъ — подступиться нельзя. Сосѣдей набралась полная юрта посмотрѣть на диковину. Сіяющій хозяинъ накрошилъ кирпичнаго чаю, положилъ въ чайникъ и началъ вертѣть въ разныя стороны кранъ; вода хлынула и скоро побѣжала черезъ край чайника, а кранъ все не завертывается, какъ ни завинчивали его. Хозяинъ въ переполохѣ подставилъ пригоршни подъ кранъ, надѣясь сдержать воду, но, ошпаривъ руки, отскочилъ прочь. Вода все бѣжитъ и, наконецъ, вытекла вся. Ну, думаетъ, ладно; а между тѣмъ, набитая углями труба накалилась такъ, что отпаялась, и самоваръ подалъ въ чистую отставку.

Немногіе, впрочемъ, счастливцы, богачи могутъ вводить у себя новую обстановку, большинство же, точнѣе — почти все инородческое населеніе, довольствуется тѣмъ, чтò оставили ему въ наслѣдіе отдаленные предки. И отчего бы, кажется, не улучшить инородцу эту убогую обстановку, отчего бы не имѣть лучшаго платья, лучшей пищи, жилья, когда его промыслы могутъ дать къ этому полную возможность? — Но для всего того, чтò носитъ на себѣ характеръ нѣкотораго избытка, есть другое назначеніе, — оно идетъ въ карманы миріады пауковъ, охватившихъ своими крѣпкими тенетами всю чернь, изъ конца въ конецъ. Да и вѣковая лѣнь, непривычка къ постоянному, упорному труду не пріучила инородца къ накопленію богатствъ, къ улучшенію домашняго быта и развитію вкуса; ему довольно и того, что даетъ природа даромъ, что можно взять безъ большаго труда; для него хороши тѣ орудія и способы производства, какіе употреблялись предками сотни лѣтъ тому назадъ; ему не нужно улучшеній. Во всѣхъ работахъ инородца, во всѣхъ его производствахъ и занятіяхъ проглядываетъ одна забота, одно опасеніе — какъ бы не сдѣлать больше, чѣмъ сколько нужно, какъ бы не затратить лишній часъ труда. Одно изъ главнѣйшихъ занятій населенія черни — хлѣбопашество. Съ наступленіемъ лѣта начинаются полевыя работы на покосѣ и пашнѣ и исполняются цѣлой семьей, которая иногда и переселяется на мѣсто этихъ работъ. Какъ покосы, такъ и запашки ведутся въ ничтожныхъ размѣрахъ, первобытными способами и орудіями. Сѣна запасается немного, потому что скота держатъ только необходимое количество; разсчитываютъ, обыкновенно, по 40—50 копенъ на каждую голову. Сѣно, сметанное въ стога, такъ въ нихъ и остается навсегда, потому что скотъ кормятъ *подпускомъ*, т. е. подпускаютъ прямо къ стогу; бываютъ случаи, что стогъ, подъѣденный съ одной стороны, всею своею массою обрушивается и давитъ животныхъ. Обработка земли представляетъ много особенностей. Обыкновенно, гдѣ-нибудь на опушкѣ лѣса или на чистомъ мѣстѣ, по горному скату расчищается два-три загона земли отъ валежника, отъ высокой травы и камней и *вскапывается руками*, при помощи *абыла*, орудія, напоминающаго мотыгу, только съ широкимъ желѣзкомъ, въ видѣ лопатки; земля не очищается отъ пней и деревьевъ, которыя могутъ произрастать по всей пашнѣ, ни отъ карчъ и полусгнившихъ бревенъ, и вскапывается, конечно, кой-какъ, поверхностно. На такую-то почву сѣется ячмень, общеупотребительный хлѣбъ, и рѣже — пшеница, и заборанивается суковатой вершиной дерева, привязаннаго къ лошади. Когда хлѣбъ поспѣетъ, его рвутъ и, чтобъ получить зерно, не молотятъ какимъ-либо способомъ, а просто сжигаютъ солому. Запашка у всѣхъ вообще настолько незначительна, что не удовлетворяетъ и скромной потребности въ хлѣбѣ, такъ что къ концу зимы приходится прикупать хлѣбъ въ пищу, а весной — на сѣмена для посѣва. Арака, разумѣется, истребляетъ другую половину этихъ запасовъ. На болѣе низкихъ мѣстахъ сѣютъ коноплю и табакъ. Для конопли выбираютъ мѣсто унавоженное (напр., сѣютъ тамъ, гдѣ стоялъ стогъ сѣна). Подъ табакъ расчищаютъ, гдѣ попало, небольшіе участки земли, въ 5—10 квадратныхъ саженъ, и сѣютъ это драгоцѣнное зелье, которое для инородца дороже самаго хлѣба; но при неумѣньѣ обращаться съ этимъ требовательнымъ растеніемъ получается не табакъ, а какая-то трава.

Лѣтомъ же инородцы цѣлыми семьями отправляются въ лѣсъ копать коренья — кандыкъ, сарану и кòлбу и рвать чай; природа позаботилась о своихъ безпомощныхъ дѣтяхъ и посѣяла

для нихъ эти питательныя растенія, которыя служатъ настоящимъ подспорьемъ въ пищѣ и подчасъ очень лакомымъ блюдомъ. Кандыкъ и сарана, при недостаткѣ въ хлѣбѣ, не только замѣняютъ его какъ пищу, но и служатъ матеріаломъ для приготовленія неоцѣненной араки. Въ Кондомѣ и холодныхъ горныхъ рѣчкахъ, впадающихъ въ нее, рыба водится въ изобиліи, но инородецъ беретъ ее только въ такомъ случаѣ, если она сама, такъ сказать, забѣжитъ къ нему въ руки. Въ ясный день, въ прозрачной водѣ, когда каждый камешекъ на днѣ бываетъ виденъ, старый и малый, засучивъ штаны, бродятъ по ручью и ощупываютъ осторожно руками берега, подмытые водой или заваленные карчами, древесными стволами, корой и забитые тиной. Въ такихъ мѣстахъ особенно любитъ стоять вкусный хайрюзъ или таймень. Въ хорошую погоду, при удачномъ ловѣ, иной въ нѣсколько часовъ выброситъ на берегъ два-три десятка хайрюзовъ. Въ самыхъ маленькихъ ручейкахъ, въ вершинахъ рѣчекъ и ключей, руками ловятъ мелкую рыбу, осторожно поднимая камни въ руслѣ и обшаривая всѣ щели. Особеннымъ расположеніемъ пользуется крошечная рыбка, которая водится всюду во множествѣ: ее зачерпываютъ туясьями и пригоршнями, или ставятъ особую сѣть—«рукавъ», который есть ничто иное, какъ узкій, коническій мѣшокъ, длиною до сажени, укрѣпляемый въ отверстіяхъ перегораживающихъ ручей палокъ и камней. Въ иную ночь весь этотъ рукавъ биткомъ набивается мелкой рыбой. На большихъ рѣкахъ, какъ Кондома, Мрасса, Лебедь и др., кромѣ описанныхъ способовъ ловли, практикуются и другіе; на мелкихъ мѣстахъ и порогахъ рѣку забираютъ во всю ширину частоколомъ, оставляя свободнымъ одно мѣсто, куда съ шумомъ устремляется вода. Тутъ-то и ставятъ рукавъ, въ родѣ описаннаго, только деревянный, изъ прутьевъ, длиною до двухъ саженъ и болѣе. Ставятъ и жерлицы на щукъ; но что это за снарядъ! Нижняя челюсть глухаря привязывается къ крѣпкой бичевкѣ, которая другимъ концомъ наматывается на гибкій развилокъ древесной вѣтви; вотъ и вся жерлица. Крупная рыба, какъ щуки и хайрюзы, заготовляется впрокъ, ее солятъ и сушатъ на солнцѣ, или провяливаютъ въ дыму очага, на плетенкѣ изъ прутьевъ, укрѣпленной внутри трубы.

Въ промежутки времени, свободные отъ полевыхъ и другихъ работъ, инородецъ улучаетъ денекъ — другой, чтобы съѣздить въ лѣсъ, надрать коры для золенія кожъ, бересты, березовыхъ корней, черемухи и проч. Береста ему особенно необходима, потому что изъ нея приготовляется вся домашняя посуда, какъ-то: широкія и низкія сѣйницы, загнутыя на четырехъ углахъ,—туясья отъ самаго маленькаго, до огромнаго улана, въ которомъ хранится хлѣбъ,—ковши въ видѣ воронки,—громадныя узорчатыя табакерки, въ которыхъ держатъ табакъ, соль или порохъ,—оригинальныя дѣтскія люльки въ видѣ корыта,—высокія коробки, загнутыя съ двухъ краевъ, служащія для толкана и т. д.; словомъ, всего и не перечтешь, что дѣлаютъ изъ бересты. И надо видѣть работу изъ этого матеріала, чтобъ понять, какіе великіе берестяныхъ дѣлъ мастера обитатели черни. Быстро, ловко, красиво и практично ведется эта работа съ помощью одного только ножа. Однимъ размахомъ отрѣзается пластинка бересты, на краяхъ которой дѣлаются выемки и зубчики и складываются въ шовъ; внутрь этой трубки плотно вставляется другая берестяная трубка, совершенно цѣльная, затѣмъ подбираются кедровыя дощечки, причерчиваются по трубкѣ и быстро, смѣло округляются ножемъ на колѣнѣ, съ поразительной вѣрностью,—и туясъ въ нѣсколько минутъ готовъ. Съ такою-же ловкостію, только еще быстрѣе, изготовляется и другая посуда.

Въ иной день всѣ члены семьи изъ двухъ, трехъ юртъ артелью отправляются въ лѣсъ рвать «узагатъ» — мелкую мягкую траву, въ видѣ длинныхъ прядей, и, навязавъ сотни пучковъ, позднимъ вечеромъ возвращаются домой. Узагатъ служитъ вмѣсто чулокъ, для обертыванія ногъ зимою; его всегда предпочитаютъ теплымъ шерстянымъ чулкамъ, потому что трава эта лучше держитъ тепло, очень мягка и нѣжна, долго не смокаетъ и быстро просушивается на вѣтру или передъ огнемъ, подолгу не требуя перемѣны.

Какъ у всѣхъ инородцевъ и вообще у народовъ, стоящихъ на низкой ступени развитія,

женщина обречена на тяжелую работу, словно ломовая лошадь, и должна нести исключительно на своихъ плечахъ всѣ занятія по хозяйству, всѣ домашнія работы, въ то время, какъ ея мужъ шатается по тайгѣ, по гостямъ или безпечно сидитъ въ юртѣ, покуривая трубку. Она должна ходить за скотомъ, носить воду, колоть дрова, готовить пищу; должна наткать холста и сшить верхнее и нижнее платье себѣ, мужу и дѣтямъ; должна выдѣлать сырую кожу и нашить всей семьѣ сапоговъ; она нянчится съ цѣлой оравой ребятишекъ малъ–мала меньше, она же добываетъ араку; она, наконецъ, помогаетъ мужу во всѣхъ полевыхъ работахъ. Стоитъ остановиться подробнѣе на нѣкоторыхъ женскихъ работахъ, отличающихся оригинальностью и простотою орудій производства. Такъ, напримѣръ, соль не толчется, а растирается «на басмакѣ», представляющемъ собою двѣ плитки сланца; на нижнюю, широкую насыпается соль, а верхнею, узкою плиткою соль раздавливается и растирается, чему способствуютъ легкія зарубки и шероховатости, насѣченныя на плиткахъ. Помолъ зеренъ производится ручными жерновами, которые имѣются рѣшительно въ каждой юртѣ и устроены совершенно тождественно съ ручными жерновами, употребляемыми въ Европейской Россіи.

Женщины ткутъ изъ пеньки холстъ, очень прочный и красивый, который идетъ на бѣлье и верхнюю одежду, а изъ шерсти—пояса различной ширины, съ своеобразнымъ цвѣтнымъ узоромъ. Орудія этого производства вполнѣ первобытны и многими уже замѣняются русскими кроснами, такъ что скоро, вѣроятно, выйдутъ изъ употребленія и совсѣмъ забудутся. Нитяная основа, немного развѣ у́же крестьянскаго холста, туго натягивается на полу юрты отъ стѣны до стѣны, и поднята четверти на полторы только въ ниченкахъ, черезъ которыя проходятъ перекрещивающіяся нити. Женщина, усѣвшись верхомъ на одномъ концѣ основы, начинаетъ быстро дѣйствовать всѣми приспособленіями тканья, рѣзко отличающимися отъ нашихъ кросенъ, хотя въ основѣ этого производства тамъ и тутъ лежитъ одна и та же мысль.

При каждой юртѣ есть своего рода кожевенный заводъ, отличающійся, какъ и всякое производство Черневыхъ Татаръ, крайней простотой. Вымоченная въ теченіе нѣсколькихъ дней, конская или коровья кожа кладется въ какую-нибудь посудину, играющую роль подзольника, и тамъ остается, пока не отстанетъ шерсть; затѣмъ, съ кожи соскабливаютъ ножомъ шерсть и подвергаютъ ее копченію, для чего помѣщаютъ ее въ громадный туясъ безъ дна, между различными распорками, поддерживающими кожу. Туясъ ставится надъ ямой, выкопанной въ землѣ, въ которой разжигается цѣлый ворохъ бересты, а сверху плотно закрывается крышкой. Черезъ нѣсколько часовъ кожа окрашивается въ черный цвѣтъ и просмаливается въ густомъ дыму, послѣ чего остается только помять ее деревянной пилой на зарубкахъ на краяхъ колоды, которая служитъ въ то же время скоту водопойной посудой. Ничего, что на кожѣ осталась мѣстами шерсть, ничего, что смолистый дымъ проникъ не во всѣ складки ея; хозяйка опытной рукой выкраиваетъ сапоги и принимается за шитье.

До сихъ поръ читателю приходилось слѣдить только за такими занятіями и производствами, какія необходимы въ домашнемъ обиходѣ для удовлетворенія самыхъ насущныхъ потребностей инородца. «Пчелячество» (какъ выражается профессоръ Бутлеровъ), добыча кедровыхъ орѣховъ и пушнаго звѣря составляютъ уже промыслы, которые исключительно обезпечиваютъ матеріальное благосостояніе инородца и, доставляя предметы сбыта, переводятся на деньги. Эти промыслы даютъ ему возможность платить ясакъ, пріобрѣтать все, чего онъ самъ не можетъ произвести, и, наконецъ, даютъ тотъ избытокъ, который можетъ быть отложенъ.

Въ высшей степени благопріятныя климатическія условія и роскошная природа черни вполнѣ благопріятствуютъ развитію здѣсь пчеловодства въ широкихъ размѣрахъ, но пока здѣсь практикуются только двѣ отрасли этого хозяйства — «пчелячество» и «пчелованіе», т. е. первыя ступени развитія этого промысла, которому далеко еще до раціональнаго пчеловодства. Каждая инородческая семья имѣетъ пасѣку (отъ нѣсколькихъ колодокъ до сотни и болѣе), которая помѣщается или около жилья, если для этого имѣются удобства, или гдѣ-нибудь въ тайгѣ, за

Т. XI. Глубокая осень въ дремучемъ лѣсу

нѣсколько верстъ отъ юрты. Инородецъ совсѣмъ не пчеловодъ, онъ не знаетъ своей пчелы и нисколько о ней не заботится. Единственная его забота заключается въ томъ, какъ бы поскорѣе вырѣзать медъ. Пасѣка, находящаяся вдали отъ жилья, оставляется буквально на произволъ судьбы,—хозяинъ не заглядываетъ въ нее по цѣлымъ недѣлямъ. Изрѣдка навѣдываясь, онъ только разноситъ по тайгѣ нерадостную вѣсть о томъ, что медвѣдь унесъ у него или разбилъ уже десятки колодокъ, на что его собраты отвѣчаютъ, что у нихъ также звѣрь повадился ходить и съѣлъ у кого пять, у кого десять ульевъ, у кого чуть не всю пасѣку разнесъ. Самый элементарный уходъ за пчелой здѣсь неизвѣстенъ; если заведется въ ульѣ гнилецъ — весь рой погибъ, инородцу и въ голову не придетъ очистить улей отъ разлагающихся труповъ и вырѣзать загнившій кусокъ сотовъ. Выдается одно, два неблагопріятныхъ лѣта подрядъ, — и пчелъ не стало, потому что инородцы дрожатъ за лишній фунтъ меда и низачто не поступятся имъ для умирающей съ голода пчелы. Въ апрѣлѣ 1881 года настали теплые дни и установилась прекрасная погода. Тотчасъ же изъ всѣхъ ульевъ былъ до-чиста вырѣзанъ медъ. Въ маѣ ударили холода, выпалъ снѣгъ, пчелы спрятались въ улей, но нашли здѣсь могилу, — погибли отъ голода и холода. Даже въ разгаръ пчелиной жизни, во время роевъ, инородцу лѣнь караулить пчелъ, и онъ отпускаетъ иногда изъ своей пасѣки рой за роемъ въ тайгу. Въ хорошее лѣто, какихъ въ черни бываетъ много, пчелиное царство такъ разростается въ тѣсной колодкѣ, дуплянкѣ, такъ усердно работаетъ и занесетъ весь улей воскомъ и медомъ, что ему тамъ душно и тѣсно становится жить. А инородцу и любо: онъ радуется, что пчелы облѣпили весь улей и сидятъ на колодкѣ снаружи; онъ хвастаетъ, что у него такая сильная колодка, и не смекаетъ, что не прошло еще и половины лѣта, а пчела остается праздной за недостаткомъ мѣста для работъ, что стóитъ немедля поставить новый улей на мѣсто заполненнаго и пчелы, жаждущія дѣятельности, начнутъ его наполнять. Нѣтъ, не приходитъ въ голову такая простая затѣя, и пока бѣдный хозяинъ любуется на свою сильную колодку, пчелы, наскучивъ праздностью, поднимаются и летятъ въ тайгу, чтобъ тамъ основать колонію. Это улетаніе пчелъ съ пасѣкъ дало начало отдѣльному промыслу — пчелованію, охотѣ за дикими пчелами, поселившимися въ дуплахъ деревьевъ. Рыскаетъ по лѣсу инородецъ, наблюдая за перелетомъ пчелъ, которыя доводятъ его въ концѣ концовъ до своего гнѣзда, и обрѣтаетъ въ лѣто иногда нѣсколько «походныхъ колодъ», которыя срубаетъ и съ торжествомъ привозитъ на свою пасѣку. Въ началѣ лѣта, хорошія колодки дуплянки цѣнятся до 4 рублей и дороже, а въ концѣ лѣта цѣна на нихъ спускается даже до рубля, на что всегда есть охотники, скупающіе медъ и воскъ почти за безцѣнокъ, вымѣнивая его на товаръ или водку.

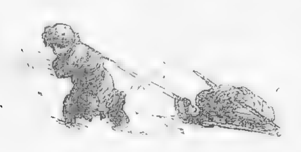
Въ началѣ осени, инородцы отправляются семьями по тайгамъ для добычи кедровыхъ орѣховъ. Этотъ промыселъ одинъ изъ самыхъ выгодныхъ, одинъ изъ наиболѣе обезпечивающихъ благосостояніе инородца, а въ иныхъ мѣстахъ, при бѣдности другихъ промысловъ, является единственнымъ надежнымъ подспорьемъ къ существованію. Въ урожайный годъ инородецъ — богачъ, и наоборотъ, при неурожаѣ орѣховъ, онъ — нищій, бѣднякъ. Кедръ для инородца — священное дерево, онъ боготворитъ его и бережетъ. Въ районѣ обитанія каждаго улуса есть своя тайга, въ которой растетъ кедрачъ, и никто изъ жителей другихъ улусовъ не смѣетъ заходить сюда для добычи орѣховъ. Въ урожайный годъ (который, по примѣтамъ инородцевъ, наступаетъ черезъ каждые два года, мало или и совсѣмъ неурожайные) одной большой семьѣ удается добыть до 300 пудовъ орѣха, — цѣлое состояніе даже и при той ничтожной цѣнѣ, по которой приходится его продавать разнымъ паукамъ таежнымъ и скупщикамъ. Самая обыкновенная цѣна орѣха на мѣстѣ 80 копѣекъ за пудъ. Пауки свое дѣло знаютъ, они стараются надавать инородцу денегъ или товару впередъ, и тогда же выговариваютъ и сбиваютъ цѣну на орѣхъ до послѣдней степени; а инородецъ, какъ малое дитя, польстившись на ласковыя рѣчи и увѣренія въ дружбѣ и охмѣлѣвшій отъ выставленной бутылки водки, съ ра-

достью сдается на всякія условія. Да и куда же ему иначе дѣвать эти орѣхи, когда онъ боится выползать изъ своей черни на свѣтъ Божій? Гдѣ ему найти другихъ покупателей?..

Съ наступленіемъ зимы инородецъ снаряжается въ тайгу, на промыселъ пушнымъ звѣремъ. Снаряжаетъ онъ свои легкія высокія сани, складываетъ на нихъ необходимые запасы свинца,— пороха, табаку, ловушки и сѣти на звѣря, винтовку, кой-какіе припасы,— необходимые только на первое время, въ самыхъ ограниченныхъ размѣрахъ, — котелокъ, чашку, кой-что изъ одежды,— подвязываетъ къ ногамъ лыжи и мчится по глубокимъ снѣгамъ въ далекую тайгу, за сотни верстъ отъ человѣческаго жилья, прощаясь со своимъ гнѣздомъ на цѣлый мѣсяцъ или на два. То одинъ-одинехонекъ, то съ подросткомъ сыномъ, который съ раннихъ лѣтъ пріучается ходить съ отцомъ на промыселъ, то цѣлой артелью самыхъ близкихъ родныхъ и друзей, — инородцы несутся въ свою родную тайгу, знакомую имъ вдоль и поперекъ до малѣйшихъ подробностей. У каждой тайги свои хозяева, между которыми раздѣлена вся чернь; каждый родъ или поколѣніе промышляетъ искони вѣковъ въ своихъ лѣсахъ и горахъ, и никто посторонній не смѣетъ придти туда на промыселъ безъ разрѣшенія на то хозяевъ, подъ страхомъ тяжкаго наказанія, никто не рѣшается идти тайкомъ въ чужую тайгу, зная, что отъ зоркаго глаза инородца не скроютъ и дремучіе, обширные лѣса. Поколѣніе *Шелканъ*, живущее по Лебеди, не имѣетъ своей тайги и удобныхъ промысловъ, кромѣ далекихъ вершинъ Абакана, поэтому оно охотится въ сосѣдней тайгѣ въ верховьяхъ Кондомы и за то платитъ ея хозяевамъ — *шорамъ* ежегодную дань съ каждой души, съ каждаго человѣка, отправившагося сюда на промыселъ. Не каждая тайга богата звѣремъ, но ужь таково счастье тѣхъ, кому выпало чѣмъ владѣть; споровъ не бываетъ, и всякій доволенъ своей судьбой. Соболь водится только на Мустагѣ и Ушь-ташѣ, двухъ значительныхъ вершинахъ отрога Алатау, проходящаго между Мрассой и Кондомой, но не высокаго качества, не пышный и не свѣтлый, а на Мустагѣ даже желтоватый и съ короткою шерстью. Его ловятъ сѣтями среди дикихъ скалъ и обломковъ камней. Хлопотъ съ этимъ звѣркомъ много, а большихъ выгодъ нѣтъ, потому что сѣти ставятся большія и принадлежатъ артели изъ нѣсколькихъ человѣкъ, паи которыхъ, при малой цѣнности шкурки, не велики. Зато бѣлка, колонокъ, барсукъ и др. водятся всюду въ изобиліи, особенно первая, почему больше всего и добывается. Иной промышленникъ, при счастливой охотѣ, успѣваетъ добыть до 200 штукъ и болѣе бѣлокъ, до десятка колонковъ и др. звѣря. Нельзя сказать, чтобъ этотъ промыселъ давалъ большой доходъ, какъ можетъ дать пчеловодство или добыча орѣховъ. Такъ, соболь цѣнится здѣсь отъ 5 до 15 руб. и рѣдко до 20 р., бѣлка самая лучшая — 10 коп., а красноватая, лѣтняя — не дороже 1 коп. и даже $^1/_2$ коп.; красная цѣна на колонка — 50 коп.; шкурки барсука и др. звѣрковъ не имѣютъ сбыта и идутъ на чехлы для винтовокъ, закрывающіе ложу и замокъ и предохраняющіе ихъ отъ сырости.

Отправленіе на промыселъ.

Подростокъ-сынъ на промыслѣ.

Инородецъ предается этому промыслу со всею страстью и шатается по тайгѣ изъ конца въ конецъ, не зная лучшей поры, лучшаго времяпровожденія. Сильно нагнувшись впередъ, несется онъ на лыжахъ, таща за собой легкія саночки, то съ горъ спускаясь въ глубокія ущелья, то снова взбираясь на вершины, и такъ проходитъ по 60 верстъ въ короткій зимній день, пока не выберетъ мѣста для стоянки, съ которой можно бродить по лѣсу налегкѣ. Едва только тазсвѣтаетъ, какъ инородецъ настраиваетъ лыжи; надѣвъ таежный нарядъ, войлочную шубу,

крытую кендыремъ, онъ закидываетъ за плечи винтовку, на дуло которой вздѣваются ловушки на колонка, весь обвѣшивается мѣшечками съ порохомъ, пулями, беретъ табакъ, кой-какой запасъ ѣды, и уходитъ на цѣлый день. Гдѣ онъ не побываетъ, куда не заглянетъ, въ какую трущобу не заберется, гоняясь за бѣлкой или глухаремъ, и низачто не пропуститъ замѣченной норы звѣрка, не приставивъ къ ней ловушку, низачто не прозѣваетъ притаившейся птицы или бѣлки на древесномъ стволѣ. Скоро проходитъ день, скоро начинаетъ темнѣть въ лѣсу.

Мало-по-малу вся артель собирается къ мѣсту стоянки съ добычей и весело располагается на отдыхъ. Среди темнозеленыхъ кедровъ и пихтъ, опустившихъ свои вѣтви подъ тяжестью снѣга, копошится эта таежная семья; одинъ разгребаетъ глубокій снѣгъ до земли кривой лопаткой, которая въ то же время служитъ тормазомъ при скатываньи съ горъ на лыжахъ; другой принесъ сучьевъ и валежника и разложилъ между старымъ колодникомъ жаркій костеръ, третій устанавливаетъ къ огню котелъ со снѣгомъ, чтобъ варить чай. Яркое пламя костра освѣщаетъ сосѣднія деревья, увѣшанныя винтовками, мѣшечками и разнымъ лохмотьемъ, скользитъ между стволами деревьевъ, колеблясь и исчезая въ непроглядной тьмѣ, въ глубинѣ нѣмаго лѣса; оно заливаетъ своимъ свѣтомъ группу людей, расположившихся передъ костромъ, въ разнообразныхъ позахъ. Нѣмой и угрюмый лѣсъ оживился; одни изъ таежниковъ распиваютъ горячій чай съ толканомъ, другіе закусываютъ мясомъ зажаренной бѣлки или тетери, ведутъ веселую бесѣду каждый о своихъ странствованіяхъ по тайгѣ, живописуя ее разсказами о похожденіяхъ какого-нибудь звѣрка, сложившаго свою голову подъ пулей, о его продѣлкахъ и изворотливости, о стремленіи обмануть охотника и скрыться отъ преслѣдованія. Долго, долго тянется эта бесѣда, длинная какъ зимній вечеръ. Не одинъ котелокъ чаю опорожнится, много трубокъ выкурится, прежде чѣмъ каждый успѣетъ разсказать о проведенномъ днѣ и подвести итоги своей охоты. Кончились разсказы; таежники покуриваютъ трубки, впившись глазами въ огонь и поминутно сплевывая; вечеру не видится конца, надо его коротать. Услада жизни инородца, неразлучный гомзъ — съ нимъ, въ тайгѣ; снявъ инструментъ съ сучка, онъ строитъ его и заводитъ сказку про богатыря, и вечеръ летитъ незамѣтно. Товарищи тихо и молча сидятъ, поправляя костеръ, и съ жадностью слушаютъ, одни обдирая убитую бѣлку, другіе — нанизывая тушки на длинные прутья и поджаривая на огнѣ. Льются глухіе, протяжные звуки голоса сказочника подъ тихое гудѣнье гомза, льются далеко за полночь и, наконецъ, смолкаютъ. Утомленіе и сонъ смыкаютъ очи лѣсныхъ дѣтей, и скоро кругомъ замираютъ малѣйшіе звуки, скоро воцаряется нѣмая тишина. Костеръ уже тихо потрескиваетъ, слабо вспыхиваетъ, разливая тусклый свѣтъ, и, постепенно прогорая, потухаетъ совсѣмъ. Глубокая тьма воцаряется надъ лѣсомъ и успокоившимися сынами его.

Капканъ.

Но не всегда благополученъ бываетъ исходъ охоты, — иногда охотнику случается *поплатиться и жизнью*, намѣренно или невзначай повстрѣчавшись съ медвѣдемъ.

Черневые Татары дѣлятся на роды, кости (сёокъ). Каждое поколѣніе ведетъ свой родъ отъ какого-либо отдаленнаго предка, который настолько затерялся во мракѣ временъ, что въ настоящее время рѣдко-рѣдко можно встрѣтить столѣтняго старика, удержавшаго въ своей памяти, по преемственности, преданіе глубокой старины. Былъ когда-то и какой-то предокъ или нѣсколько братьевъ, сыновей, отъ которыхъ пошли поколѣнія, удержавшія до сихъ поръ ихъ имена и признающія родство между собой. Гдѣ бы ни встрѣтились инородцы, незнакомые между собой, первый вопросъ, который они предлагаютъ другъ другу, послѣ обычнаго при-

вѣтствія: «по кижи сёок?»—т. е. «какой кости?» Если окажется, что оба одной, то, съ видимымъ удовольствіемъ, они заводятъ «братскій» разговоръ, разспрашиваютъ о мѣстѣ жительства, о семьяхъ, родствѣ и т. д. и разстаются, какъ родные. Члены одного поколѣнія всегда оказываютъ другъ другу больше почета, уваженія и дружескаго, родственнаго расположенія; они оказываютъ помощь и защиту своему сородичу, хотя бы никогда не были съ нимъ знакомы, предпочтительно передъ членами другаго поколѣнія, даже и давно знакомыми; всякая просьба сородича исполняется, не смотря на то, что его видятъ въ первый разъ въ жизни; если ему нужно трубку, ножъ, пороху, припасовъ какихъ-нибудь, незнаемый до сихъ поръ «братъ» ему все подаритъ обязательно. Въ силу такого родства, которое всѣми строго признается, браки между членами одного поколѣнія не допускаются и не существуютъ. Встарину и управленіе было основано на этомъ началѣ и сохранилось даже и теперь, нѣсколько

Несчастный исходъ охоты.

искаженное и изуродованное. Каждый родъ управлялся прежде независимо отъ другаго своимъ старѣйшиной—«башлыкомъ» и его помощниками—«димичами» и «эсаулами». Званіе башлыка передавалось наслѣдственно, а обязанность его помощниковъ возлагалась на кого-либо изъ членовъ общины по выбору. Съ тѣхъ поръ, какъ инородцы вошли въ составъ Русскаго государства, для управленія ими введено особое положеніе; древніе традиціонные порядки стали измѣняться. Инородцевъ разбили на особые территоріальные участки или волости, не соображаясь нисколько, соотвѣтствуетъ-ли такое дѣленіе духу населенія и его внутреннему строю, и даже не имѣя знакомства со страной. Нѣкоторыя волости совпали случайно съ родовымъ дѣленіемъ, и въ нихъ наиболѣе цѣльно сохранились черты бытоваго самоуправленія. Такая волость представляетъ тѣсно сплоченную общину, дружную и сильную въ защитѣ своихъ интересовъ и наиболѣе стойко удерживающую завѣщанные глубокой стариной обычаи. Другія волости раздробили поколѣнія инородцевъ и составились изъ частей нѣсколькихъ родовъ; здѣсь уже не стало никакого порядка, раздробленіе вызвало разладъ и несогласія между населеніемъ, лишило его силы, лишило почвы, на которой держалась община, и вызвало равнодушіе со стороны инородцевъ къ ихъ волостнымъ дѣламъ. Съ другой стороны, община утратила свой патріархальный обликъ, башлыкъ потерялъ прежнія прерогативы и сдѣлался орудіемъ въ рукахъ русской

земской власти; званіе башлыка или, по-просту, старосты, не наслѣдственно теперь, а передается по выбору членовъ, входящихъ въ составъ волости, и притомъ несамостоятельно, а подъ давленіемъ засѣдателя, писаря, исправника. Башлыкъ настоящаго времени не патріархъ, не глава одной семьи, а послушное орудіе въ рукахъ разныхъ мелкихъ властей, первый и злѣйшій врагъ инородца. Инородецъ ищетъ въ башлыкѣ защитника своихъ интересовъ и кровныхъ нуждъ; засѣдатель ищетъ въ немъ, такъ сказать, губку, которая могла бы вбирать въ себя соки страны и которую потомъ можно было бы выжимать по произволу. Послѣдній одержалъ побѣду. Однако, есть волости, куда не проникла еще такая деморализація. Такова, напримѣръ, Шелкальская волость по р. Лебеди, состоящая изъ поколѣній *Чалканы* и *Чачкы*, переженившихся между собой и искони живущихъ поэтому нераздѣльно. Она представляетъ настоящую общину, которая имѣетъ въ себѣ достаточно силы устоять противъ сторонняго давленія и оберегать обычаи старины отъ ломки. Даже старанія миссіонеровъ среди Чалканъ остаются безплодными— между ними нѣтъ ни одного крещенаго. «Мы не хотимъ, — говорятъ они, — мѣнять вѣры нашихъ отцовъ, которая намъ такъ же дорога, какъ вамъ ваша». Башлыкъ Чалканъ никогда не продастъ сородича и съумѣетъ дать отпоръ каждому, посягающему на интересы инородцевъ. Между всѣми сосѣдями-единоплеменниками это поколѣніе пользуется громкой репутаціей за свою честность, вѣрность данному слову и умѣнье постоять за себя.

Въ концѣ іюня и началѣ іюля производится сборъ ясака (т. е. податей) съ инородца. Каждая волость, получивъ окладной листъ, въ которомъ помѣчено, сколько она должна внести денегъ, собираетъ сходъ, на которомъ и производится раскладка по числу годныхъ душъ. «Ясакъ» теперь уже утратилъ тотъ смыслъ, какой имѣлъ прежде, и съ предоставленіемъ инородцу права платить, чѣмъ онъ хочетъ, деньгами или пушнымъ звѣремъ, получилъ значеніе обыкновенной подати, денежной. Прежде, когда звѣря было много въ тайгѣ, а денегъ въ обращеніи мало, ясакъ платился только шкурками; съ тѣхъ поръ обстоятельства измѣнились какъ-разъ наоборотъ, и для инородца стало выгоднѣе платить ясакъ деньгами; однако, онъ упорно держится стариннаго обычая и терпитъ страшные убытки. По раскладкѣ, денегъ собирается какъ-разъ вдвое болѣе, чѣмъ сколько требуется сдать по окладнымъ листамъ въ казначейство. Инородцы увѣрены, что ихъ шкурки поступаютъ въ руки самого царя и идутъ ему на шубы, шапки и проч.; увѣрены, кромѣ того, еще въ томъ, что въ платѣ подати пушниной заключается коренное различіе ихъ отъ крестьянъ и что только начни они платить весь ясакъ деньгами, такъ ихъ сейчасъ-же сдѣлаютъ крестьянами, заставятъ пашню пахать и нести разныя службы и повинности. Вотъ это и заставляетъ ихъ держаться старины. Какъ и прежде, они платятъ часть ясака, и непремѣнно опредѣленное количество, однѣ волости — только соболями, другія — бѣлкой и колонкомъ, смотря по тому, какимъ звѣремъ чья тайга изобилуетъ, а остальную часть доплачиваютъ деньгами. Убытки терпятъ вслѣдствіе несоразмѣрной разницы между дѣйствительной стоимостью шкурки и цѣной, по какой она принимается въ казначействѣ. Такъ, соболей для ясака покупаютъ, напримѣръ: Кондомско-Барсаятская волость 20 штукъ по цѣнѣ отъ 9 до 25 руб., а въ казначейство сдаетъ 10 штукъ отъ 4 до 7 руб.; Кондомско-Карачерская вол. платитъ колонкомъ, покупая его по 1 руб. за штуку и сдавая никакъ не дороже 50 коп. Толковали имъ добрые люди не платить ясакъ пушниной, разъясняли имъ всю невыгоду этого и указывали на предоставленное ихъ выбору право платить деньгами или шкурами; но нѣтъ, — боязнь нарушить завѣтъ старины слишкомъ глубоко сидитъ въ инородцѣ.

Сборъ ясака — это самый большой годовой праздникъ въ тайгѣ, да и единственный. Съ быстротою молніи разносится молва по улусамъ о времени, къ какому должны собраться плательщики волости въ извѣстное опредѣленное мѣсто. Одинъ по одному начинаютъ они съѣзжаться въ лучшихъ праздничныхъ нарядахъ, кто съ женой, кто со взрослой дочерью-красавицей, и располагаются на открытомъ лугу на берегу рѣки, недалеко отъ улусовъ башлыка и его помощника (димичи). Прошелъ день, другой,— много набралось родовичей, но еще не всѣ.

Посреди луга общими силами возводится «ǒтэгъ», громадный балаганъ, похожій на большой стогъ сѣна, — это мѣсто для засѣданій башлыка и его помощниковъ съ родовичами, мѣсто совѣта и разбирательства дѣлъ, накопившихся за годъ. Отэгъ устраивается изъ березокъ, тальника и другихъ деревьевъ, вершинами связанныхъ, а комлями воткнутыхъ въ землю и, кромѣ того, укрѣпленныхъ жердями и кольями. Когда остовъ готовъ, его забрасываютъ травой или сѣномъ плотно, такъ, чтобъ онъ служилъ надежной защитой отъ солнечнаго жара, вѣтра и дождя, и оставляютъ открытымъ для входа съ одной стороны. Прошелъ еще день, — родовичи съѣхались и придали еще больше оживленія открытой полянѣ, на которой сосредоточилась вся жизнь окрестной тайги и перенеслась изъ сосѣднихъ улусовъ. Полнымъ жизни, красоты и блеска представляется этотъ лугъ, сплошь усыпанный цвѣтами и зеленью, оживленный говоромъ и суетливостью сотни людей и залитый свѣтомъ іюльскаго солнца. Пестрыми группами инородцы разбросились по лугу; одни сидятъ на берегу и молча покуриваютъ трубки, любуясь сверкающей на солнцѣ рѣкой и услаждаясь безконечнымъ шумомъ воды, ниспадающей по каменнымъ плитамъ порога; другіе расположились на опушкѣ лѣса, окружающаго лужайку, въ тѣни деревьевъ и кустарниковъ, около разложеннаго костра, и пьютъ чай, варятъ тутпашъ; третьи, собравшись около отэга, разговариваютъ между собой о разныхъ, интересующихъ ихъ дѣлахъ или расхаживаютъ взадъ и впередъ по лугу, пестрѣющему людьми и лошадьми, оживленному говоромъ и смѣхомъ, сливающимися въ сплошной гулъ, которому вторитъ рѣка. Внутри отэга—другая картина. Въ глубинѣ балагана у задней стѣнки на почетномъ мѣстѣ, на землѣ сидитъ башлыкъ съ димичей и эсауломъ и разбираютъ въ берестяныхъ папкахъ какія-то бумаги, о содержаніи которыхъ догадываются на-ощупь. Около нихъ стоитъ поломанная шкатулка и нѣсколько пачекъ бумагъ, бережно уложенныхъ въ бересту и увязанныхъ лыкомъ. Десятки лѣтъ, столѣтіе берегутъ они эти бумаги, не зная, что въ нихъ заключается, и какъ святыню передаютъ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Направо и налѣво отъ башлыка, вдоль обѣихъ стѣнъ отэга, сидятъ, поджавъ ноги, родовичи, старые и малые, съ трубками въ зубахъ, и слушаютъ, что говорятъ башлыкъ и его помощники, или сами начинаютъ говорить, подавать совѣтъ. Родовичей набилось въ балаганѣ—пройти нельзя; тѣ, которымъ не осталось мѣста внутри, столпились у входа въ отэгъ. Вся внутренность этого помѣщенія разукрасилась. Около башлыка висятъ связки соболя, колонка и бѣлокъ, задернутыя за жерди и предложенныя къ покупкѣ разными промышленниками; надъ головами сидящихъ болтаются недавно пойманныя или вяленыя щуки, огнива, кисеты съ табакомъ, кушаки; на землѣ лежатъ трубки и разное платье. Жаръ и духота стоятъ въ отэгѣ, биткомъ набитомъ людьми. Башлыкъ держитъ рѣчь о покупкѣ ясачныхъ шкурокъ, предлагаетъ собранію осмотрѣть, выбрать ихъ, опредѣлить цѣну и поторговаться съ продавцами; наконецъ, приводится въ извѣстность количество годныхъ, платежныхъ душъ для опредѣленія размѣра взноса каждаго. Къ отэгу приблизился плохо одѣтый старикъ, снялъ передъ собраніемъ шапку и, усѣвшись на землю, началъ просить объ освобожденіи его отъ налога, ссылаясь на свои годы. Тотчасъ явилось много людей, знавшихъ старика и удостовѣрившихъ справедливость его просьбы. Налогъ безпрекословно сложенъ; старикъ кланяется и благодаритъ собраніе и уходитъ изъ отэга. Потомъ пришелъ здоровый работникъ, обремененный большой семьей, и также началъ просить о сложеніи съ него ясака, ссылаясь на свою бѣдность и на то, что у него умерла нынче хозяйка. Собраніе освободило и его. Пришелъ еще одинъ молодой парень просить о томъ же, но его пристыдили, сдѣлали выговоръ за лѣность, пьянство, непутную жизнь и пригрозили розгами. Много приходило людей съ подобными же просьбами, многіе желали освободиться отъ ясака; но собраніе не дало потачки лѣнивымъ и не обременило и бѣдноту.

Дня два тянулась раскладка и сборъ денегъ; производились разсчеты и повѣрка, собирались долги въ кассу или выдавались изъ нея новыя ссуды неимущимъ. Своимъ умомъ, и Богъ

знаетъ когда, дошелъ инородецъ до учрежденія ссудо-сберегательной кассы. Какъ уже было сказано, ясакъ собирается въ двойномъ количествѣ противъ того, какое требуется въ казну; одна половина сдается цѣликомъ по разсчетной квитанціи казначейства, а изъ другой половины покрывается убытокъ отъ взноса ясака пушниной вмѣсто денегъ, покрываются расходы по доставкѣ ясака и сдачѣ его въ казначейство, включая сюда и взятки разнымъ чиновникамъ, и, наконецъ, окупаются расходы на угощеніе народа, собравшагося на сборъ ясака. За всѣми этими расходами остается все-таки часть денегъ свободныхъ, которыя хранятся на рукахъ башлыка и образуютъ фондъ для выдачи краткосрочныхъ ссудъ изъ трехъ процентовъ въ мѣсяцъ. Займы даются исключительно бѣднякамъ и только въ рѣдкихъ случаяхъ исправнымъ инородцамъ; по желающимъ сдѣлать оборотъ и нажить деньжонокъ богатымъ, вообще, отказываютъ въ этомъ. Даже и при несостоятельности должниковъ, при безнадежности на полный возвратъ займовъ, касса не пошатнется, потому что фондъ увеличивается не только оборотомъ капитала, но и ежегодными остатками отъ сбора ясака. Остатки эти таковы, что, на ряду съ существованіемъ ссудо-сберегательной кассы, даютъ возможность инородцамъ вносить часть податей и за слѣдующій годъ, и гарантируютъ ихъ отъ недоимокъ, которыхъ никогда и ни въ одной волости не бывало еще.

Покончили съ ясакомъ. Отэгъ превращается въ судебную камеру. Всѣ тяжебныя дѣла, ссоры, драки и неудовольствія, всѣ преступленія, накопившіяся въ теченіе года, по жалобамъ обиженныхъ, приносятся всенародно на обсужденіе цѣлой волости родовичей и подвергаются немедленному рѣшенію. Истецъ и отвѣтчикъ на-лицо, свидѣтелей сколько угодно; возможность для очныхъ ставокъ полная, а присяжныхъ — цѣлая волость, и нелицепріятное рѣшеніе суда быстро формулируется тутъ-же безъ всякаго спора, безъ ошибки, безъ возможности подкупить судей, и немедленно приводится въ исполненіе. Тутъ-же выбранные исполнители приговора нарѣзываютъ свѣжихъ прутьевъ и производятъ надъ виновнымъ экзекуцію въ размѣрѣ, опредѣленномъ съ согласія цѣлой волости. Всякому воздается по дѣламъ его: кому порка, кому выговоръ; одного штрафуютъ деньгами, другаго склоняютъ къ примиренію. Особенно сильно преслѣдуется и наказывается воровство. Во время моего пребыванія на одномъ изъ такихъ многолюдныхъ собраній, ко мнѣ явился инородецъ съ разсѣченной топоромъ ногой и просилъ ему помочь. Все, что я могъ ему сдѣлать—наложить на рану пластырь и посовѣтовать держать ее въ чистотѣ. Черезъ нѣсколько часовъ отъ отэга летятъ къ мѣсту моей стоянки гонцы во весь карьеръ, одинъ за другимъ, и тревожно сообщаютъ, что отъ моего лекарства больной вдругъ началъ кричать и бѣсноваться, кататься по землѣ, словно умираетъ. Народъ перепугался, больнаго выкупали въ рѣкѣ, сбросили пластырь,— не помогаетъ; тогда всѣ шаманы, сколько ихъ тамъ было, начали поочереди камлать надъ нимъ до поздняго вечера, пока больной не успокоился. На другой день обнаружилась простая разгадка дѣйствія моего пластыря. Этотъ инородецъ прошлой осенью укралъ мѣшокъ съ кедровыми шишками у другаго, и тотъ на него принесъ теперь жалобу. Предстояла порка, избавиться отъ которой подвернулся случай, благодаря ядовитому лекарству, данному біемъ и свалившему съ ногъ человѣка. Но притворство, однако, обнаружилось и только усугубило экзекуцію, которой не миновалъ бѣдняга. Слѣдующій фактъ доказываетъ, до какой степени невыгодно проворовваться инородцу. Одинъ инородецъ объявилъ, что у него потерялась трубка (стоимостью... ну, копѣекъ въ 50), и описалъ въ подробностяхъ всѣ ея примѣты. Поискали, поискали трубку— не нашли, да и трудно бы, кажется, найти вещь, которая есть у каждаго и похожа на другія. Прошло полгода. Одному инородцу, слышавшему объ этой потерѣ, довелось быть у другаго, верстъ за 80 отъ своего дома, и у того онъ вдругъ увидѣлъ трубку съ описанными примѣтами, но ничего не сказалъ, ни о чемъ не спрашивалъ. По пріѣздѣ домой, онъ заявилъ башлыку, что трубку такую-то видѣлъ вотъ тамъ-то. Башлыкъ, въ виду всей важности такого дѣла, немедленно посылаетъ въ указанное мѣсто *двухъ* (одинъ, пожалуй, еще

скроетъ) нарочныхъ произвести дознаніе. Тѣ пріѣхали, узнали, что трубка куплена отъ такого-то, и возвратились къ башлыку съ докладомъ. Тогда башлыкъ вызываетъ виноватаго и чинитъ допросъ; виноватому дѣваться некуда, и въ виду несомнѣнныхъ улицъ — онъ сознался. Тотчасъ башлыкъ командируетъ опять двухъ человѣкъ привезти трубку. По рѣшенію схода, за трубку уплачиваютъ нѣсколько рублей и привозятъ ее къ башлыку; потерявшему ее возвратили опять съ нарочнымъ и присудили еще выдать 3 рубля за то, что онъ *лишенъ былъ удовольствія курить изъ своей трубки.* Всѣмъ гонцамъ, исполнявшимъ порученія по отысканію трубки, за хлопоты заплатили очень щедро, и, въ концѣ концовъ, всѣ расходы взыскали съ вора, какъ штрафъ по рѣшенію схода. Трубка обошлась, ни много ни мало, въ 15 рублей.

Всѣ дѣла кончены. Праздникъ заключается торжествомъ. Картина быстро мѣняется. На полянѣ, гдѣ разбросаны группы людей, устанавливаются въ разныхъ мѣстахъ чугунные котлы. Купленная на общественный счетъ лошадь или корова закалывается и поступаетъ въ распоряженіе десятка поваровъ. Отэгъ опустѣлъ. Зато лугъ необыкновенно оживился. На немъ закипѣла дѣятельность; смѣшанные голоса и хохотъ людей раздавались громче и громче, сливаясь въ одинъ общій гулъ; запылали костры; скоро изъ котловъ густыми клубами повалилъ паръ; задымились на берегу рѣки одинъ-другой винокуренные заводы для добычи араки изъ ячменя, привезеннаго на этотъ случай многими. Вонъ, тамъ, около березы, собралась толпа народу и ведетъ о чемъ-то оживленный разговоръ, который начинаетъ привлекать и другихъ. Въ серединѣ толпы стоятъ два коня, одинъ гнѣдой рослый меринъ, другая — сѣрая кобыла, маленькая, красивая; первый принадлежитъ инородцу поколѣнія Чалка́нъ, вторая — Шору. Каждый хвалитъ свою лошадь и ручается за ея превосходство; кто правъ — рѣшитъ бѣгъ, это любимое зрѣлище инородцевъ. Въ бѣгѣ всѣ принимали самое горячее участіе, потому что въ побѣдѣ той или другой стороны заключались честь и достоинство всего поколѣнія: не скажутъ, напримѣръ, что впередъ прибѣжала лошадь Кака́ или Чича̀, а скажутъ, что верхъ взялъ Шоръ или Чалканъ. Сейчасъ-же устроилось пари, и въ шапки того и другаго изъ состязавшихся полетѣли съ разныхъ сторонъ мѣдяки и рублевки, смотря по тому, кто за кого закладывалъ пари. Назначивъ разстояніе верстъ около трехъ, условились въ разныхъ подробностяхъ и, пріискавъ лучшихъ наѣздниковъ, стали ждать, пока отправившаяся толпа пѣшаго и коннаго народа не размѣстится въ разныхъ мѣстахъ бѣга, для наблюденія за его правильностью. Наконецъ, поданъ сигналъ. Отправились. Гнѣдой меринъ сильно бросалъ ногами и началъ горячиться; сѣрая кобыла, красиво перебирая ногами, пошла ровною рысью и скоро начала сильно нажимать на своего противника; кобыла все прибавляла ходу и стрѣлой понеслась къ намѣченному мѣсту, а жеребецъ разгорячился, заскакалъ и сбросилъ сѣдока. Люди, размѣстившіеся на верхушкахъ деревьевъ, наблюдали съ напряженнымъ вниманіемъ за исходомъ состязанія и, увидѣвъ, наконецъ, паденіе одного изъ наѣздниковъ, закричали «шор, шор» (обогналъ). Эти слова, словно эхо, повторялись въ разныхъ мѣстахъ и вызывали у однихъ огорченіе, у другихъ — радость. Кобыла Шора одержала верхъ, и деньги, положенныя въ шапкѣ Чалкана, были возвращены закладчикамъ. Мясо въ котлахъ сварилось. Всѣ стали собираться группами около пылавшихъ костровъ и доставать куски мяса. Любопытную картину представляло поле, на которомъ сотня людей, размѣстившихся между дымящими котлами, справляли ежегодное пиршество. Привезенная арака и перегнанная на мѣстѣ лилась всюду и въ такомъ изобиліи, что къ вечеру не было человѣка, способнаго лыко вязать. Праздникъ кончался. Одни разсыпались по сосѣднимъ улусамъ попировать у знакомыхъ и пріятелей, другіе стали разъѣзжаться и, по дорогѣ къ своимъ юртамъ приворачивали къ друзьямъ переночевать и попить араки, третьи остались на мѣстѣ до утра, подъ покровомъ тихой и теплой, благоухающей ночи. И долго еще раздавались здѣсь дикіе крики пѣсенъ, долго носились въ воздухѣ несвязныя рѣчи и хохотъ, пока, наконецъ, тяжелый сонъ не сковалъ ослабѣвшіе члены пировавшихъ родичей. Ясный мѣсяцъ тихо плылъ по темно-синему небу и обливалъ

своимъ кроткимъ, волшебнымъ свѣтомъ прекрасный лугъ, отэгъ среди него и эту группу людей, въ безпорядкѣ разбросанныхъ межъ потухавшихъ костровъ и уснувшихъ мертвымъ сномъ. Замерла здѣсь жизнь, кипѣвшая ключемъ недавно, смолкли лѣсъ и поле съ опустѣвшимъ отэгомъ, и только рѣка шумѣла въ порогахъ, качая въ волнахъ дискъ луны.

Черневые Татары такіе же идолопоклонники-шаманисты, какъ и Алтайцы. Распространяться объ ихъ языческомъ культѣ — значило бы повторять то, что было сказано уже въ предыдущемъ очеркѣ.

Сотни лѣтъ сидѣлъ дикій, невѣжественный инородецъ въ своихъ дремучихъ лѣсахъ, ничего не зная о томъ, что творится за предѣлами его тайги, какъ внезапно хлынувшая волна

Идолы.

русскаго населенія, подъ знаменемъ культуры и цивилизаціи, надвинулась и окружила его со всѣхъ сторонъ, застала его врасплохъ, т. е. такимъ-же грубымъ, дикимъ и неразвитымъ, какимъ онъ былъ въ незапамятныя времена. Какъ звѣрь, гонимый лѣснымъ пожаромъ, дикарь-инородецъ не выдержалъ крѣпкаго натиска волны, готовой его поглотить, и побѣжалъ подъ защиту непроходимой, дѣвственной тайги. Но волна надвигается, она безжалостнѣе все захлестываетъ, поглощаетъ и сноситъ передъ собой, и не устоять противъ нея, въ концѣ концовъ, бѣдному, безпомощному и беззащитному дикарю. Нѣтъ ему пощады, негдѣ искать защиты. Русскій человѣкъ рѣшилъ его участь; онъ займетъ насиженное мѣсто, заставитъ инородца позабыть родной языкъ и вѣру, внесетъ свои порядки и скажетъ дикарю: «умри на мѣстѣ, или я поглощу тебя». И дикарь покорно умираетъ или исчезаетъ, растворяясь въ наступающей волнѣ...

Тамъ, гдѣ бьетъ эта волна постоянно, гдѣ Русскій живетъ рядомъ съ инородцемъ, послѣдній преобразился. Онъ оставилъ свои старые обычаи, разучился говорить и думать по своему, завелъ русскую обстановку въ своемъ жильѣ и научился жить «*съ разсчетомъ, про себя*», нимало не думая о своихъ сородичахъ. Онъ сталъ пронырливъ и плутоватъ; не пьетъ араку, предпочитая ей водку или спиртъ, и напивается до того, что теряетъ свое человѣческое достоинство; пьетъ часто безъ просыпу, запоемъ; бьетъ жену и дѣтей, несетъ въ кабакъ послѣднее; ведетъ распутную жизнь, совершаетъ преступленія. Сосѣдъ Русскій, обирая его всѣми способами, научилъ инородца этому искусству, и тотъ едвали не превзошелъ своего учителя. Теперь онъ забылъ объ интересахъ, общихъ его роду, и знаетъ только свой интересъ, свое богатство, основанное на обираніи своихъ собратовъ, которые, живя въ глухой тайгѣ, еще не постигли этой мудрости. Сбывать въ тайгу низкопробную водку, задавать впередъ товаръ подъ орѣхи, пушнину, медъ и воскъ и скупать ихъ за безцѣнокъ или брать двойныя неустойки,

промышлять хищническимъ золотомъ — сдѣлалось любимою его профессіей. Онъ такъ сдружился съ Русскимъ, что составляетъ съ нимъ компанію, союзъ для обиранія сородичей, служитъ ему переводчикомъ, помощникомъ и самымъ надежнымъ посредникомъ, знающимъ обычаи страны. Въ крещеніи онъ нашелъ средство избѣжать кары за преступленіе,—онъ крестится, когда это выгодно ему. Но, къ счастію, еще немного пока такихъ инородцевъ-кулаковъ. Громадное большинство, почти все инородческое населеніе, подобно мухѣ, загнано въ тенета русскимъ паукомъ-кулакомъ и медленно высасывается имъ. Въ своей родной глуши инородецъ не усвоилъ себѣ пріемовъ хищничества, онъ свято чтитъ завѣтъ старины и остается членомъ общины, рода. Здѣсь народъ мягче, честнѣе, добродушнѣе, устойчивѣе въ своихъ понятіяхъ; здѣсь нравы чище, семейныя связи прочнѣе. Но нѣтъ силъ и средствъ противостоять нашествію Русскаго, — нѣтъ силъ для борьбы съ нимъ — сильнымъ и ловкимъ. Инородцы жмутся все тѣснѣе одинъ къ другому, они чуютъ бѣду неминучую, открыто говорятъ о близкомъ концѣ, если натискъ волны съ той же силой будетъ подмывать и разрушать почву, на которой находится ихъ родное гнѣздо... Всякій Русскій, забравшійся въ тайгу, есть врагъ ихъ. Зачѣмъ онъ забрался, что ему нужно? — Только обобрать, и больше ни за чѣмъ. Это такъ ясно и просто, что инородецъ, не смотря на все свое невѣжество и пассивность, понялъ это, почувствовалъ всѣмъ сердцемъ, и не знаетъ, что ему дѣлать...

Командированный въ тайгу фельдшеръ для вскрытія, оспенникъ, навязанный инородцу писарь, — и тѣ стараются изобразить собою грозную власть. Происходя изъ какихъ-нибудь «непомнящихъ родства» поселенцевъ, они стараются обобрать несчастнаго дикаря и поиздѣваться надъ нимъ. И дикари все болѣе и болѣе жмутся другъ къ другу и боятся выползать изъ черни, — боятся показаться въ свой ближайшій городъ, гдѣ ожидаетъ ихъ сонмъ «страшныхъ біевъ» (чиновниковъ). Ежегодно сдавая въ казначейство ясакъ, они просятъ ѣхать въ городъ бывалаго человѣка, по большей части Русскаго, снаряжаютъ по нѣскольку человѣкъ для этой цѣли, платятъ имъ большія деньги, кормятъ и поятъ ихъ, всячески заискиваютъ передъ ними, — только отвези ясакъ, исполни порученіе, труднѣе котораго инородцы и представить себѣ ничего не могутъ. И правда, сдать ясакъ — дѣло трудное. Надо знать лазейки, чтобъ сдать шкурки соболя рублемъ дороже, чѣмъ онѣ оцѣнены, надо нѣсколько дней жить въ городѣ и топтаться по присутственнымъ мѣстамъ, дѣлать подарки и приношенія, чтобъ отпустили скорѣе домой, не держали бы понапрасну. И радъ-радехонекъ инородецъ, получивъ квитанцію въ пріемѣ ясака, — радъ, что ему удалось сдать по 7 рублей тѣхъ соболей, за которыхъ родовичи платили по 18 руб. И онъ опрометью бѣжитъ въ свою чернь. А что ему стоитъ прожить въ городѣ? Здѣсь его считаютъ за нехристя и собаку, гнушаются имъ и не пускаютъ его на квартиру. Находится, однако, другъ-благодѣтель, какой-нибудь мѣщанинъ, и пускаетъ его къ себѣ за баснословную цѣну, поитъ его чаемъ и водкой, угощаетъ табакомъ и получаетъ за все это буквально сторицею. Бываетъ и такъ, что одурманеннаго водкой инородца оберутъ какъ липку и выбросятъ на улицу, съ которой полиція перенесетъ его въ новое мытарство. Вотъ почему изъ глуши никто не ѣдетъ въ городъ. Вотъ куда уходитъ ясакъ, вдвойнѣ собираемый съ населенія противъ требуемаго казной.

Къ бумагамъ, присылаемымъ въ тайгу, инородецъ относится съ тѣмъ же страхомъ и, получая ихъ, бережно заворачиваетъ въ бересту, перевязываетъ лыкомъ и кладетъ куда-нибудь на сохраненіе. Такъ онѣ и лежатъ десятки лѣтъ нечитанныя, такъ онѣ цѣлыми связками и передаются отъ одного выборнаго другому. Въ послѣднее время у инородцевъ явилось еще новое пугало въ лицѣ «объѣздчика», наблюдающаго, чтобъ никто не выкуривалъ араки. Трудно вообразить, не бывъ очевидцемъ, что продѣлываютъ въ тайгѣ эти «блюстители казеннаго интереса». Грубый, жестокій и не болѣе развитой, чѣмъ инородецъ, «объѣздчикъ», заѣхавъ въ тайгу съ помощниками, вдребезги разбиваетъ чугунные котлы и кувшины, бьетъ нагайкой праваго и виноватаго, истребляетъ послѣдніе запасы инородца, беретъ взятки, палитъ изъ ре-

вольвера въ стѣны юрты, требуя выдачи виновныхъ и указаній, гдѣ еще занимаются винокуреніемъ. Инородецъ все терпитъ, но отказаться отъ такого удовольствія не можетъ и только удвоиваетъ свою осторожность; араку курятъ въ каждой юртѣ безъ исключенія и всегда будутъ курить, хотя бы за это объѣздчики обобрали ихъ до нитки.

Золотопромышленники и русскіе мужики, выходящіе изъ крестьянскаго сословія въ мѣщанское и купеческое, еще болѣе опасны для инородцевъ: они въ корнѣ подтачиваютъ и расхищаютъ благосостояніе инородца. Золотопромышленникъ, забравшись въ самую глушь тайги, считаетъ себя полнымъ и единственнымъ хозяиномъ здѣсь. Онъ вноситъ съ собой въ инородческую среду страшную деморализацію: онъ вноситъ пьянство, развратъ, воровство и буйство; онъ укрѣпляетъ въ дикарѣ надежду легкой наживы, ничего не дѣлая, только перекупая хищническое золото и т. д.; съ другой стороны, онъ угнетаетъ мѣстное населеніе, выгоняетъ его изъ разработанныхъ имъ мѣстъ, отбирая у него покосы и угодья, травитъ своимъ скотомъ сѣно и хлѣбъ. Какую бы неправду ни творилъ золотопромышленникъ, инородецъ не найдетъ противъ него защиты и потому бросаетъ свои пепелища и уходитъ дальше и дальше въ дикую глубь тайги, въ горы и лѣса, въ недоступныя другимъ трущобы. Русскій крестьянинъ, внезапно поселившійся въ инородческомъ улусѣ, сразу вызываетъ къ себѣ ненависть инородцевъ, да и есть за что. Заплативъ ничтожную арендную плату (въ нѣсколько копѣекъ съ десятины) въ горное управленіе, т. е., другими словами, покупая право жить въ какомъ-либо облюбованномъ мѣстѣ тайги, крестьянинъ сразу и широко раскидываетъ свои тенета. Онъ захватываетъ лучшіе участки земли и выкашиваетъ сотни и тысячи копенъ сѣна для продажи, заводитъ большую пасѣку, которая давитъ мелкія инородческія; рубитъ лѣсъ для сплава, провозитъ водку, спаиваетъ падкихъ до нея дикарей, и, въ довершеніе всего, занимаясь орѣховымъ промысломъ, рубитъ кедры, вмѣсто того, чтобъ сбивать шишки. Есть мѣста, гдѣ уже отъ кедровыхъ лѣсовъ не осталось ни дерева, и, такимъ образомъ, здѣсь у инородца отнятъ навсегда одинъ изъ самыхъ существенныхъ промысловъ, — *навсегда,* потому что тайга раздѣлена на участки, принадлежащіе тому или другому роду. Высасывая соки изъ инородцевъ, этотъ паукъ грозитъ имъ, чтобъ они убирались отъ него подальше, и всегда успѣваетъ выжить ихъ. Эти крестьяне забираютъ нерѣдко страшную власть надъ инородцами, захватываютъ участки земли въ нѣсколько верстъ, наряжаютъ цѣлыя артели изъ десятка людей рубить кормильца-кедръ; кабалятъ населеніе работами, не говоря о массѣ разныхъ ежедневныхъ, ежечасныхъ притѣсненій и обидъ. Кромѣ общеизвѣстныхъ способовъ упроченія здѣсь этихъ пауковъ, съ большимъ успѣхомъ практикуется *церквостроительство*, подъ видомъ просвѣщеннаго содѣйствія великому дѣлу распространенія христіанской религіи въ средѣ язычниковъ. Ничего, что построенная паукомъ церковь пуста и заколочена, ничего, что изрѣдка полуграмотный родственникъ паука, въ качествѣ дьячка, читаетъ въ пустомъ храмѣ стихиры, — пожертвованіе зачтено въ великую заслугу, а пребываніе жертводателя въ данномъ мѣстѣ признается благодѣтельнымъ.

При такомъ порядкѣ вещей, невозможно разсчитывать на доброе, дружественное и сочувственное къ намъ отношеніе инородцевъ. Въ самомъ дѣлѣ, какое чувство можетъ внушить инородцу пьяный, невѣжественный дьячекъ, который, заслышавъ звуки бубна, врывается въ юрту съ грубой бранью, вырываетъ священный въ глазахъ инородца инструментъ изъ рукъ шамана и растаптываетъ его ногами? Такимъ путемъ невозможно внушить инородцу расположенія къ великой и просвѣтительной христіанской религіи. Какъ будетъ относиться дикарь къ русскому человѣку, который пришелъ и срубилъ жертвенную березу, увѣшанную ленточками и перьями и пережившую нѣсколько поколѣній, платившихъ ей свою дань? Куда ему дѣваться отъ русскаго человѣка, который, случайно завернувъ къ нему въ юрту и замѣтивъ тамъ приготовленную жертву, пинкомъ ноги опрокидываетъ жертвенный сосудъ и съ грубой бранью и издѣвательствомъ выливаетъ содержимое на полъ? Незавидную репутацію составилъ себѣ русскій че-

ловѣкъ въ глазахъ дикаря. Кромѣ страха и ненависти, онъ не съумѣлъ внушить дикарямъ никакого другаго чувства. Разореніе и издѣвательство внесъ онъ вмѣсто цивилизаціи. Онъ заставилъ инородца прятать скопленныя деньги и имущество въ глухой тайгѣ, зарывать ихъ въ землю вдали отъ своего и всякаго другаго жилья.

Дикарь растерялся, — не знаетъ, что предпринять, и не видитъ выхода къ лучшему. Но въ то же время, онъ понимаетъ и сознаетъ, что насаждаемая здѣсь подонками русскаго населенія «культура» — далеко *не* «лучше» того, чему инородецъ вѣритъ и покланяется... Между тѣмъ «лучшее», въ истинномъ смыслѣ, онъ не прочь бы воспринять, и непремѣнно воспринялъ бы съ огромною пользой и для себя, и для государства!...

А. Адріановъ.

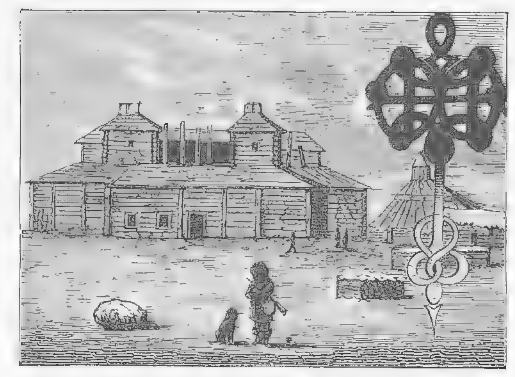

II. — Ближняя тайга.

Золотопромышленость. — Исторія золотопромышлености въ Томской губерніи. — Развитіе и значеніе Томска въ ряду другихъ городовъ Западной Сибири. — Маріинскъ, Каинскъ и Нарымъ.

Веселый говоръ, крикъ торговли,
Пискъ дудокъ, пѣсни мужиковъ
И ранній звонъ колоколовъ —
Все въ гулъ слилось...

НИКИТИНЪ.

Стекольный заводъ въ Томской губерніи.

Фортуна, совершенно неожиданно, поблагопріятствовала сибирской лѣсной глуши, именуемой тайгою. Эта фортуна — золотые пріиски, предъ которыми разомъ разступилась глушь и выросли цѣлые города. Тайга, лежащая къ востоку отъ Томска, называется *Ближней* въ отличіе отъ *Дальней* — «Енисейской». Она состоитъ изъ плоскихъ отроговъ, покрытыхъ густымъ хвойнымъ лѣсомъ; ее окружаетъ равнина, образующая кайму изъ открытыхъ площадей, на которыхъ разсѣяны рощи лиственаго лѣса, но такъ, что онѣ не закрываютъ дали и не дѣлаютъ изъ дороги темницы, какъ внутри тайги. Ельникъ засѣлъ здѣсь только въ логахъ, а березы покрываютъ возвышенности, но не сплошными лѣсами, а отдѣльными рощицами или иногда вразсыпную. На этой-то каймѣ открытыхъ мѣстъ и сидятъ деревни, но въ глубь тайги не идутъ. Тайга была бы настоящей пустыней, если бы въ ней не были разсѣяны золотые пріиски, иногда кучками, недалеко одинъ отъ другаго, иногда одинокими заведеніями. Просѣки въ лѣсу, въ нѣсколько саженъ шириною, ведутъ отъ населенной окраины тайги въ ея безплодную глубь, къ одиноко стоящимъ пріискамъ. По сторонамъ дороги — двѣ непрерывныя стѣны изъ хвойнаго лѣса, частаго какъ камышъ; стволы деревьевъ вѣтвятся только на вершинахъ, внизу же, въ заглушающей тѣснотѣ, они представляютъ прямыя, гладкія и тонкія колонны. Эта дорога не имѣетъ никакого сходства съ настоящими дорогами; пни отъ срубленныхъ деревьевъ торчатъ посрединѣ ея, срубленные стволы лежатъ тутъ же, только отодвинуты къ бокамъ просѣки; узкая щель, въ которую солнце освѣщаетъ просѣку, мала, чтобы солнце могло высушить дорогу въ теченіе короткаго лѣта, а между тѣмъ окрестный лѣсъ безпрестанно заливаетъ дорогу водой изъ своихъ многочисленныхъ «мочаговъ». Оттого на дорогѣ грязь по колѣно въ теченіе всего лѣта; колесныхъ колей нѣтъ, потому что въ телегахъ по такой дорогѣ не ѣздятъ. Дорога состоитъ изъ кочекъ и ямъ съ водой; по такой дорогѣ ѣздятъ или верхомъ, или въ особомъ экипажѣ, извѣстномъ подъ именемъ волокуши. Чтобы сдѣлать по ней тридцать верстъ, нужно промаяться не менѣе десяти часовъ. Волокушами называется самый патріархальный экипажъ. Двѣ длинныя жерди соединены посрединѣ перекладинами; въ передніе концы запрягается лошадь, а задніе волокутся по землѣ. Кучеръ сидитъ верхомъ на лошади. На волокушахъ возятъ незначительный грузъ, привязывая его къ перекладинамъ. Для людей, къ перекладинамъ придѣлываютъ бесѣдку. Впрочемъ, на нихъ возятъ только больныхъ, да развѣ усядется старушка, ѣдущая въ гости въ тайгу и не рѣшающаяся сѣсть верхомъ. Все таежное населеніе ѣздитъ верхомъ, какъ мужчины, такъ и женщины; послѣднія садятся на мужскія сѣдла, какъ ѣздили дамы въ Европѣ до англійской королевы Елиса-

веты. При этомъ тайжанки надѣваютъ особый костюмъ — широкіе шаровары, запущенные внизу въ сапоги, а вверху схваченные шнуромъ.

Укачанный верховой ѣздой, утомленный однообразіемъ сѣлового частокола и забрызганный по колѣна грязью, путникъ съ радостью начинаетъ прислушиваться къ шуму промывальной машины, который чуется гдѣ-то внутри трущобы. Наконецъ, онъ выѣзжаетъ изъ лѣса на открытую площадь, на которой разбитъ пріискъ. Жилое мѣсто на пріискѣ состоитъ изъ небольшой кучи зданій, гдѣ изъ ряда другихъ выдается, обыкновенно, домъ самого золотопромышленника или, если онъ самъ не живетъ на пріискѣ, то управляющаго. Рядомъ съ нимъ стоитъ нѣсколько домовъ, въ которыхъ размѣщаются такъ называемые «служаки», т. е. приказщики, еще домъ, занятый конторою, и рядъ магазиновъ для склада товаровъ, орудій и съѣстныхъ припасовъ. Всѣ эти зданія образуютъ ядро селенія. Затѣмъ, въ сторонѣ отъ этого центра, размѣщаются такъ-называемыя «казармы» для рабочихъ. Это большія крестьянскія избы, построенныя, обыкновенно, самими же рабочими. Картина довершается помѣщающейся на днѣ долины промывальной машиной. Въ «казармахъ» живутъ только холостые; женатые строятъ себѣ отдѣльныя избушки. Изрѣдка замѣтны около нихъ крошечные огороды, но дворовъ нѣтъ, избы стоятъ одиноко, и кругомъ селенія не тянется, какъ у деревень, «путаница» изъ тыновъ и заборовъ; вообще, селеніе походитъ скорѣй на этапъ, чѣмъ на деревню.

Переправа черезъ Обь.

Рабочій классъ на пріискѣ, въ большинствѣ, состоитъ изъ ссыльныхъ. Особенно много ихъ было между рабочими въ прежнее время. Это наложило особую печать на характеръ управленія пріисками. Управляющій, имѣвшій дѣло съ нравственно-испорченной массой, считалъ себя вправѣ держаться въ управленіи правилъ тюремнаго устава. Золотопромышленность пришла на помощь государству именно въ то время, когда ссылка начала создавать сильныя затрудненія для мѣстной администраціи. Въ лицѣ енисейскаго губернатора Степанова, сибирская администрація начала уже высказываться печатно о неудобствахъ отъ переполненія края «бездомовными», испорченными и праздными людьми, которые начали въ краѣ производить грабежи и убійства и составлять разбойничьи шайки. Явилась золотопромышленность — и почти весь ссыльный элементъ ушелъ въ распахнутыя ею двери. Золотопромышленникъ принялъ на себя обязанность тюремщика и сдѣлалъ значительную экономію для государства. Разумѣется, вмѣстѣ съ тѣмъ пріисковая жизнь вышла похожею на тюремную. Была заведена строгая дисциплина и отъ массы требовалось не только исполненіе работъ, но и отдаваніе извѣстныхъ знаковъ почтенія пріисковому начальству. Непослушныхъ ждали разныя наказанія, выдумывали для нихъ какую-нибудь Сизифову работу, напримѣръ, заставляли молотомъ разбивать огромную гранитную глыбу, или садили въ «казачью», т. е. въ землянку, въ которой также хранили трупы скоропостижно умершихъ, убитыхъ обвалившеюся въ «разрѣзѣ землей», или зарѣзанныхъ своимъ братомъ — рабочимъ. Случалось, что провинившемуся приходилось провести сутокъ двое–трое въ сосѣдствѣ съ разлагающимся трупомъ покойника. Рабочимъ, заподозрѣннымъ въ намѣреніи бѣжать, администрація пріиска брила головы.

Розсыпнымъ въ отличіе отъ руднаго называется такое золото, которое залегаетъ въ видѣ крупинокъ и кругловатыхъ зеренъ въ намывномъ слоѣ, лежащемъ на днѣ рѣчныхъ долинъ. Если начать рыть глубокій колодецъ или, выражаясь по пріисковому, шурфъ въ какой-нибудь изъ таежныхъ долинъ, то обнаружатся слѣдующіе слои: сверху будетъ пройденъ нетолстый слой черной земли («растительный слой»); подъ нимъ придется долго работать въ слоѣ глины, который на пріисковомъ языкѣ называется «торфомъ»; въ нижней части «торфа» глина будетъ смѣшана съ галькой, — знакъ, что близокъ пластъ, содержащій золото; еще ниже лежитъ слой, состоящій изъ крупныхъ и мелкихъ галекъ, смѣшанныхъ съ дресвой, пескомъ и глиной, — это и есть золотоносный пластъ; наконецъ, заступъ упрется въ плотный камень, такъ называемый «плотикъ». Чтобъ понять внутреннее строеніе розсыпи, нужно представить себѣ этотъ «плотикъ» или коренную породу въ видѣ плоскаго корыта; какъ дно, такъ и приподнимающіеся бока этого корыта покрыты толстымъ, иногда до 11 аршинъ, слоемъ «торфа»; между «торфомъ» и «плотикомъ» вставленъ золотоносный слой, который въ срединѣ толще, а на бокахъ выклинивается, слѣдовательно, лежитъ только въ срединѣ долины, по которой сверху извивается горная рѣчка. Все это замаскировано лѣсомъ, болотомъ и высокой травой на крутыхъ скатахъ. Первое дѣло золотоискателя, узнавшаго, посредствомъ шурфовъ, что золото есть въ долинѣ, срубить лѣсъ, потомъ снять «торфъ»; тогда образуются въ почвѣ, въ нѣсколько саженъ глубиною, квадратныя ямы съ отвѣсными стѣнами; эти ямы называются «разрѣзами». Дномъ «разрѣза» служитъ верхняя плоскость золотосодержащаго пласта. Когда она совершенно оголена, пластъ начинаютъ вынимать; его выкалываютъ кайлами; эта работа называется «забоемъ». Собственно, этимъ именемъ называется пара людей, изъ которыхъ одинъ роетъ пластъ и накладываетъ въ тачку, а другой отвозитъ «песокъ» на промывальную машину.

Существенную часть машины составляетъ чугунный пустой цилиндръ, «бочка», какъ зовутъ пріискатели, которая укрѣплена подъ квадратной платформой или полатями, лежащими на четырехъ высокихъ столбахъ. Бочка вращается на горизонтальной оси подъ самой платформой, въ движеніе она приводится водой, для чего иногда забираютъ всю рѣчку, текущую по долинѣ, въ деревянный жолобъ и направляютъ къ машинѣ, раздѣляя ее на двѣ струи — одна падаетъ на лопатки колеса, которое своимъ вращеніемъ вертитъ и бочку, другая струя обливаетъ бочку сверху. На деревянной платформѣ дѣлается небольшое отверстіе; рабочій вкатываетъ свою тачку съ «пескомъ» на платформу и опрокидываетъ ее надъ отверстіемъ, которое, посредствомъ деревянной трубы, соединяется съ однимъ изъ концовъ цилиндра. Песокъ падаетъ въ трубу и по ней скатывается въ цилиндръ или бочку, которая въ стѣнахъ имѣетъ множество дыръ. Пока песокъ и гальки прыгаютъ въ вертящейся бочкѣ, ихъ обливаютъ сверху водяными струями, которыя падаютъ сквозь верхнія дыры и уходятъ сквозь нижнія, унося съ собою песокъ; всѣ же крупныя гальки, которыя не могутъ проскользнуть въ дыры, продолжаютъ подбрасываться въ бочкѣ до тѣхъ поръ, пока не приблизятся къ другому концу ея, оставленному полымъ. Здѣсь онѣ вылетаютъ изъ бочки и падаютъ на землю. Увлеченный изъ бочки песокъ, а вмѣстѣ съ нимъ и крупинки золота, какъ самая тяжелая составная часть, попадаютъ на наклонный деревянный помостъ съ поперечными перегородками. Мутная волна съ шумомъ катится черезъ перегородки, образуя каскады. Что̀ покрупнѣе и потяжелѣе, въ томъ числѣ и золото, остается выше, что не успѣло осѣсть за верхними перегородками, осѣдаетъ у нижнихъ, такъ что черезъ самую нижнюю перегородку переливается волна съ одной мутью.

Раза два въ день производятъ окончательное отдѣленіе золота отъ мусора. Прекращаютъ подвозъ песку и останавливаютъ бочку. Чтобы еще болѣе удалить лишній соръ, песокъ, улегшійся за перегородками, мѣшаютъ лопатками и еще болѣе мутятъ воду. Когда вода побѣжитъ свѣтлая, теченіе ея останавливаютъ, выгребаютъ песокъ въ ящики и относятъ на особую деревянную площадку, «вашгердъ», гдѣ особый рабочій-«промывальщикъ» моетъ его подъ

небольшой струей воды, переворачивая «гребкомъ» или лопаткой до тѣхъ поръ, пока вода не унесетъ весь мусоръ. Эта послѣдняя промывка производится въ присутствіи прикащика и часоваго казака. Сначала отъ промыванія на вашгердѣ замѣтно только, что куча насыпаннаго сору убываетъ; но вотъ блеснула одна крупинка, другая, съ возрастающей быстротой онѣ умножаются, пока не зардѣетъ цѣлая горсть чистаго золота. Еще нѣсколько времени отмучиваютъ золото посредствомъ щетки отъ магнитнаго желѣзняка, нелегко разстающагося съ нимъ; потомъ ссыпаютъ золото въ банку, и прикащикъ несетъ его подъ конвоемъ казака къ золотопромышленнику. Чтобы намыть такую горсть въ полъ-золотника вѣсомъ, среднимъ числомъ приходится промыть около ста пудовъ песку. Въ годъ въ «Ближней тайгѣ» нынѣ вымывается около 150 пудовъ золота; слѣдовательно, промывается болѣе ста милліоновъ пудовъ песка. Легко себѣ представить, какое измѣненіе въ земной поверхности производитъ здѣсь человѣческая дѣятельность. Долину нельзя узнать послѣ ея разработки въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Гдѣ были возвышенія, тамъ теперь ямы; гдѣ были углубленія — возникли «отвалы», т. е. кучи торфа и промытаго мусора, которые въ тачкахъ отвозятся въ сторону и сваливаются; гдѣ было сухо, тамъ стоятъ четыреугольныя озера, образовавшіяся изъ разрѣзовъ; напротивъ, гдѣ рѣка текла, тамъ стало сухо. Гдѣ она текла прежде, — и не найдешь: воду отвели, подняли въ жолоба, а дно рѣки вынули, отвезли на машину и промыли.

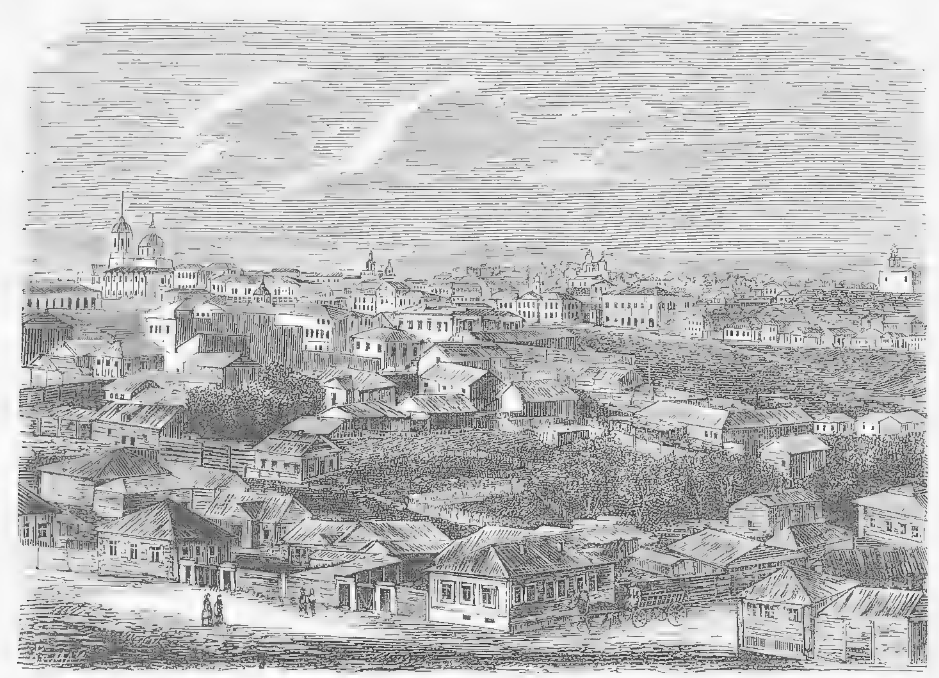
Наемъ рабочихъ на пріиски производится тотчасъ послѣ разсчета и даже во время разсчета между тѣми же самыми людьми, которые уже работали на пріискѣ въ продолженіе предыдущаго рабочаго семестра. Получивъ задатки и снова отдавъ свои паспорта въ пріисковую контору, рабочіе уходятъ отдохнуть на недѣлю, на двѣ въ деревни, лежащія у окраины тайги, и многіе возвращаются оттуда почти голыми и съ долгами на шеѣ. Для «выгона» ихъ (мѣстный терминъ) высылаются изъ пріиска служащіе, которые выкупаютъ ихъ и отправляютъ на пріискъ. Послѣ этой предварительной наемки бываетъ другая, главная. Для этого сами хозяева, а если они не живутъ на пріискѣ, такъ ихъ управляющіе, выѣзжаютъ въ извѣстныя сборныя мѣста. Самыя важныя изъ нихъ — деревни Банкова и Тисуль. Сюда сходятся какъ разсчитавшіеся со своими хозяевами и вышедшіе изъ тайги рабочіе, такъ и люди, впервые идущіе въ тайгу. Тѣ золотопромышленники, которые нанимаютъ по нѣсколько сотъ рабочихъ, разсылаютъ своихъ довѣренныхъ по Западной Сибири набирать ихъ. При наймѣ даютъ, обыкновенно, задатки, величина которыхъ достигаетъ трети, а иногда и половины всей той суммы, которую рабочему придется впослѣдствіи получить за все лѣто. Изолированное положеніе пріисковъ, внутри пустынной, малодоступной тайги, служитъ причиною того, что въ тайгѣ нѣтъ другой торговли, кромѣ лавки самого золотопромышленника. Износилась ли обувь и рубаха, — негдѣ ихъ взять, кромѣ пріисковой лавки, такъ какъ посторонніе торговцы сюда не заѣзжаютъ. Принявъ на себя заботу о продовольствіи рабочаго необходимыми вещами, пищей и одеждой, золотопромышленникъ устраиваетъ на пріискѣ складъ товаровъ и выдаетъ ихъ рабочимъ въ счетъ жалованья. Приэтомъ обыкновенно бываютъ злоупотребленія конторы, въ которыхъ нерѣдко участвуетъ и самъ хозяинъ, назначая на товаръ произвольныя цѣны, высокія при начетѣ на работника и низкія при скидкѣ съ него. Если рабочій возьметъ изъ лавки ситцу на рубаху, — одна цѣна; но если тотъ же ситецъ рабочій сдаетъ назадъ и, вмѣсто него, желаетъ взять что-нибудь другое — другая цѣна, вдвое меньше. Такимъ образомъ, рабочій, къ концу года, посредствомъ разныхъ конторскихъ хитросплетеній, нерѣдко не только не получитъ добавки къ задатку, но еще остается въ долгу у золотопромышленника. Эти-то порядки и принуждаютъ рабочаго стараться забрать при наймѣ какъ можно больше. Получивъ, значительную часть жалованья впередъ, рабочій не совсѣмъ прилежно работаетъ. Работа тяжелая, а плата не велика: забойщику, при самомъ сильномъ трудѣ, платится 5 руб. въ мѣсяцъ; съемщику торфа — 4 рубля; остальнымъ работникамъ — 3 рубля. Немудрено, что такъ часто бываютъ побѣги съ пріисковъ. Въ тайгѣ учреждена даже особая стража, занимающаяся поимкой рабочихъ и доставленіемъ

ихъ обратно на пріиски. Эта стража состоитъ изъ казаковъ, которые разъѣзжаютъ по берегу Томи и караулятъ бѣглецовъ, выходящихъ изъ тайги на ея открытые берега. Трудность земляныхъ работъ при дурной пищѣ, въ перспективѣ ничтожный заработокъ, урѣзанный злоупотребленіями пріисковой конторы, отдаленность, глушь и изолированность тайги, — все это, взятое вмѣстѣ, ведетъ къ тому, что жизнь въ тайгѣ зачастую нарушается уголовными преступленіями. Бываютъ случаи убійствъ, когда убѣжавшаго съ пріиска рабочаго догонятъ конюхи и между ними завяжется драка; но случаются нерѣдко и убійства, вызываемыя одуряющей тоскою таежной жизни. Отсутствіе женщины на пріискѣ, постоянныя будни, никогда никакихъ праздничныхъ увеселеній; отсутствіе всякой духовной пищи, сознаніе, что на человѣка здѣсь смотрятъ только какъ на рабочую силу, обреченную на ежедневный трудъ; чрезмѣрное напряженіе физическихъ силъ, безъ требуемаго отдыха,— вызываютъ, въ концѣ концовъ, у нѣкоторыхъ тяжелое психическое состояніе — влеченіе къ убійству. Подобные случаи преступленій, совершенныхъ не изъ корыстныхъ видовъ, а, по сознанію самихъ преступниковъ, отъ какой-то гнетущей тоски, — фактъ общеизвѣстный, о которомъ неоднократно сообщалось въ печати.

Золото въ Сибири было открыто въ 1828 году. Открытіе это было сдѣлано именно въ описываемой «Ближней тайгѣ», въ долинѣ р. Бирюкюль, невдалекѣ отъ знаменитой своимъ богатствомъ рѣки Кундустуюлъ. Честь открытія принадлежитъ томскому купцу Ѳедоту Попову. Слухи о существованіи золота въ сибирской почвѣ ходили давно, и несомнѣнно, что инородцы знали мѣста, гдѣ оно залегаетъ. О многихъ пріискахъ существуютъ легенды, въ родѣ того, что первый слитокъ былъ найденъ въ гнѣздѣ глухаря или въ норѣ сурка, бобра и т. п. Вѣроятно, всѣ эти легенды жили въ народѣ еще задолго до 1828 года. Необыкновенная настойчивость, съ которою Ѳедотъ Поповъ производилъ свои поиски, показываетъ, что онъ твердо вѣрилъ въ успѣхъ ихъ. Надо полагать, что онъ видѣлъ въ рукахъ инородцевъ несомнѣнныя доказательства существованія золота, но трудно было найдти въ средѣ ихъ человѣка, который продалъ бы тайну. Попадались люди, которые указывали ему на извѣстныя рѣчки, но все оказывалось обманомъ. Поповъ успѣлъ уже потерять свое состояніе, близокъ былъ къ банкротству; но снова блеснула надежда,—онъ занялъ въ Томскѣ денегъ и еще разъ пустился въ тайгу. Къ счастью его, эта послѣдняя поѣздка не была безплодной; заложили шурфъ, вынули со дна его пробу, промыли и—золото было найдено. Завернувъ его въ бумажный пакетъ, Ѳедотъ Поповъ привѣсилъ его на грудь себѣ и отправился съ этой новостью въ Томскъ, но дорогой чуть было не погибъ, а вмѣстѣ съ нимъ чуть было не погибло и открытіе. Нужно было переѣзжать черезъ какую-то рѣчку, которая уже успѣла замерзнуть, но ледъ былъ тонокъ и подломился подъ экипажемъ; сани и лошади утонули, чуть было не утонулъ и самъ Ѳедотъ Поповъ. Рабочіе вынули его изъ воды мокраго, завернули въ свои шубы, запеленали въ какую-то рогожу и отнесли въ звѣро-промышленную избушку, которая находилась въ нѣсколькихъ верстахъ отъ рѣчки. Здѣсь онъ съ мѣсяцъ пролежалъ въ горячкѣ; только уже по выздоровленіи онъ вернулся въ Томскъ и показалъ свою находку. Это было сигналомъ къ перевороту въ жизни мѣстнаго населенія. Томскъ съ этого времени пересталъ быть деревней, чѣмъ онъ былъ прежде. Теперь Томскъ — самый лучшій и большой городъ въ Сибири послѣ Иркутска; въ немъ насчитывается до 30,000 жителей. Въ Западной Сибири это первый городъ, какъ по величинѣ, такъ и по богатству и торговымъ оборотамъ. Нынѣ Томскъ — одинъ изъ красивѣйшихъ городовъ Сибири; онъ расположенъ террасами. Въ XVII столѣтіи городъ представлялъ селеніе безъ признаковъ промышленности. Въ немъ ничего не выдѣлывалось, кромѣ дурнаго мыла, простой кожи и водки. Матеріалы на одежду привозились изъ Россіи разъ въ годъ. Такъ какъ льна въ Сибири не сѣяли до конца этого столѣтія, то весь холстъ и другія ткани получались изъ Россіи; привозили не только ткани, но и готовое бѣлье. Даже поношенныя уже въ Россіи рубашки и иное бѣлье находили сбытъ въ Томскѣ. Въ то время изъ Томска въ Россію ничего не вывозили, кромѣ собольихъ, куньихъ и лисьихъ мѣховъ. Изъ Сибири вывозили не только

цѣлыя шкуры, но и обрѣзки отъ тѣхъ шкуръ, которыя мѣстный инородецъ искроилъ на свои шубы. Томскіе казаки собирали у инородцевъ обрѣзанные лапки, мордочки, лоскутки, даже поношенныя шубы, поношенныя шапки и отсылали съ купцами въ Москву.

Въ прошломъ столѣтіи Томскъ, изъ казачьяго селенія и пункта звѣровщиковъ, началъ превращаться въ городъ съ посадскими людьми. Къ концу столѣтія, какъ и въ другихъ сибирскихъ городахъ, въ немъ появилась ремесленная и кустарная промышленность. Но особенно городъ выросъ послѣ открытія золотыхъ пріисковъ въ томской тайгѣ. Еще незадолго до этого, въ 1824 году, проѣзжавшій черезъ городъ Сперанскій, въ письмѣ къ своей дочери, описываетъ его, какъ кучу низенькихъ, деревянныхъ, старенькихъ домишекъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, Ѳедотъ Поповъ принесъ въ Томскъ вѣсть о существованіи золота, — и городъ, до той

Видъ Томска. Южная сторона города.

поры ничѣмъ не отличавшійся отъ другихъ мелкихъ губернскихъ захолустьевъ, совершенно измѣнилъ свою физіономію. Горячечная дѣятельность и превратности судьбы, которыми отмѣчена городская жизнь за время, слѣдовавшее за открытіемъ Ѳедота Попова, напоминаютъ разсказы о Парижѣ временъ Лоу.

Все бросилось искать золото. Ремесленникъ бросалъ свой верстакъ; чиновникъ, не стѣсняясь своимъ званіемъ, шелъ служить къ мужику-золотопромышленнику; въ общественномъ положеніи произошла страшная перетасовка. Слуга-нѣмецъ, годъ тому назадъ привезенный изъ Остзейскаго края своимъ барономъ, пріѣхавшимъ на службу, становится самостоятельнымъ хозяиномъ и ссужаетъ своего прежняго господина. Вице-губернаторъ идетъ въ управляющіе конторою къ купцу, прежде занимавшемуся прасольствомъ, а теперь ставшему золотопромышленнымъ тузомъ. Золотопромышленники выдвигаются въ городскомъ обществѣ на первый планъ и оттѣсняютъ изъ первыхъ рядовъ бюрократію. Въ годовые праздники сборище чиновниковъ ѣдетъ съ первымъ визитомъ не къ губернатору, а къ золотопромышленнику Горохову. Рядомъ съ старымъ городомъ, на Юрточной горѣ, до того представлявшей пустырь, возникла «Милліонная улица», т. е. цѣлый новый городъ золотопромышленниковъ, представляющій своими

каменными зданіями, съ обширными пристройками и садами, полнѣйшій контрастъ съ прежнимъ городомъ, состоявшимъ изъ сбитыхъ въ кучу и загнанныхъ въ болото старенькихъ, деревянныхъ домишекъ. Особенно выдавался изъ ряда этихъ дворцовъ домъ золотопромышленника Горохова своимъ садомъ, съ многочисленными затѣями и большими зеркальными стеклами въ окнахъ. Только-что пріѣхавшій изъ метрополіи молодой человѣкъ, съ хорошимъ для своего времени образованіемъ, Гороховъ, получившій видное въ провинціи мѣсто губернскаго прокурора, женился на одной изъ дочерей разбогатѣвшаго отъ золотопромышленности прежняго крестьянина, получилъ за женою громадное приданое и пустился въ золотопромышленную аферу. Никто изъ золотопромышленниковъ не давалъ до него такихъ большихъ процентовъ за ссуду, и къ нему понесли деньги не только купцы, но и мелкіе мѣщане и вдовы-чиновницы. Въ рукахъ у него очутились громадныя суммы; разбогатѣвшіе отъ него бѣдняки носили его на рукахъ. Выѣздъ его изъ дома тотчасъ же становился извѣстнымъ всему городу. Подобно тому, какъ уличная парижская толпа кричала банкиру Лоу: «vive le roi Low»,— такъ и томское общество, опьяненное милостями, сыпавшимися изъ рукъ мчавшагося по пути къ банкротству Горохова, звало его «томскимъ герцогомъ». Жилъ онъ открыто и задавалъ пиры, какихъ ни до него, ни послѣ него не было въ Томскѣ. Онъ угощалъ обѣдами въ саду, въ бельведерѣ, висѣвшемъ въ воздухѣ, надъ зеркальной поверхностью искусственнаго бассейна. Гости ѣли съ тарелокъ, на которыхъ былъ изображенъ тотъ самый видъ на городъ Томскъ, который они видѣли изъ оконъ бельведера; у каждаго гостя стоялъ подлѣ стула на землѣ колоссальный бокалъ, въ который входила цѣлая бутылка шампанскаго. Золотопромышленность принесла Томску только внѣшній блескъ. Что же касается нравовъ общества, нѣтъ сомнѣнія, что они понизились за это время. Въ городъ нахлынули люди, ищущіе легкой наживы, шулера, содержатели увеселительныхъ заведеній и покупатели такъ называемой «пшенички», т. е. краденаго золота. Тайная торговля золотомъ приняла обширные размѣры. Она прикрывалась самыми разнообразными масками. Лавочка для продажи нюхательнаго табаку или торговля калачами служили средствомъ замаскироваться мелкому контрабандисту, винокуренный заводъ, стоющій нѣсколько десятковъ тысячъ, — крупному.

Фамиліи первыхъ золотопромышленниковъ — Филимоновыхъ, Поповыхъ, Отопковыхъ, Гороховыхъ — сошли со сцены, ихъ замѣнили другія, менѣе громкія; томскія розсыпи въ большинствѣ случаевъ выработались, и городъ въ настоящее время важенъ не какъ мѣсто съѣзда золотопромышленниковъ для кутежей во время зимнихъ праздниковъ, а какъ складочное мѣсто предметовъ, закупаемыхъ на пріиски *Дальней*, т. е. Енисейской тайги. Томскъ лежитъ на концѣ главнаго воднаго пути Западной Сибири; товары, сплавляемые отъ Тюмени по Иртышу и Оби, въ Томскѣ выгружаются и отсюда доставляются въ Восточную Сибирь уже гужемъ. Поэтому въ городѣ находится много конторъ и коммисіонеровъ, занимающихся доставкой кладей. Жители, чтобъ характеризовать значеніе своего города, называютъ его «портовымъ». Дѣйствительно, главное значеніе города — торговое, хотя заводская промышленность въ Томскѣ не уступитъ по размѣрамъ промышленности другихъ городовъ Западной Сибири. Томскъ представляетъ совершенную противоположность біурократическому Омску. Въ то время, какъ въ Омскѣ нѣтъ ни одного оптоваго магазина,—въ Томскѣ ихъ много. Офицерскихъ вещей въ магазинахъ не видно; лавки наполнены бунтами кожъ, желѣзныхъ вещей и тому подобнымъ товаромъ. Пустырей въ родѣ омскихъ площадей въ городѣ нѣтъ; напротивъ, онъ построенъ сжато, въ ущербъ безопасности отъ огня. Улицы не стоятъ, какъ въ Омскѣ, пустыя; по нимъ снуютъ приказщики съ ношами изъ магазиновъ или двигаются нагруженные возы. Вмѣсто военнаго рожка или барабана слышенъ пароходный свистокъ. Казенныхъ домовъ мало; большіе каменные дома — все купеческіе, хотя тяжелой, но своеобразной архитектуры. Городское общество отличается отъ омскаго тѣмъ, что въ немъ нѣтъ того преобладанія чиновничества, какое замѣчается тамъ. На улицѣ господствуетъ цилиндръ, и военной фуражки вовсе не

видно. Въ клубѣ составъ общества равномѣрно распредѣленъ между чиновничествомъ и купечествомъ. Французская рѣчь слышится рѣже; лоску, внѣшняго блеска меньше; скандалы невѣжественныхъ жидковъ чаще. Главное качество мѣстнаго общества состоитъ въ томъ, что оно осѣдлое, не наплывное, связанное съ краемъ многочисленными корнями; оно все, отъ ничтожнаго члена до самаго крупнаго дѣятеля, состоитъ изъ представителей мѣстнаго населенія, — здѣсь невольно чувствуешь, что имѣешь дѣло съ земствомъ, хотя и не организованнымъ еще. Наконецъ, судьба-баловница предопредѣлила Томску подпасть подъ вліяніе университета, что́ поставитъ этотъ городъ выше всѣхъ другихъ сибирскихъ городовъ.

Городъ расположенъ на возвышенномъ правомъ берегу Томи. Часть города лежитъ на нижней террасѣ, другая на верхней; посрединѣ города извивается небольшая рѣчка, впадающая въ Томь. Лучшій видъ города — съ западнаго берега Томи; отсюда онъ виденъ во всю длину и ширину, видны дома и нижней, и верхней террасъ; съ иркутскаго тракта, напротивъ, городъ скрытъ. Внутри Томскъ много теряетъ, вслѣдствіе неровной поверхности, на которой онъ построенъ. Лучшая, Милліонная улица и крива и переломлена; половина ея на горѣ, половина — подъ горой; другія улицы еще болѣе холмисты. Но зато съ нѣкоторыхъ пунктовъ открываются превосходные виды на городъ, подобно Москвѣ, которую Томскъ напоминаетъ и многочисленностью названій мѣстностей.

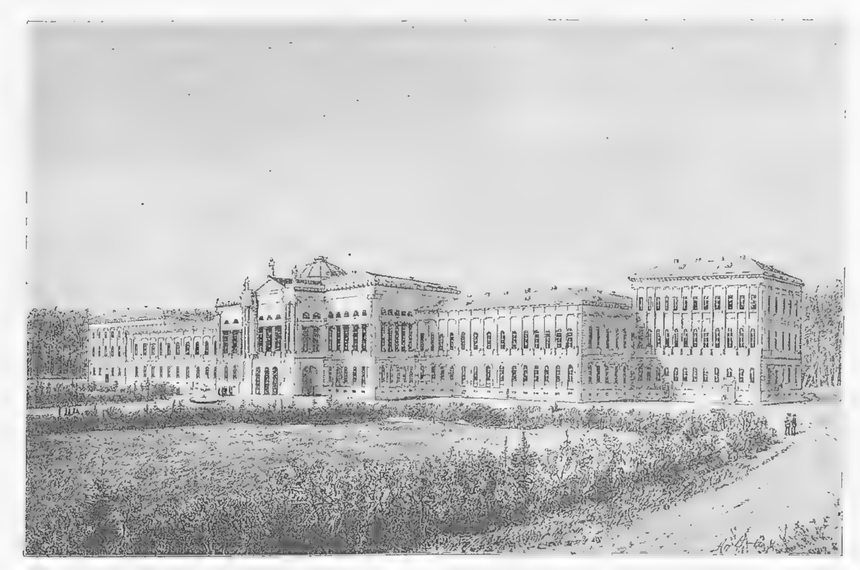

Николаевская церковь въ Томскѣ.

Историческихъ мѣстъ и зданій, впрочемъ, немного. О мѣстности, называющейся Качаловы ворота, думаютъ, что поводъ къ названію подалъ извѣстный Качаловъ, сосланный сюда по дѣлу объ убіеніи царевича Димитрія. Мѣстность внутри города, носящая названіе Трейблутовой заимки, обязана своимъ именемъ полковнику Трейблуту. Дѣйствительно, на этомъ когда-то загородномъ мѣстѣ была заимка, въ которой собирались масоны томской ложи, подъ предсѣдательствомъ своего вождя Трейблута. Шведская гора служитъ памятникомъ плѣннымъ Шведамъ, временъ Петра Великаго, жившимъ музыкальными уроками и дававшимъ въ городѣ первые концерты. На одной улицѣ указываютъ старый, каменный, одноэтажный домъ, вросшій въ землю окнами, въ которомъ жили миссіонеры-іезуиты, до изгнанія ихъ изъ Россіи. Къ числу старыхъ зданій относятся также такъ называемый старый соборъ и Алексѣевскій монастырь, въ которомъ есть интересный архивъ. Вообще, древними сооруженіями Томскъ бѣднѣе Тобольска. Только въ позднѣйшее время городъ сталъ обставляться большими зданіями. Въ будущемъ ожидаются два капитальныхъ сооруженія: новый соборъ и университетъ. Соборъ начали строить, лѣтъ двадцать назадъ, золотопромышленники первой поры золотопромышленности. Доведенный до купола, соборъ упалъ, какъ падали въ то же время и богатства его строителей. Теперь только развалины недоконченнаго собора возвышаются на самой большой площади города, напоминая жителямъ о безплодно прожитыхъ богатствахъ, не оставившихъ ничего городскому населенію, кромѣ этихъ развалинъ. — Единственное исключеніе изъ ряда золотопромышленниковъ представлялъ Поповъ, завѣщавшій городу капиталъ, на который и была учреждена впослѣдствіи женская гимназія.

Нынѣ воздвигается въ Томскѣ грандіозное зданіе будущаго разсадника просвѣщенія —

Сибирскаго университета. Онъ помѣщается на Юрточной горѣ, на площади. Сзади его будетъ цѣлый паркъ — ботаническій садъ, клиники и проч. Университетъ будетъ занимать царящее положеніе на одной изъ террасъ города. Для зданія Сибирскаго университета въ Томскѣ городская дума отвела самое лучшее мѣсто города: прекрасную городскую березовую рощу. Все зданіе университета будетъ находиться въ самой серединѣ этой рощи. Роща эта замѣчательна, между прочимъ, тѣмъ, что она была планирована, во время пребыванія въ Томскѣ графа М. М. Сперанскаго, инженеромъ Батеньковымъ, состоявшимъ для особыхъ порученій при Сперанскомъ, впослѣдствіи сосланнымъ на житье въ Томскъ за политическое преступленіе. Всѣ главнѣйшія помѣщенія, нужныя собственно для университета, заключены въ главномъ зданіи, а именно: двадцать аудиторій разной величины, съ комнатами для профессоровъ, большая часть кабинетовъ и музеевъ, помѣщеніе для фундаментальной библіотеки съ читальными кабинетами,

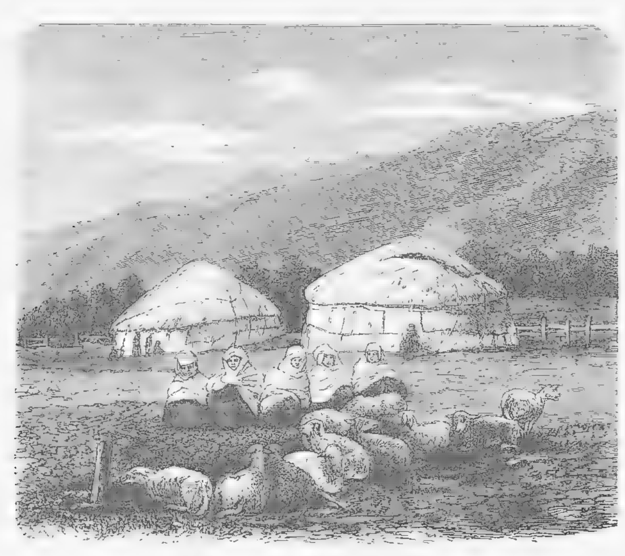
Видъ зданія Сибирскаго университета.

зала для собраній, сборныя комнаты для студентовъ и помѣщеніе для правленія университета. Нижній этажъ занятъ, главнымъ образомъ, кладовыми, принадлежащими библіотекѣ, кабинетамъ и музеямъ, а также разными служебными помѣщеніями. Въ непосредственной связи съ главнымъ зданіемъ расположены два трехъ-этажныхъ крыла, предназначенныхъ собственно для квартиръ профессоровъ. Главное зданіе — каменное, крытое желѣзомъ, съ пневматическимъ отопленіемъ, несгараемыми лѣстницами, съ паркетными или мозаиковыми полами, но съ небогатой внутренней отдѣлкой. Анатомическій корпусъ заключаетъ въ себѣ, кромѣ анатомическаго театра, помѣщенія для занятій гистологіей и судебной анатоміей, анатомическій и гистологическій музеи, двѣ спеціальныя аудиторіи, съ комнатами для профессоровъ, прозекторскую комнату и кладовыя. Клиническія зданія вмѣщаютъ въ себѣ аудиторіи, кабинеты, комнаты для занятій студентовъ и профессоровъ и помѣщенія для 65 мужскихъ, 40 женскихъ и 20 дѣтскихъ больничныхъ кроватей со всѣми госпитальными принадлежностями. Клиническія зданія помѣщены въ сторонѣ, ближайшей къ городу. Далѣе слѣдуютъ постройки ботаническаго отдѣла, заключающія въ себѣ аудиторію, съ комнатами для занятій, спеціальную библіотеку, теплицы съ принадлежностями и помѣщеніе для профессора. По отдѣлу астрономіи предполагается построить, совершенно отдѣльно отъ прочихъ зданій, въ отдаленной и наиболѣе возвышенной части сада, практическую обсерваторію, съ аудиторіей, спеціальной библіотекой и помѣщеніемъ для профес-

сора. По словамъ строителя университетскихъ зданій, инженеръ-архитектора Максимиліана Юрьевича Арнольда, «возведеніе въ Томскѣ скромныхъ университетскихъ построекъ во многихъ отношеніяхъ дѣло гораздо болѣе трудное, чѣмъ, напримѣръ, устройство колоссальнаго дворца всемірной выставки въ Парижѣ». Это объясняется размѣрами мѣстныхъ производствъ, количествомъ мѣстныхъ рабочихъ силъ, состояніемъ прилегающихъ путей сообщенія и, наконецъ, климатомъ, едва оставляющимъ четыре или пять мѣсяцевъ въ году строительно-рабочаго времени. Потребности университетскихъ построекъ, по большей части, выходятъ изъ предѣловъ мѣстныхъ средствъ; такъ, напримѣръ, для полученія даже такого обыкновеннаго матеріала, какъ кирпичъ, котораго требуется для университета 15 милліоновъ штукъ и который во всякомъ другомъ мѣстѣ можно получить безъ затрудненія, необходимо устроить въ Томскѣ спеціальный кирпичный заводъ, примѣнить зимнее производство и машинную выдѣлку кирпича и т. п.

Остальные города Томской губерніи представляютъ бѣдные городки. Нѣкоторое исключеніе въ этомъ отношеніи представляетъ Маріинскъ. Это — бывшее золотопромышленное селеніе, окруженное тайгами. Нынѣ это чистенькій городокъ. Въ обширной Барабинской степи стоитъ Каинскъ, а къ сѣверу, на Оби—унылый Нарымъ, городъ рыбопромышленнаго населенія, окруженный пустынями и болотами, гдѣ ютятся несчастные Остяки. Здѣсь кончается всякая культура, и лѣса постепенно сливаются съ тундрою.

Г. И. Потанинъ.

Видъ аула въ Томской губерніи.

ОЧЕРКЪ XIV.

СЕМИПАЛАТИНСКЪ И ДРУГІЕ ГОРОДА СЕМИПАЛАТИНСКОЙ ОБЛАСТИ.

«Семь палатъ». — Семипалатинскъ, Усть-Каменогорскъ и его окрестности. — Прорывъ Иртыша черезъ горы. — Развалины буддійскаго капища Аблайкитъ. — Золотыя розсыпи въ группѣ Калбинскихъ горъ. — Калмыкъ-Толгой и киргизская легенда объ немъ. — Городъ Кокбекты.

Возвращеніе Киргизскаго каравана.

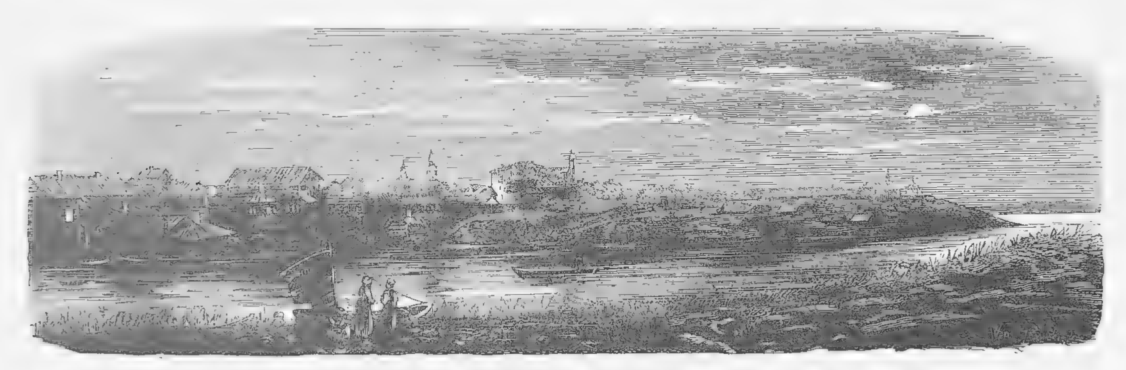
Какая смѣсь —
Одеждъ, племенъ, нарѣчій, состояній!...
А. Пушкинъ.

Рѣзко отличается Семипалатинскъ отъ всѣхъ другихъ сибирскихъ городовъ. Семипалатинскъ — это своего рода Одесса на нашей средне-азіатской границѣ; но надо сознаться, что это сравненіе впадаетъ въ карикатуру. Семипалатинскъ — городъ, какъ и Одесса, только отчасти русскій; онъ напоминаетъ также Одессу и своею ужасною песчаною пылью, которая подала поводъ мѣстнымъ жителямъ прозвать его «песочницей». Вмѣсто кораблей и западно-европейскихъ негоціантовъ, здѣсь имѣются вереницы верблюдовъ изъ Туркестана и Китая и азіатскіе чужеземцы. Навьюченный верблюдъ, этотъ «корабль пустыни», представленъ и на гербѣ области, какъ указаніе на торговыя сношенія города съ мусульманскимъ Востокомъ.

Городъ лежитъ на старинномъ торговомъ пути изъ центральной Азіи въ сѣверную Европу. Уже въ XVII вѣкѣ здѣсь было населеніе калмыцкихъ ламъ. Русскій посолъ въ Китаѣ, Өедоръ Исаковичъ Байковъ, нашелъ здѣсь каменныя хоромы, въ которыхъ жили буддійскіе монахи; въ окрестностяхъ селенія производилось хлѣбопашество. Позднѣе, въ концѣ прошлаго столѣтія, извѣстный путешественникъ Палласъ нашелъ только развалины калмыцкихъ зданій, слывшихъ въ народѣ подъ названіемъ «семи палатъ»; въ честь ихъ городъ и получилъ названіе Семипалатинска. Сюда направлялись караваны изъ Яркенда, Кашгара и Кульджи; близъ города они переправлялись на правый берегъ Иртыша. Впрочемъ, разгрузка каравановъ сначала производилась у Ямышевскаго озера, въ мѣстности, гораздо болѣе сѣверной. Семипалатинскъ началъ получать торговое значеніе только съ конца прошлаго столѣтія. Соотвѣтственно этому возрастало и его населеніе. Много поселилось въ немъ Татаръ изъ Казани и Сартовъ изъ независимаго Туркестана. Наибольшаго развитія семипалатинская торговля достигла съ открытіемъ русскихъ факторій въ Кульджѣ и Чугучакѣ, т. е. въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія; но за-

тѣмъ, съ отложеніемъ Туркестана отъ Китайской имперіи, вмѣстѣ съ разореніемъ китайскихъ городовъ Чугучака и Кульджи, торговля въ Семипалатинскѣ упала.

Городъ расположенъ на высокомъ правомъ берегу Иртыша, въ которомъ замѣтны твердые выступы сланцевъ. Съ берега открывается видъ на далеко разстилающуюся на лѣвомъ берегу Киргизскую степь; вдали, верстахъ въ 40, виднѣются на горизонтѣ синеватыя очертанія скалистыхъ горъ Семей-тау. Окрестности города безжизненны; площадь, занятая городомъ, представляетъ песчаную поверхность, кое-гдѣ бугристую. Песчаная и пустынная степь разстилается и вокругъ города. Только бугры, чѣмъ дальше отъ него, становятся крупнѣе. Вдали, по окраинѣ степи, въ видѣ каймы, ее облегаетъ сосновый боръ, порядочно вырубленный уже и имѣющій въ настоящее время видъ разсѣянныхъ по горизонту деревъ. Пустыннѣе, безжизненнѣе пространства между городомъ и боромъ трудно себѣ и представить. Здѣсь не встрѣтишь ни красиваго цвѣтка, ни порхающей бабочки; сѣрыя, колючія растенія, свойственныя азіатскимъ степямъ, скудно прикрываютъ почву.

Семипалатинскъ.

Самый городъ, не смотря на усилія администраціи придать ему физіономію, приличную для областнаго административнаго центра, представляетъ массу старыхъ, деревянныхъ строеній, разъединенныхъ на нѣсколько группъ широкими площадями, по которымъ свободно гуляетъ вѣтеръ, разносящій пыль съ песчаныхъ бугровъ. Не только на площадяхъ, — гдѣ бугры эти поднимаются такъ высоко, что, если смотрѣть съ одного конца площади, зданія на другомъ концѣ выглядываютъ изъ-за вершины заносовъ только въ половину своей высоты, — песчаные суметы покрываютъ и узкія улицы, поднимаются до крышъ зданій, заваливаютъ сады и бульвары.

Городъ состоитъ изъ двухъ частей — русской и татарской; послѣдняя богаче и обширнѣе; въ ней до десятка мечетей, минареты которыхъ издали придаютъ городу восточный видъ. Впрочемъ, мечети всѣ деревянныя, за исключеніемъ одной, очень красивой, построенной по плану извѣстнаго архитектора Тона. Русскихъ церквей въ городѣ двѣ. Общественной жизни въ городѣ нѣтъ. Изъ учебныхъ заведеній имѣется одна только прогимназія, существующая съ 1864 года.

Жители города большею частью занимаются земледѣліемъ. Хотя вблизи города и замѣтны оросительные каналы прежнихъ поселенцевъ Калмыковъ, однакожъ нынѣ орошеніе не поддерживается и не продолжается. Что это — неумѣнье или нежеланіе, — трудно сказать. Пашни городскихъ жителей находятся въ мѣстности Бэль-Агачъ, лежащей въ 25 верстахъ отъ города, въ дачахъ Кабинета Его Величества. Землевладѣльцы платятъ въ Кабинетъ за право пользованія этими землями оброкъ. Такъ какъ мѣсто это лежитъ не близко отъ города, то жители переселяются туда на время лѣтнихъ работъ съ дѣтьми, со всѣмъ своимъ скотомъ и домашней птицей. Городскіе же дома стоятъ въ это время заколоченными. Мѣстность Бэль-Агачъ представ-

ляетъ высокую степь, залегающую среди сосновыхъ боровъ; водныхъ источниковъ въ этой мѣстности нѣтъ, поэтому за водой приходится ѣздить на Иртышъ за 20 верстъ. Впрочемъ, на многихъ участкахъ устраиваются такъ называемые «щиты» или загородки изъ хвороста, въ видѣ буквы «П», въ которые зимой вѣтромъ набиваются сугробы снѣга; весной эти снѣжные запасы прикрываютъ толстымъ слоемъ соломы, чтобъ задержать таяніе. Изъ этихъ запасовъ, по мѣрѣ надобности, отламываютъ снѣжные комья и кладутъ на жолоба. Снѣгъ таетъ и вода по жолобамъ стекаетъ въ бочки, изъ которыхъ ее берутъ для питья и въ кухни. Мѣстность къ югу отъ Семипалатинска, вверхъ по Иртышу, становится привѣтливѣе; у устья р. Ульбы появляются передовые отроги Алтая, а еще южнѣе дорога становится гористою. Городъ Усть-Каменогорскъ лежитъ уже со всѣхъ сторонъ окруженный горами.

Этотъ небольшой городъ, съ 3,400 жителей, тѣмъ и замѣчателенъ, что, за исключеніемъ Кузнецка, — единственный городъ въ Алтаѣ, расположенный внутри гористой страны; другіе города лежатъ внѣ Алтая, при сѣверной подошвѣ его предгорій. Изъ городскихъ мезониновъ въ Усть-Каменогорскѣ во всѣ стороны видны горы, но нельзя сказать, чтобъ онѣ служили живописными рамками для города. Городъ расположенъ на ровной трехугольной площадкѣ, которая съ двухъ сторонъ обрѣзана теченіемъ сливающихся у самаго города рѣкъ Ульбы и Иртыша; третій бокъ треугольника окаймленъ горами, которыя образуютъ здѣсь прямой валъ безъ всякихъ вырѣзокъ въ гребнѣ; ни ущелья или значительной неровности, ни опушеннаго лѣсомъ или кустарникомъ ската не видно изъ города на этомъ валѣ.

Видъ песчаныхъ площадей и улицъ въ Семипалатинскѣ.

Валъ на обоихъ своихъ концахъ обрывается двумя крутыми профилями, изъ-за которыхъ и вырываются на городскую равнину двѣ названныя горныя рѣки. Обрывы, нависніе тутъ надъ водой, очень картинны, но они обращены лицевою частью въ сторону, противоположную городу. Въ другихъ частяхъ изъ города видны горы съ болѣе красивыми очертаніями; особенно выдается, на югъ за Иртышемъ, стоящая среди отрога Калбинскаго хребта, трехзубая гора Монастырь. Но эти горы далеко отстоятъ отъ города и служатъ только живописной далью картины. Берега обѣихъ рѣкъ голы; только при сліяніи ихъ, у самаго города появляются тополи и ивы, образующіе рощи, съ топкой, глинистой, часто заливаемой водою, почвой. Вообще, городъ лишенъ мѣстъ, удобныхъ для общественныхъ гуляній; городскаго сада также нѣтъ.

Вмѣсто загородныхъ прогулокъ, жители ѣздятъ на пасѣки. Удивительный контрастъ съ этими окрестностями города поражаетъ человѣка, если только онъ переваливаетъ черезъ прилегающія къ городской землѣ горныя высоты, по другую ихъ сторону, гдѣ его ожидаютъ живописные лѣса, опушенные кустами черемухи и бузины, съ разнообразной цвѣтущей растительностью. Въ этихъ-то горныхъ ложбинахъ и разсѣяны многочисленныя пасѣки. По дну такого лога нерѣдко шумно катитъ по камнямъ ручей; нѣкоторые изъ логовъ такъ круты, что и пѣшему трудно взбираться по его дну. Такой малодоступностью и дикостью картины отличается, напримѣръ, логъ, въ которомъ течетъ Чортовъ ключъ.

Городскіе жители занимаются исключительно земледѣліемъ; самыя постройки въ городѣ напоминаютъ болѣе сибирскія деревни; только въ серединѣ города встрѣчаются пять, шесть деревянныхъ домовъ съ городской внѣшней отдѣлкой; каменныхъ домовъ вовсе нѣтъ. Въ особенности напоминаютъ деревню заднія улицы, гдѣ низенькіе домики разъединены большими огородами и улицы состоятъ изъ невысокихъ тыновъ, увитыхъ повиликой (Convulvulus arvensis) и заросшихъ бурьяномъ изъ крапивы и рѣпья, изъ-за зелени которыхъ подсолнухи выставляютъ свои желтые круги. Образованное общество въ городѣ немногочисленно; изрѣдка оно сплачивается въ клубъ, но вообще живетъ разъединенно. Ничтожная потребность его въ интеллектуальной пищѣ характеризуется отсутствіемъ общественной библіотеки.

Въ полуверстѣ отъ города, по берегу Иртыша, подъ скалой находится пристань, гдѣ выгружается руда, доставляемая сюда по рѣкѣ изъ Зыряновскаго рудника, лежащаго въ долинѣ Бухтармы. Тутъ же переправа на паромѣ черезъ Иртышъ на киргизскую сторону; здѣсь переѣзжаютъ черезъ рѣку ѣдущіе по почтовой дорогѣ въ Зайсанскій постъ. У пристани, подъ скалою, по крутому косогору, живописно лѣпятся одни надъ другими домики служащихъ на горной пристани, а въ сторонѣ отъ этой слободки путешественникъ наталкивается на совершенно своеобразную картину. По высокому берегу рѣки тянутся ряды кучъ руды, въ родѣ тѣхъ кучъ щебня, которыя встрѣчаются въ Европейской Россіи подлѣ шоссе; только здѣсь эти кучи занимаютъ площадь въ нѣсколько сотъ квадр. саженъ. Выше этого мѣста Иртышъ течетъ въ тѣсныхъ горахъ: здѣсь Алтай переходитъ на лѣвый берегъ рѣки, и послѣдняя течетъ въ глубокой трещинѣ, отдѣляющей Алтай отъ его западнаго продолженія, извѣстнаго подъ названіемъ Калбинскаго хребта.

Мечеть и внутренній видъ Семипалатинска.

Бухтарминскій районъ съ трудомъ сообщается съ внѣшнимъ міромъ. На востокѣ — трудная дорога черезъ высокое алтайское плоскогорье Укэкъ ведетъ въ Китай; это одна изъ самыхъ трудныхъ дорогъ въ Алтаѣ. Съ южной стороны бухтарминской долины проходитъ высокій хребетъ, который только на западѣ понижается; изъ средней части долины черезъ этотъ хребетъ приходится переваливать уже по высокимъ и крутымъ горнымъ проходамъ, а еще восточнѣе, на послѣднихъ 80 верстахъ къ Куйтуну, т. е. къ вершинѣ р. Бухтармы, хребетъ такъ заваленъ снѣгами, что совсѣмъ непроходимъ. На сѣверъ, черезъ Холзунъ, въ сѣверныя долины Алтая ведутъ только горныя тропинки, по которымъ можно проѣзжать верхомъ. Только на западѣ находятся болѣе удобные выходы изъ долины; ихъ два: одинъ тележный, черезъ сѣверный хребетъ, ведетъ изъ крѣпости Бухтарминской въ Усть-Каменогорскъ; другой — водный, по Иртышу. Оба эти пути не уступаютъ другъ другу по живописности. Видъ Бухтармы въ верхнихъ частяхъ, не смотря на дикость природы, прекрасенъ. Роскошная растительность долины составляетъ контрастъ съ суровыми вершинами горъ, уходящихъ въ небо. Горная дорога проходитъ по двумъ ущельямъ рѣчекъ Проходной и Пихтовки. Проходная лежитъ на сѣверномъ склонѣ хребта; узкая дорога извивается по дну ущелья, между скалистыми горами, мѣстами поросшими цѣлымъ лѣсомъ ели и пихты; вдоль дороги бѣжитъ ручей, мѣстахъ въ двадцати перебѣгая дорогу; по сторонамъ его густыя

заросли черемухи, жимолости, гороховника, шиповника, рябины и смородины. Еще болѣе дико и грандіозно ущелье Пихтовки. По всей дорогѣ торчатъ «чортовы зубья», какъ зовутъ мѣстные жители вертикально стоящіе сланцы, и бѣгутъ ручьи. Иногда тѣснина становится такъ узка, что экипажъ на большомъ протяженіи долженъ ѣхать по каменистому руслу Черной рѣчки. И здѣсь долина густо заросла. Кустарники опушаютъ берега рѣчки, а хвойный лѣсъ или спускается вереницами по крутымъ логамъ между скалами, или стоитъ щетиной по гребню горъ. Обѣ долины извѣстны своими снѣжными лавинами, или по-здѣшнему — «оплывинами», которыя въ нихъ бываютъ въ зимнее время. Такія «оплывины» совершенно заваливаютъ тѣснину, образуя высокій поперечный валъ, который на нѣсколько дней, пока рыхлый снѣгъ не затвердѣетъ, прекращаетъ сообщеніе по долинѣ. Мѣстами по этой дорогѣ попадаются небольшія казачьи станицы. Путь по Иртышу не менѣе богатъ романтическими видами, но горы, сопровождающія рѣку, безлѣсны и безлюдны, и потому путешествіе по ней однообразно и утомительно.

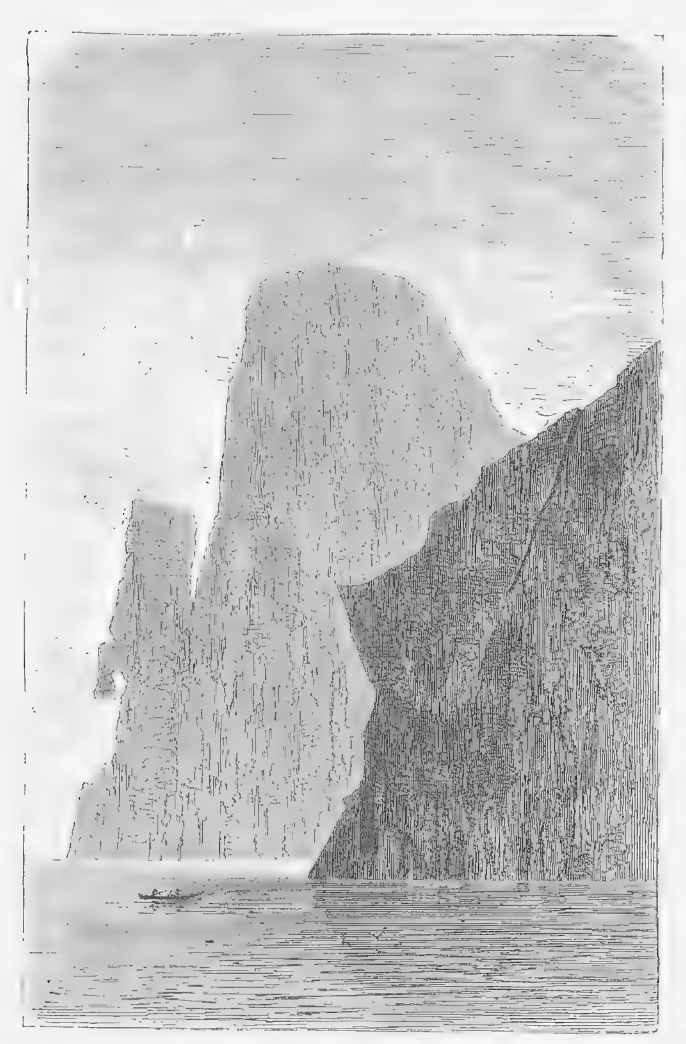
Зыряновская пристань на Иртышѣ.

Рѣка на протяженіи 120 верстъ течетъ, какъ здѣсь выражаются, «въ трубѣ». Съ обѣихъ сторонъ къ рѣкѣ толпятся отвѣсныя скалы; береговой полосы нѣтъ, и на всемъ протяженіи развѣ найдется мѣста два, три, гдѣ можно было бы найти ровную площадку для поселенія. Рѣка течетъ чрезвычайно быстро. Мѣстами подъ скалами есть опасные прибои. Такія скалы съ прибоями извѣстны здѣсь подъ названіемъ «быковъ». Нѣкоторые быки пріобрѣли печальную извѣстность, какъ, напримѣръ, быкъ Шарапка, считающійся самымъ опаснымъ, и рядъ быковъ подъ названіемъ «семь братьевъ», о которыхъ говорятъ: «если попадешь на перваго брата —побываешь на всѣхъ семи». Другія скалы сдѣлались извѣстны въ народѣ по причудливымъ очертаніямъ, какъ, напримѣръ, «Пѣтухъ», черная сланцевая скала съ вертикально поднимающимся отъ основанія ея отросткомъ.

На лѣвомъ берегу Иртыша, противъ Усть-Каменогорска, какъ и противъ Семипалатинска, лежитъ Киргизская степь, но здѣсь она на всемъ горизонтѣ представляется усѣянною горами. Выше другихъ, когда смотришь въ эту сторону изъ города, выдается группа, извѣстная у Русскихъ подъ именемъ Монастыря, а у Киргизовъ— Аиръ-Тау. Эти горныя группы и цѣпи въ лѣвомъ краю картины все ближе и ближе подходятъ къ первому плану и, наконецъ, упираются въ берегъ Иртыша посредствомъ высокой скалистой массы, которую зовутъ Пригонной сопкой. Названіе это гора получила отъ того, что сюда нѣкогда приплывали олени во время своихъ перекочевокъ. Они обыкновенно лѣто проводили въ вершинахъ Бухтармы, на «альпахъ», а къ зимѣ спускались на зарѣчную сторону, гдѣ снѣга не бываютъ глубоки; осенью они уплывали выше города и выходили на берегъ у Пригонной сопки. Здѣсь охотники устраивали пригоны, т. е. строили городьбу на протяженіи нѣсколькихъ верстъ, съ отверстіями и ямами при нихъ, куда звѣри падали и становились добычею охотниковъ. Отсюда и имя горы. Теперь, конечно, и въ поминѣ нѣтъ ни звѣрей, ни охотниковъ.

Переправившись противъ Пригонной сопки на лѣвый берегъ Иртыша, путешественникъ ѣдетъ на югъ, постепенно поднимаясь въ гору, мѣстами довольно круто, по густой травянистой раститель-

ности, убранной крупными и яркими цвѣтами. Затѣмъ начинается подъемъ на горы. Поднявшись на первый хребетъ, путешественникъ невольно оглядывается назадъ, чтобъ бросить послѣдній взглядъ на остающійся сзади Алтай. Внизу виднѣется Иртышъ со своими плоскими лугами; городъ растянулся вдоль его берега; за городомъ поднимаются многочисленныя горы, однѣ выступая изъ-за другихъ, пока, наконецъ, масса ихъ не завершается едва различаемыми очертаніями Риддерскихъ бѣлковъ. Тѣ высоты, которыя были видны изъ города и загораживали собою этихъ великановъ, только отсюда получаютъ настоящую свою оцѣнку. Съ перевала путешественникъ спускается въ долину рѣчки Урянхайки. Имя этой ничтожной горной рѣчки, какъ и имя Пригонной сопки — историческій памятникъ. Оно напоминаетъ, что нѣкогда (именно въ половинѣ прошлаго столѣтія) здѣсь кочевало племя, называвшееся Урянхайцами.

Скала «Пѣтухъ» на берегу Иртыша.

Племя это проводило лѣто на высокихъ и прохладныхъ горахъ въ вершинахъ Бухтармы, а на зиму, слѣдомъ за стадами, спускалось къ Иртышу, переходило на его лѣвый берегъ, располагалось со своимъ домашнимъ скотомъ на здѣшнихъ малоснѣжныхъ степяхъ и охотилось за горными баранами. Охота эта продолжается на Бухтармѣ и доселѣ, но только она перешла нынѣ къ Киргизамъ.

Отъ Урянхайки путешественникъ ѣдетъ далѣе, то поднимаясь на хребты, то опускаясь въ долины, въ общемъ же постепенно все поднимаясь на гребень Калбинскаго хребта, какъ называется самое западное продолженіе Алтая, оторванное отъ него трещиной, по которой протекаетъ Иртышъ. Самую высокую группу, мимо которой проходитъ дорога, представляютъ Аблайкитскія горы. Онѣ такъ названы въ честь развалинъ, лежащихъ у ихъ подошвы. Здѣсь было устроено буддійское капище Аблайкитъ, обнесенное вокругъ стѣной, сложенной изъ дикаго камня. За этой стѣной располагались монахи въ войлочныхъ юртахъ. Капище было деревянное, построенное на террасѣ въ сажень высоты, сложенной изъ дикихъ камней. Еще Палласъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, засталъ зданія цѣлыми, хотя и пустыми. Нынѣ уцѣлѣли только терраса и окружающая ее стѣна, да возлѣ террасы валяются камни, обтесанные въ видѣ базъ, служившіе вѣроятно подставками подъ деревянныя колонны, поддерживавшія потолокъ капища.

Окрестныя горы замѣчательны золотоносными розсыпями; пріиски здѣшніе бѣднѣе том-

скихъ, но зато золото высшей пробы. Обстановка золотыхъ прiисковъ совсѣмъ другая. Рабочiе — исключительно Киргизы; трудъ дешевле. Здѣсь прiиски не представляютъ такой замкнутой, почти изолированной жизни, какъ въ тайгахъ. Прiискъ разбросанъ на открытой мѣстности, среди немного волнистой степи. Впрочемъ, видъ прiиска и здѣсь тоскливо однообразенъ, далеко еще болѣе однообразенъ, чѣмъ въ тайгѣ, хотя онъ и складывается изъ другихъ элементовъ. Всюду сѣрый цвѣтъ — и на холмахъ, окружающихъ прiиски, и на вертикальныхъ плоскостяхъ разрѣзовъ. Яркой зелени глазъ не встрѣтитъ; трава, покрывающая скаты холмовъ, сѣровато-зеленая, какъ полынь. Развѣ только гдѣ-нибудь обнаженная бѣлая глина рѣзко сверкаетъ на солнцѣ. По этой тоскливой поверхности движутся сотни смуглыхъ, полунагихъ Киргизовъ, перетаскивая тачки по проложеннымъ дорожкамъ; другiя группы копошатся въ разрѣзахъ, занятые раскопкой.

Далѣе путешественникъ вступаетъ на плоскiя вершины Калбинскаго хребта, извѣстныя подъ названiемъ Караджала, т. е. черной гривы. Горы здѣсь плоскiя и высокiя, почва мягкая; мѣста прохладныя, замѣчательныя отсутствiемъ овода. Здѣсь множество норъ сурковъ, какъ и на другихъ высокихъ хребтахъ Азiи. Жилище этого звѣрка имѣетъ видъ большой норы, въ родѣ волчьей. Она открывается обыкновенно на скатѣ горы; часто надъ отверстiемъ виситъ каменная глыба, точно крыша; съ противоположной стороны, отверстiе окружено высокимъ отваломъ вынесенной изъ норы земли, на которой всегда появляется густая трава изъ злаковъ, любящихъ разрыхленную землю. На этомъ отвалѣ, какъ на ступеняхъ у входа въ зданiе, любятъ звѣрки сидѣть на заднихъ лапкахъ, посвистывая и прискакивая при каждомъ свисткѣ. Они не обращаютъ вниманiя на проходящихъ мимо и оглашаютъ воздухъ своими перекликиванiями, пока не замѣтятъ, что путникъ направляется прямо къ нимъ. Тогда животное мгновенно исчезаетъ, какъ актеръ, проваливающiйся сквозь землю на сценѣ.

На прохладныхъ высотахъ Караджала проводятъ лѣто Муруны, которые сюда приходятъ отъ подошвы Тарбагатая, при которой они имѣютъ свои зимовки. Муруны — многочисленное и богатое киргизское поколѣнiе. Оно захватило въ свое владѣнiе обширныя земли. Отъ зимовокъ до лѣтняго жилья оно перемѣняетъ 30 кочевокъ, тогда какъ у другихъ дѣлается всего 4 или 5 кочевокъ.

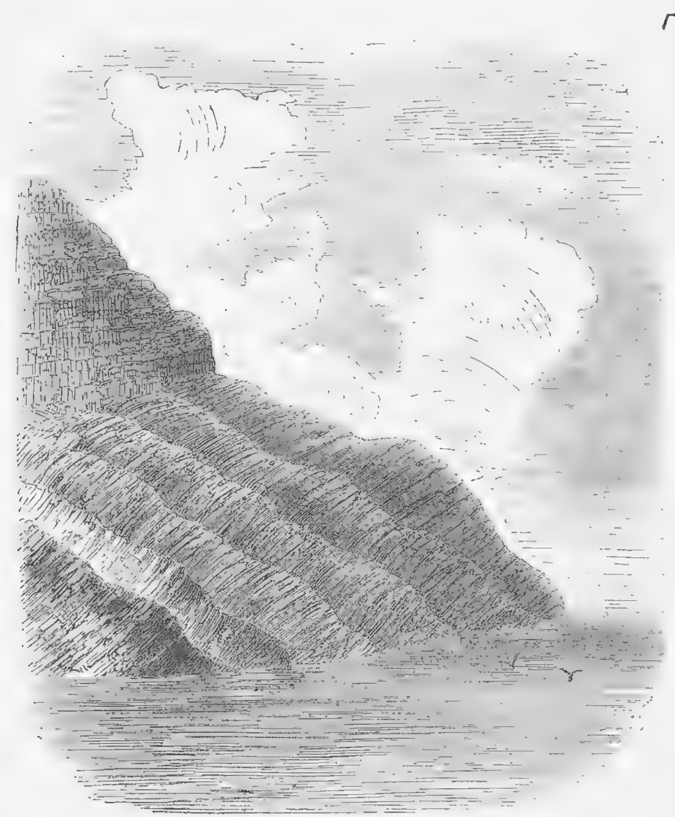
Съ Караджала дорога спускается въ равнину озера Зайсана. У самаго конца спуска, на сѣверной окраинѣ этой равнины, стоитъ, какъ бы сторожа дорогу, куполообразная каменная вершина Калмыкъ-Тологой. Названiе это монгольское, а не киргизское, какъ и названiе многихъ другихъ здѣшнихъ урочищъ, потому что земли эти были, еще въ прошломъ столѣтiи, заняты Калмыками, и Киргизы появились въ нихъ позднѣе. Тологой, по-монгольски, значитъ голова. Это названiе часто придается Монголами къ выдающимся куполообразнымъ вершинамъ. Что значитъ—калмыкъ, неизвѣстно, но этотъ эпитетъ нерѣдко встрѣчается въ Монголiи, какъ имя замѣчательныхъ урочищъ. О Калмыкъ-Тологоѣ у Киргизовъ существуетъ слѣдующая легенда, вѣроятно монгольскаго происхожденiя.

По словамъ легенды, Калмыкъ-Тологой стоялъ прежде при подошвѣ Тарбагатая, верстахъ въ 150 отъ нынѣшняго мѣста. Одинъ сильный богатырь, Сортактай, имя котораго извѣстно до сихъ поръ и въ Алтаѣ, на Катуни, и въ Хангаѣ въ Монголiи, задумалъ положить мостъ черезъ Иртышъ. Для этой цѣли онъ позвалъ своего сына и, вмѣстѣ съ нимъ, взваливъ гору на плечи, понесъ къ Иртышу. Приэтомъ онъ предупредилъ сына, что предпрiятiе ихъ можетъ удаться подъ условiемъ, если они, до окончанiя постройки моста, воздержатся отъ брачнаго ложа. Но тамъ, гдѣ нынѣ стоитъ Калмыкъ-Тологой, гора опустилась и придавила богатырей, потому что сынъ нарушилъ заповѣдь отца.

Отъ Калмыкъ Тологоя на югъ стелется ровная степь. Въ 15 верстахъ отъ него, на берегу небольшой рѣчки Кокбектинки, лежитъ городъ Кокбекты. «Городъ этотъ,— по словамъ одной русской путешественницы,—ничто иное, какъ большая корзина». Дѣйствительно, въ городѣ ничего

не видишь, кромѣ плетней; заборы, скотскіе хлѣвы, сараи, амбары,— все плетеное изъ ивы; самые дома большею частью—сплетенныя изъ ивы мазанки. Населеніе состоитъ преимущественно изъ казаковъ. Въ городѣ считается не болѣе 2,000 жителей; живутъ бѣдно. Окрестности города не представляютъ благопріятныхъ условій для хозяйства; развитію хозяйства мѣшаетъ также военно-поселенческій характеръ населенія. Словомъ, городъ этотъ представляетъ собою не торгово-промышленный пунктъ, а пунктъ чисто-административнаго управленія, выбранный совершенно неудачно и не обѣщающій сколько-нибудь удовлетворительнаго развитія въ торгово-промышленномъ отношеніи.

Г. Н. Потанинъ.

Правый берегъ Иртыша.

ОЧЕРКЪ XV.

ЮЖНЫЕ СКЛОНЫ АЛТАЯ И ТАРБАГАТАЙСКІЙ КРАЙ.

Киргизское населеніе Семипалатинской области. — Нравы, обычаи, религія и образъ жизни Киргизовъ. — Зайсанскій бассейнъ. — Зайсанскій и другіе пограничные казачьи посты. — Поѣздка къ южнымъ склонамъ Алтая и особенности мѣстной природы.

Кто живетъ безъ печали и гнѣва,
Тотъ не любитъ отчизны своей....

Н. НЕКРАСОВЪ.

Кто-то, по сосѣдству, лихоимецъ жадный,
У крестьянъ землицы косячекъ изрядный
Оттягалъ, отрѣзалъ плутовскимъ маперомъ.
— «Вотъ пріѣдетъ баринъ: будетъ землемѣрамъ!» —
Думаютъ крестьяне: — «скажетъ баринъ слово —
И землицу нашу отдадутъ намъ снова».

Н. НЕКРАСОВЪ.

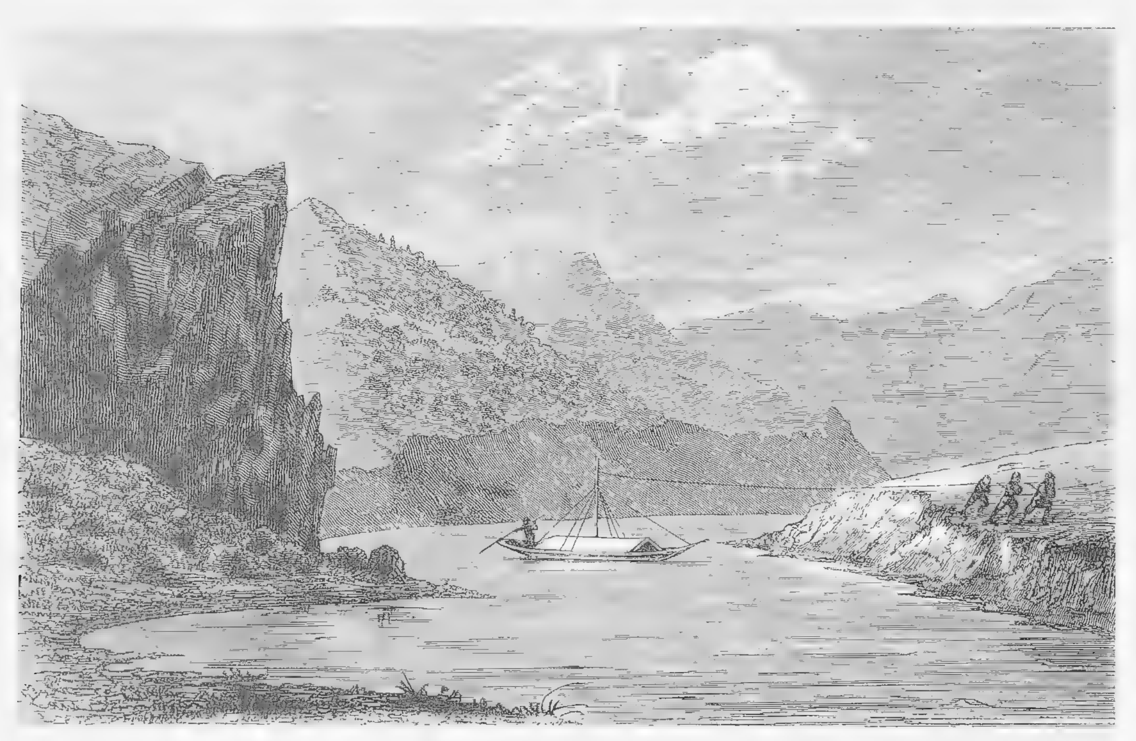
Зайсанскій постъ.

Разсмотримъ болѣе подробно положеніе и бытъ Киргизовъ, которыхъ лишь въ общихъ чертахъ коснулась рѣчь въ предыдущей статьѣ.

По даннымъ, относящимся къ 1876-му году, Киргизовъ въ Семипалатинской области состояло 479,754 человѣка, въ томъ числѣ 10,944 человѣка осѣдло-живущихъ въ городахъ и 469,510 душъ кочевыхъ, образующихъ 15 волостей, заключающихъ въ себѣ 105,617 юртъ. Киргизы Семипалатинской области, по происхожденію своему, принадлежатъ къ Средней Ордѣ, раздѣляясь на многіе роды, съ подраздѣленіемъ ихъ. Со введеніемъ въ Сибири раздѣленія на волости, родовое начало, особенно въ виду положенія 1868 года, стало замѣтно ослабѣвать. Киргизамъ предоставлено право самоуправленія черезъ волостныхъ управителей и аульныхъ старшинъ, самостоятельно выбираемыхъ ими на трехлѣтіе. Въ дѣлахъ судебныхъ, гражданскихъ, по искамъ и тяжбамъ между собою, а также за всякіе проступки и преступленія, кромѣ наиболѣе тяжелыхъ, какъ, напримѣръ, убійство, грабежъ

и пр., Киргизы вѣдаются обычнымъ судомъ біевъ, тоже выбираемыхъ на трехлѣтіе. Киргизы обложены кибиточною податью, по 3 руб. съ юрты; число кибитокъ и раскладка подати между аулами и отдѣльными юртами, сообразно ихъ состоянію, опредѣляются также лицами выборными. Сверхъ кибиточной подати, Киргизы уплачиваютъ еще около 1 р. съ юрты земскихъ сборовъ на содержаніе управленія, исправленіе дорогъ и проч.

Съ каждымъ трехлѣтіемъ волостные управители, біи и прочія сельскія должностныя лица менѣе и менѣе выбираются изъ такъ-называемаго «султанскаго происхожденія», потому что слишкомъ много потерпѣли Киргизы въ прежнее время отъ неограниченно-деспотической власти своихъ «родоначальниковъ» или «султановъ». Главное занятіе Киргизовъ — скотоводство, составляющее всю основу ихъ благосостоянія. Киргизъ, не имѣющій скота и не могущій коче-

Видъ между Усть-Каменогорскомъ и Бухтармой на Иртышѣ.

вать, — нищій, добывающій себѣ пропитаніе поденною работою. У Киргиза на первомъ планѣ стоитъ разведеніе лошадей и курдючныхъ овецъ. Киргизская лошадь не граціозна, но имѣетъ неоспоримыя достоинства. Ея выносливость въ ѣздѣ удивительна. Безъ особеннаго утомленія она проходитъ до 100 верстъ въ день. На хорошей лошади Киргизъ дѣлаетъ въ сутки 200 верстъ. Киргизы особенно цѣнятъ хорошихъ иноходцевъ за ихъ спокойный аллюръ и быстроту, невѣроятную для незнакомыхъ со степью. Но киргизская лошадь мало годится для ѣзды въ экипажахъ и особенно для возки тяжестей: она слишкомъ горяча и малосильна. Впрочемъ, изъ жеребенка, взятаго въ конюшню и выращеннаго на овсѣ, выходитъ отличная почтовая и экипажная лошадь. У Киргиза лошадь весь годъ на подножномъ корму, — не знаетъ крова ни въ какіе холода и бураны; слой снѣга, толщиною въ четверть, не затрудняетъ ея при добываніи корма: лошадь разгребаетъ снѣгъ копытами и достаетъ себѣ кормъ. Наибольшее несчастіе въ степи — это *джута* (гололедица), когда осенью, внезапно послѣ дождей, ударитъ морозъ и степь покроется ледяною корой, которую

не можетъ пробить копыто. Единственное средство, въ этихъ случаяхъ, спасти табуны — перегнать ихъ въ другую мѣстность, не захваченную гололедицею.

Вотъ нѣкоторыя данныя о размѣрахъ киргизскаго скотоводства. Въ 1870 году въ Семипалатинской области считалось: курдючныхъ овецъ — 2,014,000 головъ, лошадей — до 546,500, рогатаго скота — 145,000, козъ — 130,500 и верблюдовъ 62,400 головъ. Скотоводство требуетъ кочеванія, т. е. передвиженія съ мѣста на мѣсто, по мѣрѣ вытравленія пастбищъ. Перекочевки совершаются по точно опредѣленнымъ путямъ, сойти съ которыхъ нельзя, не нарушая правъ другихъ волостей или родовъ. Потрава зимовки — одно изъ тягчайшихъ правонарушеній въ киргизскомъ быту. Земледѣліе въ степи служитъ только подспорьемъ скотоводству; сѣютъ пшеницу, просо и ячмень. Въ послѣднее время стали сѣять и овесъ.

Вслѣдствіе сухости воздуха и недостатка проточныхъ водъ, земледѣліе возможно только при условіи поливки, требуетъ тяжелаго труда — проведенія и поддержанія арыковъ (оросительныхъ канавъ), своевременной поливки пашенъ и проч. Большая часть степи совершенно непригодна для осѣдлой жизни, и администраторы, мечтающіе заставить Киргизовъ перейти отъ кочеваго быта къ осѣдлому путемъ насилія, горько заблуждаются; мѣры, въ родѣ ограниченія или запрещенія кочевья, поведутъ только къ уничтоженію скотоводства, а слѣдовательно, и къ окончательному разоренію Киргизовъ.

Караванъ на берегу Иртыша.

Промыслы у кочевниковъ мало развиты, но усиливаются нѣсколько съ приближеніемъ къ Иртышу, и состоятъ въ ломкѣ самосадочной соли, наймѣ верблюдовъ для перевозки товаровъ, въ наймѣ на земледѣльческія работы, въ рудники, на золотые промыслы и рыбныя ловли, вообще въ работники къ Русскимъ. Киргизы, сравнительно, весьма недурные работники.

Большинство предметовъ потребленія киргизскаго быта изготовляется въ степи же, какъ-то: кошмы, дерево для юртъ, сѣдла, армячина, грубые ковры, арканы изъ волоса, шерстяныя покромки для связыванія основы юрты, кожа, нагайки и *ксе* (поясъ съ сумкой и ножемъ), отдѣланные серебромъ, и т. д.

Религія Киргизовъ—мусульманская. Впрочемъ, въ массѣ народа мусульманство весьма слабо и состоитъ только въ исполненіи нѣкоторыхъ обрядовъ. Замѣчательно, что магометанство распространилось сильнѣе въ Киргизской степи именно въ періодъ русскаго владычества. Неизвѣстно, въ силу какихъ соображеній, въ видѣ одного изъ многоразличныхъ опытовъ въ Западной Сибири, было предпринято распространеніе ислама между Киргизами. По степи странствовали проповѣдники корана изъ Казани, Оренбурга, даже изъ Бухары и Константинополя; мечети устраивались даже на казенный счетъ. Спохватилась, наконецъ, администрація, что дѣло не ладно, — задумала перевернуть исламъ въ христіанскую религію. Лѣтъ 30 тому назадъ одинъ изъ главныхъ администраторовъ края подалъ такое мнѣніе: «такъ какъ Киргизы — народъ слишкомъ неразвитый для такой высокой религіи, какова хри-

стіанская, то нельзя ли сдѣлать переходную, среднюю, между христіанской и магометанской». Такое соглашеніе религій не признали возможнымъ, но затормозили, однако, вредное вліяніе проповѣдниковъ корана. Было постановлено, что мулла, состоящій при волости, долженъ быть Киргизъ; вмѣстѣ съ тѣмъ затруднили постройку мечетей, изъяли Киргизовъ изъ-подъ вѣдѣнія оренбургскаго магометанскаго духовнаго собранія; проповѣдники корана, бродившіе по степи, были высланы. разумѣется, мѣры эти были приняты поздно, и магометанство успѣло уже пустить корни.

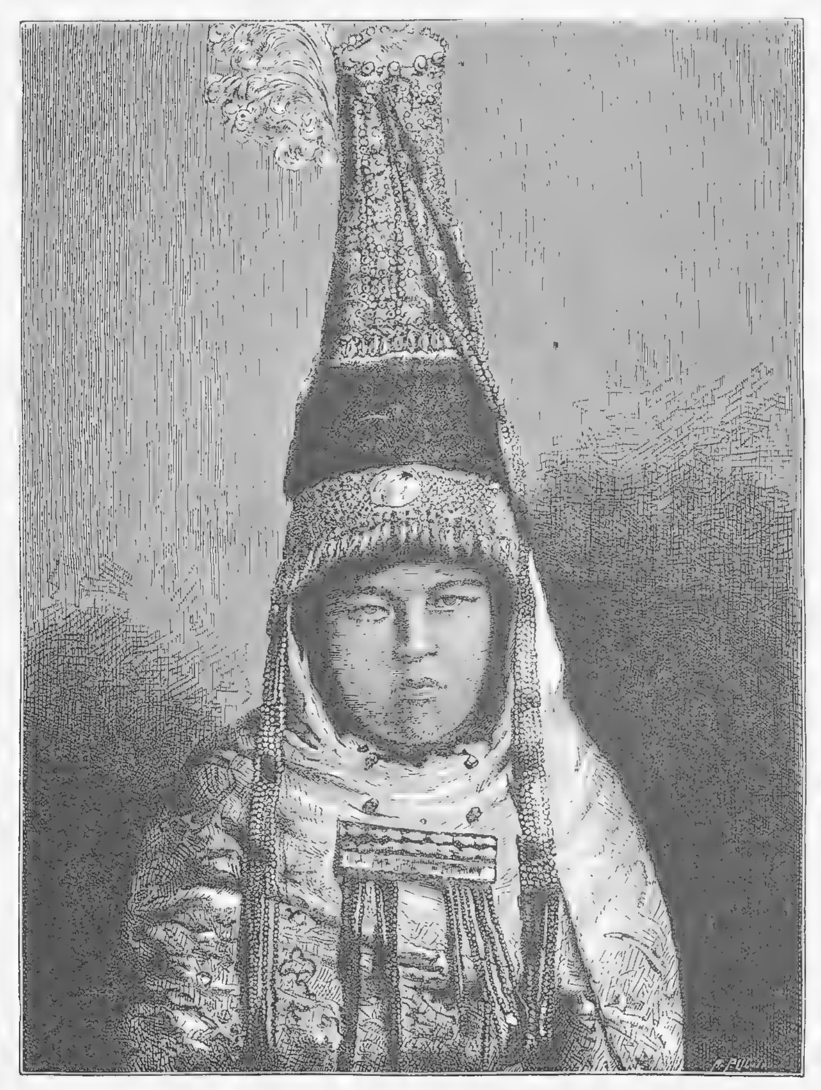
Какъ сказано уже, рѣдкій Киргизъ въ Семипалатинской области не имѣетъ зимовки, но все-же душа его лежитъ больше къ юртѣ, и какъ только время года позволяетъ, онъ перебирается въ юрту. Большая, богатая юрта представляетъ довольно комфортабельное помѣщеніе. Самая большая юрта имѣетъ аршинъ двѣнадцать въ діаметрѣ. Ее ставятъ такъ: устанавливаютъ керегѐ — деревянную складную рѣшетку, вышиною аршина въ три; нѣсколько такихъ рѣшетокъ разставляютъ кругомъ, — и это составляетъ стѣны юрты; затѣмъ, на баканѣ — длинной, толстой жерди, съ раздвоеннымъ тупымъ концомъ, подымаютъ, надъ серединой ставящейся юрты, чанаракъ — толстый деревянный обручъ; весь обручъ прорѣзанъ кругомъ гнѣздами; въ нихъ вставляютъ тонкія выгнутыя палки и другимъ концомъ привязываютъ ихъ къ керегѐ; такимъ образомъ образуется крыша или сводъ юрты; въ керегѐ съ одной стороны оставляютъ пространство для двери, куда вставляютъ деревянную раму; затѣмъ юрту стягиваютъ кругомъ, для прочности, широкой шерстяной тесьмой.

Вотъ остовъ юрты и готовъ, — совершенно птичья клѣтка! Теперь по наружной сторонѣ заставляютъ вплоть по керегѐ «чіемъ» — родъ ширмы, сдѣланной изъ палочекъ чія, перевитыхъ гарусомъ и шелкомъ, богатымъ узоромъ. На «чій» натягиваютъ кошмы. Это — самая трудная и важная часть при постановкѣ юрты; надо такъ натягивать ихъ, чтобы не осталось ни малѣйшей скважины. Сводъ юрты также обтягивается кошмами; по бортамъ онѣ украшены вышивками изъ чернаго и краснаго сукна, нашитаго въ узоръ бѣлымъ гарусомъ. На чанаракъ набрасывается особый четыреугольный кусокъ кошмы, тюндюкъ, съ пришитой къ нему, къ двумъ противоположнымъ угламъ, тесьмой. Онъ изображаетъ ставню; за тесьму его двигаютъ по чанараку, играющему роль окна и дымовой трубы. Иссыкъ — кошемная дверь — вышита всего богаче, на дабовой подкладкѣ. Хорошо ее привѣсить — тоже дѣло хитрое. Кошемную дверь поднимаютъ на арканахъ, подобно тому, какъ у насъ сторы.

Внутри по керегѐ вѣшаютъ ковры и тикиметли, т. е. ковры, вышитые по сукну суконными или бархатными накладными вышивками. Сводъ юрты убираютъ тикиметями же или вышивками шелкомъ по бѣлой бязи. Полъ устилаютъ кошмами и поверхъ ихъ коврами; иногда подъ чанаракъ вѣшаютъ балдахинъ. Меблировку юрты составляютъ: небольшіе сундуки, поставленные по керегѐ и накрытые шелковыми курпѐ, — кровать, стоящая за шелковою занавѣсью, — низенькіе татарскіе столики, мѣдный тазъ и прочая домашняя рухлядь. Вмѣсто перины или тюфяка на кровати лежатъ въ нѣсколько рядовъ курпѐ; подушки шелковыя; на день постель покрываютъ богатыми покрывалами изъ китайскаго манлыка съ золотой бахромой кругомъ, или вышитыми бухарскими коврами. Огонь разводятъ посрединѣ юрты, для чего раздвигаютъ ковры и выкапываютъ углубленіе для дровъ или кизяка. Огонь въ юртѣ всегда крайне непріятенъ; несмотря на открытый чанаракъ, дымъ наполняетъ юрту. Домашнюю утварь составляютъ: таганы, казаны, чайники (мѣдные и чугунные), деревянныя блюда и чашки для мяса и фарфоровыя (въ родѣ нашихъ полоскательныхъ) для кумыса и чаю, кожаныя бутыли (сабы и турсуки), неуклюжія, деревянныя, громадныя ступы, въ которыхъ обдираютъ крупу, ведерки деревянныя и изъ невыдѣланной, прокопченной кожи.

Такова богатая юрта. Бѣдная же состоитъ изъ керегѐ, чія безъ всякихъ украшеній и закоптѣвшихъ, часто изодранныхъ, кошемъ. Внутри юрты, въ передней части, ягнята и телята; посрединѣ — очагъ; надъ нимъ таганъ съ казаномъ или чугунный чайникъ; въ глубинѣ юрты — нары, убогіе сундучишки, деревянныя чашки, ведерки и кошмы, замѣняющія и постель, и подушки, и ковры.

Зимовки богатыхъ Киргизовъ — дома, хорошо выстроенные, въ нѣсколько комнатъ. Къ нимъ примыкаютъ обширные крытые дворы для скота. Внутреннее убранство то же, что и въ юртѣ. Исключеніе представляетъ домъ султана Али-хана, у котораго одна комната отдѣлана по-европейски, съ мягкой, хорошей мебелью. Зимовки бѣдныхъ Киргизовъ — землянки. Стѣны землянокъ, а также и смежныхъ съ ними крытыхъ дворовъ, сдѣланы изъ плетней тальника,

Свадебный головной уборъ Киргизки.

поставленныхъ на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга; промежутокъ между плетнями плотно засыпанъ землей. Убранство то же, что и въ бѣдной юртѣ. Въ лѣсныхъ мѣстностяхъ есть бѣдныя зимовки изъ бревенчатыхъ срубовъ; мѣстами ихъ дѣлаютъ изъ кирпича сырца, словомъ — изъ разнообразнаго имѣющагося подъ руками матеріала.

Необходимую принадлежность каждой юрты составляютъ два музыкальные инструмента: домбра — двуструнная балалайка, и сыбызга — флейта. Около зимовокъ сложены, какъ у насъ, полѣнницы дровъ или плитки сушенаго кизяка и кія (овечьяго, конскаго и коровьяго удобренія)

служащихъ топливомъ, и стоги сѣна для мелкаго скота. Кромѣ скота, богатство Киргиза заключается въ вещахъ: коврахъ, шубахъ, сѣдлахъ и сбруѣ, отдѣланныхъ серебромъ и дорогими камнями, женскихъ уборахъ и т. д. *Саукеле* — свадебный парадный головной уборъ Киргизки — доходитъ цѣнностью до 2,000 руб.; онъ украшенъ жемчугомъ, кораллами, драгоцѣнными камнями и дорогимъ мѣхомъ.

Занятія богатаго Киргиза ограничиваются тѣмъ, что онъ, время отъ времени, объѣзжаетъ свои стада и табуны и охотится съ борзыми, беркутами или соколами. Дома онъ проводитъ время въ совершенномъ бездѣйствіи, болтая съ одноаульцами, играя въ довольно азартную игру — *тауздукъ*, слушая сказочниковъ и пѣвцовъ, принимая у себя гостей. До новостей Киргизы страстные охотники, — нигдѣ такъ быстро не расходятся онѣ, какъ въ степи. Кто-то выразился, что у Киргизовъ существуетъ «почта духовъ».

На женщинахъ лежатъ всѣ заботы по дому и хозяйству, не исключая даже разборки и установки юртъ. При перекочевкахъ онѣ же вьючатъ и развьючиваютъ скотъ. Кромѣ того женщины ткутъ армячину, прядутъ шерсть, валяютъ вмѣстѣ съ мужьями кошмы, вышиваютъ украшенія на юртахъ и тикиметн, красятъ шерсть, изготовляютъ чіи и проч.

Пищу богатыхъ Киргизовъ составляетъ кумысъ и мясо рогатаго скота, молодыхъ кобылъ, жеребятъ, барановъ и верблюдовъ. Заготовленіе мясныхъ продуктовъ производится разъ въ годъ, въ ноябрѣ. Богатыя семьи рѣжутъ до десяти кобылъ, около пятидесяти барановъ, двухъ-трехъ штукъ рогатаго скота и изрѣдка верблюда. Мясо рогатаго скота сберегаютъ мерзлымъ; изъ кобыльяго мяса и крови дѣлаютъ *казы* (копченое мясо, въ родѣ колбасъ, нѣсколькихъ сортовъ). Часть баранины вялятъ и коптятъ, часть берегутъ мерзлою. Зимою главную пищу составляетъ это мясо и кижё — очень жидкая кашица изъ проса, пшена или ячменя; въ нее прибавляютъ куски курдючнаго сала или молока. Бѣдные питаются одною кижё, даже безъ сала. Чай во всеобщемъ употребленіи. Бѣдные пьютъ исключительно кирпичный чай, приготовляя его въ чугунныхъ чайникахъ или казанахъ безъ всякихъ добавленій; богатые пьютъ настоящій чай, и нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ даже самовары. Къ чаю подаютъ татарскіе баурсаки и аладьи изъ пшеничнаго тѣста на молокѣ, жареныя въ курдючномъ салѣ. Вмѣсто сахару, рѣдко употребляемаго Киргизами, подаютъ къ чаю медъ, урюкъ (сушеные абрикосы) и кишъ-мишъ. Иногда пьютъ чай прикусывая русское масло, какъ у насъ сахаръ, или просто прибавляютъ его въ казанъ или чайникъ. Весною, когда изобиліе молока, Киргизы питаются почти исключительно молочными скопами во всевозможныхъ видахъ. Изъ нихъ особенно важенъ для Киргиза такъ-называемый *куртъ*, заготовляемый, и бѣдными, и богатыми, въ большомъ количествѣ. Куртъ приготовляется изъ смѣшаннаго овечьяго, козьяго, коровьяго и верблюжьяго молока. Его кипятятъ, заквашиваютъ; въ получившійся творогъ прибавляютъ муки и отжимаютъ столбиками. Собираясь въ дальнюю поѣздку, въ лѣтнее время, Киргизъ спускаетъ нѣсколько столбиковъ курта въ турсукъ съ водой, приторочиваемый къ сѣдлу. Изъ курта съ водой получается прохладительное, кислое, питательное питье, имѣющее, кромѣ того, цѣлебное дѣйствіе, въ случаѣ дизентеріи.

Свадебные и похоронные обряды, обряды при рожденіи ребенка, нареченіи ему имени, переложеніи его въ зыбку, сажаніи его въ первый разъ на лошадь и т. д., сопровождаются различными церемоніями и угощеніемъ въ самыхъ широкихъ размѣрахъ; сзывается весь аулъ, а иногда и волость; послѣ угощенія, обыкновенно, устраиваются всевозможныя состязанія. Киргизская дѣвушка пользуется до замужества совершенной свободой, но, со вступленіемъ въ бракъ, дѣлается вполнѣ рабой своего мужа. Да и мужа-то она не сама выбираетъ, несмотря даже на то, что правительствомъ предоставлено право выходить замужъ по желанію, а не за жениховъ, которымъ родители запродаютъ своихъ дочерей за извѣстный калымъ. Въ полномъ ходу еще старые порядки. Пріѣзжаютъ сваты, заявляютъ хозяину дома о желаніи такого-то просватать за своего сына его дочь, договариваются о калымѣ и, когда три четверти его уплачены,

женихъ вступаетъ въ права мужа; когда же уплатитъ весь калымъ, чтò бываетъ большею частью года черезъ два, беретъ жену-невѣсту къ себѣ въ домъ. Все это обставлено безконечными церемоніями, пированьями, обрядами, основанными большею частью на примѣтахъ, безконечнымъ обмѣномъ подарковъ.

Калымъ, т. е. выкупъ за невѣсту, самый богатый — во сто кобылъ и самый бѣдный — въ 27 кобылъ; ниже этого калыма не бываетъ. Выплачивается онъ не только кобылами, но и верблюдами, иноходцами, скотомъ, на сумму ста кобылъ. У богатыхъ, въ видѣ прибавки, даютъ стальную кольчугу, дрессированнаго беркута, ружье, или, если такихъ вещей нѣтъ у жениха, то прибавляется еще двадцать пять кобылъ. Приданое невѣсты у богатыхъ почти всегда равняется калыму, или даже и превышаетъ его.

Киргизскія понятія о нравственности весьма либеральны въ отношеніи дѣвушекъ. На очень близкія отношенія молодежи смотрятъ снисходительно, лишь бы избранникъ былъ одноаулецъ или хоть одной волости съ дѣвушкой. Если же она изберетъ себѣ возлюбленнаго изъ чужой волости, — вся одноаульная съ ней молодежь будетъ мстить ея возлюбленному, и дѣло нерѣдко кончается убійствомъ.

Киргизская охота съ беркутами.

Рядомъ съ такимъ либеральнымъ взглядомъ — слѣдующее требованіе, совершенно несовмѣстимое съ предоставленною дѣвушкамъ свободою. Киргизка не должна имѣть дѣтей не только дѣвушкою, но и невѣстою, хотя бы женихъ ея нѣсколько лѣтъ уже пользовался правами мужа. Быть матерью она имѣетъ право лишь тогда, когда взята въ домъ жениха-мужа. Эти требованья приличій соблюдаются посредствомъ «кызылъ-ча», чая изъ трехъ травъ.

Пріѣзжая на свиданія съ невѣстою, всякій разъ съ вѣдома и разрѣшенія ея родителей, женихъ не показывается въ ея аулѣ, а останавливается за ауломъ, въ укромномъ мѣстѣ, гдѣ ставитъ привезенную съ собой палатку. Товарищи жениха, привязъ его коня, идутъ съ подарками къ отцу невѣсты объявить объ его пріѣздѣ и передаютъ привезенные женихомъ подарки.

Пока мать и отецъ невѣсты принимаютъ подарки и размѣщаютъ гостей, подруги невѣсты идутъ къ жениху. Завидя ихъ, женихъ дѣлаетъ имъ поклонъ, наклоняя туловище такъ, чтобы коснуться пальцами носковъ своихъ сапогъ, потомъ, медленно выпрямляясь, ведетъ руки по сапогамъ до колѣнъ.

Дѣвушки пируютъ съ женихомъ до вечера. Онъ даетъ имъ подарки. Вечеромъ отецъ невѣсты дѣлаетъ угощенье товарищамъ жениха и своимъ одноаульцамъ. Дѣвушки и молодыя женщины носятъ жениху, въ его палатку, по блюду каждаго кушанья.

По окончаніи угощенія, одноаулецъ или кто-нибудь изъ сосѣдняго аула уводитъ невѣсту, прячетъ ее у себя и собираетъ гостей. Послѣ угощенія, женщины и дѣвушки остаются въ юртѣ, а молодежь—за юртой; кошмы, чій и ковры снимаютъ съ керегé, такъ что женщины сидятъ точно въ клѣткѣ; между ними и молодежью, всю ночь, до свѣта, идетъ состязаніе въ импровизированныхъ пѣсняхъ. Поютъ попарно мужчина и женщина; вся суть въ томъ, чтобы сконфузить противника и заставить замолчать.

Къ разсвѣту гости раздѣляются на двѣ партіи: одна, одноаульцы невѣсты, требуетъ, чтобъ

ее отпустили домой; противная партія, которая увела невѣсту, не выдаетъ ея. Начинается борьба. Если побѣда на сторонѣ невѣстиной партіи, — ее уносятъ на коврѣ въ ея семью; если же отнять не хватитъ силъ,—ее выкупаютъ за девять блюдъ и девять чашекъ какого-нибудь кушанья. Выкупивъ невѣсту, ее точно такъ же торжественно относятъ на коврѣ въ ея юрту и сажаютъ на кровать за занавѣсомъ. Тутъ она плачетъ причитывая, прощается съ отцомъ и матерью и родною семьею, обнимаетъ ихъ, а затѣмъ двѣ молодыя женщины отправляются къ жениху и просятъ пожаловать къ невѣстѣ. Онъ даетъ имъ подарки «за зовъ жениха», беретъ съ собой одного товарища, несущаго съ нимъ небольшіе подарки, и идетъ съ нимъ и пришедшими женщинами къ невѣстѣ. На дорогѣ имъ встрѣчается женщина, лежащая ницъ, притворяясь мертвою; женихъ даетъ ей подарокъ — «старуха умерла». Она встаетъ и идетъ съ ними. Потомъ встрѣчаютъ женщину, бросающую имъ поперекъ дороги бака́нъ. Переступить черезъ бака́нъ считается дурною примѣтою. Женихъ даетъ ей подарокъ; она убираетъ бака́нъ и присоединяется къ нимъ. Вслѣдъ затѣмъ онъ встрѣчаетъ еще женщину, которая, лежа на землѣ, ворчитъ, изображая собаку. Получивъ подарокъ, изображавшая собаку встаетъ и замыкаетъ шествіе. Роль собаки принимаютъ на себя самыя бѣдныя женщины. У дверей невѣстиной юрты женщина преграждаетъ жениху дорогу; онъ даетъ ей подарокъ, и она впускаетъ его. У занавѣса въ юртѣ его встрѣчаютъ еще двѣ женщины — одной онъ даетъ подарокъ «за поднятіе занавѣса», другой — «за уборку постели». Онѣ берутъ подарки и впускаютъ жениха за занавѣсъ. Тамъ онъ находитъ невѣсту съ ея родственницей — свахой (дженге) и еще одною женщиною, лежащею на постели. Женихъ даетъ ей подарокъ «за сидѣнье на постели». Она сходитъ съ постели и уходитъ за занавѣсъ. Тогда сваха беретъ жениха за руку и позволяетъ погладить невѣсту по головѣ, затѣмъ соединяетъ ихъ руки, получаетъ подарокъ «за обниманіе невѣсты» и уходитъ, оставляя ихъ однихъ.

Киргизъ, спустившій съ руки сокола.

Во все время пребыванія жениха у невѣсты, ея отецъ и мать не видятъ его. По прошествіи трехъ-четырехъ дней, женихъ собирается домой. Отецъ невѣсты присылаетъ ему подарки; товарищей жениха тоже одѣляютъ подарками; но это зависитъ отъ средствъ и щедрости отца невѣсты, этихъ подарковъ можно и не давать. Сваха передаетъ жениху отъ имени невѣсты подарокъ изъ различныхъ мелочей: серьги, кольца и т. д. При въѣздѣ жениха въ свой аулъ, его встрѣчаютъ сестры съ подругами-дѣвушками, и онъ раздаетъ имъ эти вещицы нарасхватъ. Иногда случается, что въ первый пріѣздъ женихъ не входитъ въ юрту невѣсты, а сваха соединяетъ ихъ руки сквозь кереге́, позволяетъ жениху погладить невѣсту по головѣ, и затѣмъ онъ уѣзжаетъ. До взятія невѣсты въ свой домъ, женихъ пріѣзжаетъ къ ней въ годъ по нѣскольку разъ и живетъ по мѣсяцу, но также тайно, т. е. будто-бы тайно, отъ всѣхъ. Дженге устраиваетъ ихъ свиданіе.

Передъ пріѣздомъ жениха за невѣстой, т. е. передъ свадьбой, невѣста ѣздитъ прощаться съ родными и знакомыми; ее сопровождаютъ только дѣвушки, ея подруги. Всѣ даютъ ей подарки, которые принимаютъ за нее ея подруги.

Въ день свадьбы, какъ только аулъ проснется, женщины и дѣвушки собираются въ юрту отца невѣсты и тамъ кроятъ и шьютъ, изъ привезенныхъ женихомъ кошмъ, юрту молодымъ; онѣ же нашиваютъ на нее вырѣзанное разными фигурами разноцвѣтное сукно, заготовленное заранѣе невѣстою. Покончивъ эту работу, ставятъ юрту молодымъ, причемъ даютъ подымать чапаракъ на баканъ самой счастливой въ замужествѣ женщинѣ. Всѣ участвовавшіе въ постановкѣ юрты собираются въ нее съ женихомъ и невѣстой. Пока приготовляется угощеніе для свадебнаго пира, состоящее почти исключительно изъ мяса и кумыса, одна молодая женщина изъ числа гостей одѣвается въ свадебный нарядъ невѣсты и садится на коня, другая, по возможности богато одѣтая, беретъ параднаго коня невѣсты, и обѣ ѣдутъ по своему и сосѣднимъ ауламъ приглашать на свадьбу.

Послѣ угощенія гостей и удаленія съ пира стариковъ, молодежь садится на коней, подъѣзжаетъ къ юртѣ невѣсты и требуетъ *мюшь* (кость отъ задней ноги барана). Мать невѣсты подаетъ имъ эту кость, завернутую въ парчу, полубархатъ, а у бѣдныхъ — въ миткаль. Успѣвшій схватить ее, скачетъ, стараясь скрыться съ нею отъ преслѣдующихъ его товарищей; начинается игра. Тутъ щеголяютъ конями и ловкостью, гоняясь другъ за другомъ и увертываясь отъ преслѣдованій. Нѣсколько разъ эта кость переходитъ изъ рукъ въ руки, пока, наконецъ, кому-нибудь не удастся ускакать съ нею и скрыться. Если мать невѣсты не дастъ мюшь, стаскиваютъ кошмы съ юрты и волочатъ ихъ по степи. Затѣмъ молодежь требуетъ сватовъ, разыскиваетъ ихъ, если они прячутся, и ведетъ на коняхъ къ юртѣ отца невѣсты, съ передней части которой заблаговременно сняты кошмы. Въ юртѣ сидитъ множество молодыхъ женщинъ. Подведя свата къ отверстію юрты, молодежь схватываетъ его и бросаетъ къ женщинамъ; тѣ колотятъ его, какъ могутъ, пока онъ не уйдетъ отъ нихъ. Ловкій же сватъ, когда его подводятъ къ юртѣ, самъ бросается съ коня въ юрту и, обороняясь отъ женщинъ, успѣваетъ невредимо проскочить въ двери. Потомъ вся молодежь отправляется въ ту семью, куда уводили невѣсту и гдѣ прятали ее въ первый пріѣздъ жениха; тамъ проводятъ время въ играхъ и пѣсняхъ. Жениху и невѣстѣ предоставляется, по желанію, быть тутъ или не быть.

Съ тѣхъ поръ какъ Киргизы приняли магометанство, наканунѣ отъѣзда невѣсты изъ родительскаго дома приглашается мулла. Онъ совершаетъ обрядъ вѣнчанія. Невѣсту и жениха сажаютъ рядомъ въ передней части юрты; отецъ и мать садятся рядомъ съ ними, мулла напротивъ. На правой сторонѣ юрты сидятъ свидѣтели. Передъ женихомъ и невѣстой ставятъ чашу съ водой. Мулла беретъ съ руки невѣсты кольцо, опускаетъ его въ воду и читаетъ молитву. Потомъ спрашиваетъ жениха и невѣсту, желаетъ ли онъ взять ее въ жены и она быть его женой. Затѣмъ вынимаетъ кольцо изъ чаши, передаетъ его невѣстѣ и даетъ жениху, невѣстѣ, ея родителямъ и свидѣтелямъ отпить воды изъ чаши Наконецъ, мулла записываетъ въ метрическую книгу вступившихъ въ бракъ. Гдѣ нѣтъ поблизости муллы, къ нему ѣдутъ свидѣтели и заявляютъ, что такіе-то вступили въ бракъ. Мулла записываетъ ихъ имена въ книгу, свидѣтели подписываются, — тѣмъ церемонія вѣнчанья и ограничивается. Въ болѣе же отдаленныхъ мѣстностяхъ обходятся и безъ этого.

Въ день, назначенный для отъѣзда, поутру, свахи приглашаютъ молодаго въ юрту отца невѣсты, гдѣ, въ присутствіи сватовъ, ему показываютъ приданое, состоящее изъ «девятокъ»: девять ковровъ, девять тонъ (женское платье, покроемъ похожее на нашъ зипунъ, большею частью изъ дорогихъ китайскихъ шелковыхъ матерій, отдѣланныхъ мѣхомъ или галуномъ), девять халатовъ, девять рубахъ и т. д. У самыхъ богатыхъ это увеличивается въ десять разъ, и всего дается по 90 штукъ.

Передъ осмотромъ приданаго, молодую приводятъ въ юрту отца и сажаютъ за занавѣсъ. Она назначаетъ, какую желаетъ взять себѣ лошадь изъ отцовскаго табуна. Затѣмъ женщины одѣваютъ ее въ саукеле, тонъ и проч. Во время одѣванія, она плачетъ, причитая, что теперь

она оторвана отъ своей родной семьи, отъ своего роднаго крова. Приданое и юрту молодой навьючиваютъ на верблюдовъ; ихъ тоже отдаютъ въ приданое.

Когда все готово и лошадь молодой осѣдлана и убрана парадною попоной, молодая обнимаетъ отца и плачетъ, причитая, о разлукѣ съ нимъ; потомъ также прощается съ матерью и другими родными и знакомыми. Когда она простится со всѣми, кто-нибудь изъ родныхъ беретъ кусокъ мяса или какой-нибудь другой пищи, завертываетъ его въ лоскутокъ и обводитъ три раза надъ головой молодой, чтобы домашнее счастье не ушло вмѣстѣ съ нею. Передъ тѣмъ, какъ вывести молодую изъ юрты, кто-нибудь изъ молодыхъ парней подъѣзжаетъ на конѣ къ юртѣ и передъ дверью поетъ пѣсню; одна изъ женщинъ, находящихся въ юртѣ, отвѣчаетъ ему пѣснею-же. Парень поетъ:

Желтѣя показывается разсвѣтъ. Бійкемъ (княжна),

Скучаю и страдаю я по тебѣ!
Слетали съ моря два гуся:
Одинъ былъ какъ снѣговая пыль,
Другой сизо-бѣлый — бійкемъ.
Какъ въ ногѣ имѣется чашка и бабка,
Такъ и у царя имѣется сорокъ человѣческихъ умовъ.
Не сокрушайся, что у тебя остается здѣсь отецъ:
Если будешь хороша, то и тамъ у тебя есть свекоръ.
Не сокрушайся, что у тебя остается здѣсь мать:
Если будешь хороша, то и тамъ у тебя есть свекровь.

Въ отвѣтъ на это, одна изъ женщинъ поетъ:

Выпавшій снѣгъ весной полезенъ всему живущему;
Задвижется бѣлый берегъ въ зеленомъ лугу.
Сколько бы ни былъ хорошъ мой свекоръ,
Но съ роднымъ, вскормившимъ меня, отцомъ
Ему не сравняться!
Сколько ни была бы хороша моя свекровь,
Но съ матерью, вскормившей меня грудью,
Ей не сравняться!

По окончаніи пѣсенъ, молодую выводятъ подъ руки и сажаютъ на коня. Мать съ кѣмъ-нибудь изъ одноаульцевъ ѣдетъ провожать ее, сваты провожаютъ молодаго. Вся эта процессія, съ верблюдами, навьюченными юртой и приданымъ молодой, отправляется въ аулъ молодаго. Если онъ изъ другой волости, то послѣдній аулъ на границѣ невѣстиной волости требуетъ подарка. Кто-нибудь изъ аульныхъ встрѣчаетъ на конѣ процессію и получаетъ этотъ подарокъ.

Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до своего аула, молодой ѣдетъ впередъ, чтобъ дать знать своимъ родителямъ и аулу, что молодая жена его ѣдетъ. Юрта молодой тоже отправляется впередъ. Ее ставятъ собравшіяся женщины и дѣвушки; чанара́къ снова даютъ подымать самой счастливой женщинѣ. Поставивъ юрту, онѣ идутъ на встрѣчу молодой, взявъ съ собой пологъ. Встрѣтивъ ее и поздоровавшись съ ней, молодую снимаютъ съ коня и ведутъ подъ руки; пологъ растягиваютъ передъ ней и такимъ образомъ закрываютъ ее. Подходя къ аулу и своей юртѣ, она нѣсколько разъ преклоняетъ колѣно.

Придя съ молодой въ юрту, ея мать раздаетъ дѣвушкамъ и женщинамъ подарки — кольца, серьги и другія бездѣлушки, а женщинѣ, подымавшей чанара́къ, даетъ миткалю.

Въ слѣдующій вечеръ отъ отца молодаго приходятъ двѣ женщины приглашать молодую къ нему въ юрту; ее ведутъ подъ покрываломъ, и какъ только она переступитъ порогъ, дѣлаетъ поклонъ, преклоняя колѣно, склоняя голову и скрещивая на колѣнѣ руки, кистями внизъ. Свекоръ встрѣчаетъ ее словами «много твори добра, дочь». Молодая, сдѣлавъ шагъ впередъ, повторяетъ поклонъ, свекоръ говоритъ то же изреченіе. Тутъ постилаютъ сырую баранью шкуру

и приглашаютъ молодую сѣсть, на что она отвѣчаетъ тѣмъ же поклономъ, преклоняя колѣно, но садится только послѣ повтореннаго приглашенія. Затѣмъ подаютъ на блюдахъ мясо всѣмъ гостямъ, кромѣ молодой; ее угощаютъ подруги — молодыя женщины. Свекоръ остатки съ своего блюда тоже подаетъ молодой — она принимаетъ, преклонивъ колѣно, а онъ ей повторяетъ: «много твори добра, дочь», и читаетъ молитву.

Послѣ этого кто-нибудь изъ старшихъ требуетъ, чтобъ открыли лицо молодой. Киргизка показывается съ открытымъ лицомъ всѣмъ младшимъ родственникамъ своего мужа; *старшимъ же* — никогда. Послѣ свадьбы молодая, въ теченіе года, носитъ покрывало и снимаетъ его ранѣе только въ случаѣ траура. Мать малодой подаетъ кому-нибудь изъ молодыхъ людей кусокъ бѣлой дабы. Онъ привязываетъ его на конецъ палки или ружейный шомполъ и поетъ, выпрашивая *керюмдыкъ:*

Пріѣхала сноха, давайте керюмдыкъ! —
Не говорите *то* да *се*, а объявляйте, кто что даетъ?
Верблюда давайте бѣлаго, для счастливаго приплода;
Коня давайте сѣраго, чтобы былъ иноходецъ, да хорошъ собой;
Коровъ давайте черныхъ, чтобы не умирали отъ раны;
Барановъ давайте пестрыхъ, чтобъ изъ чаши не истощалось сало;
Собаку давайте злую, чтобы не пускала со двора ни одной скотины.
Ты скажи, сноха! Ты скажи, сноха!....
Ты сдержи коня, сноха, осторожнѣе сороки!
Не вздергивай носикъ и губки и не дѣлай сплетень, сноха!
Скрипя своими зелеными сапожками, не гуляй по аулу и не сплетничай, сноха!
Хотя мѣшокъ и не завязанъ, не воруй курга!
Не заставляй мужа вставать ранѣе тебя съ постели.

Отецъ молодаго даетъ косякъ лошадей, мать — верблюда «девятку»; братья и сестры даютъ по своимъ средствамъ. По мѣрѣ того, какъ каждый объявляетъ свой керюмдыкъ, молодая приподнимаетъ покрывало и показываетъ свое лицо. Молодой можетъ и не присутствовать при этой церемоніи.

Киргизка въ свадебномъ нарядѣ.

Изъ юрты свекра молодая возвращается въ свою юрту, гдѣ три или четыре дня проводитъ со своею матерью и подругами, почти не видя мужа. При отъѣздѣ матери молодой, ей подводятъ лошадь молодыя женщины. Отецъ и мать молодаго дарятъ ей верблюда-«девятку», а сопровождающему ее — лошадь и халатъ.

Мать плача прощается съ дочерью, увѣщеваетъ ее быть послушной и дѣятельной. Затѣмъ садится на лошадь и уѣзжаетъ. Молодыя женщины и дѣвушки провожаютъ ее за аулъ; подаренный скотъ ведутъ за нею. Этимъ оканчиваются брачныя церемоніи.

Въ похоронныхъ обрядахъ Киргизовъ есть кое-что схожее съ нашими, есть много своеобразнаго и даже поэтичнаго. Къ умирающему призываютъ муллу или просто грамотнаго человѣка, чтобъ прочитать молитву изъ корана. Если умирающій въ силахъ, онъ повторяетъ слова молитвы. Жена и дѣти присутствуютъ при этомъ, но должны сидѣть совершенно тихо и не плакать. Иногда умирающій дѣлаетъ словесное завѣщаніе, назначая — кому обмывать его трупъ, что поручается всегда самымъ почтеннымъ, уважаемымъ и грамотнымъ людямъ. Мулла или человѣкъ, читавшій молитву, закрываетъ умершему глаза. Въ минуту кончины разсылаютъ гонцовъ въ четыре противоположныя стороны, или просто въ ту сторону, гдѣ кочуютъ волости. Гонцы приглашаютъ народъ на молитву, говоря, что такой-то удостоился быть въ окрестностяхъ Мекки. Всѣ скачутъ тотчасъ въ аулъ умершаго, не жалѣя ни себя, ни коней.

Если загонятъ коня, — не обращаютъ вниманія; если всадникъ убьется до смерти, — не только не считается несчастьемъ, а, напротивъ, счастливымъ событіемъ, такъ какъ черезъ то онъ дѣлается святымъ. За версту до юрты покойника, всадники, на всемъ скаку, начинаютъ перекачиваться на сѣдлѣ въ обѣ стороны и кричать: «Ой-бой, мой хозяинъ! Мой защитникъ! Моя надежда! Мое благосостояніе! Моя опора!» и т. д. Войдя въ юрту умершаго, плачутъ и обнимаются съ его женой и дѣтьми. Родные и дѣти причитаютъ въ такомъ родѣ: «Что мы теперь? Лишились своей Мекки! Защитникъ нашъ упалъ! Свѣтъ нашъ погасъ!..»

Пріѣзжающіе почетные люди обѣщаютъ покровительство и утѣшаютъ ихъ: «Да сохранитъ васъ Богъ въ будущемъ! Вамъ онъ былъ нуженъ, а народу еще болѣе необходимъ; но Богъ его хозяинъ — Его воля!»

Къ женѣ умершаго собираются женщины, снимаютъ съ нея головной уборъ (джаулукъ), расплетаютъ косу и повязываютъ голову кускомъ черной матеріи. Вдова снимаетъ съ себя всѣ украшенія: браслеты, кольца и т. п. То жедѣлаетъ весь аулъ; даже дѣвушки и молодые люди снимаютъ съ шапочекъ укё (украшенія). Послѣ обмыванья трупа, происходящаго съ большими церемоніями, завертываютъ тѣло въ саванъ — ахретъ (тонкая, бѣлая, ташкентская ткань). Мулла кроитъ и сшиваетъ ахретъ, для мужчинъ — въ три простыни, одна больше другой, для женщинъ — въ семь. Мулла завертываетъ тѣло въ ахретъ и завязываетъ его сдѣланными изъ ахрета же завязками надъ головой, по таліи и подъ ступнями. Женщину обмываютъ и завертываютъ женщины. Мулла или грамотный человѣкъ читаетъ коранъ за занавѣсомъ.

Въ день похоронъ на могилѣ сыновья покойнаго раздаютъ подарки — по девяткѣ (по 9 кусковъ матеріи) на каждый родъ, предоставляя представителямъ родовъ дѣлить ихъ.

Любимой лошади умершаго подрѣзаютъ на четверть хвостъ, и никто уже на нее не садится. При перекочевкахъ ее сѣдлаютъ лучшимъ сѣдломъ покойнаго, накладываютъ на нее лучшее его платье и парадный поясъ; шапку прикрѣпляютъ на переднюю луку. Дочь или ближайшая родственница-дѣвушка, верхомъ, ведетъ въ поводу эту лошадь, впереди кочевки. Передъ ней всадникъ везетъ найзу (пику) покойнаго, съ навязаннымъ на ней флагомъ, краснымъ — для молодаго человѣка, чернымъ — для человѣка среднихъ лѣтъ и бѣлымъ — для старика. Во время лѣтняго, весенняго, осенняго и зимняго стойбищъ, найза стоитъ въ юртѣ покойнаго, для чего въ сводѣ юрты прорѣзаютъ отверстіе. Послѣ смерти, три дня мулла приходитъ читать молитвы въ домѣ умершаго; столько же дней въ домѣ не варятъ пищи. По истеченіи этихъ дней, женщины собираются въ юрту вдовы, заплетаютъ ей волосы и вновь надѣваютъ джаулукъ; во время этой церемоніи, она плачетъ и причитаетъ особеннаго рода напѣвомъ. Вотъ одно изъ такихъ причитаній — плачъ жены по молодомъ мужѣ.

«О, царящая, владычествующая надъ всѣми смерть! Ты врагъ живой души, ты всѣхъ древнихъ пророковъ взяла себѣ. Смерть! Ты — темнота и болѣзнь живой души! Голосъ мой идетъ, какъ бушующій вѣтеръ, и вся душа облилась горемъ! Не далъ ты на себя посмотрѣть въ настоящей жизни! Стоны мои раздаются, какъ отъ укушенія фаланги, и я зову тебя, не жалѣя себя. Глаза мои, мой юный другъ, сверкаютъ, какъ у зайца, преслѣдуемаго гончею собакой. Разсталась я съ тобою, горемычная, какъ Козё-Курпешъ съ Баяномъ *(герои любимой киргизской баллады)*. Не пожилъ ты, мой дорогой, хотя двадцати лѣтъ! Не вѣрила я тому, что ты, любезный мой, умрешь, хотя ты и хворалъ. Царствіе тебѣ небесное, мой спутникъ, очевидецъ хорошихъ моихъ дней. Свалилося саукёле съ головы моей. Осталась я теперь скитаться безъ моего друга. Одно осталось у меня желаніе: моего милаго друга еще разъ увидѣть. О, веселая, прошлая моя жизнь! Что теперь будетъ со мною, несчастною? Отъ подругъ своихъ я отстала и сравнялась съ черною землей...»

Характеренъ также и слѣдующій плачъ дочерей объ отцѣ: «Отецъ, ты былъ наше счастіе и достояніе! Оставилъ ты насъ!... О, жизнь ты наша, жизнь обманчивая, отняла ты у

насъ отца! Дай ему въ той жизни царствіе небесное! Ты провелъ свою жизнь въ довольствѣ и былъ богатъ, имѣлъ четыре тысячи головъ скота. Въ ночное время для гостя ты былъ готовъ, какъ днемъ. Ты былъ такой человѣкъ, что при тебѣ плачущее дитя успокоивалось. Безъ тебя крылья наши надломились и сталь наша изогнулась!»

На третій же день, послѣ смерти, колютъ скотъ и дѣлаютъ угощенье сосѣдямъ и одноаульцамъ, но распоряжаются всѣмъ родственники; вдова не принимаетъ ни въ чемъ участія и не выходитъ изъ своей юрты. Цѣлый годъ она закрываетъ лицо. Если въ семьѣ есть сынъ, недавно женатый, то новобрачная, въ знакъ траура по свекрѣ, открываетъ лицо, т. е. снимаетъ покрывало, которое она носитъ въ первый годъ замужества. На седьмой день снова съѣзжается народъ. Тутъ, кромѣ угощенія, раздаютъ подарки обмывавшимъ умершаго.

Изъ сала заколотаго въ этотъ день скота дѣлаютъ восемьдесятъ свѣчъ; ихъ жгутъ по двѣ на закатѣ солнца въ передней части юрты покойнаго; при этомъ читается коранъ. Свѣчи зажигаетъ старшій сынъ; если нѣтъ сыновей, — жена. Когда всѣ свѣчи сгорятъ, т. е. пройдетъ сорокъ дней послѣ смерти, дѣлаютъ большія поминки. Затѣмъ, когда семьѣ удобно, — т. е. не зимой и не ранней весной, — дѣлаютъ поминки съ байгой (состязаніемъ). Всѣхъ приглашенныхъ оповѣщаютъ за мѣсяцъ, что въ такой-то день будутъ поминки и байга, и просятъ привезти съ собой кумысъ. Приглашенныхъ собирается такая масса, что для угощенья и пріема гостей собираютъ, на эти дни, со всей волости ковры, котлы для варенья мяса и блюда.

Степные наѣздники.

Народу на такихъ поминкахъ бываетъ иногда нѣсколько тысячъ. Всѣ бѣдняки, которые только въ силахъ добраться до мѣста, гдѣ совершаются поминки, угощаются наравнѣ съ прочими гостями и, какъ говорятъ Киргизы, наѣдаются до слѣдующихъ поминокъ.

Почти всѣ родные покойнаго принимаютъ участіе и помогаютъ семейству умершаго сдѣлать байгу возможно богатую, для чего привозятъ призы. Первымъ призомъ бываетъ два ямба (ямбъ—слитокъ серебра въ четыре съ половиной фунта) и косякъ лошадей; у богатыхъ даютъ до 200 лошадей на призъ. Призы назначаются 9-ти лошадямъ. Самая обыкновенная дистанція — двадцать пять или тридцать верстъ въ одинъ конецъ, —рысью, и обратно, то же пространство, — карьеромъ. Ѣздоки, большею частью, мальчики восьми, девяти лѣтъ.

Но бываютъ скачки и гораздо труднѣе. Однажды намъ показывали въ Алтайскихъ горахъ мѣсто, гдѣ недавно была байга; половина дистанціи — *въ гору* и *карнизомъ!* Разсказывали въ 1867 году про одну байгу въ Большой Ордѣ, гдѣ состязующіеся должны были обскакать сопку, сдѣлавъ 120 верстъ, и первый призъ состоялъ изъ 9-ти ямбъ серебра, 9 верблюдовъ, 90 лошадей и 900 барановъ. Во время скачки, пока ждутъ лошадей обратно, борятся пѣшіе и конные борцы — одно изъ любимѣйшихъ увеселеній Киргизовъ. Пѣшіе борятся, взявъ одинъ другаго обѣими руками за поясъ, по возможности отодвигаются другъ отъ друга и, нагнувшись, будто два быка, собравшіеся бодаться, долго топчутся на мѣстѣ и кругомъ. Вдругъ, одинъ изъ борцовъ вскидываетъ противника на воздухъ; но еще не побѣда; снова топчутся, натуживаясь и приспособляясь ухватить соперника покрѣпче за кушакъ. Наконецъ, одинъ изъ борцовъ изловчается, перекидываетъ черезъ себя противника и, быстро повернувшись, наступаетъ ему на грудь. Восторгъ и смѣхъ публики неописанный. Борцы на лошадяхъ становятся рядомъ, головами коней въ противоположныя стороны, берутся за руки и стараются стащить одинъ

другаго съ сѣдла. Лошади притомъ, разумѣется, прыгаютъ, кружатся; побѣда зависитъ не столько отъ силы, сколько отъ ловкости наѣздника и поворотливости лошади. Сдернувшій соперника съ сѣдла тащитъ его за собой по землѣ вонъ изъ круга, при одобрительномъ крикѣ и гвалтѣ толпы.

Пѣвцы, пѣвицы и сказочники съѣзжаются со всѣхъ сторонъ. Слушать сказки, пѣсни и баллады — одно изъ любимыхъ развлеченій Киргизовъ. Рѣдкіе поминки съ байгой обходятся совершенно мирно. То споры и ссоры изъ-за взявшихъ призы коней, то убьется или расшибется кто-нибудь во время скачки, то борцы озлобятся другъ на друга такъ, что ихъ едва растащатъ.

Ровно черезъ годъ послѣ смерти назначаютъ еще поминки, во время которыхъ закалываютъ любимую лошадь покойнаго и преломляютъ его пайзу. Киргизскія кладбища очень красивы, всегда расположены въ живописной мѣстности, около воды. Муллушки, по-нашему памятники, дѣлаютъ изъ сырцоваго кирпича, въ видѣ высокой четыреугольной каменной ограды, съ башенками по угламъ и дверью съ одной стороны; иногда дѣлаютъ ихъ и конусообразные. Въ оградѣ муллушки хоронятъ по нѣскольку человѣкъ изъ одной семьи или рода. Деревянныя муллушки строятъ въ формѣ домовъ, но съ половины высоты и до крыши стѣны ажурныя, рѣзныя. На могилѣ мужчины втыкаютъ его переломленную пайзу, иногда на нее надѣваютъ черепъ любимой лошади; на могилѣ женщины — бака́нъ, дѣвушки — дукъ съ арканомъ, которымъ онъ привязывается къ кереге̇; на могилу ребенка ставятъ его колыбельку.

Бакса (пѣвецъ; соотвѣтствуетъ шаману).

Киргизы относятся къ своимъ дѣтямъ съ большой нѣжностью, и уходъ за ними, сравнительно, хорошій. Новорожденный первые три дня проводитъ въ кошемномъ желобкѣ съ завязками, т. е. въ грубомъ видѣ англійскаго тюфячка. У богатыхъ Киргизовъ шьютъ новорожденнымъ ситцевыя или шелковыя рубашки и одѣяльца, у бѣдныхъ — прямо завертываютъ въ джабагу — верблюжій подшерстокъ, свалявшійся въ теченіе зимнихъ мѣсяцевъ; его снимаютъ съ верблюда весной, когда онъ линяетъ. Джабага мягка и нѣжна какъ пухъ. На третій день происходитъ торжественное переложеніе новорожденнаго въ колыбельку. Киргизская колыбелька плетется изъ тальника, въ видѣ крошечной кроватки на ножкахъ, съ невысокими закраинами и прутомъ для полога; въ нее положена и прикрѣплена постелька изъ джабаги, схожая фасономъ съ англійскими тюфячками, но съ такимъ приспособленіемъ, что колыбельки и постельки всегда опрятны. Приспособленіе это снимаютъ нѣсколько разъ въ день изъ колыбельки и насыпаютъ известью. Положивъ малютку въ колыбельку, мать завертываетъ его въ постельку и прилепливаетъ, вѣрнѣе — пеленаетъ широкой тесьмой, вмѣстѣ съ колыбелькой. Такимъ образомъ онъ лежитъ совершенно удобно, можетъ поворачиваться и двигать ручонками и ноженками свободно, не рискуя выпасть изъ колыбельки. Мать носитъ колыбельку, какъ корзинку, держа за прутъ, служащій для полога; на лошади она ставитъ ее передъ собой, что вполнѣ удобно. Вслѣдствіе этого удобства носить колыбельку, Киргизки чрезвычайно рѣдко берутъ малютку на руки.

Торжество переложенія въ колыбельку заключается въ слѣдующемъ. Колютъ барана и созываютъ всѣхъ одноаульцевъ. Самая почетная женщина перекладываетъ младенца въ колыбельку, а самый почетный мужчина даетъ ему имя. Въ настоящее время, у богатыхъ даетъ имя мулла, читая при этомъ молитву. Почетная особа даетъ имя, какое взбредетъ на умъ.

Попала на глаза собачья чашка, — онъ даетъ младенцу имя Итъ-айякъ (собачья чашка); Джанамъ-бала (дурной мальчикъ), Кучукъ (щенокъ), Джанъ-тасъ (каменная душа) и т. п. Иногда дѣвушку назовутъ Айгыръ (жеребецъ), Марджанъ (кораллъ) и т. д. Если новорожденный—мальчикъ, то въ день положенія его въ зыбку дѣлаютъ небольшую байгу; пускаютъ на бѣгъ трехлѣтнихъ лошадей (кунановъ) и, разумѣется, происходитъ неизбѣжная на всѣхъ киргизскихъ пиршествахъ борьба «болвановъ», т. е. борцовъ. Потѣхи-ради, борются и женщины, причемъ у нихъ слетаютъ джаулуки и прочія принадлежности туалета. Иногда устраиваютъ потѣшную байгу, на которой, вмѣсто лошадей, пускаютъ бѣжать женщинъ. Онѣ бѣгутъ съ четверть версты. Призъ прибѣжавшей первою — аршинъ ситцу.

Киргизскія аристократки никогда не принимаютъ участія въ этихъ играхъ и присутствуютъ только зрительницами. Когда ребенокъ начнетъ смѣяться, богатые люди снова дѣлаютъ празднество. Празднество повторяется, когда онъ начнетъ ходить. Когда ребенку минетъ три года, снова празднуютъ и его торжественно сажаютъ въ первый разъ на лошадь. До этого времени, его возитъ мать съ собою. Бѣдные дѣлаютъ эту церемонію и позднѣе, когда ребенку минетъ четыре — пять лѣтъ, словомъ когда позволятъ средства. Въ назначенный для праздника день колютъ скотъ и созываютъ одноаульцевъ. Женщины приносятъ съ собой, въ своихъ опоясках, куртъ и другіе продукты; входя, бросаютъ ихъ въ переднюю часть юрты, говоря: — «Радуемся вашему празднику, радуйтесь и вы!» Затѣмъ женщинъ помѣщаютъ въ отдѣльную отъ мужчинъ юрту и угощаютъ. Послѣ угощенія всѣ выходятъ изъ юртъ, и начинается потѣшная байга, по окончаніи которой мужчины расходятся, остаются только женщины и одинъ мужчина — самое почетное лицо аула. Женщины идутъ къ юртѣ и выносятъ ребенка, отецъ и мать передаютъ его почетному старику, а тотъ сажаетъ джигиту на сѣдло. Почетному старику дарятъ при этомъ халатъ. Джигитъ возитъ ребенка по аулу, и всѣ ему дарятъ—кто коня, кто подпругу, кто узду, кто куртъ, дѣтское сѣдло и т. д. Киргизское дѣтское сѣдло—съ очень высокими раздвоенными луками, на выступающихъ концахъ которыхъ — круглыя отверстія, куда просовываются палочки, какъ въ нашихъ дѣтскихъ качеляхъ; вмѣсто стремянъ — глубокіе и широкіе мѣшки, прикрѣпленные къ ленчикамъ, куда опускаютъ ножки малютки; палочки поддерживаютъ ребенка съ боковъ, высокія луки представляютъ опору спереди и сзади. Такимъ образомъ онъ сидитъ совершенно безопасно и упасть можетъ только съ лошадью. Сѣдельную подушку, чепракъ, стремена-мѣшки — богато вышиваютъ шелками и гарусомъ.

Лечатся Киргизы у баксовъ (почти тоже, что шаманы) и у «даргеровъ». «Даргеръ» щупаетъ пульсъ больнаго въ обѣихъ рукахъ и вискахъ, вообще — пародируетъ нѣкоторые докторскіе пріемы; лечитъ составляя самъ лекарства и лекарствами привозимыми изъ Ташкента. Въ ходу также и наши лекарства: хина, александрійскій листъ, нашатырь и многія другія. Бакса играетъ на кобызѣ — родъ громадныхъ размѣровъ мандолины, такъ что играютъ на ней, держа инструментъ передъ собой, какъ контрабасъ. Кобызъ увѣшанъ желѣзными подвѣсками различной формы. Никакой опредѣленной мелодіи нѣтъ. Бакса наигрываетъ смычкомъ какія-то дрожащіе, замирающіе, тоскливые звуки; пѣніе совершенно гармонируетъ съ игрою. Мало-по-малу бакса доходитъ до истерическаго состоянія; пѣніе прерывается всхлипываніями, судорожными движеніями; наконецъ, поющій впадаетъ въ изступленіе. Въ этомъ состояніи бакса и лечитъ. Изступленное состояніе зачастую бываетъ и притворное. Иногда одновременно дѣйствуютъ два бакса. Придя въ изступленное состояніе, баксы бросаютъ кобызы и ходятъ кругомъ юрты или, вѣрнѣе — около разведеннаго среди юрты огня. Если ихъ не остановятъ во время, они начинаютъ кусаться между собой, бросать другъ въ друга горящими головнями и т. д.

Семейныя отношенія Киргизовъ — самыя патріархальныя. Мужъ и отецъ — полный властелинъ и господинъ. Жена подаетъ ему ѣду, держитъ стремя, подымаетъ для него дверь юрты; безпрекословно обязана повиноваться ему; провинившейся женѣ связываютъ арканомъ ноги около щиколки, такъ что виноватая ходитъ какъ спутанная лошадь;

употребляютъ въ дѣло и тросточку изъ таволги. Но самое позорное наказаніе для жены-аристократки, если мужъ пошлетъ ее пасти барановъ. Жена и дѣти никогда не произносятъ имя мужа или отца, а говорятъ: «господинъ», или «отецъ». Старшая жена — госпожа и хозяйка въ семьѣ—имѣетъ право ходить по всей юртѣ мужа; младшія жены, хоть бы и любимыя, могутъ ходить только до очага, находящагося по срединѣ юрты. Онѣ никогда не переступятъ этой заповѣдной черты безъ позволенія старшей жены. Большую часть наслѣдства и отцовскую юрту получаетъ *«кенжде»*—меньшой ребенокъ.

У Киргизовъ этикетъ соблюдается строго. Киргизка Акъ-Суокъ (бѣлая кость), жена какого-нибудь султана, не уступитъ въ чопорности курляндскому барону. Напримѣръ, у Киргиза нѣтъ другаго экипажа, кромѣ верховой лошади или верблюда. Но однажды, въ бытность мою въ степи, султанша, ѣхавшая ко мнѣ съ визитомъ, узнавъ, что я пріѣхала въ тарантасѣ, не сочла приличнымъ прибыть иначе, какъ тоже въ экипажѣ. Пріѣхала она въ телегѣ, въ которой, въ видѣ сидѣнья, былъ устроенъ сундукъ, покрытый курпё. Кучеръ, въ чембарахъ и ушастомъ малахаѣ, сидѣлъ на другомъ сундукѣ, изображающемъ козлы, свѣсивъ ноги черезъ передокъ телеги, и, для проформы, держалъ возжи, такъ какъ кони, не знаюшіе возжей, были незанузданы и ихъ вели верховые Киргизы. Съ султаншей пріѣхала ея компаньонка, дочь обѣднѣвшаго султана. Такъ какъ этикетъ не позволялъ ей сидѣть рядомъ со своей «ханымъ» и ей, дочери султана, сѣсть рядомъ съ кучеромъ немыслимо,—то несчастная тряслась, сидя на бочку телеги, ногами внутрь. Дорога же въ степи, приспособленная только для верховой ѣзды, ужасна для экипажа, и путешествіе, сидя на бочку телеги, не только неудобно, но и рискованно, такъ какъ въ рытвинахъ и буеракахъ можно положительно сломать себѣ шею.

Жалованными халатами, медалями и прочими знаками отличія Киргизы весьма дорожатъ и гордятся. Киргизы, какъ было уже замѣчено, страстные охотники до сказокъ, балладъ, легендъ, пѣсенъ. Большая часть ихъ пѣсенъ — импровизація. Много есть поговорокъ и пословицъ, нѣкоторыя изъ нихъ очень мѣтки и весьма оригинальны. Приведемъ для примѣра слѣдующія: «Пусть лучше жена будетъ обезславлена, чѣмъ сапоги тѣсны». «Гляди на верхушку высокой горы, но къ подошвѣ ея не ходи». «Знай имя великаго человѣка, но къ нему не приближайся». «Не хули лошадь, на которую въ первый разъ сѣлъ, не хули товарища, съ которымъ въ первый разъ сошелся». «У кого рука сильна, у того и войлочный колъ войдетъ въ землю». «Не надѣйся ни на верховую лошадь, ни на свою жену.» «У кого двери худы, къ тому въ юрту не ходи», «у кого мать худая, у того дочку не бери». «Сорокъ поклоновъ тому, у кого разъ отвѣдалъ пищи».

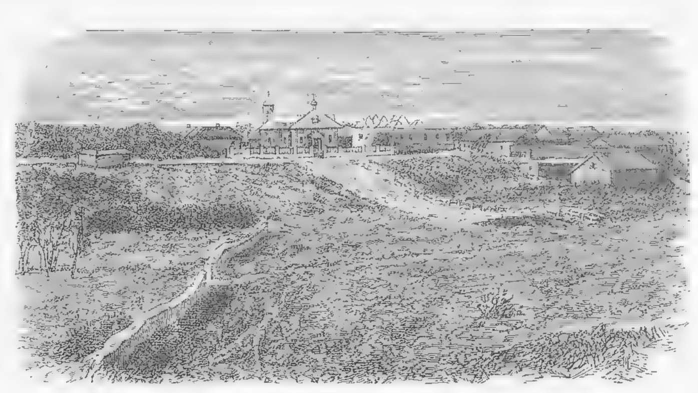
Отъ Аблайкета и до Караджала, послѣдней станціи въ Калбинскихъ горахъ, нѣтъ ничего замѣчательнаго, кромѣ золотыхъ пріисковъ. Калбинскій хребетъ спускается въ Зайсанскую равнину крутымъ, короткимъ скатомъ. Почтовая дорога изъ Усть-Каменогорска въ Кокбекты, отъ станціи Караджалъ, лежащей на сѣверномъ склонѣ Калбинскаго хребта, поднявшись на перевалъ, идетъ 7 верстъ отлогимъ спускомъ на равнину Караджальскимъ ущельемъ. Это ущелье, образуемое невысокими предгорьями, постепенно сливающимися съ равниною, тѣмъ не менѣе составляетъ зимою главнѣйшее препятствіе на всемъ пути отъ Устькаменогорска до Зайсана. Южные вѣтры, свободно гуляя по широкой площади Зайсанской низины, встрѣчаютъ крутую стѣну Калбинскихъ горъ и отражаются ею. Какъ только подымается вѣтеръ съ южной половины, у подножія Калбинскаго хребта разыгрываются бури, и Караджальское ущелье доверху заваливаетъ снѣгомъ. Почты и проѣзжающіе по недѣлямъ сидятъ на Караджальской станціи или въ Кокбектахъ, выжидая, когда утихнетъ вьюга.

На казакахъ этой станицы лежитъ совершенно своеобразная повинность: когда утихнетъ мятель, они отправляютсяпартіями, человѣкъ въ 50, протаптывать дорогу и выручать засѣвшія почты и проѣзжающихъ. Въ послѣдніе годы устроена спасательная станція, съ колоколомъ, гдѣ пут-

пики, застигнутые выогой, находятъ себѣ пріютъ, не рискуя пробираться черезъ Караджалъ или ворочаться въ Кокбекты.

Въ окрестностяхъ Кокбектовъ, въ плавняхъ Зайсана и въ низовьяхъ Кокбектинки, въ камышахъ водится много кабановъ. Казаки охотятся на нихъ послѣ заморозковъ, стараясь выгнать кабановъ изъ камышей на ледъ; казацкія лошади, подкованныя на острые шипы, идутъ по льду свободно, кабаны же скользятъ, и казаки колютъ ихъ пиками. Но даже и при этомъ условіи случается нерѣдко, что кабанъ подсѣкаетъ лошадей.

Въ 1869 году изъ Кокбектовъ въ строющійся на границѣ, 300 верстъ восточнѣе Кокбектовъ, Зайсанскій постъ ѣздили не иначе какъ съ конвоемъ; станцій не было — ихъ замѣняли поставленныя на время проѣзда юрты. Надо было брать съ собой кучера и упряжь, иначе пришлось бы запрягать первобытнымъ способомъ, т. е. привязывая лошадей къ экипажу *за хвосты*. Это практикуется и теперь, чтобъ заводить паромъ или переплыть на лодкѣ черезъ рѣку; лошади плывутъ, одинъ изъ стоящихъ въ лодкѣ держитъ ихъ за хвосты, другой, на рулѣ, направляетъ лодку весломъ. Запряжка лошадей въ тарантасъ была въ тѣ времена крайне затруднительна. На дикихъ, только-что пригнанныхъ изъ табуна лошадей накидывали арканъ, и цѣлая ватага Киргизовъ подтаскивала ихъ, одну за другой, къ невиданному дотолѣ страшилищу — тарантасу. Конь бьется, мечется въ стороны, взвивается на дыбы, падаетъ на землю; но Киргизы мертвой хваткой впились въ него, и буквально висятъ на немъ. Наконецъ, коренника кое-какъ затолкали въ оглобли, запрягли. Точно такой же процедурой подтаскиваютъ и пристяжныхъ, иногда завязавъ имъ глаза; ставятъ пристяжныхъ всегда мордой къ тарантасу, осторожно привязавъ постромки къ хомуту. Наконецъ, все готово; кучеръ — на козлахъ, собралъ въ руки ни къ чему ненужныя возжи; пассажиры — въ тарантасѣ, но сидятъ такъ, чтобы, въ случаѣ опасности, вылетѣть изъ тарантаса безпрепятственно и, слѣдовательно, съ возможно меньшими увѣчьями. Вотъ толпа Киргизовъ разбѣжалась; масса верховыхъ окружила тарантасъ. — «Айда!» Кони взвились, рванули; пристяжныя попали сами собой въ постромки, и летитъ тарантасъ цѣлиною по степи. Впереди его летитъ, словно смертью гонимый, верховой Киргизъ, держащій длинный чумбуръ отъ корневика; его обязанность — направлять бѣшеную, дикую тройку, чтобъ не залетѣла на косогоръ или въ глубокій арыкъ. Несется Киргизъ, сбивъ свой ушастый мѣховой малахай на спину; сидитъ въ полъ-оборота на высокомъ сѣдлѣ, туго держитъ поводъ своего коня; то зорко смотритъ впередъ, выбирая по возможности дорогу, то оглядывается на бѣшено несущуюся за нимъ тройку. Масса верховыхъ Киргизовъ скачетъ вокругъ тарантаса и помогаетъ гиканьемъ и нагайками направлять бѣгъ коней. Пассажиры сидятъ молча, стиснувъ зубы, крѣпко сжимая рукой бочокъ тарантаса, словно удерживая его отъ паденія. Но эта скачка продолжается только нѣсколько верстъ; затѣмъ, выбившіеся изъ силъ кони едва плетутся, и такъ стремительно вылетѣвшій со станціи тарантасъ еле-еле, шажкомъ, доползаетъ до слѣдующей станціи. Въ настоящее время устроены станціи, кони выѣзжены, такъ что путешествіе на Зайсанъ уже утратило прежнюю оригинальность.

Общій видъ Зайсанскаго поста.

Съ полупути, справа, показывается хребетъ Манрака, и виднѣется проходъ Иссыкъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ Манракъ сходится съ Тарбагатаемъ. Мѣстность становится холмистою. За

двѣ станціи до Зайсанскаго поста, синей полоской, влѣво отъ дороги, показывается озеро Норъ-Зайсанъ. Но вотъ и Кичкене-тау, въ буквальномъ переводѣ — маленькія горы, служащія предгоріемъ Саура. Вытекая изъ Саура, сквозь нихъ прорываются быстрыя рѣчки Уйдопе, Джемини, Темиръ-су и Киндерлыкъ. Изъ нихъ только Киндерлыкъ доходитъ до озера, остальныя исчезаютъ въ пескахъ Зайсанской равнины.

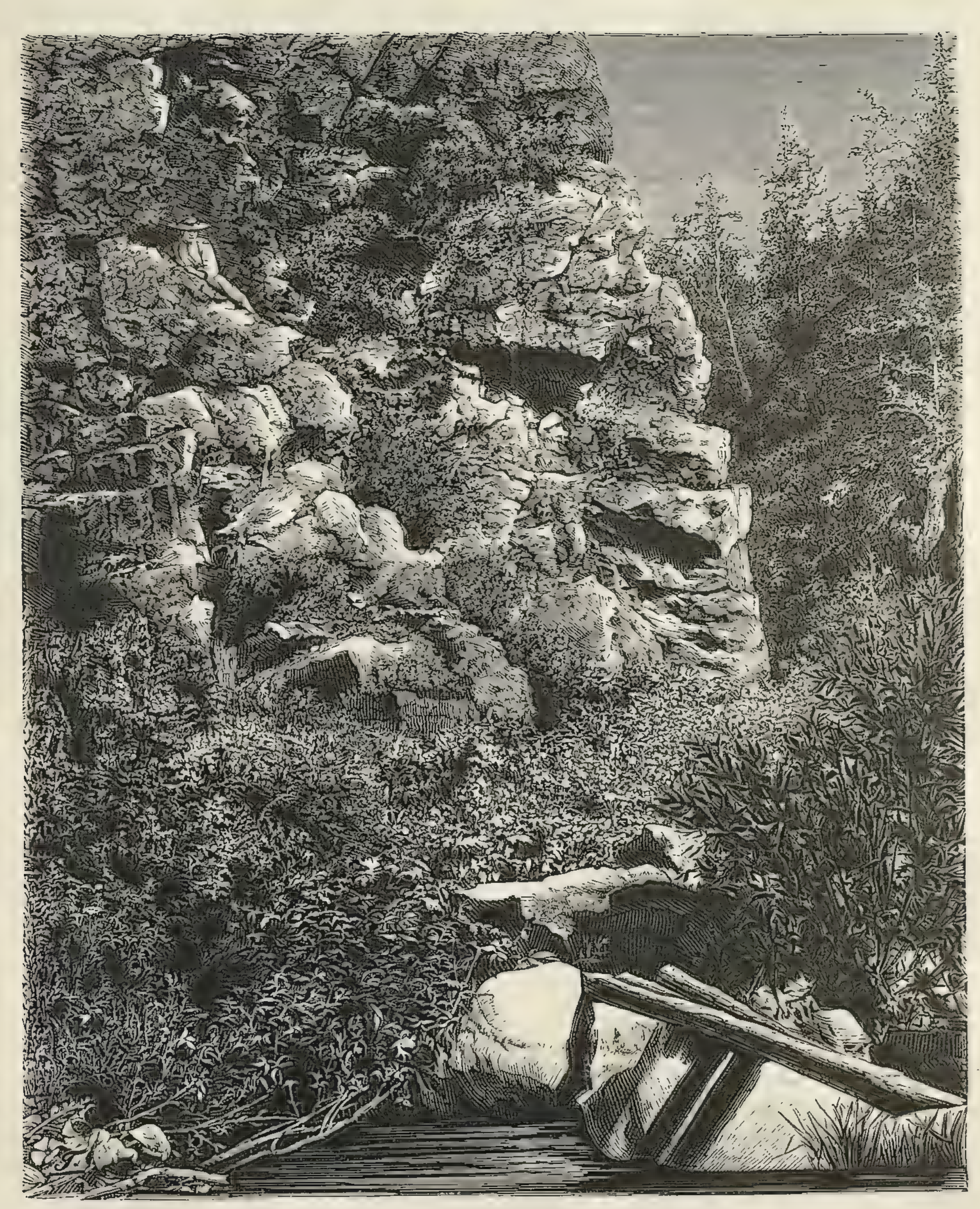
Зайсанскій постъ стоитъ на Джемини, у подножія Кичкене-тау, на высотѣ 2,200 ф., и отлогимъ скатомъ спускается въ Зайсану. Прекрасный видъ отсюда! Необозримая Зайсанская равнина, золотистая отъ чіевъ и пашенъ, сливается съ яснымъ, темноголубымъ небомъ. Чистота и прозрачность воздуха удивительныя. На горизонтѣ виднѣется иногда поднятый рефракціей Алтай. Влѣво темнѣетъ точка — Карабейрюкъ (Черная шапка), т. е. отдѣльная сопка на сѣверномъ берегу озера. Ближе видны, рѣзко отдѣляясь отъ желтаго чія, два дерева — «Косъ-агачъ», исполняющія роль маяковъ. Вправо отъ поста темнѣетъ хмурый Сауръ, подымается Сайканъ и бѣлѣютъ вершины Мусъ-тау.

Джеминийское ущелье.

Въ настоящее время Зайсанскій постъ — хорошенькій городъ, съ широкими, правильно разбитыми улицами, обсаженными деревьями троттуарами, т. е. дорожками для пѣшеходовъ, и вдоль нихъ бѣгутъ арыки проточной, чистой воды. Дома большею частью изъ сырцоваго кирпича. Кирпичъ выдѣлывается Торгоутами по 2 рубля за тысячу. Но есть и деревянные дома, такъ какъ лиственичнаго лѣсу много въ Темирсуйскомъ ущельѣ. Церковь очень хорошенькая, деревянная, базаръ, казармы, зимній клубъ. При входѣ въ Джеминийское ущелье — большой городской садъ, съ вокзаломъ, куда переселяется клубъ на лѣто. Черезъ Джемини устроены мосты. На противоположной сторонѣ расположена казачья станица, переселенная съ Бійской линіи.

Почва вокругъ Зайсанскаго поста очень плодородна, овощи родятся такихъ размѣровъ, что хоть на выставку посылай. Плодовыя деревья принимаются отлично и переносятъ зиму. Между тѣмъ въ Семипалатинскѣ, несмотря на жаркое и продолжительное лѣто, плодовыхъ деревьевъ нѣтъ, — они не выдерживаютъ тамъ суровой зимы. Всѣ сады, огороды и пашни орошаются разобранной на арыки Джемини. Къ сожалѣнію, не смотря на плодородную почву и удобное орошеніе, переселенная сюда казачья станица въ очень плохомъ положеніи. Главная причина, какъ кажется, заключается въ томъ, что при переселеніи съ Бійской линіи вызваны были охотники; зажиточнымъ домохозяевамъ, разумѣется, не хотѣлось бросать хорошо устроенное хозяйство, они и напяли всякій гуляющій, разорившійся людъ. Понятно, что съ такими работниками ничего не спорится.

Общество въ Зайсанѣ довольно большое; тамъ стоитъ артиллерія, пѣхота, казаки, есть управленіе приставства, купечество и т. д. Очень оживляетъ городъ масса постоянно толкущихся тамъ Киргизовъ, Татаръ, Торгоутовъ, Китайцевъ и Дунганъ. Въ клубѣ собирается все наличное общество; играютъ въ карты, танцуютъ подъ звуки трехъ скрипокъ и треугольника. Репертуаръ этого оркестра не богатъ: «*чижикъ*» (увы, раздѣлившій нынѣ свою безсмертную славу со «*стрѣлочкомъ*»!), «*барынька*» и еще одна плясовая казачья пѣсня, подъ которую казаки танцуютъ «*восьмерку*», родъ кадрили. Музыка — самая развеселая; подъ нее танцуютъ всѣ танцы — и вальсъ, и польку, и кадриль, и мазурку.

Т. XI. Горные проходы по дорогѣ изъ Уоть-Каменогорска въ Усть-Бухтарму

Въ Зайсанѣ устраиваются спектакли — играли даже «Ревизора». Въ торжественныхъ случаяхъ жгутъ великолѣпные фейерверки и устраиваютъ иллюминацію.

Ущелья Темирсуйское, Киндерлыкское и Уйдонское—одно живописнѣе другаго; горы покрыты густыми лиственичными лѣсами; около рѣчекъ — точно нарочно саженый паркъ; тутъ растетъ дикій персикъ, барбарисъ, шиповникъ, боярышникъ, смородина, малина и т. д., и т. д. Очень много всякой дичи, — уларовъ, горныхъ рябчиковъ и т. д.; въ лѣсахъ водятся медвѣди; на Саурѣ былъ убитъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ барсъ.

Въ Киндерлыкскомъ ущельѣ нашли въ одномъ мѣстѣ массу окаменѣлаго дерева. При выходѣ Киндерлыка на Зайсанскую равнину поселена казачья станица. Отъ этихъ рѣчекъ проведены сѣткой по всей равнинѣ арыки (оросительныя канавы). Между Сауромъ, Тарбагатаемъ и Манракомъ лежитъ возвышенная Чиликтинская долина, на 1,000 ф. выше Зайсана. Поднявшись отъ Зайсанскаго поста тропинкой въ горы, верстъ 8-мь идешь совершенно плоской мѣстностью; затѣмъ спускъ къ Уйдоне, гдѣ находятся гипсовыя залежи; перейдя рѣчку вбродъ, вступаешь въ красивую горную мѣстность. Особенно хороша она при лунномъ освѣщеніи, придающемъ чарующую прелесть какого-то волшебнаго царства; вотъ высокія, красноватыя скалы образовали какъ бы обширный, круглый залъ. Кажется, и выхода изъ него нѣтъ. Темно, мрачно. Гулко раздаются звуки голосовъ и лязгъ копытъ о камни. Зубчатыя вершины стѣнъ, освѣщенныя блѣднымъ луннымъ свѣтомъ, представляютъ красивыя, мягкія, какъ бы исчезающія въ воздухѣ, очертанія. Изъ зала скрывающаяся за скалою дверь ведетъ въ узкій, длинный корридоръ. Тутъ тоскливо, душно, скалы давятъ. Но вотъ что-то сверкнуло впереди, утесы широко разступились, — и передъ вами веселая, залитая свѣтомъ поляна; по ней вьется, сверкая, переливаясь серебристыми блестками, шумливая, быстрая рѣчка. Тѣневая сторона нависла надъ долиною черной, мрачной громадой; противоположная же, ярко освѣщенная луной, сторона представляется дивнымъ, волшебнымъ замкомъ.

Но хорошъ этотъ путь и днемъ, такъ какъ до Чиликтовъ онъ идетъ красивыми ущельями, невысокими перевалами и долинами. На полпути есть замѣчательная рѣчка, все дно которой усѣяно яшмой всевозможныхъ цвѣтовъ.

Съ одного изъ переваловъ видно далеко уходящее въ горы ущелье Уйдоне, совершенно непроходимое въ этой мѣстности. Пройдя отъ Зайсана 35 верстъ, выходишь на Чиликтинскую долину, имѣющую 80 верстъ длины и 50 верстъ ширины. Слѣва ее замыкаетъ Сауръ, сѣверную и южную окраины — Манракъ и Тарбагатай, сходящіеся у долины и образующіе проходъ Исыкъ (дверь). Въ юго-восточномъ концѣ, при соединеніи Саура съ Тарбагатаемъ, горные проходы сошлись вѣеромъ: къ востоку — Чоганъ-обо и Кергентасъ ведутъ въ долину Кабука; къ югу, — Баймурзинскій проходъ открываетъ путь въ долину Емиля; верстахъ въ 20-ти, западнѣе Баймурзинскаго, лежитъ Боргосутайскій проходъ, удобнѣйшее колесное сообщеніе съ долиной Емиля. Здѣсь, въ самомъ юго-восточномъ углу Семипалатинской области, на китайской границѣ, охватывающей Чиликтинскую долину съ востока и юга, стоитъ или, какъ говорятъ Киргизы, лежитъ нашъ отрядъ, охраняющій проходы.

Въ долинѣ есть киргизскія зимовки и аулы, но пашенъ чрезвычайно мало. Тутъ намъ пришлось видѣть производство кошемъ. Въ юртѣ, наполненной болѣе чѣмъ на аршинъ овечьей шерстью, сидятъ кругомъ, по стѣнкамъ, киргизскія дамы и дѣвицы, оригинально, но весьма мало одѣты,— т. е. у дамъ только шаровары да джаулуки, у дѣвицъ — тоже шаровары и красиво, кокетливо повязанные платки на головахъ. Въ рукахъ каждой женщины, сидящей въ юртѣ, длинная, тонкая палка. Онѣ бьютъ изо всей силы наваленную груду шерсти. Шерсть вздувается, летитъ во всѣ стороны; но онѣ, нимало не смущаясь ни своимъ легкимъ туалетомъ, ни тѣмъ, что можно, кажется, задохнуться, хохочутъ и поютъ. Взбивъ шерсть, ее раскладываютъ толстымъ слоемъ на разостланный на землѣ чій, смачиваютъ горячей водой, и нѣсколько человѣкъ, мужчинъ и женщинъ, въ тѣхъ же костюмахъ, стоя на колѣняхъ, наваливаются грудью на завернутый конецъ чія и

своей особой скатывают или, вѣрнѣе, прокатывают его во всю длину чія, затѣмъ раскатываютъ и, опять наваливаясь грудью, продолжаютъ ту же операцію, пока шерсть не сваляется въ плотную кошму.

Южный склонъ Тарбагатая — безлѣсный, но обильно покрытъ травами и кустарникомъ. Рѣка Емиль, довольно широкая, быстрая и мѣстами глубокая, течетъ въ плоскихъ берегахъ, поросшихъ тальникомъ и громадными камышами. По всей долинѣ рѣки Емиля видны слѣды, что тутъ жилъ трудолюбивый, зажиточный народъ. Вся громадная долина почти сплошь покрыта заброшенными пашнями, и только въ запущенныхъ садахъ кое-гдѣ уцѣлѣли плодовыя деревья и кусты. Всюду видны слѣды заводовъ, мельницъ, отличныхъ построекъ. Все это запущено, разрушено; народонаселеніе вырѣзано. Главными дѣятелями этого ужаснаго погрома были Дунганы, но говорятъ, что и Киргизы усердно помогали имъ *чабарить*.

Въ предгорьѣ Архачука мнѣ случилось видѣть стадо сайгаковъ, головъ въ двадцать. Завидѣвъ насъ, они пріостановились, словно изъ любопытства, и стояли, поднявъ головы и уставившись на насъ; но на извѣстномъ разстояніи поворотили, дали два-три громадныхъ прыжка и, затѣмъ, вытянувъ шею, побѣжали рысью, но такъ быстро, что глазъ едва успѣвалъ слѣдить. У насъ были хорошія лошади, но самой бѣшеной скачкой не могли догнать ихъ. Тутъ же, въ камышахъ, водится множество кабановъ. Кабанья поросятина вкусна, особенно хороши котлеты изъ кабаньяго поросенка.

Къ Джаирскимъ горамъ можно идти Архачарскими горами, долиной *Кемпиръ*. Не смотря на такое нелестное названіе долины (кемпиръ — старуха), она положительно поражаетъ своимъ цвѣтущимъ, плодоносныімъ состояніемъ. Правда, здѣсь много змѣй и всякой мелкой дряни въ родѣ фалангъ, скорпіоновъ, тарантуловъ и каракуртовъ, т. е. черныхъ пауковъ, величиною съ лѣсной орѣхъ; укушеніе ихъ производитъ величайшій упадокъ силъ, но больные выздоравливаютъ. Ущелья въ Архачарскихъ горахъ, помимо другихъ деревьевъ и кустарниковъ, изобилуютъ дикими яблонями. Плоды ихъ разнообразныхъ сортовъ очень вкусны; Киргизы и Калмыки привозятъ отсюда яблоки на продажу въ Зайсанъ. Въ долинѣ Кемпиръ находится громадное разоренное селеніе Сарахоусу. Въ селеніи — развалины великолѣпной кумирни. Полъ главнаго зданія выложенъ плитами въ узоръ; стѣны сдѣланы изъ такого же кирпича, какъ и въ Аблайкитской кумирнѣ, и имѣютъ видъ стѣнъ изъ сѣраго мрамора. Въ глубинѣ кумирни, сидятъ громадные, разбитые идолы. Стѣны внутри покрыты рисунками. На одной стѣнѣ изображена прекрасная Китаянка, въ полный ростъ, закованная цѣпью около шеи. Другая стѣна покрыта изображеніями людей, сначала бѣгущихъ въ ужасѣ, потомъ сопротивляющихся. Наконецъ, еще стѣна, раздѣленная на квадраты, и въ каждомъ изъ нихъ отдѣльный рисунокъ. Около кумирни лежатъ груды лѣпныхъ украшеній. На близлежащемъ кладбищѣ мы видѣли въ одной изъ разрытыхъ могилъ гробъ, совершенно такой же формы, какъ наши; какой это гробъ — калмыцкій или китайскій — сказать трудно, такъ какъ тутъ жили и Калмыки и Китайцы.

Калмыки, Торгоуты, живущіе въ долинѣ Кабука, не зарываютъ покойниковъ, а просто завертываютъ въ кошму и бросаютъ тутъ же, гдѣ умеръ, а сами тотчасъ откочевываютъ; затѣмъ родные приходятъ смотрѣть, что сталось съ трупомъ. Если его истребили собаки, хищныя птицы, волки, — покойнаго считаютъ праведнымъ; если же трупъ не тронутъ, — совершаютъ молитвы, пока его не уничтожатъ.

Другая большая, прекрасная кумирня въ Сарахоусу стояла отдѣльно, окруженная валомъ, въ долинѣ Кемпиръ. Деревья около нея, вѣроятно саженыя, поражали своей величиной и объемомъ — двумъ человѣкамъ не охватить. Тутъ же, между деревьями, на землѣ, стояли два чугунные колокола. Покрывавшія ихъ изображенія и орнаменты были очень изящно исполнены.

Отъ предгорій Сайкана, Саура и Кичкене-тау до Чернаго Иртыша, по прямой линіи — верстъ 60; верхомъ дѣлать этотъ переходъ вполнѣ удобно. Берега Чернаго Иртыша, верстъ на 25 до озера, низменные и заросли высокимъ камышомъ. Мѣстами, на берегу, попадаются одинокія

ивы, и на нихъ встрѣчаются попарно рѣчные орлы въ ихъ громадныхъ гнѣздахъ. Попадаются и небольшія рощи тополей. Выше, верстъ на 60, камышей уже нѣтъ, берега покрыты кустами и рощами, а кое-гдѣ и высокими, песчаными, наносными холмами. Выше горы Акъ-тюбе, всего на 200 верстъ, Черный Иртышъ судоходенъ. По сообщеніямъ Матусовскаго и Мирошниченко, рѣка беретъ начало въ снѣговыхъ горахъ Эктагъ-Алтая, въ китайскихъ предѣлахъ, тремя истоками. Иртышъ носитъ названіе Чернаго до впаденія его въ озеро Норъ-Зайсанъ.

Верстахъ въ двадцати отъ озера наиболѣе значительная рыбалка — братьевъ Даньяра и Даута. Отецъ ихъ, говорятъ, былъ бѣглый Черкесъ; у обоихъ братьевъ, особенно у Даута, рѣзко замѣтенъ черкесскій типъ. На этой рыбалкѣ одной тоней вытаскиваютъ двадцать восемь большихъ тайменей. Норъ-Зайсанъ имѣетъ отъ 80 до 100 верстъ длины, отъ 22-хъ до 50-ти ширины и отъ 24 до 40 футовъ глубины. Въ озерѣ и Черномъ Иртышѣ — изобиліе лучшихъ породъ рыбъ, какъ-то: осетровъ, стерлядей, нельмы, таймени, карповъ, линей, щукъ, окуней и другихъ.

Въ 1650 году рыбное богатство озера спасло Калмыковъ отъ голодной смерти, вслѣдствіе чего они перемѣнили его названіе — вмѣсто Кунгшоту-норъ (Колокольное озеро) назвали Норъ-Зайсанъ (Благородное озеро). Въ настоящее время озеро принадлежитъ Сибирскому казачьему войску. По Чугучакскому договору, за Китайцами осталось право владѣть только небольшимъ уголкомъ озера и однимъ берегомъ Чернаго Иртыша. Рыбы вылавливается до 40,000 пудовъ, но цѣны на нее крайне низкія. Пудъ осетрины стоитъ 3—4 руб., нельма — до 2 р. за пудъ, щука, линь, карпъ и проч. — по 50 коп. за пудъ; икра — 20 руб. за пудъ. Приготовленіе икры самое посредственное. Вяленая нельма составляетъ одну изъ главныхъ частей народной пищи въ области. Рыбная ловля начинается въ концѣ апрѣля. Самый сильный уловъ въ маѣ и до конца августа; въ это время рыбаки подымаются вверхъ по Иртышу и въ концѣ октября ворочаются назадъ. Озеро замерзаетъ въ началѣ ноября. Вода подымается въ концѣ апрѣля, во время ледохода, и съ половины іюня до іюля — отъ таянія снѣговъ въ горахъ.

Правый берегъ Иртыша покрытъ песчаными наносами, поросшими орженцомъ, мѣстами таломъ. Отойдя небольшое пространство отъ берега, вступаешь въ отвратительнѣйшую часть Зайсанской равнины, ведущую къ Буконбаю, предгорію Алтая. На пространствѣ около двадцати пяти верстъ, до входа въ ущелье Буконбая, глазу не на чемъ отдохнуть. Выжженная солнцемъ, желто-бурая степь, чій, солончаки, мелкая кварцевая галька и полное отсутствіе воды, если не считать довольно большаго соленаго озерка; къ довершенію удовольствія, здѣсь почти постоянно дуетъ сильнѣйшій вѣтеръ. Тутъ встрѣчаются куланы, сайги; въ чіѣ много драхвъ и стрепетовъ; на кварцевой галькѣ мелькаютъ, быстрыми изворотами, множество ящерицъ. Видно нѣсколько ауловъ; юрты, вслѣдствіе жестокихъ булановъ, имѣютъ какой-то растерзанный, истрепанный видъ.

Ущелье Буконбая напоминаетъ, въ маломъ видѣ, ущелья Манрака. Тѣ же причудливыя, красноватыя скалы, ключи прекрасной воды, трава, кусты, преимущественно шиповникъ и боярышникъ... Изъ ущелья выходишь на каменистую пустыню; кромѣ камня и низкорослаго вереска ничего не видно на всемъ пространствѣ. Кварцъ крупными кусками, затѣмъ гранитъ, шиферъ, глинистый сланецъ и песчаникъ. Мѣстность идетъ отлогими подъемами и спусками, верстъ на двадцать до Такыра, небольшой рѣчки, поросшей тальникомъ, протекающей недалеко отъ входа во второе ущелье, совершенно схожее съ первымъ, только идущее около двухъ верстъ. Въ немъ держатся стада горныхъ рябчиковъ. Отъ Такыра до Санташа тянется снова та же каменистая пустыня на тридцать слишкомъ верстъ. Говорятъ, что здѣсь чрезвычайно много тетеревей. Видъ этой безотрадной, мертвенной пустыни производитъ удручающее впечатлѣніе.

На Санташъ есть другой путь, отъ Кокбектовъ на Буконь, станицу, переселенную съ Бійской линіи, и на Мечеть — селеніе, основанное еще въ тѣ времена, когда въ этой пограничной мѣстности, куда почти не достигало вліяніе русскихъ и китайскихъ властей, селился

бѣглый людъ: наши и китайскіе каторжники, солдаты, крестьяне, Черкесы, преимущественно Татары. Весь этотъ сбродъ былъ извѣстенъ подъ общимъ именемъ Чоло-казаковъ. Въ 50-хъ годахъ нынѣшняго столѣтія, Чоло-казаки были приписаны къ киргизскимъ волостямъ и, по большей части, слились съ Киргизами; но значительная ихъ часть, водворившаяся въ Мечети, хотя и включена въ составъ Караулъ-Иссыковской волости, Усть-Каменогорскаго уѣзда, но составляетъ нѣчто совершенно особое и этнографическимъ своимъ типомъ вполнѣ отличается отъ Киргизовъ. Мечетскіе Чоло-казаки живутъ осѣдло. Въ селеніи есть мечеть, школа и порядочныя лавки. Сельчане выкочевываютъ только во время жаровъ въ горы, такъ что перекочевка имѣетъ какъ бы характеръ переѣзда на дачу. Жители занимаются преимущественно торговлей. Мечеть стоитъ на Букони, некрасивой рѣчонкѣ, съ глинистыми, крутыми, мѣстами стѣной срѣзанными берегами, въ 10-ти верстахъ отъ впаденія ея въ Иртышъ; между Мечетью и Иртышемъ глубокіе пески, поросшіе орженцомъ и чіемъ. Черезъ Иртышъ есть постоянный хорошій паромъ, и на немъ переѣзжаютъ къ зеленому, цвѣтущему Курчуму — одной изъ красивѣйшихъ и благодатнѣйшихъ мѣстностей Семипалатинской области. Вся эта мѣстность занята зимовками и аулами Киргизовъ.

Киргизъ съ убитымъ маралом̃ъ.

Рѣка Курчумъ, одинъ изъ сильнѣйшихъ правыхъ притоковъ Иртыша, впадаетъ въ него почти противъ устья Букони. Протекая глубокимъ ущельемъ, Курчумъ раздѣляетъ Алтай на два параллельныхъ хребта: сѣверный, Нарымскій, болѣе высокій и скалистый, почти упирается въ Иртышъ крутымъ, скалистымъ мысомъ; южный, Курчумскій, ниже, отложе, далеко не доходитъ до Иртыша, кончаясь отлогими скатами. Предгорьями его можно считать Буконбай и Карабирюкъ, лежащій совершенно отдѣльно на равнинѣ. Нарымскій и Курчумскій хребты покрыты богатѣйшею растительностью. Курчумская долина — одна изъ богатѣйшихъ, живописнѣйшихъ мѣстностей. Она славится, какъ и вообще Алтай, обиліемъ всякаго пушнаго и инаго звѣря. Здѣсь водятся медвѣдь, маралъ, горный козелъ, соболь, считающійся лучшимъ послѣ якутскаго и баргузинскаго; говорятъ даже, что на горѣ Сары-тау, — отдѣльной, высокой горной группѣ Курчумскаго хребта, — водятся лоси. Присутствіе кварца дало поводъ искать здѣсь золото, но попытки были совершенно безуспѣшны.

Однажды мнѣ случилось быть въ Курчумской долинѣ во время волостнаго съѣзда. Болѣе оживленную и пеструю картину трудно себѣ и представить. Всюду раскинуты таборами юрты и синія и красныя палатки. Около нихъ богато убранныя лошади, верблюды. Народъ кишмякишитъ, точно потревоженный муравейникъ. Въ воздухѣ стоитъ непрерывный шумъ и гамъ. Чего и кого только нѣтъ тутъ! Тутъ есть пѣвцы, пѣвицы, сказочники, импровизаторы, баксы, дѣти, бабы..... Кромѣ нашихъ Киргизовъ, есть и Киргизы, такъ-называемые «невѣрноподданные», отличающіеся почти китайскимъ костюмомъ. Пригнаны табуны спорнаго и барантованнаго (награбленнаго) скота и т. д., и т. д.

Около юрты уѣзднаго начальника Киргизы — какъ пчелы около улья. Стоятъ, сидятъ, лежатъ. Кто не смогъ забраться въ юрту, заглядываетъ въ дверь. Съ боковъ и снизу кошмы на юртѣ раздвинуты, приподняты, — и всюду киргизскія лица. Они переговариваются между

собою, съ окружающими и съ находящимися внутри юрты. Такъ какъ Киргизъ говоритъ всегда во весь голосъ, а голосъ у него здоровый, то гвалтъ выходитъ невообразимый. Повременамъ раздается голосъ уѣзднаго начальника: «Даустама!» (молчать!). На секунду все стихнетъ; но снова, будто прорвавшись, говоръ и гвалтъ поднимаются еще сильнѣе.

Каждое утро засѣданіе съѣзда подъ открытымъ небомъ. На сундукѣ, погребцѣ или табуретѣ сидитъ «*Уѣздъ*», — такъ зовутъ Киргизы уѣзднаго начальника. По сторонамъ его—переводчикъ, письмоводители, волостные старшины, біи и мулла. Громадная толпа окружаетъ небольшое свободное пространство, на которое выступаютъ дѣйствующія лица. То выходитъ хорошенькая, совсѣмъ юная бабенка и заявляетъ, что не желаетъ болѣе жить съ своимъ мужемъ. Она говоритъ горячо, жестикулируя; мужъ перебиваетъ ее; свидѣтели съ обѣихъ сторонъ орутъ; присутствующая публика думаетъ вслухъ, т. е. тоже оретъ; остряки отпускаютъ шутки; хохотъ, крикъ, гвалтъ; біи и волостные кричатъ, унимая народъ. Наконецъ, грозное «даустама!» «Уѣзда» и отчасти тросточки біевъ — водворяютъ сравнительную тишину. Если бабенка не имѣетъ серьезныхъ поводовъ къ разводу, а просто блажитъ, — съѣздъ возвращаетъ ее мужу, и она удаляется, хмурая и гнѣвная, съ сіяющимъ супругомъ, подъ градомъ насмѣшекъ. Вотъ богатый Киргизъ неправильно отобралъ скотъ у бѣдняка. Съѣздъ приговариваетъ возвратить бѣдному отобранный скотъ и такое же количество — въ видѣ штрафа. Коричневая физіономія бѣдняка просіяла; бѣлые зубы ласково оскалились; онъ снимаетъ свой мохнатый малахай и, поджимая руки подъ ложечкой, быстро и низко кланяется. Затѣмъ взлѣзаетъ на свою лошаденку, съ деревяннымъ некрашенымъ сѣдломъ, такими же стременами и веревочной сбруей, и торжественно уѣзжаетъ, погоняя присужденный ему скотъ... Вотъ на сцену вышли: довольно еще молодая и очень развязная Киргизка, старуха и хорошенькая тринадцатилѣтняя дѣвочка. Бабы начинаютъ кричать въ два голоса, отчаянно жестикулируя, то обращаясь къ съѣзду, то переругиваясь между собою, — и тащатъ дѣвочку каждая къ себѣ, наскоро расточая ей ласки и уговоры. Это одна изъ самыхъ обыденныхъ исторій въ киргизскомъ быту.

Молодая и, очевидно, вѣтреная маменька, оставшись вдовой, не пожелала заняться прокармливаніемъ и воспитаніемъ своего ребенка, а потому и отдала ее «въ дочери» старухѣ. Когда же дѣвочка подросла, оказалась очень хорошенькой и ее стали сватать богатые женихи, — она стала очень цѣннымъ товаромъ. Маменька заявила свои права и передъ съѣздомъ очень патетично рыдала и умоляла возвратить ей «дорогую» ея дочь. Старуха кричала, что дѣвочка отдана была ей годовой, она вскормила и воспитала ее, дала матери столько-то скота за уступленную дочку; вопила, что дѣвочка сама нейдетъ отъ нея къ матери. При этомъ обѣ обращаются къ дѣвочкѣ съ самыми страстными уговорами, ласками и плачемъ. Виновница всей этой кутерьмы молчаливо поглядываетъ кругомъ, какъ испуганный звѣрокъ, но придерживается ручонкой за рукавъ старухи. Съѣздъ спросилъ дѣвочку, съ кѣмъ она желаетъ жить? Она заявила, что желаетъ остаться у старухи, и была передана ей, но съ тѣмъ, что калымъ будетъ раздѣленъ пополамъ между легкомысленной маменькой и небезкорыстной воспитательницей. Послѣ этого приговора, плачъ и рыданья маменьки мгновенно прекратились, и всѣ три остались вполнѣ довольны рѣшеніемъ.

Но вотъ дѣло болѣе сложное — тутъ участвуетъ масса народа. Въ Алтыбаевскомъ родѣ, ведущемъ свое начало отъ знаменитаго батыря Борака, имя котораго и теперь служитъ у нихъ боевымъ кликомъ, уродилась такая нравная красавица, что сладу съ нею нѣтъ. Пользуясь правомъ, даннымъ русскимъ правительствомъ, выходить замужъ по желанію, эта, независимаго нрава дѣвица, высокая, статная, выпроваживала жениховъ, говоря, что она не раба и не кобыла, чтобъ ее продавать, да и калыма такого нѣтъ, чтобъ ее купить. Вѣроятно, эта недоступность и свела съ ума киргизскихъ жениховъ. Чѣмъ больше и позорнѣе она ихъ гоняла, тѣмъ больше они лѣзли со всѣхъ сторонъ, стали даже пріѣзжать изъ-за границы «невѣрноподданные». Словомъ, гремитъ слава этой «Батырь-кызъ» на весь край. Какъ ни

бились съ ней родные и родовичи, — она и ухомъ не ведетъ, и — вдругъ исчезла!... Вотъ это-то исчезновеніе и разбиралось съѣздомъ. Родные и родовичи доказывали, что она сама сбѣжала, неизвѣстно съ кѣмъ и куда. Имъ возражали свидѣтели, что ее связанную умчали родовичи заграницу и тамъ продали въ замужество. Шуму и крику было вдоволь, но исчезнувшая дѣвушка не нашлась, и чѣмъ окончилось это дѣло — неизвѣстно.

Низовья Курчума имѣютъ одно неудобство — необыкновенно большое количество змѣй. Впрочемъ, у Киргизовъ есть и предохранительныя средства, и свои способы леченія отъ укушенья. Они увѣряютъ, что если постлать постель на овчинѣ и кругомъ положить арканъ (волосяную веревку), ни одна змѣя не переползетъ черезъ арканъ и не всползетъ на овчину. Укушеннаго змѣей лечатъ припарками, сдѣланными изъ муравейника, сгребеннаго цѣликомъ въ котелъ, гдѣ его кипятятъ, прибавивъ немного воды. По другому способу леченія, перетягиваютъ волосомъ, возможно туго, укушенную ногу или руку, дѣлаютъ на ранкѣ разрѣзъ и высасываютъ кровь.

Дорога съ Курчума на Санташъ идетъ по предгорью Буконбая, огибая южный склонъ Алтая. Справа разстилается Иртышская равнина; мѣстами виднѣется Иртышъ; вдали — вершины Саура-Сайкана и вѣчные снѣга Мустау. Буконбай со стороны Курчума спускается къ равнинѣ высокими, крутыми и живописными склонами. Въ зеленыхъ, цвѣтущихъ ущельяхъ порхаетъ и щебечетъ множество птицъ; здѣсь же ютятся киргизскія зимовки; иная изъ нихъ приткнулась въ углубленіи между скалъ, какъ орлиное гнѣздо, высоко, на крутомъ склонѣ.... Богъ знаетъ, какими соображеніями ее туда занесло, но чрезвычайно картинно!.. Съ Санташа начинается лѣсистая мѣстность. Отсюда можно, перейдя вбродъ Курчумъ, выйти на перевалъ Чурчутъ-асу, къ верховью Нарыма, берущаго свое начало съ небольшаго перевала, Бель-карачай, съ котораго къ востоку открывается долина верхней Бухтармы, а къ западу идетъ долина Нарымская. Бухтарма, описавъ большую дугу, впадаетъ въ Иртышъ около Усть-Бухтармы.

Начиная съ Бель-карачая, Нарымскій хребетъ, отклоняясь къ югу, постепенно понижается, представляя многіе проходы. Одинъ изъ нихъ, Теректинскій, предполагалось сдѣлать колеснымъ путемъ на Курчумъ.

Съ Майтерека, урочища, гдѣ стоитъ нашъ отрядъ, отъ Санташа верстахъ въ двадцати, кратчайшій путь въ Бухтарминскую долину черезъ перевалъ Сарымсакты, спускающійся къ самому Котонъ-карачайскому посту. Онъ необыкновенно живописенъ, но чрезвычайно каменистъ и крутъ; другой путь въ Бухтарминскую долину, болѣе кружный, по сравнительно болѣе удобный, ведетъ вдоль сѣвернаго берега озера Марка-уля, вдоль праваго берега Кабы, на Бурхатскій перевалъ, спускающійся къ урочищу Чингистай. Бродъ чрезъ Курчумъ — одинъ изъ неудобныхъ, такъ какъ дно его усѣяно гладкими, словно отшлифованными камнями и лошади очень трудно идти. Но мѣстность кругомъ прелестная, — рощи, цвѣты, кусты, ягоды, грибы, не говоря уже, что всякаго звѣрья и птицы множество. Чурчутъ-асу очень лѣсистъ; видовъ съ него положительно нѣтъ, но самъ по себѣ онъ очень живописенъ. На лужайкахъ — массы яркихъ цвѣтовъ; разбросаны красивыя купы деревъ между скалами, такъ вычурно-картинно поставленными, что пейзажъ весьма напоминаетъ театральныя декораціи. Порой такъ и кажется, что вотъ-вотъ выйдутъ чудно одѣтые пейзаны и изобразятъ какой-нибудь удивительный танецъ.

Не таковъ угрюмый и величавый Бурхатъ. Со стороны Кабы на него ведетъ каменистый, безлѣсный подъемъ, мѣстами только отцвѣченный синими генціанами или лиловыми и палевыми цвѣтами иванъ-да-марья. Но оглянитесь назадъ — что за дивная панорама! Обширная, роскошная долина Кабы, съ красивыми лѣсами и рощами, пригорками, рѣкой и выступающей громадой *Тау-теке*, покрытой, какъ серебряной фатой, выпавшимъ снѣгомъ. Тау-теке дано названіе по имени находящихся тутъ горныхъ козловъ.

Перевалъ на Бурхатъ — на высотѣ 8,000 футовъ. Тутъ стоятъ пограничные знаки, китайскій и русскій. Кругомъ — камни да залежи снѣга... мертвая, ненарушимая тишина. Спускъ къ

Т. XI.

Скала Коке-Даба.

Бухтарминской долинѣ начинается осыпью огромныхъ, торчащихъ грудами, камней. Всякій разъ, когда приходится идти по нимъ въ дождь или снѣгъ, изумляешься, какъ лошади не переломаютъ себѣ ногъ. Спускъ проходитъ по карнизу, надъ пропастью. Самый безотрадный, унылый видъ. Но, пройдя еще немного, невольно останавливаешься, какъ очарованный: вся Бухтарминская долина, на сколько глазъ можетъ обнять ее, открывается передъ вами; за нею подымается Алтай. Грозная Бухтарма представляется чуть замѣтнымъ ручейкомъ, извивающимся между кустами, въ дѣйствительности, березовыми и осиновыми рощами. Влѣво, въ тридцати верстахъ отъ спуска съ Бурхата, —Котонъ-Карачайскій постъ и станица, кажущіеся отсюда небольшимъ пятномъ, раздѣленнымъ на свѣтлыя точки — это крыши построекъ. За Бухтармой тоже виднѣются сгруппированныя свѣтлыя точки—постройки деревень Черновой и Бѣлой, звѣровщиковъ-старообрядцевъ.

Отъ подножія Бурхата долина сходитъ къ Бухтармѣ широкими террасами, сначала покрытыми лѣсомъ, потомъ кустарникомъ, и послѣднія террасы—роскошной травой и цвѣтами. Это урочище называется Чингисъ-Тай, на высотѣ 3,263 фут. Въ прежнее время тутъ былъ китайскій пикетъ, въ настоящее время — казачій «*бекетъ*», какъ говорятъ казаки. Куда ни обернись, на чемъ ни останови взглядъ, — всюду грандіозная, дивная картина. Громады горъ, замыкающія со всѣхъ сторонъ горизонтъ, не тѣснятъ, не давятъ; такъ велико, громадно видимое пространство, что зеленые, темно-красные, снѣговые хребты, окружающіе васъ, кажутся совершенно доступными ступенями къ синей лазури.

Чингисъ-Тау считался у Киргизовъ лучшимъ зимнимъ стойбищемъ, потому что снѣгъ выдувается вѣтромъ, и корма для скота достаточно. На лѣто же Чингисъ-Тауская волость перегоняетъ свои стада и табуны на правую сторону Бухтармы, въ горы, — на высоту, невозможную ни для какихъ посѣвовъ, а слѣдовательно и поселеній, но драгоцѣнную для Киргизовъ именно потому, что здѣсь нѣтъ мошекъ, комаровъ, оводовъ и пр. А пастбище богатѣйшее, можно кочевать до зимы. Крестьянамъ-звѣровщикамъ Киргизы не только не мѣшали въ ихъ промыслахъ, но, по словамъ самихъ звѣровщиковъ, не разъ выручали ихъ изъ бѣды. На свою, лѣвую сторону Бухтармы, Киргизы совершенно свободно пускали крестьянъ на промыселъ. Чего бы, кажется, лучше? Но нашлись аферисты, затѣявшие прибыльную забаву. Съѣздятъ къ томскимъ властямъ, получатъ «бумагу», разрѣшающую «селиться» на правомъ берегу Бухтармы, безъ точнаго обозначенія мѣста и количества земли; а то такъ и безъ «бумаги» является любитель дешевой наживы и ставитъ избушку на курьихъ ножкахъ среди киргизскихъ пастбищъ. Куда ни сунься Киргизъ, — потрава, значитъ, — «штрафъ». Понравился этотъ пріемъ и сразу такъ привился, что даже и на лѣвой, киргизской сторонѣ начали вспахивать полоски земли, какъ вѣрный поводъ къ потравѣ и штрафамъ. Не платитъ Киргизъ штрафа, — колесо набьютъ ему на шею въ видѣ колодки, увезутъ въ деревню, на цѣпь посадятъ. Какъ ни добродушны, какъ ни простосердечны Киргизы, а такія дѣйствія и ихъ вывели изъ терпѣнія, — начались «безпорядки». Много и долго переписывались разныя начальства. Пришло, наконецъ, изъ Омска повелѣніе — изгнать Киргизовъ съ праваго берега Бухтармы, не соображая, что у этихъ же Киргизовъ урѣзали ихъ пастбища на лѣвой сторонѣ Бухтармы, подъ новые казачьи поселки; что Киргизы безпрекословно отдали ихъ, не напоминая объ обѣщаніи, данномъ при принятіи ихъ въ подданство—сохранить имъ ихъ земли; что, отдавъ часть земли казакамъ, Киргизы живутъ съ ними вполнѣ мирно. И на этомъ же самомъ Чингисъ-Тау, гдѣ такъ привольно зимовала прежде цѣлая киргизская волость, въ первую же зиму Киргизамъ пришлось потерять половину своего скота отъ голода; на слѣдующую зиму имъ грозила неминуемая опасность потерять остальной скотъ, — и Киргизы бѣжали заграницу. При этомъ убито въ схваткахъ съ отрядами, посланными «возвращать» ихъ, человѣкъ 30 казаковъ и столько же ранено. А сколько убито Киргизовъ, сколько утонуло женщинъ и дѣтей при переправѣ вплавь черезъ Бурчумъ, когда, бросивъ все свое имущество, они спасались отъ преслѣдованія!... И во всемъ этомъ повинно одно только канцелярское недоразумѣніе!..

На Чингисъ-Тау идетъ съ Котонъ-Карачая, военнаго поста и станицы, хорошій колесный путь и отсюда разработанъ на поселенную недавно казачью станицу на Урулѣ. Мѣстность постепенно повышается, и Уруль находится на высотѣ 3,842 ф. Между Чингисъ-Тау и Урулемъ есть двѣ замѣчательныя гранитныя группы. Одна стоитъ посрединѣ долины и къ сторонѣ дороги выходитъ полукруглой, громадной скалой, составленной какъ бы изъ кусковъ гранита, между которыми, сверху до низу, точно натыканы елочки. Чрезвычайно оригинально и красиво! Тамъ опять, будто брошенная на долину груда камней — небольшая гранитная группа; въ ней есть скала, на которой образовалось совершенно правильное круглое окно.

Станица, переселенная въ 1872 г., первоначально выстроилась вдоль рѣчки Уруля. Теперь она уже вытянулась въ нѣсколько порядковъ, такъ что поднялась на полгоры. Красивое, благодатное здѣсь мѣсто; но казаки-переселенцы съ тоской вспоминаютъ свою родимую Бійскую линію и, не смотря на всѣ здѣшнія угодья, со вздохомъ говорятъ: «Хоть бы Богъ привелъ помереть *на старинѣ*». Казаки Бійской линіи — отличные хозяева; на своей «старинѣ» они жили зажиточно, чтобъ не сказать — богато. Рѣчка Уруль полноводная и быстрая; по берегамъ красивыя березовыя рощи, кругомъ, по предгорьямъ, всякія ягоды, великолѣпныя, крупныя, какъ рѣдко бываютъ и садовыя. Прямо передъ станицей подымается гора Сартапсенъ,— некрасивая, тоску нагоняющая. Правду говорятъ станичники, что гора «будто бы свѣтъ загораживаетъ». Сартапсенъ подымается ровнымъ, темно-зеленымъ, почти вертикальнымъ скатомъ, съ верхушкой, срѣзанной некрасивой прямой линіей, что особенно придаетъ горѣ тяжелый, угнетающій видъ стѣны. Стали было здѣшніе казаки, по примѣру Мало- и Больше-Нарымскихъ казаковъ, крестьянъ и звѣровщиковъ, вывозить хлѣбъ Бухтарминской долиной на Суокъ, въ Кобдинскую провинцію (въ урожайный годъ здѣсь пшеница, въ продажѣ, по 16 коп. пудъ, въ Кобдо же платили по 8-ми руб. за пудъ); но вывозъ хлѣба почему-то запретили. Куда съ нимъ дѣваться? Бухтарма хоть и подъ руками, да для судоходства немыслима. Придется везти гужемъ до Красныхъ Ярковъ на Иртышѣ. Оттуда еще остается огромное разстояніе до Перми. Словомъ, выходитъ, что «за моремъ телушки по полушкѣ, да провозу — рубль». Не гнить же, однако, хлѣбу!... Ну, и принялись станичники «*самосидку* гнать». А отъ нея результатъ извѣстный — избитая баба, запущенное хозяйство да хворости.

Отъ Уруля колесная дорога подымается на Сартапсенъ. На Сартапсенѣ пашенъ нѣтъ, но пастбища богатѣйшія, такъ что урульскіе казаки не скармливали скоту и не выкашивали всего принадлежащаго имъ количества пастбищъ.

Изъ-за хвойныхъ лѣсовъ, справа отъ дороги, показываются въ этомъ мѣстѣ отлогія вершины Нарымскаго хребта, покрытыя сверкающей какъ сталь, свѣжей осыпью. Влѣво грандіозная группа гранитныхъ горъ, схожихъ съ группами передъ Урулемъ. Между ними идетъ кочевой тропинкой подъемъ на горный массивъ Коке-Даба. Колесный путь обѣгаетъ его. На Коке-Даба тропинка вьется между кедровымъ лѣсомъ, вершина же представляетъ обширную равнину, окаймленную гранитными скалами и лѣсомъ. Замѣчательно хороша скала съ лѣвой стороны дороги, — настоящій готическій замокъ, съ башнями, выступами и т. д.

Съ урочища Табатье (на высотѣ 4,596 фут.) открывается великолѣпный видъ на Бухтарминскую долину. По берегу рѣки березовыя и хвойныя рощи. Съ правой стороны идетъ Нарымскій хребетъ, окутанный до половины густымъ лѣсомъ. Противоположный берегъ Бухтармы — каменистый хребетъ, поросшій мѣстами кустарникомъ и травой, и по этимъ-то кручамъ Киргизы пасутъ барановъ и козъ. Пастухъ разъѣзжаетъ на быкѣ. Просто духъ замираетъ, глядя на него, когда, забравшись на вышину, онъ начинаетъ спускаться на какой-нибудь выступъ скалы. Такъ и кажется, что быкъ оборвется и полетитъ въ пропасть вмѣстѣ съ пастухомъ...

Чрезвычайно красивы аулы, разбросанные въ долинѣ. Между купами деревъ бѣлѣютъ юрты, мелькаютъ синія одежды и бѣлые джаулуки женщинъ, яркіе, красные головные уборы дѣву-

Рѣка Чиндагутуй Семипалатинской области.

шекъ, фигуры всадниковъ и женщинъ верхомъ, стада, табуны... Мѣстами долину пересѣкаютъ бѣгущіе съ шумомъ въ горъ ручьи, окаймленные, какъ сажеными аллеями, рядами лиственицъ. Посрединѣ долины, гдѣ ручей разливается шире, — красивыя рощи. Вся долина — богатый цвѣточный лугъ, оживленный массой пташекъ; охотясь за ними, кружатся надъ долиной коршуны. Въ долинѣ и на Сартапсенѣ такая масса клубники, что у лошадей копыта красныя.

Мѣстами и тутъ встрѣчаются киргизскія пашни; но ихъ почти всегда снимаютъ зелеными, потому что даже ячмень не успѣваетъ вызрѣть. Приближаясь къ Тау-текеле, горному проходу, верстахъ въ 10-ти отъ Табатовъ, вступаешь въ прелестную, точно правильно саженую и расчищенную сосновую рощу; въ ней—деревянный срубъ для пикета. По хорошему мосту, перекинутому черезъ бурливую рѣчку, выходишь на очаровательную часть Бухтарминской долины. Такъ все изящно-красиво, зелено, цвѣтуще, какъ бы прибрано кругомъ, что забываешь размѣры картины, стушевываются горныя громады и получается чуть не впечатлѣніе прогулки по выхоленному европейскому парку!...

Въ горахъ Тау-текеле много горныхъ козловъ и мараловъ, медвѣдей и другихъ звѣрей; звѣропромышленность довольно развита. Около Тау-текеле изобиліе лучшихъ ягодъ—земляники, клубники, малины, черной и красной смородины, крыжовника и т. д.

Съ Тау-текеле переходъ верстъ въ пять на урочище Арчеты. Съ этого мѣста есть бродъ черезъ Бухтарму, и среди долины стоитъ прекрасно построенная, обширная зимовка Уркунчи, принадлежащая богатому Киргизу. Въ Арчетахъ долина переходитъ въ ущелье. Прежде дорога была здѣсь крайне трудная,—приходилось буквально карабкаться, держась за гриву лошади, по невозможнымъ тропинкамъ; въ настоящее же время идешь, какъ паркомъ. Недалеко отъ этого мѣста и мостъ черезъ Бухтарму, выстроенный солдатами. Онъ перекинутъ высоко надъ водой, на протяженіи пятнадцати саженъ, и благополучно выдержалъ уже около шести лѣтъ. Между тѣмъ напоръ воды такъ великъ, что, стоя на мосту, чувствуешь, какъ онъ дрожитъ. По берегу Бухтармы идутъ сосновыя и березовыя рощи, такъ что повременамъ совершенно теряешь рѣку изъ виду. У этихъ рощъ мы часто останавливались на *привалъ*, чтобъ полюбоваться картиной противоположной стороны. Съ полгоры, между осыпью и лѣсомъ, падаетъ довольно значительный водопадъ; расширяясь книзу совершенно правильными уступами, необыкновенно красиво обрамленными купами деревъ и кустовъ, онъ падаетъ съ послѣдняго уступа хрустальнымъ пологомъ въ рѣку; отъ него, въ обѣ стороны, склонились надъ водой кусты, расцвѣченные яркими красными ягодами, перевитые бѣлыми вьюнами; между ними разбросаны красивыя скалы, покрытыя разноцвѣтнымъ мхомъ и лишаями; грозная рѣка несется мимо, будто пробиваясь сквозь заграждающіе ей путь утесы. Далеко разносится по долинѣ гулъ, ревъ и грохотъ, ясно чувствуется сотрясеніе на берегу. Въ нѣсколькихъ верстахъ отсюда, каменистый хребетъ выдвигается мысомъ въ рѣку, дорога подпимается на высокій утесъ тропинкой, идущей надъ рѣкой.

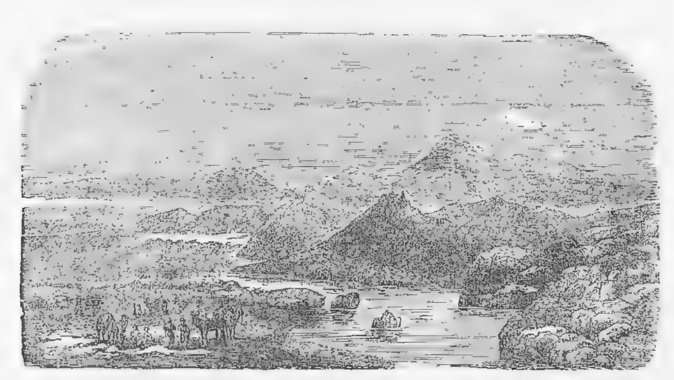
Пройдя Бухтарминской долиной отъ Арчетовъ двадцать пять верстъ, приходишь къ рѣкѣ Чиндагатую, одному изъ истоковъ Бухтармы, образуемой тремя рѣчками; пожалуй, двѣ изъ нихъ— Чиндагатуй и Бѣлую — можно даже назвать рѣками. Первый—сѣверный истокъ вытекаетъ изъ Бухтарминскаго озера (Чангенъ-куль), лежащаго высоко въ Алтаѣ, на южномъ склонѣ Аргутскаго хребта; второй истокъ, Чиндагатуй, течетъ тоже съ сѣверо-востока, начинаясь въ Аргутскомъ хребтѣ; лѣвый течетъ съ юго-востока и беретъ начало въ китайскихъ владѣніяхъ (вѣроятно изъ глетчера) въ снѣжномъ хребтѣ, образующемъ южную окраину Алтайскаго нагорья.

Пороги или, какъ зовутъ звѣровщики, «*водопадъ*» на Бѣлой — одно изъ самыхъ грандіозныхъ и живописныхъ мѣстъ. Вдоль Бѣлой, за порогами, имѣющими обычный видъ ледниковыхъ рѣкъ, идетъ дорога на Суокъ, хорошо знакомая нашимъ звѣровщикамъ-крестьянамъ и купцамъ Татарамъ изъ Усть-Каменогорска. Крестьяне возятъ въ Кобдо маральи рога и хлѣбъ. У Киргизовъ — это кочевая дорога.

Во время моего пребыванія на Бѣлой, туда явилась прехорошенькая Урянхайка, говорившая по-киргизски и въ киргизской одеждѣ. Она и ея мать были куплены или просто взяты въ рабы Киргизами. Мать умѣла дубить кожи и жила въ полномъ удовольствіи, по словамъ дочери, у своихъ владѣльцевъ; дочь же молодой Киргизъ взялъ въ жены. Она была съ нимъ очень счастлива, но, на бѣду, онъ умеръ, и родные мужа продаютъ ее старику. Киргизы увѣряли, что она вретъ. Урянхайка предложила привезти свою мать, какъ свидѣтеля. Попросивъ у казака лошадь, она лихо вскочила въ сѣдло и ускакала. Черезъ нѣсколько времени она вернулась. На крупѣ лошади, позади ея, болтался какой-то тюкъ лохмотьевъ. Это и была ея мать, почти уже слѣпая. Она подтвердила показанія дочери, и даже то, что своей судьбой она — хоть и въ рабствѣ живетъ — очень довольна, такъ какъ ее хорошо кормятъ и одѣваютъ (на вкусъ образца нѣтъ!); но просила защитить дочь. Киргизы было загалдѣли, но «Уѣздъ» заявилъ, что, по закону, красавица свободна, и никто продавать ее или насильно брать себѣ въ жены не смѣетъ. Урянхайка долго не успокоивалась, говоря: «вы уйдете, а они меня и продадутъ!» Но ее успокоили тѣмъ, что «Уѣздъ» поручилъ амбаню Чокеню наблюсти, чтобъ ее не притѣсняли. На вопросъ — что же она будетъ дѣлать съ своей свободой? — она гордо отвѣчала: «я сама себѣ мужа найду!»

Около Чиндагатуя есть гора, изъ которой казаки добываютъ горный хрусталь высокаго качества. Точная высота Чиндагатуя неизвѣстна; но, во всякомъ случаѣ, эта высота довольно значительная. Когда въ Бухтарминской долинѣ о заморозкахъ нѣтъ и помина,—Чиндагатуйская долина покрывается снѣгомъ.

Л. К. Полторацкая.

Серебряные рудники въ Чингисъ-Тау, въ юго-западной части Семипалатинской области.

ОЧЕРКЪ XVI.

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ ВЪ ЕЯ СОВРЕМЕННОМЪ ЭКОНОМИЧЕСКОМЪ СОСТОЯНІИ.

Предѣлы и пространство естественной и культурно-исторической области Западно-Сибирской.—Разнообразіе типовъ природы, встрѣчаемыхъ на ея пространствѣ.—Мѣстности, на которыя по этимъ типамъ природы и экономическимъ условіямъ можно подраздѣлить всю область.—Характеристика мѣстностей: Тоболо-Ишимской, Барабинской, Тобольской, Томской, Алтайской, Верхне-Иртышской и Нижне-Обской.—Приростъ населенія Западной Сибири—естественный и колонизаціонный.—Отношенія населенія къ землѣ и занятія его—земледѣльческія, промышленныя и торговыя.—Пути сообщенія.—Современное экономическое положеніе страны какъ результатъ исторіи ея заселенія. Культурное состояніе населенія Западной Сибири.—Условія будущаго развитія Западной Сибири.

Обширная, естественная и культурно-историческая область — *Западно-Сибирская*, приблизительно совпадаетъ съ одною изъ колоссальнѣйшихъ рѣчныхъ системъ Стараго Свѣта — *Обско-Иртышскою*. Желая согласовать естественныя границы этого обширнаго бассейна съ существующими административными дѣленіями, мы отнесли къ Западно-Сибирской области, кромѣ изъятыхъ уже нынѣ изъ вѣдѣнія генералъ-губернаторскаго двухъ ближайшихъ къ Россіи сибирскихъ губерній—Тобольской и Томской, еще и состоящіе въ вѣдѣніи Степнаго генералъ-губернатора два округа Семипалатинской области—Семипалатинскій и Кокбектинскій. Сдѣлали мы это потому, что въ предѣлахъ упомянутыхъ округовъ находятся и верхнія части Иртышской рѣчной системы, и части высокаго Алтайскаго нагорья, переходящія сюда изъ сосѣдней Томской губерніи.

Въ такихъ предѣлахъ Западно-Сибирская естественная область занимаетъ 43,600 квадр. геогр. миль, т. е. пространство, болѣе чѣмъ вчетверо превосходящее Францію. Пространство это растянуто отъ юга къ сѣверу на 26° широты, отъ самой умѣренной зоны (47° с. ш.), далеко за предѣлы полярнаго круга (73° с. ш.). Въ составъ нашей Западно-Сибирской области входятъ самые разнообразные типы земныхъ поверхностей. Одной изъ самыхъ обширныхъ низменностей Стараго Свѣта, лишенной всякой твердой горной породы, даже въ прирѣчныхъ обнаженіяхъ, можно, напримѣръ, противопоставить здѣсь богатое скалами самыхъ затѣйливыхъ формъ Алтайское нагорье, съ его горными исполинами, далеко заходящими за предѣлы вѣчнаго снѣга. Въ рѣзкой противоположности съ лишенными всякой лѣсной, древесной растительности, девять мѣсяцевъ въ году замерзшими тундрами и непроходимыми лѣтомъ зыбкими урманами (трясинами) находятся столь же непроходимыя, состоящія изъ величественныхъ, многовѣковыхъ хвойныхъ деревьевъ, тайги, въ которыхъ никогда еще не раздавался звукъ топора лѣсопромышленника. Не менѣе различны между собою, съ одной стороны, плодородныя, богато орошенныя величественными и многоводными рѣками черноземныя равнины, въ которыхъ прекрасные лиственные лѣса перемежаются съ обширными и чрезвычайно способными для земледѣльческой культуры полянами; съ другой—очаровательныя горныя долины, съ ихъ шумными, пѣнистыми горными потоками или зеркальными, изумрудно-аквамариновыми поверхностями альпійскихъ озеръ. Настолько же различаются между собою, съ одной стороны, ровныя, гладкія степи, въ родѣ Барабинской, не лишенныя лѣсной растительности, изобилующія водными и болотистыми пространствами, которыя зарождаютъ мучительныя для людей и скота миріады комаровъ, оводовъ и разнаго рода двукрылыхъ и еще болѣе страшную сибирскую язву; съ другой — почти совершенно лишенныя, какъ текучихъ водъ, такъ и лѣсной растительности, лѣтомъ совершенно выгорающія Заиртышскія степи, впрочемъ, далеко не ровныя, а пересѣченныя низкими, рѣзкими въ своихъ очертаніяхъ, гранитными кряжами или группами порфировыхъ куполовидныхъ холмовъ.

Понятно, что при такомъ разнообразіи типовъ природы, встрѣчаемыхъ на обширномъ пространствѣ Западно-Сибирской области, и при соотвѣтствующемъ разнообразіи естественныхъ ея богатствъ, населеніе этой области поставлено далеко не въ одинаковыя условія къ столь обширному и разнокачественному театру своей дѣятельности.

Вообще же говоря, населеніе Западной Сибири слишкомъ недостаточно для сколько-нибудь правильной эксплоатаціи естественныхъ богатствъ ея громадной территоріи, что, конечно, значительно умаляетъ ея государственное значеніе. На пространствѣ, превосходящемъ четыре первоклассныя государства Европы, вмѣстѣ взятыя (Германію, Австрію, Францію и Великобританію), размѣщается всего только 2.700,000 жителей. Это составляетъ въ общей сложности немного болѣе 60 жит. на квадратную географическую милю, т. е. въ сорокъ разъ менѣе, чѣмъ въ достаточно населенныхъ естественныхъ областяхъ Европейской Россіи — Центральной, Земледѣльческой, Малороссійской и Юго-западной.

Но, конечно, это слабое численностью населеніе распредѣлено весьма неравномѣрно по пространству Западной Сибири. Область эта не только по густотѣ своего населенія, но еще болѣе по различію въ характерѣ территоріи и отношеній къ ней населенія, можетъ быть подраздѣлена на нѣсколько мѣстностей, изъ которыхъ каждая представляетъ достаточно самостоятельный естественный и даже культурно-историческій типъ.

Начнемъ съ юго-западнаго угла Западной Сибири. Здѣсь четыре округа Тобольской губерніи — Тюменскій, Ялуторовскій, Курганскій и Ишимскій, занимающіе 2,030 квадр. геогр. миль, т. е. пространство значительно превосходящее всѣ три Балтійскія губерніи, вмѣстѣ взятыя, образуютъ весьма типическую мѣстность, которую, по двумъ главнымъ рѣкамъ, прорѣзывающимъ ее, можно назвать *Тоболо-Ишимскою*. Мѣстность эта характеризуется чрезвычайнымъ плодородіемъ ея, по большей части, черноземной почвы; она орошена прекрасными, много-

водными рѣками, какъ, напримѣръ, Тура, Исеть, Тоболъ, Вагай и Ишимъ. Здѣсь преобладаютъ надъ лѣсомъ удобныя для земледѣлія залежи, хотя, съ другой стороны, въ лѣсѣ нѣтъ недостатка (подъ лѣсами здѣсь считается до $3^1/_2$ мил. десятинъ, т. е. 35% всего пространства); климатъ относительно благопріятный.

При средней годовой температурѣ (отъ 1 до 3°) климатъ этой мѣстности не можетъ внушить особеннаго довѣрія переселенцу: такая средняя температура существуетъ въ Европѣ только въ Архангельской губерніи, сѣверо-восточной части Вологодской, въ Олонецкой губерніи, сѣверной Финляндіи и сѣверной Швеціи. Но, къ счастію для населенія Тоболо-Ишимской мѣстности, низкая средняя ея годовая температура зависитъ главнымъ образомъ отъ крайнихъ зимнихъ ея холодовъ. Средняя температура трехъ зимнихъ мѣсяцевъ (декабря, января, февраля, отъ — 14° до — 18°) можетъ соперничать въ европейской части свѣта только съ холодами устьевъ Печоры. Но съ половины весны климатъ Тоболо-Ишимской мѣстности представляется уже крайне благопріятнымъ. Средняя температура апрѣля — какъ въ Дерптѣ, мая — какъ въ Ковно и Штетинѣ, іюня — какъ въ Варшавѣ и Дрезденѣ, іюля — какъ въ Краковѣ и Прагѣ, августа — какъ въ Кенигсбергѣ и Данцигѣ. Только съ сентября сибирскіе холода снова вступаютъ въ свои права.

Вліяніе климата отражается и на растительности. Сравнительно достаточно продолжительное (какъ и въ средней Россіи) и очень теплое лѣто даетъ возможность, при условіи плодородной почвы, самому роскошному развитію здѣсь хлѣбныхъ злаковъ.

Весьма естественно, что русскій переселенецъ-земледѣлецъ нашелъ въ этой мѣстности полное приволье, но, разумѣется, только съ тѣхъ поръ, какъ прочное подчиненіе киргизскихъ ордъ и степей избавило населеніе отъ разорительныхъ набѣговъ средне-азіятскихъ кочевниковъ. Съ половины XVII вѣка мѣстность начала уже серьезно заселяться, а къ половинѣ XVIII вѣка, населеніе ея превышало 50 т. душъ обоего пола. Съ тѣхъ поръ въ 130 лѣтъ, населеніе успѣло уже увеличиться почти въ 16-ть разъ, такъ что нынѣ простирается до 800 тыс., т. е. около 400 жителей на квадр. геогр. милю. Такая густота населенія не встрѣчается ни въ какой другой мѣстности Сибири; въ лучшихъ сосѣднихъ мѣстностяхъ Западной Сибири плотность населенія вчетверо меньше. При всемъ томъ нельзя утверждать, что густота населенія Тоболо-Ишимской мѣстности достигла крайняго предѣла ея емкости, даже и при нынѣшнихъ ея экономическихъ условіяхъ. Въ находящейся въ сходныхъ условіяхъ климата и почвы губерніи Самарской, а еще болѣе въ сосѣдней и совершенно сродной степной мѣстности Уральской естественной области (мѣстность эта состоитъ изъ уѣздовъ Шадринскаго, Ирбитскаго и Камышловскаго) плотность населенія уже дошла до 750 жит. на кв. геогр. милю, то есть превзошла плотность населенія Тоболо-Ишимской мѣстности почти вдвое.

Населеніе Тоболо-Ишимской мѣстности заняло уже своими посѣвами болѣе 1.300,000 десятинъ. Такъ какъ, при существующей системѣ хозяйства, залежи должны занимать пространство по крайней мѣрѣ вчетверо большее противъ посѣвовъ, то 65% всей площади, т. е. все пространство мѣстности кромѣ ея лѣсовъ занято посѣвами и залежами. Это доказываетъ, что населеніе захватило уже всѣ удобныя для хлѣбопашества площади, и для переселенцевъ осталось въ Тоболо-Ишимской мѣстности не особенно много свободныхъ государственныхъ земель, уже сдаваемыхъ нынѣ мѣстнымъ крестьянамъ въ видѣ оброчныхъ статей, такъ что переселеніе сюда возможно только болѣе или менѣе мелкими партіями въ существующія сельскія общества. Несомнѣнно, однако, что Тоболо-Ишимская мѣстность можетъ и при нынѣшнихъ условіяхъ свободно вмѣстить, судя по населенности сосѣдней Ирбитской мѣстности, $1^1/_2$ мил. жителей; но такой цифры населеніе можетъ достигнуть современемъ не столько путемъ приселеній, сколько путемъ естественнаго прироста.

Замѣчательно, что нынѣшнее 800-тысячное населеніе Тоболо-Ишимской мѣстности состоитъ почти исключительно изъ русской народности; численность же инородцевъ въ этой мѣстности

не превышаетъ 14 тыс. человѣкъ, т. е. $1^3/_4$% населенія; такимъ образомъ вся мѣстность представляется болѣе русскою, чѣмъ даже многія изъ приволжскихъ мѣстностей.

Превосходная черноземная почва и громадный просторъ для экстенсивнаго хозяйства придаютъ Тоболо-Ишимской мѣстности значеніе одной изъ богатѣйшихъ житницъ не только Сибири, но и вообще Россіи. Даже по отношенію къ сбыту весьма значительнаго избытка произведеній земледѣлія и скотоводства, этотъ районъ поставленъ въ нѣсколько лучшія условія сравнительно съ другими мѣстностями Сибири, — находясь вблизи нуждающихся въ хлѣбѣ горнозаводскихъ округовъ Урала, въ началѣ великаго воднаго пути Западной Сибири, въ который упрется въ самомъ непродолжительномъ времени желѣзно-дорожный путь, имѣющій соединить Волжскій и Обскій бассейны. Начиная отъ этого узла сухопутныхъ и водныхъ сообщеній, большой Сибирскій трактъ пересѣкаетъ Тоболо-Ишимскую мѣстность по всей ея длинѣ; не обойдетъ ее ни въ какомъ случаѣ и желѣзный путь, когда онъ пойдетъ вглубь Сибири, — все равно отъ Тюмени-ли, или отъ Оренбурга.

Подвигаясь далѣе на востокъ отъ Тоболо-Ишимской мѣстности, вдоль большаго Сибирскаго тракта, мы встрѣчаемся, за ея предѣлами, съ другимъ типомъ мѣстности, образуемой округами: Тюкалинскимъ (бывшимъ Омскимъ), Тобольской губерніи, и Каинскимъ — Томской губерніи. Два эти округа занимаютъ пространство въ 2,660 кв. геогр. миль, т. е. значительно большее чѣмъ Тоболо-Ишимская мѣстность. Назовемъ разсматриваемую мѣстность *Барабинскою*, потому что значительная часть ея занята знаменитою Барабинскою степью. Кто достаточно знакомъ съ особенностями Барабы, тотъ ясно представитъ себѣ отличительныя черты этой мѣстности отъ предыдущей. Та же гладь, та же ширь, то же отсутствіе твердыхъ горнокаменныхъ породъ не только на поверхности почвы, но и въ обнаженіяхъ береговыхъ террасъ. Но лѣса въ Барабинской мѣстности хотя и занимаютъ не меньшія площади, чѣмъ въ Тоболо-Ишимской (лѣсными площадями занято свыше 5 мил. дес., т. е. 38% пространства), но въ сущности представляютъ болѣе рѣдкія древесныя насажденія — березовые перелѣски, перемежающіеся съ обширными полянами, и уже не имѣютъ такого сплошнаго таежнаго характера, какъ лѣса болѣе сѣверныхъ мѣстностей Западной Сибири. Воды Барабинской мѣстности текутъ медленнѣе и обнаруживаютъ бо́льшую наклонность застаиваться въ довольно обширныхъ озерахъ, окруженныхъ болотами. Самыя климатическія условія въ Барабинской мѣстности менѣе благопріятны, чѣмъ въ Тоболо-Ишимской. Средняя температура года (отъ — 1° до + 1°) холоднѣе; зима суровѣе (средняя температура трехъ зимнихъ мѣсяцевъ отъ — 16 до — 22°); лѣто короче; весна холоднѣе. Въ то время какъ средняя температура апрѣля въ Тоболо-Ишимской мѣстности тождественна съ Дерптскою, въ Барабинской мѣстности эта температура равняется Кемской и Улеаборгской. Только съ мая до августа включительно Барабинская мѣстность находится почти въ одинаковыхъ условіяхъ съ Тоболо-Ишимской.

Почва Барабинской мѣстности отчасти черноземная, отчасти иловатая, плодородна; но площадей удобныхъ для хлѣбопашества сравнительно меньше. Весьма естественно, что Барабинская мѣстность, съ своими обширными водными и болотистыми поверхностями, роями мучительныхъ для людей и скота комаровъ и оводовъ, издавна получила дурную славу и не могла привлекать переселенцевъ до тѣхъ поръ, пока они находили себѣ достаточно мѣста въ ближайшей и находящейся въ лучшихъ условіяхъ Тоболо-Ишимской мѣстности.

Вполнѣ естественнымъ представляется, поэтому, тотъ фактъ, что Барабинская мѣстность содержитъ только 250 тыс. населенія, т. е. 94 человѣка на квадр. геогр. милю, значитъ слишкомъ въ четыре раза населена менѣе Тоболо-Ишимской мѣстности. Населеніе заняло своими посѣвами 500 тыс. дес., что, съ соотвѣтствующими залежами, составитъ менѣе 20% всей площади. Какъ бы ни была велика пропорція совершенно неудобныхъ пространствъ — водъ и болотъ, все-таки громадныя пространства остаются еще въ Барабинской мѣстности для луговъ и пастбищъ.

Еслибы не было такихъ страшныхъ бичей, какъ обиліе двукрылыхъ и сибирская язва, то скотоводство въ Барабинской мѣстности, нынѣ находящееся въ равновѣсіи съ хлѣбопашествомъ, получило бы надъ нимъ болѣе рѣшительный перевѣсъ. Населеніе Барабинской мѣстности столь же исключительно русское, какъ и въ Тоболо-Ишимской; 4,000 инородцевъ составляютъ только $1^2/_3$% всего населенія мѣстности. Хотя въ послѣдніе годы многія переселенческія партіи стали осѣдать въ лучшихъ частяхъ Барабинской мѣстности, но переселенцамъ этимъ, какъ и вообще населенію Барабинской мѣстности, приходится вести постоянную борьбу со многими невыгодными условіями, затрудняющими развитіе экономическаго благосостоянія населенія въ этой части Западной Сибири. Къ какимъ бы усиліямъ ни прибѣгалъ здѣсь неприхотливый и выносливый русскій человѣкъ въ тяжкой борьбѣ съ враждебными ему явленіями природы, все-таки емкость или вмѣстимость этой мѣстности для населенія надолго останется, если не вчетверо, какъ нынѣ, то по крайней мѣрѣ втрое меньше, чѣмъ въ предыдущей. Едва ли даже при нынѣшнихъ своихъ культурныхъ условіяхъ, Барабинская мѣстность можетъ вмѣстить втрое болѣе населенія противъ нынѣшняго, т. е. 750 тыс. жителей, для земледѣльческихъ занятій которыхъ необходимо до $7^1/_2$ мил. дес. полей и залежей, что̀ составило бы до 60% всей площади. Свыше этой пропорціи едва-ли можно набрать удобныхъ земель въ Барабинской мѣстности.

Къ сѣверу отъ Тоболо-Ишимской и отчасти Барабинской мѣстностей простирается мѣстность совершенно иного типа, образуемая округами: Туринскимъ, Тобольскимъ и Тарскимъ Тобольской губерніи. Эту мѣстность по главному культурному ея центру можно назвать *Тобольскою*. Она занимаетъ до 5,150 кв. геогр. миль, т. е. превосходитъ по пространству двѣ предыдущія мѣстности, вмѣстѣ взятыя.

Климатъ Тобольской мѣстности значительно суровѣе, чѣмъ въ двухъ предыдущихъ. Средняя годовая температура (отъ—2° до 0°) холоднѣе, чѣмъ въ Архангельскѣ, Торнео и на Нордканѣ. Особенно суровы зимніе мѣсяцы — декабрь, январь, февраль, которыхъ средняя температура простирается отъ — 18° до — 22° и не находитъ себѣ равной ни въ какомъ уголку Европы, не исключая даже Пустозерска и устьевъ Печоры. За то лѣтніе мѣсяцы представляются сравнительно благопріятными. Лапландскій еще апрѣль смѣняется здѣсь маемъ и іюнемъ, которыхъ средняя температура равна дерптской, рижской и данцигской; средняя же температура іюля здѣсь такая же, какъ въ сѣверной части Царства Польскаго и Познани, т. е. теплѣе берлинской. Температура августа такая же, какъ въ Петербургской губерніи и Эстляндіи, а въ сентябрѣ уже снова царствуютъ здѣсь лапландскіе холода.

Мѣстность эта, такъ же какъ и двѣ предыдущія, представляетъ совершенную равнину, на всемъ пространствѣ которой, даже въ береговыхъ террасахъ и обнаженіяхъ, не встрѣчается твердыхъ каменныхъ породъ, за исключеніемъ самыхъ западныхъ, ближайшихъ къ Уралу, рѣчныхъ долинъ.

Главную характерную черту Тобольской мѣстности составляетъ *тайга*, т. е. громадные, дремучіе, попреимуществу хвойные, лѣса, прерываемые только отчасти характерными для Сибири урманами, т. е. зыбучими, обнаженными отъ лѣсной чащи трясинами и моховыми болотами. Лѣсныя площади этой мѣстности занимаютъ свыше 20 милліоновъ десятинъ, т. е. 80% всего ея пространства.

Естественно, что при такихъ условіяхъ мѣстность хотя и занимаетъ обширное пространство на главномъ сибирскомъ водномъ пути и заселена Русскими прежде всѣхъ другихъ мѣстностей Сибири, но имѣетъ довольно скудное населеніе. Четыреста пятьдесятъ тысячъ на пространствѣ, равномъ Великобританіи, составитъ 87 жит. на кв. милю, т. е. плотность населенія, уступающую даже Барабинской мѣстности. Населеніе это заняло своими посѣвами только 370 тыс. дес., т. е. менѣе 2% необъятнаго пространства. Оно и понятно, такъ какъ хлѣбопашество можетъ ютиться только въ немногихъ наиболѣе удобныхъ уголкахъ необъятной лѣсной площади, въ видѣ лядинъ, т. е. небольшихъ по пространству лѣсныхъ росчистей.

При такихъ условіяхъ, вмѣстимость страны для населенія можно признать здѣсь несравненно меньшею, чѣмъ даже въ Барабинской мѣстности, потому что по самому свойству страны земледѣліе и скотоводство отходятъ здѣсь далеко на второй планъ, а на первомъ стоятъ лѣсные промыслы, охота и рыболовство, требующіе несравненно бо́льшаго простора, чѣмъ экстенсивное земледѣліе и осѣдлое скотоводство. Но сколько бы ни была облегчена колонизація страны, — которая въ этой мѣстности, впрочемъ, издавна встрѣчала наименьшія преграды, чѣмъ въ остальной Сибири, — едва ли населеніе этой мѣстности, при нынѣшнихъ экономическихъ условіяхъ Сибири, можетъ значительно превзойти двойную цифру нынѣшняго, т. е. дойти до 1 милліона.

Замѣчательно, что, въ то время, какъ русскія народныя массы въ двухъ выше описанныхъ мѣстностяхъ стерли инородцевъ съ лица земли, здѣсь, въ глухой тайгѣ, удержалось еще отчасти инородческое населеніе, численность котораго простирается до 32 тыс., т. е. составляетъ еще около 7% всего населенія Тобольской мѣстности.

Къ востоку отъ разсмотрѣнныхъ уже мѣстностей, на пересѣченіи восточной оконечности великаго Западно-Сибирскаго (Обскаго) воднаго пути съ большимъ сибирскимъ трактомъ, лежитъ еще одна мѣстность Западной Сибири, состоящая изъ округовъ — Томскаго (кромѣ Нарымскаго края) и Маріинскаго, Томской губерніи. Въ виду того, что въ этой мѣстности находится Томскъ, одинъ изъ важнѣйшихъ сибирскихъ культурныхъ центровъ, назовемъ ее *Томскою*.

Мѣстность эта, по своему таежному, лѣсному характеру, имѣетъ наиболѣе сходства съ Тобольскою, также какъ и въ климатическомъ отношеніи. Въ послѣднемъ отношеніи, впрочемъ едва замѣтный оттѣнокъ различія заключается лишь въ томъ, что вторая половина лѣта въ Томскѣ немного теплѣе, чѣмъ въ Тобольскѣ. Гораздо существеннѣе Томская мѣстность отличается отъ Тобольской тѣмъ, что не представляетъ такой низменной равнины какъ Тобольская; она, вообще, волниста, а въ южной своей части даже отчасти гориста, хотя горы и возвышенности ея не особенно высоки и, будучи покрыты почти сплошными лѣсами, носятъ тотъ же таежный характеръ, какъ и лѣсныя площади Тобольской мѣстности. За то въ обнаженіяхъ твердыхъ горныхъ породъ въ Томской мѣстности нѣтъ недостатка, и богатая лѣсная растительность скрываетъ подъ собою нѣкоторыя минеральныя богатства, которыхъ вовсе нѣтъ въ Тобольской мѣстности. Вотъ почему если земледѣліе и скотоводство играютъ въ этой мѣстности почти такую же второстепенную, спорадическую роль, какъ и въ предъидущей, то къ стоящимъ на первомъ планѣ промысламъ принадлежатъ, кромѣ лѣсныхъ и звѣроловческихъ, еще и горные промыслы, конечно болѣе развитые въ сосѣдней Алтайской мѣстности, къ которой Томская мѣстность и составляетъ, собственно, переходъ. Впрочемъ и по отношенію къ земледѣлію Томская мѣстность, при нѣсколько болѣе благопріятныхъ климатическихъ условіяхъ, стоитъ выше Тобольской. Посѣвами въ Томской мѣстности занято 410 тыс. дес., т. е. около $2^1/_2$% всего пространства. Къ этому еще необходимо прибавить, что транзитное положеніе Томской мѣстности, на пересѣченіи великаго воднаго Западно-Сибирскаго пути и гужеваго большаго сибирскаго тракта, между Уральскою Россіею, металлоносным Алтаемъ, Восточною Сибирью и ближайшими къ Россіи золотопромышленными округами Сибири, дѣлаетъ изъ Томской мѣстности, можно сказать, тотъ нервный узелъ, который современемъ получитъ наибольшее вліяніе на всю культурно-экономическую жизнь Сибири.

Въ настоящее же время Томская мѣстность, на пространствѣ 3,500 кв. г. м., содержитъ только немного болѣе 300 тыс. жителей, или на кв. геогр. м. 86 жит., т. е. плотностью населенія мало отличается отъ сходной по физическимъ условіямъ Тобольской мѣстности. Нѣтъ сомнѣнія однакоже, что вмѣстимость Томской мѣстности для населенія, по указаннымъ причинамъ, можетъ быть значительно большею, чѣмъ Тобольской, и мы полагаемъ, что, при ожидаемыхъ въ ближайшемъ будущемъ культурныхъ условіяхъ, Томская мѣстность можетъ вмѣстить болѣе чѣмъ втрое населенія противъ нынѣшняго, а именно до 1 милліона.

Въ настоящее время инородческая примѣсь населенія Томской мѣстности составляетъ не

свыше 12 тыс. душъ об. п., т. е. около 4%, значительно менѣе чѣмъ въ Тобольской мѣстности, вѣроятно потому, что инородческое населеніе въ Томской мѣстности, прорѣзанной болѣе удобными путями сообщенія, было успѣшнѣе и быстрѣе ассимилировано русскими переселенцами, чѣмъ въ Тобольской.

Къ югу отъ Томской мѣстности, въ верховьяхъ Обской рѣчной системы, находится обширная и самая интересная во многихъ отношеніяхъ мѣстность Западной Сибири, — *Алтайская*, куда входятъ Барнаульскій, Кузнецкій и Бійскій округа Томской губерніи. Эта мѣстность рѣзко отличается отъ всѣхъ предыдущихъ своимъ горнымъ, отчасти альпійскимъ характеромъ и занимаетъ громадное пространство въ 7,300 кв. геогр. миль.

Климатическія условія этой мѣстности въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже болѣе благопріятны, чѣмъ въ Тоболо-Ишимской. Зима въ Алтайской мѣстности, кромѣ хорошо-защищенныхъ горныхъ долинъ и обращенныхъ къ югу горныхъ скатовъ, нѣсколько суровѣе, чѣмъ въ Тоболо-Ишимской мѣстности; но зато лѣто, начиная съ весны, еще благопріятнѣе, особливо въ южной половинѣ мѣстности, гдѣ уже средняя температура апрѣля (6°) такая, какъ въ Данцигѣ, мая — какъ въ Дрезденѣ, іюня — какъ въ Буда-Пештѣ, іюля — какъ въ Требизонтѣ и Константинополѣ, августа — опять какъ въ Буда-Пештѣ и сентября — какъ въ Варшавѣ. Въ октябрѣ наступаютъ здѣсь стокгольмскіе холода, а въ ноябрѣ — лапландскіе.

Этимъ и обильнымъ орошеніемъ текущими съ снѣжныхъ вершинъ горными рѣками объясняется роскошная флора и фауна Алтайской мѣстности и необыкновенное плодородіе ея долинъ, столь способныхъ для земледѣльческой культуры; въ то же время роскошные альпійскіе луга представляютъ большія удобства для скотоводства, а громадныя минеральныя богатства мѣстности, состоящія изъ золотыхъ розсыпей, серебро-свинцовыхъ, мѣдныхъ и желѣзныхъ рудныхъ мѣсторожденій и каменно-угольныхъ копей, могутъ способствовать развитію здѣсь не только горнаго промысла, но и всѣхъ вообще отраслей промышленности.

Конечно, громадныя площади Алтайской мѣстности заняты землями совершенно неудобными: на югѣ каменистыми, скалистыми, отчасти снѣжными, на сѣверѣ — покрытыми непролазною лѣсною растительностью горами, на западѣ — песчаными степями; но и нынѣ населеніе Алтайской мѣстности держитъ подъ посѣвами свыше милліона десятинъ, что, при условіяхъ залежнаго хозяйства, занимаетъ, вмѣстѣ съ залежами, площадь, составляющую 14% всей площади разсматриваемой мѣстности, на лѣса которой приходится 4 мил. десятинъ, т. е. 11% пространства. Нынѣ населеніе Алтайской мѣстности составляетъ до 600 тыс., т. е. 82 жит. на кв. м., — численность крайне незначительная, въ сравненіи съ емкостью этой мѣстности. Если сравнить эту плотность населенія съ плотностью другихъ, находящихся въ благопріятныхъ условіяхъ, горныхъ мѣстностей Россіи, напримѣръ, съ Кавказскимъ намѣстничествомъ, имѣющимъ 600 жит. на кв. геогр. милю, или даже съ Екатеринбургскимъ уѣздомъ Пермской губерніи, имѣющимъ такую же плотность населенія, то окажется, что населенность Алтайской мѣстности въ $7^1/_2$ разъ слабѣе; еслибы примѣнить плотность населенія Кавказа или Екатеринбургскаго уѣзда къ Алтайской мѣстности и то она вмѣстила бы въ себѣ свыше 4 мил. жителей. Но такое количество населенія потребовало бы 6 мил. дес. посѣвовъ, а слѣдовательно при залежномъ хозяйствѣ — 30 мил. дес. удобныхъ земель, т. е. 82% всей поверхности этой мѣстности. Между тѣмъ въ Алтайской области на земли, совсѣмъ неудобныя для хлѣбопашества, можно полагать не менѣе 40%, вслѣдствіе чего вся Алтайская мѣстность едва ли можетъ вмѣстить свыше 3 мил. населенія.

Въ нынѣшнемъ составѣ населенія этой мѣстности число инородцевъ простирается до 45 тыс., т. е. они составляютъ до 8% населенія, — немного бо̀льшую пропорцію, чѣмъ въ Тобольской мѣстности. Это объясняется тѣмъ, что инородческое населеніе удержалось въ наименѣе доступныхъ для русской колонизаціи горныхъ долинахъ юго-восточнаго Алтая.

Къ югу отъ Алтайской мѣстности, въ верховьяхъ Иртышской рѣчной системы, лежитъ

еще одна мѣстность, принадлежащая, въ административномъ отношеніи, къ степному генералъ-губернаторству, но составляющая естественный переходъ отъ Западно-Сибирской области къ Туркестанской. Сюда мы относимъ Кокбектинскій и Семипалатинскій округа нынѣшней Семипалатинской области и назовемъ ее *Верхне-Иртышской*. Площадь ея занимаетъ 3,000 кв. геогр. м. и состоитъ, главнымъ образомъ, изъ южныхъ частей Алтая и промежутка между Алтаемъ и Иртышскою низменностью съ одной стороны, Тарбагатаемъ и его продолженіемъ Чингисъ-Тау—съ другой. Въ восточной части своей промежутокъ этотъ занятъ водоемомъ обширнаго озера Зайсана, а въ западной переходитъ въ малоплодородную, сухую, неровную и пересѣченную гранитными кряжами и порфировыми горными группами, Киргизскую степь.

Верхняя Иртышская мѣстность въ горной части своей имѣетъ сходство съ Алтайскою, а въ западной степной—съ худшими и наиболѣе сухими частями Барабинской мѣстности, но отличается отъ обѣихъ мѣстностей несравненно большею сухостью климата и большею скудостью орошенія, вслѣдствіе чего площади, удобныя для земледѣлія и осѣдлости, являются спорадически-разбросанными по горнымъ долинамъ, орошеннымъ постоянными водными потоками подгорьямъ и вдоль теченія главной водной артеріи мѣстности — Иртыша, тамъ, гдѣ почва не занесена сыпучими песками.

За исключеніемъ сухости, климатическія условія Верхне-Иртышской мѣстности въ ея плодородныхъ оазисахъ самыя благопріятныя во всей Западно-Сибирской области. Средняя годовая температура въ мѣстности (+6°) такая же, какъ въ Воронежѣ и Ригѣ. Зимніе мѣсяцы (декабрь, январь, февраль), конечно, суровы (средняя температура отъ — 10 до — 16°); но средняя температура марта такая же, какъ въ Новгородѣ, апрѣля — какъ въ Варшавѣ, мая—какъ въ Вѣнѣ, іюня—какъ въ Константинополѣ, іюля—какъ въ Баку и Тифлисѣ, августа—какъ въ Бухарестѣ, сентября — какъ въ Вѣнѣ, октября — какъ въ Стокгольмѣ; только въ ноябрѣ температура, какъ въ Улеаборгѣ, а зима — какъ въ Лапландіи.

Главная отличительная черта Верхне-Иртышской мѣстности — безлѣсность; лѣса ея, занимая пространство не свыше 800 тыс. дес., составляютъ не болѣе 5% всего пространства, что достаточно объясняется сухостью климата не только разстилающихся къ юго-западу отъ Алтая степей, но и южныхъ склоновъ Алтайскаго нагорья, обращенныхъ къ континентальнымъ сухимъ и высокимъ площадямъ Средней Азіи.

Населеніе Верхне-Иртышской мѣстности едва превышаетъ 250 тыс. жит., т. е. 83 жит. на квадр. милю. Большинство его (84%) приходится на инородческое, почти исключительно кочевое населеніе и только 16% на русское, осѣдлое. Правду сказать: для русской колонизаціи въ этой мѣстности простору не особенно много; если не слишкомъ стѣснять кочевниковъ, то можно размѣстить здѣсь еще сотни двѣ-три тысячъ жителей, такъ что емкость страны для населенія, при нынѣшнихъ культурныхъ условіяхъ, не превзойдетъ полумилліона жителей; большая прибыль русскаго населенія будетъ уравновѣшиваться убылью инородческаго.

На совершенно противоположной сторонѣ Верхне-Иртышской мѣстности въ Западно-Сибирской области разстилается, далеко за предѣлы полярнаго круга, самая обширная и самая пустынная мѣстность въ Западной Сибири — *Нижне-Обская*, образуемая округами: Березовскимъ и Сургутскимъ, Тобольской губерніи, и Нарымскимъ краемъ Томской. Въ указанныхъ предѣлахъ мѣстность занимаетъ до 20,000 кв. геогр. миль, т. е. пространство вдвое превосходящее Францію. Климатическія условія этой мѣстности крайне неблагопріятны. Средняя температура года въ южныхъ частяхъ отъ — 4° до — 10° еще находитъ себѣ равныя въ Европѣ въ Нижне-Печорскомъ краѣ, но въ сѣверныхъ (до — 14°) уже представляется исключительно сибирскою и гораздо холоднѣе средней температуры южнаго острова Новой Земли; средняя температура двухъ холоднѣйшихъ мѣсяцевъ (— 20° до — 30°) также исключительно сибирская; весенніе мѣ-

сяцы (апрѣль и май) имѣютъ еще среднюю температуру Лапландіи: только въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ тундра, замерзшая въ теченіе 9 мѣсяцевъ, оттаиваетъ на лучахъ почти незаходящаго солнца.

Такія суровыя климатическія условія отражаются и на растительности мѣстности. Только вдоль южной ея окраины встрѣчается еще дремучая тайга; въ среднихъ частяхъ мѣстности чахнетъ и рѣдѣетъ лѣсная растительность, хвойныя деревья превращаются въ сланецъ, т. е. стелющійся кустарникъ; въ сѣверной же части мѣстности разстилается безпредѣльная тундра.

О земледѣліи въ этой мѣстности, конечно, не можетъ быть и рѣчи; скудное 50-тысячное ея населеніе ($2\frac{1}{2}$ жит. на квадр. милю) заключаетъ въ себѣ меньшинство (32%) русскихъ или обрусѣвшихъ элементовъ, а большинство (34,000 или 58%) состоитъ изъ бродячихъ инородцевъ, занимающихся оленеводствомъ, охотою и рыболовствомъ.

Такимъ образомъ, Нижне-Обская мѣстность, представляющая по климатическимъ и физическимъ условіямъ столь рѣзкую противоположность съ Верхне-Иртышскою, имѣетъ однакоже съ нею одну общую черту — она представляется инородческою попреимуществу, а не русскою. Въ Нижне-Обской мѣстности, даже и въ отдаленномъ будущемъ, нѣтъ мѣста для осѣдлой русской колонизаціи. Эксплоатировать скудныя естественныя богатства страны Русскіе могутъ здѣсь только древнимъ новгородскимъ способомъ, т. е. въ качествѣ заѣзжихъ гостей, опирающихся на малолюдныя факторіи или конторы, подобныя городкамъ Березову, Обдорску, Сургуту и Нарыму. При такихъ условіяхъ емкость страны для населенія такъ ничтожна, что о какомъ бы то ни было серьезномъ приростѣ его не можетъ быть и рѣчи.

Въ виду того, что Нижне-Обская мѣстность, по пространству своему, занимаетъ почти половину всей естественной Западно-Сибирской области, мы должны придти къ заключенію, что обиліе удобныхъ для поселенія земель въ Сибири далеко не такъ велико, какъ оно кажется съ перваго взгляда, хотя несомнѣнно, что въ мѣстностяхъ, удобныхъ для обитанія, населеніе далеко не достигло еще предѣла емкости или вмѣстимости страны, и что надолго еще сгущеніе населенія Западно-Сибирской области составитъ необходимое условіе для развитія ея экономическаго благосостоянія.

Несомнѣнно также и то, что въ силу этого, такъ сказать, экономическаго запроса на сгущеніе населенія, населенность Сибири растетъ очень быстро. Но какую роль въ этой прибыли населенія играетъ естественный приростъ его и какую колонизація?

Нынѣшній естественный приростъ населенія Западно-Сибирской области, путемъ избытка рожденій надъ смертями, не смотря на обиліе земель и производительность дѣвственной почвы, не особенно великъ; онъ составляетъ не свыше $\frac{3}{4}$% въ годъ и можетъ произвести удвоеніе населенія только черезъ цѣлое столѣтіе. Этотъ приростъ населенія соотвѣтствуетъ приросту въ суровой, хотя отчасти довольно плодородной Вологодской губерніи. Объясняется такая недостаточность прироста весьма многими причинами, устраненіе которыхъ отчасти можетъ быть достигнуто весьма медленно, отчасти и вовсе достигнуто быть не можетъ. Такъ, напримѣръ, въ мѣстностяхъ попреимуществу инородческихъ — Нижне-Обской и Верхне-Иртышской населеніе вовсе не приростаетъ, потому что, какъ ни страннымъ это покажется съ перваго взгляда, населеніе инородческое, съ древнѣйшихъ временъ обитающее въ этихъ мѣстностяхъ, достигло уже того предѣла, далѣе котораго страна вмѣстить его не можетъ. Для оленеводства и звѣроловства въ Нижне-Обской мѣстности и для кочеваго скотоводства въ Верхне-Иртышской нужны такія обширныя пространства, что предѣлъ емкости страны для бродячихъ звѣролововъ — на сѣверѣ и кочевыхъ скотоводовъ — на югѣ уже былъ достигнутъ ими ранѣе русскаго завоеванія страны. Въ сѣверной звѣроловческой мѣстности приходъ Русскихъ, усиливъ временно дѣятельность звѣролововъ увеличеніемъ спроса на пушной товаръ,

могъ только уменьшить количество звѣря, а вмѣстѣ съ тѣмъ и емкость страны для звѣроловческаго населенія. Въ южной, скотоводческой области занятіе русскою колонизаціею нѣкоторыхъ лучшихъ и плодороднѣйшихъ оазисовъ также не могло не стѣснить хотя отчасти кочевниковъ и скорѣе уменьшило, чѣмъ увеличило емкость страны для кочеваго населенія. Вотъ почему нельзя и ожидать сколько-нибудь значительнаго естественнаго прироста между инородческимъ населеніемъ Западно-Сибирской области.

Что же касается до русскаго населенія, то въ той части Западной Сибири, въ которой преобладаютъ лѣсные промыслы, а именно Тобольской и Томской, суровость климата, непрерывная и тяжелая борьба съ природою при собираніи съ громадныхъ пространствъ естественныхъ богатствъ, разлитыхъ по ней тонкимъ, мѣстами совершенно прерывающимся слоемъ, поставляетъ естественный приростъ населенія въ тѣ же или еще болѣе невыгодныя условія, какъ и въ сѣверной Бѣломорской области Россіи. Къ этому присоединяется еще и культурная, такъ сказать, безпомощность населенія крайняго сѣвера противъ болѣзней, особенно же повальныхъ, которыя, какъ, напримѣръ, оспа — этотъ страшнѣйшій бичъ сѣверной Сибири, — опустошаютъ цѣлыя селенія, лишенныя всякаго медицинскаго пособія, организація котораго крайне затрудняется рѣдкостью и разбросанностью селеній въ лѣсныхъ мѣстностяхъ Сибири.

По отношенію къ Барабинской мѣстности, мы уже сказали, что мѣстныя условія, борьба съ мучительными миріадами насѣкомыхъ и эндемическою сибирскою язвою, также значительно задерживаютъ естественный ростъ населенія. Казалось бы, что естественный приростъ населенія могъ совершиться быстро и безпрепятственно въ мѣстностяхъ Тоболо-Ишимской и Алтайской, въ которыхъ уже живетъ болѣе половины всего населенія Западной Сибири въ особенно благопріятныхъ экономическихъ условіяхъ. Но и здѣсь суровыя, лапландскія зимы, короткое лѣто съ непосильными земледѣльческими трудами «страдной поры», безпомощность населенія и отсутствіе всякихъ медицинскихъ пособій въ борьбѣ съ повальными болѣзнями значительно сокращаютъ естественный приростъ населенія. Къ тому же въ странѣ, въ которую направляется значительная колонизація, таблицы смертности въ бо̀льшей мѣрѣ пополняются вымираніемъ цѣлыхъ поколѣній переселенцевъ. При тѣхъ жалкихъ экономическихъ условіяхъ, въ которыхъ прибываютъ въ Сибирь переселенческія партіи, при непривычкѣ ихъ къ мѣстнымъ и въ особенности климатическимъ условіямъ, при отсутствіи теплой одежды и своевременно устроенныхъ жилищъ,—весьма естественно, что все слабое изъ переселенческихъ партій — старики и дѣти — переходятъ въ таблицы смертности, а выживаетъ только наиболѣе сильная и закаленная половина переселенцевъ. Это мы говоримъ о добровольныхъ переселенцахъ; чтоже касается до ссыльно-поселенцевъ, то они конечно могутъ служить только элементомъ естественной убыли, а не прибыли въ таблицахъ движенія населенія. Большею частью привыкшіе не къ труду, а только къ легкой наживѣ на своей родинѣ, бездомные, преимущественно одинокіе, т. е. приходящіе безъ женъ въ мѣста своего водворенія «на поселеніе», эти ссыльно-поселенцы только въ рѣдкихъ случаяхъ могутъ завести себѣ въ Сибири семейный очагъ, а большею частью живутъ одинокими паразитами между населеніемъ, въ средѣ котораго водворены, и въ концѣ концовъ попадаютъ въ таблицы смертности, не оказавъ значительнаго вліянія на таблицы рождаемости.

При всемъ томъ фактическое населеніе Западно-Сибирской области увеличивается быстро, можно сказать вчетверо быстрѣе, чѣмъ оно должно было-бы увеличиться въ силу одного естественнаго прироста.

Въ 1622, т. е. 40 лѣтъ послѣ завоеванія Сибири, въ Западно-Сибирской области было не болѣе 50 тыс. населенія. Въ 1709 году Западная Сибирь уже имѣла 150 тыс. жителей, т. е. населеніе ея въ 87 лѣтъ утроилось.

Въ 1812 году въ Западно-Сибирской области населеніе превзошло 440 тысячъ, т. е. въ 103 года еще утроилось; въ 1850 году оно дошло до 1 милліона, т. е. въ 38 лѣтъ увели-

чилось въ 2—3 раза. Въ 1833 году оно составляло,—не принимая въ разсчетъ 200 тыс. кочевыхъ инородцевъ Верхне-Иртышской мѣстности, — 2.500,000, т. е. въ 33 года увеличилось до 5 разъ, а въ общей сложности, въ 71 годъ, почти *ушестерилось*. Конечно, такое быстрое увеличеніе населенія можетъ быть объяснено только силою добровольной колонизаціи, но не естественнымъ приростомъ населенія и не ссыльно-поселенческимъ элементомъ. Потребность же въ добровольномъ выселеніи все болѣе и болѣе растетъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи, гдѣ, вслѣдствіе быстраго естественнаго прироста населеніе достигаетъ предѣловъ вмѣстимости для него данной мѣстности, при существующихъ экономическихъ условіяхъ, которые не могутъ измѣняться съ тою быстротою, съ какою растетъ населеніе.

Посмотримъ теперь, что именно привлекаетъ въ Западно-Сибирскую область столь значительную колонизацію и какъ относится западно-сибирское населеніе къ театру своей дѣятельности, т. е. къ обширнымъ пространствамъ, естественныя богатства которыхъ оно эксплоатируетъ.

Изложенная характеристика различныхъ мѣстностей Западной Сибири доказываетъ, что какъ ни суровъ сибирскій климатъ, но все-таки для большинства жителей области (60%), а именно для жителей Тоболо-Ишимской, Алтайской и Барабинской мѣстностей *земледѣліе* составляетъ главное, основное занятіе. Даже и для населенія двухъ лѣсныхъ мѣстностей Западной Сибири (Тобольской и Томской), содержащихъ въ себѣ 30% жителей области, земледѣліе все еще составляетъ одно изъ главныхъ занятій населенія, и только для меньшинства жителей области (не болѣе 10%), въ крайнихъ (на югѣ и сѣверѣ) инородческихъ мѣстностяхъ, земледѣліе не играетъ уже никакой или почти никакой роли въ экономической жизни населенія.

Отношеніе человѣка къ землѣ въ Западно-Сибирской области очень просто, можно даже сказать, первобытно. Личной собственности здѣсь почти не существуетъ. Въ 1861 году, въ 34 владѣльческихъ имѣніяхъ Западной Сибири, за исключеніемъ одного, весьма мелкихъ, оказалось менѣе 44 тыс. десятинъ земли, изъ которыхъ болѣе 15 тыс. дес. отошло въ надѣлъ крестьянамъ. Впослѣдствіи, правда, значительное количество государственныхъ земель, а именно до 250 тыс. дес., было продано и роздано въ собственность относительно небольшому числу лицъ, но это создало въ Западной Сибири пока лишь номинальную личную собственность, такъ какъ фактическая личная собственность едвали возможна въ такой странѣ, гдѣ, по многоземелью, земля еще не даетъ ренты. Громадное количество изъ принадлежащихъ въ Западно-Сибирской области государству и удѣлу удобныхъ земель, а именно до $8^1/_2$ милліоновъ десятинъ, предоставляется безпрепятственно и почти безъ строго-опредѣленнаго наружными границами отвода тѣмъ общинамъ, которыя издавна или недавно поселились на этихъ земляхъ. Въ большинствѣ общинъ, при пользованіи землею, преобладаетъ еще захватный способъ, то есть, каждый земледѣлецъ беретъ земли столько, сколько можетъ обработать. Слѣдовательно, количество земли эксплоатируемой земледѣліемъ, ограничивается пока только возможностью для рабочей силы обработать землю и дѣйствительною потребностью въ произведеніяхъ земледѣлія. Потому до крайности интересными представляются цифры посѣвовъ на наличную душу муж. пола или на взрослаго работника въ разныхъ мѣстностяхъ Западной Сибири. Въ земледѣльческихъ, по преимуществу, мѣстностяхъ — Тоболо-Ишимской, Алтайской и Барабинской — крестьянинъ засѣваетъ среднимъ числомъ отъ $3^1/_2$ до 4 дес. на душу муж. пола или отъ 9 до 10 дес. на рабочее тягло, отъ 18 до 20 дес. на дворъ; въ Тобольской мѣстности 1,7 дес. на душу м. п., т. е. немного болѣе 4 дес. на работника, или 10 на дворъ; въ Томской 1,4 на душу, или $3^1/_2$ дес. на работника, 7 дес. дворъ; въ Семипалатинской мѣстности инородецъ-кочевникъ сѣетъ хлѣба весьма незначительное количество, а въ Нижне-Обской мѣстности земледѣліе, можно сказать, совсѣмъ не существуетъ. Въ двухъ лучшихъ мѣстностяхъ Западной Сибири получается хлѣба, идущаго въ пищу (по среднимъ цифрамъ за 5-тилѣтіе 1876 — 1880 г.) на душу обоего пола: въ Алтайской мѣстности — не менѣе 3,3 четвертей, въ Тоболо-Ишимской — 3,0 четвертей, въ посредствен-

ныхъ мѣстностяхъ, Барабинской — 2,6 четв., Томской — 2,4. Значитъ, количество собираемаго хлѣба превосходитъ потребности насущнаго пропитанія. Только въ Тобольской мѣстности получается 1,5 четверти на душу об. п., вслѣдствіе чего какъ эта мѣстность, такъ и мѣстности Верхне-Иртышская и Нижне-Обская нуждаются въ привозномъ хлѣбѣ.

Всего хлѣбовъ въ послѣднее пятилѣтіе Западно-Сибирская область производила ежегодно: годныхъ въ пищу человѣку около 7 мил. четвертей, да овса до $4^1/_2$ мил., и картофеля 1 мил. Изъ первыхъ хлѣбовъ 46%, а именно $3^1/_4$ мил. приходилось на пшеницу, а около 25%, а именно $1^3/_4$ мил. четв., на рожь. Въ Тоболо-Ишимской мѣстности пропорція пшеницы между пищевыми хлѣбами превосходитъ 60%, въ Томской мѣстности опускается до 25%.

При громадномъ количествѣ залежныхъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ и поемныхъ луговъ скотоводство играетъ тоже весьма видную роль въ экономической жизни области. Общее количество лошадей въ Западно-Сибирской области, по оффиціальнымъ свѣдѣніямъ, которыя несомнѣнно ниже дѣйствительности, не менѣе 2 милліоновъ, крупнаго рогатаго скота $1^1/_2$ мил., овецъ до 3 милліоновъ головъ, свиней — 420 тыс. и оленей на сѣверѣ — до 100 тыс. Не принимая въ соображеніе Киргизовъ Семипалатинской мѣстности, которые, какъ народы пастушескіе, держатъ наибольшее количество лошадей, крупнаго и мелкаго рогатаго скота, а также сѣверныхъ инородцевъ, у которыхъ лошади и рогатый скотъ замѣняются оленями — наибольшее количество лошадей на дворъ (по $6^1/_2$) приходится въ Алтайской мѣстности, затѣмъ слѣдуетъ Барабинская мѣстность (съ $4^1/_2$ лошадьми на дворъ), Томская (съ 3 лош.), Тоболо-Ишимская (съ $2^1/_2$) и Тобольская (съ $1^3/_4$ лош.). Крупнаго рогатаго скота въ Алтайской и Барабинской мѣстностяхъ по 5 штукъ на дворъ, въ Томской — по 2,4, въ Тоболо-Ишимской и Тобольской— по 2. Овецъ болѣе всего въ Барабинской мѣстности — по 9 на дворъ; въ Алтайской 5,5, въ Томской 3,7, въ Тоболо-Ишимской 3, въ Тобольской 1,8. Свиней болѣе 1 на дворъ приходится въ мѣстностяхъ Алтайской, Барабинской и Томской.

Такимъ образомъ, кромѣ Семипалатинской мѣстности, въ которой кочевое скотоводство является главнымъ и почти исключительнымъ занятіемъ преобладающей здѣсь массы инородческаго населенія, скотоводство особенно развито въ Алтайской и Барабинской мѣстностяхъ, благодаря обилію пастбищъ и сѣнокосовъ.

Изъ остальныхъ сельскихъ промысловъ Алтайская и частью Томская мѣстности славятся своимъ пчеловодствомъ, обусловленнымъ роскошною флорою Алтайскаго нагорья. Пчеловодство этихъ двухъ мѣстностей даетъ ежегодно меда и воска на сумму не менѣе полумилліона рублей.

Изъ промысловъ неземледѣльческихъ охота и рыбная ловля являются преобладающими въ Нижне-Обской мѣстности, гдѣ эти промыслы, вмѣстѣ съ бродячимъ оленеводствомъ, даютъ скудныя средства существованія всему инородческому населенію мѣстности. Первостепенное значеніе имѣетъ еще звѣриный промыселъ наряду съ другими лѣсными, какъ-то собираніемъ кедровыхъ орѣховъ, сидкою смолы и дегтя, обжиганіемъ древеснаго угля, рубкою дровъ и строительныхъ лѣсныхъ матеріаловъ въ лѣсныхъ, смежныхъ мѣстностяхъ Тобольской и Томской и второстепенное значеніе во всѣхъ безъ исключенія остальныхъ мѣстностяхъ Западно-Сибирской области. Даже въ мѣстности Семипалатинской, столь исключительно почти скотоводческой для главной массы инородческаго населенія, богатое рыбою озеро Зайсанъ привлекаетъ не мало русскихъ промышленниковъ на рыболовство, играющее такимъ образомъ немаловажную роль въ экономической жизни мѣстности.

Занятія, подобныя рыболовству и звѣриному промыслу, менѣе всего могутъ подлежать учету посредствомъ статистическихъ цифръ, но, во всякомъ случаѣ, нѣтъ сомнѣнія, что звѣриный и рыбный промыслы въ Западно-Сибирской области создаютъ для ея населенія весьма значительныя цѣнности, на множество сотенъ тысячъ рублей, о чемъ можно судить, разумѣется, только по отдѣльнымъ фактамъ, какъ, напримѣръ, по тому, что при отдѣльныхъ попыт-

кахъ оцѣнить суммы, выручаемыя отъ продажи рыбныхъ произведеній въ одномъ Тарскомъ округѣ насчитанъ былъ уловъ въ 640 тыс. пуд. рыбы на 360 тысячъ рублей; на Ирбитской ярмаркѣ продается ежегодно пушнаго товару на сумму отъ 4 до 5 милл. рублей.

Горный промыселъ играетъ крупную роль въ экономической жизни двухъ мѣстностей Западно-Сибирской области, Алтайской и Томской и нѣкоторую, хотя весьма впрочемъ довольно второстепенную роль — въ Семипалатинской мѣстности.

Къ сожалѣнію, горный промыселъ въ Сибири до сихъ поръ устремленъ былъ преимущественно на добычу благородныхъ или вообще дорогихъ металовъ, медленное истощеніе запасовъ которыхъ приводитъ промыселъ въ постепенный упадокъ, между тѣмъ какъ добыча желѣза и каменнаго угля находится еще въ зародышномъ состояніи. Не смотря на значительный упадокъ въ добычѣ благородныхъ металовъ противъ прежнихъ годовъ, въ 1881 году было добыто золота въ Алтайской мѣстности 80 пудовъ, въ Томской 46 пуд., Семипалатинской 9 пуд.; серебра 463 пуда; свинца 41 тыс. пуд., мѣди 21 тыс. пуд. — все въ Алтайской мѣстности. Къ сожалѣнію, не смотря на громадные запасы въ Алтайской мѣстности желѣза и каменнаго угля, разработка этихъ богатствъ еще совершенно ничтожна: каменнаго угля въ 1881 году добыто около до 800 тыс. пуд., а желѣза выдѣлано только 10 тыс. пуд. и обширная Западно-Сибирская область свою потребность въ желѣзѣ покрываетъ привозомъ его изъ Урала. Если присоединить къ этому 1 мил. пуд. поваренной соли и болѣе 100 тыс. глауберовой, то этимъ и опредѣлится вся сумма горнаго промысла трехъ юго-восточныхъ мѣстностей Западно-Сибирской области.

Само собою разумѣется, что горный промыселъ въ Западно-Сибирской области занимаетъ, даже непосредственно, не малое число рабочихъ рукъ, а именно: число работниковъ, употребляемыхъ на горные промыслы Западной Сибири, какъ частныхъ, такъ и удѣльнаго вѣдомства, простирается нынѣ до 12 тысячъ. Кромѣ того изъ Томской мѣстности нѣсколько тысячъ человѣкъ уходятъ ежегодно на золотые промыслы сосѣдней Енисейской губерніи, принадлежащей къ Восточно-Сибирской области.

Остальная заводская и фабричная промышленность, имѣвшая въ первой половинѣ нынѣшняго вѣка весьма слабое развитіе въ Западно-Сибирской области, довольно быстро развивалась въ послѣднее тридцатилѣтіе, хотя промышленность эта ограничивается переработкою нѣкоторыхъ сырыхъ произведеній, преимущественно доставляемыхъ земледѣліемъ и скотоводствомъ, а мануфактурная промышленность, т. е. выдѣлка тканей находится еще въ зародышномъ состояніи. Тѣмъ не менѣе обработывающая промышленность, кромѣ горнаго промысла и не считая мелкихъ кустарныхъ промысловъ и мукомольныхъ мельницъ, занимаетъ въ Западно-Сибирской области нынѣ уже до 13 тыс. работниковъ и даетъ произведеній на сумму до 9 милліоновъ рублей. Переработывается на фабрикахъ и заводахъ Западной Сибири, разумѣется, главнымъ образомъ, избытокъ произведеній земледѣлія и скотоводства преимущественно для собственнаго, мѣстнаго потребленія, но отчасти и для сбыта за предѣлы области: хлѣбъ — въ вино и водку, а отчасти пиво и медъ, произведенія скотоводства — въ выдѣланныя кожи, овчины, топленое сало, свѣчи и мыло.

Первое мѣсто, по отношенію къ заводскому производству, занимаетъ, разумѣется, Тоболо-Ишимская мѣстность, какъ гуще населенная и наиболѣе подвинувшаяся впередъ въ экономическомъ развитіи ея населенія. Фабрики и заводы ея, при 9 тыс. рабочихъ, производили въ 1880 году на сумму 5,200,000 руб., въ томъ числѣ 294 кожевенныхъ на 2.200,000 руб.; 108 салотопенныхъ, свѣчныхъ и мыловаренныхъ — на сумму до милліона рублей, да 11 винокуренныхъ на 600 тыс. руб. Затѣмъ слѣдуетъ мѣстность Томская, которая въ непродолжительномъ времени несомнѣнно сдѣлается, какъ мы выразились, важнѣйшимъ первнымъ узломъ Западно-Сибирской области. Мѣстность эта, при 2,000 рабочихъ, производила въ 1880 году на 1,800,000 рублей; въ томъ числѣ 25 винокуренныхъ и пивоваренныхъ заводовъ произво-

дили вина и пива на 1.400,000 руб., удовлетворяя потребности не только своей мѣстности, но и Енисейскихъ золотыхъ промысловъ Восточной Сибири, и большаго сибирскаго тракта, гдѣ потребляется, разумѣется, большое количество хлѣбнаго вина. Фабрики и заводы Алтайской мѣстности (кромѣ горныхъ), занимая 900 работниковъ, производили въ 1880 году на 700 тыс. рублей, въ томъ числѣ вина на 280 тыс. и кожъ на 200 тысячъ. Немного меньшая сумма производства (600 тысячъ руб. при 850 работникахъ) приходится на мѣстность Тобольскую, въ которой 11 винокуренныхъ, водочныхъ и пивоваренныхъ заводовъ производятъ питей на 380 тысячъ руб. Наконецъ наименѣе развита заводская и фабричная промышленность въ мѣстности Барабинской, заводы которой, при 500 рабочихъ, производятъ не болѣе какъ на 450 тысячъ рублей.

Вообще, въ заводской дѣятельности Западной Сибири на первомъ планѣ, послѣ горнаго промысла, стоятъ, винокуреніе (на $3^1/_3$ мил. руб.), кожевенное и овчинное производство (на 3 мил. руб.), салотопленное и мыловаренное (на $1^1/_4$ мил. руб.).

Развитіе другихъ фабричныхъ производствъ находится въ Западной Сибири еще въ зародышѣ, но замѣтны уже попытки Сибиряковъ замѣнить далекій привозъ наиболѣе обращающихся произведеній промышленности изъ Европейской Россіи мѣстными. Къ такимъ попыткамъ относится суконная фабрика въ Тоболо-Ишимской мѣстности съ производствомъ грубаго сукна на 212 тысячъ рублей; стеклянные заводы Тобольской и Алтайской мѣстностей съ производствомъ на 86 тысячъ рублей и чугуно-литейные заводы Тоболо-Ишимской мѣстности съ такимъ же почти производствомъ.

Торговая промышленность Западно-Сибирской области имѣетъ весьма значительное развитіе. Этому способствуетъ, съ одной стороны, требующій внѣшняго сбыта значительный избытокъ тѣхъ немногихъ сырыхъ произведеній, которыя каждая мѣстность Сибири производитъ въ громадномъ количествѣ; съ другой—отсутствіе въ Сибири многихъ предметовъ необходимости, которые, не будучи производимы этою страной, должны быть привозимы издалека; съ другой стороны, на развитіе здѣсь торгово-промышленной дѣятельности должно вліять и выгодное транзитное положеніе Западной Сибири между Европейско-Русскими и Уральско-промышленными областями съ одной стороны, Восточною Сибирью и Китаемъ — съ другой, Киргизскими степями — съ третьей и инородческимъ сѣверомъ — съ четвертой стороны. Чтобы судить о размѣрахъ торговыхъ сношеній Западной Сибири съ Европейскою Россіею, достаточно припомнить размѣры оборотовъ знаменитой Ирбитской ярмарки, происходящей на границѣ Западно-Сибирской и Уральской областей. Обороты эти простираются отъ 50 до 80 милліоновъ рублей ежегодно и представляютъ собою далеко еще не полную цѣнность тѣхъ товаровъ, которые движутся въ ту и другую сторону черезъ границу Западно Сибирской области съ Европейскою Россіею. Въ числѣ этихъ товаровъ движутся изъ Западно-Сибирской области въ Европейскую Россію: пушной товаръ, дичь, рыба, хлѣбъ (на Уральскіе заводы), сало, кожи, овчины, кедровые орѣхи, мѣдь, благородные металлы, чай, азіятскій хлопокъ; изъ Европейской Россіи въ Сибирь — бумажныя, шерстяныя, льняныя и шелковыя мануфактурныя издѣлія, сахаръ, бакалейные товары, виноградныя вина, краски, желѣзныя, чугунныя и вообще металлическія издѣлія. Все это предназначается не только для удовлетворенія потребностей 2,700,000 тысячнаго населенія Западно-Сибирской области, но и транзитомъ въ Восточную Сибирь, Среднюю Азію и Китай.

Понятно, какое значеніе для области имѣютъ удобные пути сообщенія. Природа дала области исполинскую рѣчную систему, которая покрываетъ ее цѣлою сѣтью водныхъ путей. Это— величественная Обь, образующаяся изъ сліянія двухъ равносильныхъ вѣтвей: *Обской*, судоходной почти отъ самаго Бійска и своими правыми притоками — Томью, Чулымомъ и Кетью — почти соприкасающейся съ сосѣднею колоссальною Енисейскою водною системою Восточной Сибири, и *Иртышской*, судоходной отъ Семипалатинска и приближающейся своими лѣвыми притоками— Тоболомъ (съ Исетью и Турою) и Тавдою — къ Уралу. Въ непродолжительномъ времени вся

эта колоссальная рѣчная система Тюменскимъ участкомъ Уральской желѣзной дороги будетъ привязана къ Камѣ и Волжской системѣ.

Казалось бы, что въ виду многоводья Обско-Иртышской судоходной линіи, водная система эта можетъ вполнѣ удовлетворить потребностямъ страны въ удобныхъ торговыхъ путяхъ, но, къ сожалѣнію, водная сѣть Западной Сибири, какъ прекрасный и дешевый путь сообщенія, устроенный самою природою, имѣетъ свои значительные недостатки. Первый изъ этихъ недостатковъ — зависящая отъ климатическихъ условій краткость навигаціоннаго періода. Громадная дуга, образуемая воднымъ путемъ, идущимъ отъ Маріинска и Томска къ Тюмени, между Нарымомъ и Тобольскомъ вторгающаяся въ суровыя сѣверныя части Сибири, сокращаетъ навигаціонный періодъ до 3 мѣсяцевъ въ году, такъ какъ въ остальное время года водный путь болѣе или менѣе скованъ льдомъ, по крайней мѣрѣ въ сѣверной своей излучинѣ. Если принять въ соображеніе, что разстояніе отъ Томска до Тюмени, вдоль воднаго пути, никакъ не менѣе 2,500 верстъ, то понятно, что водный путь этотъ можетъ имѣть значеніе только при достаточномъ развитіи пароходства. Первый пароходъ на Обской системѣ былъ спущенъ въ Томскѣ въ 1845 году, но пароходство надлежащимъ образомъ развилось и стало перевозить милліонные грузы только въ послѣднее 20-тилѣтіе. Тѣмъ не менѣе, при упомянутыхъ условіяхъ навигаціи, товарное движеніе воднымъ путемъ далеко уступаетъ гужевому движенію; большой сибирскій трактъ, проходящій между Тюменью и Томскомъ по хордѣ громадной дуги, образуемой воднымъ путемъ на протяженіи 1,400 верстъ, имѣетъ бóльшее экономическое значеніе для области, чѣмъ водный путь, тѣмъ болѣе, что вдоль этого тракта сравнительно узкой полосою сгустилась и значительнѣйшая масса населенія области. Отъ этой, уже созданной вѣками, магистральной линіи едва ли когда-либо уклонится главный торговый путь, соединяющій Европейскую Россію съ дальнимъ Востокомъ. Въ послѣднее время Западная и Восточно-Сибирская области искали для избытка своихъ сырыхъ произведеній непосредственнаго выхода къ океану на дальнемъ сѣверѣ, въ негостепріимныхъ и необитаемыхъ устьяхъ Оби и Енисея. Хотя попытки эти увѣнчались успѣхомъ и доказали возможность торговыхъ сношеній устьевъ Оби и особенно же устьевъ Енисея съ европейскимъ Западомъ, но сношенія эти, даже и въ благопріятные годы, слишкомъ кратковременны, а потому Тюмень, по окончаніи желѣзной дороги къ ней отъ Екатеринбурга, останется навсегда главнымъ экономическимъ устьемъ всей водной Обско-Иртышской системы и, конечно, не уступитъ своего мѣста Обдорску, лежащему вглуби почти вѣчно замерзшей Обской губы.

Охарактиризовавъ какъ въ общихъ чертахъ, такъ и въ мѣстныхъ оттѣнкахъ, экономическое положеніе Западно-Сибирской области, въ которомъ выражается отношеніе населенія къ землѣ, какъ театру его дѣятельности и къ естественнымъ производительнымъ силамъ страны, мы постараемся сказать еще нѣсколько словъ въ разъясненіе того, что современное экономическое положеніе Сибири и ея населенія является результатомъ не случайности, а находится въ непосредственной зависимости какъ отъ природы разсматриваемой нами области, такъ и отъ ея исторіи.

Триста лѣтъ тому назадъ, піонеры русскаго народнаго движенія на Востокъ застали разсматриваемую нами область занятою рѣдкимъ инородческимъ населеніемъ, большею частію кочевымъ или бродячимъ, почти не занимавшимся земледѣліемъ, а промышлявшимъ звѣроловствомъ, рыбною ловлею, сборомъ дикорастущихъ произведеній растительнаго царства, кочевымъ скотоводствомъ и хищническою добычею, не требующею сложной заводской переработки металловъ.

Первые завоеватели Сибири, подчинивъ себѣ инородцевъ, захватили въ свои руки тотъ избытокъ естественныхъ произведеній, который оставался ежегодно у туземцевъ отъ собственнаго ихъ потребленія. Поэтому первые русскіе пришельцы въ Сибирь, поднимаясь на своихъ легкихъ стругахъ по сѣти сибирскихъ рѣкъ и заходя вглубь страны, разыскивали здѣсь бродячихъ инородцевъ и, въ видѣ ли ясака, въ видѣ ли мѣновой платы за доставленные имъ рус-

скіе товары, овладѣвали всѣмъ избыткомъ самыхъ цѣнныхъ произведеній инородческихъ промысловъ.

Но такая хищническая эксплуатація новопокоренной страны была бы невозможна, еслибъ она не опиралась на прочные, укрѣпленные пункты, занятые гарнизонами, и русская вольница, захватившая Западную Сибирь по частному почину, убѣдилась вскорѣ въ своемъ безсиліи упрочиться въ захваченной странѣ безъ укрѣпленныхъ стратегическихъ пунктовъ, которыхъ не была въ состояніи создать и поддерживать. Поэтому лица, стоявшія во главѣ народнаго движенія — Строгоновы и казацкіе атаманы, завоевавшіе Сибирь, — обратились за помощью и покровительствомъ въ Москву, къ русской государственной власти.

Государственная власть сдѣлала свое дѣло. Она создала и поддержала упомянутые опорные пункты въ видѣ городковъ и остроговъ, разсѣявшихся по всей поверхности эксплоатируемаго пространства. Подъ прикрытіемъ гарнизоновъ этихъ городковъ шли впередъ русскія колонизаціонныя партіи по обширной водной сѣти страны, но, разумѣется, эти водворяющіяся въ новооткрытой странѣ партіи состояли первоначально не изъ земледѣльцевъ, а изъ промышленниковъ, имѣвшихъ задачею эксплоатировать естественныя богатства Сибири старымъ новгородскимъ способомъ, сначала при посредствѣ обитавшихъ въ области инородцевъ сборами съ нихъ ясака и мѣновою торговлею, а потомъ и непосредственнымъ участіемъ въ наиболѣе прибыльныхъ ихъ промыслахъ. Такой исключительно промышленный, а не земледѣльческій характеръ имѣло очевидно исчисленное въ 1621 году всего только въ количествѣ 70 тысячъ русское населеніе всей Сибири (Восточной и Западной).

Правительственные агенты, регулировавшіе народное движеніе — воеводы и чиновники, посылаемые въ Сибирь изъ Москвы, — дѣйствовали совершенно въ духѣ народнаго движенія, т. е. поддерживали хищническую эксплоатацію страны. Они собирали часть ясака и въ пользу государственной казны, но не теряли изъ виду и своихъ корыстныхъ выгодъ.

Такъ это продолжалось до второй половины XVII вѣка, т. е. до тѣхъ поръ, пока не начали оскудѣвать экономическія силы инородцевъ, сначала поднятыя до искусственно-высокаго уровня усиленнымъ запросомъ на произведенія ихъ промысловъ. Начало уменьшаться количество цѣннаго пушнаго звѣря въ лѣсахъ, начало уменьшаться даже и число самыхъ инородцевъ, поставленныхъ въ тяжелыя кабальныя отношенія къ русскимъ пришельцамъ. Въ виду болѣе и болѣе увеличивающагося количества русскихъ переселенцевъ, промыслы, приносившіе имъ первоначально громадныя выгоды, становились все менѣе и менѣе прибыльными.

Одновременно съ такимъ измѣненіемъ экономическихъ условій Западно-Сибирской области долженъ былъ измѣниться и характеръ переселенія. Измѣнившіяся условія требовали осѣдлой, земледѣльческой колонизаціи, которая, впрочемъ, неизбѣжно должна была замедляться тѣмъ, что и въ Европейской Россіи, на ея южной и юго-восточной окраинѣ — въ Новороссійскихъ, Приволжскихъ и Заволжскихъ степяхъ — было еще много свободныхъ для колонизаціи земель, отвлекавшихъ переселенцевъ отъ Сибири.

Нашлись однакоже и въ средѣ русскаго земледѣльскаго населенія элементы, для которыхъ переселенія на отдаленнѣйшія окраины были отчасти экономическою, отчасти нравственною потребностью. Это были люди, искавшіе себѣ свободы отъ возрастающаго въ своей силѣ крѣпостнаго права и отъ гоненій религіозныхъ — бѣглые холопы, гонимые староверы и раскольники. Одни находили въ гостепріимной Сибири свободныя отношенія къ землѣ, другіе—свободныя отношенія къ предметамъ ихъ вѣрованія, а всѣ безъ исключенія—просторъ и обиліе даровъ природы. Областью водворенія этихъ, бѣжавшихъ безъ оглядки изъ своей родины, переселенцевъ была сначала степная Зауральская (Ирбитская) мѣстность нашей естественной Уральской области, затѣмъ Тоболо-Ишимская мѣстность Западно-Сибирской, и только впослѣдствіи, въ XVIII вѣкѣ, земледѣльческая колонизація начала проникать въ мѣстности Барабинскую, Алтайскую и южныя части Тобольской и Томской.

Но этой земледѣльческой колонизаціи, при всемъ плодородіи дѣвственной почвы, обиліи земель и угодій, пришлось выдержать тяжелую борьбу за свое существованіе отъ набѣговъ обитавшихъ па югѣ Сибири кочевниковъ, до такой степени разорявшихъ русскія мирныя земледѣльческія поселенія до половины XVIII вѣка, что развитіе ихъ шло крайне туго и медленно, по крайней мѣрѣ въ теченіе всей первой половины втораго столѣтія русскаго владычества. Къ 1709 году во всей Сибири, какъ Западной, такъ и Восточной, оказалось только 220 тыс. жителей, большая половина которыхъ принадлежала уже, разумѣется, къ осѣдлому земледѣльческому населенію.

Но и это населеніе не могло обойтись безъ помощи русской государственной власти, которая должна была, въ теченіе всего втораго столѣтія обладанія Россіи Сибирью, напрягать всѣ усилія для огражденія развивающейся гражданственности сибирскихъ земледѣльческихъ поселеній съ юга цѣлымъ рядомъ укрѣпленій, образовавшихъ длинныя линіи, наподобіе Ишимской, и рядомъ военныхъ поселеній, вдоль всей южной окраины Западной Сибири организованныхъ въ Сибирское казачье войско, постепенно выдвигаемое впередъ по мѣрѣ развитія свободной земледѣльческой колонизаціи въ Западной Сибири. Только подъ защитою такой сильно укрѣпленной окраины могло водвориться и окрѣпнуть въ Западной Сибири, въ бывшемъ Оренбургскомъ генералъ-губернаторствѣ и въ нижневолжскихъ губерніяхъ, водворявшееся тамъ въ теченіе послѣднихъ полутора вѣковъ осѣдлое населеніе, нынѣ составляющее въ совокупности свыше 11 милліоновъ русскаго населенія. Можно смѣло сказать, что эти милліоны русскаго народа, играющіе столь видную роль въ русской производительности, — такъ какъ они занимаютъ большею частію плодороднѣйшія естественныя области, — обязаны не только своимъ благосостояніемъ, но и существованіемъ той полутора-вѣковой борьбѣ, которую съ такимъ успѣхомъ вела русская государственная власть съ кочевниками нынѣшнихъ Степнаго и Туркестанскаго генералъ-губернаторствъ, — борьбѣ, вызванной исключительно защитою русской колонизаціи на отдаленномъ юго-востокѣ, шагъ за шагомъ приведшей Россію къ подчиненію сначала Киргизскихъ ордъ, потомъ Туркестанскихъ независимыхъ владѣній. Даже и съ занятіемъ Ахалъ-Текинскаго оазиса на отдаленной персидской границѣ борьба эта не вполнѣ закончена.

Исполнивъ свою историческую роль по отношенію къ защитѣ развивающейся колонизаціи, правительство весьма мало стѣсняло сибирскихъ переселенцевъ въ ихъ отношеніяхъ къ естественнымъ производительнымъ силамъ страны, ими занятой. При совершенномъ почти отсутствіи туземнаго земледѣльческаго населенія и отсутствіи между инородцами понятія о земельной собственности, отношенія водворявшихся въ Сибири земледѣльческихъ партій къ землѣ были совершенно свободны. Группа самовольныхъ переселенцевъ занимала пустопорожнія земли, по своему выбору строила такъ называемыя заимки, т. е. мелкіе поселки, имѣющіе характеръ хуторовъ, сплачивалась въ поземельныя общины, и только тогда ближайшіе воеводы зарегистровывали и тѣмъ самымъ, такъ сказать, узаконивали совершившійся фактъ. Въ распредѣленіе земель между членами общинъ никто не вмѣшивался, захватный способъ пользованія землею выработался самъ собою. Въ силу экономическихъ условій, само собою образовалось впослѣдствіи крайнее неравенство въ достаточности отдѣльныхъ крестьянскихъ семей и дворовъ, придавшее сибирской общинѣ замѣченный въ ней новѣйшими наблюдателями, такъ сказать, олигархическій характеръ, выражающійся въ экономическомъ подчиненіи недостаточныхъ хозяйствъ тѣмъ, которыя, такъ или иначе, при помощи или безъ помощи кулачества, умѣли создать себѣ болѣе или менѣе значительные капиталы и богатства.

Само собою разумѣется, что правители-воеводы, которыхъ ставило Московское государство, не всегда отличались честностью и нравственностью, но, будучи выбираемы все-таки изъ лучшихъ московскихъ дворянскихъ и боярскихъ родовъ, они едва ли вообще были хуже тѣхъ, которые въ тѣ времена посылались на воеводства въ различныя части Европейской Россіи.

Въ 1708 году управленіе Сибирью было централизовано учрежденіемъ Сибирской губер-

ніи, которая, впрочемъ, кромѣ нашихъ Восточно- и Западно-Сибирской областей, заключала въ себѣ еще и большую часть Уральской области, т. е. громадную, но малолюдную территорію, въ то время едва-ли содержавшую въ себѣ болѣе полумилліона населенія.

Только въ 1727 году отдѣлены отъ Сибири Вятская и Соликамская провинціи, въ 1736 году управленіе Восточной Сибири отдѣлено отъ управленія Западной, а въ 1782 году учреждены уже два намѣстничества — Тобольское и Иркутское.

Со второй половины XVIII вѣка земледѣльческая колонизація Западной Сибири, — твердо защищенная отъ набѣговъ не только вновь укрѣпленною въ 1755 г. линіею Звѣриноголовскою, замѣнившею прежнюю Ишимскую, но и всею совокупностью государственныхъ мѣропріятій, — пошла такъ успѣшно, что къ 1812 въ Западно-Сибирской области было уже 450 тыс. населенія. Со второй половины XVIII вѣка, — какъ времени упроченія русской осѣдлой земледѣльческой колонизаціи за Ураломъ, — собственно и начинается исторія Сибири, какъ осѣдлой земледѣльческой русской колоніи.

Въ XIX столѣтіи, когда уже сформировалось вполнѣ административное гражданское управленіе Сибири (въ 1804 году отдѣлена Томская губернія отъ Тобольской, а съ 1822 учреждено Западно-Сибирское генералъ-губернаторство, просуществовавшее до 1882 года), казалось бы, что притокъ самовольнаго переселенія въ Сибирь долженъ былъ бы значительно уменьшиться, по крайней мѣрѣ до упраздненія въ 1861 году крѣпостнаго права. Между тѣмъ мы видимъ, что цыфра населенія Западной Сибири въ 1850 г. уже достигла до 1 милліона, т. е. съ 1812 по 1850 годъ, въ 38 лѣтъ, увеличилась на 550 тыс. Если изъ этого числа положить 130 тыс. на естественный приростъ населенія, а 70 тыс. на ссыльныхъ, то все-таки окажется, что не менѣе 350 тыс. человѣкъ, т. е. среднимъ числомъ отъ 8 до 10 тыс. переселялось ежегодно въ Западную Сибирь добровольно или, правильнѣе сказать, самовольно. Правительство въ этотъ періодъ времени не вызывало такихъ переселеній и не содѣйствовало имъ, ограничиваясь только регулированіемъ переселеній государственныхъ крестьянъ, но отъ времени до времени утверждало произвольныя переселенія, приписывая самовольно переселившихся къ новымъ мѣстамъ ихъ жительства.

Русская государственная власть, какъ въ продолженіе всей второй половины XVIII вѣка, такъ и въ первой половинѣ XIX столѣтія, предоставляла полной свободѣ отношенія къ землѣ сибирскаго населенія. Она не ввела въ Сибири крѣпостнаго права, о введеніи котораго ходатайствовали сибирскіе депутаты Екатерининской коммисіи, не стѣсняла и даже не регулировала никакими законоположеніями способы пользованія землею и распредѣленія ея между членами каждой общины и только ограничила, — да и то далеко не повсемѣстно, а лишь тамъ, гдѣ наиболѣе сгустилось населеніе, — опредѣленными отводами количество земель, поступающихъ въ надѣлъ отдѣльныхъ общинъ.

Единственнымъ крупнымъ въ Сибири фактомъ, истекшимъ изъ понятій о крѣпостныхъ отношеніяхъ, были обязательныя работы на заводахъ крестьянъ и мастеровыхъ, приписанныхъ къ Алтайскому горному округу.

Въ 1861 году совершилась великая реформа, измѣнившая аграрныя отношенія сельскаго населенія въ Европейской Россіи. Непосредственно до Сибири, въ которой оказалось только менѣе 2,000 душ. муж. пола крѣпостныхъ, положеніе 19 февраля 1861 года почти и не коснулось; но весьма важнымъ послѣдствіемъ крестьянской реформы была постепенная отмѣна обязательныхъ работъ на Алтайскихъ заводахъ и освобожденіе изъ несомнѣнно крѣпостной зависимости цѣлаго класса горно-заводскихъ мастеровыхъ, численность которыхъ превышала 43,500 человѣкъ, между тѣмъ какъ численность крестьянъ, приписанныхъ къ Алтайскимъ заводамъ, простиралась до 311 тыс. об. п.

Несравненно болѣе важнымъ для будущности Сибири было то вліяніе, которое отмѣна крѣпостнаго права въ Европейской Россіи должна была оказать на дальнѣйшій ходъ сибирской

колонизаціи. Трудно было даже накапунѣ отмѣны крѣпостнаго права предсказать, усилится ли или уменьшится вслѣдствіе измѣненія аграрныхъ отношеній въ Россіи стремленіе русскаго сельскаго населенія къ выселеніямъ въ Сибирь.

Нѣкоторыя изъ причинъ, вызывавшихъ переселенія въ Сибирь, перестали оказывать свое вліяніе: прекратились побѣги недовольныхъ крѣпостными отношеніями; прекратились и бѣгства старовѣровъ и раскольниковъ, отъ воздвигавшихся на нихъ гоненій; со времени перехода крестьянъ бывшихъ государственныхъ въ вѣдѣніе министерства внутреннихъ дѣлъ прекратились даже и переселенія государственныхъ крестьянъ, организовавшіяся въ прежнія времена министерствомъ государственныхъ имуществъ. Вслѣдствіе этого, переселенія въ Сибирь, какъ въ годы непосредственно предшествовавшіе эпохѣ освобожденія крестьянъ, такъ и въ первые годы, послѣдовавшіе за этою эпохою, значительно сократились.

Зато со времени проведенія положеніемъ 19 февраля, при посредствѣ уставныхъ граматъ и владѣнныхъ записей, опредѣленной грани между тѣми землями, которыя поступили въ надѣлъ крестьянамъ, и тѣми, которыя остались въ полной личной собственности владѣльцевъ, а также въ непосредственномъ распоряженіи казны, явился другой, весьма могущественный стимулъ для колонизаціи на далекихъ окраинахъ. Быстро приростающему, вслѣдствіе измѣненія экономическихъ условій, населенію становится тѣсно на отведенныхъ ему надѣлахъ, въ особенности тамъ, гдѣ свободныхъ и недорогихъ для найма земель не существуетъ, и крайнее вздорожаніе наемныхъ платъ за пахатныя земли и паденіе цѣнъ на рабочія руки прямо указываетъ на то, что народонаселеніе, во многихъ мѣстностяхъ земледѣльческой полосы Европейской Россіи доходитъ до предѣловъ вмѣстимости для населенія данной мѣстности при ея экономическихъ условіяхъ. Само собою, что измѣненіе этихъ условій можетъ увеличить и емкость мѣстности для населенія, но такое измѣненіе происходитъ медленнѣе, чѣмъ растетъ населеніе. Поэтому нынѣшнимъ поколѣніямъ не остается другаго выхода, какъ выбрасывать избытокъ населенія путемъ колонизаціи на многоземельныя еще окраины государства.

Посмотримъ теперь, въ какой мѣрѣ оправдываются высказанныя здѣсь соображенія. Съ 1850 по 1883 годъ, въ 33 года, населеніе Западно-Сибирской области увеличилось на полтора милліона. Полагая на естественный приростъ населенія за этотъ періодъ отъ 200 до 300 тыс., на ссыльныхъ (по имѣющимся даннымъ) отъ 200 до 250 тыс. (что конечно преувеличено, потому что ссыльное населеніе не даетъ естественнаго прироста), — оказывается, что добровольно выселилось въ Западно-Сибирскую область не менѣе 1 милліона человѣкъ, т. е. среднимъ числомъ по 30 тыс. человѣкъ въ годъ. Такимъ образомъ колонизація Сибири въ послѣднее 30-тилѣтіе сдѣлалась втрое сильнѣе противъ предшествовавшаго періода, не смотря на отсутствіе со стороны правительства не только какихъ бы то ни было искусственныхъ поощреній, но даже и простыхъ регулирующихъ мѣръ, могущихъ предупредить экономическія бѣдствія и сильную смертность между поселенцами, которые идутъ въ Сибирь не на заранѣе отведенныя и приготовленныя имъ земли, а на удачу. При отсутствіи же этой удачи переселенческія партіи бываютъ вынуждены возвращаться на родину, разбрасывая по дорогѣ свое имущество и своихъ умирающихъ. Для насъ несомнѣнно, что Западно-Сибирская область, къ концу трехсотлѣтія ея открытія и занятія Русскими, вступаетъ въ тотъ фазисъ, когда притокъ русской добровольной колонизаціи будетъ направляться въ разсматриваемую нами область, вслѣдствіе экономическихъ условій какъ метрополіи, такъ и колоніи, съ неудержимою силою. Значитъ, тѣмъ важнѣе становится, какъ для Сибири, такъ и для Россіи, вопросъ, насколько настоящее и будущее населеніе Сибири сможетъ справиться съ естественными производительными силами страны и эксплоатировать ея богатства.

Нынѣшнее сибирское населеніе, — находящееся съ юношескихъ лѣтъ въ постоянной борьбѣ съ дикими, почти дѣвственными силами природы, вынужденное естественными условіями къ большой подвижности, никогда не бывшее крѣпкимъ землѣ, пользовавшееся со времени

своего водворенія въ Сибири и большимъ просторомъ, и большою свободою передвиженія и дѣйствій,—несомнѣнно развитѣе, бойчѣе и зажиточнѣе сельскаго населенія русскихъ земледѣльческихъ губерній. Развитіе это впрочемъ пріобрѣтено сибирскимъ населеніемъ попреимуществу только практикою и школа еще недостаточно ему содѣйствовала. Однакоже и въ этомъ отношеніи замѣтно улучшеніе въ послѣднее 30-тилѣтіе. Въ 1855 году низшихъ школъ въ разсматриваемой области было 274 съ 8,326 учащимися мальчиками и 200 дѣвочками; въ 1880 г. уже 607 съ 16,300 мальчиками и 3,824 дѣвочками, т. е. число низшихъ школъ и учащихся въ нихъ мальчиковъ удвоилось, а дѣвочекъ увеличилось въ 19 разъ. Тѣмъ не менѣе число учащихся въ школахъ мальчиковъ едва превосходитъ 12% учебнаго возраста для элементарнаго образованія. Помимо школьнаго обученія, крайне затрудняемаго въ Сибири громадными разстояніями между селеніями, производится и домашнее обученіе грамотности, въ особенности въ старовѣрческихъ семействахъ. Если принять въ соображеніе, что между ссыльно-поселенцами процентъ довольно грамотныхъ сравнительно значителенъ, то несомнѣнно, что до конца 60-хъ годовъ нынѣшняго столѣтія процентъ грамотныхъ въ сельскомъ населеніи Западной Сибири былъ значительнѣе, чѣмъ въ центральныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ Европейской Россіи; но несомнѣнно также и то, что эти губерніи въ послѣднія 15 лѣтъ опередили Западную Сибирь, благодаря, главнымъ образомъ, усиліямъ земскихъ учрежденій, въ Сибири еще не существующихъ. Впрочемъ, абсолютное число грамотныхъ и пропорція ихъ по возрастамъ въ сельскомъ населеніи можетъ быть опредѣлена только путемъ правильной народной переписи, а при отсутствіи всякой вообще переписи съ 1858 года (ревизія 1858 года также не опредѣлила числа грамотныхъ) всѣ свѣдѣнія, приводимыя въ различныхъ сочиненіяхъ о пропорціи грамотныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи, лишены должнаго основанія. Нѣкоторое значеніе въ отношеніи къ немногимъ возрастамъ имѣютъ свѣдѣнія о грамотности, получаемыя во время призыва къ отбыванію воинской повинности.

Въ Западно-Сибирской области собственно нѣтъ высшаго сословія, такъ какъ слабое численностью потомственное дворянство состоитъ здѣсь преимущественно изъ семействъ служащихъ въ Сибири чиновниковъ и не опирается на землевладѣніе. Самая пропорція средняго по состоянію и сколько-нибудь образованнаго класса до крайности еще слаба своею численностью и состоитъ изъ семействъ тѣхъ же чиновниковъ и купечества, т. е. небольшой части населенія малолюдныхъ городовъ, дающихъ немногочисленный контингентъ среднимъ учебнымъ заведеніямъ области, далеко не удовлетворяющій запросамъ области на образованіе.

Большее усиленіе средняго образованія замѣтно однакоже въ Западной Сибири въ послѣднее 30-тилѣтіе. Въ 1855 году въ 4 среднихъ учебныхъ заведеніяхъ области было 704 учащихся мальчиковъ, въ 1880 г. въ 25 среднихъ учебныхъ заведеніяхъ число учащихся мальчиковъ дошло до 1,700, а дѣвочекъ до 2,160, значитъ, среднее мужское образованіе увеличилось въ $2^1/_2$ раза, женское же — возникло вновь. Въ числѣ нынѣшнихъ среднихъ учебныхъ заведеній находятся 3 классическія гимназіи, 2 реальныхъ училища, 2 духовныя семинаріи, военная гимназія и прогимназія, учительская семинарія и 15 женскихъ гимназій и прогимназій.

Заведеній для высшаго образованія въ Сибири не существуетъ, между тѣмъ потребность въ высшемъ образованіи въ сибирскомъ обществѣ становится все болѣе и болѣе ощутительною, и Сибиряки въ значительномъ количествѣ тянутся въ университеты казанскій и оба столичные, также какъ и въ горный институтъ. Къ сожалѣнію, многолѣтнее пребываніе вдали отъ родины порываетъ въ молодыхъ людяхъ связь съ нею, и рѣдко случается, что молодые люди, получившіе высшее образованіе, возвращаются въ далекую Сибирь.

Вотъ почему въ послѣдніе годы у Сибиряковъ явилось горячее желаніе основать университетъ въ самой Сибири. Желаніе это осуществляется. Покойный Императоръ, въ царствованіе котораго народное образованіе сдѣлало во всей Имперіи столь громадные успѣхи, разрѣшилъ основаніе университета въ Томскѣ, къ постройкѣ котораго уже и приступлено въ

1880 г. Сочувствіе Сибиряковъ къ своему будущему университету выразилось въ пожертвованіяхъ, дошедшихъ до 516 тыс. рублей.

Остается надѣяться, что усиленіе средняго и высшаго образованія Западно-Сибирской области дастъ ей именно то, чего ей недостаетъ нынѣ: достаточный для столь громадной по пространству и уже имѣющей значительную абсолютную цифру населенія страны, — контингентъ просвѣщенныхъ мѣстныхъ дѣятелей, безъ которыхъ невозможно ни экономическое развитіе страны, ни вполнѣ удовлетворительное управленіе ею.

Едва ли справедливо сказать, что въ теченіе нынѣшняго столѣтія мало прилагалось стараній объ улучшеніи администраціи Сибири. Между высшими сибирскими администраторами мы встрѣчаемъ такія достойныя имена, какъ Гр. Сперанскій и Гр. Муравьевъ-Амурскій, которыхъ долго будетъ помнить русская исторія. Въ частности же весь рядъ послѣднихъ 6 генералъ-губернаторовъ Западной Сибири, стоявшихъ во главѣ ея управленія съ сороковыхъ годовъ, состоялъ изъ людей честныхъ и просвѣщенныхъ, и между губернаторами сибирскихъ губерній встрѣчались люди, выходящіе изъ обыкновеннаго уровня по своимъ дарованіямъ.

При всемъ томъ, не смотря на лучшія намѣренія и нелишенныя энергіи усилія высшихъ администраторовъ края, имъ не удалось, однако, искоренить злоупотребленія, пустившія глубокіе корни въ средѣ мелкаго и средняго чиновничества Сибири. Замѣчательно, что злоупотребленія эти зачастую находили себѣ опору въ томъ именно учрежденіи, которое создано было, по мысли одного изъ свѣтилъ въ исторіи русскаго законодательства, Гр. Сперанскаго, именно съ цѣлію противодѣйствовать подобнымъ злоупотребленіямъ. Мы говоримъ о главныхъ совѣтахъ управленія Западною и Восточною Сибирью, изъ коихъ первый уже нынѣ упраздненъ, съ упраздненіемъ генералъ-губернаторства..

Очевидно, что административныя злоупотребленія мелкаго чиновничества составляютъ въ Сибири общественную, эндемическую язву. Только желѣзной волѣ Гр. Муравьева-Амурскаго удалось, при помощи привлеченныхъ лично имъ изъ метрополіи свѣжихъ и безупречныхъ силъ, побороть на время злоупотребленія въ Восточной Сибири. Но и эта побѣда оказалась эфемерною, такъ какъ время и вліяніе мѣстной среды и мѣстныхъ условій постепенно разсѣяло эти силы, отчасти парализовало ихъ и привело всѣ явленія административной жизни къ мѣстному уровню, не слишкомъ возвысившемуся надъ прежнимъ.

Это доказываетъ, что зло издавна, исторически сложившееся въ общественной средѣ и принявшее эндемическій характеръ, можетъ исчезнуть только медленнымъ измѣненіемъ самой этой среды, подъ вліяніемъ хорошо направленной школы, удовлетворительно организованнаго суда и развитія болѣе самостоятельныхъ чѣмъ нынѣ мѣстныхъ общественныхъ учрежденій, поставленныхъ въ гармоническія отношенія къ административнымъ.

Все это сознается мѣстными передовыми силами, все это съ неменьшею ясностью понимается и въ метрополіи. Но для послѣдней, прошедшей черезъ долгій и разнообразный опытъ управленія своими отдаленными окраинами, яснѣе представляются и всѣ тѣ затрудненія, которыя встрѣтитъ на первыхъ порахъ развитіе упомянутыхъ учрежденій въ обширныхъ областяхъ, въ которыхъ еще такъ слаба пропорція культурныхъ, т. е. просвѣщенныхъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ классовъ общества, по отношенію къ некультурнымъ.

Этими затрудненіями и объясняется то явленіе, что, при введеніи судебной и земской реформъ въ Имперіи, Западная и Восточная Сибирь оставались въ сторонѣ, какъ и всѣ, вообще, наши отдаленныя и слабо населенныя окраины.

Но несомнѣнно, что недалеко то время, когда, согласно выраженной съ высоты Престола державной волѣ, Сибирь получитъ возможность воспользоваться, нераздѣльно съ Россіею, одинаковыми правительственными и общественными учрежденіями и благами просвѣщенія.

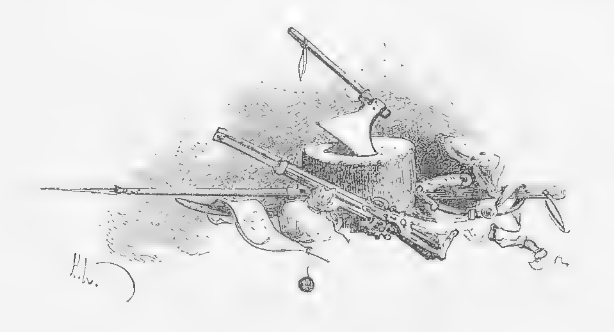
При существованіи такихъ учрежденій и проведеніи необходимѣйшихъ для обширной Западно-Сибирской области желѣзныхъ путей, при обдуманномъ регулированіи естественнаго стрем-

ленія избытка населенія многихъ мѣстностей Россіи къ заселенію Западной Сибири, — достаточно будетъ полвѣка на удвоеніе населенія, нынѣ слишкомъ рѣдкаго для успѣшной эксплоатаціи естественныхъ богатствъ Сибири, и на развитіе въ ней самостоятельной фабричной и заводской дѣятельности, которая могла-бы не только удовлетворить необходимѣйшія потребности мѣстнаго сибирскаго населенія, но и упрочить экономическое вліяніе сто-милліонной русской народности на 400-милліонный дальній востокъ Стараго Свѣта. Только тогда Западно-Сибирская область, при помощи постепенно развивающихся образованныхъ слоевъ сибирскаго общества, достигнетъ той степени экономическаго и духовнаго развитія, которое упрочитъ достаточно самостоятельную дѣятельность ея общественныхъ учрежденій и положитъ предѣлъ тѣмъ административнымъ неурядицамъ, которыя не въ силахъ была вполнѣ побороть высшая администрація края, даже и тогда, когда она была представлена просвѣщенными и благомыслящими людьми.

При этомъ, конечно, рѣшительно немыслимо опасеніе, что самостоятельное экономическое и общественное развитіе естественной и культурно-исторической области, нами разсматриваемой, могло бы способствовать къ порванію органической связи между метрополіею, населившею и продолжающую населять Западную Сибирь, и этою колоніею. Раздѣльною линіею той и другой служатъ не моря и океаны, а низкій пересѣкающійся желѣзнымъ путемъ, хребетъ, который не служитъ, подобно Альпамъ, Пиренеямъ и даже Кавказу, преграждающею народныя сношенія стѣною, а завязываетъ самые крѣпкіе узлы между населеніемъ, живущимъ по обѣимъ его сторонамъ, вслѣдствіе того, что, благодаря легкопроходимости этого кряжа, по обоимъ его склонамъ развилась горная промышленность, въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Развитіе этой важной отрасли народной промышленности, которая одинаково нуждается въ содѣйствіи, съ одной стороны, Западной Сибири, откуда заводскіе округи получаютъ свои средства продовольствія, съ другой — Россіи, откуда Уральская промышленность беретъ орудія и средства для дѣятельности и куда сбываетъ большинство своихъ произведеній, давно превратило Уральскій хребетъ изъ раздѣлительной полосы между Россіею и Сибирью въ соединительную.

Нужно помнить наконецъ еще и то, что болѣе 90% населенія Западно-Сибирской области состоитъ изъ коренныхъ русскихъ, непрерывно пополняемыхъ свѣжимъ притокомъ никогда не прерывавшейся исключительно-русской колонизаціи. Это еще болѣе укрѣпляетъ увѣренность, что населеніе страны, какъ бы оно ни было проникнуто тою трогательною любовью къ своей Сибири, которая характеризуетъ Сибиряка, сбережетъ, какъ святыню, самую доблестную черту своихъ предковъ — свою вѣрность русской народности, у которой тяготѣніе къ единому русскому престолу и государству было всегда самымъ завѣтнымъ стремленіемъ.

П. П. Семеновъ.

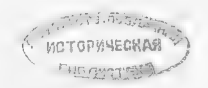

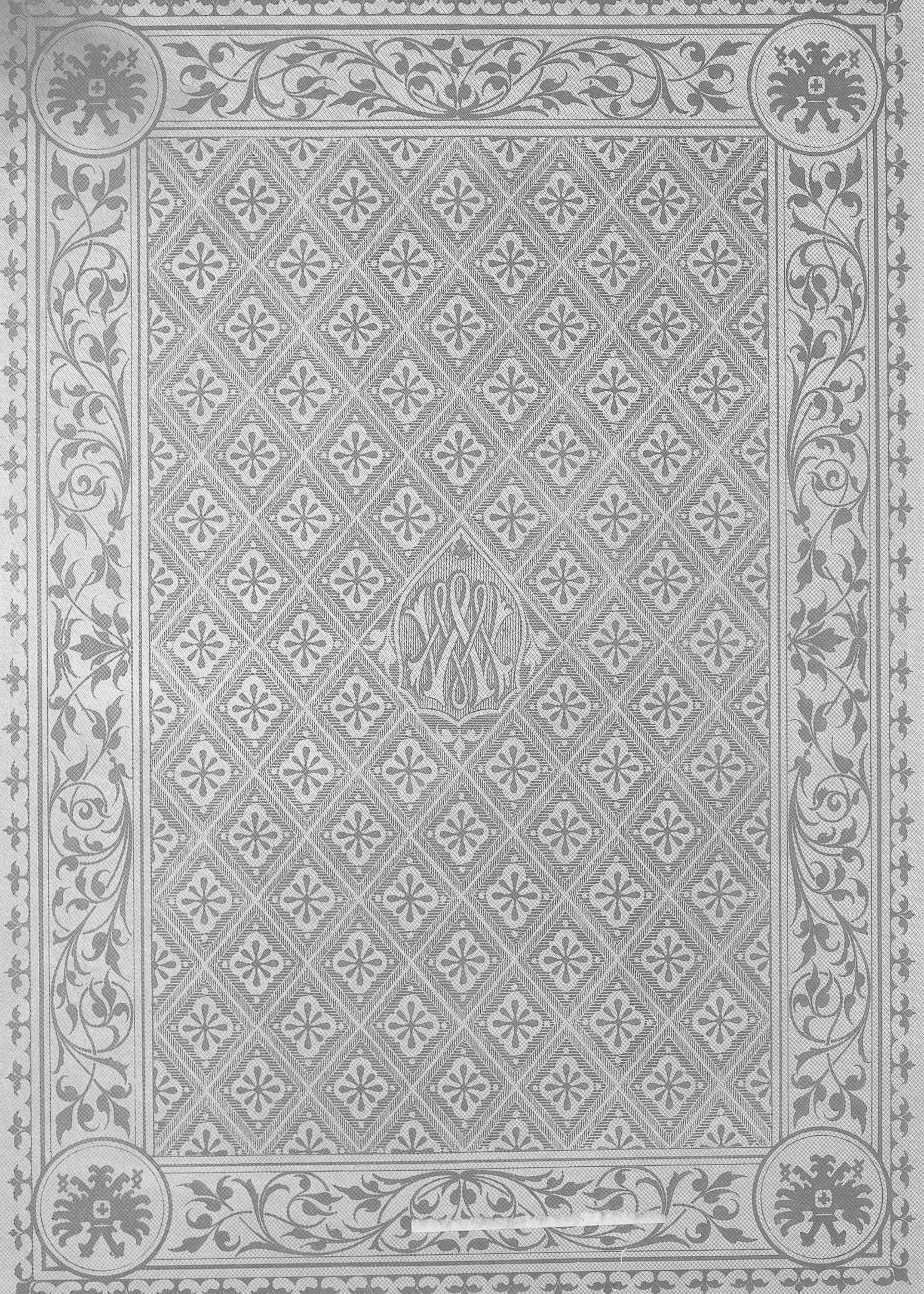
ТОМА XI-го.

ЗАПАДНАЯ СИБИРЬ.

КОНЕЦЪ ОДИННАДЦАТАГО ТОМА.

ОПЕЧАТКА: На страницѣ 67, въ строкѣ 26 напечатано: «въ 1857 году»; должно быть: «въ 1587 году».

СКАНИРОВАНИЕ
ЭДД
D2; с. 275-278; 323-326
Огл.
02.02.06

